

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

имени Н.М. Римашевской – структурное подразделение ФГБУН
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Сборник

VII Международной научно-практической конференции

СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

ISBN 978-5-4465-4573-5

9 785446 545735 >

26-27 июня 2025

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
имени Н.М. Римашевской – структурное подразделение ФГБУН
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

МАТЕРИАЛЫ

VII Международной научно-практической
конференции

«СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ»

Москва – 2025

УДК 316.4
ББК 60.56
С69

Утверждено к печати Учёным советом ИСЭПН ФНИСЦ РАН

Научный редактор:

В.В. Локосов – член-корр. РАН, директор ИСЭПН ФНИСЦ РАН

Редакционная коллегия:

А.И. Антонов (МГУ), В.М. Карпова, С.В. Ляликова,
Т.А. Игнатова (ИСЭПН ФНИСЦ РАН), О.Н. Махрова
(ЦЭМИ РАН, ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Рецензенты:

д.э.н., вед.н.с. Ю.В. Дмитриева (ИСЭПН ФНИСЦ РАН)
д.э.н., вед.н.с. С.В. Чернявский (ЦЭМИ РАН)

С69

Социальная динамика населения и человеческий потенциал:
Материалы VII Международной научно-практической конференции
(Москва, 26–27 июня 2025 г.) / науч.ред. В.В. Локосов. – М: ИСЭПН
ФНИСЦ РАН, 2025. – 641 с.

ISBN 978-5-4465-4573-5

Сборник опубликован по итогам работы VII Международной научно-практической конференции «Социальная динамика населения и человеческий потенциал», состоявшейся 26–27 июня 2025 г. Сборник включает в себя тезисы участников мероприятия, тексты публикуются в авторской редакции, мнение Оргкомитета может не совпадать с позицией авторов. Предназначено для демографов, социологов – ученых и практиков, а также всех, кто интересуется современными социально-демографическими и экономическими проблемами.

Ключевые слова: социальная динамика населения, рождаемость, смертность, брачность, разводимость, семейно-демографическая политика, жилищная политика, самосохранительное поведение, экономическое поведение населения.

Population social dynamics and human potential: VII International Scientific and Practical Conference, June 26–27, 2025, Moscow, ISEPN FNISC RAS / ed. By V.V. Lokosova. – M. 2025. – 641 p.

The book presents the results of the 6th International Scientific and Practical Conference “Population social dynamics and human potential”, held on June 26–27, 2025, on the initiative of the ISEPS FNISRs RAS. Texts are published in the author's edition; the opinion of the Organizing Committee may not correspond with authors' position. The publication is meant for demographers, sociologists – scientists and practitioners, as well as all those interested in modern socio-demographic and economic problems presented in the frame – work of this event.

Keywords: population social dynamics, fertility, mortality, nuptiality, divorce rate, family-demographic policy, housing policy, self-preserving behavior, economic behavior of the population.

При цитировании ссылка на издание и правообладателей обязательна.

УДК 316.4
ББК 60.56

ISBN 978-5-4465-4573-5

© Авторы статей, 2025
© ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2025

Оглавление

О МЕРОПРИЯТИИ.....	19
СЕКЦИЯ 1. ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ СЕМЕЙ И СЕМЕЙНО-ДЕТНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ.....	21
АНТОНОВ А.И. ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И ЗНАНИЙ О НИХ.....	21
БЕЗРУКОВА О.Н., САМОЙЛОВА В.А. Роль отца в формировании семейных и репродуктивных установок подростков.....	23
БУРЦЕВА В.С. Индекс дружелюбности жилой среды для молодых семей с детьми: методология оценки и практическое применение	25
БЫКОВА Н.О., ТУПИКОВА С.Е. Социологический анализ современных моделей асимметричных по возрасту браков	27
ГРИЦАЙ Л.А. Традиционные ценности как фактор формирования репродуктивных установок молодежи	30
ДЕНИСОВА А.В. Барьеры на пути к семьедетному образу жизни в России и возможные способы их преодоления	32
ДИВИНА О.И. Использование суммарного коэффициента для анализа рождаемости	35
ДУДИН Г.А. Семьедетный потенциал: понятие и проблемы.....	38
ЖАВОРОНКОВ А.В., БУТАЕВ Э.И., ВОРОНИНА Н.С. Семантика капитала в контексте цивилизационного подхода	40
КАРПОВА В.М. К вопросу об измерении репродуктивных установок.....	45
КОВАЛЕВСКАЯ Е.В. Отношение россиян к семье и детям.....	47
ЛАТЫШЕВ О.Ю., ЛАТЫШЕВА П.А., ЛУИЗЕТТО МАУРО FOSTER FAMILY AS A FORM OF PLACEMENT FOR CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE.....	50
ЛЕБЕДЕВА Л.Г. К проблеме репродуктивного потенциала населения ..	52
ЛЯЛИКОВА С.В. Трансформация роли матери и концепция интенсивного родительства.....	55
МОРОШКИНА М.В., ПОТАШЕВА О.В. Тенденции демографического развития и пути снижения репродуктивных потерь в Республике Карелия	57
НОВОСЕЛОВА Е.Н. Вспомогательные репродуктивные технологии в контексте низкой рождаемости: реалии и ограничения	60
ПЕТРУШЕНКО А.А. Влияние развода родителей на благополучие детей	62

Постникова О.Ю. Динамика структуры ценностных ориентаций и установок семейного поведения	65
Рогова А.М. Социальная поддержка семей с детьми в мегаполисе как направление региональной семейной политики (на примере Санкт-Петербурга)	67
Синельников А.Б. Объективные и субъективные причины снижения рождаемости в России	69
Сиротина Т.В., Андерзянова В.А. Механизмы формирования резильентности родителей детей с инвалидностью (по материалам исследования)	72
Степанов Д.В. Традиционная семья и семейность в трудах турецких и арабских авторов: формирование ценностных ориентиров для российской реальности	74
Ткачёва Н.А., Юдашкин В.А. Трансформация семейных ценностей и родительства в современном обществе	77
Филимонов Р.М. Социальная поддержка отцов-участников специальной военной операции и членов их семей	80
Хизбуллина Р.Р. Структура и роль семейных сельских домохозяйств в процессе интериоризации традиционных семейных ценностей молодого поколения	82
Гриценко М.В., Скурихин Д.А., Шпак А.А. Ценностные детерминанты семейных и репродуктивных установок молодежи: опыт эмпирического исследования	86
СЕКЦИЯ 2. ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ И ЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЕ	88
Асадулин Е.О., Стрюков Р.А. Здоровье пациентов как приоритет: роль человекоцентричной медицинской организации	88
Брушкова Л.А. Мобильные технологии здорового образа жизни: отношение и практики россиян	91
Бурдастова Ю.В. Интеграция наставничества в траекторию профессионального развития медицинских специалистов	93
Валиахметов Р.М., Садретдинова Э.В., Коровкина Н.В. Самосохранительные практики населения через призму ценностей здоровья и семьи (на примере Республики Башкортостан)	97
Гарипова З.Ф. Нормативно-правовое регулирование инклюзивного образования в России	104
Гильманова А.Р., Толстикова В.Р., Бояркина С.И. Конструируя здоровье: визуальные образы телесности в западных медиа в оценках российской учащейся молодежи	106

ДМИТРИЕВА Е.В. Цифровые медиа и психическое здоровье детей.....	109
ИГНАТОВА Т.А. Региональные различия в спортивных практиках населения России.....	111
КОЛЕСНИКОВА О.А. Квалификация медицинских специалистов в возрастном разрезе	114
ЛУБОВА Т.Н., ШУСТОВ В.Д. Экологические детерминанты заболеваемости населения	115
МЕДВЕДЕВА Е.И. Непрерывное образование в системе подготовки и переподготовки «медиков-будущего».....	119
ПАХТУСОВА А.А. Роль музыкальных занятий в повышении качества жизни взрослых и пожилых людей: педагогические практики	121
РУДАЛЕВА И.А. Влияние доходов населения на здоровьесбережение	124
РУСИНОВА Н.Л., САФРОНОВ В.В. Социальные неравенства в доступе к медицинской помощи: значение общественного контекста.....	126
СЕЛИВАНОВА С.С. Роль образовательной среды в формировании привычек здорового питания у детей: от школы к семье	128
СКЛЯРОВА Т.В., ЯХИНА Р.Р. Актуальность информационно-образовательной работы, направленной на профилактику распространения инфекций, передающихся половым путем среди студенческой молодежи	131
СТАРОСТИНА Д.А. Сближение тела и технологий в контексте исследования здоровья.....	134
СУРМАЧ М.Ю., КОРНЕЙКО П.Л. Информация о неотложной медицинской помощи как составляющая обеспечения здоровья населения	136
ФОМИЧЕВА Т.В. К вопросу о формировании ценности здоровья в российском социуме: управленческий аспект	139
ХАНОВА Л.М. Вопросы эффективности и результативности финансового обеспечения системы здравоохранения	141
ХУДОНОВ И.Ю., СЕРЕБРЯНЫЙ Р.С. Информационно-когнитивная концепция общественного здоровья (профилактическая медицина в эпоху перемен)	143
ЧУРЕКОВА И.О. Факторы, влияющие на состояние здоровья населения	146
БАШКУЕВА Е.Ю. Восточная медицина в Республике Бурятия: потенциал, проблемы и перспективы развития	148
СЕКЦИЯ 3. ФОРМИРОВАНИЕ И ВОСПРОИЗВОДСТВО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА	151

Ван Е Новая политика Китая по стимулированию деторождения.....	151
ГОРИНА Т.И., ДОРОФЕЕВА З.Е., НАТСАК О.Д. Динамика субъективного благополучия матерей в полных и неполных семьях	153
ДОБРОХЛЕБ В.Г. Семейная политика современной России: проблемы ее реализации	155
ДОРОФЕЕВ М.Л. Оценка эффективности финансовых стимулов рождаемости, материнства и детства после СВО: региональный анализ методом квантильной регрессии на примере России	158
ЕРОФЕЕВА Л.В., ТИХОМИРОВА Е.В., ГЛУХОВА Н.Н., ПЫСЛАРЬ Е.А., МАКАРОВА В.А. Здоровый образ жизни – решения для мультидисциплинарной команды медиков, психологов и педагогов	160
ЗЕМЛЯНОВА Е.В., САВИНА А.А. Причины потерь репродуктивного потенциала среди московских женщин	163
ИМАНГУЛОВ Л.Р. Факторы возвратной миграции молодежи на сельские территории российских регионов	164
КРАСИНЕЦ Е.С. Трудовая иммиграция в новых реалиях развития России	166
КРОШИЛИН С.В. Установки молодежи на распределение домашних обязанностей	169
МИХАЙЛОВ К.М. Особенности развития человеческого потенциала регрессивного региона (на примере Рязанской области)	171
ПИВОВАРОВ А.М. Общественный договор как форма управления рождаемостью.....	174
ПИСЬМЕННАЯ Е.Е. Демографическая политика в современный период: проблемы и перспективы	176
ПРОХОДА В.А. Детерминанты отношения к мигрантам современной российской молодежи	178
РЕУТОВ Е.В. Стратегическое и программное управление демографическим развитием регионов Центрального Черноземья	181
РУСАНОВА Н.Е. Превентивная репродуктология и репродуктивный потенциал населения	184
ЗУБКО А.В., САБГАЙДА Т.П. Возможность снижения смертности от болезней системы кровообращения путём оздоровления образа жизни пациентов	186
СИМАГИН Ю.А. Демографические проблемы и обеспеченность жильём населения Дальнего Востока России	188
ПАНФИЛОВА А.О., СЛУГИНА А.В. ДТП в России: к социально-медицинским аспектам проблемы.....	191

ФАВСТРИЦКАЯ О.С. Особенности формирования демографического потенциала регионов Крайнего Северо-Востока России.....	193
Ходячих С.С. Особенности формирования демографического потенциала регионов ЦФО в условиях новых вызовов.....	196
Хоткина З.А. Новые льготы и старые барьеры на пути многодетности	198
Хрипков К.А. Белгородская область: современные вызовы демографической безопасности региона.....	200
Хрипкова Д.В. Возможности регулирования демографических процессов в регионах Центрального Черноземья с помощью цифровизации и искусственного интеллекта	203
Шевцова Т.В. Возвратная миграция соотечественников: состояние и вектор развития.....	205
СЕКЦИЯ 4. ЖИЛИЩНАЯ ПОЛИТИКА И РЫНОК ЖИЛЬЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ.....	
Басос Е.В. Обеспечение жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без родительского попечения.....	208
Вершинина И.А. Демографические эффекты жилищной политики ...	211
Гареев И.Ф. Взаимосвязь между изменениями на рынке жилищного строительства, развитием сельского хозяйства и динамикой населения в малых городах и сельских поселениях.....	212
Гузанова А.К. Жилищная обеспеченность домохозяйств в России: изменения последних лет	215
Казакова А.Ю. «Общага» как первое молодежное жилье: критерии удовлетворенности в Яндекс-отзывах (на материале учебных заведений Калуги)	218
Кудрявцев К.А. Модель тарифного регулирования естественных монополий	222
Литвинцев Д.Б. Субъективное восприятие домохозяйствами жилищной прекарности в регионах России.....	226
Лю Тяньси, Юй А.Н., Юй Ян Сравнение трансформации жилищной политики в Китае и России: анализ социальных издержек от плановой системы распределения до рыночно ориентированной модели	228
Молчанова Н.П. Направления повышения жилищной обеспеченности населения и доступности жилья	230
Муртузалиева Д.Д., Алексеева О.А. Динамика доли семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий по Северо-Кавказскому федеральному округу	233

Пилипенко И.В. Динамика развития сегментов многоквартирных домов и индивидуального жилищного строительства в регионах Российской Федерации в 1990-х – 2020-х годах	235
Русанов А.В. Жилищный потенциал подмосковных дач и современные тенденции рынка труда	238
Шаров С.Ю. Доступность индивидуального жилищного строительства	240
СЕКЦИЯ 5. ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ, УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ	242
Абилова Е.В. Карьерные ожидания сельской молодёжи	242
Аверина О.В. Уровень жизни и доходы населения Еврейской автономной области: состояние и перспективы роста	244
Анучина О.В. Готовность к противодействию вовлечению в киберпреступную деятельность и рискованное поведение молодежи в интернет-коммуникации: по материалам анкетирования студентов К(П)ФУ	247
Артамонова М.В. Использование нейросетей в университетском образовании – риски углубления цифрового неравенства	249
Арутюнян А.А. Общество в процессе перемен: потенциал человеческих ресурсов в условиях демографических изменений	252
Бабич И.Н. Развитие человеческого потенциала в эпоху демографического перехода.....	254
Бажаева Т.С., Татарникова М.А. Факторы качества жизни регионального социума	257
Бегларян Л.М. Тенденции показателей качества жизни населения в Республике Армения.....	259
Бейсенбин К.А. Проблемы развития социально-экономических отношений в условиях современной России	261
Богомолов А.И. Влияние цифровых технологий на региональное неравенство.....	264
Валеева М.В. Поколенческие особенности феномена отложенного счастья.....	266
Вартанова М.Л. Трансформация управления экспортным продовольственным потенциалом регионов России в условиях влияния внешних факторов на экономическую безопасность	268
Вершинина М.А. Локальная идентичность как фактор социально-экономического развития моногорода	271

Владимиров И.А. ДЕФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СПЕЦИАЛИСТОВ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СФЕРЫ ПОД ВЛИЯНИЕМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ	273
Воротников Г.В. ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ	275
Гаврилец Ю.Н., Кудров А.В., Тараканова И.В. СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВОЙ НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ГРУПП В РЕГИОНАХ РФ	278
Герасимова О.Я. Благополучие молодых специалистов в АКАДЕМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ	281
Говорухина Г.В. КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ	283
Горюнов И.О. ЦЕЛЕВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТА КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ТИПОЛОГИИ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В РОССИИ	286
Дохолян С.В. Доходы и уровень жизни населения как основа повышения устойчивости развития страны	288
Иоселиани А.Д. Естественное неравенство и социальное бытие ЧЕЛОВЕКА	291
Колбина А.Д. ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ	293
Кузнецов К.В. ПРЕОДОЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА РЕГИОНОВ РОССИИ ЧЕРЕЗ РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА СРЕДНЕГО И МАЛОГО БИЗНЕСА	296
Кузнецова Е.А. ПРИНЯТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ	298
Ларионов А.В. ФАКТОРЫ КРЕДИТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ГРАЖДАН РОССИИ	301
Латова Н.В., Латов Ю.В. СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ – ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН	303
Логинов Д.М., Титов В.Н. Благополучие собственной жизни в оценках РОССИЯН	305
Лылова О.В. ОСОБЕННОСТИ РАСХОДОВ РОССИЙСКИХ СЕМЕЙ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УСЛУГИ	307
Малинецкий Г.Г. От имитации к подлинности	310
Милёхин А.В., Иванов О.В., Сидорина А.В., Милёхин О.А. ЧЕЛОВЕКОМЕТРИЯ КАК ИНСТРУМЕНТАРИЙ: К ЦЕЛОСТНОЙ СИСТЕМЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА	328

Молчанов И.Н. Проблемы управление уровнем и качеством жизни населения: общие подходы	330
Моргунов Е.В. Русский народ как социальный институт человеческого развития.....	332
Морозова О.С. Человеческое развитие и управление качеством жизни: институциональный подход в условиях внешнеполитической нестабильности	335
Нешатаев А.В., Баянкина А.А., Шерстобитова А.С. Потенциал информационного продвижения органами власти проявлений корпоративной гражданственности в демографической сфере	337
Осмоловская С.М. Медиаэкология киберпространства как сфера безопасности потребления информации в российской интернет-среде	339
Погодина Ю.А., Смирнов В.А. Ценностные ориентиры молодежи российских регионов	343
Путиццева К.Р. Отложенное счастье как фактор снижения уровня жизненной удовлетворённости в условиях социально-экономической нестабильности	345
Ростовцев А.И. Цифровизация как инструмент сокращения межрегионального неравенства и повышения качества жизни.....	347
Сеитов А.П. Слухи как социальное явление в Узбекистане	349
Столь А.В. Образование как компонент качества жизни: эмпирический анализ Башкортостана	351
Хакумура Наоя, Аукштыкальните А.Д. Социально ориентированное обучение: некоторый опыт России и Японии	353
Колесникова Е.М., Черевкова А.И. Практики сотрудничества школ с внешними партнерами в сфере STEM-профориентации (по материалам опроса педагогов г. Ростова – на – Дону).....	356
Чернышов М.М. Совершенствование системы оценки эффективности реализации государственной региональной политики в области повышения качества жизни населения.....	358
Чернявский С.В., Воронов В.С., Викторов Е.И. Развитие цифровой среды платформенных экосистем как фактор трансформации содержания и роли труда	361
Чугумбаев Р.Р. Социальные приоритеты бизнеса в нефинансовой отчетности: как корпорации влияют на человеческое развитие	365
Шеремет А.Н. «Ретрансляция легитимной культуры» как фактор развития и укрепления социокультурного потенциала	367

СЕКЦИЯ 6. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ И ПРОТИВОРЕЧИЙ СОВРЕМЕННОЙ СФЕРЫ ТРУДА..... 369

АГАФОНОВА В.В. Основные виды институциональных механизмов, способствующих вовлечению молодежи в предпринимательскую деятельность	369
АЛЕКСЕЕВА Е.А. Из фриланса в найм – смена вектора трудовых отношений	372
АНДРИАНОВА Р.А. Эйджизм в академической среде как фактор, подрывающий воспроизводство научных кадров высшей квалификации.....	374
ВЕРБИЦКАЯ А.К. Компас взросления: курсы жизненных навыков и адаптация зумеров к самостоятельности и рынку труда	376
ВОРОНИНА Н.Ф. Образовательные вызовы в формировании человеческого потенциала: региональный аспект	379
ГАРЕЕВА И.А., КУРУМА Э.А. Выпускники вузов и «волна отказов от профессий по специальности»	381
ДИАНОВ Р.К. Современный социально-трудовой ландшафт: влияние на карьерные траектории молодежи.....	384
ДЮКОВ С.В. Прекаризация в сфере учительского труда: ключевые факторы и особенности	387
ЕФИМОВА Г.З. Управление академическим развитием научно-педагогических работников через совершенствование работы с кадровым резервом	389
ЗАРИПОВА Г.Р. Влияние удаленной работы на профессиональное развитие и психологическое благополучие молодежи: возможности и вызовы в условиях цифровой трансформации.....	392
ЗАУТОРОВА Э.В. Развитие конкурентоспособности как современный метод управления персоналом.....	394
ЗИМОВА Н.С. Блоггерство как новый канал социальной мобильности	398
ИБРАГИМОВА Э.И. Кадровая политика компаний в эпоху демографических изменений и зеленой трансформации.....	401
КАЗОВА З.М. Проблемы развития инклюзивного образования в современном обществе.....	403
КАФИДОВ В.В. Рациональное использование трудовых и человеческих ресурсов	405
КОЖЕУРОВ Д.С., КОРЖ Н.В. Цифровая социализация и адаптационные механизмы молодежи в эпоху технологических изменений.....	408

Коноплина Ю.С. Возможности применения теории человеческого капитала при управлении персоналом	413
Корзина А.А. Социальный портрет современного студента: диагностика трудового потенциала	416
Крупко А.Э. Прогнозирование человеческого потенциала Воронежской области и проблемы трансформации трудовой сферы региона	418
Кузьмин К.В., Петрова Л.Е., Харченко В.С. Наставничество как фактор адаптации и удержания персонала в государственном здравоохранении	420
Кунаев М.А. Адаптационные стратегии работников транспортно-логистического сектора в условиях внешнего кризиса: вызовы, практики, последствия	422
Лабейко О.А. Характеристика человеческого потенциала: функциональный подход	425
Ланцев В.Л. Особенности подходов к профессиональной подготовке педагогов на основе требований профессиональных стандартов	427
Латов Ю.В., Латова Н.В. Динамика человеческого потенциала российских рабочих и профессионалов через призму их субъективного благополучия	429
Ломоносова М.В., Вишнякова Т.А. Трудовые ценности студенческой молодежи и представителей старшего поколения	432
Ломтева Е.В., Янковская М.А., Яковлев И.А. Трудовые ориентации выпускников СПО.....	434
Мигунова Ю.В. Проблемы кадровой обеспеченности коррекционного образования в России на примере регионов Приволжского федерального округа	436
Нечаева И.В. Можно ли обучить предпринимательской креативности? Уникальные компетенции молодых предпринимателей и пути их развития	439
Николаев А.И. Профессиональное самоопределение студентов социологических направлений	441
Новоселова И.А. Эффективные PR-кампании и событийный маркетинг как инструменты привлечения студентов в магистратуру: анализ кейсов федеральных университетов Российской Федерации	443
Островская Н.В., Додугбай А.В. Социально-демографический портрет абитуриентов в 2025 году	445

Богатырёва М.Р., Плеханова А.А. Современный социально-психологический климат организации: влияние на мотивацию и продуктивность персонала	450
Попова Л.А. Проблемы занятости населения старшего возраста (на примере Республики Коми).....	452
Саблуков А.В. Требования современного рынка труда к коммуникативной культуре студентов в условиях цифровизации общества и экономики	455
Сафонов Н.И. Человеческий капитал АПК России в условиях цифровой трансформации	457
Сергеев А.Е. Построение интегрального индекса удовлетворённости трудом методами логистического анализа и бутстрэпа	459
Соловьёв А.К. Цифровизация рынка труда как фактор повышения эффективности государственной социальной политики.....	461
Спарышкин Д.А. Факторы влияния крупных инвестиционных проектов на реализацию человеческого потенциала	463
Темнова Л.В. Трансформация творческих профессий в электронно-цифровую эпоху.....	466
Фасахудинов В.В. Казачья семья в контексте этнографического туризма: управление и маркетинг	468
Филоненко Ю.В. Адаптивный потенциал и профессиональное благополучие в академической профессии.....	471
Хлопкова О.В. Политика компаний в сфере work-life balance как фактор повышения лояльности персонала	474
Зезаев М.Р., Циканова Л.М. Инклюзивные механизмы как основа эволюции человеческого капитала.....	476
Цхададзе Н.В. Преимущества, недостатки и перспективы развития дистанционной занятости в России	479
Чаплашкин Н.В. Современные формы традиционной занятости: эмпирический анализ предпочтений работников и перспективы развития.....	480
Щипаков В.Э. Формирование социальных технологий ресоциализации российских офицеров ВС РФ, уволенных в запас	482
Юрасова М.В. Люди организации или персонал организации: новый подход в управлении.....	486
СЕКЦИЯ 7. ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО (AI) ИНТЕЛЛЕКТА В УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ	488

Внукова М.А. Цифровой куратор: как искусственный интеллект трансформирует роли сотрудников музеев	488
Гудкова Я.А. Умный город: цифровые практики освоения городской среды	490
Данилов А.Н. Интеллектуальный потенциал человека и возможности искусственного интеллекта.....	493
Ларина Т.И., Каргаполов Г.А., Деревянкина Е.А. Анализ спроса ИИ-навыков на российском рынке труда	496
Дмитриева В.Е. Социальные риски внедрения ИИ (искусственного интеллекта) в рекрутинг персонала.....	499
Иванчук М.К., Бардукова Д.Д. Искусственный интеллект как вызов для образования и управления: от индивида к коллективному сознанию	501
Корнеевец М.А. Искусственный интеллект в управлении человеческими ресурсами: потенциал и ограничения	503
Кострикин Е.Г. Искусственный интеллект: социологический дискурс	505
Куманцов А.А. Воздействие технологий ИИ на управленческие процессы в организациях разного типа	508
Молоткова А.В., Ширманова Г.С., Молотков П.П. Применение технологий виртуальной реальности в системе цифровой фабрики при профессиональной подготовке работников угольной промышленности	510
Персианов Д.В. Функциональные направления применения чат-ботов для снижения тревожности сотрудников в контексте социально-психологического управления персоналом	513
Сигарев А.В. Современные тенденции развития чат-ботов и их роли в экономических процессах	516
Сорокин Д.В. Технологии на основе обработки естественного языка как инструмент взаимодействия с клиентами и потребителями	517
Тертышникова А.Г., Павлова У.О. Методологический эксперимент по созданию ИИ-ассистента для проведения научных исследований	520
Тупикова В.А. Общество и корпорации: различия в отношении к ИИ	522
Филинская Л.В. Студенческий опыт использования искусственного интеллекта – ресурс для HR.....	525

Чеховский Т.И. Перспективы и возможные ограничения использования искусственного интеллекта в управление человеческими ресурсами	527
Шагидуллин М.Т. AI в HR университета: цифровая медиация конфликтов и оптимизация коммуникаций в социальных сетях	530
Liu Ziqi THEORETICAL CONSTRUCTION OF TALENT PROFILES: DATA-DRIVEN DYNAMIC TALENT ASSESMENT SYSTEM	532
СЕКЦИЯ 8. МОЛОДЁЖЬ В НАУКЕ: ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ	534
Агуреев А.М. Об оперативном контроле технического качества агрегированных медицинских данных	534
Баранов Н.В. К вопросу о легитимации деятельности прекариата как новой социальной страты (на примере фрилансеров)	537
Белозерова И.И. Между алгоритмами и амбициями: сравнительный анализ реакций студентов технических и гуманитарных направлений на экспансию ИИ.....	539
Бушуева М.А. Проблема повышения рождаемости: перспективы и предложения	540
Валявин М.А. Потенциал молодёжного предпринимательства в контексте демографического развития Свердловской области	543
Герасимова А.А. Профессионально-образовательная мобильность современной молодежи: тенденции и подходы	544
Жирнова А.Ю. PEER-OUTREACH как инновационный подход к профилактике наркозависимости среди молодежи: теоретическое обоснование и перспективы внедрения	546
Закиева Д.Э. Факторы роста интереса молодых социологов к исследованию «эзотерического».....	549
Кирпикова В.С. Роль средств массовой информации в преодолении проблемы супружеского насилия в современном российском обществе	552
Коваленко А.С. Трансформация внутрисемейного взаимодействия: новые модели родительства и их влияние на демографическое поведение.....	554
Кожоридзе Г.Г. Анализ технологии виртуальных респондентов	557
Коновалова С.В., Сытых О.Л. Проблемы семей в социально опасном положении: причины и решения	559
Лисицкая Е.А. AI в подборе персонала: экономическая эффективность vs этические риски	562

ПАРФИЛКО П., ЛЕБЕДЬ О.Л. Цифровые продукты для самоподдержки взрослых с синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ): мнения экспертов.....	566
САГОВА С.З., ЛЕБЕДЬ О.Л. Инфографика как способ повышения информированности пациентов в медицинских учреждениях	568
САФОНОВ Д.А., ДЕМЕНКОВ Г.А., ПРАВДОВА К.Д. Проблема мер семейной поддержки	571
СОЛДАТЕНКОВА Д.Р. Влияние особенностей российского общества на трансформацию половых ролей в семье	578
ТАЗОВА Б.А. Качество жизни населения: междисциплинарный подход	580
ТЕЛЬНОВА В.Д. Деформация православных семейных ценностей в современном российском обществе	582
ТЕРЕСИНА А.И., ПЕРЕВАЛОВА У.С. Использование искусственного интеллекта в рабочих процессах: возможности и ограничения.....	585
ТРУХИН М.М. Экономическая политика и реформы, направленные на снижение бедности и повышение ИЧР	587
ФЕТЮКОВ А.В. Анализ готовности аспирантов к работе в науке (по данным опроса в Вологодской области)	590
ХУСЕНОВ С.Х., ВАТОРОПИН А.С. Влияние миграционных процессов на социально-экономическое развитие Свердловской области: эффективность государственной политики и трансформация рынка труда.....	593
ЧУРЕКОВ И.И. Интеллектуальная революция в управлении персоналом: как искусственный интеллект меняет правила игры	597
ЮЙ А.Н., ЮЙ Ян, Лю Тяньси Эволюция политики Китая в сфере старения и стратегические коррективы	599
КРУГЛЫЙ СТОЛ «ЛУЧШИЕ ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОРПОРАЦИЙ С СЕМЬЯМИ НА ТЕРРИТОРИЯХ ПРИСУТСТВИЯ».....	602
ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА ОРГАНИЗАТОРОВ КРУГЛОГО СТОЛА И ПРИГЛАШЕННЫХ ГОСТЕЙ.....	602
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО И.В. ВОЛЫНЕЦ	604
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО Е.С. СЖЕНОВА	605
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО Е.А. МЯКОТНИКОВОЙ	606
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО А.С. ЗОЛОТОРЕВСКОЙ	607

БЛОК 1. «СЕМЕЙНОЦЕНТРИЧНАЯ КОРПОРАТИВНАЯ ПОЛИТИКА: НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ВЗГЛЯД, АКТУАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ».....609

Ручьева О.Е. От корпоративной стратегии к семейноцентричной экономике. Анализ исторических моделей и современные вызовы...609

Крупнов Ю.В. Развёртывание семейных мультиинфраструктур как метод роста капитализации бизнеса и перехода к демографическо-неоиндустриальной модели экономики 610

Антонова Е.А. Семейноцентричность 360 как приоритетная стратегическая модель развития бизнеса 612

Осадчая И.А. Семейная и кадровая политика: совмещение усилий государства и бизнеса..... 613

Багирова А.П., Вавилова А.С. Работодатели, реализующие корпоративные демографические меры: демографические эффекты и новые возможности на региональных рынках труда..... 615

Аполихин О.И. Корпоративные программы мужского здоровья и активного социального долголетия 617

Анисимов В.П., Чегодаев А.М. Сильные отцы — сильные компании: интегральный подход к развитию мужского кадрового потенциала и его влияние на устойчивость компаний..... 619

Сулейманова Л.М. Роль развития родительского интеллекта в повышении эффективности работы с семьями на территориях присутствия компаний 621

Журавлева Е.К. Многодетные семьи как стратегический ресурс: ключевой фактор кадрового и социально-демографического развития территорий.....623

Благов Ю.Е. Корпоративная социальная ответственность и семья ..625

Безвербный В.А. Мониторинг социально-демографических процессов в регионах на базе цифровых технологий 626

БЛОК 2. «ПРАКТИКИ КОМПАНИЙ» 629

Кузьмина Е.В. Лучшие практики поддержки семей в рамках корпоративных программ лидеров ЭКГ-рейтинга 629

Горелкина А.В. КПД-рейтинг как метрика образа будущего семейноцентричной компании на примере «СДС и партнеры» 630

Никулина И.В. «HAPPY JOB»: когда микроклимат компании сильнее макроконтеста 632

ИМАМЕТДИНОВА Н.А. Инвестиции в будущее: корпоративные программы поддержки семей и их вклад в демографическую стабильность	633
МАЛЕНЬКИХ М.О. «Технология чуда»: как фонд помогает соединить бизнес и региональные вызовы.....	635
ТУРКОВА С.С. Поддержка многодетных семей, семей с детьми до 5 лет и беременных женщин	636
КУЛИКОВА А.С. Семейные блоги и контент как элемент укрепления семейных ценностей	637
САЕНКО А.П. Корпоративная социальная ответственность компании в сфере, связанной с домашними питомцами	639

0 мероприятия

VII Международная научно-практическая конференция «Социальная динамика населения и человеческий потенциал» состоялась 26–27 июня 2025 года. Организатор – Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М.Римашевской – структурное подразделение ФГБУН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН). Мероприятие реализовано при поддержке: Отделение общественных наук РАН, кафедра социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ФГБУН Центральный экономико-математический институт РАН, Журнал «Региональные проблемы преобразования экономики», ГБУ «Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения Москвы», кафедра социологии Финансового университета при Правительстве РФ, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы и др.

Пленарное заседание с приветственным словом открыл директор ИСЭПН ФНИСЦ РАН, член-корреспондент РАН **Вячеслав Вениаминович Локосов**.

С докладами выступили:

- **Бахтизин Альберт Рауфович**, директор ЦЭМИ РАН, член-корр. РАН «Агент-ориентированное моделирование для оценки достижимости целей демографической политики»
- **Аганбегян Абел Гезевич**, академик РАН «О всеобъемлющем оздоровлении населения России: с учётом советского опыта»
- **Малинецкий Георгий Геннадьевич**, д.физ.-мат.н., проф., Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН «От имитации к подлинности»
- **Милёхин Андрей Владимирович**, д.соц.н., президент исследовательского холдинга РОМИР «Человекометрия»
- **Антонов Анатолий Иванович**, зав.кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, проф., д.филос.н. «Тенденции и перспективы демографических процессов и знаний о них»

Участники конференции смогли принять участие в работе секций и круглых столов:

«Репродуктивное поведение и семейно-детный образ жизни» (руководитель: А.И. Антонов; соруководитель: С.В. Ляликова)

«Здоровье населения и его обеспечение» (руководитель: И.Б. Назарова; соруководитель: Т.А. Игнатова). Соорганизатор: ГБУ «НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента ДЗМ»

«Формирование и воспроизводство демографического потенциала» (руководитель: Н.Е. Русанова; соруководитель: А.Е. Иванова)

«Жилищная политика и рынок жилья: социально-экономические проблемы» (руководитель: И.В. Пилипенко; соруководители: С.Г. Стерник, С.Ю. Шаров)

«Человеческое развитие, уровень и качество жизни» (руководители: С.В. Дохолян, Е.В. Моргунов; соруководители: А.И. Ростовцев, М.А. Вершинина)

«Человеческий потенциал и вызовы современной сферы труда» (сомодераторы: О.А. Александрова, А.Г. Тюриков, А.В. Ярашева, Д.А. Кунижева) Соорганизатор: кафедра социологии Финансового университета при Правительстве РФ

«Интеграция искусственного интеллекта в управление человеческими ресурсами» (руководитель: Ж.В. Пузанова; соруководители: А.Г. Тертышникова, А.С. Селезнева). Соорганизатор: Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

«Молодёжь в науке: тренды и перспективы решений социально-экономических проблем» (руководитель: Е.И. Медведева; соруководители: Ю.И. Алеевская, С.В. Крошилин). Соорганизатор: ГБУ «НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента ДЗМ»

Круглый стол: **«Лучшие практики взаимодействия корпораций с семьями на территориях присутствия»** (сомодераторы: Е. Журавлева, О. Ручьева, А. Ковалева). Соорганизаторы: экспертный клуб «Семья и корпоративная среда», созданный в 2024 году по инициативе хаба семейных проектов и программ «Семья 3.0», ESG-клуба «Сколково» и образовательно-консалтингового центра Smart Country («Умная страна»)

Круглый стол **«На пути к социальной норме многодетности: многообразие семейных стратегий и практик»** (модератор: В.М. Карпова; сомодератор: С.В. Ляликова), заседание открыл д.филос.н. профессор А.И. Антонов. В рамках круглого стола было представлено уникальное социологическое исследование супружеских пар ЖСС-2024, организованное научно-исследовательским коллективом МГУ имени М.В. Ломоносова и ИСЭПН ФНИСЦ РАН: Жизненные стратегии семей с разным числом детей: от двух Я к семейному МЫ (ЖСС-2024). Аналитический отчет по результатам социологического исследования / А.И. Антонов, В.М. Карпова, С.В. Ляликова и др. М.: ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2024. URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/717843606/>

Конференция стала масштабной научной площадкой, объединившей специалистов в области демографии, медицины, экономики и социологии. Участники обсудили ключевые вызовы современности: снижение рождаемости, старение населения, изменение семейных моделей, рост числа разводов и трансформацию миграционных потоков. Полученные данные и прозвучавшие аналитические выводы способны лечь в основу новых решений в сфере семейной и демографической политики.

Секция 1. Тенденции и перспективы репродуктивного поведения семей и семейно-детный образ жизни

Тенденции и перспективы демографических процессов и знаний о них

Антонов Анатолий Иванович
МГУ имени М.В. Ломоносова
Россия, Москва, antonov_ai_@mail.ru

Крах теории демографического перехода как однолинейного процесса — от «плохого» состояния к «хорошему», при котором снижение смертности стабилизируется на минимальном уровне, а рождаемость колеблется вокруг критического значения простого воспроизводства, привлекает внимание к альтернативным объяснениям сокращения числа рождений в сменяющих друг друга брачно-репродуктивных поколениях.

Рост населения в XVIII–XIX веках в Европе и так называемых странах Запада, сопровождавшийся улучшением условий жизни, был переосмыслен во второй половине XX века на фоне демографического взрыва в Азии, Латинской Америке и Африке. Создатели теории демографического перехода, по мнению Д. Ходжсона, под влиянием глобалистской идеологии «перенаселённости мира» подвергли политизации тенденции рождаемости в развивающихся странах, основанных на фамилистическом укладе жизни. Им приписывалась «несознательность» и «отсутствие культуры», а целью демографической политики было объявлено «планирование семьи» в рамках политики внешнего принуждения к снижению рождаемости. Отголоском этого обскурантизма в странах с низкой рождаемостью явилось обывательское осуждение тех, кто отказываясь от малодетности «плодит нищету».

Различия в демографической ситуации между странами и регионами мира при общей тенденции замедления роста населения связаны с различиями в интерпретации наблюдаемых демографических событий и выборе целей и направлений демографической политики. В рамках парадигмы фамилистической рождаемости историческое снижение числа детей в семье, происходившее в пределах социальных норм многодетности, рассматривалось как позитивный итог жизнедеятельности. Эта оценка сохранялась по инерции и при сокращении до четырёх-трёхдетной модели семьи, а затем и к двух- и наконец к однодетной. Возникшая благодаря нуклеаризации семьи возможность наемного труда на фабриках для мужчин,

а затем и вовлечение женщин, способствовали не только индустриализации и урбанизации, но и элиминированию производственной и ряда других неспецифических функций аграрной семьей. Фактически семья лишилась всех видов деятельности, которые побуждали к рождению нескольких детей в семье.

Тем самым современная индустриально-рыночная экономика оказалось сфокусированной не на стимулировании побуждений к рождению детей, а на поддержке существования уже рождённых детей. Иными словами, у современной экономики отсутствует потребность в детях как в значимом ресурсе, но существует постоянный запрос на готовую рабочую силу, поставляемую обществу семьей, которую теперь можно именовать отраслью народного хозяйства.

По мысли выдающегося отечественного учёного А.В. Чаянова, семья обладает свойством самотрансцендентности, или, в экономическом смысле, самоэксплуатации, от степени которой зависит результат деятельности домохозяйства по подготовке будущего трудового ресурса. Если сегодня в 66% семей с детьми воспитывается лишь один-единственный ребёнок, а в 10% — трое и более, это означает, что степень самоэксплуатации многодетных семей почти в семь раз выше. Баланс между трудозатратами по содержанию и воспитанию детей достигается за счёт сужения потребностей семьи и снижения уровня удовлетворения жизненных потребностей.

Такое сопоставление показывает, что начиная с конца 1960-х годов экономика России остается депопуляционной, т.е. принуждающей население к малодетности. Причина — в невыполнении базовой социальной задачи: обеспечении достойных условий существования уже рождённых детей. На поддержку семей направляется около 1,5% ВВП, что недостаточно для устойчивого воспроизводства населения.

К сожалению, цель собственно семейно-демографической политики — формирование у подрастающих поколений потребности в семье с тремя-четырьмя детьми — в современной экономике и научной среде не осознана в полной мере. Это во многом связано с недостаточной демографической подготовкой лиц, принимающих решения, и отсутствием системного демографического образования в стране.

Роль отца в формировании семейных и репродуктивных установок подростков

Безрукова Ольга Николаевна
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, o.bezrukova@spbu.ru

Самойлова Валентина Алексеевна
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, v.samojlova@spbu.ru

Семейные и репродуктивные установки современных подростков становятся сегодня предметом повышенного внимания исследователей, политиков, практиков. Это обусловлено, с одной стороны, определенными ожиданиями, что подростки состоятся в будущем как родители, и процессы воспроизводства российского населения будут идти на должном уровне, а, с другой, изменениями в жизненных приоритетах новых поколений, согласно которым создание семьи и рождение детей отодвигаются на второстепенный план и на неопределенное время. Структура ценностей и установок подростков от 14 до 17 лет, полученная по результатам исследования, проведенном нами в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в 2024 году (n=1321), это подтверждает.

Несмотря на сложную природу и многофакторную обусловленность динамики ценностей современной молодежи, роль родительской семьи особая, на ее пример молодые люди опираются (или, наоборот, от него отталкиваются) при построении собственной семейной жизни. По данным исследований, у молодых людей, позитивно оценивающих эмоциональные отношения в родительской семье, ценность родительства выше, и они в большей мере склонны к воспроизводству в будущем этой модели, напротив, плохие отношения могут привести к тому, что у детей будут негативные взгляды на брак и семейную жизнь [1].

Отправной точкой процесса формирования жизненных, в том числе, семейных ценностей, который продолжается на протяжении всего периода личностного становления, выступают первые представления ребенка о ценностях, разделяемых близкими родственниками, в первую очередь родителями [2]. Матери принадлежит ведущая роль в заботе о ребенке, в большинстве случаев она становится главным объектом привязанности, основным воспитателем и фигурой влияния на ребенка в раннем детстве. Но и подрастая, ребенок имеет больше контактов с матерью, что способствует поддержанию доверительных отношений между ними. По данным исследования И.Ф. Дементьевой с соавторами, подростки (и девочки, и мальчики) выбирают мать в качестве советчика в тех или иных трудных ситуациях, что одновременно свидетельствует о недостаточном участии отца в воспитании [3]. Таким образом, потенциал влияния одного из двух родителей – отца – остается нереализованным, если он отстранен от взаимодействия с

ребенком по каким-то причинам (внешним или внутренним, объективным или субъективным). Но активное участие отца влияет на становление личности ребенка, его ценностей, моделей взрослого поведения. Подтверждение этой закономерности находим в ретроспективных исследованиях, посвященных отцовству: эмоциональная оценка взрослым сыном участия своего отца влияет на ролевые модели, на его готовность моделировать воспитание отца [4, 5].

Актуальный исследовательский интерес представляют вопросы, как дети смотрят на свои отношения с отцами, и влияют ли эти отношения на их представления и жизненные планы. Ответы респондентов-подростков о степени близости в отношениях со своими отцами позволил поделить их на две группы – с наличием или с отсутствием близких отношений – и сопоставить показатели, касающиеся семейных ориентаций и родительских установок, принципов организации семейной жизни, репродуктивных установок, смыслов отцовства и представлений о настоящем мужчине в семье и др. Полученные различия позволяют сделать вывод о том, что близкие отношения с отцом выступают важным ресурсом в становлении личности будущего семьянина, способствуют формированию у подростков установок на создание семьи и рождение детей, устойчивые семейные и межличностные отношения.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00770, <https://rscf.ru/project/23-18-00770/>

Список литературы:

1. Карабанова О.А., Молчанов С.В. Семейные факторы в формировании родительских установок у студенческой молодежи на этапе вхождения во взрослость // Национальный психологический журнал. 2017. №2(26). С. 92–97. DOI: 10.11621/npj.2017.0210
2. Карпова В.М. Особенности межпоколенной трансляции семейных ценностей//Вестн. Моск.Ун-та. Сер.18. Социология и политология. 2019. Т.25. № 3, с .117-139. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-3-117-139
3. Дементьева И. Ф., Борисова Т. С., Сартакова Е. Е. Особенности воспитательного влияния отца и матери на формирование жизненных ориентиров детей// Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2020. 3 (31) с.191-200
4. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Отношения с отцом как фактор вовлеченности в отцовство молодых мужчин в многодетных семьях // Социологические исследования. 2024. № 11. С. 87–99. DOI: 10.31857/S0132162524110076.
5. Kuscul G. H., Adamsons K. A personal and relational model of father identity construction. Journal of Family Theory & Review. 2022. Vol.14. No.1. P.1–16. DOI: 10.1111/jftr.12451

Индекс дружелюбности жилой среды для молодых семей с детьми: методология оценки и практическое применение

Бурцева Вера Сергеевна

АНО «Научно-исследовательский институт устойчивого развития в строительстве», Санкт-Петербургский государственный университет
Социологический институт ФНИСЦ РАН
Санкт-Петербург, Россия, Burtseva_vs@niiurs.ru

Формирование жилой среды, ориентированной на молодую семью с детьми, приобретает особое значение в условиях демографического спада и трансформации семейных установок. Стратегию действий по реализации семейной и демографической политики и поддержке многодетности до 2036 года, подчёркивает необходимость организации доступной жилой среды и семейноориентированной инфраструктуры, способствующей межпоколенной кооперации и укреплению семейных связей [1].

Жилая среда – локальная среда обитания, включая жилой дом и территорию в 5-10-15 минутах пешей доступности, совокупность пространственно-функциональных характеристик, но и мезосистема молодой семьи, в которой могут быть созданы или не созданы условия для реализации функции семьи [2]. Условия для их реализации возможны только в случае учета субъектности молодой семьи при создании жилой среды. Несмотря на стратегический характер документов и фиксацию запроса самого субъекта жилой среды к ней, нормативно-технические документы строительного регулирования по-прежнему ограничен минимальными требованиями безопасности и санитарии [3].

Помимо высокого запроса со стороны молодых семей на качественную жилую среду, значительная часть из них сталкивается с невозможностью реализовать собственные жилищные потребности в силу ограниченных доходов. Это особенно характерно для семей с двумя и более детьми, чьё фактическое благополучие существенно отстаёт от желаемого, превышение желаемого дохода над фактическим более чем в три раза приводит к снижению репродуктивных установок и подрывает семейную субъектность [4].

Все вышесказанное позволяет заключить о необходимости создавать дружелюбную жилую среду для молодых семей с детьми, в которой созданы условия для активности и реализации экзистенциальных и социальных функций молодой семьи [5]. Дружелюбная жилая среда с одной стороны способствует активному семейно-детному образу жизни, а с другой – представляет собой системную характеристику, включающую пространственно-функциональные и социокультурные аспекты.

Индекс дружелюбности жилой среды разрабатывается как междисциплинарный инструмент, применимый на всем жизненном цикле жилой среды и ориентированный на оценку её способности поддерживать активность молодой семьи с детьми. Он может быть использован не только для

отражения значимых для данной социальной группы характеристик среды, но и в обеспечении объяснительного и прогностического потенциала, для обоснования проектных решений и управленческих стратегий.

Представленная методология разработки индекса дружелюбности жилой среды для молодой семьи базируется на принципе методологического плюрализма [6]. В рамках качественного этапа исследования было проведено 56 интервью с экспертами и 52 интервью с представителями молодых семей как в дружелюбной, так и в недружелюбной жилых средах г. Санкт-Петербурга, на основе которых были выделены 6 категорий и 38 подкатегорий дружелюбности: безопасность, удобство, доступность, природа, соседство, инфраструктура и человекоориентированность. Эти категории содержат как наблюдаемые объективные, так и субъективные признаки. На их основе сформирован индекс дружелюбности. Его значением может быть охарактеризовано качество среды: при значении свыше 75 среда считается дружелюбной; от 50 до 75 – имеющей потенциал дружелюбности; менее 50 – недружелюбной.

Верификация индекса проведена на двух контрастных кейсах – среде А (дружелюбной) и среде Б (недружелюбной), где индекс составил 82% и 19% соответственно. Установлено соответствие между оценками информантов и оценкой по индексу. Это позволяет перейти к процедуре валидации инструмента и использованию индекса как методики оценки качества жилой среды в прикладных задачах – от планирования до мониторинга.

Индекс дружелюбности жилой среды выступает важным инструментом анализа и управления пространствами, ориентированными на семейно-детный образ жизни. Его применение позволяет создавать условия, способствующие комфортному проживанию молодых семей, обеспечивая поддержку процессов воспитания детей, социализации и интеграции в локальное сообщество.

Список литературы:

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 г. № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики и поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» [Электронный ресурс]. – Правительство РФ. – URL: <https://government.ru/docs/54573/> (дата обращения: 08.05.2025).
2. Харчев А. Г. Семья и брак. – Москва: Мысль, 1979. – 256 с.
3. Бурцева, В. С. Современная жилая среда: является ли человек ее субъектом? / В. С. Бурцева // Столыпинский вестник. – 2022. – Т. 4, № 3. – EDN HRBMLG.
4. Антонов А. И., Карпова В. М., Ляликова С. В. Соотношение желаемого и фактического благосостояния семей: по данным социолого-демографического опроса супружеских пар // Уровень жизни населения

- регионов России. 2021. Том 17. № 1. С. 121–131. DOI: <https://doi.org/10.19181/Ispr.2021.17.1.9>
5. Бурцева В.С. Дружественность как системная характеристика жилой среды: значимость и запросы молодой семьи с детьми раннего возраста // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 1. – С. 200–214. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1958
 6. Зборовский Г.Е. Плюрализм методологических подходов как проблема научного исследования / Г.Е. Зборовский // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2015. – Т. 141, № 3. – С. 6–15. – EDN UNVRMB.

Социологический анализ современных моделей асимметричных по возрасту браков

Быкова Наталья Олеговна
Саратовский государственный медицинский университет им.
В.И. Разумовского
Саратов, Россия, n.o.bykova@yandex.ru

Тупикова Светлана Евгеньевна
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
Саратов, Россия, tupikovase@mail.ru

В условиях масштабных социально-демографических трансформаций, происходящих в современной России, особую актуальность приобретает изучение феномена разновозрастных браков. На фоне выраженной гендерной и возрастной диспропорции населения, а также значительного разрыва в продолжительности жизни между мужчинами и женщинами, возрастной состав семейных союзов претерпевает заметные изменения [1]. Одним из факторов, усиливающих данные тенденции, выступает развитие биомедицинских технологий и расширение доступа к альтернативным репродуктивным практикам, что приводит к снижению доли браков между ровесниками и росту количества союзов с выраженной возрастной асимметрией.

С точки зрения социально-демографической классификации, семейно-брачные союзы с разницей в возрасте относятся к категории гетерогамных браков, одним из видов которых является асимметричный по возрасту. Его ключевым признаком выступает принадлежность супругов к разным возрастным группам. Современная экспертная оценка определяет разновозрастным брак, в котором разница в возрасте между партнерами составляет 10 и более лет [2].

Следует отметить, что возрастная асимметрия в браках тесно связана с трансформацией гендерных отношений. Изменения в положении женщин в обществе и семье, наряду с ослаблением традиционного мужского доминирования, способствуют расширению спектра семейных моделей, включая союзы, в которых женщина старше мужчины.

Эти процессы отражают более широкую тенденцию индивидуализации брачного поведения. В современном обществе выбор партнёра всё чаще определяется эмоционально-психологическими мотивами, в то время как традиционные нормативные установки утрачивают своё значение. Брак перестаёт быть обязательным этапом жизненного цикла, что проявляется в росте разнообразия добрачных практик и ожиданий от партнёрства [3].

Для изучения особенностей разновозрастных браков нами проведено полуструктурированное интервью (N=32) с супругами с разницей в возрасте от 10 до 30 лет, отобранные методом снежного кома [4]. Исследование показало, что возрастная дистанция «не загромождаёт» собой перспективу развития супружеских отношений, но привносит в них свои особенности. К любому браку надо привыкать. Причем, привыкание – сложный, противоречивый процесс, проходящий через фазы очарований, разочарований и все углубляющегося видения его возможностей, обогащаемого рациональной комплементарностью. В ответах респондентов рельефно проявился важный, с точки зрения стабильности отношений, момент, смысл которого заключается в разной временной перспективе, лежащей в основе оценочных суждений. Одни респонденты ориентированы на короткие перспективы настоящего, и тогда супружеские отношения рассматриваются лишь как мгновенное наслаждение существованием или помеха ему.

Общим паттерном в «Она-модели» (женщина старше мужчины) и «Он-модели» (мужчина старше женщины) является наличие ведущих и ведомых ролей, проявляющихся как явно, так и в скрытой форме. Присутствие старшего супруга нарушает привычную динамику брачных отношений, создавая новое смысловое поле взаимодействия. Рост числа асимметричных браков отражает изменение запросов к партнеру: возрастает потребность в том, кто «крепко стоит на ногах» – социально и эмоционально, способном обеспечить поддержку и защиту. В условиях социальной нестабильности такие браки выступают как способ противостоять отчуждению и справляться с внутренними и внешними трудностями.

Кроме того, асимметричный брак может служить маскировкой личных проблем одного из супругов, позволяя решать их «в белых перчатках». Возрастная дистанция способствует «клейкости» отношений, объединяя партнеров с разным жизненным ритмом и уровнем вовлеченности. Прочные браки формируются при условии соблюдения порядка, субординации и эмоционального обмена, однако часто возникает риск переоценки устойчивости такого перераспределения эмоциональной энергии.

«Он-модель», при которой мужчина старше женщины, воспринимается респондентами и их окружением более позитивно, чем «Она-модель» с возрастной асимметрией в пользу женщины. Эта модель

соответствует традиционным представлениям и привычным поведенческим паттернам, что делает её более понятной и приемлемой. Мужчины, как правило, рассматривают повторный брак как этап в цепочке брачных отношений, ожидая «настоящего» брака после «промежуточных» союзов. При этом возникает феномен «ретроспективной нелепости», когда прежние браки воспринимаются не как опыт отношений, а как формальные рамки, лишённые эмоционального содержания.

Преимуществом «Он-модели» считается высокая степень защищённости женщины, поскольку старший супруг воспринимает брак как активное управление семейной жизнью. Среди недостатков отмечаются риски ухудшения здоровья старшего партнёра, строгий контроль, ревность детей от предыдущих браков и трудности в интимной сфере.

В высказываниях супругов «Она-модели» наблюдается противоречие между формальным выражением и реальным содержанием: они минимизируют значение возрастной разницы, оправдывая свой брак, что свидетельствует о внутреннем разрыве в представлениях. Положительными чертами называют опыт и мудрость женщины, воспринимаемой как зрелый партнёр. Однако отмечается неодобрение со стороны родственников мужа, а также прогнозируемые трудности с деторождением и воспитанием. Исследование показывает, что брак – это сложный социальный феномен, где семейно-брачное поведение изменчиво, в то время как базовые общественные ценности остаются устойчивыми. Стереотипы, приписывающие «Он-модели» позитивную оценку, а «Она-модели» – негативную, сохраняются в российском обществе практически без изменений.

Таким образом, асимметричные по возрасту браки являются отражением не только трансформации семейных и гендерных установок, но и широкой социокультурной динамики, связанной с изменением приоритетов в сторону индивидуализации, эмоциональной удовлетворённости и гибкости социальных ролей. При всём разнообразии форм таких союзов, в общественном сознании сохраняются устойчивые стереотипы, придающие «Он-модели» преимущество и настороженно относящиеся к «Она-модели».

Список литературы:

1. Антонов, А.И. Демографическая ситуация в стране: проблемы, перспективы // III-й Международный демографический форум "Демография и глобальные вызовы": Сборник статей форума, Воронеж, 23–25 мая 2024 года. – Воронеж: ООО "Цифровая полиграфия", 2024. – С. 36–40.
2. Быкова, Н. О. Особенности социального отношения к моделям асимметричного по возрасту брака в современном российском обществе / Н. О. Быкова // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5. – С. 649.
3. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. – 272 с.

4. Быкова, Н. О. Социальная идентификация асимметричного по возрасту брака в современном российском обществе: специальность 22.00.04 "Социальная структура, социальные институты и процессы": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Быкова Наталья Олеговна. – Саратов, 2013. – 20 с.

Традиционные ценности как фактор формирования репродуктивных установок молодежи

Грицай Людмила Александровна
Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского
Ярославль, Россия, usan82@gmail.com

На современном этапе развития российского общества все более отчетливо проявляется тенденция смещения репродуктивных установок молодежи в сторону индивидуалистических и гедонистических ориентиров, заимствованных из западной модели поведения, в основе которой лежит идеология потребления, стремление к личному комфорту, профессиональной самореализации и минимизации жизненных рисков, включая ответственность, связанную с деторождением и воспитанием потомства, поэтому, как отмечают А.В. Короленко и О.Н. Калачикова, несмотря на декларируемое стремление к созданию семьи и рождению детей, значительная часть молодых людей в России в реальности реализует модель малодетности, при этом желаемое число детей нередко превышает ожидаемое, что свидетельствует о внутреннем противоречии между традиционными ценностями и реальными поведенческими практиками [1, с. 174–178]. Причинами подобной несоответствия исследователи называют как экономическую нестабильность и неуверенность в будущем, так и дефицит позитивных ролевых моделей в родительских семьях, а также распространение ориентиров, типичных для общества потребления.

В научной литературе подчеркивается, что трансформация репродуктивных установок российской молодежи происходит в русле общемировых тенденций, характерных прежде всего для стран с ослабленным влиянием традиционных институтов и религиозных предписаний, где доминирующими становятся ценности личной автономии, самореализации и отказа от социально одобряемых, но ресурсоемких моделей поведения, таких как рождение и воспитание детей, так, Ю.В. Чуй указывает на то, что снижение рождаемости в России связано не только с социально-экономическими причинами, но и с изменениями в ценностной системе молодежи, в которой репродуктивное поведение все чаще уступает место стратегиям, направленным на потребление, свободу выбора и избегание ответственности [2, с. 37].

Подобные процессы в еще большей степени характерны для западных стран, где традиционная христианская мораль, исторически поддерживавшая ценность брака и деторождения, постепенно теряет свое влияние на поведение индивидов, что приводит к разрушению института семьи как основы общества, например, как подчеркивает Т.А. Голик, снижение рождаемости в странах Европы обусловлено идеологическим сдвигом в сторону приоритетов индивидуализма и гедонизма, порождающих отказ от родительства как жизненного проекта [2, с. 87–88], что подтверждается и статистическими данными: например, в 2024 году коэффициент рождаемости в Италии составил лишь 1,18 ребенка на женщину, а в Польше — всего 1,12, что является историческим минимумом [4].

В то же время репродуктивные установки молодежи в странах с сильными традиционно-религиозными системами демонстрируют иную направленность: в мусульманских обществах, таких как Египет, Саудовская Аравия или Пакистан, репродуктивное поведение по-прежнему находится под контролем социальных норм, религиозных предписаний и этических кодексов, в которых семья и продолжение рода рассматриваются как формы служения Богу, сообществу и предкам, например, в Египте коэффициент фертильности в 2021 году составлял 3,3 ребенка на женщину, а в Саудовской Аравии — 2,8 среди граждан страны [4]. Таким образом, в обществах с устойчивыми традиционными ценностями сохраняется относительно высокий уровень рождаемости, несмотря на вызовы глобализации и модернизации.

Однако распространение западных ценностей, проникновение идеологии индивидуализма и потребления в традиционные общества Азии и Ближнего Востока оказывает разрушительное воздействие на структуру семейных установок и уровень рождаемости: так, Южная Корея, несмотря на конфуцианское наследие и традиционно высокую ценность семьи, в 2024 году демонстрирует рекордно низкий коэффициент фертильности — 0,9 ребенка на женщину, что делает ее мировым лидером по скорости демографической деградации [4]; аналогичная ситуация наблюдается в Китае, где после многолетнего действия политики «одного ребенка» рождаемость в 2024 году составляет 1,7 ребенка на женщину, при этом продолжающееся влияние урбанизации и гедонистических установок молодежи приводит к дальнейшему снижению показателей [4]; в ОАЭ, несмотря на сохранение формального религиозного консерватизма, коэффициент фертильности также низок — 1,46 ребенка на одну женщину [4], что свидетельствует о воздействии глобальной культурной экспансии и трансформации семейных ориентаций даже в исламских странах с высоким уровнем дохода.

Таким образом, анализ теоретических источников и актуальных статистических данных позволяет утверждать, что репродуктивные установки молодежи в условиях глобализации испытывают влияние множества разнонаправленных факторов, среди которых доминирующую роль играют ценностные ориентации, определяемые культурной матрицей общества, уровнем религиозной нормативности и устойчивостью традиционных институтов, исходя из этого традиционные ценности, предполагающие высокую значимость семьи, брака и родительства, выступают эффективным фактором стабилизации демографического поведения и противостоят

деструктивному воздействию идеологий индивидуализма и гедонизма, что особенно наглядно проявляется в странах с сильной религиозной и культурной идентичностью.

Список литературы:

1. Короленко, А. В. Репродуктивные установки молодых семей: факторы и условия реализации (по материалам углубленных интервью) / А. В. Короленко, О. Н. Калачикова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 172-189.
2. Чуй, Ю. В. Репродуктивное поведение молодежи как фактор демографического кризиса / Ю. В. Чуй // Вестник социально-политических наук. – 2020. – № 19. – С. 36-38.
3. Голик, Т. А. Медико-демографические проблемы репродуктивного поведения молодёжи / Т. А. Голик, А. А. Евсеева // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2023. – № 8(72). – С. 86-94.
4. Глобальные показатели рождаемости снизились в два раза за 60 лет. – URL.: <https://nplus1.ru/news/2024/03/25/not-enough-kids-these-days> (дата обращения 29.05.2025)

Барьеры на пути к семьедетному образу жизни в России и возможные способы их преодоления

Денисова Анна Владимировна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия, annaspom.com@yandex.ru

Согласно данным демографических прогнозов, в ближайшие десятилетия выход из депопуляции, и следовательно, переход к трехдетной семейной системе в России не предвидится. Проблема естественной убыли населения в нашей стране частично обусловлена неполной реализацией репродуктивных установок личности в современных социальных условиях. Показатели предпочитаемых чисел детей (ожидаемое, желаемое и идеальное) выступают индикаторами наличия неудовлетворенной потребности в детях и стремления достичь определенного числа детей к окончанию репродуктивного периода [1]. Таким образом, неудовлетворенная потребность в детях выступает «движущей силой» репродуктивного поведения. Потребность в детях, в свою очередь, возникает только когда образуется семейный потенциал межличностных интеракций, воспринимаемый членами семьи как неотъемлемая часть личностной самоидентификации, усваиваемой в процессе первичной социализации.

Сегодня первичной социализацией личности, которая традиционно протекает в семейной среде, вынуждены заниматься родители с установками на 1-2 детей, которые сами воспитывались в условиях норм малодетного родительства. Кроме того, жизненные стратегии современной молодежи, будущих отцов и матерей, носят преимущественно внесемейный характер и ориентированы на построение профессиональной, а не семейной карьеры. Во ВЦИОМ отмечают, что «установки более юных россиян на самореализацию не изменят даже очень заманчивые меры государственной поддержки» [2]. Однако важно учитывать, что к 2050 году основной «репродуктивной силой» страны станут поколения, рожденные после 2030 года. Этот факт крайне значим: изменить сложившиеся установки на семью у взрослых людей крайне сложно, тогда как формирование таких установок с юных лет представляется значительно более перспективным направлением. Следовательно, путем воздействия на подрастающие поколения, повышая в обществе ценность семейно-детного образа жизни и значимость института брака, трансформация репродуктивных стратегий и формирование поколений с просемейными ориентациями становятся более реалистичными.

В данном контексте особый исследовательский интерес представляют ценностные ориентации современной студенческой молодежи (поколений, рожденных в 2000-2005 и 2005-2010 годах): именно им предстоит обеспечить передачу ценностей будущим поколениям. Так, в качестве эмпирической базы выступают результаты авторского фокус-группового исследования со студентами московских вузов, проведенного в марте-апреле 2025 года (объем выборки – 3 фокус-группы).

Одним из основных выводов исследования является тезис о том, что трансляция семейных ценностей через семейные практики способна оказать благоприятное влияние на повышение значимости семьи, осознание ценности данного социального института, и как следствие, усилить установку на многодетность в последующих поколениях за счет преемственности. В ходе обсуждения преемственности семейных ценностей (заключительный раздел топик-гайда) участники особо подчеркивали значимость передачи детям ценностей взаимоуважения в семье и внутрисемейного единства. При ответе на вопрос о привнесении новых традиций в свою собственную семью подавляющее большинство респондентов (58,3%) отмечало именно досуговые практики: совместные приемы пищи (20,8%); семейные путешествия и поездки (12,5%); игры и спортивные мероприятия, совместный просмотр фильмов и посещение выставок с участием всех членов семьи (25,0%). Намерение выстраивать доверительные отношения между родителями и детьми (разговоры о прошедшем дне за семейным столом, юмористические практики и др.) в будущей семье выразили 16,7% студентов. Примечательно, что один из респондентов отметил значимость сохранения и передачи семейных историй из поколения в поколение:

«Лет в 10 я узнала, что у меня супер-выдающий дедушка, что он много всего, оказывается, изобрел, и только сейчас в 25 лет я нашла документы, которые это подтверждают. Для меня это было восторгом и открытием. Мне, конечно, бы хотелось, чтобы о каких-то таких вещах рассказывали родители, чтобы в принципе рассказывали историю, про детство свое, про детство своих

родителей, чтобы история никуда не утекала <...> Мне кажется, что этого не хватает в наше время» (Ж, 25 лет).

Данный «запрос» на обеспечение преемственности поколений указывает на потенциал инструментов, способствующих укреплению внутрисемейных связей, одним из которых является социально-психологическая методика геносоциограмма [3]. Она, способствуя более глубокому пониманию истории семьи и идентичности ее членов, усиливает чувство принадлежности к роду и способствует формированию «Семейного Мы». В данной связи, интересной видится идея внедрения в образовательные программы школьников составления геносоциограмм. При таком подходе предполагается, что ребенок заблаговременно готовится к выступлению, узнавая от старших родственников о своем роде, и затем графически изображает своеобразное генеалогическое древо, дополняя его информацией о роде деятельности того или иного предка, фактами из истории семьи, значимыми датами и событиями. Действительно, для обеспечения преемственности поколений важно, чтобы человек помнил историю своей семьи, приобщался к семейной культуре, знал и уважал семейные традиции.

Как показали данные, ключевым ограничением на пути к многодетному образу жизни часто выступает не недостаток ресурсов, а отсутствие ценностного запроса на многодетность, сформированного в процессе социализации. Потребность семьи в детях возникает только тогда, когда сама семья воспринимается как неотъемлемая часть личностной идентичности – «естественная» ценность. Целенаправленная работа по формированию ценностей семейно-детного образа жизни в настоящее время выступает в качестве одного из наиболее приоритетных направлений политики государства. На повестку дня ставится вопрос воспитания личности в просемейном духе.

Список литературы:

1. Антонов А.И. Социология рождаемости (Теоретические и методологические проблемы). – М.: Статистика, 1980. – 271 с.
2. Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник» // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reproduktivnye-plany-rossijan-dva-pishem-tri-v-ume> [Электронный ресурс]. Дата опубликования: 25.02.2025. (дата обращения: 27.02.2025).
3. Антонов А.И. Возможен ли социум приемлемый для семьи с несколькими детьми: возможна ли семья как суверенный посредник между интересами личности и общества? // Всероссийская научная конференция XVIII Ковалевские чтения «Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование», Санкт-Петербург, 2024.

Использование суммарного коэффициента для анализа рождаемости

Дивина Ольга Игоревна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия, atiso.em@yandex.ru

В настоящее время, вопрос осуществления качественной демографической политики стоит достаточно остро почти во всем мировом сообществе, поскольку рождаемость детей заметно упала в последнее время ввиду множества причин. Для анализа рождаемости был введен важный демографический показатель, который получил название «суммарный коэффициент рождаемости». Он позволяет производить оценку демографической ситуации на основе уровня рождаемости в популяции. Так же благодаря данному показателю можно строить прогнозы численности населения в будущем, на основе которых будет строиться государственная политика в области семей.

Суммарный коэффициент рождаемости – коэффициент, показывающий сколько в среднем родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода при сохранении в каждом возрасте уровня рождаемости того года, для которого вычисляется показатель независимо от смертности и от изменений возрастного состава.

Если посмотреть на график суммарного коэффициента рождаемости, то мы можем заметить достаточно печальную тенденция, которая заключается в том, что с 1970-х годов суммарный коэффициент рождаемости смог превысил отметку в 2,1 только один раз промежутке с 1985 по 1990 год. Это говорит о том, что население нашей страны естественным образом постепенно убывает. [2]

Что же касается данного феномена повышения коэффициента рождаемости 1985-1988 годов, то тут необходимо сказать о том, что на данный всплеск повлияло несколько факторов, таких как: усиление мер государственной поддержки семей с детьми, строительство жилья; активная пропаганда, направленная на укрепление веры в светлое будущее. Кроме того, многие эксперты полагают, что подобный эффект мог возникнуть в результате антиалкогольной политики и становления родителями детей послевоенной эпохи. [2]

Если смотреть на общую картину рождаемости, то можно заметить негативную тенденцию, которая заключается в том, что население нашей страны не способно поддерживать уровень рождаемости, необходимый для поддержания популяции на прежнем уровне. При принятии решения о рождении ребенка люди задумываются о благополучии в будущем для себя и своих детей, включая материальное благосостояние, жилищные условия и другие важные факторы.

Если обратить внимание на суммарный коэффициент рождаемости по количеству детей, то можно заметить, что, несмотря на то, что первых и вторых детей рожают меньше, чем раньше, третьих детей, напротив, больше.

Стоит отметить важность суммарного коэффициента рождаемости третьих детей, так как многодетные семьи способны не только сохранить уже имеющееся население, но и увеличить его.

Согласно мнению профессора МГУ, социолога Анатолия Ивановича Антонова, для того, чтобы «население России не уменьшалось, нам нужно 35% трехдетных семей, 14% четырехдетных, и 2% семей с пятью и более детьми. В целом – это 51% семей с тремя и более детьми». [4]

«Если поднимать суммарный коэффициент рождаемости за счет первых и вторых детей, то данный показатель может сильно снизиться после 2030 года и следует учитывать, что для достижения роста необходимо не менее 30 лет». [4]

«Для того, чтобы воспроизводство население было не суженным и не расширенным должно быть около 40% семей с 3–4 детьми. Для того, чтобы население не уменьшалось, среднее число рожденных детей в расчете на одну замужнюю женщину, закончившую деторождение, составляло около 2,5 ребенка. Двух детей для этого недостаточно, поскольку девочек рождается меньше, чем мальчиков, не все доживают до взрослого возраста, а некоторые не вступают в брак в течение всей жизни. Также часть супружеских пар не может иметь детей, значительная часть браков заканчивается разводами, а большинство разведенных женщин не вступают в повторный брак. Среднее число детей в расчете на одну разведенную женщину меньше, чем на одну замужнюю». [5]

«С учетом всех этих обстоятельств, для того, чтобы население не уменьшалось, среднее число рожденных детей в расчете на одну замужнюю женщину, закончившую деторождение, должно составлять не 2, а примерно 2,5 ребенка. Поскольку число детей в реальных семьях не может быть дробным, средняя цифра в 2,5 ребенка складывается в случае, когда, часть женщин имеют двух детей, а часть – трех. Однако также стоит учитывать, что какая-то часть женщин не может иметь детей. Способствовать повышению суммарного коэффициента рождаемости может тенденция увеличения числа третьих и последующих детей, которая характерна для РФ в настоящее время». [5]

На процесс увеличения числа рождения третьих детей влияет совокупность различных факторов. Во-первых, в нашей стране большая часть пособий и льгот распространяется именно на поддержку многодетных семей, что заставляет задуматься о третьем ребенке. К числу таких мер можно отнести ежемесячное пособие многодетной семье, размер которого на данный момент времени составляет 40 процентов от заработка матери, отца или опекуна в промежутке последних двух календарных лет, его максимальная сумма с первого февраля 2024 года составляет 49123,12 рублей. Так же необходимо сказать о региональном материнском капитале, условия получения которого и цели, на которые он может быть потрачен варьируются в зависимости от места прописки семьи, к примеру, в республике Бурятия за рождение третьего и более ребенка семейной паре полагается единовременная

выплата, составляющая 71085 рублей, а в Калмыкии данная сумма составит 123774 рубля. [3]

Кроме того, многодетным семьям предоставляется возможность бесплатного посещения различных культурно-досуговых и спортивных мероприятий. Так, например, согласно указу Президента Российской Федерации от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей», Минкультуры России предоставляет гражданам список учреждений культуры, доступных для бесплатного посещения многодетным семьям при предъявлении удостоверения, подтверждающего статус многодетной семьи или QR-кода. [1] Также же можно сказать о возможности бесплатного проезда и питания в государственных бюджетных учреждениях. Данные меры существенно снижают финансовую нагрузку на родителей и дают возможность направить средства на иные цели, к примеру, на решение жилищного вопроса. Также меры государственной поддержки направлены в том числе и на обеспечение семей собственным жильем.

Кроме того, при решении завести третьего ребенка огромную роль играет психологический фактор, заставляющий задуматься о рождении первенца, ведь решиться на что-то новое и неизвестное намного сложнее, чем испытать то, с чем уже приходилось иметь дело. Также немаловажную роль в данном вопросе играет воздействие на сознание населения посредством СМИ, социальной рекламы и других факторов. Оно оказывает влияние на мнение общества в вопросах многодетности, ведь отчасти благодаря этому семьи осознают, что рождение трех и более детьми не только будет существенно поощряться материально государством, но и всячески одобряться со стороны окружающих, что способствует увеличению рождаемости.

Список литературы:

1. Во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» Режим доступа: <https://culture.gov.ru/about/departments/department-cinema-digital-development/news/vo-ispolnenie-ukaza-prezidenta-rossiyskoy-federatsii-ot-23-01-2024-63-o-merakh-sotsialnoy-podderzhki/> Дата обращения: 10.04.2025 г.
2. Конечный эффект мер демографической политики 1980-х в России. Режим доступа: <https://www.demoscope.ru/weekly/2016/0691/analit03.php> Дата обращения: 10.02.2025 г.
3. Во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» Режим доступа: <https://culture.gov.ru/about/departments/department-cinema-digital-development/news/vo-ispolnenie-ukaza-prezidenta-rossiyskoy-federatsii-ot-23-01-2024-63-o-merakh-sotsialnoy-podderzhki/> Дата обращения: 10.02.2025 г.

4. Эксперт: только семьи с 3-4 детьми спасут Россию. Режим доступа: <https://deita.ru/article/549299> Дата обращения: 10.02.2025 г.
5. Синельников А. Б. Социально-демографические факторы и возможные последствия повышения возраста выхода на пенсию в России // Социология. – 2020. – № 5. – С. 177-194. – EDN IMMUIA.

Семьедетный потенциал: понятие и проблемы

Дудин Геннадий Алексеевич
Независимый исследователь
Самара, Россия, genndudin@mail.ru

В связи с проблемой воспроизводства населения используются разные понятия и статистические показатели, среди которых – репродуктивный потенциал населения, семьедетный потенциал, коэффициенты рождаемости и др. Каждое из этих понятий и показателей высвечивает важную сторону процесса воспроизводства населения.

Понятия семьедетный потенциал и репродуктивный потенциал населения, по основному смыслу схожи – потенциал рождений детей. Но, видимо, надо учитывать и некоторые тонкости» этих понятий.

Репродуктивный потенциал населения является широким определением – возможные рождения детей и в рамках оформленных семей (официальных браков и сожительства), и вне рамок оформленных семей (включая незамужних женщин). Семьедетный потенциал населения в соответствии с самим своим названием указывает именно на семью – на рождения детей в рамках оформленных семей. Как мы полагаем, такой подход подразумевается в статье А.И. Антонова «Потенциал семьедетности и возможности его реализации» [1]. И указанные тонкости понятий «семедедный потенциал» и «репродуктивный потенциал» населения имеют научный и практический смысл.

В связи с проблемой низкой (и понижающейся, в общем, со временем) рождаемости естественными являются различные варианты попыток регулировать рождаемость, прежде всего, мерами социально-экономической политики государства. В первую очередь, такие меры касаются семьи, которая, при всех произошедших уже и происходящих с ней трансформациях, остаётся естественной средой для рождения и воспитания новых поколений [2; 3]. Некоторые «всплески» рождаемости обычно связываются, например, с теми или иными мерами социальной поддержки семей, матерей, детей. Особо в этом отношении выделяется так называемый «материнский капитал». Но динамика показателей рождаемости зависит, конечно, не от одного-единственного фактора. Действуют самые разные факторы, притом, порой с противоположной направленностью. В этой связи особенно важен социологический вывод «о ведущей роли ценностной составляющей в регулировании репродуктивного поведения» [4, с. 73].

Семьедетный потенциал (как и репродуктивный потенциал) населения зависит от ряда объективных факторов, прежде всего, от доли женщин репродуктивного возраста в общей массе населения и от состояния здоровья женщин (позволяющего или не позволяющего иметь детей). Но превращение репродуктивного потенциала населения в реализованный (реализуемый на практике, в жизни) зависит, конечно, и от многих причин субъективного характера, например, – от жизненной философии, настроенности или не настроенности человека иметь детей (и это связано также с позицией не только самой по себе женщины, но и её брачного партнёра – мужа, сожителя). Например, в социологическом опросе под руководством Л.Г. Лебедевой по вопросу: «Какие более или менее положительные черты наиболее характерны, на Ваш взгляд, для людей Вашего поколения? (Несколько вариантов)», – пункт «Серьёзное отношение к семье» у женщин получил 1-е место (45,3%), но у мужчин – лишь 5-е место (32,9%) [5, с. 12].

Субъективные факторы семьедетного потенциала населения связаны, прежде всего, с положительным отношением к самой семье [6], но не только. Речь также о склонности, настроенности, определённом желании иметь детей. Субъективные факторы в существенной мере также связаны (переплетаются) с объективными факторами, прежде всего, с традициями в обществе и в конкретной семье (семейной группе), с жизненными обстоятельствами, которые могут способствовать или препятствовать рождению детей (включая состояние здоровья женщин).

Многие затраты на пропаганду семей с детьми могут быть совмещены, например, с градостроительными мероприятиями и мерами по благоустройству населённых пунктов. Это может быть, например, установка скульптур на семейную тему, соответствующее оформление Центров семьи и материнства, детства, Центров культуры. Это может быть связано, в том числе, с туристическим аспектом – пример творческих изысков в этом направлении представлен в работе С.С. Вязниковцевой по поводу «бренда города Муром как столицы института брака и семейного счастья» [7].

Государство (как представитель общественных интересов), должно более активно вкладывать финансовые и материальные средства в решение проблемы рождаемости населения, помогая семьям, женщинам в том, чтобы они смелее решались на рождение первого и последующих детей. Если государству не сделать необходимых затрат, то превращение семьедетного потенциала населения в реализованный (реализуемый на практике, в жизни) окажется просто-напросто недостаточным.

Список литературы:

1. Антонов А.И. Потенциал семьедетности и возможности его реализации // В сборнике: Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты. Материалы IX Всероссийской

научно-практической конференции с международным участием. Вологда, 2021. С. 164-168.

2. Лебедева Л.Г. Трансформация семьи и преемственность поколений // Социодинамика. 2019. № 9. С. 1-8.
3. Лебедева Л.Г. Отношение поколений к семье, детям и межпоколенческие отношения: проблемы и тенденции // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46. № 1. С. 47-57.
4. Антонов А.И., Карпова В.М. Вариативность линий репродуктивного поведения и типов репродуктивного цикла // Социологические исследования. 2024. № 4. С. 73-87.
5. Лебедева Л.Г. Социологический взгляд на нынешние поколения россиян (гендерный аспект) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2025. Т. 11. № 1. С. 10-20.
6. Lebedeva L.G. Attitude to the Family: Generational Aspect // EpSBS – Volume 106: GCPMED 2020, European Publisher, 2021. Pp. 982-988.
7. Вязниковцева С.С. Авторская концепция продвижения бренда города Муром как столицы института брака и семейного счастья // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 2-2 (120). С. 74-77.

Семантика капитала в контексте цивилизационного подхода

Жаворонков Александр Васильевич, Воронина Наталья Сергеевна,
Институт социологии ФНИСЦ РАН
Бутаев Эдуард Измайлович, Гильдия маркетологов
Москва, Россия, larkzhav@yandex.ru

Взятый руководством страны курс на создание паритетных экономических отношений в противовес практикам колониального господства можно рассмотреть в разных аспектах. С точки зрения социологии одна из коллизий этой тенденции состоит в балансе скорости роста капитала и темпа замещения поколений. Картина этого дисбаланса в планетарном масштабе наиболее чётко выражается неуклонным возрастанием ВВП, которое сопровождается монотонным падением суммарного коэффициента рождаемости ($r = -0,890$, $Tau-b = -0,960$, $Po = -0,995$ за 1960-2023 гг. по 150 странам). Обратная связь душевого ВВП и СКР проверена в практически полностью замкнутом контуре по 214 странам мира и в границах 38 высокоразвитых стран Организации экономического сотрудничества и развития, а также по 37 странам Европы, из которых 27 – члены ЕС. Обнаруженная закономерность подтверждается. Исключения из правила выявлены как флуктуации на ограниченных по масштабу контурах и в отдельных странах, где положительная связь между ВВП и СКР

обнаруживается в совпадении снижений уровня жизни и рождаемости. В ряде периодов наблюдаются краткие флуктуации обратные этому явлению. Они вызваны во всех случаях (кроме одного) «локальными» подвижками в различных сферах жизни (здравоохранение, частные экономические реформы и т.п.). Только в 20-х гг. прошлого века в основе прироста населения в СССР лежала стратегическая линия диверсификации и равенства форм собственности при балансе развития различных экономических укладов. Она была прервана форсированием коллективизации.

Исследователи различных политических ориентаций едины в согласии с угрожающей близостью падения рождаемости в мире, расходясь лишь в сроках наступления точки невозврата. В большинстве случаев анализ сведен к констатации факта убыли населения. Упомянутые изменения рождаемости, инициированные различными конкретными причинами, в связи с методами накопления капитала, как правило, не анализируются. Но они связаны с максимизацией прибыли вариациями переменного капитала в пользу накопления при рыночно стихийном перераспределении общественных благ (В сельском хозяйстве всех стран планеты занято около 27% населения. От произведенного на Земле за год этой долей людей им достается чуть более 4%. Этот дисбаланс обмена проявляется демографически в виде обратной пропорциональности долей сельского хозяйства в ВВП и СКР у той или иной страны). Факты говорят, что этот ресурс, при господствующих производственных отношениях, объективно исчерпан. Резервуар рабочей силы находится в странах северной Африки и центральной и юго-восточной Азии. И он иссякнет в связи с приходом туда горнодобывающих компаний и стартом процесса урбанизации – катализатора повышения производительности труда и сокращения её субъекта. Но и это тоже констатация фактов. Исследования же содержат ответ на вопрос о причинах выделенных явлений и их преодолении. Дело в ракурсе и концепции рассмотрения фактов и информации о них.

Цивилизация это орудийная форма взаимодействия исторически возникавших определенных общностей-аппликаций ноосферы с умопостигаемой экологической нишей окружающего мира. Социологическое изучение аттрактантов такого взаимодействия обнаруживает соответствия между формами общественного сознания и масштабами взаимодействия ограниченного горизонтами общностей: семьи, рода, нации, государства и в наблюдаемом нами итоге общечеловеческого существования.

Методической проблемой настоящего доклада выступает краткий абрис соотношения данных макростатистики и реакций массового сознания на определенные события. Предыдущие результаты анализа докладывались на симпозиумах ФСНИЦ РАН и Ковалевских чтениях. Выводы доклада базируются на статистике международных организаций и исследования ESS-2006-2021, проводимого с интервалом в 2 года по европейским странам (по РФ руководитель Н.В. Андрееенкова) (В докладе взяты данные по Бельгии, Швейцарии, Германии, Эстонии, Испании, Финляндии, Франции, Великобритании, Венгрии, Ирландии, Нидерландам, Норвегии, Польше, Португалии, России, Швеции, Словении. Выбор вызван присутствием во всех замерах, последний из которых сдвинут на год из-за эпидемии ковида).

Массивы исследований рассмотрены по числу детей у женщин фертильного возраста (15–49 лет), отношению к мигрантам, оценке доверия институтам власти, полу, возрасту, поколению, децилю дохода. Объём по восьми замерам колеблется по каждой из стран от 9000 до 19000 респондентов, а общий объём данных составляет 210666 интервью. В выводах для их коррекции использованы исследования РМЭЗ НИУ ВШЭ по РФ за 2004–2023гг, кафедры социологии семьи и демографии МГУ за 1976–2020гг (руководитель А.И. Антонов) и ОСПИ–2019–2022 ИС РАН (руководитель С.В. Патрушев) (Дополнительно к указанным выше параметрам были рассмотрены семейные (семантический дифференциал), политические и ценностные ориентации респондентов, их мотивы самореализации).

Нами были созданы и проанализированы социометрические матрицы корреляций (статистика Кендалла) степени совпадений оценок у независимых респондентов всех градаций выбранных параметров. Рассмотрены шесть градаций отношения к мигрантам и семь градаций доверия властным институтам (Необходимость представлять гражданство лицам своей и иной по отношению к респонденту национальности или из бедных стран («своим», «чужим», «бедным», – толерантность), а также польза от мигрантов экономике, культуре, повседневности принимающей страны (прагматизм); оценка степени доверия парламентам страны и ЕС, ООН, политикам и политическим партиям, полиции и правовой системе). На их основе получены «триады» оценочного и нормативного (по степеням совпадения оценок) полей массового сознания. И по РФ и по всем европейским странам эта процедура дала похожие слои так называемых «инакомыслящих», «медианных», «доминирующих» (соответственно: мало совпадений с каждым оставшимся в выборке по всей стране, средне, много). Эти три слоя составляют в зависимости от оцениваемого фрагмента социальной реальности, года и страны замеров от 8% до 20% «инакомыслящих» и столько же «доминирующих»; остальные «медианные». Ни один из общепринятых социально-демографических признаков не даёт и близко той степени дифференциации норм детности, отношения к мигрантам и оценок власти, которая наблюдается в оценочно-нормативных «триадах».

Динамическая трёхмерная модель семейной ориентации женщин фертильного возраста в масштабах РФ (поведение/установки/общественно закреплённые нормы числа детей) оказалась константной за пол века. Она выражена в объёмной «гауссиане», неизменно отцентрированной относительно вершины со значением среднего числа рожденных детей в 1,5 на одну семью. Изменения в отдельных областях фигуры во времени говорят о ситуативных микроподвижках смысловых норм-реакций фертильных когорт на экономические изменения. Константности желаемого числа детей за рассматриваемый период ($\approx 2,5$) и СКР ($\approx 1,5$) являются отражением в сознании объективно необходимого для существования общества числа рождений и закреплением в поведении норм реагирования на реальный обмен благами, регулятором которого является доминирование максимизации прибыли. Меры господдержки семей, призванные демпфировать негативные явления, вызванные экономическими факторами, вписаны в этот общий контекст и к декларируемым целям улучшения положения не приводят.

Данные исследований показывают «U»-образный характер распределения значений СКР в децилях населения по доходу. На примере США, Испании, Швеции, Швейцарии и России видно, что рост СКР характерен и для самых бедных, и для самых богатых слоёв. Бедные семьи с большим числом детей, из-за которого они и бедны, разоряются; слои с максимально высоким уровнем дохода завоевали место для передачи накопленного следующему поколению. Центробежные и центростремительные потоки в трёхмерной модели относительно объективно необходимой скорости воспроизводства населения практически равны. Наличие системы, позволяющей малым слоям обеспечить нужную скорость, не просматривается ни в одной из стран (Исключение пока что обнаружено в Швейцарии и Швеции. Здесь высокий СКР присутствует не только у женщин фертильного возраста в группе низкого дохода, но и в четырёх высокодоходных, в Швеции, например, до 2,18. Эти две страны за исследуемый период показывали наиболее сбалансированную социальную политику относительно процесса замещения поколений. Было бы полезно рассмотреть последние данные ситуации в этой области в связи с отказом этих стран от стратегии нейтралитета). Силовые и административные приёмы оказываются недостаточными, исключая кратковременные эффекты. В долгосрочном плане и опора на миграционную составляющую резервной армии труда бесперспективна. Например, в Финляндии с 2000 по 2024гг в когортах матерей, имеющих родным языком китайский, вьетнамский и арабский, СКР снизился в разы до значений 0,7 – 0,91 – 2,18 соответственно языковой группе. Параллельно снизился СКР и у титульных наций (Источник: <https://t.me/sterngang/812>). Механика дисбаланса благ снижает рождаемость всюду за одно поколение и независимо от вероисповедания. Моменты кризисов и урбанизация ускоряют процесс.

Динамика изменений по странам оценочного и нормативного полей показывает:

Во-первых, высокие оценки параметров отношения к мигрантам с 2006 по 2021гг устойчиво присущи населению лишь трёх стран. Это Швейцария, Швеция, Норвегия. И только в этом «трио» стабильно высоки оценки доверия всем властным институтам. В полярной зоне отношения к мигрантам находятся Венгрия и Англия. Оценки политических институтов ниже всего во Франции, Венгрии, Польше, Португалии, России, Словении. В других странах оценки и мигрантов и власти колеблются в зависимости от страны, градаций параметров и экономической ситуации. СКР монотонно падает везде.

Во-вторых, основной «водораздел» между странами обнаружен в областях толерантного и прагматичного отношения к мигрантам. Он дал 10 качественно отличных кластеров, 6 из которых составили почти 90% населения европейского континента [1]. Это испано-нидерландский, англо-саксонский, франко-романо-германский, австро-венгерский, шведский, российский кластеры, несущие в себе идеологические стереотипы революционных процессов. У части стран-ядер кластеров в моменты кризисов видны резкие переходы отношения к мигрантам между формами «своего» и иных кластеров. Анализ методом «деревьев решений» вывел

стереотип отношения к мигрантам в европейских странах. Чем выше доверие парламенту страны, тем лучше отношение, безусловным фаворитом которого является оценка приёма в гражданство «своих» и антипатия к «чужим» и выходцам из бедных стран. Иной стереотип в РФ; он требует отдельного анализа.

В-третьих, наибольшая динамика наблюдается в «точках перегибов» распределений оценочно-нормативных полей. Пересечение «триад» критически, умеренно, лояльно ориентированных в отношении к мигрантам и власти с «триадами-ареалами» инакомыслящих, медианных, доминирующих дает наиболее мощную дифференциацию оценок. Это касается и семейных ориентаций. Идеологические стереотипы доминирующих нормативных полей не эксплицируются в политическую сферу. Во всех без исключения обследованных странах наиболее высока оценка доверия полиции, а наименее – политикам и политическим партиям. У инакомыслящих – наоборот.

Таким образом, «триады-ареалы» нормативных полей оказываются устойчивыми фундаментальными образованиями. Они выкристаллизовались в результате исторического развития в качестве мыслительных аттрактантов борьбы и единства противоположностей во взаимодействии широких слоев населения и власти в той или иной стране. Там, где «инакомыслящие» главенствуют в политической сфере, наблюдается корпоративный характер решений социальных проблем. Российские исследования 2019 – 2022 гг. более чётко, показывают, что основной водораздел поляризации политических установок населения лежит в плоскости участия/неучастия широких масс в управленческих решениях баланса созданного трудом. При этом когерентность решений власти обеспечивается не уравниванием всех и вся (развитие останавливается при массовой социальной стандартизации и редукции духовной сферы к товарно-денежным отношениям) а учётом для общего блага всех форм существования и оценок их сознанием.

В классической политической экономии есть несколько недоработанных постулатов. Ни в деньгах, как мере труда, ни в капитале, как объективации человеческой активности в процессе внутрисистемного и внешнего взаимодействия с перерабатываемой природной нишей обитания, нет внутренне имманентных им негативных явлений. Тотальное господство лишь одного механизма регуляции обмена результатами труда – вот основная причина саморазрушения. Именно этот механизм регуляции баланса времени затрат на производство самой жизни затушевывает тот факт, что общественно необходимое время есть время необходимое для воспроизводства самого субъекта деятельности, а не только рабочей силы для роста капитала и максимизации прибыли.

Мы присутствуем при весьма трудном становлении общечеловеческого взаимодействия, в котором нету «чужих», помещенных «за оградой» господствующей общности и принуждаемых к подчинению стратегией баланса сил. Оно предусматривает взаимодействие, основанное не на господстве, а на договорных началах, исключающих насилие и принуждение. Это предполагает равенство субъектов взаимодействия независимо от этноса и уровня орудийного развития. Становление общности требует овладение умением договариваться между различными этносами. А

для этого необходимо диверсификация форм собственности и власти и ограничение тех форм, которые, провозглашая ценность человеческой жизни, отнимают у неё ресурс времени воспроизводства, приближая момент своего самоуничтожения. Исходя из этого наша социальная политика обязана иметь сегодня один главный целевой критерий – СКР равный 2,64 ребенка на семью.

Список литературы:

1. Жаворонков А.В., Воронина Н.С. Отношение к иммигрантам в массовом сознании европейцев (на примере вторичного анализа данных ESS-2016 г.). Часть 1 // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Том. 9. № 2. С. 42-65. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.2.8102>

К вопросу об измерении репродуктивных установок

Карпова Вера Михайловна
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, wmkarpova@yandex.ru

Одним из наиболее значимых факторов репродуктивного поведения является потребность в детях и ее количественное выражение – репродуктивные установки. Именно эти установки определяют верхнюю границу потенциала роста рождаемости за счет реализации мер материального стимулирования и улучшения качества жизни семей с детьми. Социологические исследования показывают, что после рождения желаемого числа детей репродуктивное поведение семей прекращается и не происходит ни новых рождений, ни даже беременностей [1, 2]. Таким образом измерение репродуктивных установок, социологическая оценка меры потребности в детях является одним из ключевых направлений социологического исследований репродуктивного поведения и выступает основой для прогнозирования рождаемости.

В рамках социологических исследований можно встретить самые разнообразные формулировки вопросов, направленных на оценку репродуктивных установок респондентов [3], однако наиболее традиционными и широко распространёнными являются вопросы об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей. Именно эти вопросы или их вариации используются не только в научных социологических исследованиях, но и опросах общественного мнения, проводимых коммерческими организациями. Наиболее популярными в массовых опросах являются вопросы о желаемом и ожидаемом числе детей. Широкая распространенность такого рода опросов, актуальность демографической тематики в современном общественном дискурсе приводит зачастую к тому, что разнообразие формулировок, которые затем представляются как «желаемое» число детей растет пропорционально количеству проведенных исследований. Однако

более внимательное изучение данного вопроса показывает высокую чувствительность результатов опроса к формулировке вопроса о желаемом числе детей.

Так в рамках социологии семьи классической формулировкой данного вопроса является «Сколько детей вы хотели бы иметь при всех необходимых условиях?». Иногда данный вопрос дополняется уточнением: «включая уже имеющихся». Аналогичная формулировка используется в исследовании репродуктивных планов населения, проводимого Росстатом – «Сколько всего детей, включая имеющихся Вам хотелось бы иметь при всех необходимых условиях?». Обе формулировки имеют важное отличие от вопроса об идеальном числе детей, где в формулировке присутствует слово «идеально» или близкое по значению словосочетание «лучше всего». Варианты формулировки вопроса об идеальном числе детей могут быть: «Сколько детей лучше всего иметь в семье?» [3] или использовавшееся в исследованиях института Гэллапа в США «Как вы думаете, какое количество детей идеально для среднестатистической американской семьи? (What do you think is the ideal number of children for the average American family?)» [4]. Исследования показали, что идеальное число детей плохо аппроксимирует репродуктивные установки, так как является скорее отражением существующей информационной повестки в мнениях населения. Так в рамках серии замеров было получено статистически значимое уменьшение среднего размера «идеальной семьи» по мере распространения публикаций по проблеме перенаселения в Нью-Йорк Таймс [4].

Еще одним важным аргументом в пользу использования единообразной формулировки вопроса о желаемом числе детей является сравнимость и воспроизводимость результатов исследования. Даже добавление одного слова «идеальный» может привести к искажению получаемых результатов и невозможности использования их для дальнейшего научного осмысления.

К сожалению, классические формулировки вопросов о репродуктивных установках часто подвергаются изменению при использовании в массовых опросах. Так ВЦИОМ использует для оценки «желаемого» числа детей формулировку «Сколько детей Вы хотели бы иметь в идеале, без учета нынешних условий жизни?», что по сути является смешением вопросов об идеальном и желаемом числе детей.

Еще одним важным аспектом анализа репродуктивных установок является логика проводимых расчетов. В случае если рассчитывается среднее значение, например желаемого числа детей, то необходимо при расчете учитывать ответы тех, кто выбрали вариант «ни одного ребенка». Эта доля может меняться от одного замера к другому и расчет без учета тех, кто «не хочет детей», приводит к искажению средних значений и может быть либо ошибкой, либо манипуляцией статистическими данными. Так в последнем исследовании ВЦИОМ утверждается, что репродуктивные установки россиян значимо выросли за последние 20 лет. «В 2005 г. среднее ожидаемое число детей составляло 1,9, в 2025 – уже 2,4.» [5] Однако если обратиться к методике расчета, в особенности для оценки ожидаемого числа детей («Как Вы думаете, сколько детей будет в Вашей семье (учитывая тех, что уже есть)?»), то

становится ясно, что рост наблюдается не по всей выборке, а только среди тех, кто ожидает рождения еще хотя бы одного ребенка. При этом происходит одновременный рост доли тех, кто не ожидает рождения детей (доля ответивших «Нисколько/ не буду заводить детей» выросла с 6% в 2005 до 18% в 2025 году). В случае пересчета данных результатов с учетом всех ответов респондентов динамика среднего ожидаемого числа детей становится гораздо менее яркой: расчет для 2005 года дает среднее ожидаемое число детей 1,78, а для 2025 года 1,92.

Данный пример демонстрирует, что не только формулировка вопроса, но и методика расчета при обнародовании данных должна быть логически выверенной и сравнимой с другими исследованиями. Иначе возможно получение сенсационных выводов о феноменальном росте репродуктивных установок, которые потом никак не подтверждаются реальным поведением населения.

Список литературы:

1. Архангельский В.Н., Зайко Е.С. Линии репродуктивного поведения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. № 29. С. 1374–1380. DOI: 10.32687/0869-866X-2020-29-s2-1374-1380.
2. Антонов А. И., Карпова В. М. Вариативность линий репродуктивного поведения и типов репродуктивного цикла // Социологические исследования. – 2024. – № 4. – С. 73–87
3. Антонов А. И. Микросоциология семьи: учебник / А.И. Антонов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2018 – 368 с.
4. Trent R. B. Evidence bearing on the construct validity of «ideal family size» // Population and environment. Vol. 3, n. 4. P. 318-319, 1980
5. Семья и брак в России XXI века. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-brak-v-rossii-xxi-veka>

Отношение россиян к семье и детям

Ковалевская Елена Викторовна
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, evkyand@yandex.ru

Количество детей в семьях изменялось с течением времени, и разные страны имели свои особенности и различались в этом. Но многодетность была характерна для большей части исторического периода существования человечества, и у среднестатистической женщины, как правило, было пять, а чаще и больше детей. Такая ситуация два столетия назад была в США, Великобритании, России, Индии, Китае и многих других странах. Снижение

рождаемости можно считать одним из самых фундаментальных социальных изменений в истории человечества, и этот процесс происходит очень быстро. Глобальный коэффициент рождаемости до 1965 года составлял 5 детей на одну женщину, но в настоящее время коэффициент рождаемости он уменьшился в два раза и составляет менее 2,5 детей на одну женщину [1].

Снижение рождаемости, которое в настоящее время наблюдается не только в России, но и в других странах мира, происходит не только от изменяющихся социально-экономических процессов. Некоторые исследователи называют этот процесс глобальным демографическим переходом. По данным Всемирного банка в 2023 году во Франции общий коэффициент рождаемости составил 1,7, в США -1,6, в Великобритании -1,6, в Дании -1,5, Португалии - 1,4, в Германии 1,4, в России - 1,4, в Швеции - 1,4, в Норвегии - 1,4, в Австрии 1,3, в Канаде -1,3, в Италии - 1,2, в Японии - 1,2, в Испании -1,1, в Китае -1,0] [2].

В настоящее время численность населения в мире превышает 8 миллиардов человек и, по прогнозам демографов, может достичь к 2050 году 10 миллиардов. В то же время, динамика роста населения во всем мире замедляется из-за снижения рождаемости. Зарубежные исследователи считают, что в течение следующих 25 лет значительно сократится население в Восточной Азии, Европе и России. Выделяют три основные причины стремительного снижения глобального уровня рождаемости, среди которых: расширение прав и возможностей женщин из-за увеличения возможности доступа к образованию и участию в рынке труда; снижение уровня детской смертности; увеличение расходов на воспитание детей и сокращение использования детского труда [1].

В настоящее время в России наблюдается тенденция уменьшения числа родившихся. Сокращающаяся рождаемость не позволяет компенсировать естественную убыль населения. В 1990 году суммарный коэффициент рождаемости по Российской Федерации составлял 1,89 и это был наибольший показатель за период с 1990 по 2024 год. В последующие годы наблюдалось снижение рождаемости в России. В 1999 году суммарный коэффициент рождаемости достиг своего минимального значения и снизился до 1,16. Затем наблюдалось неравномерное повышение коэффициента рождаемости, который достиг своего максимального значения 1,76 в 2015 году, и после этого года он опять стал снижаться [3].

За 2024 год население России уменьшилось на 31 тысячу человек, то есть на 0,02% и равнялось 146,1 миллионов человек. В России с 2015 года сокращается число родившихся, и в 2024 году по данным оперативного учета за январь-декабрь 2024 года общий коэффициент рождаемости был ниже среднего по России (8,4‰) в 50 из 85 регионов Российской Федерации, в 32 превышал его и в трёх регионах равнялся ему. Российские регионы различаются по уровню общей рождаемости и из-за интенсивности рождаемости, и из-за особенностей возрастной структуры населения [3; 4].

По результатам опроса, проведенного в феврале 2025 года ВЦИОМ, при наличии идеальных условий, без учета нынешних условий жизни, 6% россиян хотели бы иметь одного ребенка, и такое же число респондентов планировали иметь одного ребёнка в 2020 году и 2021 году, а в 2017 году так

думали 7% опрошенных. При идеальных условиях в 2017 году 40% россиян планировали иметь двух детей, в 2020 году двух детей хотели иметь 35% респондентов, в 2021 году их доля уменьшилась до 32% от общего числа опрошенных, а в 2025 году доля россиян, хотевших иметь двух детей, снизилась до 30%. Таким образом, потенциально, в идеальных условиях доля россиян, которые хотели бы иметь двух детей уменьшилась за период с 2017 года по 2025 год на 10%. В 2025 году доля россиян, которые хотели бы в идеальных условиях иметь трех детей увеличилась по сравнению с 2017 годом на 3% и составила 31% от всех опрошенных, то есть почти каждый третий из общего числа опрошенных при идеальных условиях хотел бы иметь троих детей. На 8% по сравнению с 2017 годом увеличилась в 2025 году доля россиян, которые в идеальных условиях хотели бы иметь четырех и более детей, и их доля составила 22% от общего числа опрошенных. Следовательно, каждый пятый из россиян потенциально, при идеальных условиях, хотел бы иметь четверых детей в семье [5].

В то же время, по данным того же опроса ВЦИОМ у 24% опрошенных был один ребенок, двух детей имели 30% опрошенных, а в 2014 году один ребенок был у 29% респондентов и 38% респондентов имели двоих детей. В 2025 году увеличилось до 13% число семей с тремя детьми, то есть таких семей стало больше на 5% по сравнению с 2014 годом. Число семей с четырьмя и более детьми увеличилось до 5% по сравнению с 2014 годом, то есть их стало в 2,5 раза больше по сравнению с 2014 годом. Не было детей у 9% респондентов, но в ближайшие год-два они планировали завести ребенка. В то же время, у 17% опрошенных детей нет и в ближайшее время они не планировали заводить детей [5].

По данным опроса о репродуктивных установках россиян, проведенного ФОМ летом 2024 года, 44% опрошенных скорее положительно относятся к тому, что в наше время женщины рожают первого ребёнка в более старшем возрасте, чем это было 20–30 лет назад, 32% относятся к позднему рождению детей скорее отрицательно, а 23% затруднились ответить на этот вопрос. Среди молодёжи в возрасте от 18 до 30 лет 56% респондентов скорее положительно относятся к тому, что первого ребёнка женщины стали рожать в более старшем возрасте, а среди респондентов в возрасте от 31 до 45 лет так считают 50% от всех опрошенных. Каждый четвертый из числа опрошенных (25%) осуждают людей, которые вообще не хотят иметь детей, но 64% россиян не осуждают тех, кто не стремится иметь детей, то есть больше половины россиян лояльно относятся к тем, кто вообще не хочет иметь детей. Среди опрошенных россиян 20% считают, что причиной позднего рождения первого ребёнка является то, что женщины хотят быть уверенными в своем будущем, «стремятся стать на ноги», обеспечить себя и будущего своего ребёнка. Почти столько же россиян – 18% от всех опрошенных, причиной позднего рождения первого ребенка женщиной называют стремление женщины сначала достичь успеха в профессиональной сфере, сделать карьеру [6].

Список литературы:

1. Max Roser (2014) – “The global decline of the fertility rate” Published online at OurWorldinData.org. Retrieved from: 'https://ourworldindata.org/global-decline-fertility-rate' [Online Resource] URL: <https://ourworldindata.org/global-decline-fertility-rate> (дата обращения 04.06.2025).
2. Fertility rate, total (births per woman) | Data URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TFRT.IN> (дата обращения 04.06.2025).
3. Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за декабрь 2024 года – URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_12-2024.htm (дата обращения 04.06.2025).
4. Щербакова Е.М. Первые демографические итоги 2024 года в России (часть I) // Демоскоп Weekly. 2025. № 1067-1068. URL: <https://demoscope.ru/weekly/2025/01067/barom01.php> (дата обращения 04.06.2025).
5. Репродуктивные планы россиян: два пишем, три в уме? : Аналитический доклад ВЦИОМ. 25 февраля 2025. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reproduktivnye-plany-rossijan-dva-pishem-tri-v-ume?ysclid=mbb088u262217860822> (дата обращения 04.06.2025).
6. Репродуктивные установки // ФОМнибус еженедельный всероссийский опрос 19-21 июля 2024 г. – URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/15055?ysclid=mbjq195f9z313889295> (дата обращения 05.06.2025).

Foster family as a form of placement for children left without parental care

Латышев Олег Юрьевич

Международная Мариинская академия имени М.Д. Шаповаленко
Москва, Россия, para888@list.ru

Латышева Полина Александровна

Международная Мариинская академия имени М.Д. Шаповаленко
Москва, Россия, para888@list.ru

Луизетто Мауро

Международная Мариинская академия имени М.Д. Шаповаленко
Пьяченца, Италия, para888@list.ru

Foster families are currently considered, and not without reason, to be the most acceptable form of life for orphans brought up in boarding schools and children left without parental care.

This issue has already received due attention in their scientific works by V. S. Mukhina, G. V. Semya, V. N. Ilyin, V. A. Kovtonyuk, O. E. Kryukova, L. B. Levina, L. N. Makarova, G. E. Spirina, L. P. Chaikina, E. V. Chernykh, I. I. Chernousova, as well as many other bright and far-sighted researchers.

Many of the pupils of boarding schools placed in foster families, according to questionnaires, tests and sociological surveys, are in a state of economic and legal nihilism. They clearly do not want to hear any admonitions and reasoned convictions from foster parents that they will ever, to someone and something, be indebted. Among them, there is an opinion that they, previously offended by fate, must always and always be given everything for free.

Foster parents could attribute this profound misconception to the lack of awareness of their foster children, which is typical of adolescence, as well as to the manifestation of somewhat delayed youthful maximalism. However, the practice of meetings and conversations with people who once left the walls of boarding schools and orphanages, and are already almost reaching retirement age, shows that they are also prone to such misconceptions [1].

Therefore, it seems advisable to include in the educational process conducted by foster parents with their foster children, former pupils of boarding institutions for orphans and children left without parental care, effective incentive mechanisms that are most suitable for the intensive development of their economic thinking.

In the event that the innate pedagogical talent of foster parents can prevail over the ever-increasing intransigence of their growing foster children, then the main issue can be considered practically resolved. In turn, a foster family should be considered a fairly progressive form of life arrangement for children left without parental care, given that the relevant state institutions are aimed at supporting them [2].

In general, the state's activities to protect childhood in foster families can be divided into three layers:

1. The relevant legislative acts are adopted, guarantees and standards for the implementation of guarantees are prescribed. Programs are developed at the federal and regional levels.

2. Mechanisms and institutions aimed at implementing these guarantees and standards are created.

In the message of the President of the Russian Federation, "the development of family forms of placement of orphans is also included among the priority measures to support motherhood and childhood. These social protection measures are financed from regional and municipal budgets." In addition, an organic addition to support this target audience is the activity of public charitable organizations and associations, whose statutory activities are directly related to helping such children. Foster families can help to significantly reduce the increased risk that almost all children in boarding schools face, and eventually end up among poorly educated and unskilled workers, which reduces the chances of children in orphanages to escape poverty. It should also be noted that the leading aspect of

social support for children in foster families is the comprehensive consideration of children's interests, with assistance to socially vulnerable children and children at risk being of particular importance.

O. A. Kishchuk, examining the essence and significance of the system of social protection of children in modern Russia, considers it necessary to report that "an important area of socialization of children and adolescents is their rehabilitation due to deprivation, i.e. loss of important personal qualities.

At the same time, personal development is diagnosed, individual plans for the restoration of abilities are built, correctional groups are organized, relevant classes are selected that allow them to acquire socially valuable knowledge and skills in their application in work, communication, and personal life in collective activities.

Based on the above, it becomes possible to conclude that a foster family, which has essentially absorbed many of the most important features of a blood family, can and should be considered as the most acceptable form of life arrangement for children left without parental care. This is evidenced by the abundance of new habits, positive inclinations, and constructive aspirations that children from orphanages and other boarding schools acquire from the moment they are placed in foster families.

Список литературы:

1. Latyshev O. Yu., Latysheva P. A., Luisetto M. FEATURES OF THE ORGANIZATION OF SOCIAL PROTECTION OF MOTHERHOOD, PATERNITY AND CHILDHOOD IN MODERN SOCIO-ECONOMIC CONDITIONS // СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ. Материалы V Международной научно-практической конференции (Москва, 22-23 июня 2023 г.) / науч.ред. В. В. Локосов. – М: ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2023. – С. 251-253.
2. Latyshev O. Yu., Latysheva P. A., Luisetto M. THE CONCEPT AND ESSENCE OF ORGANIZING SOCIAL PROTECTION OF MOTHERHOOD AND CHILDHOOD // Социальная динамика населения и человеческий потенциал: Материалы VI Международной научно-практической конференции (Москва, 20-21 июня 2024 г.) / науч.ред. В.В Локосов. – М: ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2024. – 464 с. ISBN 978-5-4465-4219-2 С. 81-83.

К проблеме репродуктивного потенциала населения

Лебедева Людмила Геннадьевна
Самарский государственный экономический университет
Самара, Россия, ludleb@mail.ru

Репродуктивный потенциал населения (если и не полностью, то в основном) связан с семьёй. А семья в любом обществе, в любой стране в своём развитии проходит самые разнообразные трансформации [1]. Вместе с этим, семье как социальному институту свойственны консервативные самосохранительные тенденции [2, 988].

Само по себе сохранение, в той или иной форме, семьи как социального института, в первую очередь, связано с репродуктивной функцией семьи. Но, парадоксальным образом, именно эта функция начинает «давать сбой» в современных обществах, подвергшихся «модернизации». Это стало проявляться в существенном снижении рождаемости населения в «передовых» странах и в увеличении доли малодетных и бездетных семей. Результат этого – естественный прирост населения (разница между числом родившихся и числом умерших) в последние десятилетия является не положительной, а отрицательной величиной, то есть происходит естественная убыль населения, а не прирост. Так, в Российской Федерации показатели естественного прироста (фактически – убыли) населения на 1000 человек населения в динамике составили (человек): от -6,6 в 2000 г. и -1,7 в 2010 г. до -7,1 в 2021 г., -4,0 в 2022 г. и -3,5 в 2023 г. [3, 94].

Тревожные данные статистики об отрицательной динамике народонаселения вполне объясняют, почему первейшим (можно сказать: глобальным) интересом в рамках Стратегии национальной безопасности РФ объявлено «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала» [4]. И в этом отношении вряд ли можно рассчитывать лишь на отдельно взятые меры, например, – материнский капитал.

Из опыта применения материнского капитала делается вывод критического характера, что «материнский капитал практически был перенесен со второго ребенка на первого. Такая политика не стимулирует рождение третьих и последующих детей» [5, 73-74]. С такой критической оценкой первоначально задуманной роли материнского капитала нельзя не согласиться. Но теперь следует говорить не только о «первоначально задуманной роли материнского капитала», но и о той роли, которая стала проявляться в жизни – о стимулировании рождения первого ребёнка, а также об улучшении материального положения семей с детьми. Ясно, что если семья не решится на рождение первого ребёнка, то уж вряд ли появится второй, тем более, – третий ребёнок.

Думается, что особого разговора заслуживает многопоколенная семья. Например, в многопоколенной семье старшее поколение во многом помогает молодым папам и мамам в заботе о детях, а также в решении некоторых бытовых (отчасти и финансовых) вопросов [6]. Возможность межпоколенной взаимопомощи снижает определённую боязнь молодых завести детей – боязнь не справиться с обеспечением и воспитанием своих детей, а также и своеобразная боязнь расстаться с молодостью, посвятив себя детям. Например, по социологическим данным, основными проблемами для семей, способствующими отрицательным демографическим тенденциям, выступают, преимущественно, проблемы «бытовые» и трудности «материальные» в повседневной жизни [7, 18]. Содействие сохранению многопоколенных семей – один из важных путей поддержки на высоком

уровне настроя молодых людей на рождение детей, соответственно, один из путей поддержки и более полной реализации репродуктивного потенциала населения.

Обозначившаяся тенденция, что всё большая часть индивидов и семей ориентируется на малодетность или даже на бездетность (чайлдфри), подсказывает, что государству необходимо пытаться переломить эту отрицательную тенденцию в другую сторону, – связанную с желанием иметь детей. Для этого необходимо максимально содействовать тем семьям, которые ориентированы на детей, в особенности, на многодетность (трое и больше детей). При этом, как показывают социологические опросы, пока лишь примерно две трети молодёжи высказываются о желании иметь двух детей и только пятая часть – троих и более детей [8, 98]. Но и такие желания со временем в реальности ослабевают и далеко не вполне реализуются под влиянием разных жизненных обстоятельств. Разумеется, жизненные обстоятельства должны изучаться и учитываться, чтобы меры социальной политики были реалистичными и эффективными.

Возможно, полезной была бы специальная программа и меры поддержки многопоколенной семьи с её спецификой (особенно, в отношении жилищных условий), аналогично мерам поддержки многодетной семьи.

Ещё более активной должна быть деятельность депутатского корпуса на всех уровнях, в связи с чем неизбежно возникают и вопросы в адрес учёных, научного сообщества – по всем аспектам семейной политики и социальной политики, в целом.

Список литературы:

1. Поломошнов А.Ф., Воронцова Т.Н., Колышкина М.С. Смысл метаморфоз современной российской семьи // Kant. 2022. № 1 (42). С. 141-146.
2. Лебедева Л.Г. О социокультурных характеристиках старших и младших поколений современных россиян // НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. 2023. № 2 (48). С. 244–254.
3. Российский статистический ежегодник. 2024: Стат.сб. / Росстат. М., 2024. 630 с.
4. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения 26.05.2025).
5. Антонов А.И., Карпова В.М. Вариативность линий репродуктивного поведения и типов репродуктивного цикла // Социологические исследования. 2024. № 4. С. 73-87.
6. Лебедева Л.Г. Повседневная межпоколенческая взаимопомощь в семье: социологический анализ // Социальная политика и социология. 2020. Т. 19. № 2 (135). С. 90-97.
7. Лебедева Л.Г. Проблемы поколений в дискурсе жизненной ситуации // Primo Aspectu. 2021. № 2 (46). С. 15-19.

8. Вяткина Л. Б., Лизунова Л. Р., Крузе Б. А., Соснина Д. Н. Укрепление традиционных национальных семейных ценностей: мотивы вступления в брак современной молодежи // Гуманитарные исследования. Психология и педагогика. 2024. № 20. С. 90–101.

Трансформация роли матери и концепция интенсивного родительства

Ляликова Софья Викторовна
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, lyalikova.sociology@yandex.ru

Исторически в России образ идеальной матери был связан с традиционным ожиданием самопожертвования и авторитарной заботы в духе концепта «священного долга» женщины как хранительницы семьи и домашнего очага. В 2000-е годы акцент сместился к роли «ответственной матери» с внешним вниманием к дисциплине, образованию и безопасности. Сегодня «базовый минимум» воспринимается как эмоциональная вовлеченность, доступность и включенность в процесс развития ребенка, сопряженный с выбором различных образовательных траекторий, осознанным подходом к воспитанию и участию в жизни ребенка.

«Интенсивное родительство» – стратегия воспитания, которая ставит своей главной целью успех ребенка и его интересы. Впервые термин «интенсивное родительство» появился в книге американского социолога Шэрон Хейз «Культурные противоречия материнства», изданной в 1996 году. Отличительной особенностью «интенсивного родительства» является детоцентризм, при котором ребенок находится в центре семейной системы, а родители зачастую пренебрегают своими интересами и потребностями ради создания успешного будущего для него. Матерей, практикующих данный подход к воспитанию, характеризует высокий уровень утомляемости, тревожности, низкая самооценка, они становятся зависимы от экспертного мнения педагогов, детских психологов, консультантов по лактации, детскому сну и т.п. [4]. Все это повышает нагрузку на родителей, побуждает их осваивать все больше и больше сложноструктурированных навыков, которые напрямую могут быть не связаны с их семейными обязанностями. Подобное делает затруднительным выбор о рождении ребенка в семье, в связи с тем, что родители испытывают сомнения в том, что справятся с этой нелегкой ролью, и могут откладывать рождение ребенка на более поздний срок, чтобы дать себе возможность подготовиться и создать необходимые условия для воспитания ребенка.

Женщины зачастую оказываются главными носителями «интенсивного родительства», потому что именно они берут на себя ключевую роль заботы о детях. Исследование бюджетов времени показывает,

что в течение дня основными занятиями для мужчин, имеющих детей, являются профессиональная занятость, сон, личная гигиена и время досуга [2]. При этом с увлечением семьи структура бюджетов времени отцов изменяется незначительно: основные виды деятельности остаются прежними. Иная картина отмечена для женщин. В семьях с одним ребенком основными видами деятельности в течение дня являются сон, занятость и связанные с ней виды деятельности, а также домашний труд (включающий в том числе и уход за детьми). С ростом числа детей в семье значительно снижается время, отводимое на профессиональную занятость (до минимума 1,4 часа в будний день в семьях с 4+ детьми), но при этом существенно возрастает время занятости домашним хозяйством (до 8,9 часа в семьях с 4 и более детьми).

Ради того, чтобы наилучшим образом реализовать себя в семье многодетные матери чаще склонны к полному отказу от профессиональной занятости, либо выбору более гибких вариантов трудоустройства [1]. Исследования родительских установок показывают, что именно роль матери, по мнению респонденток, имеющих детей, является наиболее важной и приносит им удовлетворение [5]. В то же время подавляющее большинство россиян считает, что быть матерью скорее трудно (86%), на вопрос о том, изменилось ли что-либо в современном материнстве 39% опрошенных уверено ответили, что в современном обществе мамой быть сложнее, чем 20 лет назад и только 23% посчитали, что ничего не изменилось за указанный период [3].

Концепция интенсивного родительства в большей степени распространена среди женщин с высоким уровнем образования и культурным капиталом, которые внутренне воспринимают материнство как проект реализуемого саморазвития. Они легче разбираются в экспертных материалах, следуют советам специалистов и стараются наилучшим образом реализовать себя в материнстве, искренне разделяя концепцию детоцентризма. Однако подобная вовлеченность в крайней степени несет в себе сопутствующие риски, так, в условиях совмещения нескольких социальных ролей и стремлению соответствовать современному, зачастую недостижимому образу «идеальной матери», женщины испытывают тревогу, стресс и сомневаются в своих возможностях и компетенциях. В то же время подавляющее большинство россиян считает, что быть мамой – это прежде всего испытывать эмоциональную близость к ребенку, проявлять доброту, нежность и заботу [3]. Воспитание детей – семейная обязанность, а не исключительно женская функция, в связи с чем разделение обязанностей с отцом семейства, вовлечение старших детей в заботу о младших способствует укреплению внутрисемейных связей, повышению эмоциональной сплоченности и снижению нагрузки на женщину, что в свою очередь, положительно отражается на её психическом и эмоциональном благополучии.

Список литературы:

1. Дорофеева З.Е. Особенности интенсивного родительства в высокоресурсных многодетных семьях // INTER. 2021. №1. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-intensivnogo-roditelstva-v-vysokoresursnyh-mnogodetnyh-semyah> (дата обращения: 03.05.2025).

2. Карпова В. М., Ляликова С. В., Антонов А. И. Времени в обрез: сколько времени россияне уделяют заботе о собственных детях? // Народонаселение. — 2024. — Т. 27, № 3. — С. 137–152.
3. Образ матери в современном обществе. ВЦИОМ. 28 ноября 2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-materi-v-sovremennom-obshchestve> (дата обращения: 28.11.2025).
4. Акинкина Я.М. Понятие «интенсивного родительства» в зарубежной литературе. Современная зарубежная психология. 2020. 9(2). 117–122. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090210>
5. Женское счастье: российская версия. ВЦИОМ. 21 апреля 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhenskoe-schaste-rossiiskaja-versija> (дата обращения: 03.05.2025).

Тенденции демографического развития и пути снижения репродуктивных потерь в Республике Карелия

Морошкина М.В., Поташева О.В.

Институт экономики — обособленное подразделение Федерального
государственного бюджетного учреждения науки Федерального
исследовательского центра "Карельский научный центр
Российской академии наук"

Петрозаводск, Россия, Maribel74@mail.ru, lelyapotasheva@yandex.ru

Демографическая ситуация, наблюдаемая в большинстве территориальных образований Северо-Западного федерального округа характеризуется устойчивыми депопуляционными тенденциями, исключение составляет столичный мегаполис Санкт-Петербург [1]. В сложившейся ситуации актуальным становится поиск социальных резервов для стабилизации численности населения [2]. Формирование направлений поиска основывается на процедуре выявления и мобилизации всех доступных демографических резервов, особенно в сфере репродуктивного здоровья и поддержки семей с детьми. Представленное исследование сформировано на комплексном анализе современных демографических тенденций в регионе – Республики Карелия, территории обладающей характерными специфическими особенностями [3].

Особое внимание при проведении аналитических работ уделяется репродуктивному здоровью женщин, возрастным характеристикам материнства и мерам по снижению репродуктивных потерь, которые рассматриваются авторами как ключевые направления для демографического

развития территории. Республика Карелия демонстрирует одни из наиболее критических демографических показателей изменения численности населения. Статистический анализ показывает наличие сокращения показателя численности населения и продолжающееся снижение данного индикатора [4].

Исследовательский интерес к анализу демографического развития в территориальном разрезе имеет многоформатный масштаб, исследователи рассматривают проблемы демографического характера с различных социально-экономических ракурсов [5]. Фундаментальной базой исследования служат ежегодные демографические доклады Вологодского научного центра РАН, которые с 2020 года проводят системный анализ демографической ситуации в регионах СЗФО [6]. Эти доклады содержат детальный анализ тенденций рождаемости, смертности, миграции и половозрастной структуры населения, а также оценку эффективности мер демографической политики на региональном уровне.

Исследование проблем демографического развития в территориальных образованиях Республики Карелия представлено в значительном количестве работ, опубликованных исследователями [7,8]. Данные исследования выявляют специфические проблемы воспроизводства населения, имеющие негативный тренд, который проявляется в процессах сокращения численности населения. Процессы сокращения численности населения отражаются в показателях низкой рождаемости и высокими индикаторами смертности. К направлениям проблемного характера относятся высокий уровень заболеваемости, наблюдаемый процесс старения и т.д. в сельской местности, высокая миграционная убыль молодежи. Важным направлением научных исследований является анализ репродуктивных потерь в российских регионах.

Для снижения репродуктивных потерь в Республике Карелия необходимо формирование комплексной социально-экономической программы, акцентирующей внимание на демографических направлениях в процессе развития территорий. К важным составляющим могут быть отнесены следующие направления, затрагивающие практически все сферы жизнедеятельности личности общества, социума, такие как сохранение здоровья. В рамках выделенных направлений основным пунктом региональной демографической политики может послужить процесс создания и функционирования механизмов стимулирования рождаемости и развитие мер для создания и поддержки условий повышения рождаемости в республике.

Исследование выполнено в рамках госзадания по теме «Комплексное исследование и разработка основ управления устойчивым развитием северного и приграничного поясов России в контексте глобальных вызовов».

Список литературы:

1. Анохин А. А., Шелест К. Д., Тихонова М. А. Тенденции динамики численности населения и устойчивость социально-экономического развития городов Северо-Западного федерального округа //Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 4. С. 36–57. doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-3
2. Топилин, А. В. Демографические особенности формирования и использования трудовых ресурсов в крупнейших городах России в 2019–2021 годах // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 1. С. 40–54. DOI 10.19181/demis.2024.4.1.3. EDN CZSKEV.
3. Морозова Л.Р. Современная демографическая ситуация в Республике Карелия// Материалы международной научно-практической конференции IV Римашевские чтения «Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни» Москва, 2021, С. 31-35
4. Население Карелии продолжает сокращаться без остановки/
<https://ptzgovo>
5. rit.ru/news/naselenie-karelii-prodolzhaet-sokrashchatsya-bez-ostanovki
6. Таймасханов Х. Э., Азиева Р. Х., Ахмедова А. Р. Социально-демографическое развитие региона и государственный механизм его регулирования // Вестник Академии знаний. 2022. №1 (48).С. 309-313
7. Демографическое развитие регионов Северо-Западного федерального округа: IV региональный демографический доклад. URL: <http://www.vscs.ac.ru/activity/view?id=9392> (дата обращения: 04.06.2025)
8. Никифорова Н.А., Карапетян Т.А., Доршакова Н.В. Медико-демографические процессы в Республике Карелия в 2011–2021 гг.: тренды и риски. Здоровье населения и среда обитания – ЗНиСО. 2023;31(7):7-14. URL: <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2023-31-7-7-14> (дата обращения: 04.06.2025)
9. Молчанова Е.В. Приоритетные направления медико-демографической политики в северном регионе (на примере Республики Карелия) // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 4-1. С. 350-359

Вспомогательные репродуктивные технологии в контексте низкой рождаемости: реалии и ограничения

Новоселова Елена Николаевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Социологический факультет, Москва, Россия, alena_n_@mail.ru

Демографическая ситуация в России сегодня вызывает серьезные опасения. Основным источником демографических проблем является длительное сохранение рождаемости на уровнях ниже простого воспроизводства населения – т.е. кризис рождаемости. Суммарный коэффициент рождаемости держится на уровне 1,4 ребенка на женщину, что на треть ниже порога простого воспроизводства. Ситуацию усугубляет сокращение числа женщин репродуктивного возраста, которое продлится как минимум до 2046 года [1].

У кризиса рождаемости множество причин, включая: изменение социальных ценностей и приоритетов, повышение уровня образования, изменения статусно-ролевой позиции женщины в обществе, стрессы в экономике, ухудшение репродуктивного здоровья и т.д. Все названные причины важны, но если говорить конкретно об ухудшении репродуктивного здоровья, то на настоящий момент, это ухудшение достигло уровня, способного ограничить рождаемость и влиять на демографические показатели [2].

Оценка уровня бесплодия – важный, но очень сложный вопрос. Если говорить о России, то статистические данные не отражают полной картины. Официальные цифры, основанные на доле женщин, не имеющих детей к моменту выхода из репродуктивного возраста, колеблются от 7-8% (данные о женщинах, рожденных в 1970-х) до 15% (прогнозируемых) для поколения 1980-х годов [3]. Но эти цифры крайне примерны, если экстраполировать их на проблему бесплодия, т.к.: 1. сложно оценить какая бездетность растет: добровольная или вынужденная, 2. проигнорированы репродуктивные проблемы мужского населения. 3. не учитываются женщины, имеющие приемных детей, которые также включены в эту статистику независимо от состояния их репродуктивного здоровья. Статистические данные, основанные на установленном диагнозе – бесплодие, тоже занижены [4], как и оценки бесплодия в выборочных обследованиях, поскольку тема является крайне чувствительной, а бесплодия социально стигматизирующим состоянием [5].

Даже приблизительные данные показывают, что бесплодие – серьезная медико-социальная проблема. Оно не только негативно влияет на психологическое состояние пар, но и, несмотря на то что это лишь малая часть проблемы, усугубляет демографический кризис, а расширение доступа к лечению бесплодия могло бы сыграть свою роль в его преодолении.

Исследований о влиянии доступности лечения бесплодия на рождаемость немного, но большинство из них приходят к выводу, что существует значимая положительная связь между количеством процедур ВРТ

и СКР [6]. Однако некоторые работы указывают, что доступность таких методов (например, за счет страхового покрытия), приводят не столько к увеличению рождаемости, сколько к смещению календаря рождений и откладыванию материнства [7].

Увеличение рождаемости за счёт использования ВРТ составляет в большинстве стран не более 5%. В России доля родов после ВРТ в общем числе родов – 2,9% на 2022 год. Это не слишком высокие цифры и данные технологии не приводят к значительному росту рождаемости, но цифры растут (2000 год – 0,07%, 2010 – 0,57%, 2015 – 1,3%, 2020 – 2,4%) [8], а тенденция к более позднему родительству приведет к росту популярности ВРТ, в том числе услуг криосохранения ооцитов и спермы до того момента, когда потенциальные родители «встанут на ноги, самореализуются».

Эффективность ВРТ в России достаточно высока: в 2022 году в программе ЭКО беременность наступала в расчете на цикл 26,4%, на пункцию – 28,2%, на перенос эмбрионов – 33,0% [8], но «несмотря на государственное и юридическое регулирование этого процесса, главным критерием, обеспечивающим возможности использования методов ВРТ, становится социально-экономический статус» [9]. Существует и проблема регионального неравенства, только 39% россиян сообщают о наличии в их регионе специализированных центров репродукции [10]. Финансовые затраты, доступность медицинской помощи и психологический стресс существенно влияют на комплаентность к восстановлению репродуктивного здоровья.

Безусловно, корень проблемы низкой рождаемости лежит в трансформации жизненных приоритетов, это не только и не столько медицинская, сколько ценностная проблема. Но несмотря на то, что вспомогательные репродуктивные технологии вносят небольшой вклад в общее число рождений и никак не влияют на саму потребность в детях, они никак не отменяют традиционный способ зачатия, а лишь дополняют его и помогают семейным парам, ориентированным на родительство, но столкнувшимся с проблемой бесплодия реализовать свои намерения по рождению ребенка/детей. Поэтому «все большее число стран включает искусственные методы репродукции в пул социально-политических мер реагирования на демографический кризис» [11]. ВРТ не панацея, но они могут быть частью демографической политики и помочь несколько нивелировать общественные последствия инфертильности и субфертильности расширив возможности демографического развития.

Список литературы:

1. Голикова: число женщин репродуктивного возраста будет снижаться до 2046 года // Сетевое издание Ведомости. 04 июля 2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2024/07/04/1047969-snizhatsya-do-2046-goda> (Дата обращения 03.06.2025).

2. Савина А. А., Землянова Е. В., Фейгинова С. И. Потери потенциальных рождений в г. Москве за счет женского и мужского бесплодия // Здоровье мегаполиса. 2022. №3.
3. Соболевская О.В. Откладывание материнства повышает риск бездетности // IQMEDIA. URL: <https://iq.hse.ru/news/177666949.html> (Дата обращения 03.06.2025).
4. Москалева А.А. Эффект от включения вспомогательных репродуктивных технологий в программу государственного медицинского страхования в России // Население и экономика. №4. 2020.
5. Исупова О.Г. Бесплодие и репродуктивные технологии в России: особенности развития и потенциальные возможности влияния на население. Рождаемость и планирование семьи в России // Рождаемость и планирование семьи в России: История и перспективы. Сб. ст. М., 2011. С. 152-173.
6. Васильева Т.С., Перегонцева Н.В. Показатели рождаемости и новые репродуктивные технологии в практике здравоохранения на муниципальном уровне // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2016. №2. С. 36-39.
7. Machado M. P., Sanz-de-Galdeano A. Coverage of infertility treatment and fertility outcomes // SERIEs. 2015. Vol. 6. pp. 407-439.
8. Национальный регистр BPT. Российская ассоциация репродукции человека URL: https://www.rahr.ru/registr_otchet.php (Дата обращения 03.06.2025).
9. Богомякова Е.С., Ломоносова М.В. Вспомогательные репродуктивные технологии: к вопросу о новых формах социального неравенства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. №3. С.193.
10. Отношение населения к проблеме сохранения репродуктивного здоровья и восприятие ЭКО // ВЦИОМ. М. 2020.
11. Тимченко Д.Д. Возраст и женское бесплодие: обзор отечественных и зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2024. Том 13. № 2. С. 74.

Влияние развода родителей на благополучие детей

Петрушенко Анастасия Алексеевна
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, st107436@student.spbu.ru

Актуальной проблемой современного общества является рост количества разводов. За последние десять лет россияне стали реже вступать

в брак, при этом количество разводов увеличивается. По данным Росстата, в 2024 году в России распадались 73% семейных союзов, ежегодно в стране распадалось от 600 до 700 тысяч семейных пар [1]. По данным Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), в 2006 году в России браков было больше, чем разводов, примерно в 1,5 раза, в 2021 и в 2022 – в 1,5 раза, в 2023 – в 1,4 раза [2]. За таким явлением как развод стоят разные причины, ценностные мотивации. Развод родителей оказывает значительное влияние на психологическое благополучие и социальную адаптацию детей. Рост числа разводов дестабилизирует общество и способствует превращению расторжения брака в привычное явление.

Отметим ключевые причины и характер семейных конфликтов, предшествующих разводу. Неотъемлемой составляющей расторжения брака является конфликтная ситуация. Основными мотивами, побуждающими к расторжению брака, являются финансовые трудности и бедность, а также измена, ревность и отсутствие взаимопонимания [3]. Развод выступает результатом неудовлетворения в браке базовых эмоционально-психологических потребностей в любви, поддержке и взаимопонимания.

Социально-психологический портрет разведенных родителей. Для разведенных родителей характерно переживание чувства вины, обиды, гнева, разочарования, а также снижение самооценки и уверенности в себе. На решение о разводе существенно оказывают влияние социальные и экономические факторы, такие как финансовые трудности, безработица, различия в образовании и социальном статусе, а также различные жизненные цели супругов [4].

Возрастные особенности реакции детей на развод родителей. Реакция и долгосрочные последствия развода для ребенка во многом определяются его возрастом на момент распада семьи. В дошкольном возрасте это воспринимается как крушение семьи. Маленькие дети могут реагировать повышением тревожности и плачем, самообвинения и нарушением сна и поведения. В подростковом возрасте развод может проявляться в поведенческих проблемах, эмоциональной нестабильности и низкой самооценке [5; с. 12].

Долгосрочные последствия развода. Пережитый опыт родительского развода может приводить к формированию у ребенка недоверия к окружающим и страха повторения родительского сценария в собственной взрослой жизни. Ключевое влияние на адаптацию ребенка оказывают эмоциональная стабильность родителя, с которым он остался, и возможность сохранять полноценное общение с другим родителем [6; с. 254]. В конфликтных ситуациях может возникнуть «синдром родительского отчуждения», при котором один из родителей настроивает ребенка против другого, в результате чего ребенок сам начинает демонстрировать враждебность к этому родителю [7; с. 122].

Роль отца после развода и отцовского воспитания после развода. После развода отношения ребенка с отдельно проживающим родителем, чаще всего отцом, могут ухудшаться. Дефицит личностных, социальных, финансовых, информационных ресурсов препятствует становлению отцовской роли и затрудняет реализацию отцовского потенциала [8; с. 235].

Существуют различные барьеры для успешного осуществления воспитания ребенка отцами. К ним можно отнести: экономические, психологические, культурные, информационные и структурные. Разведенные отцы также часто самостоятельно отказываются от воспитания ребенка и выплат алиментов. Они часто занимают защитную позицию, критикуя бывших супругов, законодательство, общественные стереотипы и обстоятельства. Отцы могут проявлять агрессию и снимать с себя ответственность за выплату алиментов, перекладывая её на государство и бывших жен [8; с. 256]. Вовлеченный отец, напротив, активно участвует в воспитании и содержании ребенка, становясь для него примером, опорой, другом и учителем. Именно поэтому в настоящее время существует важность поддержания вовлеченного отцовства и поддержки инициатив отцов.

Исследование проведено в рамках гранта Российского научного фонда №23-18-00770, <https://rscf.ru/project/23-18-00770/>

Список литературы:

1. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) URL:<https://rosstat.gov.ru/>(дата обращения: 23.04.2025)
2. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL:<https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 23.04.2025)
3. Разводы в России: мониторинг. ВЦИОМ. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring?ysclid=mbdmtbf559210063925> (дата обращения: 23.04.2025)
4. Зинединова Р. Э. Понятие и психологические факторы детерминации семейных конфликтов //Аллея науки. – 2021. – Т. 2. – №. 5. – С. 892-895.
5. Свило Я.В. Рекомендации по минимизации у детей последствий развода родителей // Universum: психология и образование. 2020. №5 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rekomendatsii-po-minimizatsii-u-detey-posledstviy-razvoda-roditeley> (дата обращения: 27.04.2025). С.100-101.
6. Чечнева-Оствальд С. В., Овчинникова Ю. В. Влияние развода родителей на эмоциональное состояние ребенка младшего школьного возраста //– 2022. С. 251-257.
7. Чепелева Л. М., Верстова М. В., Верстов В. В. Особенности отношений с родителями детей в ситуации открытого родительского конфликта по материалам судебно-психологических экспертиз //Гуманитарные науки. – 2022. – №. 3 (59). С. 121-128.
8. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Отцовство и поддержка отцов: тренды современных зарубежных исследований //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 233–272.
9. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Почему российские отцы не платят алименты? Дискурсы разведенных отцов о матерях, алиментных

обязательствах и семейной политике// Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. No 1. С. 240–261.

Динамика структуры ценностных ориентаций и установок семейного поведения

Постникова Ольга Юрьевна

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

Рязань, Россия, olga.yu.post@mail.ru

Динамика структуры ценностных ориентаций и установок семейного поведения современной молодежи свидетельствует о существенных трансформациях, выражающихся в устойчивой тенденции к снижению значимости традиционных семейных ценностей и усилению влияния ценностей гедонизма, индивидуализма и потребительства, что подтверждают результаты современных исследований, где отмечается, что у значительной части молодежи наблюдается дезинтеграция ценностной сферы, проявляющаяся в неустойчивых и противоречивых установках по отношению к семейной жизни, браку и деторождению.

Так, согласно данным, представленным Т.Г. Киселевой, Н.В. Энзельдт и Е.Н. Гилевой, нарастание дезинтеграции системы ценностных ориентаций у студентов оказывает прямое влияние на снижение их готовности к вступлению в брак и рождению детей, в то время как более высокую степень интеграции ценностей авторы связывают с положительными установками в отношении семьи и родительства, поэтому особенно тревожным представляется тот факт, что среди девушек отчетливо фиксируется приоритет профессиональной самореализации и карьерных амбиций над семейными устремлениями, что зачастую сопровождается отказом от реализации репродуктивной функции [1, с. 434].

Исследование Л.В. Ковтуненко и О.В. Мазкиной акцентирует внимание на влиянии западных культурных матриц на формирование стереотипов о семье и браке в молодежной среде, где доминирующими становятся представления о свободе от обязательств, материальном достатке и личностной автономии, что, в свою очередь, вступает в противоречие с традиционными представлениями о семье как о нравственной и духовной ценности, при этом сами студенты часто не осознают разрыв между декларируемыми семейными ориентирами и фактическими жизненными установками, ориентированными преимущественно на внешне успешную и автономную модель жизнедеятельности [2, с. 18].

Несмотря на фиксируемую в некоторых исследованиях сохраняющуюся значимость семьи в сознании молодежи, например, в работе Е.В. Страмновой, где подчеркивается, что институт семьи сохраняет высокий приоритет среди жизненных ценностей [3], налицо парадокс: при высоких декларативных установках на значимость семьи фактическая готовность

молодежи к вступлению в брак и особенно к рождению детей оказывается низкой, поэтому данное противоречие можно рассматривать как симптом кризиса ценностной сферы, в которой традиционные семейные установки вытесняются установками потребления и личностной выгоды.

Л.И. Кашпырев, исследуя особенности формирования ценностного отношения к семье у молодежи, утверждает, что данное отношение носит комплексный и интегрированный характер, включая в себя такие качества, как эмпатия, ответственность и внимательность, — то есть те характеристики, которые противоположны индивидуалистическим и гедонистическим стратегиям поведения [4, с. 161].

С. Б. Селезнев прямо указывает на необходимость восстановления традиционных семейных ценностей в молодежной среде, подчеркивая наличие выраженных негативных трансформационных тенденций в восприятии института брака и семьи у студентов, настаивая на системной профилактической и воспитательной работе, проводимой на уровне образовательных учреждений, с целью противодействия деструктивным влияниям, подрывающим авторитет и привлекательность традиционной семейной модели [5, с. 73].

Таким образом, складывающаяся отрицательная динамика в структуре семейных ценностей и установок молодежи обусловлена целым рядом факторов, среди которых особое место занимают экспансия гедонистических и индивидуалистических установок, дефицит просвещенности в вопросах семейных отношений и отсутствие положительных социальных моделей; указанная тенденция требует выработки и реализации комплекса межинституциональных мер, направленных на возрождение и укрепление ценности семьи как базового социального института: такие меры должны быть реализованы как на уровне государственной политики, включая образовательные и информационные стратегии, так и при активном участии гражданского общества, прежде всего — некоммерческих организаций, способных аккумулировать усилия по формированию у молодежи устойчивых и осознанных семейных ориентиров.

Особое значение в данном контексте приобретает разработка и внедрение целевых программ, направленных на просветительскую, воспитательную и психолого-педагогическую поддержку молодежи, формирование у нее осознанного и ответственного отношения к семейной жизни, что возможно только при условии институциональной консолидации усилий всех заинтересованных сторон — государства, системы образования, гражданского общества и, прежде всего, некоммерческого сектора, обладающего потенциалом гибкой адаптации и адресного воздействия на целевые группы.

Список литературы:

1. Киселева, Т.Г. Психологический анализ семейных ценностей и установок у молодежи / Т.Г. Киселева, Н.В. Энзельдт, Е.Н. Гилева // Вестник

- Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 29, № 4. – С. 428-440.
2. Ковтуненко, Л.В. Семейные ценности современной молодежи / Л.В. Ковтуненко, О.В. Мазкина // Актуальные проблемы личностно-профессионального становления педагога: сборник. – Воронеж: ВГПУ, 2024. – С. 17-20.
 3. Страмнова, Е.В. Отношение к семье и семейным ценностям студентов вуза / Е. В. Страмнова // Наука в мегаполисе Science in a Megapolis. – 2023. – № 2(47).
 4. Кашпырев, Л.И. Психолого-педагогические особенности формирования ценностного отношения к семье у молодежи / Л.И. Кашпырев // Всероссийская ежегодная декабрьская научно-практическая конференция : сборник. – Москва: РНУ, 2023. – С. 160-162.
 5. Селезнев, С. Б. К вопросу о необходимости восстановления традиционных семейных ценностей в современной молодежной среде / С. Б. Селезнев // Психическое здоровье. – 2024. – Т. 19, № 8. – С. 72-75.

Социальная поддержка семей с детьми в мегаполисе как направление региональной семейной политики (на примере Санкт-Петербурга)

Рогова Анна Михайловна
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, anna.rogova.spb@yandex.ru

Семейная политика в регионе складывается под влиянием следующих процессов:

- 1) Трансформацией института семьи в мегаполисе, изменением характера потребностей и проблем семей с детьми
- 2) Цифровизацией экономики и социальной сферы, развитием электронных ресурсов, в том числе и в сфере социального обслуживания семей с детьми.

Семейная политика мегаполиса базируется как на федеральном законодательстве, так и на региональном, в том числе на региональных программах поддержки семей с детьми. Так, Социальный кодекс Санкт-Петербурга указывает категории семей и меры их поддержки. В последние годы делается акцент на поддержку семей с участниками СВО, а также на стабилизацию социально-экономического положения семей с детьми, в том числе на снижение числа семей, живущих за чертой бедности [1,3]. Так, отмечают за последние годы снижение доли малоимущих семей: в 2020г –

88488 семей до 59744 в 2022 году. Уменьшилось количество семей в мегаполисе, нуждающихся в улучшении жилищных условий: с 127610 в 2020 году до 94180 в 2022 году[3].

В качестве мер поддержки семей с детьми можно назвать следующие:

- 1) Единовременное пособие по рождению или усыновлению ребенка
- 2) Региональный материнский (семейный) и земельный капитал
- 3) Различные виды выплат в зависимости от проблем и типа семьи (многодетная, малоимущая, студенческая, семья участников СВО)
- 4) Натуральная помощь в зависимости от типа семьи(обеспечение лекарствами, специальным питанием)
- 5) Льготы, в зависимости от типа семьи (бесплатный проезд в городском транспорте, бесплатное питание, организация летнего отдыха для детей).

В рамках подпрограммы «Совершенствование социальной поддержки семей с детьми» (программа Социальная поддержка граждан в Санкт-Петербурге) вводятся новые меры поддержки семей с детьми. Так, среди новых мер можно назвать:

- 1) Отмена платы за детский сад
- 2) Подарочный набор для новорожденных
- 3) Расширение программы регионального материнского капитала
- 4) Дополнительные выплаты для многодетных семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий
- 5) Обеспечение транспортом многодетных семей (где 7 детей и более)
- 6) Предоставление земельных участков для индивидуального жилищного строительства

В качестве инновационных технологий поддержки семей с детьми можно назвать развитие цифровых сервисов для семей с детьми. Так, электронные ресурсы можно разделить на формальные (сайты учреждений, Госуслуги и пр.), так и неформальные (чаты, например, Я-родитель различные группы вКонтакте, например, «Многодетные семьи Санкт-Петербурга и области»). Используются также различные чат-боты, например, «Социальный участковый», мобильные приложения, например «Социальный навигатор» (для родителей детей-инвалидов). В последние годы отмечают рост получателей социальных услуг среди семей с детьми благодаря активному использованию электронных ресурсов. Так, создание «Единой социальной цифровой платформы Санкт-Петербурга» направлено на создание единого источника консолидации и информации по мерам социальной поддержки в Санкт-Петербурге.

В то же время, актуальной для Санкт-Петербурга остается проблема низкой рождаемости. Так, в 2020 году прирост населения составил минус 17,3 тысячи человек. В 2024 году в Санкт-Петербурге рождаемость снизилась с 8,6 до 8,5 на 1000 человек. Число женщин репродуктивного возраста снилось на 18% [2]. Данная проблема требует изучения воспитательного потенциала семей с детьми, а также факторов и условий, влияющих на репродуктивные установки населения Санкт-Петербурга.

Список литературы:

1. Закон Санкт-Петербурга от 21.05.2025 № 281-49 "О внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга "Социальный кодекс Санкт-Петербурга" (принят Законодательным Собранием Санкт-Петербурга 21.05.2025, подписан Губернатором Санкт-Петербурга 28.05.2025)
2. <http://publication.pravo.gov.ru/document/7800202505290002?ysclid=mbhgfz4ruu186084869> дата обращения 04.06.2025
3. <https://78.rosstat.gov.ru/>
4. О государственной программе Санкт-Петербурга "Социальная поддержка граждан в Санкт-Петербурге"
5. <https://docs.cntd.ru/document/822403633?ysclid=mbhgnlhlm6599230137> дата обращения 04.06.2025

Объективные и субъективные причины снижения рождаемости в России

Синельников Александр Борисович
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия, sinalexander@yandex.ru

Специалисты по демографии и социологии семьи считают показателем потребности индивидов и семей в детях среднее желаемое число детей, рассчитанное по данным о распределении ответов респондентов на вопрос о том, сколько детей, включая имеющихся, они хотели бы иметь при наличии всех необходимых, по их мнению, условий. По данным выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, проведенного Росстатом, за 2017–2022 гг. среднее желаемое число детей у мужчин уменьшилось с 2,16 до 1,97, а у женщин с 2,15 до 2,00 [1;2]. Суммарный коэффициент рождаемости за эти же годы снизился с 1,601 до 1,416 [3], т.е. примерно на такую же величину. Даже при полной реализации этой потребности рождаемость останется ниже уровня простого замещения поколений (2,1 ребенка в среднем на одну женщину независимо от ее брачного состояния и 2,56 – на замужнюю женщину [4. С. 32, 169].

В процессе социологического исследования*, проведенного под руководством автора этих тезисов, изучались 20 причин, из-за которых женщины от 40 до 60 лет и их мужья в свое время решили ограничиться имеющимся у них числом детей [5]. 944 респондентам предлагалось оценить значение каждой из этих причин по пятибалльной шкале. На основании этих оценок опрошенные были разделены на две группы. Группа № 1 состояла из оценивших важность субъективной причины «мне не хотелось больше детей» на 1 балл – «не имела никакого значения», а группа № 2 – из тех, чьи оценки

составляли от 2 до 5 баллов, т.е. эта причина имела для них значение (при 5 баллах – очень важное). Почти все прочие причины были объективными. Прекращение рождений в группе № 1 могло быть вызвано другими причинами, при оценке их важности от 2 до 5 баллов, а в группе № 2 – главным образом вышеупомянутой субъективной причиной, т.е. отсутствием или слабостью потребности в детях, кроме уже имеющихся, хотя это могло сочетаться с реальными помехами к рождению детей. Респонденты в группе № 1 отмечали остальные 19 причин намного реже (от 23 до 60% у мужчин и от 26 до 68% – у женщин), чем в группе № 2 (от 56 до 90% у мужчин и от 53 до 88% – у женщин).

Причину «Не на кого оставить маленького ребенка» отметили 41 и 75% мужчин, а также 46 и 70% женщин. Причину «Рождение ребенка могло нарушить карьерные планы» указали 27 и 58% мужчин, а также 26% и 55% женщин. Гендерные различия здесь незначительны. 51% мужчин из группы № 1 и 81% из группы № 2, а среди женщин соответственно 44% и 68% указали причину «большая занятость на работе, неудобный режим работы». Основные заботы о детях ложатся на плечи женщин. Но эти данные показывают, что рождение детей вызывает осложнения в быту и затрудняет как работу, так и карьеру для мужчин не меньше, чем для их жен.

Различия между группами № 1 и № 2 у мужчин составляют от 20 до 49%, а у женщин (за исключением причины «неудовлетворительное состояние вашего здоровья») – от 13 до 37%. Они статистически значимы ($p < 0,05$), кроме различий в отношении данной причины, указанной 68% женщин в группе № 1 и 70% – в группе № 2, что лишь на 2% больше. У мужчин, соответственно 40 и 77%, т.е. на 37% больше. Обычно этой причиной для себя женщины считают бесплодие, невынашивание беременности или другие проблемы с репродуктивным здоровьем, т.е. невозможность новых рождений, независимо от своей потребности в детях.

Все эти закономерности почти не зависят от числа имеющихся детей. У большинства представителей группы № 2 потребность иметь больше детей, чем имелось, отсутствовала или была слабой. Указанные многими из них помехи были предложениями, а не реальными причинами.

Если люди, удовлетворившие свою потребность в детях, придают неблагоприятным для новых рождений условиям больше значения, чем не реализовавшие эту потребность, то семейно-демографическая политика, которая направлена на улучшение этих условий, влияет на степень реализации потребности в детях, но почти не воздействует на саму потребность [6. С. 19]. Однако в некоторых случаях помехи в итоге приводят к исчезновению потребности в дальнейшем увеличении семьи за счет новых рождений, особенно если материальное благосостояние, свободное время, успешная карьера или какие-то другие ценности для этих людей более важны, чем появление еще одного ребенка. У кого-то из них существенные льготы и пособия могут повлиять и на потребность в детях. Для разработки предложений по совершенствованию семейно-демографической политики, направленной на повышение рождаемости в России требуются новые социологические исследования, посвященные тщательному изучению факторов, влияющих как на формирование потребности в детях, так и на условия, необходимые для ее реализации.

Исследование выполнено по материалам проекта РНФ № 23-28-00518 «Социальное конструирование жизненных стратегий семей с разным числом детей: социолого-демографические исследования».

Список литературы:

1. Итоги выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2017 году. Итоги наблюдения. Табл. 33. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html (дата обращения 06.06.2025)
2. Итоги выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2022 году. Итоги наблюдения. Табл. 33. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (дата обращения 06.06.2025)
3. Суммарный коэффициент рождаемости. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения 06.06.2025)
4. Синельников А.Б. Браки и разводы в современном обществе: социологический анализ. Учебное пособие. М.: Издательство «Перо», 2022. – 392 с. URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/510459430/> (дата обращения 06.06.2025)
5. Жизненные стратегии семей с разным числом детей: от двух Я к семейному Мы (ЖСС-2024). Аналитический отчет по результатам социологического исследования / А.И. Антонов, В.М. Карпова, С.В. Ляликова, А.Б. Синельников, А.В. Денисова. – Москва: ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2024. – 422 с. URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/717843606/> (дата обращения 06.06.2025)
6. Архангельский В.Н., Ростовская Т.К., Васильева Е.Н. (2021) Влияние уровня жизни на репродуктивное поведение россиян: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2021. № Специальный выпуск. С. 3–24. DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.1

Механизмы формирования резильентности родителей детей с инвалидностью (по материалам исследования)

Сиротина Татьяна Викторовна
Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия, tatjanasirotina@gmail.com

Андерзянова Виктория Алексеевна
Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия, anderzyanova@gmail.com

Согласно данным Министерства социальной защиты Алтайского края на 1 января 2025 года в регионе проживало 12279 детей-инвалидов [1]. Большинство детей с инвалидностью растут и воспитываются в семьях. Резильентность родителей таких детей становится ключевым фактором не только собственного благополучия родителей, но и основой успешного развития ребенка.

Концепция резильентности шире, чем просто преодоление, так как включает в себя два понятия: сопротивление разрушению, т.е. способность человека защищать свою целостность, когда он испытывает сильное давление; а также, помимо простого сопротивления, способность строить полноценную жизнь в трудных условиях [2; 3].

Появление в семье ребенка с инвалидностью является для родителей значимым и часто травмирующим событием. Переживаемый стресс для многих родителей становится хроническим и может стать источником кризиса [4; 5; 6]. Такие исследователи как: D. Barnett, M. Clements, M. Kaplan-Estrin, J. Fialka, K. Scorgie, L. Wilgosh, D. Sobsey и др., – отмечают, что прохождение через кризисный период может привести к качественным позитивным личностным изменениям у родителей, формированию новых жизненных ценностей и приоритетов, т.е. к резильентности [7; 8].

В 2025 г. авторами было проведено исследование, направленное на анализ механизмов формирования резильентности родителей детей с инвалидностью, проживающих в Алтайском крае. Под резильентностью родителей детей с инвалидностью мы понимаем не просто способность пережить трудные времена, но движущий процесс позитивной адаптации в условиях высокого стресса и постоянных вызовов, характеризующийся использованием внутренних ресурсов, выработкой особых адаптивных стратегий, гибкости и постоянным самосовершенствованием. Основным методом исследования стало глубинное интервью с родителями детей с инвалидностью. Методологической основой исследования стала теория резильентности, анализирующая способность человека преодолевать серьезные жизненные трудности (С. Ваништендаль, Л. Доминелли и др.) [1; 3].

В ходе исследования мы выделили следующие механизмы развития резильентности: жизненные убеждения, отношения с близкими людьми, положительная самооценка, социальные навыки, инициативность, юмор.

Респондентам был задан вопрос о роде их деятельности. Более половины ответили, что работают, в т.ч. являются социальными предпринимателями. Менее половины опрошенных родителей не работают, но активно занимаются общественной деятельностью.

Подавляющее большинство родителей – участников исследования – имеют высшее образование. Некоторые родители так же окончили магистратуру и различные программы переподготовки.

Анализируя ответы родителей на вопрос «Как изменилась Ваша жизнь после рождения особенного ребенка?», следует отметить, что у большинства сузился круг общения, уменьшилось количество друзей. Более половины родителей начали заниматься общественной и социальной деятельностью вследствие рождения ребенка с особенностями развития, для некоторых такая деятельность стала профессиональной сферой.

Отвечая на вопрос «Каких людей Вы можете назвать близкими?», подавляющее большинство назвало своих мужей и матерей. Подавляющее большинство родителей ответили, что близкие помогают им с детьми, но есть среди участников исследования родители, которые не получают помощи в воспитании ребенка.

Рассказывая о том, что помогло респондентам адаптироваться к факту рождения особенного ребенка, все родители отметили, что важно просить и принимать помощь от близких и людей, оказавшихся в похожей ситуации: «И тут как раз нужно научиться прямо просить о помощи у родных» (P2).

Отвечая на вопрос «Есть ли у Вас какие-либо жизненные убеждения, которые помогают Вам в сложных ситуациях?», более половины родителей отметили внутренние силы и веру в себя; одна мама сказала о важности любить ребенка таким, какой он или она есть; еще одна отметила важность быть благодарной и веру в лучшее, в изменения.

Все респонденты отметили, что юмор играет большую роль в их жизни, помогает в повседневных делах. Так же все участники исследования, описывая самих себя, выбрали такие качества как: коммуникабельность и инициативность.

Анализируя ответы родителей детей с инвалидностью, можно утверждать, что основным механизмом резильентности для них является опора на свои внутренние ресурсы. Ключевую роль играет вера в собственные силы и позитивный настрой, подкрепляемый активным использованием юмора как защитного механизма. Респонденты демонстрируют коммуникабельность и инициативность, что находит подтверждение в их социальной активности и стремлении к профессиональной и общественной реализации.

Несмотря на сужение личного круга общения (80% отмечают уменьшение количества друзей), родители активно развивают социальные связи в профессиональной и общественной сферах. Они становятся участниками специализированных чатов, форумов и социальных сообществ, где обмениваются опытом и поддерживают друг друга. Все вышеописанные механизмы являются основой формирования резильентности родителей детей с инвалидностью.

Список литературы:

1. Социальный паспорт Алтайского края на 01.01.2025 // Министерство социальной защиты Алтайского края: официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: https://www.aksp.ru/docs/soc_pasport.php (дата обращения: 05.06.2025).
2. Ваништендаль С. Резильентность или оправданные надежды. Раненый, но не побежденный. М., 2015. 58 с.
3. The Routledge Handbook of Green Social Work / Ed. by L. Dominelli. New York, 2018.
4. Корхонен Т.В. Социальная работа в кризисных ситуациях. Барнаул, 2005. 148 с.
5. Селигман М., Дарлинг Р. Обычные семьи, особые дети. Системный подход к помощи детям с нарушениями развития. М., 2018. 368 с.
6. Hoff L.A., Hallisey B.J., Hoff M. People in crisis: Clinical and diversity perspectives. New York: Routledge, 2009. 384 p.
7. Barnett D., Clements M., Kaplan-Estrin M. Building New Dreams: Supporting Parents' Adaptation to Their Child With Special Needs //Infants & Young Children. 2003. Vol.16, № 3. P. 184–200.
8. Scorgie K., Wilgosh L., Sobsey D. The experience of transformation in parents of children with disabilities: Theoretical considerations //Developmental Disabilities Bulletin. 2004. Vol. 32, №1. P. 84–110.

Традиционная семья и семейность в трудах турецких и арабских авторов: формирование ценностных ориентиров для российской реальности

Степанов Данил Вадимович

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия, stepanovDV@my.msu.ru

Семья представляет собой фундаментальный социальный институт, играющий ключевую роль в историко-культурной эволюции человечества. Ряд теоретических подходов подчеркивает, что структура семьи на протяжении веков определяла траекторию развития макросистем общества. Термин «традиционная семейность» не имеет строго зафиксированного определения в социальной науке. Под понятием «нормальность» и «полноценность» семьи подразумеваются, соответственно, возможность

сохранения числа будущих поколений и степень разнообразия внутрисемейных ролей.

Распространённое мнение о высоком уровне рождаемости и высокой смертности как признаках традиционной семьи оказывается несостоятельным: вместо количественного критерия целесообразнее говорить о способности семьи обеспечивать демографический баланс [1]. Представленные соображения ставят под сомнение обоснованность деления семей на «малодетные» и «многодетные». Терминологически неверно квалифицировать любую семью с одним-двумя-тремя детьми как малодетную [2], поскольку такое разделение игнорирует важный аспект качественного многообразия семейных ролей и взаимосвязей. Стремление большинства исследователей фиксироваться на чисто численных показателях препятствует целостному восприятию сложной природы семейных структур и их эволюционных изменений.

Предлагая собственную дефиницию «традиционной семейности», автор настоящего исследования исходит из нескольких ключевых положений. Во-первых, важно подчеркнуть наличие оптимального числа детей (три-четыре), необходимого для обеспечения устойчивого существования последующих поколений. Среди ролей выделяются важнейшие социальные идентичности: отцовство/материнство, старшинство/младшинство, гендерные различия (сын/дочь). Во-вторых, важным элементом традиционной семейности становится оптимальный состав семьи, включающий двух мальчиков и двух девочек для максимизации вариативности социально-половых ролей, позволяя каждому члену семьи эффективно исполнять собственные обязанности и одновременно способствовать формированию социальной компетентности участников семейных взаимодействий. Наконец, третий элемент традиционной семейности связан с особой важностью процессов социализации детей в контексте возрастных стадий взросления. Рождение каждого последующего ребенка означает расширение спектра воспитательных возможностей родителей, включение новых элементов в опыт и ценности семьи, а также укрепление социальных компетенций старших членов семьи.

Исходя из этого, можно выделить, что традиционная семейность – это форма организации домохозяйства, предусматривающая три-четыре ребенка, обеспечивающих стабильность репродуктивного процесса и эффективное функционирование сложных внутрисемейных ролевых иерархий [5]. Она представляет собой систему жизненных установок и поведенческих паттернов, характеризующих форму семейной организации, ориентированную на обеспечение демографического баланса поколений и реализацию оптимальной внутренней ролевой структуры семьи.

Специфика арабской и турецкой культур, отмечаемая значительным числом случаев именно трех-четырёхдетных семей, подтверждает правильность избранного подхода. Для данных культур характерно сочетание высокого уровня уважения к родителям, традиций совместного проживания поколений и прочных связей между родственниками, создающих идеальные условия для эффективного выполнения семьёй своего ключевого предназначения – передачи опыта и продолжения жизненного цикла народа

[3]. Арабская и турецкая культура отличаются высоким уровнем приверженности ценностям родственных связей и значимости большой семьи. Многопоколенные семьи остаются важной частью общественного устройства, особенно в сельских регионах и небольших городах. Здесь ярко выражены коллективистские установки, предполагающие высокую солидарность родственников и четкое распределение обязанностей между членами семьи. Подобная структура создаёт благоприятные условия для нормального воспроизведения человеческого капитала и культурного наследия [7].

Демографическая ситуация в России характеризуется низким уровнем рождаемости и сокращением числа полноценных семей. Урбанизация, миграция из сельской местности, экономические трудности и индивидуалистические настроения делают трудным возврат к традиционной семье. При советской эпохе патриархальные нормы были размыты идеологией социалистического равенства, многие исторические традиции оказались утраченными. Современная культура поддерживает небольшой размер семьи, продвижение карьеры и личной свободы ставится выше создания большого семейства.

Хотя государство предпринимает усилия по поддержке семей с детьми, меры пока недостаточно эффективны. Финансовые субсидии и другие виды помощи зачастую невелики, пропаганда чаще всего носит поверхностный характер, не устраняя глубоких причин низкой рождаемости. Реабилитация традиционной семейности осложняется высоким уровнем стресса, неуверенностью в завтрашнем дне, отсутствием доступной недвижимости и недостаточной поддержкой государственных инициатив. Чтобы изменить ситуацию, необходимо разработать и реализовать комплексные программы поддержки многодетных семей, пропагандистские мероприятия, направленную образовательную деятельность и стимулирование примеров успешных многодетных семей [4].

Таким образом, одной из важных проблем современного состояния семьи является снижение размеров семьи и уменьшение среднего числа детей. Автор полагает, что решением для обеспечения устойчивого демографического прироста выходит именно четвертая модель семьи, так как в ней возможны все возможные роли, необходимые для полноценного внутреннего взаимодействия. Одна из особенностей предложенного подхода – выделение особого значения многодетности, интерпретируемой не как случайный факт, а как целенаправленный выбор, направленный на достижение равновесия поколений и преемственности культурных традиций [6]. Мусульманская семья же предстает как социально-культурная система, регулируемая комплексом законов и обычаев, организованная вокруг принципа патриархальности, сочетающая элементы личной свободы и коллективных обязательств, стремящаяся обеспечить устойчивые семейные отношения и духовное благополучие всех членов сообщества. Анализируя устройство мусульманской семьи, целесообразно обратить внимание на детализованное регулирование прав и обязанностей, которые неразрывно связаны с обязанностью проявлять уважение и покорность старшим членам семьи. Важно подчеркнуть, что ислам запрещает проявление предвзятости в

воспитании детей, устанавливая требование одинакового обращения родителей ко всем потомкам независимо от их пола.

Список литературы:

1. Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). М.: Изд. дом «Nota Bene», 1998. 360 с.
2. Вишневский А. Г. Демографическая история и демографическая теория М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 368 с
3. Дилекчи Р. Мусульманская семья и современность. Минск: Четыре четверти, 2017. 103 с.
4. Карлсон А. Общество – Семья – Личность: Социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход. М.: Проспект, 2003. 567 с.
5. Степанов Д.В. Деревенский и городской образ жизни в мусульманских семьях: особенности взаимодействия и адаптации // Материалы Международной научной конференции XIX «Сорокинские чтения-2025». М.: МАКС Пресс, 2025. С. 436-438.
6. Степанов Д.В. Кризис методологии в турецко-арабской социологии: проблемы и перспективы измерений // Материалы всероссийской научной конференции XVIII «Ковалевские чтения – 2024 года». СПб.: Скифияпринт, 2024. С. 1435-1439.
7. Gökalp Z. Aile Ahlakı. İç. Sosyo-Kültürel Değişme Sürecinde Türkiye. Ankara, 1993. 198 s.
8. Meriç N. Değişen Kentte Din ve Hayat. İstanbul, 2005. 296 s.

Трансформация семейных ценностей и родительства в современном обществе

Ткачёва Нина Алексеевна
Тюменский индустриальный университет
Тюмень, Россия, sever626@mail.ru

Юдашкин Валентин Андреевич
Институт социологии ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, wayu@mail.ru

Продолжающаяся инверсия основных принципов социальной организации общества оказывает колоссальное влияние на все институты, включая семью, кризис которой усилил демографические проблемы. Среди основных факторов, обуславливающих трудности и перспективы решения

демографических проблем, особое место занимают трансформация семейных ценностей и сохранение значения родительства.

Возможность успешного функционирования семьи в ситуациях общественного перелома во многом связана с сохранением и развитием семейных ценностей. В условиях кардинальных изменений ценности сам институт семьи претерпевают трансформацию, что придает особую значимость их устойчивости. Способность ценностей, семьи как базового института общества к сохранению и устойчивости предполагает развитие через усложнение, повышение разнообразия, появление новых свойств и форм их передачи.

Членов семьи объединяют родственные отношения, совместное проживание и организация быта [1, с. 1175]. Современная семья, по мнению Т.А. Гурко, ориентирована на приоритет субъективного самоопределения и эмоционально-психологических связей в качестве ключевых признаков, особенно в контексте многообразия семейных форм [2]. Пересмотр смыслов семейной жизни обусловлен изменением социальных норм и ценностей, которые всё более фокусируются на индивидуальных потребностях и эмоциональном благополучии, а не на значении официального брака. Этот процесс сопряжён с определёнными противоречиями: акцент на личностных взаимоотношениях приводит к возрастанию ожиданий от партнёра, повышает риск разочарований и конфликтов, особенно когда ценности индивидуализма преобладают над принципами коллективизма, компромисса и терпения.

Преобразование семейных ценностей связано с эрозией традиционных смыслов российской жизни, со становлением информационного общества, принуждением семьи приспосабливаться к рыночным реалиям, либеральным ценностям, новым стандартам жизнедеятельности и форматам коммуникаций.

Ответственность за формирование ценностной системы и ее трансляцию несет прежде всего государство, создаваемая им образовательная система. В настоящее время навигация в аксиологическом пространстве осуществляется более через семейное воспитание, виртуальные сообщества и рекламный контент. Глобальная сеть предоставила доступ к беспрецедентному множеству ценностных ориентиров. Приоритетной задачей семьи становится формирование навыков селективного восприятия предлагаемых сетью вариантов с целью минимизации негативных последствий для индивида и социума.

Экспоненциальный рост информационных потоков в виртуальном пространстве обусловил девальвацию непосредственной коммуникации между родителями и детьми, трансформируя ее в дискретную, опосредованную и несинхронизированную форму. Цифровые технологии создают альтернативные платформы для поддержания семейных взаимоотношений (социальные медиа, мессенджеры и совместная активность в онлайн-среде), что способствует укреплению связей, преодолению географических барьеров, но также и психологической изоляции членов семьи; элиминирует физический контакт, размывает фундаментальные семейные ценности – единение и солидарность, уступчивость и альтруизм, эмоциональную глубину и искренность [3, с. 29].

В ситуации многообразных вызовов семья сохранила устойчивость, способность к саморегуляции, формированию и передаче семейных ценностей, выстраиванию стиля, культуры отношений, регулированию противоречий. Самоорганизация семейной системы обусловлена включенностью и инициативой всех участников семейного взаимодействия, их приверженностью к унаследованным ценностным установкам для сохранения функционального потенциала.

Исследователи, анализируя функциональное поле семьи, придают особое значение воспроизводственной (прокреативной) и витальной функциям. Согласно данной функциональной матрице, семейный институт призван обеспечивать демографическое воспроизводство популяции, выступать гарантом физического и ментального благополучия подрастающего поколения. Такая интерпретация формирует фундаментальные биосоциальные императивы и приоритетные направления семейной политики в России. Выделение репродуктивной составляющей сопровождается реактуализацией ценностных паттернов, связанных с традиционным распределением и восприятием гендерных ролей, генерирует напряженность в контексте равноправия полов.

Трансформация семейного института характеризуется расширением автономии и повышением уровня персональной ответственности семьи в регулировании внутрисемейных взаимоотношений, репродуктивных стратегий и воспитательных практик. Однако тенденции к партнерскому равенству и индивидуализации жизненных сценариев коррелируют с сокращением брачности, увеличением доли неформальных партнерских союзов. Предпочтения малодетной модели семьи, тенденция добровольного отказа от родительства влекут устойчивое сокращение детности.

Выделенные структурные модификации детерминированы как аксиологической эволюцией, так и объективными социально-экономическими факторами: возрастающей волатильностью рынка труда, увеличением финансовых и временных инвестиций в воспитание детей, а также трансформацией социального и профессионального статуса родителей, прежде всего - женщин, что снижает привлекательность традиционалистских семейных моделей. Как следствие, сознательный выбор в пользу бездетности аргументируется ценностью личностной автономии и карьерной самоактуализации.

Таким образом, ценности выступают детерминантами в формировании поведенческих паттернов семьи, определяют мотивационный потенциал социальной активности и подготавливают семейные группы к функциональному или дисфункциональному включению в социальную матрицу, обеспечивая их интеграцию либо сегрегацию в общественном пространстве.

Список литературы:

1. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

2. Гурко Т. А. Теоретические подходы к изучению семьи: [монография] [Электронное издание] / Т. А. Гурко; Институт социологии РАН. – Электрон. текст. дан. (объем 1,2 Мб). 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Институт социологии РАН, 2016. – 210 с. – 1 CD-ROM.
3. Руденко А. М. Трансформация ценности института семьи под влиянием средств массовых коммуникаций в современных отечественных условиях / А. М. Руденко, Е. Б. Ивушкина, Е. Н. Москалев // Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – № 1. С. 27-36. DOI: 10.18522/2070-1403-2020-78-1-27-36.

Социальная поддержка отцов-участников специальной военной операции и членов их семей

Филимонов Руслан Максимович
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, st110697@student.spbu.ru

Участие отцов в специальной военной операции (СВО) инициирует кардинальные трансформации в российских семьях, актуализируя потребность в комплексной и адаптированной системе социальной поддержки, направленной на сохранение и развитие отцовских функций и гармонизацию детско-родительских отношений. Современное понимание отцовства выходит за рамки традиционной роли «кормильца», подчеркивая возрастающую значимость эмоциональной вовлеченности, совместного воспитания и ответственного участия мужчины в жизни ребенка [1; 2; 3; 4]. Опыт СВО, связанный с длительной разлукой, потенциальной физической и психологической травматизацией, а также последующей реинтеграцией, ставит под угрозу как устоявшиеся, так и формирующиеся модели «вовлеченного отцовства», требуя от системы социальной поддержки особого внимания к данной сфере.

В настоящее время формируется многоуровневая система социальной поддержки мужчин, отцовства и детско-родительских отношений в семьях участников СВО. На федеральном уровне ключевую роль играют инициативы Президента РФ, проявляющиеся в учреждении Государственного фонда «Защитники Отечества» (Фонд «ЗО») [5], реорганизации Социального фонда России (СФР), а также инициативы Парламентской координационной группы (на базе партии «Единая Россия»), выступающей инструментом Президента РФ для получения объективной информации с передовой. Данные структуры ориентированы на оказание широкого спектра помощи: от медицинского и психологического сопровождения до юридической, социальной и материальной поддержки. В частности, деятельность Фонда «ЗО» направлена на комплексное персональное сопровождение ветеранов и

членов их семей, включая содействие в реабилитации, обучении, трудоустройстве и решении бытовых вопросов, при этом значительное внимание уделяется патриотическому воспитанию и социокультурной интеграции. СФР обеспечивает реализацию мер социальной поддержки, таких как выплаты и льготы, стремясь к их проактивному и адресному предоставлению.

Наряду с федеральными инициативами, важную роль играют общественные объединения, например, «Комитет семей воинов Отечества» (КСВО), и экспертные группы (Временная рабочая группа СПЧ по вопросам СВО), которые способствуют артикуляции специфических проблем и потребностей семей, а также продвижению их интересов. Именно данные структуры дополняют государственные усилия, фокусируясь на консультативной, психологической и социально-бытовой помощи, а также участвуя в разработке программ сопровождения участников СВО и членов их семей.

Региональный уровень (на примере Санкт-Петербурга) представлен сетью Центров социальной помощи семье и детям (СПб ГБУ ЦСПСД) [6]. Данные учреждения проводят комплексную деятельность, предоставляя социальные услуги (включая социально-психологические, социально-педагогические и социально-правовые). Важно отметить создание в структуре Центров специализированных отделений, деятельность которых направлена на сопровождение участников СВО и членов их семей, а также развитие программ, направленных на укрепление семейных отношений и ответственного родительства. Примером подобных программ являются «Клубы ответственного родительства» и «Клубы Пап», ориентированные на повышение родительской компетентности, включая активное вовлечение отцов в воспитательный процесс и укрепление детско-родительских отношений.

Несмотря на заявляемую комплексность, эффективность системы поддержки отцовства в семьях участников СВО сталкивается с вызовами, к которым следует отнести необходимость преодоления традиционных гендерных стереотипов, препятствующих обращению мужчин за психологической помощью, обеспечение реальной доступности и качества специализированных услуг, направленных на работу с боевой травмой и ее последствиями для семейных отношений, а также решение проблемы межведомственной разобщенности.

Таким образом, современные российские технологии и программы поддержки отцовства в семьях участников СВО находятся в стадии активного формирования и адаптации. Дальнейшее развитие должно учитывать специфику трансформации отцовских ролей и практик в экстремальных условиях, ориентируясь на создании условий для успешной реинтеграции отцов в семейную жизнь, восстановлении их родительских функций и укреплении детско-родительских отношений, что соответствует более широким задачам по поддержанию стабильности семейных структур и ценностей.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00770,
<https://rscf.ru/project/23-18-00770/>*

Список литературы:

1. Безрукова О.Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // Социологические исследования, 2013. – № 11. – С. 118-130.
2. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция // Социологические исследования, 2022. – № 2. – С. 94-106.
3. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. – С. 496.
4. Михеева А.Р. Институт отцовства в контексте модернизации брака // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки, 2000. – С. 104-114.
5. Указ Президента РФ от 3 апреля 2023 г. N 232 «О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» // Гарант.ру. [Электронный источник]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406549017/> (дата обращения: 07.04.2025 г.).
6. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 29.12.2014 г. № 1282 «О мерах по реализации Закона Санкт-Петербурга «О социальном обслуживании населения в Санкт-Петербурге» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/822404359> (дата обращения: 04.06.2025 г.).

Структура и роль семейных сельских домохозяйств в процессе интериоризации традиционных семейных ценностей молодого поколения

Хизбуллина Радмила Радиковна
Казанский государственный энергетический университет
Казань, Россия, mine_post@inbox.ru

Современные домохозяйства как наследие исторически сложившихся форм социально-экономических и социально-бытовых отношений в дальнейшем сформировали такие субъекты как организации и государство [1]. Отечественные исследователи Миронова А.А. и Прокофьева Л.М. в качестве базисного критерия семейного домохозяйства отмечают наличие в нём семейной или нескольких семейных ячеек [2]. В данной работе произведена попытка оценки современного состояния и структуры семейных сельских

домохозяйств и определения роли семейного домохозяйства как агента интериоризации традиционных ценностей молодого поколения.

В современных отечественных научных публикациях обозначаются следующие факторы, роль семьи в совокупности, опосредующие процесс первичной социализации: семейный микроклимат/микросреда; воспитание как целенаправленное воздействие на личность в семье, где происходит формирование, развитие духовно-нравственных ценностей; совместная семейная активность, формирующая понимание социальных ролей, установок и ценностей [3].

В процессе социализации молодого поколения посредством семейных отношений внутри домохозяйств формируются традиции и реализуется интериоризация таких базовых традиционных ценностей и установок как уважение к труду, ответственности, понимание своей роли в сохранении устойчивого развития семьи и малой Родины, образцов поведения, взаимопомощи и пр. А. Смит сосредотачивал внимание на воспроизводстве трудовых ресурсов в рамках деятельности домохозяйств, что опосредует необходимость тесной взаимосвязи между ее членами в рамках планирования жизнедеятельности, разделения ценностей, целей и задач. Семья обеспечивает кумуляцию ресурсного и человеческого потенциала детей при условии развитости их социального и человеческого капитала, что связано с количеством детей в семье [4].

Исследования Мироновой А.А., Прокофьевой Л.М. в области анализа показателей структуры семьи и домохозяйств России констатируют изменения структуры сельских домохозяйств с растущими показателями доли домохозяйств-одиночек, состоящих из супругов без детей [5]. Данные, приведенные в исследовании Трегубова В.Н. также свидетельствуют об увеличении на селе частных домохозяйств с одним человеком – с 2 972 879 (2002г.), 3 206 525 (+ 7,9%, 2010 г.) до 5 034 719 (+ 69,4%, 2020 г.). Отмечается, что согласно данным последней переписи населения (2020 г.) в России зафиксирован 15,9 млн человек (57,4%) трудоспособного возраста, проживающих в частных домохозяйствах-одиночках, из которых 2,4 млн (47,2%) приходится на сельских жителей, в связи с чем актуализируется задача поиска решений в реализации потенциала и условий увеличения деторождения [6].

Прокофьева Л.М. и Корчагина И.И. отмечают, что доля «одиночек» в городах превышает аналогичный показатель по сельской местности (43,9 против 34,5%), вычлняя в качестве одной из потенциальных причин, наряду с локационной (место проживания город-село) миграцию уходящей молодежи и выделение совершеннолетних из родительской семьи [7].

Известно, что социализация является результирующей ряда факторов, которые в совокупности формируют набор ценностей, ценностных ориентаций и поведенческих стратегий, особенностей дальнейших жизненных траекторий молодого поколения в контексте понимания ими значимости семейных ценностей, традиций. В данной связи укрепление и расширение демографической структуры семейных сельских домохозяйств детерминирует совместный досуг, ощущение чувства общности интересов, а совместная социокультурная и трудовая деятельность, семейная

сплоченность способствуют интериоризации ценностей молодого поколения в поведенческие стратегии на основе образцов наследования традиционных семейных духовно-нравственных ценностей и установок.

На основе анализа и синтеза материалов отечественных авторов о состоянии и структуре семейных сельских домохозяйств можно сделать вывод, что процессу усвоения образцов поведения, интериоризации семейных ценностей молодого поколения, сохранению стабильного социально-психологического климата в семье, основанного на основе любви и уважении способствует следование каждым членом семьи духовно-нравственным ценностям, а также отсутствие социально-духовной разобщенности в семье, наличие преемственности традиций, общего дела, чувства ответственности.

Поддержка государства здесь, безусловно важна в контексте активизации новой семейно-демографической политики по воспитанию подрастающих поколений в духе семейной солидарности и взаимопомощи [8]. Карпова В.М. и Ляликова С.В. справедливо отмечают необходимость реализации программ поддержки материальных, жилищных условий в рамках проведения семейно-демографической политики [9]. Практической апробацией данной поддержки является действующая в Республике Татарстан программа льготной сельской ипотеки, реализуемая в соответствии с государственной программой «Комплексное развитие сельских территорий». Согласно данным Росреестра, благодаря указанным программам более 4600 семей удалось приобрести жилье в сельской местности [10]. В комплексе данные проекты и меры поддержки способствуют привлечению молодежи в село, их закреплению и формированию сельских семейных династий.

В перспективе расширение структуры семейных сельских домохозяйств видится как результирующая государственной поддержки, условий, создаваемых для ориентации молодежи села на репродуктивное поведение, и формулируется как важная задача в контексте понимания и изучения роли и влияния семьи на репродуктивные установки молодого поколения сельской местности, сбережения и преемственности традиционных семейных ценностей.

Исследование выполнено за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

Список литературы:

1. Латов Ю.В., Латова Н.В. От экономики семейных домохозяйств - к экономической теории современной семьи: полуторавековые сдвиги в онтологии и гносеологии // Историко-экономические исследования, 2022. – Т. 23. №. 4. С. 613–635.

2. Миронова А.А., Прокофьева Л.М. Семья и домохозяйство в России: демографический аспект // Демографическое обозрение, 2018. – 5(2). С. 103-121. <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i2.7936>
3. Сидоренко Е.В., Бескорвайная Л.В., Скибина Е.А. Роль семьи в патриотическом воспитании дошкольников // Интерактивная наука, 2022. – № 11 (76). С. 23-24.
4. Паланова А.Д. Эволюция подходов к определению роли домашних хозяйств в экономике // Журнал прикладных исследований, 2019. №1. С. 2-4.
5. Миронова А. А., Прокофьева Л. М. Семья и домохозяйство в России: демографический аспект. Демографическое обозрение, 2018. –5(2), 103-121. <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i2.7936>
6. Трегубов В.Н. Динамика численности городского и сельского населения, проживавшего с 2002 по 2020 г. в частных домохозяйствах по одному человеку. Социальные аспекты здоровья населения [сетевое издание], 2024. – 70(2):11. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1591/27/lang.ru/>. DOI: 10.21045/2071-5021-2024-70-2-11 (дата обращения 28.05.2025)
7. Прокофьева Л.М., Корчагина И.И. Демографическая структура семей и домохозяйств в России, её динамика по данным переписей населения. Демографическое обозрение, 2023. – 10(2). С. 4-17. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i2.17763>
8. Антонов А. И. Динамика населения и поведенческая демография / А. И. Антонов // Социальная динамика населения и человеческий потенциал : Материалы V Международной научно-практической конференции, Москва, 22-23 июня 2023 года. – Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2023. С. 24-26.
9. Карпова В.М., Ляликова С.В. Внутрисемейная трансляция установок многодетности // Казанский социально-гуманитарный вестник, 2023. – №6(63). С. 71-79. DOI 10.26907/2079-5912.2023.6.71-79
10. Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Республике Татарстан. URL: <https://rosreestr.tatarstan.ru/index.htm/news/2314494.htm> (дата обращения 29.05.2025)

Ценностные детерминанты семейных и репродуктивных установок молодежи: опыт эмпирического исследования

Гриценко Мария Владимировна, Скурихин Дмитрий Андреевич,
Шпак Артём Андреевич

АНО «Молодёжный аналитический центр экономических и
социальных исследований»

Москва, Россия, youththinktank@yandex.ru

Важным элементом семейно-демографической политики является формирование у молодого поколения семейных и репродуктивных установок, направленных на вступление в брак, создание крепкой семьи и рождение нескольких детей. Вместе с этим остается не до конца ясным, какой набор ценностей акцентирует такие жизненные ориентации. Целью исследования является анализ ценностных ориентаций и убеждений молодежи и выявление того, как различные аспекты мировоззрения и ценностей связаны со стремлением вступить в брак и желанием иметь детей.

База данных исследования включает в себя результаты проведенного в 2024 году с использованием онлайн панели респондентов опроса; размер выборки составил 1008 человек. Выборка охватывает респондентов из всех субъектов РФ от 16 до 30 лет, репрезентативна по типам населенных пунктов, половозрастное распределение респондентов совпадает с половозрастным распределением по данным Росстата на 2024 год. На основании полученных результатов была разработана методология оценивания актуализированности конкретных ценностей, что позволило использовать многомерную шкалу ценностных осей для дальнейшего выявления связей между ценностями и конкретными установками.

Разработанная методология была применена для выявления того, как различные аспекты мировоззрения и ценностей молодежи связаны со стремлением вступить в брак и желанием иметь детей, что в дальнейшем может быть использовано для совершенствования демографической и семейной политики. Было выявлено, что религиозность, ценность традиции и уровень доверия положительно влияет как на стремление завести детей, так и на желаемое их количество. Актуализированная ценность равенства, напротив, оказывает отрицательное воздействие. Также в результате анализа удалось узнать, что для юношей и для девушек различные ценностные ориентации в разной степени влияют на стремление создать семью и завести детей: так актуализированность ценности гражданского и политического участия у девушек, в отличие от юношей, существенно снижает желаемое количество детей в будущем, а у юношей ценности патриотизма и доверия к власти сильнее положительно коррелируют с желанием вступить в брак. Кроме этого, были выявлены и проанализированы ценностные детерминанты феномена чайдфри и феномена многодетности.

Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования молодежной политики в области распространения и

сохранения созидательных ценностей, в сфере изменения семейных и репродуктивных установок для улучшения демографической ситуации в стране, а также для дальнейших исследований ценностей, убеждений и установок молодёжи.

Список литературы:

1. Халий И. А. Актуализированные ценности современного российского общества. М.: Институт социологии РАН, 2015. — 273 с. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Act_zennosti_sovr_obschestva.pdf (дата обращения: 25.05.2025).
2. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011. — 464 с.

Секция 2. Здоровье населения и его обеспечение

Здоровье пациентов как приоритет: роль человекоцентричной медицинской организации

Асадулин Евгений Олегович
ГБУЗ «Кузбасский кардиологический диспансер имени
академика Л.С. Барбараша»
Кемерово, Россия, asadeo@kemcardio.ru

Стрюков Роман Александрович
ГБУЗ «Кузбасский кардиологический диспансер имени
академика Л.С. Барбараша»
Кемерово, Россия, strura@kemcardio.ru

Поддержание здоровья человека повышает качество жизни личности на каждом этапе его развития. Одним из ключевых компонентов сохранения здоровья является системный профилактический визит в медицинские организации системы здравоохранения. Доступность, качество и безопасность, комфортность получения медицинской помощи – основные постулаты, которые должны сопровождать человека во время пребывания в стенах медицинского учреждения во время оказания консультативных и медицинских услуг персоналом учреждения. Такие постулаты являются основными компонентами в создании человекоцентричной медицинской организации, направленной на учет и мониторинг потребностей пациентов, создания комфортной и безопасной среды.

В данном тезисе рассматривается вопрос о роли человекоцентричной медицинской организации, как приоритета к повышению эффективности лечебного процесса, улучшения доступности медицинской помощи и повышение удовлетворенности пациентов.

Вопрос внедрения принципов, комфортности в учреждениях здравоохранения актуален. В 2024 году введен в действие национальный стандарт ГОСТ Р 71549-2024 Система менеджмента человекоцентричной медицинской организации, определяющий требования к общему менеджменту клиники для построения комфортной и безопасной среды, направленной на повышения удовлетворенности пациентов. Также ведущие научные, практико-ориентированные организации здравоохранения разработали и внедрили методики, стандарты и рекомендации по этому вопросу. Например, в 2022 году ведущее учреждение по организации и информатизации здравоохранения «ЦНИИОИЗ» разработали СТИМУЛ

(стандарт управления медицинской организации, направленный на повышение удовлетворенности пациентов медицинской помощью) [1]. Также среди многообразия практических аспектов внедрения выделяются рекомендации «Фонда международного медицинского кластера» по созданию человекоцентричной медицинской организации (2022 год) [2]. Данный стандарт и практические рекомендации эффективны тем, что определяют требования к учреждениям здравоохранения, а также доступно описаны для медицинских сотрудников.

Для достижения статуса «чело́векоцентричной медицинской организации» в учреждениях здравоохранения должны быть определены цели внедрения такого подхода, основные текущие проблемы по данному вопросу, внедрены требования стандартов и мониторинг показателей по повышению удовлетворенности пациентов и построена эффективная корпоративная культура для персонала по вопросам этики и деонтологии общения с пациентами. Именно культура общения и взаимодействия медицинского персонала с пациентами определяет и влияет на приверженность пациентов к учреждению, к росту эффективности выполнения рекомендаций врачебного персонала и влияет на имидж организации. Зоны роста на которые необходимо обратить внимание учреждениям при построении человекоцентричной медицинской организации представлены следующими элементами: непрерывное развитие, обучение, культура общения с пациентами, мониторинг требований пациентов, внедрение улучшений в МО (мотивация, обучение, этика и деонтология).

Взаимосвязь компонентов по удовлетворенности пациентов и комфортных условий пребывания невозможно представить без проведения мониторинга требований пациентов и внедрений улучшений условий в медицинской организации, а также неразрывно связаны сотрудники клиники с непрерывным собственным развитием, как специалистов и повышения культуры общения с пациентами, в том числе и с иностранными для реализации доступной, качественной и безопасной медицинской помощи.

Здоровьесберегающие медицинские технологии играют важную роль в повышении качества жизни человека. Использование SMART-медицинского оборудования с возможностью дистанционного мониторинга и анализа результатов исследований и передовые наработки искусственного интеллекта в медицине должны стать помощниками для своевременного, качественного прогнозирования неблагоприятных событий, связанных с пациентом для быстрого реагирования врачебного персонала медицинских учреждений.

Внутреннее обучение сотрудников медицинского учреждения должно стать катализатором развития неспецифичных знаний по непрофильным вопросам, как для медицинских, так и для немедицинских сотрудников. Обучение позволяет акцентировать внимание на актуальные темы для учреждения, например связанных с внедрением человекоцентричной организации и донести информацию до коллектива, например проведение электронного анкетирования среди сотрудников.

Интеграция современных медицинских технологий и непрерывное развитие знаний сотрудников проявляется положительным эффектом на оказание качественной медицинской помощи. Этика и деонтология общения сотрудников и постоянное совершенствование комфортных условий для пациентов реализуют требования пациентов по удобству нахождения в клинике, повышения удовлетворенности от получения медицинской услуги.

Кузбасский клинический кардиологический диспансер имени академика Л.С. Барбараша является одним из немногих примеров медицинских учреждений, которые внедрили принципы человекоцентричной медицинской организации. В кардиодиспансере представлен уникальный опыт интеграции системы менеджмента качества, ВККиБМД и принципов человекоцентричности.

Такая интеграция позволяет своевременно выполнять требования пациентов, анализировать проблемные зоны и выявлять коренные причины их возникновения. В учреждении внедрен механизм информирования каждого сотрудника о новой информации, связанной с новыми вызовами, трендами в системе организации здравоохранения и другими обеспечивающими процессами. Замкнутый цикл оказания медицинской помощи в Кузбасском кардиодиспансере (амбулаторная служба – диагностика – стационар), использование передового медицинского оборудования и оказания высокотехнологичной медицинской помощи пациентам кардиологического, неврологического профиля и применение информационных систем (СППВР, МИС) выполняет важную роль в сохранении здоровья каждого пациента, ориентируясь с человеческим отношением на оказание доступной и безопасной медицинской помощи [3].

Основной вывод данного тезиса заключается в том, что внедрение принципов человекоцентричной медицинской организации в деятельность учреждений здравоохранения играет одну из ключевых ролей к поддержанию здоровья пациентов и обеспечивает комфортные условия пребывания. Систематический анализ и внедрение требований пациентов определяет развитие всего учреждения и повышает имидж медицинской организации глазами пациентов и общественности.

Список литературы:

1. СТИМУЛ (стандарт системы управления медицинской организацией, направленной на повышение удовлетворенности пациентов медицинской помощью), 2022. Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения Минздрава России. URL: <https://mednet.ru/napravleniya/rabota-s-udovletvorennostyu/>
2. Фонд международного медицинского кластера. Рекомендации по созданию человекоцентричной медицинской организации, 2022. URL: <http://www.mimc.global/>
3. Асадулин Е.О., Стрюков Р.А., Макаров С.А. Формирование пациентоориентированного подхода в деятельность медицинской

организации. Опыт ГБУЗ «КККД», г. Кемерово: материалы XIII Международной научно-практической конференции (19-20 сентября 2024)/ отв. Ред. Ю.Ю. Шурыгина – Улан Уд: Изд-во ВСГУТУ, 2024 – 306 с. ISBN 978-5-907746-83-1.

Мобильные технологии здорового образа жизни: отношение и практики россиян

Брушкова Людмила Алексеевна
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, lbrushkova@yandex.ru

В последние десятилетия во всем мире идет процесс цифровизации здравоохранения, что предполагает и активное проникновение в эту сферу мобильных технологий. В результате формируется и развивается инновационная область – мобильное здравоохранение (mHealth), которая базируется на применении портативных устройств и специализированных приложений для предоставления медицинских услуг, профилактических мероприятий и поддержания здорового образа жизни людей.

Исследование компании PwC 2014 года, посвященное анализу глобального состояния здравоохранения, продемонстрировало, что респонденты особенно высоко оценивают доступность медицинских услуг и возможности самостоятельного контроля состояния своего здоровья [1].

Данные Всемирной Организации Здравоохранения свидетельствуют о том, что наиболее интенсивное развитие мобильной медицины происходит в экономически развитых странах. К 2011 году в Германии, Великобритании и Франции 72% медицинских специалистов уже интегрировали мобильные решения в свою профессиональную деятельность [2]. В Российской Федерации телемедицинские технологии получили активное развитие, начиная с 2017 года [3].

Внедрение мобильных технологий в жизнь общества трансформирует всю концепцию оказания медицинской помощи населению, кардинально меняя роль и место в ней самого человека. Имея возможности мониторить состояние собственного здоровья и сознательно влиять на него, человек превращается из пассивного реципиента медицинских услуг в активного «творца» своего физического и психического состояния, что, несомненно, повышает и качество его жизни.

В настоящее время в обществе все больше распространяется убеждение, что ответственность за здоровье человека лежит, прежде всего, на нем самом. Так, одним из принципов превентивной медицины, также получающей все большее признание в современном обществе, является партисипативность (от англ. participate – принимать участие), т.е. активное участие самого пациента в процессе поддержания своего здоровья.

В современной парадигме здравоохранения уже стало аксиомой утверждение, что здоровый образ жизни людей служит основой высокого качества жизни и активного долголетия. Согласно экспертным оценкам ВОЗ, здоровье человека определяется: генетическими факторами на 15-20%, состоянием окружающей среды на 20-25%, системой здравоохранения на 10-15% и образом жизни на 50-55% [4].

Мобильные технологии открывают совершенно новые возможности для каждого человека в плане поддержания здорового образа жизни. В какой мере эти возможности используются населением нашей страны?

Исследовательские данные подтверждают значительный интерес российских граждан к мобильным технологиям, касающимся здоровья. В январе 2023 года компания «Росгосстрах» совместно с аналитическим агентством A2:Research провела опрос с целью определения предпочтений россиян в отношении мобильных устройств и приложений для поддержания здоровья.

Результаты показали, что 48% опрошенных применяют мобильные устройства для мониторинга своего здоровья, при этом 15% делают это на постоянной основе. В рейтинге наиболее востребованных устройств лидируют «умные часы» (63% респондентов), за ними следуют «умные» весы (54%); фитнес-браслеты используют 25% респондентов, очистители воздуха – 20%; трекеры сна и «умные» тонометры применяют соответственно 12% и 11% участников исследования.

Примечательно, что 30% респондентов выражают сомнения в результативности таких устройств, однако продолжают их использовать, ориентируясь на опыт или советы окружающих. Одновременно значительная часть населения демонстрирует скептическое отношение к «умным» технологиям. Более трети участников опроса (31%) не используют устройства для контроля своего здоровья и не намерены делать это в будущем. Среди них 58% объясняют свою позицию неэффективностью и бесполезностью подобных устройств, а 13% – недоверием к получаемым данным[5].

Исследование выявило, что приблизительно половина респондентов рассматривает мобильные устройства для здоровья исключительно как маркетинговую стратегию их производителей. Более того, 13% убеждены, что такие технологии служат только коммерческим интересам высокотехнологичных корпораций, которые ориентируются на аудиторию людей, действительно приверженных здоровому образу жизни. Тем не менее, 35% опрошенных россиян признают потенциальную пользу мобильных устройств для здоровья, особенно при их грамотном подборе.

В ходе исследования была также определена популярность различных приложений для здорового образа жизни среди российских пользователей. В четверку лидеров вошли: приложения для контроля питания (52% респондентов), шагомеры (51%), системы мониторинга сна (28%) и фитнес-приложения (27%). Половина участников опроса приобретает платные приложения для здоровья или покупает интегрированные в них продукты. При этом треть респондентов тратит на такие приложения от 1000 до 2000 рублей ежемесячно, 29% – от 500 до 1000 рублей в месяц.

Анализ мотивации использования россиянами устройств и приложений для здоровья показал, что основными стимулами выступают: желание вести здоровый образ жизни (17% опрошенных) и поддержание оптимальной физической формы (14%). Каждый десятый респондент отмечает, что применение цифровых медицинских технологий побуждает их быть более дисциплинированными в плане ведения здорового образа жизни.

Таким образом, технологии мобильного здравоохранения постепенно входят в повседневную жизнь россиян, формируя у них более осознанное отношение к своему здоровью, что будет позитивно сказываться на качестве жизни наших соотечественников.

Список литературы:

1. mHealth – «мобильное» здравоохранение в современном мире 23 июня 2014. URL: <https://habr.com/ru/companies/medgadgets/articles/227159/> (дата обращения: 24.05.2025)
2. mHealth: new horizons for health through mobile technologies: second global survey on eHealth. World Health Organization. Geneva, 2011. URL: http://www.who.int/goe/publications/goe_mhealth_web.pdf (дата обращения: 24.05.2025)
3. Владимиров, И. А. Влияние качества оказания медицинских услуг на качество жизни москвичей перед пандемией covid-19 / И. А. Владимиров // Финансовый бизнес. – 2021. – № 9(219). – С. 10-14.
4. Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ). URL: <http://www.who.int/ru/> (дата обращения: 24.05.2025)
5. Росгосстрах. Россияне рассказали, какие гаджеты и приложения для здоровья используют и почему 15.02.2023. URL: <https://www.rgs.ru/about/news/rossiyane-rasskazali-kakie-gadzhety-i-prilozheniya-dlya-zdorovya-ispolzuyut-i-pochemu> (дата обращения 25.05.2025).

Интеграция наставничества в траекторию профессионального развития медицинских специалистов

Бурдастова Юлия Владимировна
НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента ДЗМ,
Москва, Россия, yulia-burdastova@yandex.ru

Современная система подготовки медицинских специалистов в России характеризуется относительной изолированностью каждого этапа

карьерного пути: школа – вуз – ординатура/аспирантура – место работы, что часто приводит к отрыву теории от практики во время обучения, потере мотивации студентов, стрессу и сложностям в адаптации на рабочем месте у молодых врачей из-за несоответствия навыков реальным клиническим задачам, оттоку кадров в первые годы работы молодых специалистов. Для системы здравоохранения это приводит к экономическим потерям: возрастают затраты на дополнительное обучение и (или) переподготовку кадров, снижается производительность труда, возрастают выплаты по больничным листам (в том числе из-за профессионального выгорания) и возрастают риска оказания медицинской помощи ненадлежащего качества.

Системным решением может служить траектория профессионального развития медицинских специалистов с интегрированной системой наставничества на протяжении всего карьерного пути медработника (включает проекты по привлечению школьников в сферу, увеличение стажировок и практикоориентированных мероприятий во время обучения, сопровождение молодых специалистов опытными наставниками на протяжении первых лет работы в медицинской организации) [1, 2], что соответствует федеральным инициативам в области наставничества [3, 4], а также идее непрерывного медицинского и фармацевтического образования Минздрава России. Основная задача при этом заключается в обеспечении плавного между этапами профессионального пути молодого специалиста, поддержании актуальности получаемых знаний и навыков, сохранении баланса между теорией и практикой, гарантировании психологической поддержки и ускоренной профессиональной адаптации и социализации, оказании помощи в построении карьерного пути.

Так, например, наставничество в период школьного этапа (9-11 классы) включает формирование осознанного выбора профессии: профориентация, формирование реалистичного представления о профессии медицинского специалиста, развитие базового интереса к медицине и естественным наукам, поддержание мотивации. Наставник на этом этапе становится «проводником» в профессию (наставником может быть врач медицинской организации, студент старших курсов медуниверситета, учитель медицинского класса и др.), где ключевой задачей становится помощь школьнику в формировании реальных представлений о профессии врача и понимании собственных возможностей в этом направлении. Формами взаимодействия наставника с подопечными могут быть отслеживание дневников здоровья класса, анализ простых медицинских кейсов, практические занятия в медицинских организациях и наблюдение за работой врачей. Помимо этого, современное развитие технологий позволяет разрабатывать интерактивные онлайн-платформы с геймификацией (виртуальные лаборатории, симуляторы простых медицинских задач – диагностика вируса, оказание первой помощи при ДТП и пр., квесты по анатомии, видео-дневники врачей разных специальностей). Помимо очного общения могут использоваться чаты/форумы с наставником и одноклассниками, для того чтобы сделать знакомство с профессией увлекательным и доступным.

На этапе обучения в вузе (1-6 курсы) цель наставничества заключается в помощи в интеграции теоретических знаний с практикой, формировании клинического мышления, развитии профессиональной идентичности, поддержке в построении профессионального пути, а также в периоды потери мотивации или стресса. Наставнику на этом этапе (преподаватель, научный руководитель, практикующий врач) при работе с подопечными следует делать акцент на осмыслении материала: разбор сложных тем, клинических случаев (в т.ч. на симуляторах), обсуждение врачебных ошибок и этики, способствовать раннему погружению студента в практику: содействие стажировкам в медицинские организации, помощь в поиске летних практик/волонтерства, что может способствовать повышению успеваемости и снижению академической задолженности, формированию высоко квалифицированных выпускников. Основной акцент во взаимодействия наставника со студентами следует сделать на очных встречах: семинары-разборы, практические занятия на симуляторах, клинические разборы во время приема пациента или при обходе. Кроме того, может быть добавлена цифровая база знаний: лекции (видео, презентации), библиотека клинических случаев (с решениями и без), 3D-атласы, симуляционные сценарии, а также онлайн-взаимодействие: обсуждение кейсов на форумах, вебинары с наставником, чат для оперативных вопросов, система назначения и проверки заданий.

На этапе ординатуры цель наставничества заключается в освоении специальных компетенций узкого специалиста, формировании самостоятельности в принятии клинических решений (под контролем), отработке и оттачивании практических навыков, подготовке к работе врачом. Наставник на данном этапе – опытный врач-специалист в выбранной ординатором области – сосредоточен на практическом руководстве своим подопечным: совместные обходы, разбор реальных пациентов, супервизия выполнения манипуляций и процедур, анализ историй болезни, написанных ординатором, постепенное делегирование ответственности с «подстраховкой». Ключевая задача заключается в ускорении процесса вхождения в специальность, снижении риска ошибок.

Наконец, на этапе вхождения в профессию (первые 5 лет работы в медицинской организации) цель наставничества заключается в смягчении процесса адаптации на рабочем месте, профилактике профессионального выгорания, поддержке в сложных клинических и коммуникативных ситуациях, стимулировании непрерывного профессионального развития и оказании поддержки в формировании карьерной траектории. Наставник на данном этапе – опытный коллега или непосредственный руководитель, который осуществляет регулярные (например, раз в 1-2 недели) неформальные очные и онлайн встречи для обсуждения трудных случаев, работы с документацией, бюрократических и других сложностей в работе подопечного, проводит супервизии сложных пациентов или ситуаций, помогает в планировании индивидуального плана профессионального развития. Результатом успешного наставничества на данном этапе может стать сокращение числа ошибок молодыми специалистами, повышение лояльности персонала и

репутации медицинской организации как места, в котором поддерживают молодежь [5].

Таким образом, интеграция наставничества в траекторию профессионального развития медицинских специалистов будет способствовать преодолению ключевых болевых точек современного здравоохранения: разрозненность этапов профессионального пути молодого специалиста, стресса адаптации в профессии и на рабочем месте, оттока кадров из сферы, что, вероятно, потребует системного подхода, межведомственного взаимодействия, инвестиций в ИТ-инфраструктуру и подготовку наставников.

Список литературы:

1. Бурдастова Ю.В. Неформальное профессиональное развитие кадровых ресурсов здравоохранения: зачем? // Материалы VI Международной научно-практической конференции «Социальная динамика населения и человеческий потенциал» / науч. ред. В.В Локосов. – М.: ИСЭПН ФНИСЦ РАН. – 2024. – С. 281–284.
2. Протопопов А.В., Соловьева И.А., Юрьева Е.А., Алексеева Е.А. Опыт внедрения наставничества в медицинском вузе // Медицинское образование и профессиональное развитие. – 2024. – Т. 16. – № 1. – С. 136–145. DOI: <https://doi.org/10.33029/2220-8453-2025-16-1-136-145>.
3. Распоряжение Правительства России от 21.05.2025 №1264-р. URL: <http://government.ru/docs/55086/> (дата обращения: 03.06.2025).
4. Федеральный закон от 09.11.2024 № 381-ФЗ «О внесении изменения в трудовой кодекс российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411090013?ysclid=mbo1q05m12182038156> (дата обращения: 03.06.2025).
5. Развитие наставничества в столичном здравоохранении: новые подходы и возможности / отв. ред. д.э.н., проф. Е.И. Аксенова; науч. ред. к.э.н. Ю.В. Бурдастова. – М.: НИИОЗММ ДЗМ, 2023. – 184 с. – EDN: HJKQMA

Самосохранительные практики населения через призму ценностей здоровья и семьи (на примере Республики Башкортостан)

Валиахметов Рим Марсович
Уфимский университет науки и технологий
Уфа, Россия, rim_m_sifat@inbox.ru

Садретдинова Эвеллина Винеровна
Уфимский университет науки и технологий
Уфа, Россия, golichev@mai.ru

Коровкина Наталья Владимировна
Уфимский университет науки и технологий
Уфа, Россия, korovkina-natalya@list.ru

В настоящее время все более распространенным является представление о том, что здоровье населения характеризуется взаимодействием биологических и социальных факторов. Социологическая наука особое внимание уделяет социальным детерминантам здоровья, среди которых следует отметить не только занятость, образование, уровень жизни, окружающая инфраструктура и т.д., но и такие социокультурные факторы как отношение к здоровью, самосохранительное поведение и здоровьесберегающие практики. Важнейшим социальным институтом формирования осознанного отношения к здоровью является семья и характер взаимоотношений в семье. Многие исследования демонстрируют высокий уровень значимости для россиян как ценности здоровья, так и ценности семьи. В данной статье представлен социологический анализ отношения населения Республики Башкортостана к здоровью и описание ряда сложившихся практик самосохранительного поведения как отражение ценностного потенциала семьи. Эмпирической базой исследования послужили результаты опроса «Здоровье и человеческое здоровье», проведенного в Республике Башкортостан в июле-сентябре 2023 г. методом анкетирования (опрошено 957 респондентов по репрезентативной республиканской выборке).

Анализ ценности здоровья невозможно без исследований его потенциала в различных регионах Российской Федерации в контексте современных вызовов и текущего социально-экономического положения региона [1]. Стало очевидным и то, что без формирования и укрепления практик самосохранительного поведения, т.е. формирования и развития потребностей, установок, мотивов и поведенческих практик в области сохранения и укрепления собственного здоровья, не представляется возможным обеспечить и демографическую безопасность современного общества [2]. Отношение к здоровью раскрывается обычно через такие показатели, как оценка (самооценка) состояния своего здоровья, медицинская информированность (знания о сфере здоровья, в том числе знания о

профилактике наиболее распространенных заболеваний, представления о принципах здорового образа жизни), ценностные установки в сфере здоровья, деятельность по сохранению своего здоровья и т.д. [3; 4]. Несомненно, важнейшую роль в этих процессах отводят формированию и использованию ценностного потенциала семьи как одному из важнейших нематериальных ресурсов и факторов демографического поведения [5].

Несмотря на то, что в иерархии ценностей граждан России здоровье занимает ведущие позиции (Опрос ВЦИОМ (2023 г.) показал, что самыми главными целями в жизни россиян выступают здоровье (68%) и создание счастливой семьи (56%). Семья является одинаково значимой ценностью как для женщин, так и для мужчин, в то время как ценность здоровья сильнее выражена у женщин (67% против 48%) [11]) при оценке собственной ответственности за его сохранение, тем не менее это осознание не всегда сопровождается регулярным применением практик самосохранительного поведения. К числу факторов-детерминант внедрения практик сохранения здоровья, в первую очередь, относят ценности семьи, детей, желание увидеть и вырастить внуков. Также существует прямая взаимосвязь между стремлением сохранить здоровье и уровнем образования и занятости, обеспечивающих удовлетворенностью жизнью. Желание сохранить здоровье связано также с ограничением употребления алкоголя, отказом от курения, стремлением следовать рекомендациям о здоровом питании, а также физической активностью в различных формах [6].

Принято считать, что здоровье более чем на половину зависит от образа жизни. Многолетние исследования показывают, что мужчины, состоящие в браке, а также занимающиеся умственным трудом, живут дольше, чем остальные. Для женщин факторами продления жизни являются наличие детей и высокий уровень доходов. Кроме того, женщины характеризуются более ответственным подходом к вопросам сохранения и укрепления здоровья. Опрос ВЦИОМ 2024 г. свидетельствует о том, что мужчины в 1,5 раза чаще, чем женщины, склонны оценивать свое здоровье как хорошее (40% и 27% соответственно). Примерно каждый десятый респондент (11%) не следует принципам ЗОЖ, при этом чаще с этим утверждением о себе соглашаются мужчины (15% против 7% у женщин) [13].

Родители участвуют в формировании здоровья ребенка множеством способов, начиная с практик построения гармоничных отношений в семье, контроля за развитием беременности, последующего контроля за состоянием здоровья ребенка и его питанием (в том числе под воздействием/отсутствием воздействия вредных привычек членов семьи) [7]. Именно родители создают условия для физического развития ребенка, обучают его нормам гигиены, распорядку дня, рациональному питанию, приобщают к занятиям спортом и др. Также взрослые несут ответственность за своевременное обращение за медицинской помощью [8].

Представители молодежи в настоящее время склонны считать, что в семье сохранить здоровье проще, чем без нее и, более того, семья способствует укреплению здоровья [9]. При этом старшее поколение, оказывая влияние на отношение к здоровью и самосохранительные практики молодежи, может содействовать формированию как негативных, так и

позитивных установок в отношении здоровья. Негативные установки связаны с возможными болезнями и их неприятием в обществе, отсутствием сочувствия, изоляцией в пожилом и старческом возрасте. Позитивные установки связаны с уважением к активности пожилых людей, их способности стойко переносить тяготы и испытания, осваивать новые технологии, умением сохранить супружескую любовь, поддерживать спортивные увлечения [10].

Для сохранения здоровья большое значение имеет двигательная активность. Наше исследование показывает, что достаточную специальным образом организованную физическую нагрузку (от ежедневной до 2-4 раз в неделю) имеет только каждый третий опрошенный. В то время как значительная часть респондентов (40%) говорят о почти полном отсутствии в их жизни физкультуры и спорта. Молодые люди демонстрируют более высокую физическую активность. Около 60% респондентов в возрасте до 24 лет имеют регулярную физическую нагрузку. Чем старше опрошенные, тем чаще они говорят о том, что никогда или почти никогда не занимаются физкультурой и спортом. Ежедневная физическая нагрузка (спортивные секции, самостоятельно выполняемые упражнения и др.), в целом, растет после 45 лет, что можно связать и с сознательной установкой зрелых людей. Данные опроса ВЦИОМ также демонстрируют более высокую физическую активность у молодых людей до 34 лет, при этом каждый пятый россиянин очень редко занимается спортом и физической культурой [12].

Мужчины и жители городов активнее занимаются физкультурой и спортом, чем женщины и жители сел. Причины гендерных различий очевидны, разницу в физической активности горожан и сельчан также легко объяснить. Проблема может заключаться как в недостаточно развитой в сельской местности инфраструктуре (отсутствие секций, помещений, площадок), так и в высоком объеме выполняемой физической работы на селе, требующей много времени. Стоит отметить, что у части жителей мегаполиса посещение фитнес-клубов становится частью современной городской жизни и стремления соответствовать определенным эстетическим канонам и «моде» на здоровый образ жизни. В сельской местности, где значительная часть физической нагрузки носит естественный характер, установки на подобные варианты досуга менее значимы и, в целом, не доступны.

Респондентам также был задан вопрос о том, как часто в последние 6 месяцев работа по дому, в личном подсобном хозяйстве, на приусадебном участке требовала интенсивных физических нагрузок или вынужденного использования велосипеда и самоката. Результаты демонстрируют, что довольно часто физические упражнения сопровождали работу по дому или на участке у половины опрошенных, а никогда или почти никогда – у каждого четвертого. Самая высокая сопутствующая работе нагрузка была зафиксирована в группе населения от 55 до 66 лет (27,7%). Это обстоятельство можно связать с наличием у представителей этой группы опрошенных подсобного хозяйства и приусадебного участка, на котором они имеют желание и силы работать. Ответ «никогда или почти никогда» особенно часто (примерно каждый третий) давали молодые и самые старшие респонденты.

Мужчины несколько чаще, чем женщины, говорили о высокой частоте выполнения интенсивной физической работы. Среди женщин наиболее

популярным оказался вариант ответа «никогда или почти никогда». Данный факт можно объяснить тенденцией делегировать тяжелую работу в семье мужчинам. Различия наблюдаются и в ответах респондентов, проживающих в различных типах населенных пунктов. Это особенно заметно в ответах респондентов о ежедневной физической нагрузке: об этом говорят треть сельчан и менее пятой части опрошенных горожан.

Самым популярным ответом на вопрос о причинах низкой физической активности стало отсутствие свободного времени, именно так ответили более трети опрошенных. Несколько реже респонденты говорили о том, что занимаются в достаточной степени, либо у них нет интереса физическим формам занятости и активности. Еще менее популярными оказались ответы о достаточной физической нагрузке при выполнении, например, работы по дому, либо в случаях, связанных с проблемами здоровья. Замыкают список причин низкой физической активности населения отсутствие денег, а также удобно расположенных спортивных залов или секций с подходящим для человека уровнем подготовки, наличие вредных привычек.

О том, что занимаются достаточно, чаще говорили молодые респонденты до 34 лет. Желание заниматься спортом и интерес к физической культуре обратно пропорциональны возрасту респондента. Например, в группе населения от 65 до 69 лет такой ответ дал почти каждый второй опрошенный. Количество сообщивших об отсутствии времени растет от 18 до 54 лет (с 27,6% до 45,4% соответственно), но в группе респондентов от 55 до 64 лет их число вновь снижается (до 29,4%), а в старшей возрастной (пенсионной) группе составляет всего 16,8%. Это связано с тем, что после окончания образовательного учреждения основную часть времени человек посвящает профессиональной деятельности, ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей, а после выхода на пенсию вновь может более свободно распоряжаться своим временем. Количество заявивших о проблемах со здоровьем, в основном, увеличивается с возрастом (но в первой возрастной группе до 24 лет несколько выше, чем в группе до 34 лет). Самые молодые респонденты чаще других говорят об отсутствии денег (7,9%).

Мужчины более склонны считать, что у них достаточно физической нагрузки, они же чаще указывают на наличие вредных привычек. Женщины часто не могут найти подходящую спортивную программу или подходящий зал для занятий, говорят о серьезной нагрузке дома, плохом здоровье и отсутствии денег.

Уфимцы чаще других заявляют об отсутствии свободного времени (42,5%), в то время как остальные горожане (не уфимцы) считают, что занимаются физкультурой достаточно (34,8%). Это справедливо, так как ранее проанализированные результаты показали, что жители других городов республики занимаются спортом и физкультурой наиболее активно. Подходящую спортивную программу/секцию и зал чаще не могут найти в среднем городе, чем в столице, рынок которой переполнен подобными предложениями. О плохом здоровье говорили примерно с одинаковой частотой все респонденты, можно отметить лишь несколько более высокую частоту ответов среди горожан. Последние чаще склонны объяснять низкую физическую активность отсутствием денег (5,3%). Сельчане почти не

называли вариант ответа о вредных привычках (0,9%), но треть упомянули отсутствие интереса, а каждый пятый вспомнил о большой физической нагрузке на работе или дома

Обращают на себя внимание различия и в ответах жителей разных типов населенных пунктов: тенденцию оценивать здоровье как ценность, которая стоит некоторых ограничений, активнее демонстрировали уфимцы (31,4%), чем остальные горожане (27,6%) и особенно жители сел (19,8%). Сельчане так же чаще, чем жители города, делали выбор в пользу позиции «нужно получать от жизни удовольствие, даже если это вредит здоровью и укорачивает жизнь».

В ходе исследования респондентам было предложено также ответить на вопрос о контроле за собственным весом. Известно, что избыточный вес приводит к развитию заболеваний опорно-двигательного аппарата, повышает риск развития атеросклероза, гипертонии, инсульта, инфаркта миокарда, сахарного диабета. Анализ ответов на вопрос «Как часто Вы взвешиваетесь?» показывает, что 8,4% информантов ежедневно контролируют свой вес (вероятно, в эту группу входят те, кто активно занимается физкультурой и спортом, соблюдают диету и культуру питания). При этом 43,2% опрошенных контролируют свой вес ежемесячно, 33,3% – ежегодно (возможно, при прохождении профилактических медицинских осмотров), 15,0% опрошенных не контролируют собственный вес.

Каждый десятый житель малого города и каждый пятый житель села вообще не озабочены вопросами контроля за своим весом, среди уфимцев таковых всего 4,4%. Что касается сельских поселений, вероятно, особенности ведения домашнего хозяйства (активная физическая работа) и культура питания (больше натуральных продуктов от ведения приусадебного хозяйства, меньше фаст-фуда) «снимают» с повестки дня необходимость постоянного контроля за весом.

Интересно отметить и гендерные различия. Ежедневно контролируют свой вес 12,6% женщин и только 3,8% мужчин; регулярный ежемесячный контроль отмечают 51,2% женщин и 34,8% мужчин; эпизодический (ежегодный) контроль характерен для 24,2% женщин и 50,6% мужчин; вовсе не контролируют свой вес 7,1% женщин и 16,4% мужчин. К этим различиям следует добавить и такие особенности повседневной практики мужчин в семье, как несбалансированная система питания, курение (курят 47 % мужчин и 18, % женщин); употребление алкоголя (никогда не употребляли крепкие спиртные напитки только 14,9% мужчин и 31,6% женщин) и т.д.

Исследование здоровья населения и особенностей его самосохранительного поведения, рассматриваемых нами в системе семейных ценностей, подтверждает основные выводы о том, что важнейшим институтом формирования осознанного отношения к здоровью является семья и семейное воспитание. В каждой из основных функций и предназначений семьи (каковыми являются репродуктивная, воспроизводственная, воспитательная и др.) априори «присутствует» и другая важная жизненная ценность – здоровье. Фактически, она детерминирует другие факторы и становится одной из приоритетных в системе ценностей семьи. Репродуктивная и воспроизводственная функции семьи закладывают естественную основу

здоровья и обеспечивают воспроизводство членов семьи. Воспитательная и социализирующая функции семьи дают не только представления о здоровье и здоровом образе жизни, но и формируют необходимые навыки самосохранительного и здоровьесберегающего поведения.

Результаты исследования показывают, что выражаемые жителями республики представления о ценности и значимости здоровья не всегда подкрепляются на поведенческом уровне: респонденты в большей степени демонстрируют реактивные модели поведения, нежели профилактические. Женщины склонны проявлять более высокую степень ответственности за сохранение и укрепление здоровья, что позволяет утверждать об их особой роли в семье по формировании осознанного отношения к здоровью. Молодое поколение демонстрирует установки и практики поведения, схожие со старшим поколением, что дает основания выстраивать более оптимистичные прогнозы относительно влияния семьи на отношение к ценности здоровья в ближайшей перспективе.

В целом, наши исследования подтверждают достаточно высокую оценку значимости ценностей здоровья и семьи. Вместе с тем, в оценках жителями Республики Башкортостан своего здоровья и, особенно собственных практик самосохранительного поведения, содержатся достаточно тревожные суждения, свидетельствующие о противоречиях и проблемах в этих наиболее жизненных и чувствительных сферах. Позитивные представления о ценности и значимости здоровья не подкрепляются или слабо поддерживаются повседневными практиками самосохранительного поведения и здорового образа жизни. Наряду с объективными факторами, связанными с отсутствием или слабым развитием социальной и медицинской инфраструктуры, очень существенна роль субъективных причин, исходящих от самих жителей. Для существенной части граждан характерны не стратегия предупреждения и профилактики заболеваний, а реагирование на возникающие угрозы здоровью по факту появления заболеваний, часто уже хронических.

Можно отметить наличие некоторых общих тенденций в установках на сохранение и укрепление здоровья у самой молодой и старшей группы респондентов в семьях. При этом во всех возрастных группах женщины демонстрируют более ответственное отношение к вопросу о профилактике, сохранении и укреплении здоровья, нежели мужчины.

По результатам наших исследований ответы мужчин в большинстве случаев свидетельствуют о том, что они по-прежнему остаются в зоне риска с точки зрения сохранения здоровья и приверженности здоровому образу жизни. Важно заметить, что наличие семьи, семейный статус мужчин является естественной защитой от многих потенциальных проблем в области сохранения и укрепления здоровья.

Исследование выполнено в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023-2025 гг. (рук. академик РАН Тишков В.А).

Список литературы:

1. Назарова И.Б., Карпова В.М., Ляликова С.В. Потенциал здоровья населения: состояние и взаимосвязь с характеристиками российских регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 3. С. 174–189.
2. Иванова А. Е., Семенова В.Г. Укрепление здоровья и формирование самосохранительного поведения населения как фактор демографического благополучия России // Демографическое благополучие России. Национальный демографический доклад / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская [и др.]; отв. ред. С. В. Рязанцев; ФНИСЦ РАН. М.: ИТД «Перспектива», 2022. С. 51–64.
3. Здоровье студентов: социологический анализ / Отв. ред. И.В. Журавлева. М.: ИНФРА-М, 2014. – 272 с.
4. Федоров А. И. Отношение подростков к здоровью: социологический анализ // Образование и наука. 2008. № 1 (49). С. 91–96.
5. Валиахметов Р.М. Ценностный потенциал семьи как фактор демографического поведения населения // Национальные демографические приоритеты: подходы и меры реализации. Серия «Демография Социология. Экономика». Том 5. №4 / Под редакцией чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., Ростовской Т.К. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. С. 206–209.
6. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад–2023 / Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова [и др.]; отв. ред. Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. Вологда: Вологодский научный центр, 2024. С. 16–18.
7. Монахов М. В., Цыбульская И. С. Влияние качества жизни семей на состояние здоровья детей // Социальные аспекты здоровья населения. 2009. № 4. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/150/30/>
8. Пикуза О. И., Сулейманова З. Я., Закирова А. М. Роль семьи в формировании здоровья ребенка // Практическая медицина. 2019. № 5. С. 162. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-semi-v-formirovanii-zdorovya-rebenka-1>
9. Роль семьи в формировании отношения к здоровью молодежи в условиях пандемии / Каменева Т. Н., Бровкина И. Л., Надуткина И. Э., Селюков М. В., Сакулин В. Е. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29. № S1. С. 760–761. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-semi-v-formirovanii-otnosheniya-k-zdorovyu-molodezhi-v-usloviyah-pandemii>
10. Ростовская Т.К., Васильева Е.Н. Брачные, репродуктивные, самосохранительные стратегии членов студенческих семей: по результатам глубинного интервью // Вестник Нижегородского

университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 1 (73). С. 74-82.

11. Традиционные ценности, современные цели. ВЦИОМ. 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi> (дата обращения: 27.11.2023).
12. Здоровье – высшая ценность. ВЦИОМ. 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorove-vyshshaya-czennost> (дата обращения: 27.11.2023).
13. Здоровый образ жизни: мониторинг. ВЦИОМ. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring> (дата обращения: 27.11.2023).

Нормативно-правовое регулирование инклюзивного образования в России

Гарипова Зухра Фанусовна
Институт стратегических исследований
Академии наук Республики Башкортостан
Уфа, Россия, loyal-z@bk.ru

Инклюзивное образование воплощает концепцию социальной справедливости, направленную на предоставление равных возможностей каждому ребенку независимо от личных особенностей. Учебная среда, основанная на этом принципе, создает условия для уважительного взаимодействия и принятия различий среди учащихся, прививая в процессе воспитания способность сопереживать и оказывать поддержку детям, имеющим физические или ментальные отличия.

Совместное обучение с ребятами, обладающими особыми нуждами, разрушает распространенные предрассудки касательно неполноценности лиц с ограниченными возможностями, показывая обществу, что такие дети полноценно участвуют в социальной жизни. Одновременно благодаря инклюзивному образованию происходит постепенная адаптация детей с особенностями развития к социуму. Традиционная школа предоставляет шанс приобрести навыки социализации и взаимодействия со сверстниками, что выступает основой успешной профессиональной интеграции и личностной самореализации в будущем.

Система российского образования для детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидов основывается на международных правовых нормах:

- Конвенция ООН о правах ребёнка (1989 г.) закрепляет право каждого ребёнка на доступ к обучению, невзирая на наличие физических или интеллектуальных особенностей.

- Конвенция ООН о правах инвалидов (2006 г., принята Россией в 2012 г.) предписывает создание доступной среды, обеспечивающей свободный доступ к образованию, транспорту и информации.
- Основные нормативные документы, определяющие принципы организации инклюзивной образовательной среды в России и Республике Башкортостан:

Федеральные законодательные акты

1. ФЗ №273 «Об образовании в РФ» (2012, с изменениями 2023–2025 гг.) ст. 79
2. ФЗ №181 «О социальной защите инвалидов» (1995, ред. 2023)
3. Приказ Минобрнауки №1598 (2014)
4. Приказы Минтруда: №10н (2017) – профстандарт для тьюторов.
5. Приказы Минтруда №351н (2017) – профстандарт для ассистентов
6. Приказ Минобрнауки №1598 (2014)

Региональные регламентирующие документы

1. Закон РБ №696-з «Об образовании» (2013)
2. Концепция инклюзивного образования в РБ (2020–2025)

В Концепции инклюзивного образования изложены подходы к реализации доступности образовательных ресурсов, поддержке педагогов специальными методами и технологиями, взаимодействия семьи и школы.

Правовая база Российской Федерации в области инклюзивного образования соответствует международным нормам, установленным Конвенцией о правах ребенка и Конвенцией о правах инвалидов. Законодательством предусмотрено создание условий, обеспечивающих равенство прав детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидов в доступе к образованию. Этими условиями являются [1]:

- специализированные учебные программы (адаптированные образовательные программы);
- особые педагогические условия (помощь тьюторов, ассистентов, проведение коррекционной работы);
- разнообразные формы получения образования (инклюзивные классы, специализированные школы).

Основополагающим нормативным актом является Федеральный закон №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», который определяет порядок организации учебного процесса для детей с особыми образовательными потребностями. Закон дополняется профессиональными стандартами специалистов сопровождения (тьюторов, ассистентов) и региональными инициативами, такими как Концепция инклюзивного образования Республики Башкортостан. Последняя нацелена на интеграцию детей с особыми потребностями в обычные образовательные учреждения, создавая равные возможности для всех школьников независимо от физического или умственного развития.

Несмотря на достигнутые успехи, существуют нерешённые проблемы: нехватка специализированного оборудования в школах, недостаток

профессиональных педагогов и неравномерность распространения инклюзивных моделей по регионам.

Тем не менее, внедрение инклюзивной среды несёт огромную образовательную пользу. Во-первых, учет многообразия детских потребностей стимулирует разработку инновационных учебных программ и подходов, улучшающих качество образования для всех учащихся. Во-вторых, появление инклюзивных классов заставляет вводить инновационные технологии, такие как цифровые платформы, специальное оборудование и интерактивные методики обучения. Наконец, учителя приобретают новые компетенции, учатся работать с учениками разной категории, совершенствуя собственную квалификацию и преобразовывая школьную среду [2].

Итак, инклюзивное образование — это вклад в благополучие нашего будущего, оно развивает гуманность, улучшает качество школьного обучения и укрепляет экономику государства. Успех инклюзивности возможен лишь при поддержке законодательства, готовности школ к переменам и формировании новой культуры общества. В результате мы получаем справедливое, сбалансированное и конкурентоспособное общество.

Список литературы:

1. Мигунова Ю.В. Нормативные правовые основы организации образовательной деятельности детей с ограниченными возможностями здоровья и с инвалидностью в Республике Башкортостан // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 2 (18). С. 90–98.
2. Селиванова С.С. Тенденции адаптации системы общего образования для детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья для детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 1 (17). С. 349–362.

Конструируя здоровье: визуальные образы телесности в западных медиа в оценках российской учащейся молодежи

Гильманова Алина Руслановна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, gilmanova.ar01@gmail.com

Толстикова Виктория Михайловна
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, tolstikovaviktoriam@gmail.com

Бояркина Сания Исааковна
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, boyarkina_si@spbstu.ru

Визуальные образы тела, транслируемые в новых медиа, не только репрезентируют, но и активно формируют представления о здоровье, норме и отклонении. Визуально фиксируемые признаки здоровья и болезни становятся и поводом для стигматизации, психологического дискомфорта и социальной (само)эксклюзии маргинализируемых групп, и основой, на которой конструируются представления о стандартах красоты и здоровья, а вместе с ними и социокультурные практики следования этим стандартам. В рамках такого подхода здоровье понимается как многоуровневый социокультурный конструкт [1], а тела – как социокультурные коды, воплощающие в себе социальные кодексы, нормы и идеалы [2].

Традиционно медиа выступали агентом нормирования телесности, формируя стандарты «здорового», «привлекательного» и «успешного» тела через образы стройности, молодости и телесной дисциплины. С середины 2000-х годов на фоне перехода к концепции позитивного образа тела и расцвета инклюзивных дискурсов в публичном пространстве формируется альтернативный нарратив, связанный с позитивным отношением к телу, противостоянием биомедицинскому дискурсу, давлению социума и медиа на субъективное восприятие внешнего облика и самооценку [3].

Как социальное движение бодипозитивизм возникает в оппозиции бодишеймингу и утверждает ценность всех тел независимо от веса, формы тела, цвета/состояния кожи, возраста, инвалидности и гендерной принадлежности [4].

Визуальное представление такого подхода в медиа включает показ тел, ранее маргинализированных: плюс-сайз моделей, моделей с инвалидностью, с кожными заболеваниями и др.

Вместе с тем вопрос о влиянии этих тенденций, свойственных, преимущественно, западным образцам массовой культуры, на восприятие телесности представителями российской молодежи остается открытым. В контексте нашего исследования особый интерес представляет восприятие образов бодипозитивных моделей в рекламе молодежной аудиторией. Насколько комфортно молодым людям видеть нестандартные тела в медиа? Считают ли они такие образы реалистичными, вдохновляющими или вызывающими дискомфорт?

Для ответа на эти вопросы был проведен пилотажный опрос, в котором приняли участие 47 респондентов – представителей студенческой молодежи в возрасте 14 – 24 лет, из которых 72% – девушки и 18% – юноши. Основу онлайн-опросника составили фотографии моделей (12 фото), соответствующих традиционным стандартам (4 фото) и бодипозитивных

(женщин и мужчин с избыточным/недостаточным весом, дефектами кожи, низкой мышечной массой тела, старших возрастов – всего 8 фото). Респондентов просили оценить внешний вид моделей и описать эмоции, которые возникают при просмотре фотографий, уровень психологического комфорта, основную идею, которую пытались передать аудитории через демонстрацию моделей.

В целом, наибольшее часто опрошенных испытывали чувство дискомфорта при демонстрации фотографий моделей с явными признаками истощения (70% респондентов) и ожирения, причем фото полной модели-женщины вызвало дискомфорт у 36% опрошенных, а модели-мужчины – у 62%. Модели с недостатками кожи, признаками возрастных изменений воспринимались позитивно, там число тех, кто испытал дискомфорт, составило около 8.5%.

В качестве основного критерия здоровья отмечается вес человека, изображенного на фотографии. Образ моделей плюс-сайз и меньше XS ассоциируется с нездоровьем, в то время как отклонения от стандартов, не связанные с весом, воспринимаются благосклонно: «...человек без ноги и человек, который намеренно нажрал 200 кг – разные примеры».

Позитивное отношение к телу оказывается не столько борьбой против социальной стигмы, сколько синонимом здорового образа жизни и заботы о себе: «Бодипозитив должен быть позитивным для тела, а это в свою очередь означает отслеживание состояния своего здоровья. ...не про распущенность и принятие, а про поддержания здорового образа жизни».

Респонденты отмечали важность инклюзивного подхода для обладателей нестандартных тел, однако в фокусе внимания оставалось влияние состояния тела на здоровье «это [инклюзивность – прим. Авторы] актуальная проблема, но бодипозитив не должен вредить здоровью».

Существующие тенденции распространения бодипозитивной повестки в медиа опрошенные связывают с глобализацией, распространением влияния стран коллективного Запада, агрессивным навязыванием образцов западной культуры: «инклюзивность уже перешла границы от призыва к толерантности к гонениям на людей, которые не поддерживают эти ценности».

Проведенное исследование позволило сформулировать вопросы для дальнейших изысканий: влияют ли демографические и культурные различия на отношение к бодипозитивизму? Оказывают ли существующие тенденции в медиа положительное воздействие на людей, не соответствующих принятым стандартам красоты, и различается ли это воздействие в зависимости от их собственных особенностей тела? Ответы на эти и другие вопросы помогут не только эмпирически обосновать роль визуальности в формировании отношения к телу и здоровью, но и выявить риски для здоровья молодежи в медиатизированном обществе.

Список литературы:

1. Lupton D. Medicine as Culture: Illness, Disease and the Body in Western Societies. SAGE Publications. 2002.
2. Halse C. Bio-citizenship: Virtue discourses and the birth of the bio-citizen // Social Theory and Health. 2009. 7(4):355–372.
3. Мешкова Т. А. Концепция позитивного образа тела в современной зарубежной психологии // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. №. 2. С.55–69.
4. Leboeuf C. What Is Body Positivity? The Path from Shame to Pride // Philosophical Topics. 2019. 47(2):113–127

Цифровые медиа и психическое здоровье детей

Дмитриева Елена Викторовна
МГИМО МИД РФ

Москва, Россия, e.dmitrieva@inno.mgimo.ru

Понятие «цифровые медиа» еще достаточно новое и не существует четко сформулированных и принятых всеми дефиниций. Так, согласно определению ЮНЕСКО, к ним относятся все средства передачи электронного контента через цифровые устройства и платформы. [1]

Психическое здоровье определяется как «состояние благополучия, при котором человек реализует свои собственные способности, может справляться с обычными жизненными стрессами, может продуктивно работать и вносить вклад в жизнь своего сообщества» [2] К проблемам психического здоровья у подростков относят как психические симптомы (например, невнимательность, беспокойство, тревога, проблемы со сном, гиперактивность и суицидальные мысли), так и психические расстройства (например, СДВГ, депрессия, расстройства психики). В данном разделе мы рассматриваем прежде всего негативные последствия использованию цифровых медиа для здоровья подростков. Например, в 11-я версию МКБ (ICD-11; World Health Organization, 2018) включен диагноз, получивший название «Игровое расстройство», при котором индивид чрезмерно увлекается играми, испытывает симптом отмены, необходимость играть все больше и больше, чтобы почувствовать удовлетворение и негативные последствия, например, отдают предпочтение играм над хобби, жлет о степени вовлеченности в игру, пренебрегает отношениями и учебой. Однако чрезмерное использование социальных сетей до сих пор не было признано ни в одной стране. Однако некоторые ученые считают, что критерии для диагностики игровой зависимости могут быть использованы для диагностики зависимости от социальных сетей [3]. По данным Европейского регионального бюро Всемирной организации здравоохранения, опубликованным в сентябре

2024 г. [4] отмечается резкий рост проблемного использования социальных сетей среди подростков. В пятилетний период с 2018 г. по 2022 г. данный показатель вырос с 7% до 11%.

Цифровые медиа могут оказывать как прямое, так и косвенное влияние на индивида; имеющее как положительные, так и отрицательные последствия. Прямые следствия цифровых медиа – это воздействия, обусловленные медиатеchnологиями, цифровое взаимодействие или контент. Например, сцены насилия в компьютерной игре, которые делают поведения более агрессивным, или издевательства в социальных сетях, или нереалистичные идеалы красоты, приводящие к снижению самооценки. Примером косвенного воздействия является время, потраченное индивидом на цифровые медиа, а не на сон, физические упражнения и межличностное общение в реальном времени.

Факторы, усиливающие воздействие на психическое здоровье детей и подростков цифровых медиа

Существенное воздействие цифровых медиа на психическое состояние детей и подростков, связано прежде всего с биологическими факторами, регулирующими поведение индивида в это время. Это биологические, социальные и психологические изменения в организме человека, при этом еще недостаточно развиты социальные навыки. В подростковом возрасте существенное воздействие имеет социальное давление сверстников, значительно повышается ценность социального контекста, признания ровесников, что заставляет подростков больше беспокоиться о том, как их воспринимают ровесники. Исследования показывают, что чрезмерное использование социальных сетей формирует чувство беспокойства у подростков, влияет на сон и взаимоотношения со сверстниками.

Высокий уровень технологического прогресса в современном мире влияет на процесс социализации современных детей, цифровые медиа выступают источником получения информации, замещающая общение с родителями и представителями старшего поколения [5].

Этические вопросы возникают при выборе стратегии использования цифровых средств массовой информации при лечении подростков с расстройствами пищевого поведения, ограничения использования мобильных телефонов в школах или проверки подростков на цифровую зависимость и т.п. Этические вопросы формирования навыков самостоятельного поведения детей и их безопасности при использовании цифровых медиа; между коммерческими интересами разработчиков цифровых технологий и их социальной ответственностью перед новыми поколениями; между оптимизацией образовательного процесса посредством цифровых медиа защитой психического здоровья детей и подростков. Выбор должен определяться прежде всего обеспечением прав детей на здоровье, образование.

Список литературы:

1. UNESCO. UNESDOC [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000391140> (дата обращения: 26.02.2025).
2. World Health Organization. Teens, screens and mental health [Электронный ресурс]. — Опубликовано 25 сентября 2024 г. — Режим доступа: <https://www.who.int/europe/news/item/25-09-2024-teens--screens-and-mental-health> (дата обращения: 26.02.2025).
3. Burén J., Nutley S.B., Sandberg D., Ström Wiman J., Thorell L.B. Gaming and Social Media Addiction in University Students: Sex Differences, Suitability of Symptoms, and Association With Psychosocial Difficulties // *Frontiers in Psychiatry*. — 2021. — Vol. 12. — P. 740867.
4. Европейское региональное бюро Всемирной организации здравоохранения. Здоровье и поведение подростков в условиях цифровой среды: данные исследования HBSC 2022 года [Текст]: информационный бюллетень. — Копенгаген, 2024.
5. Бессчетнова О. В., Волкова О. А., Алиев Ш. И., Ананченкова П. И., Дробышева Л. Н. Влияние цифровых медиа на психическое здоровье детей и молодежи [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека CyberLeninka. — 2024. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovyyh-media-na-psihicheskoe-zdorovie-detey-i-molodezhi/viewer> (дата обращения: 26.02.2025).

Региональные различия в спортивных практиках населения России

Игнатова Татьяна Андреевна
ИСЭПН ФНИСЦ РАН

Москва, Россия, eignatova0304@mail.ru

Физическая культура играет ключевую роль в формировании здорового общества, выступая средством укрепления телесного и эмоционального здоровья, важным инструментом социализации и культурной интеграции. В статье использованы данные статистики за 2021–2023 гг.: доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом (P5) [1], и доля населения, ведущего здоровый образ жизни [2]. В том числе приводятся итоги Выборочного наблюдения состояния здоровья населения за 2021–2024 гг., а именно доля населения в возрасте 15 лет и более, самостоятельно занимающееся спортом [3,4,5,6].

Доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, в 2021 году составила 49,4%, к 2023 году этот показатель возрос до

56,8%. Среди безусловных лидеров последних лет (2021–2023) особо выделяется Сахалинская область, показывающая максимальные значения (61,7% в 2021 году и 67,1% в 2023 году) и стабильное увеличение числа занимающихся физкультурой. Не менее впечатляющие результаты в 2021 году показывают Тамбовская область 59,5% и Краснодарский край 58,8%.

В 2021 году в Республике Крым (28,2%), Еврейской автономной области (32%) и Республике Ингушетия (32,8%) занимались физкультурой меньше жителей, чем в других регионах страны. В 2023 году антирейтинг возглавили Республика Северная Осетия – Алания (39,0%), Брянская область (41,4%) и Еврейская автономная область (45,4%).

Наибольший прирост доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом за период 2021–2023 гг. наблюдается в Республике Крым (+22,8%), Республике Ингушетия (+14,5%) и Еврейской автономной области (+13,4). Самыми стабильными регионами с минимальным приростом оказались Брянская область (+1,5%), Республика Северная Осетия – Алания (+2,6%) и Белгородская область (+3,2%).

Доля населения, ведущего здоровый образ жизни в России на 2021 составила 7,3%, к 2023 году этот показатель вырос незначительно и составил 9,1%. Абсолютным лидером 2021 года стал Севастополь, где 27,8% населения систематически придерживаются принципов ЗОЖ. Близкие показатели наблюдаются в Ростовской (23,7%) и Новгородской (22,4%) областях. На противоположном конце рейтинга в 2021 году находятся Республика Калмыкия (1,0%), Хабаровский край и Ненецкий автономный округ (по 1,5%).

В 2023 году доля населения, самостоятельно занимающегося спортом, составила 20,1%. При этом активность городских и сельских жителей практически не различается – 20,4% и 19,3% соответственно. В 2024 году общая доля населения, самостоятельно занимающегося спортом, незначительно снизилась до 19,4% (городские жители – 19,5%, сельские жители – 19,2%).

Мужчины занимаются спортом чаще, чем женщины (20,5% и 18,6% на 2024 год). Наибольшее падение показателей среди мужской доли населения произошло в Хабаровском крае: если в 2021 году здесь фиксировался один из самых высоких уровней вовлеченности в спорт (80,4%), то к 2024 году он сократился до 24,9%. Аналогичная ситуация наблюдается в Республике Калмыкия, где за тот же период показатель упал с 70,7% до 17,6% и в Белгородской области – с 75,1% до 25,7%. Примечательно, что во всех регионах наиболее резкое падение произошло уже в 2022 году, после чего в 2023–м наблюдался частичный рост, но к 2024–му тенденция к снижению возобновилась.

Лидером антирейтинга среди женщин стала Республика Калмыкия, где за четыре года (2021–2024) показатель рухнул с 81,8% до 6,5% (–75,3%). Это самое резкое снижение среди всех представленных субъектов. Тревожная динамика наблюдается в Белгородской области (–60,3%) и Хабаровском крае (–57,5%), которая может быть связана с проблемой учета.

В период с 2021 по 2024 год среди вовлеченности мужчин в самостоятельные занятия спортом наиболее впечатляющий рост зафиксирован в Магаданской области, где показатель увеличился с 2,3% до

25,3%. Республика Мордовия показала устойчивую положительную динамику с 19,6% до 33,5%, несмотря также на временное снижение в 2022 году. В Республике Северная Осетия-Алания показатель вырос с 9,5% до 23,1%, при этом максимальное значение было достигнуто уже в 2022 году (22,6%).

В период с 2021 по 2024 год в ряде регионов России наблюдалась положительная динамика и среди женщин. Наиболее значительный рост зафиксирован в Чеченской Республике, где показатель вырос с 6,0% до 34,7% (прирост в 28,7%). Особенно резкий скачок произошел в 2023 году, когда значение увеличилось с 12,8% до 28,8%. Республика Карелия показала устойчивый рост с 20,4% до 39,6%, достигнув максимального значения среди представленных регионов. Примечательно, что здесь в 2022–2023 годах показатель стабилизировался на уровне 32,4%, а в 2024 году произошел новый существенный рост. В Республике Адыгея наблюдалась волнообразная динамика: после роста с 14,8% до 20,4% в 2022 году последовало снижение до 11,6% в 2023, но затем показатель значительно вырос до 26,9% в 2024 году.

Итак, среди российских регионов наблюдается значительный разрыв в показателях приверженности здоровому образу жизни. За четыре года доля населения, занимающегося спортом самостоятельно, колебалась, при этом мужчины в целом демонстрировали более высокие показатели по сравнению с женщинами. За 2023–2024 гг. наблюдается небольшое снижение вовлеченности в самостоятельные занятия спортом. В 2022 году в ряде регионов показатели доли населения, самостоятельно занимающегося спортом, сократились в 2–12 раз (возможно, изменение методики или последствия пандемии/СВО).

Список литературы:

1. Доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом (P5) // ЕМИСС URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61635>
2. Доля населения, ведущего здоровый образ жизни // ЕМИСС URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59234>
3. Выборочное наблюдение состояния здоровья населения // Росстат URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/zdor21/PublishSite_2021/index.html
4. Выборочное наблюдение состояния здоровья населения // Росстат URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/zdor22/PublishSite_2022/index.html
5. Выборочное наблюдение состояния здоровья населения // Росстат URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/zdor23/PublishSite_2023/index.html
6. Выборочное наблюдение состояния здоровья населения // Росстат URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/zdor24/PublishSite_2024/index.html

Квалификация медицинских специалистов в возрастном разрезе

Коленникова Ольга Александровна
ИСЭПН ФНИСЦ РАН, НИИОЗММ ДЗМ
Москва, Россия, kolennikova@mail.ru

В настоящее время проблематика занятости лиц старшего возраста становится одной из самых актуальных и в нашей стране, и за рубежом [1 – 2]. Внимание к ней вызвано процессом старения населения, повышением доли пожилых граждан, а значит, ростом рабочей нагрузки на трудоспособный контингент. Рост интереса вызван обострением демографических проблем, которые в сфере занятости ведут к усилению дефицита кадров, в том числе в возрастных группах, которые традиционно считались уязвимыми на рынке труда (рабочая сила молодого и старшего возраста).

Серьезной проблемой является также качественный дефицит кадров в форме дефицита квалификации, а квалификация работников тесно связана с возрастом. Чем старше, тем, как правило, опытнее специалист, а опыт практической работы наравне с базовым профессиональным образованием является ключевым элементом механизма формирования надлежащего уровня квалификации [3]. В этом аспекте работники старшего возраста имеют определенные конкурентные преимущества перед более молодыми коллегами, хотя возрастные ограничения характерны не только для старшего поколения, но и для молодых, у которых они, напротив, преимущественно связаны с нехваткой опыта.

Для такой сферы, как здравоохранение, где дефицит кадров лишь усиливается, а для успешной работы необходим значительный трудовой стаж, важно расширить представления о квалификационных характеристиках медицинских специалистов старшего возраста с точки зрения целесообразности поддержания их работы в медицинских учреждениях. Такое исследование проведено на основе статистики Департамента здравоохранения города Москвы и материалов анкетного опроса медицинских специалистов, работающих в системе столичной медицины (2023 г.). Основное внимание уделено вопросам квалификации врачей, значение опыта которых из-за большей сложности труда весомее, чем среднего медицинского персонала. Рассмотрено владение врачами жесткими и мягкими профессиональными навыками (hard and soft skills) и установлено, что в большинстве случаев в освоении жестких навыков пожилые врачи опережают специалистов молодого и зрелого возраста. В сфере мягких навыков врачебный персонал старшего возраста лидирует по таким актуальным для врачей компетенциям, как коммуникация с пациентами и работа в команде, однако они существенно отстают в части владения цифровыми технологиями. В целом можно сказать, что квалификационные качества врачей старшего поколения в основном лучше, чем у других возрастных категорий. Однако у них наблюдаются возрастные ограничения в

работе, прежде всего меньшая активность и более слабые когнитивные функции. Эти возрастные особенности необходимо учитывать в программах непрерывного медицинского образования и в организации рабочих процессов. При корректной организации труда и дополнительного образования успешность работы пожилых врачей может мало отличаться от работы коллег зрелого возраста.

Список литературы:

1. Вишневская Н.Т. Поддержание занятости работников старших возрастов в странах ОЭСР. Перенастройка механизма. Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. №3. С. 135–154.
2. Кузнецова К. Н. К вопросу о занятости лиц пожилого возраста в РФ. Ex jure. 2020. № 4. С.152–66. DOI: 10.17072/2619-0648-2020-4-152-166.
3. Кадровый потенциал медицинских организаций в системе здравоохранения Москвы: монография / А. В. Старшинин и др.; отв. ред. Е. И. Аксенова; науч. ред. И. Б. Назарова. М. : ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2024. 188 с.

Экологические детерминанты заболеваемости населения

Лубова Татьяна Николаевна
Башкирский государственный аграрный университет
Уфа, Россия, lubova@list.ru

Шустов Вадим Дмитриевич
Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России
(Сеченовский Университет), Москва, Россия, water1339@list.ru

Основной задачей государственной политики является сохранение населения, обеспечение его благополучия и здоровья. Объективным критерием, который характеризует достижение поставленной цели, является состояние общественного здоровья. Первичная заболеваемость населения выступает интегральным показателем, который характеризует как уровень доступности медицинской помощи, так и уровень выявляемости заболеваний [1].

Сравнительная динамика показателя первичной заболеваемости населения анализируемых регионов Приволжского, Уральского и Сибирского федеральных округов на протяжении периода с 2000 по 2023 годы характеризуются более высокими значениями по сравнению со средним уровнем по Российской Федерации [5]. Рост заболеваемости в период 2020–2022 годы связан с пандемией коронавирусной инфекции. Помимо внешних

вызовов продолжается проблема существенной загрязненности территорий выбросами промышленных, добывающих, перерабатывающих и прочих предприятий. Проживание населения на загрязненной территории влияет на сохранение и поддержание здоровья населения. Особенно сложная обстановка по загрязнению окружающей среды наблюдается в регионах рассматриваемых федеральных округов [10]. Развитые промышленные агломерации создают неблагоприятные условия для жизни населения. Причем оценка последствий их воздействия сложна ввиду существования большого числа неблагоприятных факторов и невозможностью выявления их долевого вклада в здоровье населения. Улучшение экологической ситуации в целом приведет к сохранению здоровья населения [3].

Загрязнение атмосферного воздуха приводит к развитию онкологических заболеваний у населения, химическое и биологическое загрязнение источников питьевой воды также относится к экологическим рискам. Экологические риски, представляющие угрозу населению Российской Федерации, можно классифицировать по различным направлениям, как социальные риски, химические, биологические и физические факторы окружающей среды человека, аварийные выбросы и опасные отходы, риски, связанные с опосредованным воздействием вредных факторов через экологические системы.

Для выявления зависимости между воздействием факторов окружающей среды и возможными изменениями состояния здоровья человека применяется системный научный подход. Он основан на выявлении опасных факторов, установлении уровней их воздействия, всестороннем анализе значимости последствий этих воздействий, минимизации затрат на устранение их воздействий, разработке мероприятий по устранению и профилактике нарушений здоровья человека.

Источником информации для анализа выступили официальные данные, представленные в статистических публикациях, характеризующих социально-экономическое положение регионов и здравоохранение России. Статистическая совокупность представлена регионами Приволжского, Уральского и Сибирского федеральных округов Российской Федерации [4,7].

Методика исследования представлена методом кластерного многомерного анализа. Из рассчитываемых и публикуемых статистических показателей были отобраны показатели, характеризующих экологическое состояние территорий. Для анализа использовались такие показатели, как объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в кг расчете на 1 человека и на 1 га общей земельной площади; доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ в общем количестве отходящих загрязняющих веществ от стационарных источников в %; объем сброса загрязненных сточных вод в м³ расчете на 1 человека и 1 га площади поверхностных вод; расходы на охрану окружающей среды на 1 га общей земельной площади в руб.; лесистость территорий в %.

Для проведения кластерного анализа использовалась программа обработки данных «STATISTICA». Объединение регионов в кластеры проводили иерархическим методом, методом Уорда (Ward's method). Этот метод

стремится минимизировать внутрикластерную дисперсию, он менее восприимчив к выбросам и шуму в показателях [6].

В результате проведения кластерного анализа по показателям экологического состояния территорий анализируемые регионы были поделены на 3 кластера. В состав первого кластера вошли по 8 регионов (Области: Пензенская, Омская, Ульяновская, Курганская, Саратовская, Новосибирская, Алтайский край, Республика Мордовия), во второй кластер – 11 регионов (Республики: Тыва, Алтай, Хакасия, Марий Эл Край: Красноярский, Пермский, Области: Тюменская, Томская, Иркутская, Свердловская, Кировская), в третий кластер – 9 (Области: Кемеровская, Самарская, Нижегородская, Челябинская, Оренбургская, Республики: Татарстан, Чувашская, Удмуртская, Башкортостан). Географически регионы в кластерах расположены, как правило, по соседству друг с другом, образуя большие агломерации. Это позволяет проводить целенаправленную государственную политику в области экологического состояния территорий в регионах выделенных кластеров.

Проанализировав значения рассматриваемых показателей по сформированным кластерам и сравнивая их со значениями в среднем по Российской Федерации, можно дать им следующую характеристику, так первый кластер характеризуется благополучным экологическим состоянием территорий, второй – средним, а третий кластер – не благополучным экологическим состоянием территорий. По выделенным кластерам регионов выявлена прямая зависимость уровня первичной заболеваемости населения от благополучия экологического состояния территорий как в целом по всем заболеваниям, так и по их основным классам. Первый кластер, оцененный по совокупности экологических показателей как благополучный, характеризуется наименьшим уровнем первичной заболеваемости населения, однако этот кластер имеет наибольший размах значений по регионам от 660,9 до 1144,9. По третьему кластеру экологическое состояние территорий оценено как не благополучное и уровень первичной заболеваемости населения у показателей этой совокупности наибольший (912,6 случаев на 1000 человек населения), разброс значений по регионам составляет 26,5%.

Актуальной остается проблема загрязнения окружающей среды и минимизация его негативного влияния на здоровье населения [9]. Целенаправленная государственная политика по укреплению здоровья населения приводит к уменьшению воздействия неблагоприятных факторов и профилактике заболеваний вызванных экологической обстановкой. Первостепенной задачей остается выявление и уменьшение воздействия факторов представляющих наибольшую опасность [3,8].

Функционирующая система анализа качества окружающей среды не всегда гарантирует безопасные условия для здоровья населения. Требуется разработка и поддержание в актуализированном состоянии концепции экологической безопасности в масштабах всей страны, а так и в каждом регионе Российской Федерации.

Список литературы:

1. Анализ риска здоровью населения и управление качеством среды обитания / С. Л. Авалиани, Н. С. Додина, Т. А. Шашина, В. А. Кислицин // Здоровье и окружающая среда: сборник материалов международной научно-практической конференции: в 2 т., Минск, 15–16 ноября 2018 года. Том 1. – Минск: Республиканская научная медицинская библиотека, 2018. – С. 3-5.
2. Богданов, Н. А. Информационное сообщение о Пленуме Научного Совета РАМН и Минздрава по экологии человека и гигиене окружающей среды Российской Федерации / Н. А. Богданов // Астраханский вестник экологического образования. – 2014. – № 1(27). – С. 229-234.
3. Былина С.Г. Детерминанты уровня заболеваемости сельского населения Российской Федерации в период пандемии: региональный аспект // Экология человека. – 2024. – Т. 31. – №1. – С. 7-22. doi: 10.17816/humeco632920
4. Здравоохранение в России. 2023: Стат.сб. / Росстат. М., 2023. 179 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Zdravooohran-2023.pdf>
5. Лубова Т.Н., Шустов В.Д. Моделирование развития системы здравоохранения методами многомерной группировки // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – №1(21). С. 152-164. DOI 10.47309/2713-2358-2025-1-152-164
6. Modeling the development of agricultural production by cluster analysis / T. Lubova, G. Salimova, G. Nigmatullina [et al.] // II International Conference on Agriculture, Earth Remote Sensing and Environment (RSE-II-2023), Dushanbe, Republic of Tajikistan, 19–21 апреля 2023 года. Vol. 392. – Les Ulis: EDP SCIENCES S A, 2023. – P. 01025. – DOI 10.1051/e3sconf/202339201025.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: P32 Стат. сб. / Росстат. М., 2024. 1081 с.
8. Решение пленума Научного совета Пленума Научного совета по экологии человека и гигиене окружающей среды Российской Федерации "Приоритеты профилактического здравоохранения в устойчивом развитии общества: состояние и пути решения проблем" // Гигиена и санитария. – 2014. – Т. 93, № 6. – С. 119-121.
9. Руководство по комплексной профилактике экологически обусловленных заболеваний на основе оценки риска. М.2017 г. 68 стр.
10. Шайхлисламова Э.Р., Шастин А.С., Валеева Э.Т., Цепилова Т.М., Обухова Т.Ю., Дистанова А.А. Особенности первичной заболеваемости населения трудоспособного возраста, проживающего в Приволжском федеральном

округе, в период эпидемии новой коронавирусной инфекции // Экология человека. – 2024. – Т. 31. – №7. – С. 532–541. doi: 10.17816/humeco642794

Непрерывное образование в системе подготовки и переподготовки «медиков-будущего»

Медведева Елена Ильинична

Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и
медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы;
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, e_lenam@mail.ru

Сегодня происходит цифровизация медицины, внедряются новые форматы оказания медицинской помощи. Это требует новых подходов в профессиональной подготовке и переподготовке медицинских работников [1–4]. Современная медицинская организация (МО) отличается от тех, что были 10–15 лет назад. Это высокотехнологичные и хорошо оснащенные учреждения, работа в которых требует новых компетенций и знаний [4–5]. Активное использование инноваций на основе искусственного интеллекта (ИИ), возможность «общения» с чат-ботами, компьютерные решения в МО становятся некой «нормой» [5]. Такие тренды требуют пересмотра управления, изменения кадровой политики и тех требований, которые предъявляются к медицинским работникам. На первый план выходит необходимость постоянного повышения уровня своей подготовки и овладения новыми знаниями [6, 8]. Именно поэтому необходимо выстраивать гибкую систему переподготовки и систему аккредитации (которая уже успешно реализована в рамках Департамента здравоохранения Москвы). Такая система позволяет получать непрерывное медицинское образование (НМО) для возможности реализации современной концепции обучения «Life Long Learning» и качественного роста самообразования в аспекте соответствия компетенциям «медиков-будущего».

Ученые ИСЭПН ФНИСЦ РАН длительное время сотрудничают и проводят совместные исследования с НИИОЗММ ДЗМ – изучают возможности повышения эффективности деятельности МО на основе кадровой политики. Особое внимание уделяется специфике подготовки и переподготовки кадров, возможности реализации НМО. В 2023 году в рамках квазилонгитюдного исследования была реализована очередная итерация исследований по вопросам управления кадрами в МО, подведомственных ДЗМ. Согласно полученным данным почти 67% медицинских работников считают, что их квалификация «примерно соответствует» выполняемой работе. 16% сказали, что у них больше знаний, нежели необходимо. По мнению респондентов, «Медик-будущего» должен обладать определенными личными качествами, которые способствуют эффективной работе. В «тройку лидеров» попали

следующие качества: «Добросовестность» (75%), «Дисциплинированность» (64,3%) и «Надлежащий уровень квалификации» (61,7%). Вариант «Стремление постоянно повышать квалификацию» выбрали почти 42% опрошенных медицинских работников.

Согласно результатам ответов респондентов на вопрос «Соответствовала ли полученная в последний год подготовка в системе НМО Вашим запросам?» почти треть (31,3%) медицинских работников полностью удовлетворены выстроенной системой, 44% – дали ответ «В основном соответствовала». Однако 13,1% не в полной мере смогли удовлетворить свои потребности через систему НМО. Анализ выявленных проблем и пробелов знаний / компетенций показал, что 54,5% указали «Сферу своей специальности». Это очевидно, так как в настоящее время происходят значительные и «быстрые изменения» практически во всех направлениях в медицине. В свою очередь это требует от медперсонала постоянного «обновления» профессиональных знаний. Треть опрошенных нуждается в изучении современных трендов в правоприменительных практиках в здравоохранении и законодательстве. Лишь 8,2% из работников МО ДЗМ дали ответ, что не нуждаются в дополнительных знаниях вообще (следует подчеркнуть, что в опросе участвовали все категории медицинского персонала).

Очевидно, что современные тренды в медицине «подталкивают» персонал МО более активно заниматься самообразованием и реализовывать НМО. Данная тенденция безусловно затрагивает «медиков – будущего» и требует выстраивания эффективной системы подготовки и повышения квалификации в системе Здравоохранения РФ.

Данное исследование реализовано в рамках НИР «Научно-методическое обеспечение организационных аспектов повышения доступности и качества медицинской помощи в государственной системе здравоохранения города Москвы» (№ по ЕГИСУ: № 123032100063-3).

Список литературы:

1. Lech E. 19 must-know digital healthcare market trends for 2025 [электронный ресурс] / Pragmatic Coders. – URL: <https://www.pragmaticcoders.com/blog/healthcare-tech-trends-digital-health-trends> (дата обращения: 20.05.2025)
2. Аксенова Е.И., Медведева Е.И., Крошилин С.В. Использование цифровых технологий в деятельности медицинских организаций. Здравоохранение Российской Федерации. 2024. №68(5). С. 356–363. DOI: 10.47470/0044-197X-2024-68-5-356-363.
3. Rigby M. J. Ethical Dimensions of Using Artificial Intelligence in Health Care. AMA Journal of Ethics. 2019. №21(2). Pp. 121-124. <https://doi.org/10.1001/amajethics.2019.121>

4. Старшинин А.В. Стратегии и концепция развития цифровизации в здравоохранении в разных странах мира : монография / А. В. Старшинин, Е. И. Аксенова, Ю. В. Бурковская. М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2024. 93 с.
5. Аксенова Е.И., Крошилин С.В., Медведева Е.И. Чат-боты – современная реальность консультирования в медицине // Здравоохранение Российской Федерации. 2023, №67(5). С. 403-410. DOI: 10.47470/0044-197X-2023-67-5-403-410.
6. Крошилин С.В., Медведева Е.И. Новые медицинские технологии: гендерные различия восприятия телемедицины. Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2023, №3. С. 79-86. DOI: 10.25742/NRIPH.2023.03.013.
7. Развитие цифровых компетенций медицинских работников в контексте всеобщей цифровизации российского здравоохранения / М. Н. Дудин, П. В. Голышко, Е. В. Вашаломидзе [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. Т. 30, № 5. С.843-852. – DOI 10.32687/0869-866X-2022-30-5-843-852.
8. Медведева Е.И., Крошилин С.В. Тренд на инновационные профессии в медицине // Труды Научно-исследовательского института организации здравоохранения и медицинского менеджмента: Сборник научных трудов. М.: НИИОЗМ, 2025. С. 231-238.

Роль музыкальных занятий в повышении качества жизни взрослых и пожилых людей: педагогические практики

Пахтусова Анастасия Андреевна
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, pahtusova.art@ya.ru

Актуальность. Проблема качества жизни пожилых людей и изменения восприятия старения остаётся актуальной для всего общества и государства. В пожилом возрасте люди сталкиваются с определёнными социальными и психологическими аспектами. Выход на пенсию означает сокращение круга общения, потерю статуса востребованного специалиста и изменение финансового положения. Всё это часто воспринимается негативно, что влияет на настроение, психоэмоциональное и физическое состояние человека.

В современном обществе всё больше внимания уделяется вопросам улучшения качества жизни пожилых людей. Одним из эффективных методов, способствующих этому процессу, являются музыкальные занятия. Музыка имеет глубокое эмоциональное и психологическое воздействие на человека, особенно на пожилых людей, которые часто сталкиваются с различными проблемами, такими как одиночество, депрессия и снижение когнитивных

функций. В данной статье мы рассмотрим роль музыкальных занятий в повышении качества жизни пожилых людей и педагогические практики, которые могут быть использованы для достижения этой цели.

Музыкальные занятия как средство социальной интеграции. Музыкальные занятия могут стать эффективным средством социальной интеграции пожилых людей. Участие в музыкальных группах или занятиях способствует формированию новых социальных связей, снижению чувства одиночества и изоляции. Это особенно важно для пожилых людей, которые могут испытывать трудности в общении и установлении контактов с окружающими.

Педагогические практики в этом контексте должны включать организацию групповых музыкальных занятий, где пожилые люди могут взаимодействовать друг с другом, делиться своими эмоциями и опытом. Также важно создавать условия для участия пожилых людей в концертах, фестивалях и других музыкальных мероприятиях, что способствует их социальной активности и интеграции в общество.

Музыкальные занятия как средство когнитивной стимуляции. Музыкальная деятельность способствует активизации когнитивных функций, таких как память, внимание и мышление. Исследования показывают, что участие в музыкальных занятиях может помочь пожилым людям сохранить и улучшить когнитивные способности, снизить риск развития деменции и других когнитивных нарушений.

Педагогические практики в этом направлении должны включать использование различных музыкальных упражнений и заданий, направленных на развитие памяти, внимания и мышления. Например, можно использовать музыкальные диктанты, игры на запоминание мелодий, упражнения на развитие ритмического чувства и т. д. Также важно учитывать индивидуальные особенности каждого пожилого человека и адаптировать задания под его уровень когнитивных способностей.

Музыкальные занятия как средство эмоционального благополучия. Музыка имеет мощное эмоциональное воздействие на человека. Участие в музыкальных занятиях может помочь пожилым людям выразить свои эмоции, снять стресс и улучшить общее эмоциональное состояние. Музыка может стать источником радости, вдохновения и утешения для пожилых людей, особенно в трудные моменты жизни.

Педагогические практики в этом контексте должны включать выбор музыкальных произведений, соответствующих эмоциональным потребностям и интересам пожилых людей. Например, можно использовать классическую музыку для создания спокойной и расслабляющей атмосферы, народные мелодии для пробуждения ностальгических чувств, современные композиции для поддержания интереса и активности. Также важно учитывать индивидуальные предпочтения каждого пожилого человека и предлагать ему музыку, которая вызывает положительные эмоции.

Музыкальные занятия как средство физической активности. Некоторые музыкальные занятия, такие как пение или игра на музыкальных инструментах, могут включать элементы физической активности. Например, пение требует координации дыхания и голосовых связок, а игра на

инструментах — координации движений рук и пальцев. Это способствует улучшению физической формы и общего состояния здоровья пожилых людей.

Педагогические практики в этом направлении должны включать организацию музыкальных занятий, сочетающих музыкальные и физические упражнения. Например, можно проводить занятия по вокалу с элементами дыхательной гимнастики, занятия по игре на инструментах с упражнениями на развитие мелкой моторики и координации движений. Также важно учитывать физические возможности каждого пожилого человека и адаптировать занятия под его уровень физической активности.

Выводы. В ходе исследования было установлено, что музыкальные занятия могут играть значительную роль в повышении качества жизни взрослых пожилых людей. Музыка обладает терапевтическим потенциалом, способствуя улучшению эмоционального состояния, снижению уровня стресса и тревожности, а также активизации когнитивных функций.

Педагогические практики, направленные на организацию музыкальных занятий для пожилых людей, должны учитывать их индивидуальные потребности и возможности. Важно создавать комфортные условия для занятий, обеспечивать доступность музыкальных инструментов и материалов, а также разрабатывать программы, соответствующие уровню подготовки и интересам участников.

Результаты исследования подтверждают, что регулярные музыкальные занятия могут стать эффективным средством реабилитации и социальной адаптации пожилых людей, способствуя их интеграции в общество и повышению общего уровня удовлетворённости жизнью. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку более конкретных методик и программ, а также на изучение долгосрочных эффектов музыкальных занятий на здоровье и благополучие пожилых людей.

Список литературы:

1. Абрамова, С. С. Музыкальная терапия как средство социальной адаптации пожилых людей / С. С. Абрамова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 37. – С. 152-158.
2. Агеева, Н. А. Влияние музыкальных занятий на психоэмоциональное состояние пожилых людей / Н. А. Агеева, Е. В. Петрова // Современные проблемы науки и образования. – 2018. – № 6. – С. 123.
3. Бехтерева, Н. П. Мозг и музыка / Н. П. Бехтерева. – Ленинград : Наука, 1980. – 144 с.
4. Бурно, М. Е. Терапия творческим самовыражением / М. Е. Бурно. – Москва : Медицина, 1989. – 304 с.
5. Варга, А. Я. Системная семейная психотерапия / А. Я. Варга. – Москва : Когито-Центр, 2001. – 160 с.

6. Готсдинер, А. Л. Музыкальная психология / А. Л. Готсдинер. – Москва : NB Магистраль, 1993. – 190 с.
7. Дмитриева, Н. В. Музыкальные занятия как фактор активного долголетия / Н. В. Дмитриева // Наука и образование: актуальные вопросы теории и практики. – 2019. – № 3. – С. 321-325.

Влияние доходов населения на здоровьесбережение

Рудалева Ирина Анатольевна
Казанский федеральный университет
Казань, Россия, Irina.Rudaleva@kpfu.ru

На уровень здоровья населения влияет достаточно большое число факторов, в том числе такие, как уровень развития системы здравоохранения, качество и доступность медицинских услуг, состояние экологии, доходы населения и др.

Анализ научных исследований взаимосвязи уровня доходов и здоровьесберегающего поведения населения показал многоаспектность исследовательских подходов. Во-первых, рассматривается профилактика и лечение как стратегия здоровьесбережения в группах населения с разным уровнем дохода. Исследование, проведенное М. А. Карцевой и П.О. Кузнецовой в 2023г. на данных национального репрезентативного Выборочного наблюдения состояния здоровья населения, показало наличие двух механизмов взаимосвязи доходов и здоровья населения: представители более высокодоходных групп реже страдают хроническими заболеваниями; высокие доходы позволяют людям лучше справляться с возникающими проблемами здоровья, обеспечивая более высокий уровень здоровья при наличии хронических заболеваний [1]. Авторы приходят к выводу о наличии прямой связи между уровнем дохода и самооценкой состояния здоровья.

Во-вторых, выделяется исследовательский подход, направленный на выявление особенностей и факторов регионального здоровьесбережения. Так, Т.И. Тютюнникова рассматривает процессы здоровьесбережения населения в группах регионов, характеризующихся различным уровнем экономического развития, а размер доходов населения как предпосылку наличия (отсутствия) возможностей получения качественных медицинских услуг [2]. В исследовании [3] мы пришли к схожим выводам: объективные показатели и субъективные оценки состояния здоровья населения выше в регионах с высоким и относительно высоким качеством жизни.

И в том, и в другом случае, авторы связывают здоровьесбережение, прежде всего, с профилактическими медицинскими осмотрами, лечением (в частных и государственных медучреждениях). Однако стратегия здоровьесбережения предполагает отказ от вредных привычек, правильное питание, регулярные занятия спортом. Я.М. Рощина проводит микроэкономический анализ отдачи от инвестиций в здоровье и

обнаруживает негативное влияние стажа курения, чрезмерного потребления алкоголя и абсолютно трезвого образа жизни и позитивное занятий спортом [4].

В проводимом нами исследовании мы, следуя логике М. Гроссмана, показавшему влияние ставки заработной платы на оптимальный уровень здоровья [5], выявляем причинно-следственную связь доходов и здоровьесбережения: фокусируемся на проверке гипотезы, что с ростом дохода индивид более ответственно относится к собственному здоровью, занимается спортом, отказывается от вредных привычек. Разведочный анализ данных Выборочного наблюдения состояния здоровья населения, проведенного Росстатом в 2024г. [6], показал, что с ростом уровня доходов, начиная с 50 тыс. руб. в месяц, улучшаются оценки респондентами состояния собственного здоровья. Мы оценили степень вовлеченности в занятия спортом и отказ от вредных привычек. Оказалось, что с ростом доходов населения доля тех, кто не занимается спортом регулярно, снижается с 57,1% в первой группе (с самыми низкими доходами) до 33,3% в группе с самыми высокими доходами, что является самым низким значением среди всех групп респондентов. Наиболее пассивными оказались респонденты групп с доходом от 10,1 до 30,0 тыс. руб. со средним уровнем 76,2%

Рассмотрим далее потребление респондентами табака и алкоголя, как наиболее распространенных вредных привычек. Интерес вызывают группы с доходами от 200 тыс. руб. и выше, в которых доля имеющих такой поведенческий фактор риска, как регулярное курение, ниже 10%, в то время как в группах с доходом до 50 тыс. руб. их доля в среднем составляет 16,5%.

На наш взгляд, осознанное отношение населения к своему здоровью по мере роста доходов обусловлено, с одной стороны, меньшим беспокойством и стрессом, связанным с закрытием базовых потребностей, выплатой регулярных платежей; позволяет сформировать определенный запас финансовой прочности, дает чувство уверенности в будущем. С другой стороны, более высокий уровень дохода позволяет не только своевременно проходить скрининг здоровья на основе передовых медицинских технологий, но и осуществлять профилактику заболеваний, получать дополнительные оздоровительные процедуры, выбирать относительно дорогие современные формы проведения отдыха взамен курения и употребления алкоголя, питаться высококачественными и полезными продуктами питания, а также регулярно заниматься физической культурой и спортом.

Список литературы:

1. Карцева М. А., Кузнецова П. О. Здоровье, доходы, возраст: эмпирический анализ неравенства в здоровье населения России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2023. – №2. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2355> (дата обращения: 25.05.2025г.)
2. Тютюнникова Т.И. Оценка процессов сбережения здоровья населения: теоретико-методические основы и их приложение // Фундаментальные

- исследования. – 2018. – № 10. – С. 117-122. URL: <https://fundamental-research.ru/article/view?id=42291> (дата обращения: 25.05.2025г.)
3. Кабашева И.А., Рудалева И.А. Здоровьесберегающее поведение населения в регионах с разным качеством жизни // Регион: Экономика и Социология. 2024. № 3 (123). С. 126-153.
 4. Рощина Я.М. Микроэкономический анализ отдачи от инвестиций в здоровье в современной России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 13. № 3. С. 428-451.
 5. Grossman M. The Human Capital Model // Handbook of Health Economics / Ed. by A.J. Culver, J.P. Newhouse. Vol. 1A. Amsterdam: Elsevier, 2000.
 6. Выборочное наблюдение состояния здоровья населения 2024 // URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/zdor24/PublishSite_2024/index.html (дата обращения: 25.05.2025г.)

Социальные неравенства в доступе к медицинской помощи: значение общественного контекста

Русинова Нина Львовна, Сафронов Вячеслав Владимирович
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН
Санкт-Петербург, Россия, nrusinova@gmail.com

В докладе анализируется проблема социальных неравенств доступа к медицинским услугам в разных странах мира, включая Россию. Широко используемый в предшествующих исследованиях подход к анализу таких неравенств предполагает их фиксацию по субъективному показателю неудовлетворенных потребностей в медицинской помощи [1; 2].

Было установлено, что с возрастом этот показатель заметно снижается и становится больше в экономически уязвимых слоях [3; 4]. Такие возрастные и статусные неравенства проявляются в разных странах с неодинаковой отчетливостью. Однако единичные попытки объяснить эти различия между странами с использованием контекстуальных переменных успеха не имели [5; 6].

Для прояснения ситуации в настоящей работе проводится двухуровневое логистическое иерархическое моделирование с использованием опросных данных, собранных в 26 странах мира по Международной программе социальных исследований (ISSP 2021), и статистических сведений, характеризующих эти страны [7].

При объяснении межстрановых различий возрастных и статусных неравенств в доступе к медицинским услугам рассматривались пять контекстуальных факторов: уровень экономического развития (душевой ВВП), состояние социального государства (государственные расходы на здравоохранение), индексы доступности и качества медицинских услуг, а

также контрольный признак распространенности потребности в этих услугах.. Анализировались интеракции между указанными контекстуальными факторами и переменными индивидуального уровня, фиксирующими возраст и субъективное положение в обществе, в их влиянии на неудовлетворённые потребности.

Результаты показывают, что возрастные и статусные неравенства доступа к системе здравоохранения действительно проявляются в одних странах с гораздо большей отчётливостью, чем в других. Было обнаружено, что в более развитых странах (по любому из факторов) наблюдаются отчётливые возрастные и статусные неравенства, тогда как в менее развитых они оказываются смазанными. В странах с высоким уровнем экономического развития и государственных вложений в здравоохранение, а также при доступности и высоком качестве медицинских услуг эти неравенства проявляются с большей определенностью, чем в странах с невысокими значениями контекстуальных факторов.

Усиление в развитых странах возрастных различий – вследствие сокращения неудовлетворённых медицинских потребностей в старших возрастах – может указывать на эффективность государственной защиты уязвимых слоев. Однако для статусных различий подобного эффекта обнаружить не удаётся – заметное сокращение неудовлетворённых потребностей в развитых странах происходит у людей с более высоким, а не низким общественным положением. В дальнейших исследованиях предстоит продолжить сравнительное изучение социальных неравенств доступа к медицинским услугам и найти объяснения описанным возрастным и статусным различиям.

Список литературы:

1. Allin S., Grignon M., Le Grand J. Subjective unmet need and utilization of health care services in Canada: what are the equity implications? *Social Science and Medicine*. 2010. Vol. 70. No.3. P. 465–472. DOI: 10.1016/j.socscimed.2009.10.027
2. Carr W., Wolfe S. Unmet needs as sociomedical indicators. Ed. by Elinson J., Siegmann A.E. *Socio-medical health indicators*. New York: Routledge, 2019. P. 33–46. DOI: 10.2190/MCG0-UH8D-0AG8-VFNU
3. OECD. Health for everyone? Social inequalities in health and health systems. *OECD health policy studies*. Paris: OECD publishing, 2019. DOI: 10.1787/3c8385d0-en.
4. Baetan R., Spasova S., Vanhercke B., Coster S. Inequalities in access to healthcare. A study of National policies. *European social policy network (ESPN)*. Brussels: European Commission; 2018. DOI: 10.2767/371408.
5. Kim T.J., Vonneilich N., Lüdecke D., von dem Knesebeck O. Income, financial barriers to health care and public health expenditure: a multilevel analysis of 28 countries. *Social Science and Medicine*. 2017. Vol. 176: P. 158–165. DOI: 10.1016/j.socscimed.2017.01.044

6. Hoven H., Backhaus I., Gerő K., Kawachi I. Characteristics of employment history and self-perceived barriers to healthcare access. *European Journal of Public Health*. 2023. Vol. 33. No. 6. P. 1080–1087. DOI: 10.1093/eurpub/ckad178.
7. ISSP Research Group. ZA8000 International Social Survey Programme: Health and Health Care II – ISSP 2021. GESIS, Cologne, 2024. ZA8000 Data file Version 2.0.0. DOI: 10.4232/5.ZA8000.2.0.0

Роль образовательной среды в формировании привычек здорового питания у детей: от школы к семье

Селиванова Светлана Сергеевна
Институт стратегических исследований
Академии наук Республики Башкортостан
Уфа, Россия, selivanovass@yandex.ru

Питание детей в школах согласно нормативно-правовым актам Российской Федерации, организуется в соответствии с принципами здорового питания [1], а родители в большей степени удовлетворены безопасностью и санитарными условиями питания в Республике Башкортостан согласно исследованиям [2]. Вместе с этим дети часто оставляют значительную часть порции не съеденной [3], или питаются несбалансированно: потребляют много простых углеводов и сладких напитков, и недополучают белки [4, 5]. Такие паттерны поведения могут быть обусловлены культурой питания в семье. Очевидно, что проблема является многосторонней и требует комплексного подхода и совместных усилий органов власти, администрации школы и родительского сообщества. Необходимы системные просветительские и образовательные мероприятия среди детей и родителей для формирования навыков здорового питания, в том числе с использованием инновационных методов и долгосрочных программ в школах.

В настоящее время в школах России существуют различные мероприятия, целью которых является обучение детей знаниям и умениям, необходимыми для выбора питательной и вкусной пищи [6]. Однако часто данные мероприятия носят хаотичный или единичный характер, со стороны родителей и администрации школы отношение к таким мероприятиям нередко бывает формальным, а в процессе приобретения полезной привычки важна плановость, поступательность и системность. В работе с детьми и родителями, в первую очередь, необходимо проанализировать исходные условия и потребности конкретной группы школьников вместе с их семьями в правильном питании, то есть предполагается сбор, так называемого, анамнеза: культура питания в школе, вовлеченность родителей в школьную жизнь ребенка, получение обратной связи от родителей о модели питания дома. Исходя из этих данных администрация школы может выбирать ту или

иную совокупность мероприятий, направленных на родителей или детей в школе, или работу в семье. Также необходимо разработать долгосрочный план мероприятий для школьников с учетом возрастных особенностей психического развития и межличностной коммуникации.

В начальной школе у детей продолжают закладываться основные привычки и модели поведения, при этом они все еще поддаются коррективке. Родители детей начальных классов также активно вовлечены в жизнь ребенка. Поэтому в образовательный процесс нужно включать как родителей, так и детей, проводить беседы с учителем или специалистами (диетологами, врачами, поварами), интегрировать уроки о правильном питании и в другие предметы, чтобы информация поступала дозированно и регулярно, не переутомляя детей, но постоянно актуализировалась и закреплялась. Задача – не перегрузить детей и родителей занятиями, новым материалом и домашними заданиями. В связи с этими факторами предлагается в образовательных мероприятиях учесть два условия: во-первых, теоретические уроки проводить при участии родителей с целью усвоения информации о правильном питании в большей степени родителями. Во-вторых, акцент в занятиях с детьми должен смещаться на практическую деятельность в игровой форме (приготовление и потребление еды на уроке, экскурсия на приусадебный участок с дегустацией, выращивание микрозелени («зеленый домашний питомец», зеленый уголок в школе, тематические конкурсы на приготовление блюд дома с семьей и др.).

В подростковом возрасте дети становятся самостоятельнее, их когнитивные возможности расширяются, в связи с чем информация о правильном питании воспринимается более осознанно, наслаиваясь на приобретенный ранее практический опыт. В рамках данного этапа можно также проводить различные интерактивные мероприятия, но с возросшей персональной ответственностью со стороны самих учеников. В качестве практики предлагается вести дневники питания и делать их разбор на уроках, например, биологии или химии, интегрируя в теорию о химических элементах. Нужно развивать у детей навыки осознанного выбора и понимания о том, что такое сбалансированность питания – объяснить и научить составлять блюда по «правилу здоровой тарелки».

Так как в подростковом возрасте у детей начинается процесс сепарации от родителей, эффективность совместных занятий и участия в мероприятиях ставится под вопрос, на данном этапе родителей следует продолжать вовлекать в мероприятия по контролю качества школьного питания, проводить семинары, беседы и пр. В отношении самих детей фокус с семейных мероприятий стоит сместить на командные, так как в данном возрасте большую роль в жизни подростков играют именно сверстники, например, конкурс групповых проектов по теме здорового питания, использование кейс-метода на тематических уроках, олимпиады по рациональному питанию с интересными и необычными заданиями (например, составить меню, выбрать сочетания продуктов, распределить блюда по приемам пищи, знать полезные свойства продуктов и др.).

Для детей старшего возраста предлагается на регулярной основе проводить конкурсы проектов внутри школы, а лучшим из них на региональном

уровне оказать грантовую поддержку для его реализации в образовательных учреждениях. Целью таких проектов должны стать распространение, поддержка и пропаганда практик здорового питания, здорового образа жизни среди учеников школы, разделение позитивного опыта с другими общеобразовательными организациями.

В целом система мероприятий должна соответствовать основным направлениям задач: воспитывать представление детей и подростков о здоровье как одной из важнейших человеческих ценностей; формировать у школьников знания о правилах рационального питания, их роли в сохранении и укреплении здоровья, а также готовности соблюдать эти правила; предотвращать поведенческие риски здоровья, связанные с нерациональным питанием; обучать практическим навыкам рационального питания; повышать гигиеническую грамотность детей и родителей в вопросах питания; информировать родителей об аспектах организации рационального питания детей и подростков.

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ИСИ ГБНУ АН РБ.

Список литературы:

1. Латыпова М.Х., Мигунова Ю.В., Селиванова С.С. Особенности системы управления школьным питанием в РБ // Вестник ПНИПУ. – 2024. – № 3. – С. 93-104.
2. Гарипова З.Ф. Актуальные вопросы организации школьного питания в РБ // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2024. – № 4 (20). – С. 329-344.
3. Столь А.В. Аудит пищевых отходов в школах как критерий оценки качества школьного питания // Муниципалитет: экономика и управление. – 2024. – № 3 (48). – С. 39-47.
4. Мигунова Ю.В. Востребованность еды в школьных столовых в Республике Башкортостан // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2025. № 1. С. 97-108
5. Селиванова С.С. Рацион питания в общеобразовательных организациях в оценках родителей Республики Башкортостан // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 4 (20). С. 418-427.
6. Селиванова С.С. Привычки здорового питания в семьях с детьми школьного возраста в Республике Башкортостан // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 3 (19). С. 209-222.

Актуальность информационно-образовательной работы, направленной на профилактику распространения инфекций, передающихся половым путем среди студенческой молодежи

Склярова Татьяна Валентиновна
ГУЗ «Саратовский областной центр общественного здоровья и медицинской профилактики», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.»
Саратов, Россия, skliarovatv@gmail.com

Яхина Римма Равильевна
ГУЗ «Саратовский областной центр общественного здоровья и медицинской профилактики»
Саратов, Россия, sarsocmp@mail.ru

Одним из значимых этапов сохранения и укрепления общественного здоровья является деятельность, направленная на предотвращение рисков распространения инфекций, передающихся половым путем (далее – ИППП). По данным, опубликованного в мае 2024 года доклада ВОЗ о состоянии дел в сфере борьбы с ВИЧ-инфекциями, вирусными гепатитами и ИППП, ежегодная смертность взрослого населения от этих инфекций составляет более 2,5 млн человек [1]. Международный и отечественный опыт изучения данной проблемы говорит о необходимости проведения регулярных и широкопрофильных исследований, направленных на исследование предпосылок и последствий заражения ИППП, большинство из которых протекает бессимптомно [2].

Особую актуальность анализ проблемы распространения ИППП приобретает, когда речь идет о молодежи [3–5]. Перенесенные инфекции сказываются на сексуальном и репродуктивном здоровье, приводят к стигматизации, бесплодию, онкологическим заболеваниям и осложнениям в период беременности, а также повышают риск заражения ВИЧ-инфекцией. И, как следствие, это серьезно снижает уровень индивидуального здоровья молодого человека, влияет на качество жизни, реализацию жизненных планов, создание семьи и рождение детей.

Так, для расширения уже имеющихся сведений об уровне осведомленности современной молодежи про ИППП и риски заражения, в ноябре 2024 года ГУЗ «Саратовский областной центр общественного здоровья и медицинской профилактики» провел масштабное онлайн анкетирование студенческой молодежи. Всего в опросе приняли участие 6365 студентов: студенты 8 вузов (N=4068) и 11 колледжей (N=2297) городов Саратов, Энгельс, Балашов, Маркс, Пугачев, Красный Кут и др. населенных пунктов области; в том числе группа студентов 2 медицинских колледжей (N=497 чел.).

Гендерное соотношение среди студентов колледжей имело следующие пропорции: 63,6% женщин и 36,4% мужчин; среди студентов вузов в опросе принимали участие 66,9% женщин и 33,1% мужчин из пяти

возрастных групп (от 18 до 20 лет; от 21 до 23 лет; от 24 до 25 лет; от 26 до 28 лет; старше 28 лет). Подавляющее большинство респондентов были в возрасте от 18 до 20 лет.

Результаты: о том, что такое ИППП, известно почти 100% опрошенной молодежи (97,6% студентов вузов и 97,5% студентов колледжей), что свидетельствует о высокой степени осведомленности современных людей.

Интернет, как правило, является лидирующим источником первичной информации о существовании ИППП. Далее следуют медицинские работники и родители. Реже всего первая информация о существовании ИППП получается от старших братьев/сестер, либо в результате собственного опыта.

Студенческая молодежь хорошо осведомлена об основном способе заражения ИППП – это незащищенный секс (94%). В то же время у 72,5% респондентов есть уверенность, что источником заражения также может стать кровь человека. О том, что течение ИППП может быть малосимптомным или бессимптомным знают 85,8% респондентов; у 14,2% респондентов знания о симптоматике течения инфекции отсутствуют.

Низкий уровень грамотности о способах заражения продемонстрировали 10% респондентов: 5,5% указали воздушно-капельный путь; 4,5% затруднились ответить.

В ходе опроса была получена информация о наиболее известных молодежи инфекциях, включая симптоматику, течение заболевания и последствия. Так, например, самой «знакомой» инфекцией для респондентов является сифилис (82,4%). При общей тенденции равномерного распределения ответов на вопросы были зафиксированы некоторые различия: студенты колледжей больше знакомы с симптомами трихомониаза и гонореи.

Ведущими учреждениями, в которые респонденты хотели бы обратиться за помощью, в случае возникновения проблем, стали кожно-венерологический диспансер (46,7%) и частные медицинские организации (43,3%). Данные результаты могут свидетельствовать как о хорошем уровне знаний, так и о высокой степени доверия молодежи в вопросах лечения ИППП медицинским организациям.

Изучение социальных рисков, способствующих заражению и/или распространению ИППП, дало информацию о посещаемых молодежью общественных местах, которые потенциально могут служить источниками заражения. Как правило, речь идет о сервисах в бьюти индустрии и спортивно-оздоровительных организациях.

Ведущим и ожидаемым поведенческим риском заражения ИППП стал промискуитет; второе место занял низкий уровень осведомленности (47,5%), который оказался важным для студентов вузов, тогда как для студентов колледжей более весомой причиной была отмечена наркотическая и алкогольная эйфория (40,7%).

Наиболее серьезные последствия от заражения для респондентов связаны с угрозой собственному здоровью (93,4%), здоровью партнера (77,2%) и здоровью будущего ребенка (74,6%). С одной стороны, была продемонстрирована высокая степень личностных переживаний (о себе, своем партнере и своем будущем ребенке). С другой стороны, было отмечено,

что общественное мнение имеет для современной молодежи достаточно низкое значение (репутация, карьера).

Потребность в дополнительной информации/знаниях о симптомах различных половых инфекций, их течении и последствиях для организма человека есть у 31% опрошенных студентов. Самым предпочтительным форматом получения информации, по мнению респондентов, являются лекции медицинских работников по месту учебы/работы и сайты медицинских организаций.

Заключение и выводы: в результате исследования было установлено, что современная студенческая молодежь (в подавляющем большинстве) знает о существовании ИППП и способах заражения. В то же время, 10% респондентов продемонстрировали низкий уровень грамотности в вопросе относительно способов заражения.

Впервые полученная информация о существовании ИППП, достаточно квалифицированная (Интернет-ресурсы, включая официальные сайты медицинских организаций, медицинские работники, родители и педагоги). В то же время опрос показал, что от 30% до 45% респондентов нуждаются в дополнительных знаниях и информации о симптоматике, течении и последствиях ИППП для организма человека.

На фоне большого количества студентов, осведомленных о симптоматике инфекций и последствиях (сифилис, гонорея, хламидиоз, кандидоз, герпес уrogenитальный), была выявлена группа респондентов (14,2%), которые ничего об этом не знают. Студенты колледжей, в отличие от студентов вузов, лучше осведомлены о таких инфекциях как трихомониаз и гонорея.

Были определены сферы услуг, популярные у молодежи и представляющие потенциальные риски заражения – тату-салоны, бани/сауны. Следовательно, актуальным направлением санитарно-просветительской работы в вопросах заботы о себе может стать информирование о требованиях к качеству оказываемых услуг.

За медицинской помощью в случае необходимости (обследование и лечение) респонденты будут обращаться только в специализированные медицинские организации, чаще предпочитая частные клиники, что может быть связано с субъективными характеристиками (например, комфортность помещения, отсутствие очереди, уровень сервиса, клиентоориентированность).

Значимыми для молодежи медико-социальными последствиями от перенесенных ИППП являются проблемы со здоровьем (как собственным, так и здоровьем партнера и будущего ребенка). В этой связи наиболее эффективным механизмом воздействия может рассматриваться формирование навыка самосохранения. Была зафиксирована потребность в проведении профессиональной (медико-социальной) информационной и профилактической работы. Полученные данные могут быть использованы при организации работы по профилактике распространения ИППП.

Список литературы:

1. ВОЗ. Пресс-релиз доклада «Реализация глобальных стратегий в сфере здравоохранения по борьбе с ВИЧ-инфекцией, вирусными гепатитами и ИППП, 2022 – 2030» (Открытый электронный ресурс). URL: <https://www.who.int/ru/news/item/21-05-2024-new-report-flags-major-increase-in-sexually-transmitted-infections---amidst-challenges-in-hiv-and-hepatitis> (дата обращения к ресурсу 26.05.2025)
2. Тимошилов В.И., Ластовецкий А.Г. Факторы риска заражения и распространения инфекций, передаваемых половым путем: аналитический обзор и экспертная оценка // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2018. №2. Публикация 1–5. URL: <http://www.medtsu.tula.ru/VNMT/Bulletin/E2018-2/1-5.pdf> (дата обращения: 23.05.2025). DOI: 10.24411/2075-4094-2018-16000
3. Брюно В. В. Рискованное сексуальное поведение современных подростков в России Часть II. — Социологическая наука и социальная практика, 2019. Т. 7. № 1. С. 113–126. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.1.6273>
4. Ластовецкий А.Г., Тимошилов В.И. Комплексная оценка эффективности профилактики инфекций, передаваемых половым путем, среди молодежи Курской области/НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ. Серия Медицина. Фармация. 2018. Том 41, № 4, С. 640–651 DOI 10.18413/2075-4728-2018-41-4-640-651
5. Худоногова З.П., Захарова Л.Н., Васильева Н.Г., Плуталова М.И., Абышев А.А., Гамаюнова С.С., Мазотов А.К., Евсτροφов А.Н. Осведомленность студенческой молодежи об инфекциях, передающихся половым путем. Journal of Siberian Medical Sciences. 2015;(3):106.

Сближение тела и технологий в контексте исследования здоровья

Старостина Дарья Антоновна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ; Российский Университет Дружбы Народов
им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия, dasha-sta@yandex.ru

В современной реальности обнаруживается следующая тенденция: технологии становятся все ближе к телу, в том числе, в физическом пространстве. От первых ЭВМ, стоящих в отдельной комнате, до смарт часов/браслетов/ колец, которые одеваются на тело вплотную или чипы, которые даже вживляются внутрь тела. Затрагивая тему здоровья, стоит отметить, что все более глубокая интеграция технологий с человеческим телом, приводит к трансформации представлений о здоровье, болезнях и возможностях

организма. На смену восприятия влияют такие современные технологии как биомедицинские импланты, носимые устройства отслеживания показателей, цифровые медицинские технологии и даже киборгизация. Данное сближение в медицинском контексте имеет как преимущества и возможности, так и недостатки и риски. Использование кардиостимуляторов, кохлеарных имплантов и нейропротезов значительно улучшает качество жизни людей с хроническими заболеваниями. Обратимся к конкретным примерам.

Использование кардиостимуляторов значительно улучшает качество жизни людей с хроническими заболеваниями, что подтверждается статистикой: согласно исследованию ВОЗ 2021г. более 10 миллионов человек в мире используют кардиостимуляторы, что снижает смертность от сердечно-сосудистых заболеваний на 30–50% [6]. При очевидном преимуществе недостатком становится кибербезопасность: в 2017 году FDA отозвало 465000 кардиостимуляторов из-за уязвимости к хакерским атакам [4]. В сфере медицины и здравоохранения также активно начинают использоваться экзоскелеты и нейроинтерфейсы (Экзоскелет — носимое человеком техническое устройство, предназначенное для снижения физической нагрузки на опорно-двигательный аппарат, расширения возможностей в процессе физической деятельности или восстановления утраченных функций опорно-двигательного аппарата. Нейроинтерфейс — это устройство и технология для обмена информацией между мозгом и внешним устройством: компьютером, смартфоном, экзоскелетом или протезом, бытовыми приборами). Данные технологии предоставляют большие возможности для людей с инвалидностью, но при этом, как и в случае выше описанных кардиостимуляторов, встает вопрос о приватности данных: исследование Science, проведенное в 2023г., показывает, что 70% пользователей нейроинтерфейсов опасаются утечки мозговых данных [5].

Фитнес-трекеры и умные часы мотивируют пользователей следить за физической активностью, анализ данных компании Nature Digital Medicine в 2022г. подтвердил, что ношение фитнес-трекеров увеличивает физическую активность на 27% [1]. Тем не менее, постоянный контроль и отслеживание могут вызывать тревожность и орторексию (иначе навязчивое стремление к «правильному» здоровью). Исследовательский центр Pew Research Center в 2023г. установил, что 21% пользователей испытывают стресс из-за постоянного мониторинга здоровья [2].

Теледиагностика и мобильные приложения для ментального здоровья упрощают доступ к помощи. Так, исследование JAMA Psychiatry, проведенное в 2021г. выявило, что 40% пациентов с депрессией используют мобильные приложения, и 15% из них получают клинически значимый эффект [3]. Однако обратной стороной использования данных приложений становится увеличение цифровой зависимости (ВОЗ предупреждает о росте «цифрового выгорания» из-за чрезмерного использования медицинских технологий [6]).

Использование всех вышеперечисленных технологий также остро поднимает вопросы, описанные еще в концепции биополитики основателя социологии тела, французского социолога Мишеля Фуко: медиализация и контроль тел индивидов, который становится проще реализовывать именно благодаря технологиям [7].

Технологии, таким образом, открывают новые возможности для улучшения здоровья населения, но ввиду большого количества рисков и угроз, требуют внимательного изучения и правового регулирования. Сближение тела и технологий – это неизбежный, но требующий осторожности процесс, который должен развиваться с учётом баланса между прогрессом и защитой здоровья.

Список литературы:

1. Lister C. et al. Behaviour Change with Fitness Technology: A Systematic Review // Nature Digital Medicine. – 2022. – Vol. 5, № 1. – P. 1–12.
2. Pew Research Center. How Americans Use Fitness Trackers and Smartwatches. – Washington: Pew, 2023. – URL: <https://www.pewresearch.org> (дата обращения: 02.08.2025).
3. Torous J. et al. The Efficacy of Mental Health Apps: A Meta-Review // JAMA Psychiatry. – 2021. – Vol. 78, № 2. – P. 123–130.
4. U.S. Food and Drug Administration. Cybersecurity Vulnerabilities in Certain Medical Devices: FDA Safety Communication. – Silver Spring: FDA, 2017. – URL: <https://www.fda.gov> (дата обращения: 02.08.2025).
5. Yuste R. et al. Ethical Issues in Neurotechnology // Science. – 2023. – Vol. 379, № 6634. – P. 352–354.
6. Всемирная организация здравоохранения. Доклад о глобальной медицинской технике, 2021. – Женева: ВОЗ, 2021. – 45 с.
7. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999. – С. 215–230.

Информация о неотложной медицинской помощи как составляющая обеспечения здоровья населения

Сурмач Марина Юрьевна,
Корнейко Павел Леонтьевич
Гродненский государственный медицинский университет
Гродно, Беларусь, marina_surmach@grsmu.by

Актуальность знаний населения о том, как действовать в случае необходимости неотложной медицинской помощи, не вызывает сомнений.

Целью нашего исследования являлось установить, насколько доступной оценивают данную информацию люди возраста 60 лет и старше.

Материалом исследования послужила база данных, зарегистрированная нами как объект интеллектуальной собственности, «Качество жизни и медицинская информированность, связанные со

здоровьем, лиц в возрасте 60 лет и старше, проживающих в Гродненской области» [1]. База получена методом анонимного раздаточного опроса на основе добровольного согласия 1270 лиц возраста 60+, выборка репрезентативна Гродненской области количественно и качественно (пол, возраст, территориальное распределение), в 2022-2023 годах [2].

Респондента просили оценить доступность персонально для себя информации, отметив соответствующий балл от 1 до 5, где 1 балл – минимальное, 5 баллов – максимальное значение, по ряду аспектов, среди которых был также аспект «Получение информации о том, что делать в случае необходимости неотложной медицинской помощи».

Рассмотрено влияние на оценку доступности таких социально-демографических факторов, как состояние в браке, проживание (город – село), наличие детей, проживание совместно (раздельно) с детьми, пол респондента, получении пенсии (наличие-отсутствие, пенсия по возрасту, пенсия по инвалидности).

Для статистического анализа применены методы описательной и непараметрической статистики, различия принимались статистически значимыми при уровне $p \leq 0.05$. Для оценки связи между отдельными аспектами медицинского информирования рассчитаны коэффициенты корреляции г-Пирсона, ρ -Спирмена, τ -Кендалла.

Результаты

Получение информации о том, что делать в случае необходимости неотложной медицинской помощи, оказалось на предпоследнем (четвертом) фактическом и втором из трёх ранговом месте по оценке доступности респондентами.

Женщины оценивают данный аспект как более доступный, в сравнении с мужчинами: $M \pm \delta$ (средняя арифметическая M и стандартное квадратическое отклонение δ) составляет у женщин 3.33 ± 0.86 , у мужчин – 3.23 ± 0.88 , соответственно (доверительные интервалы для средних арифметических составили 3.33 ± 0.06 и 3.23 ± 0.08 , t Student = 2.12, $p = 0.034$, W Шапиро-Уилка = 0.889, $p = 0.03$, U Манна-Уитни = 173457.0, $p = 0.03$).

Жителям села информация о том, что делать в случае необходимости неотложной медицинской помощи, оказывается менее доступной, чем жителям города: $M \pm \delta$ составляет 3.34 ± 0.86 и 3.21 ± 0.89 , доверительные интервалы для средних арифметических 3.34 ± 0.06 и 3.21 ± 0.09 , t Student = 2.44, $p = 0.015$, $W = 0.881$, $p = 0.007$, $U = 163546.5$, $p = 0.006$.

Положительно влияет на оценку доступности информации о том, что делать в случае необходимости неотложной медицинской помощи, наличие у респондента детей (независимо от раздельного либо совместного проживания с ними): $M \pm \delta$ составляет 3.32 ± 0.85 при наличии у респондента детей и 3.09 ± 0.97 при их отсутствии, доверительные интервалы для средних арифметических 3.32 ± 0.05 и 3.09 ± 0.16 , t Student = 2.68, $p = 0.008$, $W = 0.882$, $p = 0.006$, $U = 66618.5$, $p = 0.004$.

Проективным фактором является состояние респондента в браке: $M \pm \delta$ составляет 3.33 ± 0.85 у состоящих в браке и 3.21 ± 0.93 у не состоящих,

доверительные интервалы для средних арифметических 3.33 ± 0.05 и 3.21 ± 0.1 , t Student=2.1, $p=0.036$, $W=0.879$, $p=0.05$, $U=150233.5$, $p=0.05$.

Получение пенсии не значимо во влиянии на оценку доступности информации о том, что делать в случае необходимости неотложной медицинской помощи.

Выявлена умеренная ($r=0.628$, $p=0.628$, $\tau=0.574$) корреляционная связь в паре аспектов доступности информации по вопросам «Получение информации о профессиональной медицинской помощи в случае болезни», «Получение информации о том, что делать в случае необходимости неотложной медицинской помощи». Анализ показал также наличие умеренной корреляционной связи (коэффициенты корреляции варьировали в пределах 0,5-0,59) между парой «Получение информации о профессиональной медицинской помощи в случае болезни», «Получение информации о том, что делать в случае необходимости неотложной медицинской помощи» и такими аспектами, как «Получение информации, позволяющей оценить преимущества и недостатки различных вариантов лечения заболеваний», «Получение информации, позволяющей точно следовать рекомендациям врача».

Таким образом, несмотря на межведомственную деятельность по формированию активного долголетия [3], одной из составляющей которой являешься информирование населения, аспект доступности информации о неотложной медицинской помощи пока в достаточной степени не проработан. Очевидна связь данной составляющей информирования с аспектами, ответственность за которые несет в первую очередь система здравоохранения. Социальные факторы также являются значимыми и отчасти компенсируют нехватку информации в рассматриваемом аспекте.

Исследование выполнено при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант Г24У-007 от 02.05.2024)

Список литературы:

1. Свидетельство о добровольной регистрации и депонировании объекта авторского права №6-БД. Наименование объекта авторского права: Качество жизни и медицинская информированность, связанные со здоровьем, лиц в возрасте 60 лет и старше, проживающих в Гродненской области (база данных). Год создания 2024. Авторы П.Л.Корнейко, М.Ю.Сурмач. Дата регистрации и депонирования: 04.06.2024, дата внесения записи о регистрации и депонирования в Реестр 13.06.2024.
2. Сурмач, М.Ю. Связанное со здоровьем качество жизни населения категории 60 лет и старше Гродненской области. Часть 1: методология формирования объекта исследования /Сурмач М.Ю., Корнейко П.Л. // Вопросы организации и информатизации здравоохранения. – 2024. – №1. – с. 62 – 67.

3. О Национальной стратегии Республики Беларусь «Активное долголетие – 2030». Постановление Совета министров Республики Беларусь от 3 декабря 2020 г. № 693.
<https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22000693> (дата обращения 05.04.2025).

К вопросу о формировании ценности здоровья в российском социуме: управленческий аспект

Фомичева Татьяна Владимировна
Российский государственный социальный университет
Москва, Россия, fomitchevatv@mail.ru

Ценность здоровья можно отнести к подвиду социокультурных ценностей россиян. Здоровье определяется как «состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма» [7].

В ценностном сознании индивида здоровье как ценность скорее фиксируется в среднем возрасте – к 40 годам у женщин и к 50 годам – у мужчин [2]. Некоторые авторы связывают качество жизни с ценностным отношением к здоровью [4]. Одной из главных целей в жизни россияне назвали «здоровье» – так считают 58% респондентов во всех социально-демографических группах [6].

Группами факторов, формирующими ценностное отношение россиян к здоровью, можно назвать: такие группы факторов как: экономические, биогенетические, экологические, социальные и др.

Основными характеристиками, значимыми для продолжительности жизни россиян считаются, в частности [8]: пол (женский организм более устойчив); регион проживания (особенно значимо в городской среде); образ жизни россиянина (необходимо учитывать факторы риска: наличие вредных привычек, неблагоприятных жилищных условий, психосоциальные факторы, в том числе: социальная изоляция, одиночество; профессиональные заболевания, состояние здоровья в целом, самолечение, недостаточная двигательная активность и др.) [8]. Отмечается особая роль средств массовой информации в процессе пропаганды самолечения и использования средств народной медицины, и отсутствие трудовой занятости [1; 8]. Среди факторов продолжительности жизни россиян существенно значимым фактором является доступность качественных медицинских услуг.

Определенный вектор актуализации ценностного восприятия здоровья среди россиян связан с эстетической хирургией и отношением к ней. Современная эстетическая коррекция и хирургия стала массовой и общедоступной. В связи с этим, каждый десятый россиянин был бы не против «лечь под нож пластического хирурга», женщины говорят об этом в пять раз

чаще, а 89% респондентов против таких мер. Чужой опыт пластических операций россияне оценивают оптимистично (так считает 59% опрошенных). Наиболее лояльно-настроенной группой, одобряющей пластическую хирургию, является молодежь в возрасте от 18 до 24 лет [3].

В России с 01 января 2025г. вступили в действие национальные проекты по линии здравоохранения: «Продолжительная и активная жизнь» «Новые технологии сбережения здоровья» и другие проекты [5]. Национальные проекты призваны повысить ожидаемую продолжительность жизни россиян и улучшить качество жизни и оптимизировать ценностное восприятие здоровья населением России.

Список литературы:

1. Арстангалиева З.Ж., Чернышкова Е.В., Андриянов С.В., Масляков В.В. Факторы риска здоровьесбережения российских пенсионеров // Фундаментальные исследования. 2015. № 1. Ч. 5. С. 896–900
2. Дробижева Л.М. Ценность здоровья и культура нездоровья в России // Безопасность Евразии. 2004. № 1. С. 33–43.
3. Искусственная красота: за и против // Аналитический обзор ВЦИОМ от 06.03.2023г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennaja-krasota-za-i-protiv> (дата обращения: 05.06.2025)
4. Кашапов Ф.А., Терентьев О.В. Цейсслер В.Э. Здоровье как ценность: культура и биоэтика // Вестник ЮУрГУ. Вып. 9. 2007. № 24 (96). С. 107–111.
5. Татьяна Голикова представила нацпроекты «Продолжительная и активная жизнь» и «Новые технологии сбережения здоровья». Новости от 26.02.2025г. // Сайт «Правительство России» URL: <http://government.ru/news/54356/> (дата обращения: 05.06.2025)
6. Традиционные ценности, современные цели // Аналитический обзор ВЦИОМ от 30.11.2023г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennnye-celi> (дата обращения: 05.06.2025)
7. Федеральный закон от 21 ноября 2011г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации. Ст. 2» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 05.06.2025)
8. Фомичева Т.В., Салистая Г.С. Здоровье как ценность в сознании россиян: навстречу будущему нации // Социальная политика и социология. 2016. Т. 15. № 3. С. 157–165.

Вопросы эффективности и результативности финансового обеспечения системы здравоохранения

Ханова Любовь Мунировна
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Россия, lmhanova@fa.ru

Важность вопросов финансового обеспечения системы здравоохранения связана с тем, что оно является одним из ключевых факторов, определяющих качество медицинской помощи и доступности услуг для населения вне зависимости от их территориального местонахождения и проживания.

Бюджетное финансирование и софинансирование направлений финансирования здравоохранения осуществляется через Федеральный Фонд обязательного медицинского страхования (далее – ФОМС) посредством предоставления субвенций территориальному ФОМС каждого из субъектов Российской Федерации в рамках принятых бюджетных ассигнований на очередной финансовый год и плановый период. Проведенный анализ показал, что несмотря на сокращение расходов субвенций на финансовое обеспечение организации обязательного медицинского страхования, рост субвенций, в соответствии с законом о бюджете ФФОМС, по состоянию на 2024 г. составил 50,86% [4].

Необходимо отметить, что из задач региональных проектов в области здравоохранения следует высокая актуальность исследования по достижению целевых показателей субъектами Российской Федерации как на повышение средней продолжительности жизни, так и на обеспечение устойчивого роста численности населения. Рассмотрение проблемы устойчивого роста заключается в текущей нисходящей динамике в демографической ситуации. На реализацию национального проекта «Здравоохранение» направлено на 2018–2024 гг. – 1'897,94 млрд рублей, при это определено 25 показателей, 18 задач и общественно-значимых результатов [1, 4].

Научной новизной исследования является разработка и внедрение механизма анализа экономической эффективности (далее – АЭЭ) в систему планирования расходов на здравоохранение в регионах.

При расчете эффективности расходов бюджетов на оказание услуг в здравоохранении отечественные авторы, как правило, используют оценочные методики анализа. В зарубежной практике используются более сложные математические методы, например, метод построения стохастической границы DEA и метод анализа среды функционирования SFA. Эти методы появились порядка 30 лет назад и с тех пор непрерывно развивались [3].

В общем виде АЭЭ позволяет определить способ оптимального использования доступных ограниченных ресурсов для оказания медицинской помощи. В качестве основополагающего принципа выступает выбор

наилучшего перечня услуг в условиях ограниченности ресурсов для получения максимального соотношения цены и качества.

Для повышения эффективности функционирования системы здравоохранения в России государству необходимо предпринять ряд мероприятий по оптимизации процесса планирования бюджетных расходов на здравоохранение. Использование АЭЭ на этапе планирования расходов может помочь повышению эффективности использования финансовых ресурсов.

Под подготовкой «русской версии» АЭЭ понимается адаптация методики АЭЭ под русские реалии с учетом аспектов присутствующих или, напротив, отсутствующих в России по сравнению с другими странами, использующими данную методику, определение показателей для первичного анализа и т.д.

Проверка работоспособности АЭЭ на одном или нескольких учреждениях или субъектах позволяет выявить возможные недоработки и ошибки данного метода, оценить степень целесообразности его использования, затрачивая на это минимум ресурсов, произвести, при необходимости, корректировки в выбранных показателях и т.д.

В случае, если АЭЭ докажет свою эффективность при планировании расходов на здравоохранение, то его можно и нужно внедрять, предварительно подготовив основу в виде методологических рекомендаций и нормативных положений. Нормативно-правовая база и сбор показателей эффективности даст толчок развитию аудита эффективности в сфере здравоохранения. У контрольных органов появится дополнительный инструмент контроля учреждений здравоохранения. Внедрение аудита эффективности позволит повысить качество управления ресурсами в государственных учреждениях здравоохранения [2].

Таким образом, использование современных методов анализа данных может помочь расходовать государственные средства на здравоохранение более эффективно. Анализ экономической эффективности, при правильном применении, способен повысить эффективность финансирования медицинских услуг, как на макро-, так и на микро- уровнях.

Список литературы:

1. Балынин И.В. Финансовое обеспечение здравоохранения в Российской Федерации в 2008-2020 гг. // Аудит и финансовый анализ. 2015. № 1. С.355-359 EDN: TJTAUH
2. Ханова Л.М. Как работает система оказания медицинской помощи россиянам: ожидания и реальность/ Самоуправление. 2021. № 5 (127). С. 68-72. EDN: UKWQYR
3. Шишкин С.В. Эволюция и перспективы системы обязательного медицинского страхования в России// Экономическая политика. 2023. Т. 18. № 1. С. 8–33. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2023-1-8-33>

4. Шишкин С. В. и др. Организация и финансирование здравоохранения в России и в мире: тенденции и перспективы М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2025. — 520 с. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-4122-7>

Информационно-когнитивная концепция общественного здоровья (профилактическая медицина в эпоху перемен)

Худоногов Игорь Юрьевич
Ростовский государственный медицинский университет
Ростов-на-Дону, Россия, fux1@ya.ru

Серебряный Роман Сергеевич
Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья
имени Н.А. Семашко», Москва, Россия, niiimramn@mail.ru

Здоровье – это результат преобразования среды обитания (СО) (её вещества [1], энергии и информации (И)) в конкретный организм со всеми его анатомическими и физиологическими особенностями. При этом И в указанном пространстве занимает особенное место, поскольку она управляет всеми остальными компонентами СО. Применительно к здоровью человека И играет особенно важную роль, поскольку она не только регулирует синтез всех органических структур (посредством ДНК и РНК), но состоит и из нематериальных символов и знаков, обогащенных когнитивной компонентой, т.е. обозначает не просто сигналы (да/нет), а целый каскад возможных последствий, соответствующих рефлексам 2-го, 3-го ... и n-ого порядка. Ожидающее нас будущее, согласно рабочей гипотезе, напрямую зависит от характера И, поступающей из СО, которую принято называть социальной, также состоящей из И, генерируемой нашим человеческим окружением в ходе социальных отношений. Следовательно, когнитивную компоненту необходимо не только понимать, но и доходчиво разъяснять её значение для жизни и здоровья всему населению и каждому отдельно взятому человеку. Вместо этого СО заполняется нарастающими объемами ложной И, представляющей реальную опасность для здоровья людей. ВОЗ акцентирует внимание мировой общественности на борьбе с этой опасной для здоровья И [2] и активном изучении И, как определяющего фактора общественного здоровья (ОЗ). Важность И становится понятной при анализе закономерностей функционирования отечественной системы здравоохранения и динамики ОЗ россиян в последнее время. РФ, как и остальные государства мира, находится в роли догоняющих, т.е. вначале поступает вызов ОЗ, а затем формируется некоторый ответ. В подобной ситуации не приходится говорить о какой бы то ни было профилактике (П). Правило «живи здесь и сейчас» распространилось и на действующую медицинскую науку, а П – это целиком наука про завтра, до которого никому сегодня нет дела (кроме социал-гигиенистов [3]). Иными

словами, сущность рассматриваемой проблемы сводится к тому, что медицинское сообщество сосредоточено на решении тактических задач (проявившихся вызовов), и совершенно не интересуется стратегическими процессами, которые и приводят к появлению упомянутых вызовов в будущем. Современное медицинское сообщество почему-то не считает рациональным бороться за здоровье здоровых, пока они здоровы, хотя это был абсолютный приоритет советского здравоохранения [4]. П как таковая сегодня превратилась в лишний элемент системы охраны здоровья граждан, поскольку она снижает заболеваемость, которая должна расти, чтобы способствовать продвижению здравоохранения как отрасли экономики [5], т.е. приносящей прибыль в условиях рынка. Понимание существующей ценностной базы здравоохранения, представленной прагматизмом-эгоизмом и реально воплощенной в сегодняшнюю действительность, позволяет легко спрогнозировать, чем это закончится для населения [6]. Негативный прогноз постепенно отрезвляет руководство, и начинается поиск альтернативных путей развития – другого будущего для нашей страны, которое начинается с информационно-когнитивного основания – с базовых ценностей. И этот логичный переход к стратегиям обновления не является утопией, хотя на первый взгляд кажется, что ни одна элитная группировка добровольно не приступит к смене приоритетов, базовых ценностей – вместо прибыли (прагматизма) вдруг озадачится альтруизмом, т.е. здоровьем наших сограждан. Тем не менее, перспектива нашего развития светлая, ибо ещё Гераклит, известный древнегреческий философ, утверждал: «всё течёт, всё изменяется» – и живые и неживые объекты. Математики выразили эту закономерность посредством следующей формулы: $1^* \sin \alpha = [-1; +1]$, т.е. наглядно доказали, что любая величина с течением времени преобразуется в свою противоположность, обнуляясь в среднем положении. При этом любые противоположности – это неотъемлемые части единого целого, как утверждал Гегель после знакомства с трудом Лао-Цзы «Дао Дэ Цзин», который известен сегодня как Даосизм, описывающий взаимопревращения энергий инь-ян. Точно также взаимопревращаются события вчерашние в события сегодняшние, являющиеся их неизбежными следствиями, и никаких случайностей не существует. Причем периоды колебаний маятника социальных отношений (смыслов и ценностей) между своими полюсами постоянно сокращаются – так, например, биологический этап развития (животный прагматизм-эгоизм) длился миллиарды лет, первобытнообщинный строй (зарождение религиозного сознания (альтруизма)) – миллионы лет, рабовладельческий – десятки тысяч, феодальный (в Европе) – около тысячи лет, капиталистический – сотни, социалистический (СССР) – десятки лет. Последние 30 лет маятник исторического развития в РФ двигался в сторону нового капитализма. Однако внутри этого социального движения накапливаются признаки противоположной направленности. Современное состояние СО создает наиболее благоприятные условия для генерирования новых гигиенических подходов к планированию П с учетом наступающих перемен. Разработать информационно-когнитивную основу управления ОЗ помогают текущие тенденции развития СО. При этом нам помогает исторический опыт, социально-гигиенический подход к оценке медико-

социальных явлений и типирование социальных отношений и их медицинских последствий. Мы считаем целесообразным принимать во внимание полярно противоположные 2 типа социальных отношений (альтруизм и прагматизм) идентифицированные при помощи разработанной нами индикаторной системы [7], которая фиксирует потерянные и приобретенные социально значимые объекты [8] соответствующих типов, выделенные из окружающего мира при помощи методики опредмечивания жизненно важных потребностей [9]. Социум РФ в контексте нашего исследования находится на постсоветском неокapиталистическом этапе развития, т.е. имеет максимально возможный социальный возраст, включающий все ступени (формации), и отличается высокой восприимчивостью к информационно-когнитивным воздействиям, на которых и должна строиться глобальная профилактическая среда.

Список литературы:

1. Серебряный, Р. С. Питание населения СССР в послевоенные годы (1949–1954) / Р. С. Серебряный // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2024. – Т. 32, № 5. – С. 1025–1032. – DOI 10.32687/0869-866X-2024-32-5-1025-1032.
2. Отчет о ситуации с новым коронавирусом (2019-nCoV) – 13. URL: <https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20200202-sitrep-13-ncov-v3.pdf> (дата обращения: 22.07.2024).
3. Егорышева, И. В. Вениамин Яковлевич Канель (1873–1918) / И. В. Егорышева, В. В. Чалова // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. – 2023. – № 2. – С. 157–160. – DOI 10.25742/NRIPH.2023.02.024.
4. Здоровое и гармоничное детство – фундамент концепции "Здоровье здоровых" / А. Н. Разумов, М. Л. Лазарев, С. Ю. Чудаков [и др.] // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. – 2024. – Т. 101, № 2. – С. 40–45. – DOI 10.17116/kurort202410102140.
5. Воронина, О. А. Здравоохранение как отрасль национальной экономики / О. А. Воронина // Актуальные вопросы современной науки и образования: сборник статей XXXVIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 мая 2024 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. – С. 105–108.
6. Юмагузин, В. В. Прогноз численности и демографической нагрузки населения России до 2100 года / В. В. Юмагузин, М. В. Винник // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 4(193). – С. 98–111. – DOI 10.47711/0868-6351-193-98-111.
7. Худоногов, И. Ю. Индикаторная модель духовной составляющей общественного здоровья / И. Ю. Худоногов // Здоровье – основа

- человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. – 2015. – Т. 10, № 1. – С. 416–418.
8. Худоногов, И. Ю. Духовная составляющая общественного здоровья как объект качественного и количественного анализа / И. Ю. Худоногов // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. – 2014. – Т. 9, № 1. – С. 91–98.
9. Родионова, Ю. С. Валидизация мотивационных матриц при помощи опредмечивания мотивов (медико-социологические аспекты) / Ю. С. Родионова, Т. А. Терпицкая // 72-я Итоговая научная конференция студентов Ростовского государственного медицинского университета : сборник материалов, Ростов-на-Дону, 11 апреля 2018 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный медицинский университет, 2018. – С. 64.

Факторы, влияющие на состояние здоровья населения

Чурекова Инна Олеговна
Первая семейная клиника Петербурга
Санкт-Петербург, Россия, innachurekova@gmail.com

Актуальность изучения вопросов здоровья населения обусловлена значительными изменениями в современном обществе, отражающими как глобальные тенденции, так и национальные особенности России. Сегодня укрепление здоровья становится ключевым условием успешного социально-экономического развития государства, поскольку высокое качество здоровья обеспечивает повышенную производительность труда, снижает затраты бюджета на лечение болезней и повышает конкурентоспособность национальной экономики. Здоровая нация – это залог её устойчивого развития и процветания, тем самым вопрос здоровья населения и его обеспечения остро стоит во все времена.

Особое внимание уделяется профилактике заболеваний, особенно хронических, таких как сердечно-сосудистые патологии, сахарный диабет и онкология, которые стали серьезными проблемами современности. Если обратиться к статистике за уже наблюдаемый период, то мы увидим, что в 2013 году в России было почти 4 миллиона больных диабетом. В 2019 году уже 4,8 миллиона, прирост за 5 лет составил 23%, а на момент 2024 года зарегистрировано около 6 млн случаев, что также показывает неутешительную динамику. Если обратиться к Ашоту Мкртумяну, то эти цифры будут еще более пугающими: «В России на данный момент от 10 до 12 млн больных сахарным диабетом и порядка половины из них не диагностированы», заведующий кафедрой эндокринологии и диабетологии лечебного факультета МГМСУ им. А. И. Евдокимова. Такая тенденция характерна для всего мира – сотни миллионов людей живут с диагнозом диабет и это при том, что многие

его случаи, по накапливающимся сведениям (в том числе, в РФ), остаются «в тени». Выявление таких значений должно мотивировать систему развиваться, но мы видим её несовершенство.

Пандемическая ситуация, случившаяся в 2019 году, показала недостатки существующей системы здравоохранения, подчеркнув необходимость оперативных действий и инновационных подходов в обеспечении безопасности здоровья граждан.

Понимая, что идеальной системы и организации не может существовать, для нас важно сделать оборот на себя: верный путь сохранение здорового населения – повышение ценности здоровья в глазах этого населения.[1]

Рассматривая здоровье как важную ценность, важно учитывать комплекс факторов, оказывающих непосредственное влияние на самочувствие каждого россиянина. Среди них выделяются различные стили жизни, такие как вредные привычки, недостаток физической активности и стрессовые нагрузки, отрицательно сказывающиеся на состоянии организма. Экологическая обстановка и социальная среда также играют значительную роль в поддержании хорошего самочувствия, поэтому улучшение экологической обстановки и устранение негативных последствий урбанизации становятся важными элементами государственной политике не только в специфических сферах, но и в направлении укрепления здоровья.

Воспитывая и прививая ценность здоровья в наше время, невозможно обойтись без внедрения современных методов. Современная медицина активно внедряет цифровые технологии, включая мобильные приложения для отслеживания собственного здоровья, возможность удаленной консультации врача, электронные карты пациента и использование искусственного интеллекта при диагностике заболеваний. Искусственный интеллект в его нынешнем состоянии несовершенен, но способен контролировать динамики показателей здоровья человека, что уже в настоящее время весомый вклад на врачебном поле. Такие нововведения позволяют повысить доступность медицинской помощи, особенно для тех, кто проживает вдали от специализированных учреждений. Кроме того, перспективные направления, такие как телемедицина и роботизированные операции, значительно расширяют возможности эффективного лечения и минимизации рисков осложнений.

Таким образом, всестороннее изучение факторов, формирующих здоровье населения, разработка эффективных мер профилактики и модернизация системы здравоохранения являются необходимыми условиями для обеспечения высокого качества жизни граждан и стабильного будущего нашей страны.[2] А важнейшим направлением в сохранении здоровья, это воспитание населения, которое в своей ценностной пирамиде на лидирующие позиции ставит ценность здоровья.

Список литературы:

1. Чуреков, И. И. Обзор показателей оценки качества медицинских организаций и услуг / И. И. Чуреков // Социологические чтения:

социальные тренды современности : Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 01 апреля 2024 года. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления "НИНХ", 2024. – С. 307-311. – EDN QJJORU.

2. Формирование новых принципов экономики государственных полномочий для обеспечения качества услуг здравоохранения / Л. А. Габуева, А. Д. Щербакова, П. В. Сороколетов [и др.] // Профилактическая и клиническая медицина. – 2021. – № 1(78). – С. 20-29. – DOI 10.47843/2074-9120_2021_1_20. – EDN RXOOGD.

Восточная медицина в Республике Бурятия: потенциал, проблемы и перспективы развития

Башкуева Елена Юрьевна

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия

Восточная медицина имеет древние традиции и сегодня вновь становится востребованной по всему миру благодаря своей высокой эффективности и безопасности. В настоящее время геополитический разворот России и её регионов в сторону стран Азии, возрастание потребности россиян в лечении и реабилитации делают восточную медицину не только важным звеном развития здравоохранения, но и серьёзным экономическим инструментом, поскольку велика её роль в развитии медицинского туризма. Республика Бурятия – уникальный регион Российской Федерации, где накоплен богатейший опыт развития восточной медицины, сформирована её полноценная институциональная база, однако существует и немало проблем, сдерживающих её прогрессивное развитие. Несмотря на наличие публикаций по проблемам восточной медицины в регионе [1;2;3;4;5], комплексных экономико-социологических исследований по обозначенной теме за последние годы не проводилось. Цель исследования – определить актуальные проблемы и перспективные направления развития восточной медицины в Республике Бурятия на основе проведенного комплексного исследования. В качестве объектов исследования выбраны две медицинские организации: ГАУЗ РКЛРЦ «Центр восточной медицины», единственное в РФ стационарное заведение с государственным статусом, в котором применяются восточные методы лечения и реабилитации, и клиника ООО «Аюрмедика», являющаяся инновационной медицинской организацией. Исследование проводилось с использованием комплекса методов, включая анализ и обобщение как международного, так и отечественного опыта, а также статистический анализ, социологические методы (наблюдение, экспертное фокус-групповое исследование, контент-анализ).

На сегодняшний день флагманом развития восточной медицины не только в Республике Бурятия, но и во всей Российской Федерации является созданный 35 лет назад уникальный государственный Центр восточной

медицины. В ходе дискуссии экспертами отмечены уникальные особенности ЦВМ, что делает его важнейшим звеном в формировании положительного имиджа Республики Бурятия, в том числе на рынке медицинского туризма. Эксперты дали рекомендации для дальнейшего развития ЦВМ по следующим стратегическим направлениям:

- углубление исследований в сфере изучения средств и методов восточной и интегративной медицины;
- устойчивое расширение интегративных реабилитационных технологий;
- создание и внедрение проектов, связанных с производством лекарственных средств основанных на древних тибетских рецептах;
- дальнейшее укрепление научно-технологического сотрудничества с государствами Восточной Азии.

Эксперты отметили, что среди частных медицинских центров, практикующих восточные методики оздоровления и лечения, наиболее перспективным является клиника восточной медицины ООО «Аюрмедика». Эта медицинская организация инновационного типа была основана выходцами из государственного ЦВМ и сегодня оказывает широкий спектр услуг восточной и интегративной медицины, лечебного голодания, ведет активную образовательную и просветительскую деятельность. По результатам экспертной оценки деятельности клиники восточной медицины ООО «Аюрмедика» определены её сильные стороны: развитая материально-техническая база; кадровый состав из высококвалифицированных врачей экспертного уровня, разработка и внедрение тренинговых и оздоровительных программ, пользующихся спросом не только у жителей Республики Бурятия, но и других регионов РФ и стран дальнего зарубежья. Выявлены основные проблемы в работе клиники: кадровый дефицит; проблемы с маркетинговой деятельностью, обусловленные постоянным удорожанием рекламных услуг; негативное влияние фактора сезонности на деятельность и прибыль клиники. Отмечена низкая доступность услуг клиники для населения региона в связи с их дороговизной, ориентированность услуг на высокодоходное население из других регионов РФ.

Проведенное исследование показало, что в Республике Бурятия имеется значительный потенциал возможностей развития восточной медицины, развитая институциональная база, включающая научные институты, ВУЗы, государственный и частные медицинские центры. Ограничивающими факторами являются несовершенство государственного управления в сфере здравоохранения (отсутствие стратегических программ и мониторинга), низкий уровень бюджетного финансирования медицинских организаций, их материально-технической базы, кадровый дефицит. Общее депрессивное социально-экономическое состояние Бурятии способствует оттоку квалифицированных медицинских кадров в другие регионы. Возможности развития восточной медицины в регионе напрямую связаны с дальнейшим укреплением научно-технологического и инвестиционного сотрудничества со странами Азии, прежде всего, в рамках экономического коридора Россия–Китай–Монголия. Для разработки документов

стратегического планирования в обозначенной области потребуются углубленные экономические и медико-социологические исследования.

Список литературы:

1. Бальжиров Б.Г., Дансаронова И.Б., Сакияева Т.А., Князюк Н.Ф., Касьянова А.Д. Применение цикла PDCA в организации событийного маркетинга. Опыт Республиканского клинического лечебно-реабилитационного центра «Центр восточной медицины» Бурятии // Менеджмент качества в медицине. 2024. № 2. С. 102-108.
2. Башкуева Е.Ю., Ринчинова О.С. Потенциал восточной медицины в развитии региональной экономики Республики Бурятия (на примере деятельности ГАУЗ «Центр восточной медицины») // Московский экономический журнал. 2018. № 5. [https : // doi.org / 10.24411/2413-046X-2018-15005](https://doi.org/10.24411/2413-046X-2018-15005)
3. Лудупова Е.Ю., Бартанова Е.А., Бальжиров Б.Г., Князюк Н.Ф. Научно-практический комплекс традиционной медицины Бурятии – модель комплиментарной медицины // Менеджмент качества в медицине. 2024. № 1. С. 116-120.
4. Михеева А.К., Бартанов А.И., Сариева Б.С., Бартанова Е.А. Центр восточной медицины министерства здравоохранения Республики Бурятия: интеграция традиционной медицины и практического здравоохранения // Медицинская антропология и биоэтика. 2011. № 1(1). С. 9.
5. Николаев С.М., Матханов И.Э., Асеева Т.А., Мондодоев А.Г., Шантанова Л.Н., Хитрихеев В.Е., Чукаев С.А., Маланов К.Ж. Многовековой опыт врачевания болезней в Бурятии как часть традиционной медицины в России // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2017. № 8. С. 276-280.

Секция 3. Формирование и воспроизводство демографического потенциала

Новая политика Китая по стимулированию деторождения

Ван Е
ООО ВЛВ ГРУП
МОСКВА, РОССИЯ, towangye@126.com

Предпосылки: снижение рождаемости и большие затраты на детей. Низкая рождаемость в Китае привела к отрицательной динамике общей численности населения. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) упал ниже 1,5, создав «ловушку низкой рождаемости», особенно в крупных городах и северо-восточных провинциях (СКР 0,7–0,9). Среди причин – одни из самых высоких в мире затрат на рождение и воспитание детей: 485 тыс. юаней на ребенка с рождения до окончания школы, 627 тыс. юаней – до окончания университета (2022 г.) [1]. С политикой трехдетности в 2021 г. местные власти ввели ежемесячную, ежегодную и единовременную «детские» субсидии, различавшиеся по размеру и способам выплат.

Ежемесячная выплата. В июле 2021 в Паньчжихуа (Сычуань) обнародованы 16 политик и мер [2], впервые предлагавших городским семьям с 2 и более детьми, выплачивать 500 юаней на каждого ребенка до достижения им 3 лет. В апреле 2023 г. Шэньянская городская комиссия по здравоохранению и Финансовое бюро совместно выпустили План [3], по которому семьи с 3 общими детьми получали 500 юаней в месяц до достижения ребенком 3 лет. В мае 2023 г. Уханьская зона высоких технологий опубликовала План [4] по выплатам 10000 юаней на ребенка в год при рождении 3 и более детей до достижения ребенком 6 лет (при 3 детях – 60000 юаней, больше всех в мире). В августе 2023 г. партийный комитет уезда Чаншань и правительство пров. Чжэцзян выпустили Меры по оптимизации [5], где семьям, в которых муж/жена и дети зарегистрированы в Чаншане, либо 2 или 3 детей находятся в медицинских учреждениях уезда, выделялось по 5000 и 10000 юаней в год, соответственно, пока детям не исполнится 3 года.

Единовременная выплата. В июне 2022 г. городской комитет партии и правительство Ханьчжуна (Шэньси) выпустили Программу оптимизации [6], предлагающую выплачивать единовременно по беременности и родам (2000 и 10000 юаней) от уезда и района, где зарегистрировано домохозяйство, семьям с 2 и 3 детьми. В августе 2023 г. Комиссия по здравоохранению Ханчжоу издала Меры [7], делившие единовременные субсидии на две

категории: по беременности и родам и по уходу за детьми. По беременности полагалось 2000 юаней женщинам, родившим двух или беременным вторым ребенком, и 5000 юаней – родившим трех или беременным третьим ребенком; по уходу – 5000 юаней при рождении 2, и 20000 юаней – 3 детей.

Комбинация единовременной и ежемесячной или ежегодной выплаты. В сентябре 2022 г. партийный комитет и правительство пров. Юньнань издали План [8], который предоставляет единовременно при рождении ребенка 2000 юаней на 2 детей и 5000 юаней на 3, по уходу – 800 юаней на человека в год, пока второй или третий ребенок не достигнет 3 лет. В мае 2023 г. Комиссия по здравоохранению Нинся и Департамент финансов издали общий документ [9], по которому единовременно полагалось 2000 юаней на уход при рождении второго ребенка и 4000 юаней – третьего, а трехдетным семьям еще не менее 200 юаней в месяц на каждого ребенка с рождения до 3 лет.

Выплачивать ли субсидии при рождении первенца? Сначала меры поддержки касались семей с 2 и 3 детьми, но некоторые районы (уезд Ниншань, города Шэньчжэнь и Вэньчжоу и др.) распространили их на одного ребенка, и с обострением демографических проблем опыт расширяется. В ноябре 2022 г. правительство уезда Нинся г. Анькан (Шэньси) выпустило Мнение по оптимизации [10], предлагавшее единовременно по 2000, 3000 и 5000 юаней родителям первого, второго и третьего ребенка, и дополнительно по 600 и 1200 юаней в месяц на 2 и 3 детей, соответственно, до достижения ими 3 лет. В январе 2023 г. муниципальная комиссия по здравоохранению Шэньчжэня [11] предложила за первенца единовременно 3000 юаней и 1500 ежегодно до достижения им 3 лет (всего 7500 юаней); для 2 ребенка – 5000 и 2000 юаней (всего 11000 юаней). В мае 2023 г. власти Вэньчжоу сообщили о выделении единовременно 1000 юаней на первенца, 2000 и 3000 юаней – на второго и третьего детей [12].

Таким образом, новая политика Китая по стимулированию рождаемости учитывает значимость основных экономических факторов, направленных на поддержание благосостояния семьи после рождения детей. Поскольку после длительной обязательной однодетности большинство семей слабо мотивированы на двух- и трехдетность, общенациональные меры расширяются за счет региональных, учитывающих локальные особенности демографических процессов.

Список литературы:

1. Национальная комиссия по развитию и реформам КНР URL: www.ndrc.gov.cn (на кит. яз.) (дата обращения 31.03.2022)
2. Содействие объединению человеческих ресурсов в Паньчжихуа URL: panzhihua.gov.cn (на кит. яз.) (дата обращения 28.07.2021)
3. Городская комиссия по здравоохранению Шэньяна URL: <https://wjw.shenyang.gov.cn/> (на кит. яз.) (дата обращения 04.2023)

4. Открытая зона высоких технологий Ист-Лейк URL: www.wehdz.gov.cn/ (на кит. яз.) (дата обращения 05.2023)
5. О Правилах осуществления мер по оптимизации политики рождаемости в округе Чаншань. URL: zjcs.gov.cn (на кит. яз.) (дата обращения 08.2023)
6. Уведомление о выпуске Рабочего плана по оптимизации политики в области рождаемости в Ханьчжуне для содействия долгосрочному сбалансированному развитию населения. URL: <https://www.hanzhong.gov.cn/> (на кит. яз.) (дата обращения 06.2022)
7. О выпуске мер по реализации субсидий по уходу за детьми в Ханчжоу URL: hangzhou.gov.cn (на кит. яз.) (дата обращения 08.2023)
8. План правительства пров. Юньнань по оптимизации рождаемости. URL: yn.gov.cn (на кит. яз.) (дата обращения 04.2024)
9. Комиссия по здравоохранению Нинся и Департамент финансов совместно издали документ URL: nx.gov.cn (на кит. яз.) (дата обращения 05.2023)
10. Уведомление о публикации Заключения о реализации оптимальной политики рождаемости в Ниншане для развития населения URL: ningshan.gov.cn (на кит. яз.) (дата обращения 11.2022)
11. Меры по управлению родительскими субсидиями в Шэньчжэне URL: sz.gov.cn (на кит. яз.) (дата обращения 01.2023)
12. Меры по предоставлению единовременных субсидий на рождение ребенка жителям Вэньчжоу URL: wenzhou.gov.cn (на кит. яз.) (дата обращения 05.2023)

Динамика субъективного благополучия матерей в полных и неполных семьях

Горина Татьяна Ивановна, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, tagor03@mail.ru

Дорофеева Злата Евгеньевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, zdorofeeva@hse.ru

Натсак Органа Доржуевна, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Кызыл, Россия, nod695596@gmail.com

Рост числа неполных семей в современном мире, включая Россию, стал социально-демографической основой для актуализации проблемы социального самочувствия матерей, воспитывающих детей без супруга.

Особенности функционирования таких семей всё более явно влияют на факторы социального неравенства и дифференциации.

Индикаторы субъективного благополучия определяются самооценками респондентов относительно их положения в обществе. Как правило, анализируется удовлетворённость различными аспектами жизни, включая работу, оплату труда и материальное положение. В представленной работе для оценки материального благополучия применяется субъективная шкала самооценки, где респонденты характеризуют своё положение от «нищих» до «богатых». Такой подход позволяет точнее понять социальное самочувствие, чем объективные показатели дохода.

Анализ охватывает период с 2004 по 2023 год и разделяет женщин на две группы: из полных семей (с партнёром) и неполных (без партнёра – никогда не состоявших в браке, разведённых или вдов). В неполных семьях женщина чаще выступает единственным опекуном и основным источником дохода, который может включать пособия, алименты и пенсии. Исследование акцентирует внимание на субъективных оценках женщин, а не на фактических доходах, что позволяет выявить особенности их благополучия и уровня удовлетворённости.

Цель исследования – сравнить субъективное благополучие матерей из полных и неполных семей. Основная гипотеза: неполные семьи из-за стрессовых обстоятельств (развод, смерть супруга, рождение ребенка вне брака) и дефицита ресурсов демонстрируют более низкий уровень благополучия, социального оптимизма и более высокую тревожность.

В качестве индикаторов благополучия выделены удовлетворенность жизнью, работой, материальным положением, оплатой труда; уровень тревожности; социальный оптимизм, который трактуется как позитивная оценка ключевых изменений в жизни, а тревожность – как беспокойство по поводу потери работы или возможности содержать семью.

Результаты проведенного анализа показали, что удовлетворенность жизнью у матерей из полных семей стабильно выше: в 2023 году 63,6% замужних женщин были удовлетворены своей жизнью против 42,6% одиноких матерей. Максимальный разрыв зафиксирован в 2019 году (27 процентных пунктов), но к 2023 году он сократился. Удовлетворенность работой также ниже у одиноких матерей, что связано с необходимостью совмещать трудовую деятельность и уход за детьми без поддержки партнера.

Что касается материального положения, доля удовлетворенных среди одиноких матерей выросла с 21,9% в 2004 году до 42,6% в 2023 году, но осталась значительно ниже, чем у замужних женщин (63,6%). Неполные семьи в два раза чаще относят себя к низшим доходным группам, что отражает их более сложное финансовое положение.

Беспокойство по поводу возможной потери работы выше у одиноких матерей, но к 2023 году разрыв сократился до 3,4 процентных пункта в пользу полных семей. При этом 73,6% одиноких матерей беспокоятся о возможности обеспечить себя самым необходимым в ближайший год (среди замужних женщин этот показатель составляет 66,2%). В 2022 году тревожность у неполных семей снизилась, что авторы связывают с мерами государственной поддержки, такими как пособия для одиноких родителей.

Женщины в браке чаще ожидают позитивных изменений в будущем. В 2020 году у одиноких матерей был зафиксирован рекордно низкий уровень оптимизма, но затем он начал расти. Одинокие матери также чаще прогнозируют ухудшение своей жизни, однако с 2020 года пессимистичные настроения усилились и среди замужних женщин.

Основная гипотеза исследования подтвердилась: матери из неполных семей менее удовлетворены жизнью, работой и материальным положением, а также чаще испытывают тревожность. Вместе с тем меры государственной поддержки, такие как выплаты одиноким родителям, введенные в 2021 году, способствовали сокращению разрыва в благополучии между полными и неполными семьями.

Развитие программ профессиональной подготовки и занятости для одиноких матерей, расширение доступных услуг по уходу за детьми и оказание психологической поддержки для снижения уровня тревожности могут способствовать улучшению социального положения матерей и как следствие повышению уровня их субъективного благополучия. Брачный статус остается значимым фактором, влияющим на субъективное благополучие, но социальная политика может смягчить его негативные последствия. Для более глубокого понимания динамики благополучия необходимы дальнейшие исследования, особенно в области социального оптимизма и долгосрочного эффекта государственной поддержки.

Семейная политика современной России: проблемы ее реализации

Доброхлеб Валентина Григорьевна
ИСЭПН ФНИСЦ РАН, ИДИ ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, vdobrokhleb@mail.ru

Социологические опросы показывают, что большинство жителей РФ считают семью одной из главных ценностей наряду со значимостью здоровья и уровня доходов [1]. Это происходит на фоне трансформации демографического поведения россиян, которое формируется под влиянием социальных, экономических, эпидемиологических и геополитических факторов.

В России тренд на снижение рождаемости начался с 2015 года. Сейчас рождаемость на рекордно низком уровне за последние десять лет: в 2024 году родилось 1 млн 222 тысяч 408 детей, то есть на 3,4% меньше, чем в 2023 году. По данным Росстата за январь-апрель 2025 года этот показатель сократился по сравнению с предыдущим периодом прошлого года на - 11,5% [2]. Причинами снижения рождаемости являются, во-первых, снижение числа женщин репродуктивного возраста, во-вторых, ухудшение репродуктивного здоровья граждан – как женщин, так и мужчин, в-третьих, бедность значительного числа семей с детьми, в-четвертых, остающаяся значительной бытовая нагрузка на женщин с семейными обязанностями.

Снижение числа крепких браков остается крайне болезненной проблемой. По данным ВЦИОМ 46% считали, что чаще всего люди разводятся из-за бедности, отсутствия работы и возможности прокормить семью. Именно уровень жизни во многом определяет продолжительность функционирования семьи. Одной из острейших социальных проблем остается бедность. В целом по России в 2024 году доля бедных среди населения составила 7,2%, а среди многодетных семей (с тремя и более детьми до 18 лет) уровень бедности был почти в три раза выше — 20%. До тех пор, пока между многодетностью и бедностью существует прямая связь, (чем больше детей в семье, тем выше риск бедности) многодетных семей будет меньше. Существенным социальным вызовом остается значительное количество матерей, в одиночку воспитывающих детей, которое достигает 4,85 млн. Каждый третий ребенок в России живет в неполных семьях (данные Росстата и исследования ВНИИ труда). Безусловно, риск бедности в неполных семьях выше, чем в полных.

Для продвижения в обществе семейного образа жизни необходимо предпринять меры:

- к сокращению трудовой бедности населения, обратив особое внимание на трудовую бедность женщин;
- по созданию возможностей совмещения образования и карьерного роста женщин и их репродуктивных установок, в том числе за счет равного распределения домашних обязанностей между супругами, включая уход за детьми, более широкому вовлечению отцов в воспитание детей. Исследователи пришли к выводу: чем больше времени женщины тратят на быт по сравнению с мужчинами, тем ниже рождаемость;
- по расширению доступа семей с детьми к возможностям улучшения жилищных условий, в том числе к рассмотрению вопроса о доступности муниципального жилья для молодых и многодетных семей с возможностью его приватизации при рождении третьего ребенка в зарегистрированном браке;
- по расширению программ психологического сопровождения семей, направленных на сохранение долгосрочных семейных союзов, профилактику разводов;
- по более широкой популяризации института добровольного посредничества (медиации) при разрешении семейно-правовых споров с акцентом на сохранение и восстановление семейных взаимоотношений;
- по ускоренному развитию «качественного позитивного контента» для семей с детьми в интернете;
- по введению общественных наград для «многодетных и многовнуковых» дедушек и бабушек, прадедушек и прабабушек.

На решение этих проблем направлена принятая в марте текущего года «Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности» [3]. Стратегия, как подчеркнуто в документе, должна стать основой планов, определяющих основные направления государственной семейной и демографической политики до 2036 года. Определено три главные цели и 9 задач данной стратегии. Целями Стратегии являются: во-первых, сохранение населения, в первую очередь его численности, во-вторых, поддержка и защита семьи через повышение уровня

и качества жизни при создании условий гармонии при совмещении занятости на рынке труда и учебы с семейными обязанностями, в-третьих, укрепление семьи и брака как социального института, союза мужчины и женщины с опорой на традиционные семейные ценности. К этим ценностям отнесены «брак как союз мужчины и женщины, уважение детей к старшим поколениям, доверие и заботу нескольких поколений семьи друг о друге».

Аналитики подчеркивают, что центре внимания данного документа не все семьи, а определенные их группы, функция которых рождаемость. Семья рассматривается как моральный и демографический ресурс, нуждающийся в охране и соответствии рекомендованным нормам. Адресная «поддержка расширяется, но не становится универсальной». В стратегии указаны количественные показатели (число зарегистрированных браков, количество многодетных семей, прирост рождаемости, уровень бедности семей с детьми и пр.), но нет индикаторов, отражающих качество повседневной семейной жизни. В числе которых можно отметить «уровень удовлетворенности семейной жизнью, баланс семьи и работы, гендерное разделение выполнения домашней работы, участие отцов в заботе о детях». С позиций гендерного подхода в Стратегии фокус внимание направлен на усиление традиционного поворота к приватной сфере. Женщина — это преимущественно мать. Мы не видим системы мер, направленных широкое вовлечение мужчин в повседневные бытовые и родительские практики [4]. На лицо противоречие принципам гендерного равенства предложенных в «Национальной стратегии действий в интересах женщин 2023 – 2030 годы [5].

Стратегия не рассматривает незарегистрированные брачные союзы, а также соло-родительство. Из поля зрения в данном документе выпадает растущая доля семей с пожилыми супругами.

Безусловно «Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности» является важнейшим инструментом социальной политики страны на ближайшее десятилетие. При этом необходимо её развитие связывать с разнообразием семейных структур и более эффективным и справедливым распределением человеческих ресурсов мужчин и женщин в приватной сфере жизнедеятельности. Фундаментальной задачей, не проявленной в документе, является адекватность мер семейной и демографической политики требованиям формирования нового технологического уклада и переходу к экономике, основанной на знаниях.

Список литературы:

1. ВЦИОМ Семья как ценность URL. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost?ysclid=mbjd7gcpvn883166155> (дата обращения 01.06.2025)
2. Социально-экономическое положение России январь-апрель 2025 года URL. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-04-2025.pdf> (дата обращения 01.06.2025)

3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 г. № 615-р URL. <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202503240023?ysclid=mbjd1pz2k2738630260&index=1> (дата обращения 01.06.2025)
4. Чернова Ж. Мама, папа, я: какой будет новая стратегия государства в отношении семейной политики URL. <https://www.forbes.ru/forbes-woman/533931-mama-papa-a-kakoj-budet-novaa-strategia-gosudarstva-v-otnosenii-semejnoj-politiki?ysclid=m8y9dvkk3j92714025> (дата обращения 01.04.2025)
5. «Национальная стратегия действий в интересах женщин 2023 - 2030 годы», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 4356-р URL. <http://government.ru/docs/all/145532/> (дата обращения 07.05.2025)

Оценка эффективности финансовых стимулов рождаемости, материнства и детства после СВО: региональный анализ методом квантильной регрессии на примере России

Дорофеев Михаил Львович

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Россия, dorofeevml@yandex.ru

Исследование, представленное на конференцию, посвящено анализу влияния финансовых и социальных факторов на рождаемость в России в условиях демографического кризиса, обостренного экономической нестабильностью после начала специальной военной операции в 2022 году. Работа оценивает воздействие ключевых переменных на суммарный коэффициент рождаемости (TFR) и уровень рождаемости на 1000 человек (birth_rate) на основе данных по 83 регионам РФ за 2022–2024 годы с объемом выборки 249 наблюдений. Особое внимание уделено проверке гипотезы об актуальности финансовых стимулов для повышения рождаемости в посткризисный период, а также выявлению ограничений, связанных с ростом стоимости жизни и жилищными барьерами, которые снижают эффективность демографической политики.

Для анализа использованы панельные данные по 83 субъектам РФ за три года, включающие зависимые переменные TFR и birth_rate, а также объясняющие переменные, такие как отношение социальных выплат к зарплате (benefit_to_salary_real), стоимость потребительской корзины (basket_cost_real), уровень браков (marriage_rate) и взаимодействие браков с жильем (marriage_housing_interaction). Методология исследования объединяет панельную регрессию с фиксированными эффектами и квантильную регрессию для квантилей 0.1, 0.25, 0.50, 0.75 и 0.9, что позволяет

учесть региональную гетерогенность и нелинейные эффекты переменных на рождаемость.

Результаты панельной регрессии демонстрируют значимый положительный эффект социальных выплат на рождаемость: увеличение доли выплат на 1% от средней зарплаты повышает TFR на 0.147–0.165 при уровне значимости $p < 0.01$. Однако нелинейность, выявленная через отрицательный коэффициент квадрата выплат (`benefit_to_salary_real_sq`, от -0.035 до -0.040, $p < 0.05$), указывает на снижение отдачи при их чрезмерном увеличении. Высокая стоимость потребительской корзины (`basket_cost_real`, от -0.026 до -0.029, $p < 0.05$) и взаимодействие браков с жильем (`marriage_housing_interaction`, от -0.036 до -0.042, $p < 0.05$) выступают значительными ограничителями рождаемости, подчеркивая влияние экономических барьеров. Уровень браков остается ключевым социальным фактором, увеличивая TFR на 0.152–0.170 ($p < 0.01$).

Квантильная регрессия выявляет гетерогенность эффектов в зависимости от уровня рождаемости. В регионах с высокой рождаемостью, таких как субъекты Северо-Кавказского федерального округа, социальные выплаты наиболее эффективны, повышая TFR на 0.188 ($p < 0.01$). В регионах с низкой рождаемостью, например Центрального федерального округа, эффект выплат существенно слабее (0.135, $p < 0.05$). Высокая стоимость корзины и жилищные ограничения снижают результативность финансовых стимулов, особенно в экономически неблагоприятных условиях. Нелинейность подтверждается на всех квантилях, указывая на оптимальный уровень выплат в диапазоне 20–30% от средней зарплаты, эквивалентный 32.4–48.5% от медианной.

Анализ подтверждает актуальность финансовых стимулов для повышения рождаемости даже в условиях пост-СВО, особенно в регионах с высокой рождаемостью, где социальные и культурные факторы усиливают их эффект. Однако рост стоимости жизни и жилищные барьеры существенно ограничивают эффективность выплат, что требует комплексного подхода к демографической политике. Временные эффекты, отраженные в отрицательных коэффициентах для 2023 и 2024 годов (от -0.069 до -0.103, $p < 0.05$), указывают на снижение рождаемости в эти годы, вероятно, из-за экономической нестабильности и инфляции.

На основе результатов предлагаются рекомендации для оптимизации демографической политики. Необходимо поддерживать социальные выплаты на уровне 20–30% от средней зарплаты, обеспечивая их адресность, особенно для многодетных семей, чтобы избежать снижения отдачи, выявленного нелинейным эффектом. Льготные ипотечные программы для молодых семей могут компенсировать негативное влияние стоимости жизни и жилья, особенно в регионах с низкой рождаемостью. Инвестиции в здравоохранение для снижения младенческой смертности (`infant_death_rate`, от -0.083 до -0.100, $p < 0.05$) и поддержка института брака усилят социальные драйверы рождаемости.

Здоровый образ жизни – решения для мультидисциплинарной команды медиков, психологов и педагогов

Ерофеева Любовь Владимировна, Тихомирова Елена Владиславовна,
Глухова Наталья Николаевна, Пысларь Елизавета Александровна,
Макарова Виктория Анатольевна
Негосударственное образовательное частное учреждение высшего
образования, «Московский университет «Синергия»
Москва, Россия, LVErofeeva@synergy.ru

Качество жизни населения, увеличение продолжительности жизни, активное долголетие и помощь старшего поколения молодым, счастливые семьи, здоровые отношения, рождение желанных детей, «воспитание уважением и добрым примером, а не наказанием», здоровое становление личности в социуме, безопасная среда, учет человеческого фактора при формировании культуры информационной гигиены, в том числе с использованием средств и практик медиаобразования, включая методы критического мышления, защиту от киберугроз [3] и религиозных деструктивных тоталитарных сект – эти и многие другие аспекты жизни людей все более становятся приоритетами для государства, общественных и профессиональных организаций в Российской Федерации.

Здоровосбережение, здоровый образ жизни, репродуктивное поведение, информированность, родители, дети, здоровые семейные отношения, медико-психолого-педагогические программы, готовность к семейным и брачным отношениям и ответственному родительству, пубертат, конфликтогенные факторы, медико-психологическая поддержка, интеграция образовательных и терапевтических процессов [1,2]. В Университете Синергия в 2023-2024 гг. стартовал проект, вовлекающий в процесс образования студентов мультидисциплинарную команду педагогов с медицинским, психологическим и педагогическим образованием, а также опытом работы в соответствующих областях и медицине [4,11,13].

Цель исследования заключается в том, чтобы с помощью анонимного анкетирования провести исследование основ знаний, навыков и мотивации при создании молодой семьи, дальнейшего ее развития и профессиональной поддержки. Был проведен анонимный онлайн-опрос 325 студентов-медиков и 110 родителей студентов по специально разработанной анкете. Статистическую обработку данных проводили с помощью пакета прикладных программ Microsoft Excel 2016 и Statistica 10.

Здоровосбережение и обучение детей здоровому образу жизни и сохраняющим здоровье технологиям начинается с обучения их родителей [4,5]. Информированность по вопросам здоровья и репродуктивного поведения у студентов хотя и высокая, но не всегда правильная, а у их родителей невысокая, и неправильная [7]. Связано это с отсутствием уже более 30 лет необходимых образовательных программ в школе и вузах.

Родителям неловко обсуждать эти темы со своими детьми, как в связи с недостатком необходимого объема базисных знаний, так и опыта общения с детьми по таким деликатным вопросам.

Залог счастливой семьи основан на принципах здоровых семейных отношений, которые включают в себя ценные уроки о том, как создать и поддерживать гармоничное семейное окружение с помощью психологов, более 60% опрошенных не имеют необходимых знаний в этой сфере [8]. В современном мире человек переживает множество различных стрессов, с которыми поколения разного возраста не могут справиться самостоятельно, и наше исследование подтверждает это в 80% ответов [9].

Отсутствие адекватной информации, и путей ее получения приводит к типичным проблемам: нежелательным беременностям, а отсутствие знаний о профилактике и защите от ИППП к самым сексуальным трансмиссивным инфекциям [11]. У молодых людей нет готовности к семейным, брачным отношениям и раннему родительству, сами беременности страшат молодежь из-за непонимания процессов, происходящих в организме будущей матери, боязни, что молодые родители не справятся с хлопотным делом воспитания малыша, и ухода за ним, 73% опрошенных подтверждают это [12,13].

Пубертат – это кризисный период в жизни ребенка, когда имеется физиологический высокий уровень недовольства собой и окружающими, склонность к конфликтности, неадекватное восприятие происходящих перемен в организме, замечания членов семьи, приводящие к скандалам; заикленность на своих проблемах и депрессия повышают уровень суицидальной готовности у подростков, ведет к увлечению потребления психоактивными веществами, к ранним половым связям и половой распущенности, такие проблемы заканчиваются потерями со стороны здоровья, включая бесплодие [11]. Практически 82,7% опрошенных отмечают происходящие перемены в их организме и усложнение взаимоотношений с близкими [6].

Создание медико-психологической поддержки необходимо всем семьям, поскольку в каждой семье бывают кризисные моменты, которые могут быть связаны, а могут и не являться следствием проблем со здоровьем. Разработанная программа позволила подготовившим ее специалистам донести информацию до целевой аудитории путем обучения очно и дистанционно ответить на насущные вопросы представителей семей индивидуально, и закрепить полученные знания в групповой работе.

В связи с полученными результатами в Университете Синергия в 2023-2024 гг. стартовал проект, вовлекающий в процесс образования студентов мультидисциплинарную команду педагогов с медицинским, психологическим и педагогическим образованием, а также опытом работы в соответствующих областях и медицине. Эти принципы должны быть объединены в единый комплекс, который должен внедряться в обучение с раннего детства и станет надежным опорным пунктом для каждого члена семьи [9,10]. Это приведет к пониманию того, что семья – это не только биологический союз, но и общество, основанное на любви, уважении и взаимопонимании. Внедрение медико-психолого-педагогической программы подготовки к семейной жизни позволят подготовить молодежь к появлению в

семье ребенка, к его воспитанию, к решению массы острых вопросов, возникающих по мере взросления, а также к профилактике незапланированной беременности, либо к последующему преодолению трудностей со здоровьем на пути к ее возникновению [11,13].

Список литературы:

1. Кузнецова И.В. Психологические аспекты семейных отношений в условиях цифровизации // Журнал психологии и педагогики, 2021. 12 (3), 45-58.
2. Смирнова А.Н. Образование и здоровье: роль родителей в формировании здорового образа жизни у детей // Вестник образования, 2021.9 (2), 22-30.
3. Петров В.С. Безопасность детей в цифровом пространстве: вызовы и решения // Информационные технологии в образовании, 2022.15(1), 10-20.
4. Иванова Т.А. Медико-психолого-педагогические программы: опыт и перспективы // научный вестник, 2021. 8 (4), 33-40.
5. Федорова Е.В. Проблемы репродуктивного здоровья молодежи: анализ и рекомендации // Здоровье и общество, 2022. 5 (1), 15-25.
6. Сидорова М.И. Психологическая поддержка подростков в кризисные периоды // Психология и жизнь, 2023. 11 (20, 50-60.
7. Лебедев А.П. Интеграция образовательных и медицинских подходов в подготовке молодежи к семейной жизни // Образование и здоровье, 2021. 7 (3), 40-48.
8. Григорьева Н.В. Кризисные моменты в семейных отношениях: пути решения // Семейная психология, 2022. 6 (1), 25-35.
9. Ковалев Д.А. Мониторинг и оценка результатов медико-психолого-педагогических программ // Научные исследования в образовании, 2023. 10 (2), 12-20.
10. Михайлова О.С. Командное взаимодействие специалистов в области психологии и образования // Педагогические исследования, 2021 – (4), 30-38.
11. Русанова Н.Е., Ерофеева Л.В. Репродуктивные решения в семье: аборт, контрацепция, ЭКО // Народонаселение. 2024. Том 27. №SI.C.120-131
12. Слезина А.В., Ерофеева Л.В. Репродуктивный потенциал страны: проблемы и пути их решения, В сборнике: Роль бизнеса в трансформации общества - 2024. сборник материалов XIX Международного конгресса (международной научно-практической конференции). Москва, 2024. С. 543-545
13. Галушник Э.В., Ерофеева Л.В. Изучение репродуктивных установок студентов-медиков // Молодежный инновационный вестник. 2024. Т. 13. № 2. С. 25-26.

Причины потерь репродуктивного потенциала среди московских женщин

Землянова Елена Валерьевна
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, zem_lena@mail.ru

Савина Анна Александровна
МИАЦ Московской области
Москва, Россия, medstatistika@mail.ru

В последние десятилетия вопросы репродуктивного здоровья и репродуктивного потенциала женщин приобретают особую актуальность на фоне неблагоприятной демографической динамики. В условиях снижения рождаемости и увеличения среднего возраста первых родов, анализ потерь репродуктивного потенциала женщин становится важнейшей задачей для системы здравоохранения страны. Настоящее исследование посвящено анализу потерь репродуктивного потенциала женщин в Москве, вызванных абортами, распространенностью бесплодия и изменением возраста при рождении первого ребенка. Женщины в современном обществе все чаще принимают решение о рождении первого ребенка в более позднем возрасте, что связано с рисками снижения фертильности и увеличения вероятности бесплодия. Целью настоящего исследования является анализ и прогнозная оценка потерь репродуктивного потенциала женщин в Москве за счет абортов, распространенности бесплодия и изменения возраста при рождении первого ребенка, а также выстраивание прогнозных моделей до 2030 г.

В статье использованы официальные данные Росстата и ЦНИИОИЗ Минздрава России. С использованием методов математического моделирования построены прогнозы динамики статистических показателей до 2030 г. Результаты показали, что на фоне роста общей численности населения Москвы, доля женщин в репродуктивных возрастах 15–49 лет ежегодно сокращается. Средний возраст женщин при рождении первого ребенка с каждым годом увеличивается. В целом по РФ рост отмечается показателя с 24,9 года в 2011 г. до 26,2 года в 2023 г., в Москве с 27,4 года в 2013 г. до 28,4 года в 2023 г. Обращает на себя внимание тот факт, что средний возраст женщин при рождении первого ребенка в столице на 2 года выше, чем средним по РФ.

По данным Минздрава России, распространенность бесплодия за период 2011–2023 гг. возросла на 30%, достигнув в 2023 году показателя 793,5 случаев на 100 тыс. женщин 15–49 лет. Еще более высокие темпы роста бесплодия в столице привели к тому, что к 2023 году показатель женского бесплодия в Москве достиг 757,8 случаев на 100 тыс. женщин репродуктивного возраста, что вплотную приблизилось к среднероссийским значениям.

Еще одним ключевым показателем для оценки репродуктивного потенциала является соотношение числа аборт на 100 родов. В целом по России за последние годы этот показатель снизился на 41%, достигнув в 2023 году уровня 37 абортов на 100 родов (соотношение 1:3). В Москве, однако, снижение составило всего лишь 17%, и в 2023 году данный показатель оставался на уровне 24 абортов на 100 родов (соотношение 1:4). На протяжении всего анализируемого периода в столице соотношение между родами и абортами оставалось практически неизменным, что свидетельствует о стагнации ситуации, а точнее – об отсутствии положительной динамики.

Заключение. Построенные прогнозы показали, что средний возраст женщин при рождении первого ребенка в столице, будучи на 2 года выше среднероссийского, к 2030 г. может возрасти до 29 лет. Также по данным прогноза в столице сохранится соотношение абортов и родов, и показатель будет колебаться в пределах 24-25 абортов на 100 родов. Согласно наиболее оптимистичному сценарию, показатель заболеваемости бесплодием к 2030 году может вырасти еще на треть. Это требует внедрения программ, направленных на сохранение репродуктивного здоровья женщин, включая глубокую оценку репродуктивного здоровья столичных женщин 15-49 лет в рамках диспансеризации.

Факторы возвратной миграции молодежи на сельские территории российских регионов

Имангулов Линар Рамилевич

Научный центр изучения проблем сельских территорий
Университета Вернадского, МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия, linar.imangulov.1999@mail.ru

Общая потребность агропромышленного комплекса в кадрах в 2024 г., по различным оценкам, составляет не менее 200 тыс. чел. Текущий дефицит кадров в производственном секторе сельской местности связан с высоким миграционным оттоком молодого сельского населения репродуктивных возрастов, переезжающего в крупные городские агломерации и региональные центры страны. Оценка масштабов миграционной подвижности сельской молодежи имеет методические сложности, обусловленные ограниченностью доступных статистических данных о миграционном движении населения и ненадлежащим качеством учёта части передвижений (например, из-за автоматического возврата в сельскую местность выбывших после окончания обучения – [2]).

Существующие оценки миграции российской молодежи ограничиваются количественным анализом миграционной статистики и половозрастной структуры населения в рамках отдельных макрорегионов (например, в Центральной России – [1], Сибири – [3]), либо единичными социологическими обследованиями молодежи (например, [4]). В современных

исследованиях объект исследования – молодежь – редко разделяется по месту жительства на городские территории и сельскую местность. Согласно существующим оценкам [2], более половины российской молодежи мигрирует из сельской местности в города для получения среднего профессионального или высшего образования. Однако лишь малая часть из них возвращается обратно в сельскую местность. Феномен возвратной миграции традиционно изучается при анализе миграционного обмена на международном уровне в рамках глобальных перетоков рабочей силы. Применительно к российской сельской местности исследование возвратной миграции ограничивается изучением миграции горожан в сельскую местность (например, фрилансеров, дауншифтеров, дачников). При этом практически игнорируются сюжеты возвратной миграции самих сельских жителей, относительно недавно мигрировавших в города для получения образования.

В связи с этим целью исследования является выявление и оценка факторов возвратной миграции молодежи на сельские территории российских регионов.

Для оценки масштабов миграционного оттока сельской молодежи в постсоветский период был использован метод возрастного сдвига для двух поколений, родившихся в 1989–1993 и 1998–2002 гг. На основе сопоставления данных численности учащихся сельских школ была рассчитана доля учащихся, перешедших из 9 в 10 класс. Сопоставление перечисленных выше показателей позволило определить наиболее типичные регионы для экспедиционного обследования миграционной ситуации в сельских районах: Республика Дагестан, Республика Северная Осетия-Алания, Краснодарский край и Тамбовская область. Для оценки масштабов и выявления факторов возвратной миграции сельской молодежи были применены следующие качественные методы: анкетирование, метод глубинного и экспертного интервью с учащимися, их родителями, представителями администраций сельских поселений, муниципалитетов и общеобразовательных учреждений. В анкетировании приняло участие 108 человек, всего было опрошено 42 эксперта и 27 родителей учащихся.

18,1% сельских жителей России (0,3 млн чел.), рожденных в 1998–2002 гг., покинули сельскую местность после окончания школы. Различия с предыдущим поколением, представители которого родились в 1989–1993 гг., незначительны (17,5% против 18,1%), что свидетельствует о долгосрочном сохранении доли выбытия сельской молодежи из сельской местности. К 27-31 годам, согласно данным переписей населения, доля выбытия сельской молодежи составила 23,4% (0,8 млн чел.).

Экспедиционное обследование сельских районов в европейской части страны показало занижение официальной демографической статистикой показателя. Причины – сохранение постоянной регистрации в сельской местности у части сельских жителей после их реального выбытия из сельской местности и концентрация сельской молодежи в пригородных зонах крупных городов. Наиболее распространенной стратегией для большинства учащихся в сельской местности по-прежнему остается поступление в учреждения среднего профессионального образования после получения

девятилетнего основного общего образования (64,5%). На тех, кто переходит в 10 класс приходится только 35,5% учащихся (2024 г.).

Регионы и муниципальные образования имеют разное соотношение факторов, притягивающих и выталкивающих сельскую молодежь. В Краснодарском крае сравнительно высокая доля возвратной миграции сельской молодежи (от 30 до 80%) обусловлена совокупностью факторов, связанных с крупноселенным расселением и высокой плотностью освоения региона. В Северной Осетии и Дагестане с повышенной долей возвратной миграции сельской молодежи к обозначенным выше факторам добавляется социальный фактор, под которым подразумевается высокая для сельской молодежи ценность родственных и семейных связей. В Тамбовской области не обнаружено значимых притягивающих факторов для миграции и жизни в сельской местности, что отражается на низкой доле возвратной миграции сельской молодежи (менее 15%).

Список литературы:

1. Kashnitsky I. Russian periphery is dying in movement: a cohort assessment of internal youth migration in Central Russia // Geo Journal, 2020. – № 1. P. 173–185.
2. Кашницкий И. С., Мкртчян Н. В., Лешуков О. В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования, 2016. – № 3. С. 169–203.
3. Миграция сельского населения / Под ред. чл.-корр. АН СССР Т.И. Заславской. – Москва: Мысль, 1970. 312.
4. Флоринская Ю.Ф. Выпускники школ из малых городов России: образовательные и миграционные стратегии // Проблемы прогнозирования, 2017. – № 1. С. 114–125.

Трудовая иммиграция в новых реалиях развития России

Красинец Евгений Семенович
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, krasinets@mail.ru

Иностранный труд стал значительным явлением в экономике современной России. Трудовая иммиграция представляет собой массовый и активно развивающийся миграционный процесс. В последнее время обсуждение вопросов о необходимости расширения привлечения международных мигрантов на российский рынок труда стало особенно актуальным. Каковы особенности трудовой иммиграции в современном развитии России? Как могут и должны меняться механизмы использования трудящихся-мигрантов в условиях кадрового дефицита и сокращения

трудоспособного населения, особенно в молодых возрастах? В данной работе делается акцент на рассмотрении этих вопросов.

При анализе тенденций международной трудовой миграции ключевое значение имеет тезис о том, что среди факторов, её определяющих, важнейшее место занимает функционирование рынка труда. В условиях усиления негативных демографических тенденций и сдвигов возрастной структуры населения объёмы предложения рабочей силы на рынке труда России существенно снизились. Одновременно с демографическим спадом стала набирать силу тенденция роста спроса на рабочую силу. В последние годы спрос на труд заметно возрос во многих секторах экономики, прежде всего в строительстве, промышленности и сельском хозяйстве.

Увеличение разрыва между спросом и предложением на рынке труда ведёт к росту недостатка рабочей силы. Приведенные специалистами Института экономики РАН расчеты показывают, что в 2023 году на российском рынке труда не хватало порядка 4,8 млн работников [1, с. 22]. К 2025 году дефицит рабочей силы обострился и стал одной из наиболее серьезных вызовов, с которой столкнулась российская экономика за последние несколько десятилетий.

Превышение спроса на рабочую силу над её предложением в значительной мере определяет долговременный восходящий тренд трудовой иммиграции в Россию. По данным официальной статистики, в период 2010–2022 годов среднегодовая численность международных трудовых мигрантов увеличилась в стране на 1,5 млн человек, или в 1,8 раза. Значительно выросли масштабы трудовой иммиграции в последние годы. В 2023 году въезд в Россию иностранных граждан с целью «работа» в сравнении с 2020 годом увеличился в 4 раза.

Экономические и социальные последствия трудовой иммиграции неоднозначны и характеризуются как положительными, так и отрицательными эффектами. К числу положительных последствий относится улучшение ситуации на рынке труда. В результате притока иностранных работников выполняются естественные потери трудовых ресурсов, растёт трудовой потенциал экономики, компенсируется недостаток рабочей силы и улучшение сбалансированности рынка труда.

Негативные эффекты проявляются прежде всего в замедлении улучшения качественных характеристик формирования и воспроизводства трудового потенциала. Использование работодателями дешёвой иностранной рабочей силы ставит преграды для роста эффективности и производительности труда. Сложившаяся структура занятости малоквалифицированной рабочей силы из-за рубежа сдерживает внедрение новой техники и передовых технологий. Стихийный приток основной массы трудовых мигрантов является главным препятствием для инновационного развития российской экономики [2, с. 93].

Отрицательные последствия трудовой иммиграции проявляются и в увеличении ее конфликтного потенциала. Концентрация большого количества иностранных трудовых мигрантов на отдельных территориях меняет этнический облик местного населения, приводит к нарушению этнокультурного и этноконфессионального баланса, способствует

формированию закрытых этнических общин и устойчивых замкнутых мигрантских анклавов, где российские законы не соблюдаются в полной мере. Минусы в привлечении внешних трудовых мигрантов определяются ещё и тем, что занятость мигрантов в значительной мере встраивается в неформальные и теневые сектора экономики.

Развитие российской экономики и рост спроса на труд требуют принятия комплекса дополнительных мер по регулированию привлечения и использования рабочей силы из-за рубежа. Необходимо практическое решения таких вопросов, как создание эффективных механизмов контроля за трудовой иммиграцией, введение цифровых паспортов для трудящихся-мигрантов, совершенствование организованного набора иностранных работников и сокращение масштабов теневого использования иностранной рабочей силы.

В области регулирования рынка иностранной рабочей силы необходимо продвигать концепцию селективной миграционной политики [3, с. 863]. Уже в ближайшие годы должно быть усилено внимание к мерам, направленным на разработку юридических норм, которые поощряют въезд нужных трудовых мигрантов и ограничивают доступ на отечественный рынок труда тех, в ком нет нужды.

Особого рассмотрения заслуживает проблема привлечения таких категорий иностранных работников, использование которых не будет превращаться «в источник социально-политической напряженности, диаспоральной разобщенности и открытой сегрегации со всеми ее прелестями» [4, с. 140]. Существенное значение при этом имеет упрощение процедур привлечения квалифицированных трудящихся-мигрантов по профессиям, востребованным на рынке труда, введение виз для высококвалифицированных иностранных специалистов, заключение новых соглашений об организованном наборе рабочей силы, а также установление балльной системы оценок отбора мигрантов для получения ими вида на жительство.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00302, <https://rscf.ru/project/25-28-00302/>.

Список литературы:

1. Ахапкин Н.Ю. Российская экономика в условиях санкционных ограничений: динамика и структурные изменения // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2023. — № 6. — С. 7–25.
2. Седлов А.П. Реиммиграция как императив реформирования рынка труда иностранной рабочей силы // Сбережения населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни: материалы Международной научно-практической конференции V Римашевские чтения (Москва, 29 марта 2022 г.) / Отв. ред. В.В. Локосов, В.Г. Доброхлеб, М.В. Беликова; ФНИСЦ РАН. — Москва: ФНИСЦ РАН. — 2022. — С. 91–94.

3. Топилин А.В. Демографическая ситуация и особенности формирования трудовых ресурсов в России / А.В Топилин, О.Д. Воробьева // Вестник Российской академии наук. – 2021. – Т. 91. – № 9. – С. 856-864.
4. Комаровский В.В. Концепция миграционной политики и трудовая миграция: что можно или нужно сделать? // Общественные науки и современность. – 2019. – № 5. – С. 132-141.

Установки молодежи на распределение домашних обязанностей

Крошилин Сергей Викторович
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, krosh_sergey@mail.ru

В современных социально-экономических условиях и сложившейся демографической ситуации в стране особое значение приобретает анализ существующих брачно-семейных отношений в семье. Как показывают многочисленные исследования [1, 2], несмотря на развитие в нашем обществе «свободных отношений» [3], наличие / отсутствие «зарегистрированного» брака напрямую влияет на принятии решения о рождении детей. Однако достаточно важной проблемой остается и распределение обязанностей в семье [4]. Современное поколение очень дорожит своей «свободой» в повседневной жизни и «связывать» себя определенными обязательствами не торопится. Молодые мужчины, как правило, заинтересованы в развитии собственной карьеры, достижении успешности [5], формируемой и ассоциируемой с достижением определенного уровня дохода. Женщины, в большинстве при наличии брака сталкиваются с так называемым «стеклянным потоком» [2], когда семья может «мешать» развитию карьеры, так как возникает двойная занятость [1, 4] и «рутинные» домашние дела и обязанности отнимают все свободное время. Именно поэтому современная молодежь наличие обязательств (вступление в брак, создание семье) воспринимает как дополнительное препятствие для самореализации. Однако следует заметить, что в последнее время удалось «переломить» ситуацию и семейные ценности «возвращаются» в наше общество, а молодежь пересматривает свои установки даже в вопросе количества рождаемых детей [6, 7, 8]. Ключевым моментом (при наличии еще множества других факторов) остается распределение «домашних обязанностей» без которых невозможно совместное проживание двух индивидов «на одной территории» и создание ячейки общества. Остается открытым и «вечным» вопрос «Кто дома главный?».

По результатам последних социологических опросов 2/3 молодежи считают, что необходимо равномерное распределение всех домашних обязанностей [7], причем независимо от того работает партнер или нет. 17% молодых людей считают, что основные домашние обязанности – это в большей

степени задача женщины, а мужчина иногда может помогать ей в этом. Согласно исследованиям ВЦИОМ [9] оба супруга должны вносить вклад в решение бытовых задач и совместно решать все возникающие вопросы в семье. К совместным обязанностям опрошенные отнесли зарабатывание денег (47%), заботу о детях и их воспитание (49%), а также 47% указали на совместное ведение домашнего хозяйства. Однако 18% россиян до сих пор считают, что содержать семью должен мужчина. К «чисто» женским задачам было отнесено «воспитание детей» (17%) и «ведение домашнего хозяйства» (21%). Согласно исследованиям ВЦИОМ «вечный» вопрос «Кто дома главный?» находит у 70% россиян следующий ответ – «в семье не должно быть главы» [9].

Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашиевской ФНИСЦ РАН на протяжении многих лет занимается проблемами брачно-семейных отношений и проводит регулярные исследования в данном направлении, в т.ч. среди молодежи. Приведем результаты исследований, проведенных по оригинальной методике [3, 6] в 2017 и 2024 гг. География исследования охватывала юго-восток Московской области и граничащие с ней районы ЦФО.

Согласно исследованиям ИСЭПН 69% респондентов опрошенных в 2024 году выступают за равноправие в семье, в 2017 году таких было 54,6%. Заметим, что сократилось число и тех, кто считает, что главным должен быть мужчина с 42% в 2017 г. до 27,4% в 2024 г., а выступающих за «матриархат» количество ответов осталось неизменным на уровне 3,5%. Основной доход в семье должен приносить мужчина. Так считают 59,1% опрошенных в 2024 г. (в 2017 г. таких было больше на 8,3 п.п.). Больше стало тех, кто за равноправие в данном вопросе – 38,3% в 2024 г. против 20,6% в 2017г.

Таким образом исследования за последние года фиксируют снижение в два раза «консервативного» взгляда на основной семейный вопрос и на первый план выходит «консенсусная» модель. Строгое распределение домашних обязанностей уходит на второй план и все больше российских семей выступают за равноправие в распределение семейных обязанностей. Выявленный тренд однозначно способствует «регистрации» брака (созданию новых семей), что в конечном итоге должно положительно сказаться на демографической ситуации в России.

Список литературы:

1. Римашиевская Н., Ванной Д., Малышева М. и др. Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году. М.: Academia, 1999. 272 с.
2. Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире: коллективная монография / ИСЭПН РАН. Том 2. М.: Экономическое образование, 2018. 216 с. DOI: 10.26653/2017/978-5-7425-0189-3.
3. Медведева Е.И., Крошилин С.В. Специфика брачно-семейных отношений молодежи Подмосковья // Проблемы развития территории. 2018. № 2(94). С. 120–140. DOI: 10.15838/ptd/2018.2.94.8.

4. Клецин А.А. Распределение домашних обязанностей между супругами: факты, проблемы, интерпретации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т.6, №2. С.120-136.
5. Крошилин С.В., Медведева Е.И. Семья как фактор достижения успешности в модели оценки удовлетворённости качеством жизни // Региональные проблемы преобразования экономики. 2024. № 5(163). С. 176-185. DOI 10.26726/1812-7096-2024-5-176-185..
6. Медведева Е.И., Крошилин С.В. Семейные паттерны в достижении показателей эффективности деятельности руководителей субъектов РФ // Народонаселение. 2025. Т. 28. № 2. С.16-28. DOI:10.24412/1561-7785-2025-2-16-28.
7. Данкова В.В. Семейные и репродуктивные установки молодежи Москвы: анализ результатов социологического исследования // Социология. 2023. № 2. С. 25-35.
8. Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Современная Российская семья: кризис или эволюция // Социальное пространство. 2024. Т.10. №2. DOI:10.15838/sa.2024.2.42.2.
9. Кто в доме хозяин? (05.06.2023) [электронный ресурс] / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kto-v-dome-khozjain> (дата обращения: 20.05.2025).

Особенности развития человеческого потенциала регрессивного региона (на примере Рязанской области)

Михайлов Кирилл Михайлович
Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия, mikhailovkirill2016@yandex.ru

Население и трудовые ресурсы являются важнейшими компонентами (подсистемами) региональной общественной системы [1]. Устойчивое развитие системы – это способы сохранения или развития её основных качеств [2]. Если качества системы ухудшаются, то такое развитие является деградацией [2]. Деградация населения за длительное время обуславливает регрессирующий тип воспроизводства населения. Под этим типом понимается тип суженного воспроизводства населения, для которого характерна постоянная естественная убыль. Население Рязанской области в РФ является исключительно регрессивным регионом. Достаточно отметить, что этот регион по естественной убыли населения занимает в последние годы первое или одно из первых мест в стране. В сложной системе населения мы выделяем естественно-воспроизводственную, миграционную, социальную подсистемы [3]. Ведущей для устойчивого развития является система

естественного воспроизводства населения, которая определяет демографический и трудовой потенциалы региона [4]. При этом трудовой потенциал формируется с некоторым опозданием от режимов воспроизводства населения, что обусловлено спецификой возрастной структуры населения и социальными факторами. Уже в начале 2000-х годов Рязанская область относилась к неблагоприятному типу демографического развития областей ЦФО [4]. За все постсоветские годы Рязанская область с отрицательной динамикой населения (80,09% за 2023-1990 гг.) занимала последнее (худшее) место в группе с относительно неблагоприятной динамикой населения. Сейчас естественно-демографическая ситуация еще больше деградирует. В 2021 году в регионе разразилась настоящая демографическая катастрофа (первое место в РФ по естественной убыли населения). При этом основой демографических процессов является рождаемость. Она в Рязанской области является одной из худших в ЦФО и стране.

Например, хуже показатели рождаемости среди регионов России в 2024 году наблюдались только в Республике Мордовия (5,5%), Смоленской и Ленинградской (5,8%) областях. Регрессивность населения региона растет. В 2020 г. Рязанская область занимала 76 место по показателю рождаемости, а в 2021 г. уже 80 место, по смертности соответственно - 79 место и 84 место (из 85 регионов) [4,5]. Демографические тенденции многих последних лет, а не только последнего десятилетия негативно повлияли на воспроизводственный потенциал населения Рязанской области. Более низкая рождаемость и высокая смертность характерны для региона все последние десятилетия, что обусловило значительную убыль жителей. По данным Рязанского статистического ежегодника на начало 2024 года в Рязанской области проживало 1082 тыс. человек, а на 2011 год население составляло 1152 тыс. чел, за 13 лет население сократилось на 70 тыс. человек, или на 6,0%. При этом сокращается как городское (772290 чел. в 2024 г.), так и сельское (309941 чел.) население. Темпы сокращения сельского населения в 2,5 раза выше, чем городского. Поэтому доля горожан немного выросла: с 70,9% в 2010 до 71,4% в 2024. Можно было бы назвать этот процесс «относительной урбанизацией» - рост доли горожан без роста численности жителей городов. Но в реальности мы имеем дело с «деурбанизацией», а в сельской местности с демографическим «опустыниванием».

Существуют четкие общие закономерности естественно-воспроизводственных процессов на уровне Рязанской области, ЦФО и РФ. При этом также заметен более быстрый рост регрессивности демографических процессов в Рязанской области, несмотря на частичное улучшение показателей воспроизводства на фазе некоторого улучшения в рамках фертильного цикла. Поэтому после 2005 года действовала тенденция на уменьшение убыли населения - вплоть до 2018 г. [6, с. 106]. Образование цикла обусловлено падением рождаемости в 90 -е гг. после роста в 80-х гг. Эхо войны уже никак не сказывается не только на рождаемости, но даже в формировании трудового потенциала. Особняком стоит 2021 год (пандемия). Избыточная численность умерших выросла за 2021 г. на 4213 чел. - с 19800 чел.

в 2020 г. (17,9‰) до 24013 чел. в 2021 г. (22,0‰) [6, с. 107]. В РФ соответственно 14,5 и 16,8‰.

В возрастной структуре населения Рязанской области, как и России, наблюдается сокращение трудоспособного населения даже с учетом небольшого увеличения населения младше трудоспособного возраста из-за роста рождаемости в начале 21 века и повышения пенсионного возраста. В Рязанской области за 2010–2024 гг. немного лучше по известным причинам (рост рождаемости) стала ситуация с населением в молодом возрасте, но, несмотря на пенсионную реформу, доля людей в возрасте старше трудоспособного даже выросла. Надо отметить, что все показатели возрастной структуры населения были намного хуже, чем по стране (на начало 2024 г. 58%, 23,6% и 18,4%), в ЦФО соответственно – 57,8%, 25,7%, 16,5%. В ряде МР региона низкий трудовой потенциал не позволяет создавать предприятия (нет трудовых ресурсов) и рыночную инфраструктуру (невыгодно), что снижает возможности развития территорий.

Численность населения в возрасте моложе трудоспособного в ряде наиболее регрессивных районов примерно в три раза меньше численности населения пенсионного возраста, а женщины старше 60 лет составляют почти половину всего женского населения района (это является и социальной катастрофой). Женщин наиболее активного фертильного возраста (20–29 лет) в этих районах меньше, чем женщин возраста 45–49 лет. В целом же фертильный потенциал региона очень пожилой. Так, численность женщин в трех младших возрастных группах фертильного потенциала региона (15–29 лет) меньше численности женщин в возрасте 35–49 лет в 1,81 раза. Отсюда и низкая рождаемость в Рязанской области в последние годы.

Можно констатировать, что воспроизводственные процессы Рязанской области негативно влияют на демографический и трудовой потенциалы региона, которые постоянно сокращаются. Несмотря на повышение пенсионного возраста в перспективе ожидается, при соответствующих демографических тенденциях, повышение доли населения в возрасте старше 60 лет на фоне снижения общей численности жителей, молодежи и трудовых ресурсов. Эту проблему можно решить только повышением возраста выхода на пенсию женщин, поскольку ожидаемая продолжительность жизни у мужчин в области около 65 лет.

В настоящее время потенциал саморазвития демографической системы региона при сохранении современных тенденций не способен обеспечить естественное воспроизводство населения Рязанской области. Поэтому необходимо оптимальное управление социально-экономическими, процессами за счет эффективного использования трудовых ресурсов в наиболее эффективных отраслях, секторах и предприятиях.

Список литературы:

1. Крупко, А.Э. Теоретические аспекты изучения территориальной организации населения и расселения / А.Э. Крупко // Вестник

- Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. – 2002. – № 1. – С. 65–69.
2. Крупко, А.Э. Теоретические и методологические аспекты исследования устойчивого развития общественных систем/ А.Э. Крупко// ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2015. № 8. С. 27–32.
 3. Деревягина, М. В. Трансформация воспроизводственных процессов населения Воронежской области и влияние на них демографической политики / М. В. Деревягина // ФЭС: Финансы. Экономика. – 2020. – Т. 17. – № 10. – С. 37–47.
 4. Крупко, А. Э. Естественное воспроизводство населения Рязанской области за предыдущее десятилетие и устойчивое развитие региона / А. Э. Крупко, К. М. Михайлов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. – 2022. – № 4. – С. 50–60.
 5. Михайлов, К.М. Проблемы рождаемости населения как фактор устойчивого развития России / К. М. Михайлов // Региональные социально-экономико-географические исследования: Сборник научных статей. – Воронеж: Цифровая полиграфия, 2023. – С. 105–112.
 6. Михайлов, К.М. Новейшие тенденции развития населения России и устойчивое развитие страны / К. М. Михайлов, А. Э. Крупко // Региональные эколого-географические и туристско-рекреационные исследования: Сборник научных статей. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2023. – С. 145–153.

Общественный договор как форма управления рождаемостью

Пивоваров Александр Михайлович

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия, a-pivovarov@mail.ru

Тема управления биологическими параметрами жизни общества, в том числе рождаемостью в социальных науках была ярко концептуализирована Мишелем Фуко с помощью понятия «биополитики», обозначающего регулирование процессов, происходящих на уровне свойств социального тела населения [1, 256 – 265].

Биополитическая деятельность государств 20 века в том числе в нашей стране прошла определенный путь в развитии подходов к управлению репродуктивностью своего населения. Эти методы условно можно расположить на воображаемом континууме между «полюсом принуждения» и «полюсом убеждения».

Проблема фуколдиданского подхода к пониманию природы власти состоит в том, что в его рамках слово «государство», как и слово «народ» является своего рода абстракцией. Государство, ни тем более народ не

являются источниками власти. Вместо слов «народ» или «нация», Фуко говорит о «населении», репрезентированном в форме сведений о себе и являющимся объектом вмешательства и регулирования.

Мы же хотим обратить внимание на совсем иную традицию в политической философии, а именно к теории общественного договора, предлагающей видеть сущность власти в легитимирующем ее и государство добровольном согласии народа подчиняться и делегировании прав.

На наш взгляд, весь спектр мер семейной и демографической политики может оказывать значительно более существенное воздействие на динамику рождаемости, став элементом формирования широкого общественного согласия по поводу поддержания рождаемости на уровне не ниже простого воспроизведения численности населения, т.е. на ориентацию семей на рождения более двух детей.

Возникновение такого общественного согласия представляется возможным в качестве составляющей нового общественного договора, представляющего собою «социальный контракт между народом и государством, который носит характер открытого и в значительной степени латентного соглашения по поводу существующего и будущего жизнеустройства его участников» [2,12-13].

Латентность общественного договора обусловлена тем, что для его эффективности имеет значение не столько практическое участие населения в управлении государством, сколько наличие взаимного «доверия, согласия, стремления построить «общую судьбу» [3, 170] у двух основных субъектов – народа и политической власти.

Социальное управление прокреативным поведением основывается на том обстоятельстве, что прокреативный выбор, как правило «остаётся согласованным с интересами общества как целого и не ставит под угрозу воспроизводство населения и сохранения долговременного демографического равновесия» [4, 190-191]. Если этого не происходит, как в случае нашей страны, то можно предположить, что существует системная проблема функционирования общества. Одним из способов динамической регуляции «системных настроек» является изменение общественного договора, определяющего характер отношений и уровень доверия между гражданами и государством.

Список литературы:

1. Фуко М. (2005) Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. – СПб.: Наука. – 312 с.
2. Тощенко Ж.Т. (2023а) Общественный договор как ноумен: опыт социологического осмысления. Социологические исследования № 6, С. 12–13.
3. Тощенко Ж.Т. (2023б) Общественный договор в российском исполнении: реальность и уроки // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». № 3. Ч. 2. С. 168–183.

4. Вишневский А.Г. (2019) Демографическая история и демографическая теория. М.: Издательский дом ВШЭ.

Демографическая политика в современный период: проблемы и перспективы

Письменная Елена Евгеньевна
ИДИ ФНИСЦ РАН, РЭУ имени Г.В. Плеханова
Москва, Россия, nikitar@list.ru

Демография — это научная область, которая занимается статистическим изучением численности и структуры человеческих популяций. Таким образом, это анализ данных переписей и обследований и последующее использование статистических моделей для оценки численности, динамики и структуры популяций. Демография по своей природе является междисциплинарной областью, которая делает упор на тщательный анализ данных с использованием определенных математических методов, дополненных теорией, которая часто ассоциируется с социологией, статистикой, антропологией, экономикой и общественным здравоохранением, среди прочих.

Демографические данные являются основой для многих областей человеческой деятельности, поскольку оценки и прогнозы численности населения играют ключевую роль в оценке и планировании многих секторов, от анализа рынка труда, планирование территориального развития, планирование школ, социальных и медицинских учреждений, экологическое планирование и распределение государственных и частных средств. Изменения в возрастной структуре и этническом составе в нашей стране, ее регионах, несомненно, окажут влияние на общественное здоровье и системы здравоохранения в целом. Это поднимает вопросы об устойчивости и о том, насколько адекватно в регионах России готовятся к развивающимся демографическим и этническим изменениям.

Несомненно, самая важная демографическая сила первой половины XXI века в Европе и Российской Федерации — это старение населения. Это долгосрочная тенденция, которая началась в Европе несколько десятилетий назад. В результате снижения рождаемости и резкого улучшения показателей смертности наше население стареет, что отражается в общей численности населения растущей долей пожилых людей и в то же время уменьшающейся долей людей трудоспособного возраста.

Почти во всех регионах нашей страны прошедшие 30 лет наблюдалось устойчивое снижение рождаемости и последующее старение населения. Более низкая рождаемость означает не только меньшее количество братьев и сестер, но и более высокий риск бездетности, что само по себе снижает потенциал семейных сетей для оказания социальной, психологической и экономической поддержки. Исследования показывают, что

в регионах с самой низкой рождаемостью уровень бездетности умеренный и постоянный, поскольку женщины хотят иметь хотя бы одного ребенка, но откладывают это дольше, чем в прошлом. Весьма вероятно, что низкая рождаемость сохранится в ближайшие десятилетия и окажет большое влияние на возрастную структуру населения и системы здравоохранения и социальной помощи во всех развитых странах, включая Российскую Федерацию. Понимание того, как возрастная структура будет развиваться в будущем, будет иметь основополагающее значение для понимания потребностей стареющего общества в здравоохранении.

Так называемый метод когорт-компонентов, с помощью которого моделируется будущее развитие возрастного состава исходной популяции, стандартно использовался со времен Второй мировой войны для создания демографических прогнозов. Взаимно непересекающиеся возрастные группы – часто дифференцированные по полу – называются когортами, и, объединяя их, можно получить общую исследуемую популяцию. Их часто называют компонентами, посредством которых численность и структура населения изменяются с течением времени. Чаще всего можно встретить прогнозы, использующие три компонента одновременно:

1. Оценка частоты рождений (прирост населения – рождаемость);
2. Оценка частоты смертей (убыль населения – смертность);
3. Оценка миграции (сочетание прироста и убыли населения).

Хотя показатели рождаемости и смертности составляют основную часть изменения численности населения, оценка вклада миграции, как правило, более сложна, чем оценка двух предыдущих компонентов. Причина в том, что миграция использует несколько каналов для въезда и выезда населения (например, легальная и нелегальная миграция) и напрямую зависит от политики и других проблем региона, население которого изучается.

При обработке прогноза первоначально проводится анализ текущего уровня указанных компонентов (например, анализ текущего уровня рождаемости), результат которого поступает в модель в качестве начального состояния. Каждый из компонентов продолжает претерпевать изменения с течением времени – этот эффект достигается с помощью статистических инструментов, которые на основе прошлого развития компонентов формулируют гипотезы об их будущем развитии. Для более достоверного результата прогноза таких гипотез обычно несколько, и они описывают несколько возможных сценариев (вариантов) будущего развития – например, сценарии с низкой, средней и высокой рождаемостью в популяции.

Основной вклад демографии в политику здравоохранения и планирование потребностей в медицинской помощи, несомненно, заключается в изучении динамики населения в виде детерминант рождаемости, смертности и миграции, что позволяет количественно оценить будущую частоту населения в отдельных возрастных категориях как в общем, так и в региональном плане. В результате прогнозируемого старения населения можно ожидать значительных воздействий на систему здравоохранения, поскольку характеристики, как заболеваемость,

использование медицинской помощи и связанные с этим расходы зависят от возраста.

Важность перспективного планирования в здравоохранении еще больше, поскольку любое крупное изменение в структуре предоставляемой медицинской помощи, образование и подготовка медицинского персонала, а также трансформация медицинских учреждений требуют времени.

Демографические прогнозы также играют важную роль в планировании потребностей в здравоохранении на региональном уровне. Мы уже наблюдаем региональное неравенство в структуре и доступности здравоохранения, в то время как демографические изменения могут углубить это неравенство. Стабильность прогнозируемых значений на уровне населения не означает, что на уровне отдельных регионов не происходит никаких изменений в частоте и возрастной структуре региональных популяций. Примером, который демонстрирует данная методология, является миграция жителей России из регионов в столицу Москву, что приведет к изменению потребностей в здравоохранении как в регионах, из которых будут уезжать жители, так и в Москве.

Методологически региональные прогнозы отличаются от прогнозов на уровне населения, что обусловлено в первую очередь числом моделируемых субъектов, или жителей. На региональном уровне, особенно на уровне муниципальных округов, сложные подходы моделирования могут быть неуместны, поскольку мы работаем с численностью населения на порядок ниже, чем на уровне регионов и всей Российской Федерации. Это касается в первую очередь ситуаций, когда мы учитываем пол и отдельные возрастные группы, которые, однако, являются ключевыми в случае использования демографических прогнозов при моделировании потребностей в здравоохранении.

Детерминанты отношения к мигрантам современной российской молодежи

Прохода Владимир Анатольевич
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Финансовый университет при Правительстве РФ
Москва, Россия, prochoda@mail.ru

Необходимость российской экономики в мигрантах признается и неоднократно озвучивалась на официальном уровне [1]. Складывающаяся в стране демографическая ситуация, характеризуется сокращением численности населения, снижением рождаемости, изменением возрастной структуры, что актуализирует необходимость компенсаторной миграции. Однако массовый приток мигрантов, особенно нелегальных связан с рядом рисков и в существенной степени воспринимается представителями принимающего сообщества как угроза собственной безопасности. Последнее

находит отражение в общественных настроениях, приводит к росту социальной напряженности, усилению государственного контроля в миграционной сфере. В научной литературе отмечается, что наиболее острые конфликтные проявления наблюдаются в молодежной среде [2: с. 275]. В то же время успешность адаптации и интеграции мигрантов во многом предопределяется установками коренного населения [3, 4]. В таком контексте представляется полезным выявление факторов отношения к мигрантам современной российской молодежи.

Эмпирической базой публикации послужили некоторые результаты Российского социального исследования (РСИ), проведенного по программе Европейского социального исследования (ESS) в 2021г. Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ). Сбора первичной социологической информации осуществлялся методом личного интервью ($n = 2070$). Случайная выборка репрезентирует мнение населения страны в возрасте старше 15 лет и старше. Под молодежью в публикации понимаются респонденты в возрасте от 15 до 35 лет включительно ($n = 749$). Использована процедура взвешивания (постстратификационный вес).

Для выявления отношения молодежи к мигрантам проводился факторный анализ (метод главных компонент, решение без вращения, $KMO = 0,74$, объясненная дисперсия – 80,3%) с использованием переменных, характеризующих оценку влияния миграции на национальную экономику, культуру и жизнь в стране в целом. В результате рассчитывался интегративный показатель с условным названием «отношение к мигрантам», минимальное значение которого означает негативное отношение, а максимальное – позитивное. Можно констатировать наличие значимых различий (t -тест, $p < 0,001$) в установках молодых россиян и представителей старших возрастов. В целом российская молодежь более благоприятнее других возрастных групп относится к мигрантам. Однако по сравнению со сверстниками отношение молодых россиян негативней (ANOVA, Games Howell, $p < 0,01$) чем в большинстве ($n = 21$) европейских стран. Значимые различия в установках молодежи не выявлены при сравнении России с Венгрией, Грецией, Израилем, Республикой Кипр, Сербией, Словакией, Словенией, Чехией, Северной Македонией, именно в этих странах выявлены самые низкие значения «отношения к мигрантам» в Европе. Наиболее благоприятное «отношение к мигрантам» фиксируется в Великобритании, Исландии, Ирландии, Швейцарии, что позволяет характеризовать ситуацию в них как благополучную.

Факторы отношения к мигрантам выявлялись посредством проведения множественного линейного регрессионного анализа. В качестве зависимой переменной использован рассчитанный ранее интегративный показатель. В число предикторов были включены как полученные с использованием многомерного анализа обобщенные переменные – «генерализованное доверие», «институциональное доверие», «субъективное благополучие», «удовлетворенность деятельностью институтов», «толерантность», так и социально-демографические показатели – число лет потраченных на получение образования, место жительства (город, сельская местность), страна рождения.

Регрессионная модель (пошаговый отбор методом «backward»; R-квадрат = 0,29; уровень значимости модели <0,001; автокорреляция отсутствует) объясняет 27% дисперсии зависимой переменной. В итоговое уравнение оказались включены следующие переменные: «толерантность» ($\beta = 0,36$; $p < 0,001$); «институциональное доверие» ($\beta = 0,25$; $p < 0,001$); «субъективное благополучие» ($\beta = 0,12$; $p = 0,004$); страна рождения ($\beta = 0,12$; $p = 0,002$). Обращает на себя внимание факт отсутствия в модели предикторов, характеризующих уровень образования респондентов и удовлетворенность деятельностью институтов.

Таким образом, можно констатировать, что на общеевропейском фоне российская молодежь демонстрирует скорее негативные установки по отношению к мигрантам. В то же время по сравнению со старшими соотечественниками молодые россияне позитивнее относятся к мигрантам. Позитивное отношение к мигрантам определяют сформированность толерантного сознания, высокие уровни институционального доверия и субъективного благополучия, факт рождения в другой стране. Перспективным для дальнейших исследований представляется проведение межстранового компаративного анализа.

Список литературы:

1. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума [Электронный ресурс] // Президент России. 07.06.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74234> (дата обращения: 03.06.2025).
2. Kahanec M., Tosun M.S. Political economy of immigration in Germany: attitudes and citizenship aspirations. *The International Migration Review*. 2009. Vol. 43. No. 2. P. 263-291.
3. Мاستикова Н.С. Динамика отношения российской молодежи к мигрантам // Россия реформирующаяся: Ежегодник. Вып. 15 / Отв. ред. Горшков М.К. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 273-278.
4. Heckmann F. *Integration von Migranten. Einwanderung und neue Nationenbildung*. Wiesbaden: Springer VS. 2015. P. 325.

Стратегическое и программное управление демографическим развитием регионов Центрального Черноземья

Реутов Евгений Викторович

НИУ «БелГУ»

Белгород, Россия, reutovevg@mail.ru

Демографическая ситуация в регионах Центрального Черноземья в настоящее время характеризуется устойчивой депопуляционной тенденцией с теми или иными вариациями в конкретных регионах. На протяжении последней пятилетки в демографическом развитии регионов Центрального Черноземья сложился своего рода режим «идеального шторма». Для него характерно следующее: на долгосрочную тенденцию снижения численности населения (в том числе, женщин), находящегося в репродуктивном возрасте, наложилось два демографических «шока». Первый был связан с пандемией COVID-19 2020-2021 гг. и характеризовался высоким уровнем избыточной смертности и откладыванием деторождения и, как следствие, резким ростом естественной убыли населения как в результате роста смертности, так и по причине снижения рождаемости. Второй шок связан с началом и развертыванием специальной военной операции (СВО) 2022-2025 гг. Избыточная смертность и откладывание рождений для данного периода были характерны в меньшей мере, нежели для периода пандемии, но, во-первых, стали более растянутыми во времени, а во-вторых, ввиду неопределенности перспектив урегулирования геополитического конфликта между всеми его участниками, его негативные последствия для естественного воспроизводства населения могут сказываться еще долго. И, помимо сдвигов в естественном воспроизводстве населения для некоторых регионов Центрального Черноземья СВО стала мощным триггером выездной миграции и внутрирегиональных перемещений, которые также способствовали нормализации репродуктивного поведения.

Как итог, естественная убыль населения за 2020-2024 гг. составила: в Белгородской области – 60139 чел., в Воронежской области – 98850 чел., в Курской области – 50589 чел., в Липецкой области – 51496 чел., в Тамбовской области – 51349 чел. Параллельно с этим в результате миграционного оттока Белгородская область лишилась еще 11875 чел.; Воронежская область прироста 20294 чел., Курская область прибавила 1135 чел., Липецкая область потеряла 3719 чел., Тамбовская область – 6818 чел. То есть лишь в Воронежской области естественная убыль была хоть сколько-нибудь ощутимо компенсирована миграционным приростом. В Белгородской же области миграционный отток существенным образом усугубил естественную депопуляцию.

Обозначенные тенденции ставят под угрозу устойчивость не только демографического развития регионов Центрального Черноземья (за частичным исключением Воронежской области), но и их социального воспроизводства в целом. Очевидно, что без стратегического целеполагания,

во-первых, и без создания действенных управленческих механизмов, во-вторых, как на федеральном, так и на региональном уровнях, тренд на депопуляцию в регионах Центрального Черноземья будет продолжен с теми или иными отклонениями от базового вектора, определяемыми базовыми демографическими позициями конкретных регионов и изменениями социально-экономического и геополитического фона – чаще всего – в неблагоприятную сторону.

Осознание остроты демографических проблем на общенациональном уровне привело к принятию весной 2025 г. Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года. Утверждение федеральной Стратегии, но еще больше – объективно существующие проблемы в сфере демографии в регионах Центрального Черноземья задают необходимость самостоятельных практик стратегического планирования – как в рамках федеральных документов, так и дифференцированных в зависимости от остроты и характера региональных демографических проблем.

В каждом из регионов Стратегия социально-экономического развития постулирует значимость демографических проблем и их решения для развития региона и включает социально-демографический блок целей, задач и показателей. Однако в Стратегии социально-экономического развития Белгородской области на период до 2030 года отсутствуют прямые механизмы регулятивного воздействия на достижение такого обозначенного в ней показателя, как суммарный коэффициент рождаемости. Кроме того, в Стратегии отсутствуют конкретные механизмы решения ключевой демографической проблемы региона – миграционного оттока [1].

В Стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года целевые показатели рассчитаны нереалистично и явно не могут служить ориентирами практической политики [2]. То же самое характерно и для Стратегии социально-экономического развития Курской области на период до 2030 года (даже с внесенными в нее в 2025 г. изменениями) [3].

Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период до 2030 года отличается высоким качеством целеполагания, обладает наиболее комплексным набором индикаторов демографического характера с реалистичным расчетом прогнозных значений индикаторов. При этом ее цели и целевые индикаторы в сфере демографии нельзя назвать амбициозными [4].

В Стратегии социально-экономического развития Тамбовской области до 2035 года не предусматривает вариативности демографического развития и, в частности, возникновения дополнительных рисков. Даже после наступления и завершения пандемии Стратегия не была актуализирована [5].

В каждом из регионов Центрального Черноземья действуют региональные программы по повышению рождаемости, однако большинство их мер (информационно-пропагандистских, медицинских, социальных и финансовых) не отличаются оригинальностью и, как правило, калькируют друг друга. Ключевой мерой финансового стимулирования рождаемости являются единовременные выплаты на третьего или последующего ребенка в молодой семье (300 тыс. рублей) и единовременные выплаты при постановке на учет

по беременности студенткам-очницам (100 тыс. рублей). Но, например, в Белгородской области данные меры были введены лишь в 2025 г. отдельным постановлением Правительства региона, а в Тамбовской области региональные меры финансовой поддержки ограничены единовременной выплатой на каждого рожденного ребенка 5 тыс. рублей. В программе Липецкой области, напротив, представлена такая мера, как единовременная выплата 85 тыс. рублей женщинам, родившим первого ребенка в возрасте от 18 до 24 лет.

Учитывая остроту демографических проблем и ограниченность бюджетных возможностей регионов Центрального Черноземья, следует обратить внимание на корпоративный сектор и его ресурсы, часть которых может быть направлена на стимулирование рождаемости (как своих сотрудников, так и населения регионов в целом). Однако и ему необходимы стимулы со стороны государства, которыми могут стать предоставление налогового вычета организациям на затраты, связанные с финансовыми и нефинансовыми мерами поддержки семей сотрудников и стимулирование рождаемости в них, а также с софинансированием соответствующих региональных программ.

Исследование выполнено в рамках проекта Государственного задания FZWG-2023-0006 «Регулирование демографического поведения населения сельских территорий Центрально-Черноземного экономического района как основной механизм социального воспроизводства в условиях депопуляции».

Список литературы:

1. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Белгородской области на период до 2030 года: постановление Правительства Белгородской области от 11 июля 2023 года N 371-пп. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406733192> (дата обращения: 13.05.2025).
2. О Стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года: закон Воронежской области от 20 декабря 2018 года N 168-ОЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550300779> (дата обращения: 13.05.2025).
3. О Стратегии социально-экономического развития Курской области на период до 2030 года : закон Курской области от 14 декабря 2020 года N 100-ЗКО (последняя редакция). URL: <https://docs.cntd.ru/document/571044826> (дата обращения: 13.05.2025).
4. Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период до 2030 года : закон Липецкой области от 25 октября 2022 года N 207-ОЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406267509> (дата обращения: 13.05.2025).
5. О стратегии социально-экономического развития Тамбовской области до 2035 года : закон Тамбовской области от 04 июня 2018 года N 246-З. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550113760> (дата обращения: 15.05.2025).

Превентивная репродуктология и репродуктивный потенциал населения

Русанова Нина Евгеньевна
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, ninrus238@mail.com

Развитие новых методов коррекции репродуктивной функции, прежде всего, вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), основанных на экстракорпоральном оплодотворении (ЭКО), способствует формированию современного репродуктивного поведения. В частности, выбору числа и времени рождения детей способствуют программы ВРТ, основанные на криоконсервации половых клеток и эмбрионов, которые все шире применяются и для лечения бесплодия, и для сохранения фертильности, и по социальным причинам. При криоконсервации в лечебных целях зачатие планируется, как правило, в обозримом будущем, после получения результатов дополнительного тестирования, либо начавшаяся программа совсем отменяется. При превентивной криоконсервации (для сохранения фертильности) зачатие предполагается в будущем, часто в неопределенное время, и может проводиться по медицинским показаниям, например, перед гонадотоксическим лечением или при нерепродуктивной субфертильности, либо по немедицинским показаниям, когда рождение детей откладывается по личным причинам.

В последние годы спрос на криоконсервацию яйцеклеток резко возрос: на 1261%, 1030% и 1453% за 2011-2021 гг. в Австралии/Новой Зеландии, Великобритании и США соответственно [1]. В Казахстане каждый год ок. 150 женщин замораживают яйцеклетки [2], в России точной статистики нет, но, по оценкам практикующих врачей, в крупных многопрофильных столичных клиниках таких «превентивных» обращений сегодня ок. 3%, хотя несколько лет они были единичны [3].

Криоконсервация предлагалась в качестве клинической услуги еще до введения ее государственного регулирования, что привело к серьезным различиям в доступности и финансировании. В США криоконсервация не считается экспериментальной процедурой с 2013 г., в Канаде женщина может заморозить яйцеклетки независимо от медицинских показаний с 2014 г., и некоторые фирмы оплачивают это своим сотрудникам [4]. По данным 2024 г. ок. 80% стран разрешают любую криоконсервацию для лечения бесплодия и по медицинским показаниям, но в отношении немедицинских показаний (social egg freezing) регулирование зависит от вида полового материала, например, немедицинская консервация тканей яичников разрешена лишь в трети стран, хотя, по мнению некоторых исследователей, различие между медицинским и немедицинским сохранением фертильности нечетко: в Бельгии и Германии принято узкое определение, в других странах нет четких критериев и «медицинскими» признаются показания, которые в иных условиях считались бы «немедицинскими». Вопросами остаются моральная

допустимость лечения, основанного на желании сохранить фертильность, поскольку в перспективе возможны программы с негенетическим родительством, а также определение сроков хранения замороженного материала, которые в разных странах варьируются от 2 до 50 лет [1]. В России с 2014 г. практикуются почти все виды криоконсервации, доступность регулируется на всех уровнях от федерального до профессионального с учетом культурных традиций, срок хранения криоконсервированного материала не ограничен.

Пример того, как научный и клинический прогресс опережает политику репродуктивного регулирования показывает, что внедрение новых методов лечения, передовых технологий и персонализированных подходов к пациентам обуславливает необходимость расширения сложившейся сферы репродуктивной медицины, дополняя ее новыми стандартами превентивной репродуктологии, способствующими укреплению репродуктивного потенциала населения.

Список литературы:

1. International Federation of Fertility Societies' (IFFS) Triennial Report 2025: Global Trends in Reproductive Policy and Practice, 10th edition lww_gr9_grh-d-25-00006 0..259 (дата обращения 01.06.2025)
2. Баклаева А. "Теперь у меня есть запас яйцеклеток на будущее": казахстанка поделилась опытом криоконсервации "Теперь у меня есть запас яйцеклеток на будущее": казахстанка поделилась опытом криоконсервации: 10 февраля 2025 (дата обращения 01.06.2025)
3. Невинная И. В 2024 году резко вырос спрос на заморозку яйцеклеток. Как это объясняют женщины и врачи. В 2024 году резко вырос спрос на заморозку яйцеклеток. Как это объясняют женщины и врачи - Российская газета (дата обращения 01.06.2025)
4. Попова Н. Отложенное материнство: как женщины замораживают яйцеклетки и что может пойти не так. 15.09.2022 Отложенное материнство: как женщины замораживают яйцеклетки и что может пойти не так | Forbes Woman (дата обращения 01.06.2025)

Возможность снижения смертности от болезней системы кровообращения путём оздоровления образа жизни пациентов

Зубко Александр Владимирович, Сабгайда Тамара Павловна
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, zalexandrae@gmail.com, tsabgaida@mail.ru

Хотя после пандемии смертность российского населения от болезней системы кровообращения снижается (с 2021 по 2023 годы на 16,9% в мужской и на 19,9% в женской смертности), доля в ней лиц трудоспособного возраста растёт из-за меньших темпов снижения их смертности (на 5,5% и 6,9%, соответственно). Общий уровень стандартизованной сердечно-сосудистой смертности мужчин превосходил уровень смертности мужчин в возрасте 20–59 лет в 2,4 раза в 2019 году и в 2,1 раза в 2023 году. Соотношение уровней смертности женщин всех возрастов и возрастной группы 20–54 года – в 6,1 и 5,6 раз, соответственно.

Соблюдение здорового образа жизни является способом снижения риска развития осложнений болезней системы кровообращения [1]. Изменение образа жизни в сторону оздоровления пациентами с кардиологическими заболеваниями снижает риск серьезных сердечно-сосудистых событий в любом возрасте [2]. Логично предположить, что после перенесённого инфаркта миокарда, часто сопровождающегося сильной болью и физическими ограничениями, пациенты станут более ответственно относиться к своему здоровью и чаще соблюдать здоровый образ жизни, чем пациенты с сердечной недостаточностью, которые испытывают ухудшение качества жизни, но болевой синдром встречается не всегда, а пациенты с сердечной недостаточностью в свою очередь будут чаще соблюдать здоровый образ жизни, чем пациенты с гипертонической болезнью, которая часто протекает бессимптомно.

Для проверки этой гипотезы проведён анализ данных, полученных Росстатом в 2023 году в ходе выборочного наблюдения состояния здоровья населения [3]. Анализировались ответы мужчин в возрасте 18–64 года и женщин в возрасте 18 – 59 лет на 29 вопросов из разных разделов анкеты, связанных с факторами риска развития сердечно-сосудистых заболеваний. Проводилось сравнение частоты ответов 4582 мужчин и 5184 женщин, указавших на наличие у них установленного диагноза гипертонической болезни (ГБ), 1062 мужчин и 1021 женщины с диагнозом сердечной недостаточности (СН), 378 мужчин и 91 женщины, указавших на наличие инфаркта миокарда (ИМ) в анамнезе.

Среди респондентов трудоспособного возраста доля лиц, указавших на наличие у них ГБ, составила 15,0% среди мужчин и 15,4% среди женщин, а в структуре смертности населения на ГБ приходится 1,3% и 1,7% соответственно, достигая значений 20,5% у мужчин (в Республике Северная Осетия) и 34,6% у женщин (в Чукотском автономном округе). Доля респондентов, указавших на наличие ИМ, составила 1,2% среди мужчин и

0,27% среди женщин, а в структуре смертности населения на ИМ приходится 6,6% и 5,1%, соответственно, однако в Забайкальском крае в 2023 году эти показатели составляли 20,4% и 13,2%. Среди респондентов указали на наличие СН 3,4% мужчин и 3,0% женщин. По правилам МКБ, это заболевание не следует указывать в качестве первоначальной причины смерти, только когда не известны другие причины указывают СН неопределённую. В структуре смертности доля таких причин составила в 2023 году 0,3% и у мужчин, и у женщин.

Респонденты оценили своё самочувствие. В целом за год самооценки здоровья как хорошего и очень хорошего лица трудоспособного возраста с диагнозом гипертонии дают значительно чаще, чем респонденты с ИМ и СН. Среди мужчин наблюдается более чем двукратное различие частоты хороших оценок: 27,8% при ГБ, 20,3% при СН и 13,8% при ИМ, среди женщин различие менее выражено: 31,0% при ГБ, 25,4% при СН и 23,1% при инфаркте. Частота плохих и очень плохих оценок у лиц с ГБ существенно наименьшая - 9,3% среди мужчин и 6,5% среди женщин. У респондентов с ИМ и СН эти доли составляют соответственно 20,4% и 16,5% среди мужчин, 13,2% и 12,6% среди женщин. При явных различиях в самочувствии респондентов сравниваемых групп частота их приверженности факторам риска развития сердечно-сосудистых заболеваний различается в меньшей степени.

Режим питания при артериальной гипертонии прежде всего должен быть направлен на снижение потребления натрия, однако среди всех респондентов широко распространено излишнее потребление соли. Среди респондентов всегда или часто добавляют соль, соленные приправы или соленый соус в готовую пищу непосредственно перед едой 28,7% мужчин с ГБ, 26,6% мужчин с СН и 23,8% мужчин с ИМ. Среди женщин эти доли составляют соответственно 21,4%, 23,6% и 25,3%. Респонденты обеих групп также излишне часто употребляют готовые продукты с высоким содержанием соли с одинаковой частотой: 25,3%, 21,8% и 24,3% среди мужчин и 17,7%, 16,1% и 16,5% среди женщин. В частоте излишнего потребления соли не прослеживается связи с заболеваниями.

Пациентам с анализируемыми заболеваниями рекомендовано бороться с излишним весом. Среди респондентов совсем небольшая часть съедают более одного батона хлеба и хлебобулочных изделий за один день: у мужчин 5,2%, 7,0% и 4,5%, у женщин 2,3%, 2,4% и 0,24%. Частота употребления сладких газированных напитков также не высока, их употребляют четыре и более раз в неделю 3,4%, 4,4% и 1,9% мужчин и 1,6%, 1,1% и 3,3% женщин. В потреблении излишних калорий более осторожное поведение прослеживается у мужчин с ИМ.

Что касается курения и употребления алкоголя, являющихся факторами риска развития ГБ, ИМ и заболеваний, приводящих к СН, то частота этих пагубных привычек достаточно высока. Среди респондентов мужчин ежедневно употребляют табачные изделия 36,8% лиц с гипертонией, 31,7% лиц с СН и 27,8% лиц с ИМ, т.е. прослеживается связь с самочувствием. Среди женщин эти показатели составляют соответственно 12,4%, 12,7% и 17,6%.

Мужчины с анализируемыми заболеваниями достаточно часто злоупотребляют алкоголем. Три дня в неделю и чаще употребляют алкоголь

12,5% мужчин с ГБ, 12,1% с СН и 8,5% с ИМ. Среди женщин эти показатели составляют 3,4%, 3,5% и 5,5%. Большая частота злоупотребления алкоголем за один раз (200 граммов крепких спиртных напитков, или 0,5 литра крепленого вина, или 0,7 литра вина, или два литра пива) наблюдается среди мужчин соответственно в 17,3%, 9,7% и 18,0% случаев, среди женщин в 5,5%, 2,9% и 8,1% случаев.

Таким образом, вопреки рекомендациям врачей, поведенческие факторы риска развития угрожающих жизни осложнений излишне широко распространены среди респондентов с гипертонической болезнью, сердечной недостаточностью и инфарктом миокарда. Перенесённый инфаркт миокарда сказывается только на более осторожном поведении мужчин в плане досаливания пищи, переедания, курения и частоты употребления алкогольных напитков. Женщины с инфарктом миокарда более привержены вредным привычкам. Следовательно, возможность снижения смертности от болезней системы кровообращения путём оздоровления образа жизни пациентов является чисто гипотетической. До настоящего времени нет реального способа мотивировать пациентов менять своё поведение для увеличения шансов прожить долгую жизнь.

Список литературы:

1. Global Cardiovascular Risk Consortium. (2023). Global effect of modifiable risk factors on cardiovascular disease and mortality. *New England Journal of Medicine*, 389(14), 1273-1285. DOI: 10.1056/NEJMoa2206916
2. Леушина Е.А., Ичетовкина К.Д., Махнева В.В., Карачева А.А., Скрипникова Т.А. Модификация образа жизни у пациентов с артериальной гипертонией. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 2025 (2-2), 206-209. doi: 10.24412/2500-1000-2025-2-2-206-209
3. Итоги Выборочного наблюдения состояния здоровья населения. – Текст : электронный. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/zdor23/PublishSite_2023/index.html (дата обращения: 14.04.2025).

Демографические проблемы и обеспеченность жильём населения Дальнего Востока России

Симагин Юрий Алексеевич
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, yas63@yandex.ru

В остроте демографических проблем на территории Российской Федерации существует очень значительная дифференциация (как, впрочем, и

во многих других сферах). И чем ниже уровень рассматриваемых территорий – тем эта дифференциация значительнее. Основной массив социально-экономической информации (в том числе демографической) собирается Росстатом на уровне муниципальных образований (МО) первого порядка – городских и муниципальных округов, муниципальных районов. Выявить имеющуюся дифференциацию демографической ситуации на этом уровне можно с помощью базы данных «Муниципальная Россия», которая сформирована и постоянно обновляется в ИСЭПН ФНИСЦ РАН.

Если говорить о демографических проблемах Дальнего Востока России (ДФО – Дальневосточного федерального округа), то он в последние десятилетия характеризовался самым значительным сокращением численности населения по сравнению с другими. Так, за период между последними переписями населения 2010 и 2020 (2021) гг. численность населения ДФО сократилась почти на 5% (в границах 2010 г.), тогда как численность населения РФ в целом (в границах 2010 г.) за этот же период выросла примерно на 1%. Главной составляющей сокращения численности ДФО являлся миграционный отток населения, причём практически всех возрастных групп [1].

При этом в некоторых субъектах ДФО за период 2010–2021 гг. вообще не было МО с увеличением численности населения – Еврейская АО, Магаданская область, Камчатский край (что не характерно для остальной России, где даже при убыли населения региона в целом, в административных центрах и их пригородах численность увеличивалась). В Еврейской АО в 2/3 МО численность населения сокращалась сильнее, чем на 2% ежегодно, то есть очень быстрыми темпами, при которых уже в среднесрочной перспективе возможно фактическое обезлюдение этих территорий, являющихся для России стратегическими (такими по «Стратегии пространственного развития РФ», является весь ДФО, а отдельно выделяются ещё приграничные регионы, к которым относится и Еврейская АО) [2].

Лучше всего ситуация была в Чукотском АО, но в предыдущие десятилетия (1990–2010 гг.) он потерял почти 2/3 своего населения. Также лучшей средней по ДФО ситуация была в Республике Саха (Якутия) – как за счёт естественного прироста населения, так и за счёт сравнительно небольшого миграционного оттока в другие регионы страны (при имевшихся значительных внутриреспубликанских миграциях в Якутск и его окрестности).

В 2021–2024 гг. (после переписи в конце 2021 г.) ситуация несколько улучшилась: МО с сильным сокращением численности населения стало меньше (доля сократилась с 40 до 27%), с 13 до 15% увеличилась доля МО с ростом численности населения, совсем без роста осталась только Еврейская АО, но говорить о переломе тенденций пока рано. В целом ситуация в ДФО приблизилась к среднероссийской.

Как отмечалось в проведённых ранее исследованиях [3; 4] как факторы миграции в России выступают прежде всего различия в уровне доходов и обеспеченность жильём. Доходы населения ДФО выше среднероссийских (с учётом отношения к региональному прожиточному минимуму), поэтому одним из главных факторов оттока населения ДФО в другие части страны можно считать жилищные проблемы, которые можно

оценить по следующим основным показателям: количество (м² на человека) и качество (благоустройство, ветхость) имеющегося жилья; доля населения, состоящего на учёте для улучшения жилищных условий; темпы строительства нового жилья, от которых зависит как количество с качеством, так и скорость обеспечения жильём нуждающихся.

Ситуация в ДФО значительно хуже среднероссийской: почти в половине МО на учёте для улучшения жилищных условий стоит 5% и более домохозяйств, тогда как в России таких только около четверти МО. Наихудшая ситуация – в республиках Бурятия и Саха (Якутия) – соответственно в 74% и 70% МО на учёте стоит более 5% имеющихся домохозяйств. Лучшее всего ситуация в Магаданской области в 11% МО состоит на чёте для улучшения жилищных условий более 5% домохозяйств), но связано это как раз с интенсивным миграционным оттоком населения в предыдущие годы – численность населения сокращалась быстрее, чем жилой фонд, поэтому у муниципальных властей были возможности выделять жильё нуждающимся.

Соответственно сказанному, как одно из основных направлений решения демографических проблем Дальнего Востока России можно назвать всемерное содействие решению жилищной проблемы. Причём речь должна идти не только о количественных и качественных показателях самого жилья, но также и о существенно улучшении всех видов инфраструктуры, а также повышении качества городской среды в целом – этим можно будет затормозить отток населения, особенно молодёжи и людей трудоспособного возраста с детьми, что будет как непосредственно увеличивать численность населения, как и косвенно способствовать увеличению естественного прироста из-за омоложения возрастной структуры.

Список литературы:

1. Моисеева Е. М., Мищук С. Н. Региональные особенности возрастной структуры миграции на Дальнем Востоке России // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 4. – С. 18-33.
2. Симагин Ю. А. Население дальневосточных геостратегических территорий России // Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни. Материалы международной научно-практической конференции IV Римашевские чтения. – Москва, 2021. – С. 84-88.
3. Симагин Ю. А. Дифференциация муниципальных образований России по доходам населения // Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы. Материалы VI Международной научно-практической конференции. – Москва, 2021. – С. 236-241.
4. Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д., Ванькина И. Н. Доступность собственного жилья в Москве для жителей регионов России // Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. – Москва, 2024. – С. 250-256.

ДТП в России: к социально-медицинским аспектам проблемы

Панфилова Анна Олеговна
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия, panfilova.ao@dvfu.ru

Слугина Алина Валентиновна
Дальневосточный Федеральный университет
Владивосток, Россия, slugina.ava@dvfu.ru

Представить современный мир без автомобилей и других средств передвижения невозможно. Количество авто на одного человека растет с каждым годом во всем мире. По данным Евростата, в 2022 году среднее количество легковых автомобилей на 1000 жителей в ЕС составило 560 шт. За десятилетие 2012–2022 годов их среднее количество увеличилось на 14,3 % (с 490 до 560 легковых автомобилей на 1000 жителей). В России на 1000 человек приходится в среднем 315 автомобилей (по состоянию на 1 января 2023 года) [1].

Активная автомобилизация населения – процесс двоякий. С одной стороны, это совершенно иные возможности персональной мобильности, свободы передвижения и пр. С другой стороны – помимо сложностей экологического, инфраструктурного характера – сказывается на росте числа ДТП и, как следствие, на количестве пострадавших и погибших в них [2].

По данным ООН, ежегодно дорожно-транспортные происшествия уносят около миллиона жизней, и являются основной причиной смерти среди детей и молодых людей [3]. Количество жертв ДТП в России остаётся значительным и пропорциональным их общему числу. Принимаемые для улучшения ситуации меры (национальный проект «Безопасные качественные дороги» 2019-2024; федеральный проект «Безопасность дорожного движения» и др.) приносят результат, однако именно смертность остаётся одним из главных последствий ДТП.

Можно утверждать, что безопасность дорожно-транспортного движения как проблема остается одной из самых актуальных в вопросе сохранения жизни и здоровья граждан, а значит, прямо соотносится с задачей сохранения демографического потенциала. Ситуация имеет комплексный проблемный характер, и очень выраженным является ее социально-медицинский уровень. Его характеризуют, в первую очередь, показатели смертности в дорожно-транспортных происшествиях и скорость оказания экстренной медицинской помощи. При это большое значение имеет и фактор виновности водителей, точнее, то, из чего он складывается (например, возраст и состояние здоровья, ведь в ряде случаев именно пожилые водители попадают в достаточно серьёзные автомобильные аварии) [4].

Особую роль в предотвращении последствий играет оперативность оказания медицинской помощи спасательными и медицинскими службами, качество медицинских услуг и психологической поддержки пострадавшим [5].

В России ситуация здесь остается сложной во многом из-за неоптимального распределения обеспеченности медицинских учреждений специалистами по травматологии и соответствующим оборудованием; недостаточным качеством медицинской помощи в крупных региональных центрах и в небольших городах и сельских поселениях. Согласно данным Росстата «в России не закрыты 19 % вакансий врачей скорой медицинской помощи и парамедиков, 15,5 % – провизоров, 15,4 % – фармацевтов, а диетологов и специалистов по рациональному питанию – 14,9 %» [6]. Неукомплектованность бригад скорой помощи приводит к неэффективной скорости реакции на срочные вызовы, что не позволяет сократить смертность при ДТП.

Определенные сложности имеет и система организации прибытия специальных служб на место ДТП и оказания помощи пострадавшим. Резкий рост автомобилизации в условиях неподготовленной инфраструктуры привел к затрудненному движению, а любая аварийная ситуация делает невозможным быстрый проезд скорой медицинской помощи и других специальных служб на место происшествия [7].

Оказание своевременной медицинской помощи осложняет и то, что большая часть аварий происходит за пределами населенных пунктов, в местах, куда время прибытия специальных служб увеличивается, и вероятность смертельного исхода и/или тяжелых последствий для здоровья пострадавших возрастает.

Таким образом, есть основания констатировать, во-первых, сложность, комплексность и проблемность ситуации. В социально-медицинском плане ее составляют как прямые факторы, приводящие к ДТП (нарушение правил дорожного движения, алкогольное опьянение водителя и др.), так и косвенные, предотвращающие его или снижающие его риск и последствия (неблагоприятные погодные условия, неисправность дорожного покрытия и др.). Оперативная медицинская помощь при ДТП осложняется низкой пропускной способностью дорожной системы, особенно в больших городах; общим своеобразием автокультуры водителей – например, частой посадкой за руль в нетрезвом виде. Все это имеет большое значение в плане пересмотра мер социального контроля над ситуацией (например, ужесточением штрафов), а также актуализирует социально-медицинский уровень проблемы, необходимость его совершенствования.

Список литературы:

1. Исследование парка легковых машин в России // Автостат. – URL: <https://www.autostat.ru/infographics/54512/> (дата обращения: 14.12.2024).
2. Статистика дорожно-транспортных происшествий в России // РусДТП. – URL: <https://rusdtp.ru/stat-dtp/> (дата обращения: 23.11.2024).
3. High-Level Meeting on Global Road Safety. 30-Jun-2022 – 01-Jul-2022 // Официальный сайт Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций // URL: <https://www.un.org/pga/76/event/high-level-meeting-on-global-road-safety/> (дата обращения: 01.06.2025)

4. В России наиболее совершают ДТП водители в возрасте от 30 до 40 лет // АвтоНовости. – 2021. – URL: <https://www.autonews.ru/news/619bba939a7947c6c0d19b60> (дата обращения: 29.05.2025).
5. Борzych К.А. Анализ основных детерминант количества дорожно-транспортных происшествий и смертности на дорогах в России: статистический подход / К.А. Борzych, Ю.Ю. Пономарев // Экономическое развитие России. 2022. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-osnovnyh-determinant-kolichestva-dorozhno-transportnyh-proisshestviy-i-smertnosti-na-dorogah-v-rossii-statisticheskiy-podhod> (дата обращения: 29.05.2025).
6. Росстат назвал самые дефицитные медицинские специальности // Медвестник URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Rosstat-nazval-samye-deficitnye-medicinskie-specialnosti.html> (дата обращения: 01.06.2025).
7. Фаттахов Т. Дорожно-транспортный травматизм в России и его факторы // Социальные аспекты здоровья населения. 2015. Т. 44. № 4. С. 5–23.

Особенности формирования демографического потенциала регионов Крайнего Северо-Востока России

Фавстрицкая Оксана Сергеевна
Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
им. Н.А. Шило ДВО РАН
Магадан, Россия, favstritskaya@neisri.ru

Социально-демографические факторы имеют важное значение при формировании экономики и социальной сферы регионов, определяя потребности, возможности, мотивы жителей (трудовых ресурсов) территории. Исследование актуально прежде всего в контексте сохранения населения Крайнего Северо-Востока России как количественно, так и качественно, а вместе с этим и возможностей развития геостратегических территорий страны. Цель – показать особенности социально-демографических характеристик двух дальневосточных ресурсных регионов, полностью относящихся к Крайнему Северо-Востоку России, в том числе в контексте произошедших изменений в условиях рыночной экономики.

К Крайнему Северо-Востоку России относят территории, расположенные на Чукотском, Корякском и Колымском нагорьях [6]. Учёные, изучающие различные аспекты развития этой части территории, включают в неё Магаданскую область, Чукотку, север Камчатки и северо-восточные области Якутии. [1, 2] Объектами данного исследования выступили социально-

демографические характеристики развития Магаданской области и Чукотского автономного округа, предметом – их количественные и качественные трансформации.

На карте России Магаданская область как самостоятельная административная единица появилась в 1953 году. В 1992 году от области отделился Чукотский автономный округ. Эти два региона всей своей территорией находятся на Крайнем Северо-Востоке России, что позволяет использовать для анализа данные региональной статистики. В исследовании рассматривался временной интервал с 1990 года по 2023 год. Используются теоретические (сравнительный анализ, классификация) и эмпирические методы исследования (опрос). Информационную базу составили данные, опубликованные на официальных сайтах Росстата и Хабаровскстата, информация Магаданского областного комитета государственной статистики, находящаяся в распоряжении СВКНИИ ДВО РАН, а также данные проведённого социологического опроса.

Северная ресурсная экономика объективно требует от населения большей отдачи и создаёт больше неудобств. Это и влияние на жизнедеятельность сложных природно-климатических условий, и установки пришлого населения на временный характер проживания. Успешное социально-экономическое развитие регионов Крайнего Северо-Востока России возможно только с учётом социально-демографических особенностей и мотиваций населения.

Активный миграционный отток жителей Крайнего Северо-Востока России прежде всего связан с временным характером жизни пришлого населения в северной экономике, а также с потерей экономического смысла трудовой деятельности в этих регионах. [3] Концентрируясь в опорных населённых пунктах, население этих регионов по большей части остаётся городским. Меняется половозрастная структура, увеличился возраст жителей, наблюдаются изменения в национальном составе. Растёт доля КМНС. [4]

Существенное снижение в условиях рыночной экономики уровня жизни меняет поведение населения: всё чаще делается выбор в пользу вахтового режима работы, в пользу ВУЗов в других регионах; а остающееся на Крайнем Северо-Востоке пришлое население после достижения возраста выхода на пенсию продолжает трудовую деятельность.

Мезорегион испытывает острый дефицит трудовых ресурсов, доля работающего населения выше среднероссийских значений. Магаданская область и Чукотка вошли в топ-20 регионов России с наибольшей долей вахтовых вакансий. Основной характер международной миграции – трудовая. Структура занятости по видам экономической деятельности характеризуется высокой долей работников занятых в базовой отрасли (добыче полезных ископаемых) и в госсекторе. Вывоз трудовыми мигрантами и постоянным населением доходов из регионов сужает экономическое пространство территории, не развиваются рынки. [5]

Интегральный показатель «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении» в исследуемых регионах крайне низкая. Однако, оценивая своё благополучие, более 50% населения считает себя счастливым.

Современный портрет постоянного жителя регионов Крайнего Северо-Востока выглядит примерно следующим образом: настроенные на отъезд из регионов горожане с профессиональным образованием 36-40 лет, уровень жизни которых не компенсирует некомфортные условия Севера, а ожидаемая продолжительность жизни короче среднего россиянина на 4 - 7 лет, но вопреки всему они всё ещё оптимисты, чувствующие себя счастливыми.

Список литературы:

1. Хаховская Л. Н. Этнографические исследования на Крайнем Северо-Востоке (историографический и методологический аспекты) // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН, 2020, № 1, с. 107–116. DOI: 10.34078/1814-0998-2020-1-107-116
2. Шепилева О. Е. Крайний Северо-Восток России в аспекте лексикографического описания / О. Е. Шепилева // Научный диалог. – 2018. – № 5. – С. 103–119. – DOI: 10.24224/2227-1295-2018-5-103-119.
3. Гальцева, Н. В. Выявление причин оттока населения из успешного дальневосточного арктического региона (1990–2020 гг.) / Н. В. Гальцева, О. С. Фавстрицкая, О. А. Шарыпова // Экономика региона. – 2024. – Т. 20, № 2. – С. 539–555. – DOI 10.17059/ekon.reg.2024-2-13. – EDN ENGGGU.
4. Коломиец, О. П. Народы Чукотки. Люди и время : монография – Омск : Издательский дом «Наука», 2025. – 340 с. : ил. DOI: 10.70201/978-5-98806-364-3
5. Фавстрицкая, О. С. Социально-экономическое развитие ресурсных регионов Крайнего Северо-Востока России: демографический и инфраструктурный потенциал (на примере Магаданской области) / О. С. Фавстрицкая // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. – 2024. – № 4. – С. 105–113. – DOI 10.34078/1814-0998-2024-4-105-113. – EDN GTCREQ.
6. Дальний Восток. Состав, географическое положение, особенности природы. Интернет-Урок. <https://interneturok.ru/lesson/geografy/9-klass/prirodno-hozjajstvennyye-regiony-rossii/dalniy-vostok-sostav-geograficheskoe-polozhenie-osobennosti-prirody> (дата обращения 20.03.2025).

Особенности формирования демографического потенциала регионов ЦФО в условиях новых вызовов

Ходячих Сергей Сергеевич
МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия, seeregey@mail.ru

Демографическую ситуацию в регионах Центрального федерального округа можно охарактеризовать, как демографический кризис, который проявляется в ухудшение количественных, качественных и структурных характеристик населения. Современный этап демографического развития регионов ЦФО происходит в условиях новых вызовов и включает в себя ряд особенностей.

Первой особенностью является то, что демографический кризис осложняется последствиями пандемии Covid-19, что в свою очередь выразилось в новом этапе депопуляции. Кроме того, с 2017 г. в регионах ЦФО наблюдается системное снижение уровня рождаемости, если суммарный коэффициент рождаемости в 2016 г. составлял 1.60, то в 2023 г. – 1.31. Особенно значительно падение показателя наблюдаем в Смоленской (1.03), Белгородской (1.12), Рязанской (1.10), Владимирской (1.15), Орловской (1.17), Брянской (1.19), областях.

Второй особенностью является та непростая геополитическая ситуация, которая сложилась в приграничных регионах, а именно, в Белгородской, Брянской и Курской областях. По сути, ситуация в данных регионах для населения носит стрессогенный характер начиная с 2019 года, что в свою очередь, несомненно, оказало свое влияние на демографическую ситуацию и спровоцировало стрессовую миграцию населения из этих регионов. Нестабильность ситуации усугубляет сложную демографическую ситуацию в регионах. В свете вышесказанного, современные особенности демографического развития регионов ЦФО определяются, как новые вызовы и угрозы.

Исходя из современной характеристики демографического развития регионов ЦФО, которые принимают все новые вызовы, такое понятие, как демографический потенциал данных регионов, становится весьма актуальным для рассмотрения. Однако сложность определения понятия «демографический потенциал» заключается в том, что до сих пор нет единого понимания данного термина в науке. В связи с этим стоит обратиться к статье О.Л. Рыбаковского, в которой он раскрывает сущность данного понятия [1]. По его мнению, понятие «демографический потенциал» включает в себя демографические ресурсы, возможности и резервы демографического развития конкретной территории.

Современные исследователи выделяют воспроизводственный и миграционный потенциал демографического развития. В.Н. Архангельский, А.Е. Иванова, Т.А. Фадеева в монографии [2] детально рассматривают воспроизводственный потенциал, включающий воспроизводственные

резервы демографического развития, а именно резервы повышения рождаемости и сокращения смертности населения. В.А. Ионцев, А.Г. Магомедова [3] важной компонентой демографического развития регионов России считают миграционный фактор, а именно, международную миграцию населения. В.В. Локозов обозначает основной целью демографического развития России в ближайшей перспективе «максимальное использование воспроизводственных и миграционных резервов для преодоления процесса депопуляции» [4].

С учетом сформировавшейся на современном этапе устойчивой тенденции отрицательного естественного прироста и убыли населения практически во всех регионах ЦФО, важным резервом регионального развития становится миграционный потенциал, а точнее, потенциал международной миграции населения из стран ближнего зарубежья, поэтому далее мы рассмотрим отдельные компоненты, которые он включает.

Прежде всего, это миграционный потенциал русского и русскоязычного населения в странах ближнего зарубежья, который полностью не исчерпан. По результатам последних переписей населения в странах ближнего зарубежья, основной миграционный потенциал соотечественников, сосредоточен в Казахстане (2982 тыс. чел.), в Узбекистане (707 тыс. чел.), Киргизстане (283 тыс. чел.).

Другая категория мигрантов - представители титульных национальностей стран ближнего зарубежья, которые считали родным языком русский [5]. В условиях устойчивого снижения воспроизводственного потенциала коренного населения регионам следует шире использовать в целях демографического развития потенциал постоянной миграции представителей титульных народностей из стран ближнего зарубежья.

Постоянная миграция из стран ближнего зарубежья в ЦФО должна рассматриваться, как процесс, оказывающий позитивное влияние на социально-демографическое развитие регионов. Поэтому необходимо стимулировать приток постоянных мигрантов, уделив особое влияние таким категориям мигрантов, как соотечественники, среди которых велика доля несовершеннолетних, образовательные мигранты, как ресурс квалифицированных кадров, миграция семей, миграция женщин. Например, возможен реальный рост рождаемости в регионе за счёт привлечения иммигрантов-женщин с высокими репродуктивными установками для создания смешанных семей с представителями коренного мужского населения.

Используя постоянную международную миграцию населения, как способ смягчения депопуляции населения регионов в условиях дальнейшего развития демографического кризиса, желательно улучшать миграционную привлекательность депрессивных регионов, обеспечив условия для адаптации и интеграции иммигрантов, что будет способствовать их демографическому развитию.

Умелое использование ресурсного потенциала международной миграции из стран ближнего зарубежья в условиях депопуляции и новых вызовов позволит улучшить демографическую ситуацию в большинстве регионов ЦФО и создать условия для их дальнейшего развития.

Список литературы:

1. Рыбаковский О.Л. Демографический потенциал: сущность, структура и основные факторы // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 3. С. 319–326. DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_1_319_326; EDN CQKRYK
2. Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Фадеева Т.А. Воспроизводственный потенциал демографического развития России / [В.Н. Архангельский, А.Е. Иванова, Т.А. Фадеева; под ред. Л.Л. Рыбаковского]. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2022. 165 с. ISBN 978-5-907427-72-3
3. Ионцев В.А., Магомедова А.Г. Демографические аспекты развития человеческого капитала в России и её регионах // Экономика региона. 2015. № 3. С. 89–102. DOI: <https://doi.org/10.17059/2015-3-8>; EDN UISFR
4. Локосов В. В. Демографическое развитие России: динамика и социально-экономические риски/ Вестник РАН, 2020, Т. 90, № 3, стр. 251–258.
5. Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал: понятие и критерии оценки // Социологические исследования. 2009. №2. С. 29–36. EDN JVTZBJ

Новые льготы и старые барьеры на пути многодетности

Хоткина Зоя Александровна
ИСЭПН ФНИСЦ РАН

Москва, Россия, zoya-alex2012@yandex.ru

Национальный проект «Семья», стартовавший 1 января 2025 года, фактически является продолжением Года семьи, который проходил в прошлом году. Новый нацпроект включает в себя эффективные меры, программы и льготы, обновление которых предусмотрено исходя из запросов самих семей. У российских родителей по-прежнему будет возможность воспользоваться самыми популярными мерами поддержки. Так, например, материнский капитал ежегодно смогут получить 1,7 млн семей, единое пособие – 9,6 млн человек, оформить семейную ипотеку – 1,5 млн родителей с детьми. Также продолжится адресное строительство детских садов [1].

Одним из приоритетов нацпроекта «Семья» является поддержка многодетных семей и повышение их благосостояния. В 2024 году на федеральном уровне был закреплён статус многодетной семьи, который устанавливается бессрочно. У многодетных семей с 2025 года появятся новые льготы и привилегии: вдвое увеличатся налоговые вычеты на детей; будут действовать имущественные вычеты при покупке жилья; продлена программы частичного погашения ипотеки; семьи получают электронные сертификаты на скидки в магазинах, а также право на

бесплатное санаторно-курортное лечение и др. Многодетным родителям помогут в поиске работы и переобучении, а многодетным мамам – с досрочным назначением страховой пенсии [1].

Внимание к многодетным семьям уже принесло результаты – за последние десять лет число многодетных семей в России увеличилось в два раза. В них воспитывается примерно 7,4 млн детей. Вместе с тем, на пути реализации идей нового нацпроекта по увеличению многодетности стоят старые барьеры:

Экономические: «трудовая бедность», связанная с низким уровнем заработной платы, особенно у женщин, многие из которых заняты в отраслях бюджетного сектора, таких как образование и здравоохранение, где зарплаты ниже, чем в среднем по стране. Риски бедности семей растут с увеличением числа детей в семье;

Демографические: в 2020-е годы Россия попала в идеальный демографический шторм: рекордная избыточная смертность от ковида, падение рождаемости из-за демографической ямы 90-х. И на эти долгосрочные демографические тренды наложились ситуационные тренды, такие как демобилизация и ее последствия, отток населения за рубеж. Кроме того растет число разводов и неполных семей с детьми (с 21% в 2002 до 38,5% в 2021 году);

Гендерные: рост неполных семей, среди которых более 90% материнские семьи, сопровождается увеличением экономического неравенства женщин из-за роста гендерного разрыва в оплате труда (ГРОТ). Показатель ГРОТ, который около 10 лет практически не менялся, за последние два года увеличился с 27,5 до 30,3%. Патриархатное распределение гендерных ролей в семье и неравенство в распределении времени затрачиваемого на неоплачиваемый домашний труд и уход также не может способствовать росту рождаемости;

Медицинские: неудовлетворительное состояние здоровья и рост инвалидности препятствует активной трудовой и воспроизводственной деятельности;

Поселенческие: у живущих в сельской местности уровень рождаемости выше, а доходы и качество жизни ниже.

Однако, несмотря на многофакторный характер проблем в российских семьях, *главным барьером* на пути увеличения числа многодетности в России является бедность, поэтому остановимся на данной проблеме подробнее.

Бедность семей в России, как основная причина низкой рождаемости, связана с объективными причинами: падением доходов из-за высокой инфляции, неуверенности людей в завтрашнем дне из-за сложной геополитической обстановки и др. При этом риски бедности семей увеличиваются с увеличением числа детей в семье. По данным Росстата, в целом по России в 2024 г. доля бедных среди населения достигла минимума и составила 7,2% [2]. Но при этом среди многодетных семей (с тремя и более детьми до 18 лет) уровень бедности был почти в три раза выше – 20% [3].

Это свидетельствует о том, что пока меры социальной политики по возрождению многодетности в современной России не были достаточно эффективными. В соответствии с показателями национального проекта

"Семья" уровень бедности среди многодетных семей, на фоне ввода единого детского пособия, к 2030 году должен снизиться до 12%. Конечно это почти в два раза меньше, чем сейчас, но вместе с тем, каждая десятая многодетная семей всё еще будет оставаться за чертой бедности. По данным Минтруда в 2024 году, в России насчитывалось 2,3 млн многодетных семей, в которых воспитывалось около 7,4 млн детей. Даже если в соответствии с показателями нацпроекта "Семья" доля бедных многодетных семей к 2030 году сократится вдвое, то в стране будет оставаться не менее 3 млн бедных детей из этих семей. Считаю, что до тех пор, пока не будет преодолена бедность в многодетных семьях, и пока между многодетностью и бедностью существует прямая связь, (чем больше детей в семье, тем выше риск бедности), делать многодетность «национальной идеей» – преждевременно.

Таким образом, чтобы планы по увеличению рождаемости и многодетности в России могли осуществиться, необходимо принять меры к сокращению бедности населения, обратив особое внимание на трудовую бедность женщин, а также на бедность детей из многодетных семей.

Список литературы:

1. Нацпроект «Семья»: как в России продолжают поддержку родителей с детьми. Портал | Национальные проекты РФ/ URL: Нацпроект «Семья»: как в России продолжают поддержку родителей с детьми | Национальные проекты РФ (Дата обращения 21 мая 2025)
2. Бедность за порогом. Сайт газеты Коммерсант от 13.03.2025, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7566181> (Дата обращения 17 мая 2025).
3. Росстат впервые оценил долю бедных многодетных семей по новой системе. Сайт РБК от 5 мая 2025. URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/05/2025/6811ea429a794731d20a3c6c> (Дата обращения 19 мая 2025).

Белгородская область: современные вызовы демографической безопасности региона

Хрипков Кирилл Александрович
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия, khripkov@bsuedu.ru

Одной из наиболее серьезных и острых проблем, с которой сталкивается современная Россия в целом и отдельные регионы в частности, является демографическая проблема. Негативные тенденции убыли населения преобладают в большинстве субъектов РФ. В то же время есть

некоторое разнообразия проявляющееся как в интенсивности демографических изменений, так и по разнообразию факторов, оказывающих существенное влияние на их динамику.

«По данным за январь-июнь 2024 года прирост населения наблюдался в 18 из 85 регионов, за тот же период 2023 года – в 22, 2022 года. В первом полугодии 2024 года наиболее быстро росло население Чеченской Республики (почти на 13% в пересчете на год), Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (11%), республик Ингушетия, Саха (Якутия), Тыва (8-10%). Остается заметным (6-7% в пересчете на год) прирост населения Ленинградской и Московской областей, Республики Дагестан» [1].

«Наиболее интенсивная убыль населения отмечалась во Владимирской, Курганской, *Тамбовской, Белгородской*, Псковской и Смоленской областях (от -14 до -12% в пересчете на год). Несколько менее интенсивна убыль населения Орловской, Пензенской, Ивановской и Новгородской областей (около -11%)» [1].

На протяжении десятилетий население РФ сокращается, а демографические показатели ухудшаются. «Россияне вымирают девять лет подряд, и остановить этот процесс не могут даже триллионные нацпроекты. На фоне движения страны ко дну демографической ямы в России уже год не растёт средняя продолжительность жизни. А на увеличение смертности работают даже изменившиеся предпочтения граждан в алкоголе» [2]. Учитывая отложенный долгосрочный эффект от перечисленных негативных факторов, ситуация будет только ухудшаться.

Необходимым условием для понимания и прогнозирования социальных изменений является понимание базовых моделей социального поведения. Будучи эффекторным звеном институциональной матрицы, они проявляются в социальных практиках и задают направление и границы институциональных трансформаций. Поскольку в отличие от модальных базовые модели поведения являются неосознаваемыми, то можно предположить, что их проявления будут особенно заметными в условиях резкого изменения внутренних или внешних условий жизни общества. Ситуация, сложившаяся в связи с проведением Российской Федерацией специальной военной операции на Украине, без сомнений, создала такие условия.

Специальная военная операция дифференцированно повлияла на российские регионы, наибольшие изменения коснулись приграничных регионов, в частности Белгородской области. ¹ В рамках «Мониторинга изменений социума приграничного региона в условиях специальной военной операции» были организованы: анкетный опрос населения Белгородской области (объем выборочной совокупности – 1200 респондентов; охвачены все муниципалитеты региона – 9 городских округов и 13 муниципальных районов; выборка репрезентативна по половозрастной и территориальной структуре населения области); серия фокус-групповых интервью; экспертный опрос (37 экспертов, представленных государственными и муниципальными служащими, руководителями НКО, учеными, исследователями, преподавателями, депутатами, сотрудниками средств массовой информации, представителями бизнес-сообщества, предпринимателями). Вторичный

анализ результатов социологического исследования, которое является одной из первых в нашей стране научно-исследовательских инициатив, ставящих целью диагностику и осмысление комплекса фундаментальных трансформаций российского социума в условиях масштабного геополитического конфликта позволяет отметить, что СВО значительным психотравмирующим событием не является, но вызывает повышение тревожности, то есть выступает фоновым стрессогенным фактором, более 80% опрошенных оценивают свое психоэмоциональное состояние *как «тревожное»*. Это касается как жителей отдаленных от границы с Украиной, так и близлежащих территорий.

Тревожность в свою очередь, обуславливается девальвацией чувства безопасности, усиливающейся под влияниями негативных событий (регулярные обстрелы, попытки прорыва ДРГ, работа ПВО и пр.) и чрезвычайных ситуаций происходящих в регионе.

Жители Центрального Черноземья, и особенно население наиболее приближенных к военным действиям территорий сегодня находятся в состоянии неопределенности затрудняющем построение более или менее долгосрочных планов на жизнь. Участники исследования подчеркивают необратимость произошедших в регионах изменений и в тоже время верят в светлое будущее и стабилизацию обстановки связывая ее с результатом СВО. Надеясь на лучшее, большинство опрошенных все же указывают на то, что такие важные жизненные решения как, например, рождение ребенка отложены на неопределенный срок.

Таким образом, жители региона сегодня находятся в состоянии неопределенности затрудняющем построение более или менее долгосрочных планов на жизнь. Участники исследования подчеркивают необратимость произошедших в регионе изменений и в тоже время верят в светлое будущее и стабилизацию обстановки связывая ее с результатом СВО.

Исследование выполнено в рамках проекта ГЗ FZWG-2023-0006.

Список литературы:

1. Демографические итоги I полугодия 2024 года в России. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01043/barom01.php> (дата обращения 02.05.2025).
2. Нацпроект «Демография» выполнен: страна потеряла ещё 130 тысяч человек. https://octagon.media/istorii/nacproekt_demografiya_vypolnen_strana_poteryala_eshhe_130_tysyach_chelovek.html?ysclid=m4hi2a80di308785007 (дата обращения 02.05.2025).

Возможности регулирования демографических процессов в регионах Центрального Черноземья с помощью цифровизации и искусственного интеллекта

Хрипкова Дианна Вазгеновна
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия, davtyan@bsuedu.ru

Демографические проблемы сегодня являются одной из угроз безопасности страны в целом и отдельных регионов в частности. Сложность и остроту современных демографических проблем признают как ученые, так и политики и государственные деятели. Центральное Черноземье – стратегически важный регион Российской Федерации, отличающийся сельскохозяйственным потенциалом и демографической неоднородностью. Проблемы старения населения, миграционных оттоков и низкой рождаемости требуют новых подходов к планированию и регулированию демографических процессов.

Корчагина Т.О. отмечает: «Сегодня многие аспекты демографической ситуации, сложившейся в России, становятся наиболее важными при определении перспектив ее дальнейшего социально-экономического развития, политической стабильности, а также национальной безопасности. Нынешняя демографическая ситуация в России характеризуется высокой смертностью населения, низким уровнем рождаемости, средней продолжительности жизни населения, депопуляцией и т.д., что требует особого внимания со стороны государства обеспечению демографической безопасности» [1].

Перелом демографической ситуации является очень сложной задачей, но нужно сделать все, чтобы добиться выхода на рост рождаемости, заявил президент РФ Владимир Путин. «Уже в следующем году необходимо создать условия для перелома демографической ситуации. Понимаю, что это очень сложная задача, и, честно говоря, по объективным обстоятельствам даже, может быть, не всё от нас зависит. Но нужно сделать все, что зависит от нас, чтобы в дальнейшем добиться выхода рождаемости в нашей стране на уверенный рост», – сказал Путин на Совете по стратегическому развитию и национальным проектам [2].

На катастрофичность демографической ситуации указывает Председатель ЦК КПРФ Г.А. Зюганов, он подчеркивает, что: «В стране наблюдается катастрофическая убыль населения. За последние 30 лет нас стало на 20 миллионов меньше, что сопоставимо с потерями, которые наш народ понес в годы Великой Отечественной Войны. Только за последние 4 года мы потеряли около 3 миллионов человек. И в этом году сократимся еще на 600 тысяч. Это – реальная угроза национальной безопасности страны, ее

суверенитету. Чтобы развивать наши территории, обустраивать, охранять, возделывать их, нас должно быть минимум 200 миллионов» [3].

Сегодня цифровизация и искусственный интеллект (ИИ) открывают значительные возможности для регулирования демографической ситуации.

В последние годы в теоретической литературе и практике растет понимание того, что при стратегическом и ответственном использовании искусственный интеллект (ИИ), включая генеративный ИИ, может трансформировать работу государственного сектора, разрабатывать политику и предоставлять услуги.

Цифровые технологии позволяют собрать и систематизировать большие объемы данных о населении, миграционных потоках, занятости, уровне жизни и здравоохранении. Использование облачных платформ и геоинформационных систем (ГИС) помогает визуализировать демографическую картину в реальном времени и выявлять проблемные зоны.

ИИ-алгоритмы обеспечивают глубокий анализ данных и развитие моделей прогнозирования демографических изменений. С помощью машинного обучения можно выявить взаимосвязи между социально-экономическими факторами и демографическими трендами, что позволяет разрабатывать эффективные меры – например, стимулирование рождаемости или программы поддержки трудовых мигрантов.

Примеры применения в Центральном Черноземье

- оптимизация здравоохранения: ИИ помогает прогнозировать нагрузку на медицинские учреждения, что важно для обеспечения молодого и пожилого населения качественной помощью.
- поддержка занятости и миграции: Аналитика на основе ИИ позволяет создавать образовательные и профессиональные программы, адаптированные к изменяющимся потребностям рынка труда региона.
- градостроительство и инфраструктура: Цифровое моделирование помогает планировать развитие социальной инфраструктуры с учетом демографической динамики.

Использование цифровизации и искусственного интеллекта в управлении демографическими процессами Центрального Черноземья способствует более точному мониторингу, прогнозированию и оперативному реагированию на вызовы. Это создает основу для устойчивого развития региона и повышения качества жизни населения. Для достижения максимального эффекта необходима интеграция технологий с государственными программами и активное вовлечение местного сообщества.

Список литературы:

1. Корчагина, Т. А. Демографические прогнозы для России / Т. А. Корчагина // Russian Economic Bulletin. – 2024. – Т. 7, № 5. – С. 30–36.

2. Путин рассказал о задачах по демографической ситуации. URL: <https://ria.ru/20241205/putin-1987538052.html> (дата обращения 10.05.2025).
3. Демографический кризис требует не карательных мер, а социальных. URL: [https://octagon.media/istorii/nacproekt_demografiya_vypolnen_strana_poteryala_eshhe_130_tysyach_chelovek.html?ysclid=m4hi2a80di308785007проебразованийhttp://kprfrh.ru/2024/10/16/\(дата обращения 10.05.2025\)](https://octagon.media/istorii/nacproekt_demografiya_vypolnen_strana_poteryala_eshhe_130_tysyach_chelovek.html?ysclid=m4hi2a80di308785007проебразованийhttp://kprfrh.ru/2024/10/16/(дата обращения 10.05.2025)).

Возвратная миграция соотечественников: состояние и вектор развития

Шевцова Татьяна Васильевна
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, gildenberg@yandex.ru

Возвращение соотечественников, проживающих за рубежом, для будущего РФ имеет важное стратегическое значение как демографическом плане, так и с точки зрения социально-экономических и геополитических интересов. Российское государство заинтересовано в возвращении той части русского народа, которая оказалась отрезанной от территории современной России и может быть безболезненно интегрирована в российское общество.

Регулирование процессов переселения соотечественников – одно из приоритетных направлений современной государственной миграционной политики России. Решение задач по созданию стимулов для возвращения соотечественников входит в число наиважнейших мер по претворению в жизнь Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года, утвержденной Правительством РФ 15 марта 2025 года.

Каковы масштабы, тенденции и проблемы возвращения соотечественников на современном этапе развития страны? Как могут и должны меняться регулирующие механизмы в данной сфере? Рассмотрение этих вопросов положено в основу данной работы.

Важное место в системе мер по стимулированию возвратной миграции занимает Госпрограмма по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, утверждённая Указом Президента РФ от 22 июня 2006 г.. С начала выполнения госпрограммы в Россию переехало на постоянное место жительства свыше одного миллиона соотечественников и членов их семей [1, с. 89].

За прошедшие годы в динамике возвращения соотечественников произошли ощутимые изменения, связанные с изменениями в экономическом и геополитическом положении России. Рост численности участников Программы продолжался вплоть до 2015 года. С середины 2010-х годов миграционная привлекательность России для потенциальных переселенцев

снизилась, масштабы репатриации стали заметно сокращаться. По данным российской статистики, в 2023 году в рамках программы в Россию переселились 38,3 тыс. человек. За последние 7 лет (2015–2023 гг.) количество участников Госпрограммы снизилось почти на 80% [2].

Практическая реализация программы переселения продолжает сталкиваться с целым рядом организационных и социально-экономических проблем, не позволяющих эффективно сочетать ожидания и возможности переселенцев с реальными потребностями и ресурсами российских регионов.

Наиболее острые проблемы политики в области переселения связаны с тем, что экономическая компонента переселенческой программы заметно преобладает над её гуманитарной составляющей. В российских регионах политика по возвращению соотечественников ориентирована на организованный набор рабочей силы, что существенно сужает круг потенциальных участников переселения.

Острыми проблемами возвращения являются сложные и длительные процедуры легализации соотечественников, верификация документов, решение вопросов пенсионного обеспечения. Регистрируясь по месту пребывания, переселенцы испытывают серьёзные трудности при постановке на учёт по улучшению жилищных условий, ипотечном кредитовании, регистрации автомобилей, устройстве детей в дошкольные учреждения, получении пособий по безработице и социальных видов помощи.

Серьёзные трудности у переселенцев напрямую связаны с их вхождением на рынок труда, так как при отборе претендентов на участие в программе акцент делается на приём востребованных специалистов. Ограничениями являются возрастные, образовательные, квалификационные и профессиональные характеристики переселенцев, привязка возможности получения статуса участника переселенческой программы к конкретному рабочему месту, недостатки получения достоверной и доступной информации о потребностях экономики регионов в кадрах.

Одним из самых важных вопросов для переселенцев является жилищное обустройство. Как правило, региональные программы не предусматривают предоставления жилья в собственность, а большинство участников программ не в состоянии нести расходы по аренде и приобретению постоянного жилья, а также воспользоваться механизмами ипотечного кредитования.

Адекватное реагирование на проблемы возвращения соотечественников диктует необходимость корректировки действующей переселенческой программы. Специалисты констатируют, что «требуется принятие решений, направленных на разрешение противоречия между общим гуманитарным характером переселенческой программы и практикой избирательного селективного подхода к отбору её участников» [3, с. 115]. Для желающих переехать в Россию нужно снять ограничения по профессиональному критерию. В случае отсутствия в выбранном регионе работы по специальности следует за счёт бюджетных средств предлагать репатрианту профессиональную переподготовку для получения новой профессии или повышения квалификации.

В рамках региональных переселенческих программ необходимо создавать более привлекательные условия для жилищного обустройства переселенцев. Большое значение имеет развитие и расширение сети центров временного размещения переселенцев. Целесообразно решение вопроса о расширении географии выдачи жилищных сертификатов для участников госпрограммы, которые можно использовать как на приобретение (ипотеку) нового (строящегося) жилья, так и на покупку недвижимости на вторичном рынке. Важными могут стать решения о предоставлении участникам переселенческой программы субсидий на приобретение и аренду жилья, оплату коммунальных услуг и возврат ипотечных кредитов.

Особого внимания заслуживают проблемы возвращения, адаптации и интеграции соотечественников в восточных регионах РФ. Для поощрения притока переселенцев в районы Сибири и Дальнего Востока необходимо включить в действующие переселенческие программы комплекс дополнительных мер и преференций, направленных на создание более благоприятных условий для возвращения соотечественников в сравнении с переселением в европейские территории страны.

Список литературы:

1. Леденёва В.Ю. Миграционная политика в Российской Федерации. – М.: Российский государственный гуманитарный университет. РГГУ, 2023. – 201 с.
2. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2023 году / Статистический бюллетень. М., 2024 и предыдущие годы выпуска статистического сборника. – // URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>.
3. Красинец Е.С. Возвратная миграция в Россию: тенденции прошлого и реалии настоящего // Народонаселение. – 2022. – Т. 25. – № 1. – С. 105–117.

Секция 4. Жилищная политика и рынок жилья: социально- экономические проблемы

Обеспечение жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без родительского попечения

Басос Евгения Владимировна
Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
Москва, Россия, BASOS@yandex.ru

Дети, оставшиеся без родительского попечения, в том числе дети-сироты (далее – дети, оставшиеся без родительского попечения), подлежат особой социальной защите. При этом среди таких детей в наиболее уязвимом положении находятся несовершеннолетние, пребывающие в специализированных организациях, оказывающих услуги (социальные, образовательные, медицинские) в стационарной форме. Являясь законными представителями детей, подобные организации реализуют полномочия опекунов (попечителей), в том числе осуществляют деятельность по предупреждению нарушений имущественных прав несовершеннолетних и их восстановлению в случае нарушения, по эффективному использованию принадлежащего детям имущества.

Необходимость особого внимания к детям, оставшимся без родительского попечения, в отношении которых избрана временная несемейная форма устройства, отражена в Методических рекомендациях по вопросам защиты имущественных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, проживающих в организациях социального обслуживания (детских домах-интернатах), предоставляющих социальный услуги в стационарной форме, разработанных Минпросвещения России (далее – Рекомендации) [1].

В соответствии с Рекомендациями к важнейшим имущественным правам детей, оставшихся без родительского попечения, в жилищной сфере относятся:

- а) право на сохранение права собственности на жилое помещение;
- б) право на сохранение права пользования жилым помещением;
- в) право на получение жилого помещения при его отсутствии или невозможности возвращения в принадлежащее жилье.

Закрепление и сохранение имеющихся прав несовершеннолетних на жилое помещение предполагает, в первую очередь, обеспечение надлежащего санитарно-технического состояния жилого помещения,

проведения ремонта жилого помещения и общего имущества многоквартирного дома.

В случае признания жилого помещения, принадлежащего ребенку, оставшемуся без родительского попечения, непригодным для проживания представляется необходимым вместо компенсации, предусмотренной по общему правилу (ст. 32 Жилищного кодекса РФ [2], далее – ЖК РФ), предоставлять другое жилое помещение.

Во-вторых, необходимо надлежащее юридическое закрепление правовых гарантий детей, оставшихся без родительского попечения, в частности, оформление договора социального найма или внесение в него изменений в части добавления информации о несовершеннолетнем члене семьи нанимателя. В том случае, если ребенок, оставшийся без родительского попечения, проживает в специализированной организации, то важно не допустить утрату им права пользования жилым помещением по договору социального найма в связи с длительным отсутствием на основании заявления заинтересованных лиц. Гарантией обеспечения прав несовершеннолетних выступает ст. 71 ЖК РФ, закрепляющая, что временное отсутствие нанимателя и/или членов его семьи не влечет за собой изменение их прав и обязанностей по договору социального найма. Судебная практика подтверждает данное правило, уточняя, что факт проживания детей до совершеннолетия не по месту регистрации не может являться основанием для признания их утратившими право пользования жилым помещением, учитывая невозможность самостоятельно осуществлять свои жилищные права в силу возраста до достижения совершеннолетия [3].

Если в жилом помещении по договору социального найма остается проживать исключительно несовершеннолетний, то в течение трех месяцев необходимо в обязательном порядке оформить право собственности ребенка на жилое помещение в порядке приватизации (ст. 2 Закона РФ от 04.07.1991 №1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» [4]).

Дети, оставшиеся без родительского попечения, а равно и иные несовершеннолетние, являющиеся собственниками жилья, не освобождены от уплаты соответствующих налогов, которые, по факту, должны погашаться их законными представителями. Однако в случае банкротства последних имущественные права детей остаются без надлежащей защиты, что позволяет согласиться с мнением о необходимости закрепления в налоговом законодательстве РФ дополнительных гарантий прав несовершеннолетних, позволяющих признать образовавшуюся задолженность безнадежной к взысканию и списать ее [5]. Кроме того, в делах о банкротстве их законных представителей следует обратить внимание в целом на правовой статус несовершеннолетних, который должен обеспечивать сохранение имущественного положения детей, необходимого для их развития. Согласно абз. 3 п. 2 ст. 213.6 ФЗ от 26.10.2002 г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [6] при вынесении арбитражным судом определения о признании обоснованным заявления должника, конкурсного кредитора или уполномоченного органа о признании гражданина банкротом, введении реструктуризации его долгов или признании гражданина банкротом и

введении реализации имущества суд привлекает к участию в деле орган опеки и попечительства.

Экономически эффективное использование жилого помещения, закрепленного за оставшимся без родительского попечения несовершеннолетним, в котором он не проживает, предполагает, в частности, временное предоставление жилья третьим лицам по договору поднайма, если ребенок является нанимателем по договору социального найма, а также по договорам коммерческого найма жилого помещения или доверительного управления имуществом, если ребенок – собственник жилья. Заключая данные договоры важно обратить внимание на срок их действия, который должен учитывать момент возникновения потребности в жилье непосредственно у несовершеннолетнего. Кроме того, в рамках договора доверительного управления имуществом необходимо четко определить, в чем заключаются интересы несовершеннолетнего собственника: получение дохода от использования имущества для покрытия необходимых трат (на здоровье, образование), проведение ремонта в жилье с целью увеличения его стоимости или улучшения технического состояния, поскольку это будет влиять на возможность расторжения договора и его правовые последствия.

Жилищные права детей, оставшихся без родительского попечения, подлежат учету и защите и в случаях, если такие несовершеннолетние выступают членами семьи собственника жилого помещения или имеют право пользования жильем по другим основаниям. Согласно ч. 2 ст. 292 Гражданского кодекса РФ [7] (далее – ГК РФ) отчуждение жилого помещения, в котором проживают оставшиеся без родительского попечения несовершеннолетние члены семьи собственника, если при этом затрагиваются права или охраняемые законом интересы указанных лиц, допускается с согласия органа опеки и попечительства. Более того, Верховный Суд РФ возлагает на суд проверку обеспечения имущественных прав несовершеннолетних и при заключении сторонами спора мирового соглашения, предметом которого выступает жилое помещение [8].

Подводя итог, следует отметить отсутствие системного правового регулирования в области обеспечения жилищных прав несовершеннолетних, оставшихся без родительского попечения, что требует согласования по данному вопросу гражданского, семейного, жилищного, градостроительного и налогового законодательства, а также законодательства о банкротстве.

Список литературы:

8. Письмо Минпросвещения России от 28.10.2024 г. №АБ-3159107 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. №188-ФЗ // Российская газета. 12.01.2005. №1.
10. Апелляционное определение Московского городского суда от 10.10.2024 г. №33-44200/2024.
11. Бюллетень нормативных актов. 1992. №1.

12. Жукова О.В. Защита имущественных прав несовершеннолетних при банкротстве их законных представителей: вопросы теории и практики // Вестник гражданского процесса. 2024. №5. С. 282.
13. Российская газета. 02.11.2002. №209–210.
14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30.11.1994 г. №51-ФЗ // Российская газета. 08.12.1994 г. №238–239.
15. Определение Верховного Суда РФ от 04.07.2023 г. №78-КГ23-23-К3 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Демографические эффекты жилищной политики

Вершинина Инна Альфредовна
Финансовый университет при Правительстве РФ
Москва, Россия, iavershinina@fa.ru

Национальный проект «Семья», реализация которого планируется на 2025–2030 годы, является одним из приоритетных для страны, о чем свидетельствует его финансирование: за указанные годы правительство потратит на национальные проекты 53,44 трлн руб., из которых 17,89 трлн руб., то есть треть выделит именно на «Семью» [1]. Причем если финансирование большинства национальных проектов предполагает как средства федерального бюджета, так и внебюджетные средства, то выделение средств на «Семью» полностью возложено на федеральный бюджет, что подчеркивает его значение для государства.

Очевидно, что один из самых сложных вопросов для многих граждан страны – жилищный, острота которого, как правило, возрастает по мере появления детей в семье, однако его решение не включается в данный национальный проект, что может значительно снизить его эффективность. С одной стороны, государство пытается помочь семьям в решении жилищного вопроса, например, предлагая льготную ипотеку, с другой стороны, несмотря на эту программу ипотека все равно оказывается для многих семей слишком тяжелым финансовым бременем, поскольку цены на новостройки довольно высокие, а даже 6% при большом сроке кредита могут увеличить стоимость жилья почти вдвое. Кроме того, эта программа затрагивает лишь те семьи, которые уже решились на рождение первого ребенка и имеют накопления для внесения первого взноса по ипотеке, но не учитывают репродуктивный потенциал брачных пар, откладывающих рождение ребенка из-за невозможности решения жилищного вопроса. Более того, в течение нескольких лет наблюдается устойчивый тренд на сокращение средней площади квартир, что даже заставило Москву ввести нормы по минимальной площади квартир, согласно которым жилье не может быть менее 28 кв. м [2], но стоит сразу оговориться, что это не затрагивает площадь апартаментов. Данное обстоятельство также не способствует созданию условий для увеличения числа детей.

Достижение целей Национального проекта «Семья» должно сопровождаться учетом того, что для многих именно жилищный вопрос является ключевым препятствием для реализации демографического потенциала. Соответственно, необходима корректировка существующих программ, которые должны затрагивать не только семьи с детьми, но и тех, кто откладывает рождение детей из-за невозможности решения жилищной проблемы.

Список литературы:

1. Куренев Д. Расходы на нацпроекты и их ключевые показатели до 2030 года – в графиках.
URL:<https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/03/23/1098033-rashodi-na-natsproekti> (дата обращения: 07.06.2025).
2. Трубилина М. Почему строящееся жилье уменьшается в размере, а продаваемое – растет. URL:<https://rg.ru/2025/03/25/ploshchad-kvadrata.html?ysclid=mbo01un2ge527472298> (дата обращения: 07.06.2025).

Взаимосвязь между изменениями на рынке жилищного строительства, развитием сельского хозяйства и динамикой населения в малых городах и сельских поселениях

Гареев Ильнур Фаилович

Казанский государственный архитектурно-строительный университет
Казань, Россия, igareev@mail.ru

Исследование уровня социально-экономического развития регионов, территориальных образований и населенных пунктов зачастую осуществляется по укрупненным показателям. Подобный подход может скрывать истинное положение дел и не позволяет обнародовать успешные практики государственного и муниципального управления, а также сбалансированные и эффективные формы жизнеустройства в отдельных населенных пунктах.

В условиях снижения численности населения и усиления диспропорций в пространственном развитии страны, показатели социально-экономического развития регионов считаем обязательным анализировать и сопоставлять в контексте развития (точнее говоря, влияния на развитие) демографической ситуации в регионе. Важность подобного контекста подтверждается и тем, что среди перечня показателей оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации среди первых критериев обозначены численность населения субъекта и суммарный коэффициент рождаемости.

В рамках предпроектного обоснования направлений социально-экономического развития одного из муниципальных районов Республики Татарстан нами поставлена цель по выявлению взаимосвязей между структурными изменениями в жилищном строительстве, сельском хозяйстве и демографической ситуацией. Мы исследовали как региональные показатели жилищного строительства, так и показатели сельских районов не только в Республике Татарстан, но и за его пределами, в которых ситуация (в лучшую сторону) отличалась от общего тренда.

В результате нашего исследования нами выявлено несколько малых населенных пунктов, в которых стабильная демографическая ситуация, при этом они отличаются видом экономического уклада и векторами государственной поддержки.

Динамика общего показателя ввода жилья в Республике Татарстан свидетельствует об увеличении объемов жилищного строительства. Средняя площадь строящихся жилых единиц демонстрирует стабильный уровень, и в контексте взаимосвязи с демографической ситуацией, казалось бы, не отличается какой-либо негативной динамикой. Однако при более детальном исследовании нам удалось выявить, что это только «статистическая стабильность» (показатель в масштабах всей республики), которая обеспечивается условным балансом между действительно малогабаритными квартирами в городах и поселениях Казанской агломерации (из-за высокой стоимости жилища) и типовыми квартирами в периферийных городах Республики Татарстан.

Большая часть периферийных сельских районов Республики Татарстан теряет население большими темпами, чем этот процесс идет в среднем по республике. При этом, исследуя показатели социально-экономического развития стабильных районов, мы выявили их высокую корреляцию с поголовьем крупного рогатого скота (и дойных коров): так, указанные районы-лидеры (Арский, Балтасинский, Кукморский, Сабинский) отличаются высокими значениями поголовья крупного рогатого скота (КРС) и стабильной численностью населения [5]. В этих же районах-лидерах нами выявлено более высокое значение суммарного коэффициента рождаемости и меньшее число разводов. При этом в некоторых районах Казанской агломерации (где высокий уровень жилищного строительства, показатель ввода по 2-3 кв.м в расчете на душу населения) значение суммарного коэффициента рождаемости заметно ниже, чем в периферийных районах-лидерах. Таким образом, рост численности населения достигается благодаря миграции, а не благодаря созданию семей на новом месте [2].

Аналогичный куст стабильных сёл-лидеров (с положительной корреляцией между поголовьем КРС и численностью населения) мы выявили и в Чувашской республике (села Шыгырдан, Токаево и Урмаево). К примеру, в с. Шыгырдан в 2002 г. насчитывалось 5059 чел., а на начало 2024 года - 5678 чел. Добавим еще один отличительный признак – преобладающей формой хозяйствования, благодаря которому стабильность поголовья КРС, является личное подсобное хозяйство или крестьянско-фермерские хозяйства (т.е. не крупные агрохолдинги) [6]. Успехи в сельском хозяйстве, в т.ч. благодаря эффективному субсидированию животноводства и коневодства [4].

Примером стабильной взаимосвязи традиционного экономического уклада и демографической ситуации является г.Белоярский (ХМАО), где на протяжении последних 15 лет наблюдается стабильная численность населения. К примеру, в 2009 г. в городе проживало 20081 чел., а на начало 2025 г. – 19900 чел. И одним из ключевых условий привлекательности проживания в городе являются доступные жилищные условия и комфортная городская среда.

По состоянию на начало 2025 года размер средней заработной платы составляет 133 тысяч рублей при рыночной стоимости жилья в 65 тысяч рублей за квадратный метр. По известной формуле равновесного состояния рынка жилой недвижимости «стоимость одного квадратного метра должна быть равна размеру средней заработной платы» получается так, что в г.Белоярский наблюдается уникально высокая доступность жилья (зарплата в 2 раза перекрывает стоимость одного квадратного метра). Доступная стоимость квадратного метра обеспечивается субсидированием его стоимости (до 45% от стоимости строительства).

Жители г.Белоярский имеют возможность в кратчайшие сроки обзавестись собственным жильем без длительных кредитных обязательств и при этом создавать накопления (например, для переезда на «дожитие» в более тёплые географические края). В целом, подобная модель жизнеустройства «живи здесь и сейчас, планируй будущее» выгодно отличается от большинства экономически развитых городов России, где граждане в силу невысоких доходов и высокой стоимости жилища «привязаны» ипотечными обязательствами на долгие годы к конкретному городу и рабочему месту (порой, не самым привлекательным).

Подтверждением привлекательности проживания является значительно более высокая доля граждан трудоспособного возраста в общем количестве (около 70% против, например, 57% в среднем по Республике Татарстан). При всей щедрости муниципальной поддержки в улучшении жилищных условий социальная обстановка в городе также является стабильно. К примеру, в российской практике подобные меры поддержки имели крайне пагубные последствия с точки зрения социокультурной среды (распространение пессимизма, алкоголизма и других девиантных явлений).

Таким образом подводя итоги нашего исследования, приведем в пример слова великого русского ученого-мыслителя Д.И. Менделеева, который трудолюбие вывел в один из ключевых факторов процветания отчизны: «Россия, взятая в целом, думается мне, выросла до требования свободы, но не иной как соединенной с трудом и выполнением долга. Виды и формы свободы узаконить, ...поощрить труд...» [3].

Другими словами, там, где граждане (в т.ч. молодое поколение [2]) проявляют большее трудолюбие, обеспечивается не только системное развитие традиционного экономического уклада, но и наблюдается активное демографическое поведение. В целом, всё это положительно влияет на рост благосостояния граждан. Как и то, что «труд» вознаграждается больше, чем «работа».

Список литературы:

1. Журавлева Е.К., Копцева О.А. Опорные точки многодетности в условиях трансформации современной России // Народонаселение, 2024. – Т. 27. – № S1. – С. 28–37. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-28-37 EDN: PABRMG
2. Каменская Е.В., Ефимова А.А., Степанова И.А. Сельская демография Псковской области // Известия Великолукской государственной сельскохозяйственной академии, 2016. – № 3. – С. 43–52. – EDN WWTGMT.
3. Менделеев Д.И. Заветные мысли: Полное издание (впервые после 1905 г.). – М.: Мысль, 1995. – 416. с. ISBN 5-244-00766-1
4. Никулина Ю.Н., Юрченко Т.В., Суровцев В.Н. Зависимость численности сельского населения от уровня развития сельского хозяйства: анализ панельных данных Ленинградской области // Народонаселение, 2021. – Т. 24. – № 1. – С. 90–102. DOI: 10.19181/population.2021.24.1.9; EDN: LMSEFV
5. Стерник С.Г., Гареев И.Ф., Хурамшина А.З., Пилипенко И.В. Взаимосвязь изменений на рынке жилищного строительства и депопуляции населения в сельских районах // Жилищные стратегии, 2025. – Т.12, № 2. – DOI 10.18334/zhs.12.2.122885. – EDN QXPMKT.
6. Тарасова О.Б. Анализ демографии предприятий в сельском хозяйстве РФ // Экономика сельского хозяйства России, 2019. – № 6. – С. 69–74. – DOI 10.32651/196-69. – DOI: 10.32651/196-69 EDN LRZSTY

Жилищная обеспеченность домохозяйств в России: изменения последних лет

Гузанова Алла Константиновна
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, [alla.guzanova@mail](mailto:alla.guzanova@mail.ru)

Исследованию проблемы, связанной с улучшением жилищных условий домохозяйств в России, был посвящен ряд научных работ [1–5]. Вместе с тем в последнее время в условиях заметного ухудшения социально-экономической ситуации, инфляции, роста цен и недоступности жилья вопрос этот представляется весьма актуальным. В этой связи для анализа изменений в жилищной обеспеченности домохозяйств были использованы данные репрезентативных мониторинговых социологических обследований домохозяйств «Комплексные наблюдения условий жизни населения» (КОУЖ), проведенных Росстатом в 2011–2024 годах [6]. Особый акцент был сделан на результатах недавнего КОУЖ, проведенного в 2024 году.

Согласно жилищной статистике, обеспеченность россиян жильем год от года увеличивается. Она составила в 2024 году 29,4 кв. метров на человека.

Однако, когда мы обращаемся к обследованиям КОУЖ, показатели занимаемого домохозяйствами жилья существенно ниже и в 2011-2022 гг. практически не росли, составляя 23-24 кв. метров на человека. Результаты КОУЖ 2024 г. свидетельствуют о весьма заметном росте этого показателя за два последних года – до 27,4 кв. метров. В прошлые годы жилищная обеспеченность сильно зависела от территориальных факторов. Прежде всего, это теснота проживания в крупных городах, особенно мегаполисах. В 2024 году показатели улучшились по всем типам поселений, а особенно в Москве и городах-миллионниках.

Что касается зависимости жилищной обеспеченности от социально-демографического состава домохозяйств, семьи с детьми до 18 лет проживают в два раза более тесно по сравнению с домохозяйствами без детей, особенно тяжелым является положение многодетных. Следует также отметить низкую обеспеченность жильем неполных и молодых семей. Динамика этого показателя за 2014-2024 годы показывает, что год от года росла жилищная обеспеченность домохозяйств без детей, особенно одиноко проживающих. Среди них она достигла 48,9 квадратных метров, что в два раза выше среднероссийских показателей. Разница с семьями с детьми составляет 3 раза, с многодетными домохозяйствами – 3,5 раза. Улучшения последних двух лет касаются в основном домохозяйств без детей.

На основании КОУЖ 2014-2024 годов нами были проанализированы характеристики принадлежащих домохозяйствам жилых помещений, помимо основного жилья. У значительной части домохозяйств имеется второе жилье – квартиры, дачи и загородные дома. Наибольшее распространение это получило в 2018 году, когда доля домохозяйств, имеющих жилые помещения, помимо основного жилья, доходила до 20%, в том числе в Москве до 36% [7]. В последующие годы эта доля снижалась и составила в 2024 году в среднем 15,8%. Большое снижение произошло в крупных городах, особенно в Москве (с 36% до 19%). Второе жилье вполне сопоставимо с основным жильем, увеличивая жилплощадь домохозяйств почти в 2 раза, а в случае индивидуальных домов – более, чем в 2 раза. Что касается уровня благоустройства, то более половины опрошенных домохозяйств указали, что их второе жилье пригодно для круглогодичного проживания.

Результаты КОУЖ позволяют исследовать поведение домохозяйств, связанное с выбором места проживания, типа жилья – квартиры или собственного дома, способы приобретения жилья [8, с.188-192]. Что касается улучшения жилищных условий то за период 2011-2024 годов наиболее благоприятная ситуация была в 2018 году. Тогда 16,7% российских домохозяйств высказали намерения в ближайшие 2-3 года улучшить свои жилищные условия. Их имели 25,8% домохозяйств с детьми, в том числе 35,4% многодетных и 35,5% молодых семей. В 2020-2022 годах таких планов было уже меньше, их высказывали 13-14% опрошенных. А вот за последние два года это количество резко уменьшилось до 9%. Соответственно, сегодня в этом заинтересованы 16,7% домохозяйств с детьми, в том числе 24,2% многодетных и 18,4% молодых семей. Для семей с детьми и молодежи настоятельность жилищного вопроса была и остается весьма высокой. Но нынешняя

социально-экономическая ситуация зачастую сводит на нет когда-то большие намерения.

Число домохозяйств, которые находились в процессе строительства своего нового жилья, возросло с 2,1% в 2011 году до 2,7% в 2020 году и снизилось до 2,1% в 2022 году. В 2024 году это составили 2,4%, в том числе 4% семей с детьми, 5,6% многодетных домохозяйств и 4,5% молодых семей. Семьи с детьми строили квартиры – 1,8%, дома для ПМЖ – 1,3%, дачи – 0,8%. Молодежь отдавала предпочтение квартирам – 2,8%, а также домам для ПМЖ – 1%.

Проведенный нами анализ подтвердил весьма стесненные жилищные условия российских домохозяйств и низкий уровень благоустройства их жилищ. Рынок жилья работает в основном на домохозяйства без детей и одиноко проживающих, формируя спрос на малогабаритное жилье, не отражающее потребности семей с детьми. Оценки домохозяйств говорят о том, что к 2024 году заметно снизились возможности по улучшению жилищных условий. Массовое строительство индивидуального жилья могло бы стать одним из средств решения жилищного вопроса. Задачей первостепенного значения является также повышение уровня благоустройства жилья, переход от тесных жилищ без удобств к современным просторным домам и квартирам, необходимым для достойной жизни и рождения детей.

Список литературы:

1. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. О рисках в сфере уровня жизни населения России, возможностях и решениях по их снижению // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 1. С. 59–75. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75 EDN IJGJXW
2. Чашина Т.В. Государственная политика по улучшению жилищных условий семей с детьми в современной России (2002–2024 гг.) // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 555–570. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_6_555_570 EDN HWEVAS
3. Елисеева И.И., Боченина М.В. Спрос на рынке жилья и потребности россиян: эконометрический подход // Экономическое возрождение России. 2022. № 4(74). С.41–56. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-4-74-41-56> EDN YQDDWY
4. Локосов В.В., Пилипенко И.В., Шнейдерман И.М. Малоэтажное жилье как приоритет в повышении жилищной обеспеченности российских семей // Народонаселение. 2024. Том 27. № S1. С. 161–176. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-161-176> EDN EYULIA
5. Гузанова А.К. Жилищная обеспеченность домохозяйств с детьми в современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2025. №1. Том 21. № 1. С. 43–58. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_1_3_43_58 EDN NOGOXV

6. Итоги Комплексных наблюдения условий жизни населения в 2024 году. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL:https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2024/index.html (дата обращения 10.05.2025).
7. Гузанова А.К. Пригородное второе жилье как способ решения жилищной проблемы городских домохозяйств в России // Материалы V Международной научно-практической конференции «Социальная динамика населения и человеческий потенциал», 22-23 июня 2023, Москва, Россия. М.: ИСЭПН ФНИСЦ РАН, М.: 2023. 434 с. С. 292-295.
8. Основы экономического поведения и благосостояния населения: [монография] / О. А. Александрова, О. А. Алексеева [и др.]; отв. ред. А. В. Ярашева; ИСЭПН ФНИСЦ РАН. М.: ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2024. 351 с. ISBN 978-5-89697-433-8 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-433-8.2024> EDN SIXQTV

«Общага» как первое молодежное жилье: критерии удовлетворенности в Яндекс-отзывах (на материале учебных заведений калуги)

Казакова Анна Юрьевна
Институт научной информации по общественным наукам РАН
Москва, Россия, kazakova.a.u@yandex.ru

Проживание в общежитии в студенческий период является важным этапом социализации. В литературе регулярно рассматриваются приобретение студентами в общежитии опыта межкультурной коммуникации за счет интенсивных межнациональных контактов и конфликтов [3]; проблемы адаптации собственно к студенческой роли [6], в том числе направляемой осознанной воспитательной педагогической деятельностью [4], [1], [5]. Вместе с тем, в этих работах социализация студента, проживающего в общежитии, рассматривается как общая часть социализационных процессов, а само общежитие – как продолжение университетской среды, в отрыве от специфики особого вида социализации – жилищной, в ходе которой молодой человек осваивает роли домохозяина, соседа, гражданина, включенного в систему жилищно-коммунальных хозяйственных и административных институтов. В условиях чрезвычайной неоднородности этого качества даже в пределах одного учебного заведения (ветхий и аварийный фонд, числящийся на балансе; общежития, построенные в советский период; новые корпуса и даже кампусы, ориентированные на модель университетских, академических городков, опирающихся на высокотехнологичную среду; сочетание «социальных» и «коммерческих» мест внутри одного общежития), студенты из одного и того же учебного заведения, в границах одного населенного

пункта сталкиваются с объективным неравенством не только с точки зрения комфортности жилищных условий как таковых, но и в аспекте доступа к образовательным возможностям и технологиям. Это неравенство может быть явным и скрытым, осознаваемым и неосознаваемым различными группами пользователей и сказываться положительно или отрицательно и на учебных достижениях и удовлетворенности вузом, и на формирующейся жилищной культуре личности как будущего домовладельца, собственника, члена семьи, соседа.

Проблема жилищной социализации и ресоциализации существует, но пока осмыслена крайне слабо как в экономическом, так и в социологическом и социально-психологическом аспектах. Само это понятие практически не представлено в научной литературе, за исключением нескольких статей С. В. Винькова, где жилищная социализация определяется как процесс «формирования социального опыта по удовлетворению потребности в жилище» [2].

Жилищная социализация имеет несколько относительно самостоятельных аспектов, которые тесно взаимодействуют друг с другом, но иногда могут вступать в конфликт.

Освоение правил обращения с жильем, норм, связанных с поддержанием и восстановлением его потребительских функций: уборка и ремонт, экономное и компактное, рациональное размещение вещей и людей в пространстве в зависимости от конструктивных особенностей жилища, санитарно-гигиенические и экологические аспекты (дезинсектизация, дезинфекция, проветривание, снижение уровня шума и пр.).

Освоение критериев и правил экономического поведения в отношении жилья как товара, включая добавленную потребительскую стоимость, возникающую при вложении труда и средств (пристройки, сантехника, палисадники, ограды, остекление) или при инвестиционном поведении (стоимость жилья при сдаче в аренду или в продаже).

Социокультурные нормы использования пространства, обусловленные традициями, обычаями, религиозными верованиями и суеверными предрассудками, ритуально-магическая сторона жилища (ориентация по сторонам света, «красный угол», границы и их пересечение).

Гендерная, возрастная, семейно-статусная и прочая социальная дифференциация ролей жильца, структурирования домашнего пространства и распределения домашних благ, регламента осуществления совместных действий по отношению к жилищу и в жилище.

«Обычное право» собственности в жилище: «свое» пространство и «свои» вещи, нормы и правила его соблюдения, санкции за нарушение.

Освоение социальных правил и конвенций во взаимоотношениях неродственных сообществ (в частности, соседских) и представителей институтов (почтальоны, курьеры, коммунальщики, медики и пр.)

Функционал жилища с учетом различных типов жилья: проблема совместимости жилого пространства с различными видами профессиональной деятельности. Например, на дому в многоквартирном здании можно заниматься репетиторством или переводами, открыть курсы кройки и шитья или живописи, но вот химическая лаборатория или столовая

мастерская обязательно привлекут внимание соседей и контролирующих органов. Такая деятельность, и то с натяжками, возможна только в отдельно стоящих хозяйственных постройках в частном домовладении. А музыкальная студия или кузнечная мастерская даже в частном секторе едва ли приживется.

С учетом всего перечисленного и опыта социального сравнения формируется также жилищный стандарт, жилищные предпочтения, удовлетворенность реальной жилищной ситуацией.

В современном обществе, где большинство ведет оседлый образ жизни и удовлетворяет большую часть своих потребностей через владение или пользованием жилищем, которое изначально предоставлено человеку как некая данность, будь то родительское жилье или детский дом, процесс формирования этого социального опыта носит спонтанный, плохо отрефлексируемый, характер. Только при столкновении жилищных культур, при возникновении конфликтов между субъектами жилищных отношений обнаруживается, что жилищная социализация, как и любой другой ее вид, может быть полной и неполной, первичной и вторичной, а в отдельные, поворотные моменты жизни человек может столкнуться с необходимостью жилищной ресоциализации. Академическая мобильность в юношеском возрасте становится одной из типовых ситуаций, ставящих жилищную проблему, которая требует быстрого решения: что делать, если нужное учебное заведение не предоставляет общежития; арендовать отдельное жилье или жить в общежитии; как приспособиться к жизни в общежитии. Во всех случаях ключевым компонентом является качество данного типа жилья и предсказание преимуществ и недостатков проживания в нем.

Поставив задачи выявления критериев оценки качества жилищно-бытовых условий студенческого общежития, представленные в отзывах, оставленных пользователями на Яндекс-картах, а также проверки зависимости степени удовлетворенности условиями проживания в общежитии по выявленным критериям от характеристик пользователя, самого общежития и района его расположения, автор проанализировала 327 отобранных сплошным способом отзыва, посвященных 24 отдельно стоящим корпусам общежитий при трех высших учебных заведениях и при восьми учреждениях среднего профессионального образования Калуги. Использовалась целевая непрерывная числовая переменная балла общей оценки, которой пользователь сопровождал свой отзыв, независимые номинальные переменные принадлежности общежития конкретному учебному заведению, части города, где оно расположено (пригород, окраины, молодой центр или историческая часть), год постройки, пол и категория автора (пользователя). Собственно в тексте отзыва выделялись критерии, на основе которых автор характеризует объект и выносит ему оценку. Значениям приписывались баллы «-1» (эксплицитно выраженная негативная оценка жилищной ситуации по данному критерию), «0» (критерий не упоминается либо порождает в тексте одного отзыва две противоположные оценки), «1» (эксплицитно выраженная позитивная оценка жилищной ситуации по данному критерию). Оценки ранжировались; выявлялись значимые корреляции между итоговой оценкой и характеристикой по критерию;

проводился однофакторный дисперсионный анализ, позволявший сгруппировать и противопоставить друг другу объекты оценивания и категории авторов.

По итогам исследования определено, что критерии, по которым оценивается такая жилищно-территориальная единица, как общежитие, существенно отличаются от тех, на которых основываются обычно характеристики качества жилья самостоятельных (частных) домохозяйств. Практически незаметной, малозначительной характеристикой в условиях общежития оказывается жилая площадь и плотность проживающих, а первоочередное значение приобретает давность ремонта, от которой производно санитарное состояние. Фактором, повышающим удовлетворенность, является связность учебной и жилой среды одного образовательного учреждения с выраженной тенденцией видеть в качестве идеальной модели жилого пространства наличие собственной инфраструктуры, обеспечивающей возможность автономного существования, без привязки к общегородской или районной сети торговых и прочих инфраструктурных объектов. Существенной спецификой оценивания общежития является внутренний регламент и локально-правовые отношения, воплощенные в фигуре коменданта, охранников, вахтеров. Сквозь призму места студента в сложившейся в общежитии системе властных иерархий учебные заведения отличаются друг от друга довольно сильно, и именно на этой почве рождаются ощущаемые студентами формы неравенства, которые в отзывах определяются как несправедливость. На эту несправедливость студент как «субалтерн» реагирует широчайшим разнообразием тактик сопротивления и уклонения от сложившегося нормативного порядка.

Удовлетворенность условиями проживания в общежитии и удовлетворенность обучением в конкретном учреждении образования теснейшим образом связаны друг с другом. Степень бытового комфорта формирует эмоционально-оценочное отношение к вузу и наоборот, восприятие самого вуза непосредственно включено в состав критериев, по которым студентом и родителями оценивается первичная (жилая) университетская среда (общежитие). Если пользователи уверены в высоком качестве образования, которое предоставляет учебное заведение, в открывающихся перед студентом перспективах мобильности, это компенсирует даже предельно некомфортные жилищно-бытовые условия. Социализационно-средовой потенциал общежития (формирование групп по интересам, расширение кругозора за счет широты социального общения, завязывание полезных знакомств, поиск брачных и даже сексуальных партнеров) зачастую является аргументом в пользу общежития и при выборе между заселением в него и арендой отдельного жилья или проживанием с родственниками. Это доказывается не только случаями рациональной аргументации оценки или выбора непосредственно в тексте отзыва, но и постоянным появлением характеристик учебного заведения в тексте отзыва об общежитии. Соответственно, применительно к временному студенческому корпоративному жилью престиж вуза выступает аналогом престижа микрорайона или иной части города в оценках жилищных условий частных домохозяйств. Разницу в восприятии общежития у разных категорий

пользователей (студенты и абитуриенты, выпускники, родители, представители территориально-соседского сообщества) дискриминируют переменные, связанные с инициационными функциями общежития в качестве среды вторичной социализации.

Список литературы:

1. Болтачева Е. В. Социально-культурное развитие студентов в рамках воспитательной деятельности общежития // Педагогика. Общество. Право. – 2013. – № 3(7). – С. 48–53.
2. Виньков С. В. Теоретические основания концепта «Жилищная социализация» // Terra Linguistica. 2014. №3 (203). С. 36–45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovaniya-kontsepta-zhilishchnaya-sotsializatsiya> (дата обращения: 19.06.2025).
3. Кадырова Э. И. Общежитие как пространство для межнациональной коммуникации студентов // Вестник экономики, права и социологии. – 2023. – № 2. – С. 143–147.
4. Кондракова Э. Д. Противодействие экстремизму на территории образовательной организации и студенческих общежитий: из опыта работы // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2017. – № 4. – С. 285–295.
5. Олесова М. Д., Иванова А. В. Социально ориентированная педагогическая деятельность колледжа // Современные наукоемкие технологии. – 2021. – № 2. – С. 199–203. – DOI 10.17513/snt.38518.
6. Правило И. В., Ракачев В. Н. Как становятся студентами: практический опыт адаптации в общежитии / // Голос минувшего. – 2020. – № 1–2. – С. 77–93.

Модель тарифного регулирования естественных монополий

Кудрявцев Константин Александрович
Марийский государственный университет
Йошкар-Ола, Россия, kudryvtsev_konst@mail.ru

В настоящее время существуют как нормативные, так и теоретические модели регулирования естественных монополий базовых отраслей, под которыми в данном исследовании понимаются рынки теплоснабжения, водоснабжения и водоотведения.

Нормативные модели декларируются в соответствующих, указанным отраслям методических указаниях и зависят от выбранного ресурсоснабжающей организацией одного из четырех метода регулирования тарифов, которые можно посмотреть в п. 6 Методики 760-э [1]. Наиболее

распространенным является метод индексации установленных тарифов. Однако его применение ведет к ежегодному росту тарифов на услуги естественных монополий.

В 2015 г. был создан мегарегулятор посредством слияния ФАС России и ФСТ России, последняя не смогла победить в конкурентной борьбе и вошла в структуру антимонопольного органа. При этом ФАС России, так и не решившая проблемы со сдерживанием роста тарифов. Основным инструментом мегарегулятора – это проверки региональных регуляторов, выявление экономически необоснованных расходов с дальнейшей выдачей предписаний об их исключении. Так, по результатам проверок 2023 г. ФАС России исключило из необходимой валовой выручки экономически необоснованных расходов в размере более 23 млрд. руб. [2, с.148], в 2024 г. – более 29 млрд. руб. [3, с.171-172]. При этом предписания ФАС России содержат поверхностный анализ расходов с указанием региональным регуляторам на необходимость проведения новой оценки экономической обоснованности затрат за прошлые периоды регулирования, установления нового тарифа и дальнейшего отчета перед мегарегулятором.

В Республике Марий Эл в 2023 г. ФАС России были проверены крупные теплоснабжающие организации. В 2024 г. четыре компании обжаловали действия регионального регулятора в Верховном Суде Республики Марий Эл. Основные обжалуемые статьи расходов, входящие в состав необходимой валовой выручки (НВВ):

- заработанная плата, учитывается в операционных расходах;
- расходы на электрическую энергию, амортизационные отчисления
- неподконтрольные расходы;
- корректировки НВВ прошлых периодов регулирования, с целью учета отклонений фактических значений параметров расчета тарифов от значений, учтенных при установлении тарифа.

При этом для расчета корректировок необходимо по сути пересчитать всю НВВ организации.

По всем делам были назначены судебно-экономические экспертизы, экспертом выступал автор, результаты положительные. Указанное свидетельствует о неэффективности текущей модели регулирования тарифов.

Новой моделью, которая бы сдерживать рост тарифов могла стать "альтернативная котельная", на основе ценовых зон. Однако на практике при использовании альтернативной получили обратный результат, так «для Екатеринбурга предельная планка может составить 3,8 тыс. рублей за гигакалорию против действующего на сегодня тарифа в 1,9 тыс. рублей» [4].

Другая модель тарифного регулирования, которая способствует модернизации инфраструктуры ЖКХ связана концессией. Сторонами концессионного соглашения являются Концедент (например, муниципальное образование), Концессионер (ресурсоснабжающая организация) и регион в лице Главы или Губернатора. Концессионер за свой счет создает или реконструирует объект инфраструктуры. При этом в соответствии с Концессионным соглашением регион обязан устанавливать тарифы в соответствии с долгосрочными параметрами регулирования, определенными в самом соглашении. Однако данная модель тарифного регулирования также

оказалась подверженной влиянию региональных регуляторов, в судебной практике существуют споры, связанные с величиной НВВ и исполнением параметров, определенных в Соглашении.

Указанные результаты регулирования способствуют повышению социальной напряженности в регионах.

В теории регулирования существует проблема неблагоприятного отбора, когда одной стороне (ресурсоснабжающей компании) известно больше информации о своей эффективности, чем другой стороне (регулятору). Ж.-Ж. Лаффонт и Ж. Тироль попытались решить, указанную проблему, построив соответствующую модель [5].

Модель показала, что эффективной компании выгоднее выбирать тариф с большей постоянной частью затрат и повышать свою эффективность, экономя на издержках. Низкоэффективной компании выгоден тариф с переменной частью затрат, повышая при этом производительность компании будут получать субсидии от государства за возникающие убытки. Примененная в модели теория контрактов не решила проблем тарифного регулирования, в связи с чем автором сделана попытка разработать меню контрактов модели тарифного регулирования естественных монополий, с учетом теории экономической безопасности.

«Первый тип контракта.

$$Ti1 = \frac{HVB_i}{Q_i}, \quad (1)$$

где HVB_i – необходимая валовая выручка, руб.

Q_i – объем водоснабжения (водоотведения), тыс. м³, или объем полезного отпуска тепловой энергии, тыс. Гкал.

$$HVB_i = OP_i + PЭ_i.$$

(2)

Второй тип контракта.

$$Ti2 = \frac{OP_i}{Q_i}. \quad (3)$$

Далее:

$$Ti2 = \frac{HVB_i - OP_i}{Q_i}. \quad (4)$$

Возможен также еще более компромиссный вариант:

$$Ti2 = \frac{PP_i}{Q_i}. \quad (5)$$

PP_i – расходы на ремонт.

Далее:

$$Ti2 = \frac{HVB_i - PP_i}{Q_i}. \quad (6)$$

Для всех вариантов меню контрактов второго типа при превышении запланированного объема среднегодового расходования ресурсов потребитель оплачивает товар *по пониженному тарифу* (1)» [6, с. 447-449].

Предложенную модель тарифного регулирования естественных монополий на товарных рынках базовых отраслей, с учетом нового меню контрактов можно представить следующим образом:

$$t(C1, C2) = Ti1 * \frac{\sum_{i=1}^5 Qi}{5}, \text{ если } Qi > \frac{\sum_{i=1}^5 Qi}{5}, \text{ то } + \frac{OPi+PЭi}{Qi} \vee Ti2 * \frac{\sum_{i=1}^5 Qi}{5}, \text{ если } Qi > \frac{\sum_{i=1}^5 Qi}{5}, \text{ то } + \frac{OPi+PЭi}{Qi}, (7)$$

где $t(C1)$ – тариф по первому типу контракта;

$t(C2)$ – тариф по второму типу контракта;

$Ti1$ – тариф на текущий год по 1 типу контракта;

$Ti2$ – тариф на текущий год по 2 типу контракта;

Qi – объем потребления ресурса в текущем году.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00062 «Экономическая безопасность субъектов системы тарифного регулирования товарных рынков базовых отраслей: тепловой энергии, водоснабжения и водоотведения».

Список литературы:

1. Приказ ФСТ России от 13.06.2013 № 760-э «Об утверждении Методических указаний по расчету регулируемых цен (тарифов) в сфере теплоснабжения» URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/70416706/paragraph/34:0> (дата обращения: 03.06.2025)
2. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2023 год URL: <https://fas.gov.ru/documents/689569> (дата обращения: 03.06.2025)
3. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2024 год URL: <https://fas.gov.ru/documents/689965> (дата обращения: 03.06.2025)
4. Шокирующий рост цен за отопление ожидает жителей Екатеринбурга URL: <https://eanews.ru/ekaterinburg/20241017115931/shokiruyuschiy-rost-tsen-za-otoplenie-ozhidaet-zhiteley-ekaterinburga?ysclid=mbgu8qe71x193925593> (дата обращения: 03.06.2025)
5. Laffont J-J., Tirole J. A Theory of incentives in procurement and regulation. MIT Press, Cambridge, MA, 1993. URL: <https://www.tse-fr.eu/books/theory-incentives-procurement-and-regulation> (дата обращения: 03.06.2025)
6. Кудрявцев К. А. Модель тарифного регулирования естественных монополий в условиях учета выбора потребителей // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2024. Т. 15. № 3. С. 439–453. EDN: <https://elibrary.ru/ouzgft>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2024.15.3.439-453>.

Субъективное восприятие домохозяйствами жилищной прекарности в регионах России

Литвинцев Денис Борисович

Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет
Новосибирск, Россия, denlitv@inbox.ru

Проблематика жилищной прекарности (доступности, безопасности и качества жилья) продолжает быть актуальной по всему миру как для арендаторов, так и для домовладельцев. В пользу этого утверждения свидетельствует существенный рост в последние годы публикаций представителей разных научных направлений на эту тему в социологических, экономических и профильных для жилищной сферы журналах. На сегодняшний день уже представлено несколько подходов для измерения жилищной прекарности в Европе, США и Австралии [1]. В 2024 г. с учетом зарубежного опыта и национальной специфики измерений автором настоящей статьи был предложен Региональный индекс жилищной прекарности (РИЖП), учитывающий различные объективные показатели государственной статистики [2]. С учетом определенных ограничений подобного метода оценки жилищной прекарности следующим шагом стала попытка обратиться к субъективным оценкам.

Для оценки восприятия жилищной прекарности в регионах России и с учетом выявленных ранее корреляций между жилищной прекарностью и удовлетворенностью жильем (по данным ВЦИОМ), а также намерениями улучшить свои жилищные условия (по данным Росстата) [3] автором предлагается Региональный индекс восприятия жилищной прекарности (РИВЖП). В качестве составных частей РИВЖП целесообразно использовать показатели из Комплексного наблюдения условий жизни населения, проведенного Федеральной службой государственной статистики в 2022 г. во всех субъектах Российской Федерации опросным методом (многофазная выборка, случайный отбор 60 тыс. домохозяйств). Это доля домохозяйств, указавших что: испытывают определенную или большую стесненность жилищных условий; собираются улучшить свои жилищные условия; испытывают потребность в улучшении жилищных условий; состояние своего жилого помещения как удовлетворительное, плохое или очень плохое [4].

Выбор именно этих показателей восприятия жилищной прекарности связан, с одной стороны, как с ограничениями самого вопросника для домохозяйств, применяемого Росстатом, а с другой стороны – с необходимостью учитывать мнение домохозяйств, проживающих не только в многоквартирных, но и индивидуальных жилых домах. В связи с этим не были учтены оценки состояния прилегающей к дому территории, качества коммунальных услуг и т.п. Это, однако, не исключает возможности расчёта

индекса восприятия жилищной прекарности отдельно для многоквартирных домов, проживание в которых преобладает в России.

По аналогии с РИЖП при расчёте РИВЖП применялась минимаксная нормализация, а итоговое значение РИВЖП представляет собой среднее арифметическое значение и варьируется по шкале от 0 (восприятие жилищной прекарности минимальное) до 1 (жилищная прекарность воспринимается как максимальная).

В число регионов с минимально воспринимаемой жилищной прекарностью также, как и по результатам расчета РИЖП [3] вошли Курская и Белгородская области, в отличие от Москвы и Санкт-Петербурга, у которых показатель РИВЖП несколько выше. Регионом-лидером в этом плане стала Республика Ингушетия со значением РИВЖП стремящимся к нулю. При этом регионом-аутсайдером с существенным отрывом стал Ненецкий автономный округ. Ближайший к нему регион – Республика Тывы, которая стала худшим регионом по расчету РИЖП [3].

Несмотря на то, что субъекты Федерации по-разному распределяются согласно расчетам жилищной прекарности и ее восприятия, корреляционный анализ показал среднюю значимую связь между значениями РИЖП и РИВЖП ($r = 0,47$, $p < 0,001$). Подобная сила связи может объясняться как отсутствием отдельных показателей в расчетах обоих индексов, так и непосредственно личными жилищными ценностями, мировоззрением и представлениями домохозяйств о жилищном благополучии, что может существенно отличаться от внешних показателей жилищной прекарности, доступных для измерения. Кроме того, на субъективные оценки респондентов в ходе опроса могут также влиять и внутренние социально-психологические факторы, включающие, например, настроение и/или ожидания. Кроме того, как отмечают исследователи из Канады, уже имеющийся у людей опыт проживания в прекарном жилье влияет на их восприятие текущей жилищной ситуации [5].

Представленные автором РИЖП и РИВЖП в перспективе могут быть объединены в единый региональный показатель жилищной прекарности, учитывающий как объективные показатели, так и субъективные оценки. Отдельный исследовательский интерес представляет потенциальная взаимосвязь жилищной прекарности, ее восприятия и жилищных жалоб, выражающихся в форме заявлений в контрольно-надзорные органы.

Список литературы:

1. Литвинцев, Д. Б. Жилищная прекарность в развитых странах: обзор исследований и оценка их значимости для России // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 3(16). – С. 55–65.
2. Литвинцев, Д. Б. Прекаризация жилья в России и в мире: зарубежный опыт и национальная специфика измерений // Социальная динамика населения и человеческий потенциал : Материалы VI Международной научно-практической конференции, Москва, 20–21 июня 2024 г. – М.: ФНИСЦ РАН, 2024. – С. 231–234.

3. Литвинцев, Д. Б. Жилищная прекарность в регионах России и ее связь с удовлетворенностью жильем и намерениями улучшить жилищные условия // Terra Economicus. – 2025. – Т. 23. – № 1. – С. 6–31.
4. Комплексное наблюдение условий жизни населения 2022 / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 05.06.2025).
5. Sylvestre, J. Perceptions of Housing and Shelter among People with Histories of Unstable Housing in three Cities in Canada: A Qualitative Study / J. Sylvestre, F. Klodawsky, E. Gogosis, J. Ecker, A. Polillo, K. Czechowski, A. Agha, S. Shankar, M. To, A. Gadermann, A. Palepu, S. Hwang // American Journal of Community Psychology. – 2018. – Vol. 61. – No. 3-4. – P. 445–458.

Сравнение трансформации жилищной политики в Китае и России: анализ социальных издержек от плановой системы распределения до рыночно ориентированной модели

Лю Тяньси

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, liutianxi19@gmail.com

Юй Анна Николаевна

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия, kostenkoanna04@gmail.com

Юй Ян

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, yuyangprozidise911@gmail.com

В конце 20 века Китай и Россия последовательно отказались от плановой экономической системы, сделав жилищную сферу центральным фокусом реформ. Китай выбрал "постепенную двойную систему" (существование служебного социального жилья и коммерческого жилья одновременно), тогда как Россия внедрила "шоковую терапию приватизации" (мгновенное открытие рынка). Несмотря на различия в подходах, обе страны заплатили высокую социальную цену за эти реформы — эта цена проявляется не только в экономических дисбалансах, но и глубже — в укоренении пространственного расслоения, межпоколенческих конфликтах и кризисе доверия к институтам. Эти факторы вместе создали сложные и длительные вызовы для обеих обществ.

Путь трансформации показывает различные стратегии и их социальные последствия в реформе жилищной политики в Китае и России. Китай выбрал постепенный подход с "экспериментом двойного пути", основой которого стало отмена системы распределения жилья как льготы в 1998 году, одновременно создавая систему накопления на жилье и систему гарантированного жилья (например, доступное жилье) [2]. Для уменьшения социальных потрясений государственным предприятиям было разрешено сохранить часть льготного жилья в качестве буферной меры. Однако эта модель привела к зависимости от земельных доходов, что спровоцировало пузырь на рынке недвижимости, а уровень семейных долгов к 2023 году достиг 62%, что дополнительно подавило потребление и желание иметь детей.

Наоборот, Россия выбрала радикальный путь "молниеносной приватизации", приняв в 1991 году Закон о жилищной приватизации, который обязал передать государственное жилье гражданам бесплатно, охватив более 60% населения. Эта быстрая трансформация стремилась быстро развить рынок собственности, но из-за отсутствия необходимых регулятивных актов породила черный рынок и олигархические монополии [3]. Кроме того, элита прежней системы получила первоочередной доступ к высококачественному жилью, тогда как малоимущие стали арендаторами в "новых трущобах", особенно в районах упадка домов Хрущевской эпохи на окраинах Москвы, что выявило серьезные противоречия в справедливости. Эти две различные стратегии реформирования привели к сложным социально-экономическим последствиям.

Трансформация жилищной политики в Китае и России привела к глубоким социальным издержкам, проявившимся в трёх формах [1]. Во-первых, пространственного расслоения: в Китае связь жилья с регистрацией (хукоу) породила «новую двойную структуру» между городом и деревней – 290 млн мигрантов застряли в городских трущобах, где доступ к социальным благам ограничен. В России приватизация создала «жилищную кастовость»: бывшая партийная элита сохранила квартиры в центрах городов, а рабочие оказались в аварийном жилье на окраинах – разница в ценах на недвижимость в центре и на периферии Москвы достигает 40 раз, усиливая социальную изоляцию. Во-вторых, цикл межпоколенческого лишения: в Китае молодёжь вынуждена собирать «сбережения шести кошельков» (родителей и четырёх бабушек-дедушек), чтобы купить жильё, что истощает финансовую устойчивость семей [5]. В России почти 75% молодёжи до 30 лет не могут позволить себе отдельное жильё и вынуждены жить с родителями в старых домах, что порождает семейные конфликты. В-третьих, кризис доверия к институтам: в Китае рост числа конфликтов при сносе домов (например, инцидент в Иэнь в 2010 году) и массовые отказы от выплат по ипотеке на недостроенные дома подрывают доверие к местным властям. В России же около 70% сделок с жильём требуют использования «черного конверта» для ухода от налогов, что свидетельствует о широкомасштабной деградации правовой системы и потере веры граждан в судебные институты.

Эти три формы социального раскола показывают, что реформы жилищной политики в обеих странах не только преобразовали рынок недвижимости, но и породили глубокие системные кризисы.

Истоки издержек кроются в несоответствии импортированных институтов местным условиям: в Китае государственная монополия на землю породила пузырь цен на недвижимость, система жилищного накопления охватывает лишь 35% наёмных работников, что свидетельствует о дефиците финансовой инфраструктуры, а многократные срывы планов по строительству социального жилья демонстрируют разрывы в преемственности политики; в России радикальная приватизация вызвала споры по поводу прав собственности, отсутствие кредитной системы лишило простых граждан возможности финансирования, а десятилетний вакуум в политике усилил риски рыночного хаоса [4]. Глубинная причина тупика обеих стран заключается в ошибочном восприятии жилья как чисто «экономического товара»: Китай чрезмерно доверяет рынку в решении проблемы доступности жилья, тогда как Россия питает иллюзию, что приватизация сама по себе обеспечит социальную справедливость, при этом обе страны игнорируют социальную защитную функцию жилья как базового общественного блага. Именно такое функциональное искажение в понимании сути жилья превратило трансформационные издержки в устойчивое расслоение классов и кризис доверия к институтам.

Список литературы:

1. Се Фучжань. Реформа жилищной системы Китая: эволюция политики и вызовы // Экономические исследования . – Пекин. 2018.
2. Норт Д.К. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – Кембридж: Изд-во Кембриджского ун-та. 1990.
3. Де Сото Э. Загадка капитала: Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире– Нью-Йорк: Изд-во Basic Books. 2000.
4. Росстат. Жилищные условия населения России: статистический ежегодник. Федеральная служба гос. статистики. 2023.
5. Государственное статистическое управление КНР. Статистический ежегодник по недвижимости Китая. – Пекин: Изд-во статистики КНР. 2023.

Направления повышения жилищной обеспеченности населения и доступности жилья

Молчанова Наталья Петровна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия, 9392916@mail.ru

Жилье является одной из основных потребностей человека. Недостаточное предложение жилья имеет серьезные последствия не только

для доступа жителей к жилью, но и для их здоровья и благополучия, развития городов, а также экономического роста страны.

Жилищная политика в Российской Федерации – это как правило рамочный документ государства, определяющий видение и цели государства в сфере жилья с учетом текущих и вероятных будущих тенденций развития, выявляющий основные системные проблемы и предлагающий рамочные меры по улучшению текущей ситуации. Разработка документов по жилищной обеспеченности является продолжением переработки ранее принятых концептуальных документов в области государственной жилищной политики и энергоэффективности зданий.

При ее подготовке должны учитываться национальные концептуальные и стратегические документы, охватывающие социальные и экономические сферы, сферу регионального и территориального развития, окружающую среду и другие смежные сферы.

В соответствии с принципами рыночной экономики основная ответственность за решение своей жилищной ситуации, в зависимости от личных возможностей, лежит на гражданине. Основная миссия государства заключается в создании стабильной среды, которая усиливает ответственность граждан и позволяет им жить в соответствии с их доходами. Однако в каждом обществе есть группы граждан, которые в силу характера жилья как товара не в состоянии самостоятельно обеспечить себе адекватное жилье. В соответствии с принципом солидарности необходимо помогать этим группам жителей также посредством государственных программ на рынке жилья. Долгосрочной целью государственной жилищной политики является постепенное повышение общего уровня жилья, чтобы оно было доступным по цене для населения, и чтобы каждое домохозяйство могло обеспечить себе адекватное жилье.

Основное видение государства в настоящее время заключается в достижении постепенного повышения доступности и качества жилья в Российской Федерации путем сосредоточения внимания на повышении финансовой и физической доступности жилья с акцентом на развитие всех форм арендного жилья. Очевидной частью этого видения является также улучшение качественных характеристик существующего жилого фонда. Для реализации этого видения необходимо создать основу для вовлечения всех заинтересованных сторон в процесс развития жилищного строительства в решение предлагаемых задач, создать пространство для участия всех уровней принятия решений, а также укрепить партнерство между государственным, частным и неправительственным секторами как на горизонтальном, так и на вертикальном уровнях.

Право на жилище (или право на достаточное жилище, или как часть права на достаточный жизненный уровень) является одним из основных прав человека. Российская Федерация имеет определенные обязательства в этой области, в том числе из международных документов по правам человека. Однако это право не может толковаться как обязанность государства обеспечить достаточный жизненный уровень для всех, включая жилье. Роль государств заключается в создании условий, которые позволят реализовать это право.

Не только цена и физическая доступность жилья являются основой успешной жилищной политики, но и качество самого жилья. Качество жилья можно оценить с нескольких важных сторон, прежде всего с точки зрения строительства и техники, а также с точки зрения местоположения или локализации квартиры/дома, экономического аспекта, субъективной удовлетворенности жильем и т. д. Различные атрибуты жилья дополняют его качество. В самом общем смысле на качество жилья влияет окружающая среда. Окружающая среда в настоящее время сталкивается с серьезными изменениями, в том числе в связи с заметными негативными последствиями изменения климата. Акцент на качестве среды проживания должен быть естественным требованием в связи с использованием ограниченных природных ресурсов и загрязнением окружающей среды.

Поэтому в ближайшие годы необходимо сосредоточить внимание на градостроительном размещении зданий и качестве архитектурных решений. Учитывая постоянно растущую площадь застроенных территорий населенных пунктов и негативное влияние этого факта на состояние климата, более чем желательно размещать новое строительство в пределах уже урбанизированной территории. Решения могут быть в виде интенсификации застройки, преобразования целевого назначения ее использования или ревитализации запущенных и неиспользуемых территорий. Занятие новых природных или сельскохозяйственных земель должно быть крайней мерой. Для этих целей необходимо использовать в первую очередь инструменты пространственного планирования. Путем качественной профессиональной обработки документации по пространственному планированию на соответствующих стадиях обеспечить регламентацию условий застройки и использования территории с целью создания среды для устойчивого жилья и связанных с ним функций. Рекомендуется использовать градостроительные и архитектурные конкурсы как подходящий инструмент для «закупки» решений на основе их качества.

Помимо мер, направленных на повышение энергоэффективности зданий, в будущем также будет важна адаптация существующего жилого фонда к изменению климата. Подходящие меры включают в себя озелененные крыши и зеленые фасады, меры по поддержке устойчивого управления дождевой водой и биоудерживающие системы для удержания дождевой воды. Защита домов от перегрева обеспечивается с помощью солнцезащитных козырьков или выходящей зелени на конструкциях. Из-за высокого загрязнения воздуха, особенно в городских условиях все более актуальной становится необходимость удаления примесей и мелких частиц пыли из приточного воздуха, например, при использовании рекуперации тепла.

В рамках существующих инструментов поддержки реновации многоквартирных домов уже сложилась система взаимодействующих мер, как в виде субсидий, так и в виде значительной доли кредитов. При этом важную роль в реновации жилого фонда на рынке играют также банковские и сберегательные компании, где существует несколько механизмов поддержки в виде кредитов. Целесообразно сохранить существующие меры и инструменты в сфере реновации жилого фонда и постепенно искать

возможности для дальнейшего расширения или трансформации этих инструментов.

В настоящее время в домах начали внедряться новые инструменты, поддерживающие снижение энергоемкости, а также поддерживающие обмен технологиями, используемыми для получения энергии. Необходимо продолжать эту деятельность и искать другие возможности, чтобы способствовать снижению энергетических потребностей жилых помещений.

Динамика доли семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий по Северо-Кавказскому федеральному округу

Муртузалиева Джамиля Джавидовна
Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, djama76@list.ru

Алексеева Ольга Александровна
Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, Alekseeva_0a@list.ru

Среди аспектов, которые определяют уровень жизни людей, жилищные условия занимают одну из ключевых позиций. Они включают в себя наличие самого жилья, и перспективы улучшения жилищных условий. Эти факторы напрямую влияют на социальную стабильность, экономическое развитие и поведение, а также на происходящие демографические процессы в стране.

Проблема улучшения жилищных условий, существовавшая в советский период, усугубилась и с началом 1990-х годов. И сегодня, дефицит проявляется не только физическим объемом вводимого жилья, но и его финансовой доступностью для большинства граждан [1].

Обеспеченность жильём и различные пути возможности решения жилищной проблемы для конкретных семей имеют большое влияние на динамику численности населения. Особенно остро эта проблема проявляется в СКФО, где уровень естественного прироста высок по сравнению с другими регионами России, и в основном эти проблемы решаются через миграционные установки жителей. Ограниченные возможности решения жилищной проблемы способствуют миграционному оттоку населения, что наблюдается не только на уровне муниципальных образований, но и на более высоких административных уровнях, включая федеральные округа [2]. В регионах, и в условиях характеризующихся демографической стабильностью наблюдается благоприятная ситуация с обеспеченностью населения жильем [3].

В России обеспеченность жильём на человека в 2023 г, составила 28,8 м², что в 2-3 меньше, чем во многих развитых странах мира, по СКФО он составляет еще меньше 23,3 м². Внутри округа этот показатель лучше всего у

Северной Осетии-Алании 31,3 м², и в Ставропольском крае – 25,9 м², далее по убыванию следуют республики – Карачаево-Черкесская 23,8 м², Кабардино-Балкарская 22 м², Дагестан 21,9 м², Чеченская 21,2 м² и Ингушетия 16 м² [4, С.169].

В данном исследовании проанализировано количество нуждающихся в улучшении жилищных условий семей по СКФО, регистрируемых официальной статистикой. Для анализа были рассмотрены два показателя, которые позволяют оценить текущее состояние жилищной ситуации.: доля домохозяйств, состоящих на учёте для улучшения жилищных условий, от всех домохозяйств, и доля домохозяйств, улучшивших жилищные условия в течение года, от всех домохозяйств, состоящих на учёте. Первый показатель отражает степень остроты жилищной проблемы, тогда как второй индикатор демонстрирует динамику и темпы её разрешения.

В ранее проведенном исследовании [5] в динамике было проанализировано количество нуждающихся семей, зарегистрированных в муниципальных образованиях. Было отмечено, что среди всех округов России наиболее худшая ситуация обстоит в Северо-Кавказском ФО.

Если в среднем по Российской Федерации в 2023г. по сравнению 2010г.доля семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, в общем числе семей уменьшилась с 5,5% до 2,8%, то в Северо-Кавказском федеральном округе эти изменения были менее значительны и удельный вес этих семей сократился лишь с 7,0% до 5,9%. В 2023г. выше среднего по СКФО этот показатель наблюдался в Чеченской Республике (14,7%), Республике Ингушетия (9,8%) и Республике Дагестан (7,5%). Невелика доля семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий в Кабардино-Балкарии (2,7% - ниже среднероссийского), Ставропольском крае (3,2%), Северной Осетии-Алании (4,0%) и Карачаево-Черкесии (4,4%).

Что касается доли семей, получивших жилые помещения, из числа семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, то здесь ситуация также ухудшилась. В СКФО этот показатель снизился с 5,7% до 1,7%, а по России в среднем падение составило с 8,6% в 2010г. до 4,6% в 2023г. Наименьшие значения по округу отмечены в Ингушетии (0,6%), Дагестане (1,0%), наибольшие в Северной Осетии-Алании (3,1%) [6, С.286,287].

Необходимо особо подчеркнуть, что в ряде субъектов Российской Федерации, в частности в СКФО наблюдается особенно высокая доля домохозяйств, нуждающихся в значительном улучшении жилищных условий. Это характерно для республик Ингушетия и Дагестан, а также для Чеченской, Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республик.

Анализ динамики улучшения жилищных условий в указанных регионах демонстрирует крайне ограниченный прогресс. В большинстве муниципалитетов за последний год улучшили свои жилищные условия лишь 1-2 семьи из числа состоявших на учете, что составляет лишь десятые или сотые доли процента от общего числа нуждающихся. Данная тенденция свидетельствует о сохранении высокой степени социальной напряженности и отсутствии значительных положительных изменений в жилищной сфере.

Таким образом, можно констатировать наличие сложной и фактически нерешаемой проблемы обеспечения доступного и качественного

жилья для значительной части населения данных субъектов. Это требует проведения комплексного анализа причин сложившейся ситуации и разработки эффективных мер государственной политики, направленных на улучшение жилищных условий и повышение уровня жизни населения в этих регионах.

Список литературы:

1. Пилипенко И.В. Жилищное строительство в республиках СССР за 70 лет: макроанализ. – Москва: Научная библиотека, 2023. – 600 с.
2. Макаре С.В., Ярашева А.В., Симагин Ю.А. Пространственное развитие Дальнего Востока России: демографические и социально-экономические факторы // Народонаселение. – 2021. – Т. 24. – № 1. – С. 117-130.
3. Пациорковский В.В., Симагин Ю.А., Муртузалиева Д.Д. Муниципальные образования России со стабильной численностью населения // Народонаселение. – 2019. – Т. 22. – № 3.
4. Российский статистический ежегодник. 2024: Стат. сб. / Росстат. – М., 2024. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2024.pdf (Дата обращения 28.05/2025).
5. Симагин Ю.А., Муртузалиева Д.Д. «Динамика доли семей, нуждающаяся в улучшении жилищных условий, по федеральным округам России». Материалы VI Международной научно-практической конференции «Социальная динамика населения и человеческий потенциал» (Москва, 20-21 июня 2024 г.) / Науч. ред. В.В. Локосов; ИСЭПН ФНИСЦ РАН. М. : ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2024. С. 234-236.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024. Стат. Сб. / Росстат. – – – 2024. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf (Дата обращения 28.05/2025).

Динамика развития сегментов многоквартирных домов и индивидуального жилищного строительства в регионах Российской Федерации в 1990-х – 2020-х годах

Пилипенко Игорь Валерьевич
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, i-pilipenko@yandex.ru

В российской статистике и отчетности государственных органов власти все данные по жилищному строительству делятся на два основных сегмента – ввод жилья населением (индивидуальное жилищное

строительство – ИЖС) и ввод жилья профессиональными застройщиками (преимущественно многоквартирные дома – МКД). В научной литературе до недавнего времени основное внимание уделялось сегменту МКД, особенно при анализе вопросов развития рынка жилья на федеральном уровне и в регионах [1–3], тогда как сегменту ИЖС было посвящено гораздо меньше работ [4–6]. При этом вопросы долгосрочной динамики ввода жилья как населением, так и профессиональными застройщиками в сегменте МКД были до недавнего времени освещены не вполне достаточно [7].

В данной работе мы развиваем нашу методику анализа динамики жилищного строительства, апробированную изначально на примере 15 республик СССР за период 1946–1990 гг. [89 показателей], и применяем ее к 85 регионам Российской Федерации (РФ), по которым имеются данные [8, 9]. В качестве статистической базы использовались данные Росстата за период 1991–2023 гг., представленные в Единой межведомственной информационно-статистической системе (ЕМИСС) [10].

Для проведения анализа мы предложили список из 37 показателей, которые позволяют проанализировать динамику жилищного строительства отдельно в сегменте МКД и сегменте ИЖС с нескольких точек зрения. Первый блок данных (показатели 1.1–1.6) характеризует среднюю долю ввода жилья в регионе в общем вводе жилья в каждом сегменте по стране всего, в городской и сельской местности за период 1991–2023 гг. и в 2021–2023 гг. Второй блок (показатели 2.1–2.3) демонстрирует изменение средней доли ввода жилья в каждом сегменте за три десятилетия всего, в городах и на селе, при этом за счет усреднения данных по пятилеткам (1991–1995 гг. и 2021–2023 гг.) мы избегаем статистических «выбросов», которые могут искажать общие тенденции и место каждого субъекта РФ в списке регионов при рассмотрении данных показателей на ежегодной основе. Третий блок (показатели 3.1–3.3) имеет дело с объемными индикаторами, которые позволяют определить вес региона в общероссийских показателях, и показывает изменение объема ввода жилья также по пятилеткам всего, в городской и сельской местности (среднее значение в 2021–2023 гг. к периоду 1991–1995 гг.). Четвертый блок (показатели 4.1–4.6) дает представление о средней доле ввода жилья в каждом сегменте от общего ввода жилья в регионе всего, в городских и сельских населенных пунктах за весь рассматриваемый период 1991–2023 гг. и в 2021–2023 гг. Пятый блок (индикаторы 5.1–5.3) показывает изменения в доле ввода жилья в каждом сегменте от общего ввода всего, в городской и сельской местности по пятилеткам. В рамках шестого блока мы сгруппировали средние показатели ввода жилья на душу населения (на 1000 жителей) всего, в городах / пгт и на селе за весь период 1991–2023 гг. и в течение последних трех рассматриваемых лет (показатели 6.1–6.6). Седьмой блок (показатели 7.1–7.3) характеризует изменения в подушевом вводе жилья в каждом из двух сегментов всего, в городских и сельских населенных пунктах за период 1991–2023 гг. с расчетом усредненных показателей за пятилетки. В восьмой блок (показатели 8.1–8.7) мы включили все индикаторы по количеству введенных профессиональными застройщиками квартир и населением домов, по которым отсутствует разбивка по городской и сельской местности, и статистика ограничена 2000–2023 гг.

В результате анализа имеющихся статистических данных и проведенных нами расчетов мы построили две классификация 85 регионов РФ по развитию жилищного строительства в сегментах МКД и ИЖС. Классификация для сегмента МКД включает 4 группы регионов РФ и 2 подгруппы, в то время как классификация для сегмента ИЖС состоит из 7 групп субъектов РФ. На основе рассчитанных показателей возможно также построение и более дробных классификаций регионов по отдельным группам индикаторов. Полученные классификации регионов РФ могут быть использованы для совершенствования государственной жилищной политики в сегментах МКД и ИЖС на региональном уровне.

Список литературы:

1. Страйк Р., Косарева Н.Б. Реформа жилищного сектора России, 1991–1994 / Фонд ИЭГ, Агентство США по международному развитию. – Москва: 1994.
2. Левашов В.И. Государственная жилищная политика: Учеб. пособие. – Москва: Издательство РАГС, 2004.
3. Стерник Г.М., Стерник С.Г. Методология моделирования и прогнозирования жилищного рынка. – Москва: РГ-Пресс, 2018..
4. Шнейдерман И.М. Развитие малоэтажного жилья и его роль в повышении качества жизни населения // Народонаселение. – 2013. – № 3 (61). – С. 59–67.
5. Пилипенко И.В. Динамика жилищного строительства в республиках СССР в 1920–1980-е гг. // Историко-экономические исследования. – 2021. – № 4. – Т. 22. – С. 567–595.
6. Косарева Н.Б., Полиди Т.Д., Гершович А.Я., Пузанов А.С., Карасельникова И.В., Карасельникова М.В. Оценка роли малоэтажной жилой застройки в пространственном развитии крупнейших агломераций России. – Москва: Фонд «Институт экономики города», 2023.
7. Пилипенко И.В. Ранжирование и типология регионов Российской Федерации по жилищной обеспеченности и доступности жилья в 1990–2020-х годах // Экономика региона. – 2024. – Т. 20. – № 3. – С. 763–786.
8. Пилипенко И.В. Жилищное строительство в республиках СССР за 70 лет: макроанализ. – Москва: Изд. дом «Научная библиотека», 2023.
9. Пилипенко И.В. Развитие индивидуального жилищного строительства в Российской Федерации в 1990–2020-х годах: тенденции и перспективы (часть I) // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 13. – № 10 (151). – С. 60–76.
10. ЕМИСС. Государственная статистика, 2025. URL: <https://www.fedstat.ru/organizations/> (дата обращения: 15.05.2025).

Жилищный потенциал подмосковных дач и современные тенденции рынка труда

Русанов Александр Валерьевич
Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, rusanovmsu@gmail.com

Дачная недвижимость является неотъемлемым компонентом современного городского образа жизни – в 2024 г. у 25% опрошенных горожан было загородное жилье, пригодное для круглогодичного, и у 18% – для сезонного проживания, в 2005 г. – 11% и 26%, соответственно [1]. Такая оценка жилищного потенциала дач связана, кроме прочего, с изменением требований к загородной недвижимости, на которые влияет близость городского комфорта и специфика занятости. В мегаполисе качество жилья индивидуализировано и определяется не только селитебными характеристиками, но и локацией места работы, однако фриланс и удаленная занятость создают новые возможности для устранения жилищных проблем в столице.

Сегодня абсолютное большинство недвижимости покупается, что позволяет владеть «вторым домом», сохранив постоянную регистрацию в столице. На первичном рынке загородное жилье приобретают семьи с одним или двумя детьми (3–6 лет, школьники) в возрасте 35–44 лет (45,31%), 45–54 (26,9%), 25–34 (12,75%), 55–64 (10,36%); 45% работают на себя или имеют малый/средний бизнес [2], но выгодные предложения обычно для недостроенных объектов. Более актуальна вторичная недвижимость, где 2/3 предложения (58,89 тыс. объектов) – дачи; спросом пользуются пригодные для семейного круглогодичного проживания в коттеджных поселках или в сельских поселениях [3]. Благодаря модернизации подмосковного транспорта, постоянно обитаемые дачи приблизились к окраинам области – 38% дачной недвижимости продается в городских округах Домодедово (40 км к югу от Москвы, 7% от общего вторичного загородного предложения), Дмитровский (65 км к северу), Истра (60 км к северо-западу, 6%), Раменский (30 км к юго-востоку, 5%), Одинцовский (граничит с Москвой на западе, 10%) [4]; 25% предложений – в «ближнем» Подмоскovie (до 40 км от столицы), 53% – в «среднем» (40–80 км), 22% – в «дальнем» (более 80 км) [5].

Фриланс и «удаленка» способствует формированию населения, для которого одной из главных форм социальной коммуникации становятся контакты по месту жительства. Современные вторые дома интересуют представителей «гиг-экономики» (специалистов IT-сферы, менеджеров маркетплейсов и проч.), ищущих work-life balance. Это молодежь 18–35 лет, осознающая дефицит живого общения [6], и потому ориентированная на локальные сообщества. Однако доля коттеджей в общем вторичном загородном предложении не выше 7%, таунхаусы и дуплексы единичны, а большинство дач – участки по 4–12 соток с каркасным домом 50–100 м²,

маломощным электричеством и летним водопроводом в садоводческих некоммерческих товариществах (СНТ) [4]. Организовать местное сообщество и повысить качество дачного жилья до уровня городского мешает отсутствие базовой инженерной инфраструктуры: электричество имеют 85% дачных поселений, водопровод – 80%, канализацию – 37%, магистральный газ – 12% [4]. Результатом стали проекты «дачной реновации»: с 2025 г. Правительство Московской области разрешило комплексную застройку многоквартирными домами и малоэтажными комплексами участков с частными и садовыми домами, подпадающими под категорию аварийных, ветхих и непригодных для проживания [7] – сюда попали не только многие СНТ и все огороднические НТ, но и часть «стародачных» и коттеджных поселков «ближнего» Подмосковья [8]. Это также повлияет на демографическую структуру и миграционную ситуацию в Москве, поскольку треть приехавших из регионов готовы вместо покупки подмосковной дачи взять кредит на жилье в Новой Москве [9].

Список литературы:

11. ВЦИОМ. Сезон у дачи 08.05.2024 <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sezon-u-dachi?ysclid=m6nz3tcwil707903792> (дата обращения 30 мая 2025 г.)
12. Лунькова В. Как изменились портрет и предпочтения покупателей домов в Подмосковье 06.05.2024 <https://realty.rbc.ru/news/662a3a779a79477cb626f802> (дата обращения 30 мая 2025 г.)
13. Артемов С. Аналитик Юлия Дымова о трендах на рынке загородной недвижимости: рост цен не ожидается 19.05.2025 <https://www.mk.ru/realestate/2025/05/19/analitik-yuliya-dymova-o-trendakh-na-rynke-zagorodnoy-nedvizhimosti-rost-cen-ne-ozhidaetsya.html> (дата обращения 30 мая 2025 г.)
14. На загородной вторичке Подмосковья почти две трети предложения составляют дачи, за год их число уменьшилось на 31% 24.04.2025 <https://www.incom.ru/novosti-i-analitika/novosti-rynka/na-zagorodnoy-vtorichke-podmoskovya-pochti-dve-treti-predlozheniya-sostavlyayut-dachi-za-god-ikh-chi/> (дата обращения 30 мая 2025 г.)
15. Средняя стоимость дачи в Подмосковье – 5,5 млн руб. – превышает желаемый бюджет покупателей в 3,7 раза 23.04.2020 <https://www.incom.ru/novosti-i-analitika/novosti-rynka/srednyaya-stoimost-dachi-v-podmoskove-5-5-mln-rub-prevyshaet-zhelaemyy-byudzh-et-pokupateley-v-3-7-ra/> (дата обращения 30 мая 2025 г.)
16. ВЦИОМ. Работа из дома как новая норма 04.03.2025 <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-iz-doma-kak-novaja-norma> (дата обращения 30 мая 2025 г.)

17. Постановление Правительства Московской области от 28.12.2024 г. N 1756-ПП "Об утверждении Положения об организации работы по реализации на территории Московской области комплекса процессных мероприятий "Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем отдельных категорий граждан"
<https://www.garant.ru/hotlaw/mosobl/1791898/?ysclid=m6o9yr14r1261784115>
(дата обращения 30 мая 2025 г.)
18. Березина Е. Под угрозой сноса: садоводы Подмосковья против программы развития территорий 29.01.2025 <https://dzen.ru/a/Z5pcg9ZRjhRfqjKe> (дата обращения 30 мая 2025 г.)
19. <https://www.incom.ru/novosti-i-analitika/novosti-rynka/na-vtorichnoy-zagorodke-stolichnogo-regiona-spros-peretekaet-v-novuyu-moskvu-dolya-sdelok-zdes-uveli/> 21.03.2025 (дата обращения 30 мая 2025 г.)

Доступность индивидуального жилищного строительства

Шаров Сергей Юрьевич
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, sharov.su@gmail.com

Доступность жилья для домохозяйства принято рассчитывать как соотношение стоимости приобретения (квартиры или дома с участком) или строительства (дома плюс стоимость земельного участка) и годового дохода. В идеале бы следовало бы дополнить этот показатель текущими расходами на содержание жилья и оплату жилищно-коммунальных услуг.

В малоэтажном жилье намного больше доступность 1 кв.м [2] Более половины многодетных семей проживают в собственных домах, а не в квартирах [1]. Однако для ИЖС продолжает отставать развитие инфраструктуры [3].

При исследовании доступности индивидуального жилищного строительства (ИЖС) приходится сталкиваться с недостатком информации. Для многоквартирных домов есть статистика стоимости строительства 1 кв.м на основе деклараций застройщиков, лучше статистика цен на первичном и вторичном рынках, проще получить данные о расходах на содержание жилья и оплату жилищно-коммунальных услуг.

Для ИЖС приходится обращаться к результатам социологических опросов. Доступность по уже построенным индивидуальным домам в сравнении с квартирами можно оценить по соотношению дохода, обратившись к данным Комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата (КОУЖ-2022). Смещение распределения дохода домохозяйств, проживающих в индивидуальных домах, по сравнению аналогичным распределением для проживающих в квартирах, означает относительно низкий доход для первых. Однако следует иметь в виду, что более низкий

доход для ИЖС может не означать большую доступность, а отражать относительную географическую концентрацию ИЖС в поселениях меньшего размера.

С точки зрения развития системы расселения в сторону малоэтажного жилья и на содержание жилья и оплату жилищно-коммунальных услуг важно рассмотреть вопрос доступности ИЖС шире. Доступность ИЖС как способа решения жилищного вопроса следует рассматривать не только с точки зрения домохозяйств, но шире – с точки зрения общества. Не все расходы несут домохозяйства, а именно государство может брать на себя часть затрат на инфраструктуру (часть из них позднее может компенсироваться населением за счет части платежей за коммунальный ресурс, идущей на покрытие прошлых расходов на создание сетей). В отличие от МКД, для ИЖС нет механизма включения в затраты на строительство дома социальной инфраструктуры – следовательно эти затраты ложатся на бюджет. Также государство частично берет на себя капитальные и текущие расходы, субсидируя малообеспеченных.

В отношении индивидуальных домов вопрос обеспечения инфраструктурой – транспортной, инженерной и социальной – первичнее других: вопросов землепользования, затрат на строительство и содержание домов. Для ИЖС требуется существенное увеличение охвата территории как непосредственно инфраструктурой, так и зонами обслуживания, например, скорой помощью. В текущей ситуации неурегулированности источников финансирования инфраструктуры частной застройки если включить все стихийно возникшие коттеджные поселки в поселения, невозможно будет выполнить соответствующие нормативы расходов на инфраструктуру без существенного увеличения бюджетов.

Список литературы:

1. Гузанова А.К. Жилищная обеспеченность домохозяйств с детьми в современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 1. С. 43–58. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_1_3_43_58
2. Локосов В. В., Пилипенко И. В., Шнейдерман И. М. Малоэтажное жильё как приоритет в повышении жилищной обеспеченности российских семей // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № S1. – С. 161-176.
3. Пилипенко И.В., Шнейдерман И.М. Региональные приоритеты в модернизации инженерной инфраструктуры в сельской местности для повышения качества жизни населения // Народонаселение.— 2024.— Т. 27.— № 1.— С. 20-32. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-20-32; EDN: MMZEPF

Секция 5. Человеческое развитие, уровень и качество жизни

Карьерные ожидания сельской молодёжи

Абилова Екатерина Викторовна
Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия, ekaterina.abilova@mail.ru

К основным проблемам, сдерживающим реализацию потенциала сельской молодежи, относятся вопросы качественного образования, здоровьесбережения, досуговые и самореализационные аспекты. Также необходимо учитывать специфику сельскохозяйственной деятельности, обусловленную тяжелым физическим трудом [5], необходимостью сочетать предпринимательские, цифровые навыки и владение традиционными способами производства в рамках личных подсобных хозяйств, фермерских объединений, кооперативах. Цель данного исследования состоит в выявлении детерминантов, значимых для молодых специалистов в реализации профессиональных целей в сельской местности (закрепление на данной территории) и выработке рекомендаций по преодолению барьеров современной сельской молодежи.

Традиционные функции сельских территорий не способны удовлетворить ожиданиям современной молодежи, которые отличаются растущим разнообразием, многофункциональностью, целеполаганием в отношении построения индивидуальных траекторий развития.

Данные исследования показывают, что решение проблемы привлекательности сельской местности для молодежи тесно связано с развитием социально-культурной инфраструктуры, проработкой вопросов патриотизма и культурных ценностей. Комплекс стратегических мер по закреплению, развитию сельской молодежи должен базироваться на модернизации здоровьесберегающего [4], спортивного, образовательного пространства в сочетании с проработанным комплексом практико ориентированного патриотического воспитания, а также с учетом ожиданий и предпочтений сельской молодежи.

В российских реалиях возможность получения высшего образования рассматривается как фактор миграции молодежи в городскую среду лишь на начальном этапе обучения [1]. Во многих регионах зафиксирован факт возвратной миграции после завершения обучения в городе. В целом, роль образования как жизненной стратегии сельской молодежи достаточно высока. Приобретенные знания и умения позволяют молодым людям успешно реализовываться и в сельской местности. Потому, построение карьерных

траекторий и жизненных стратегий сельской молодежи должно охватывать весь спектр возможностей. Комплексный учет российского законодательства, социально-экономических, организационных и технологических условий, направленных на поддержку и эффективную адаптацию молодых специалистов в сельском контексте и преодоление проблем между сферой профессионального образования и практической сельскохозяйственной деятельностью мы предложили алгоритм реализации профессионального цикла молодежи в сельской местности.

Трансформация сельских территорий происходит под воздействием ряда основополагающих факторов, ключевую роль среди которых играют молодые кадры. Рост производительности в отрасли, применение современных технологий может генерировать сильные мультипликативные эффекты, которые расширяют и предоставляют новые возможности трудоустройства молодежи, являющейся стратегическим потенциалом в достижении целей повышения качества жизни сельского населения. Важно не только повышать привлекательность села для жизни, но и повышать заинтересованность молодого поколения в профессиональной ориентации в агросфере, реализовывая навыки предпринимательства, цифровой трансформации, коммуникации.

Выделяя общие тенденции в развитии российской и африканской сельской молодежи, отметим, что современное молодое поколение, обладая динамизмом и гибкостью, способно выступать в качестве агентов позитивных изменений в агросфере, и это должно быть обеспечено путем расширения их участия в программах развития сельского хозяйства и программах поддержки занятости в сельской местности. В самых неблагоприятных и рискованных ситуациях молодежь проявляет исключительную устойчивость и способность справляться с новыми вызовами и угрозами, являясь движущей силой экономического процветания [2] в будущем. Проведенный анализ установок и ожиданий сельской молодежи позволил выявить основные направления в деятельности по повышению мотивации и заинтересованности в реализации профессиональных целей и задач в сельской местности. Российские молодые люди в большей степени ориентированы на профессиональное развитие, возможности реализации при сохранении уникальных традиционных ценностей, высокого уровня образования, патриотических основ. Молодежь в Африке все же ориентируется на доходно-потребительские характеристики как основополагающие при построении жизненной траектории в сельской местности. Комплексный учет законодательства, социально-экономических, организационных и технологических условий, направленных на поддержку и эффективную адаптацию молодых специалистов в сельском контексте и преодоление проблем между сферой профессионального образования и практической сельскохозяйственной деятельностью, позволил нам разработать алгоритм профессионального цикла молодежи в сельской местности, начальным этапом которого будет работа со школьниками по профессиональной ориентации и преодолению негативных установок относительно трудовой деятельности в сельской местности.

Список литературы:

1. Ечин Н.М, Молчанова Л.А. Сельские территории и особенности их формирования // Журнал прикладных исследований. 2021. №5. С.23-29.
2. Каганович А. А. Функции сельских территорий и факторы, влияющие на устойчивость их развития // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2015. № 40. С.223-226
3. Коваленко Е.Г. Концептуальная модель муниципальной стратегии с акцентом на пространственное развитие // Вестник НГИЭИ. 2020. № 6 (109). С. 75–87.
4. Созинова А. А., Савельева Н. К., Чупраков Д. В. Новые подходы к оценке ожидаемой продолжительности здоровой жизни населения в Российской Федерации: математические модели и реальность // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 12. С. 5171–5192.
5. Федотов А. А. Продолжительность жизни: анализ состояния и поиск воздействующих факторов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 7 (58). С. 131–137.

Уровень жизни и доходы населения Еврейской автономной области: состояние и перспективы роста

Аверина Ольга Валерьевна

Институт комплексного анализа региональных проблем
Биробиджан, Россия, oaverina@yandex.ru

Приоритетным направлением государства в масштабах национальной экономики в настоящее время выступает повышение уровня благосостояния жителей страны, что, в свою очередь, определяет пути экономического развития регионов, характеризующихся показателями уровня жизни населения в них [1]. Современные исследования уровня жизни населения основаны на измерении объективных и субъективных показателей, характеризующих те или иные условия жизни в стране или в регионе, а также изучении степени удовлетворенности условиями жизнедеятельности [2]. Однако, проблема экономической дифференциации благосостояния населения на региональном уровне, по-прежнему требует дальнейшей проработки. Это и определяет актуальность выбранной темы исследования.

В качестве основных и обобщающих показателей, отражающих уровень жизни населения, выступают денежные доходы и расходы. Полученные доходы, как правило, обеспечивают текущее потребление, а также возможность произвести накопления и обеспечить инвестиционную активность населения [3]. Денежные доходы населения Еврейской

автономной области в период с 2018 по 2023 годы имеют тенденцию роста, в 2023 году они составили 76503,1 млн рублей и возросли по сравнению с предыдущим годом на 13,7%, а по сравнению с 2018 годом увеличились в 1,6 раза. Денежные расходы населения Еврейской автономной области в анализируемом периоде также имеют тенденцию роста. С 2018 по 2023 годы денежные расходы населения области увеличились на 2425,5 млн рублей, или на 56,0% и их рост составил почти 1,6 раза. При этом положительную динамику показывает и превышение доходов над расходами. В 2023 году разница между доходами и расходами населения выросла в 2 раза и составила 8944,1 млн рублей, или 103,4%. Данная тенденция свидетельствует, в первую очередь, об улучшении благосостояния населения области, однако, не следует забывать о том, что рост доходов не всегда приводит к повышению уровня жизни [3].

В 2023 году среднедушевой денежный доход населения Еврейской автономной области составил 43127 рублей в месяц и вырос, по сравнению с 2018 годом, на 71,3%, или в 1,7 раза. Потребительские расходы в среднем на душу населения в месяц также имеют тенденцию роста и увеличились за весь анализируемый период на 71,8%, или в 1,7 раз. При этом, несмотря на положительную динамику, среднедушевые денежные доходы населения области продолжают оставаться на достаточно низком уровне, по сравнению с этим же показателем по Дальневосточному федеральному округу в целом и среднероссийским значением.

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций увеличилась в рассматриваемом периоде в 1,7 раза, или на 65,8% и составила в 2023 году 65085 рублей. Однако в области отмечаются значительные диспропорции в оплате труда работников организаций по видам экономической деятельности. Положительная динамика в анализируемом периоде отмечается и по прожиточному минимуму, величина которого выросла с 12829 рублей в 2018 году до 19377 рублей в 2023 году (в 1,5 раза, или на 51,0%). Следует отметить, что данный рост величины прожиточного минимума не соответствует ситуации на рынке с постоянно растущими ценами с учетом минимальных потребностей населения.

Соотношение среднедушевых денежных доходов с величиной прожиточного минимума имеет тенденцию роста в анализируемом периоде (13,4%) и составило в 2023 году 2,2 раза. Это указывает на общий рост благосостояния населения Еврейской автономной области. Превышение заработной платы над прожиточным минимумом в этом же году – в 3,3 раза, рост данного показателя произошел на 9,8%. Средний размер назначенной месячной пенсии не превышал прожиточный минимум с 2019 года. Снижение доли населения области с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума с 23,7% до 17,1% от общей численности населения не достигает оптимального значения. Почти каждый 6 житель Еврейской автономной области проживает за чертой бедности. Данный показатель, по-прежнему, остается на достаточно высоком уровне, так как общепринятые нормативные значения составляют на сегодняшний день около 7 – 10%.

По-прежнему значительным остается разрыв между наиболее и наименее обеспеченными группами населения. Коэффициент фондов,

показывающий соотношение денежных доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения, в 2023 году составил 9,6, раза, что показывает усиление социальной дифференциации по уровню доходов и глубину социального неравенства в Еврейской автономной области. Коэффициент Джини в 2023 году был равен 0,343, что также указывает на проблему неравенства в распределении денежных доходов населения в регионе.

Рассматривать среднендушевые доходы населения в денежном выражении необходимо во взаимосвязи с их покупательной способностью, отражающей потенциальную возможность населения приобрести товары и услуги. [4]. Полученные в ходе исследования данные показывают рост покупательной способности денежных доходов населения Еврейской автономной области среди большинства продуктов питания за исключением таких продуктов как, крупы, макаронные изделия, масло сливочное, рис и сахар. По непродовольственным товарам покупательная способность денежных доходов населения с 2018 по 2023 годы демонстрирует положительную динамику по всем наименованиям.

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают положительную тенденцию повышения уровня жизни населения ЕАО. Следует также отметить положительную динамику роста доходов населения ЕАО и улучшение условий оплаты труда. При этом величина прожиточного минимума и показатели МРОТ не обеспечивают достойный уровень жизни для большинства населения области. Чтобы снизить неравенство в доходах населения и обеспечить дальнейшее эффективное социально-экономическое развитие области, необходима разработка мероприятий по формированию благоприятных условий для улучшения заработной платы, социальной поддержки и развитию экономического сектора ЕАО.

Список литературы:

1. Захарова К. А., Актаев Н. Е., Иванова Н. В. Взаимосвязь и взаимозависимость качества жизни населения и общего уровня экономического благосостояния государства // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования, 2022. – Том 8 № 3 (31). С. 211-228.
2. Васильева О. В. Измерение качества жизни населения: субъективный и объективный подходы // Векторы благополучия: экономика и социум, 2021. – № 4 (43). С. 65-79.
3. Гришина Е. Н., Лаптева И. П., Трусова Л. Н. Денежные доходы как основной индикатор уровня жизни населения России // Статистика и экономика. 2019. №16 (3). – С. 15-23.
4. Головин А.А., Власова Т.А., Королева Н.М. Методика оценки качества жизни населения // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2018. № 4 (71). С. 115-122.

5. Региональные особенности уровня и качества жизни [Текст]: [монография] / [Н. М. Римащевская и др. ; науч. ред. Н. М. Римащевская]; Учреждение Российской акад. наук, Ин-т социально-экономических проблем народонаселения РАН. – Москва: ИСЭПН РАН, 2012. – 391 с.

Готовность к противодействию вовлечению в киберпреступную деятельность и рискованное поведение молодежи в интернет-коммуникации: по материалам анкетирования студентов К(П)ФУ

Анучина Ольга Васильевна
Казанский (Приволжский) Федеральный Университет
Казань, Россия, OVAnychina@kpfu.ru

В данной работе представлена попытка концептуализировать киберпреступность через призму теорий Ж. Бодрийяра, г. Беккера, выявить практики рискованного поведения молодежи в цифровой среде. Представлены результаты социологического исследования осведомленности студенческой молодежи РТ о видах киберпреступности, методах онлайн-рекрутинга в киберэкстремистскую деятельность.

Преступления с использованием ИКТ в отношении молодежи характеризуются высоким уровнем латентности (обосновывается теорией ожидаемой полезности г. Беккера), трансграничности, доверием к фейкореальности (информация как ярмарка симулякров Ж. Бодрийяра), анонимности преступника (VPN/VPS-сервисы, виртуальные номера телефонов, криптокошельки), сложности схем, использованием принципов рефрейминга, НЛП, методов психологической обработки – техники подстройки, управления внутренней мотивацией, «калибровки», работы с персональными паттернами, выявления оценки удовлетворенности жизнью, поведенческих качеств и т.д. Особое внимание сегодня уделяется исследованию такого вида киберпреступлений как конструирование искаженных социальных нарративов через интернет, тенденциозное освещение и распространение недостоверной информации (например, кейс про разные ответы нейросетей «ChatGPT», «GigaChat», «Толстой», «Алиса» на вопрос о странах-победителях в BOB [1, С. 256]). Такая подмена смыслов как элемент ментальной войны [2, С. 179] может привести к пересборке социально-исторической реальности в ближайшем будущем и отразиться на системе ценностей российской молодежи. Второй вид – рекрутинг в киберэкстремистские организации. Третий вид – «AI-Crime», связанный с искусственным интеллектом и угрозами безопасности интернета вещей. С 2022 года наблюдается рост числа преступлений в цифровой среде в отношении молодежи – к 2025 году их число увеличилось вдвое. Это связано с применением технологий романтизации и геймификации киберпреступных

практик. Возрастным интервалом группы наиболее подверженных воздействию со стороны злоумышленников с целью приобщения к киберэкстремизму, по результатам ряда исследований [3, 4], является молодежь с 14 до 25. Число киберпреступлений, совершенных детьми и подростками в РФ выросло: в 2020 году – 54, в 2023 зарегистрировано более 4000 дел.

Социологический опрос проведен методом анкетирования в ноябре-декабре 2024 года среди студентов 1 курса (бакалавриат Института физики (N=64) и Института социально-философских наук и массовых коммуникаций (N=69) Казанского (Приволжского) Федерального Университета; возраст от 16 до 18 лет (N=133). Выявлено, что 71 студент из 133 подвергался попыткам осуществления одного из видов киберпреступной деятельности в отношении себя или друзей. 62 опрошенных студента констатировали, что никогда не становились жертвой киберпреступников. На вопросах о «видах киберпреступности с которыми Вы сталкивались» 81 % студентов выбрали ответ «кибербуллинг»; 75% – «фейковое голосование с переходом по ссылке в социальных сетях»; 69 % (можно было выбрать несколько вариантов ответов) – «мошенничество с целью хищения персональных данных аккаунтов в социальных сетях или платежных системах»; 5 % – отказались от «рекрутских предложений чат-ботов/хакеров/мошенников в TG от найма в качестве: /распространителя «вредоноса», фишингового сайта / дроппера для вывода криптовалюты или другой нелегитимной деятельности»; 31 % – «мошенничество через имитаторы антивирусов»; 12 % – «мошенничество через рекламу товаров и услуг», 6 % – «мошенничество с фейковыми извещениями о выигрыше» и 1 % – «мошенничество через переход по тегу к видео из крупных видеохостингов». Чаще всего сообщения отправлялись жертвам киберпреступниками через социальные сети – 74 %, через мессенджеры – 20 %, по электронной почте – 5 %, на randomном сайте во время интернет-серфинга – 1 %. На вопрос о «последствиях данной попытки осуществления киберпреступной деятельности в отношении Вас» 41 % студентов ответил – «никаких последствий и потерь»; 37 % – «моральные и эмоциональные потери», 5 % – «потеря времени»; 2 % – «материальные потери», а остальные затруднились ответить. 85 % студентов не сообщали никому о представленных в отношении себя попытках киберпреступников.

Бездействие и нежелание сообщать о киберпреступлениях – серьезная проблема, которая подрывает эффективность борьбы с этим видом криминала. Это явление можно эффективно объяснить через призму теории ожидаемой полезности, предложенной г. Беккером. В контексте киберпреступности это объясняется целым рядом «ожидаемых затрат»: 1) социальная стигма и репутационные риски; 2) низкая вера в эффективность правоохранительных органов, т.к. преступник может находиться за границей или использовать сложные методы сокрытия следов; 3) высокие транзакционные издержки, например, временные затраты; 4) неосознание преступления и того, что стали жертвой злоумышленников; 5) отсутствие информации и знаний о процедурах обращения в правоохранительные органы и другие компетентные структуры приводит к пассивности.

Список литературы:

1. Гаязова Э.Б. Конструирование реальности (на примере нейросети) // ВЭПС. 2024. – № 1. С. 253–258.
2. Анучина О.В., Вафина Ю.А. Мем как механизм социального регулирования и управления практиками вовлеченности молодежи в общественную жизнь // ВЭПС. 2024. – № 2. С. 177–182.
3. Дешина Е.И., Меркулова А.Н. Молодежь как наиболее подверженная влиянию экстремизма и терроризма в сети Интернет социально-демографическая группа // Обзор НЦПТИ. 2019. – № 1 (16). С. 54–61.
4. Лисина О. В. Проблемы противодействия молодежному киберэкстремизму в условиях интернетсоциализации: вопрос нравственного здоровья подрастающего поколения // Теория и практика общественного развития. 2017. – № 1. С. 46–49.

Использование нейросетей в университетском образовании – риски углубления цифрового неравенства

Артамонова Марина Васильевна
МГТУ ГА

Москва, Россия, mvartamonova@mail.ru

Сегодня, как никогда проблема цифрового неравенства актуальна. Традиционно эта проблема, связанна с неравным доступом к информационным и коммуникационным технологиям (ИКТ), таким как интернет и компьютеры, а также к умению ими пользоваться. Это разрыв в возможностях между разными социальными группами и индивидами, которые имеют доступ к актуальной информации и коммуникациям и теми, у кого такой доступ затруднен [1]. Однако, появление нового феномена ИКТ – нейросетей ставит проблему на принципиально новый уровень, не только приводит к появлению новых социальных коллизий, но усиливает уже существующие. Так серьезные последствия вызывает неравные возможности в получении образования, соответствующего современным требованиям, возможности освоения актуальных технологических достижений.

27 июля 2021г. Министерство науки и высшего образования РФ утвердило модуль «Системы искусственного интеллекта», который служит методической рекомендацией для помощи вузам при актуализации основных образовательных программ высшего образования по всем специальностям и направлениям подготовки. Согласно документу, изучение искусственного

интеллекта планировали добавить в образовательные программы вузов уже с 1 сентября 2021 г., но значимого продвижения нет и в 2025 г. [2] Вызовы, связанные с распространением нейросетей без правил и ограничений, еще не осознаны в полной мере.

В докладе представлены результаты и выводы пилотного кейсового исследования о сравнении самостоятельного применения инструментов нейросетей в учебном процессе студентами технических вузов. В исследовании принимали участие студенты 1-2 курсов очного (126) и заочного отделений (98). Были сделаны следующие предварительные выводы.

1. На использование в учебном процессе нейросетей влияет возраст студентов.

2. На использование в учебном процессе нейросетей влияет наличие доступного скоростного интернета;

3. Различие направлений и специальностей не оказывает значимого влияния на применение нейросетей.

4. Наиболее часто используемые ресурсы это ChatGPT4, GigaChat.

В исследовании участвовали студенты заочного отделения, чья возрастная группа позволяет отнести их к информационному поколению или более раннему – миллениалов. Студенты заочники практически не используют нейросети для подготовки. Предупреждая упреки в том, что заочники изначально имеют худшие условия и более слабую учебную подготовку, и это может быть причиной отсутствия навыков использования различных инструментов нейросетей, мы утверждаем, что возраст и, именно принадлежность к поколению, рожденному после 2000 г. определяет устойчивое и «привычное» применение GPT и других сетей.

Поскольку процесс распространения практик применения нейросетей носит нарастающий, неконтролируемый характер, то, совершенно очевидно, что использование нейросетей приходит в университеты, в образовательный процесс, из «бытового» повседневного опыта студентов, а вовсе не наоборот, через специализированные курсы и программы. И в этом ракурсе университетское образование остается на классических позициях и не в состоянии противостоять новшеству, которое буквально обесценивает необходимые для профессионального инженера аналитические навыки работы с научными источниками, поиска и структурирования информации и многие другие компетенции. Процесс подмены настолько удобен всем участникам учебного процесса, что говорить о противостоянии и запретах нецелесообразно. Поскольку любой барьер приводит лишь к поиску новых решений преодоления поставленного барьера, и усилению и усложнению нейросети. Большая часть преподавателей принадлежит к поколениям Бэби-бумеров (1946–1964), Поколению X (1964–1983), и Миллениалам, информационное поколение Y (1984–1999, в то время как студенты очного обучения являются представителями нового поколения Z – «носители постинновационной ментальности» [3]. Попытки наиболее продвинутых и честных университетских преподавателей предложить студентам, включить в процесс решений нейросети, сравнить работу разных инструментов программного обеспечения, представить в качестве итога компиляцию из 2–3 ответов различных программных ресурсов и ограничить

обращение к программам только обработкой первичной информации, вероятно, совершенно неэффективны с точки зрения тех рисков, с которыми предстоит столкнуться в самом ближайшем будущем [4]. Конечно, существуют образовательные программы, где нейросетевые инструменты являются предметом изучения и разработки, однако, наше пилотное исследование было ориентированно на образовательный процесс, в целом, на использование студентами ChatGPT4, GigaChat на непрофильных дисциплинах. Предвидение и прогноз гибели традиционного университетского образования в целом требует более аргументированных выводов и многоплановых социологических исследований в будущем.

Список литературы:

1. Социологическое сопровождение обеспечения конкурентоспособности выпускников вуза в условиях современного рынка труда: коллективная монография/под ред. К.М. Оганяна. -М.: ИНФРА-М, 2015. -243 с.
2. Неренц Д. В. Возможности применения искусственного интеллекта в сфере высшего образования (на примере факультетов журналистики в российских вузах) = Possibilities of application of artificial intelligence in the higher education (on the example of the faculties of journalism in Russian universities) / Д. В. Неренц. – Текст: электронный // Цивилизационные перемены в России: материалы научно-практической конференции / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский государственный лесотехнический университет; [ответственный за выпуск О. Н. Новикова]. – Екатеринбург, 2022. – С. 60–66.
3. Гаврилова А.В. Социально-психологические особенности ментальности нового поколения//Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия, психология, педагогика». 2016. Т.26. Вып.2. С.58-63.
4. Артамонова М.В., Радченко С.В. Цифровизация высшего образования как новая социальная реальность // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15. № 6. С. 30-44.

Общество в процессе перемен: потенциал человеческих ресурсов в условиях демографических изменений

Арутюнян Ануш Алексеевна

Институт экономики имени М. Котаняна НАН РА

Ереван, Республика Армения, harutyunyan.anush.a@gmail.com

Общество на протяжении всей своей истории неизбежно претерпевает изменения. При каждом таком этапе трансформации, несмотря на биологическую стабильность человека как вида, восприятие индивида с точки зрения его роли в экономике — как носителя человеческого капитала — постоянно менялось. В результате современное общество выступает одновременно и наследником, и носителем, и концентратором многовекового социально-экономического опыта. Если в ранние периоды акцент делался на физической силе и трудовых навыках, то в условиях постиндустриальной экономики ключевыми становятся знания, компетенции, инновационное мышление и способность к обучению. Если придерживаться этой позиции, то человеческий капитал раньше был важен с точки зрения формирования, а сейчас с точки зрения других более интеллектуальных факторов.

Термин «человеческий капитал» был введен в 1961 году Шульцем, который развил свою концепцию в 1981 году. По мнению Анджелы Барон и Майкла Армстронга, человеческий капитал — это сумма знаний, навыков, опыта и других соответствующих характеристик рабочей силы. [1, с. 51] Человеческие ресурсы представляют собой осязаемый запас навыков и знаний, воплощённых в труде, — однородный, взаимозаменяемый и поддающийся количественной оценке. В отличие от них, человеческий капитал акцентирует внимание на нематериальной ценности сотрудников, включая их таланты, мотивацию и потенциал для развития. Когда организация инвестирует в развитие своих сотрудников, она преобразует человеческие ресурсы в человеческий капитал, рассматривая работников не как издержки, а как ценные активы, повышающие общую ценность организации. [2, с. 50]

Человеческие ресурсы, или сотрудники, являются, пожалуй, самым важным ресурсом, которым располагает организация, поскольку именно человеческий капитал лежит в основе всех организационных способностей. В конечном счёте решения принимают и ресурсы распределяют не организации, а люди [2, с. 52]. Получается, что тонкая грань между ресурсностью и капиталностью уже во многих смыслах смывается, и человеческие ресурсы обозначают персонал, который воплощает в себе человеческий капитал.

Ресурсы приводят к занятости только тогда, когда преобразуются в капитал посредством посреднических и структурных факторов на рынке труда принимающей страны. Такие ресурсы, как навыки, язык и опыт, становятся ценным капиталом только тогда, когда они признаются и ценятся в контексте рынка труда принимающей страны, как объясняется в обсуждении формирования капитала и социальной структуры. [3, с. 72]

Происходящее в мире нынешние изменения в демографии не могут не сказаться на человеческом капитале, а также на его потенциалы. Если образно выражаясь человеческий ресурс «восполняет» человеческий капитал, то демография «восполняет» человеческий ресурс, и напрямую влияет на него. Демографические изменения, такие как старение населения, влияют на развитие человеческого капитала. Например, рост числа хорошо образованных представителей поколения бэби-бумеров в Корее значительно способствовал росту человеческого капитала, несмотря на демографические сдвиги [4].

Рождаемость и миграция существенно влияют на численность населения. Высокая рождаемость и положительное сальдо миграции способствуют его росту, тогда как низкая рождаемость и отток населения – его снижению, особенно в условиях депопуляции. Экономические факторы, такие как рост ВВП на душу населения, как правило, поддерживают демографическую стабильность. Институциональные условия, включая низкий уровень коррупции, также могут способствовать позитивным демографическим тенденциям. Человеческий капитал играет компенсирующую роль при сокращении населения: инвестиции в образование и здравоохранение помогают смягчить негативное влияние демографического спада на экономику. Согласно М. Сисковой и др. (2022), развитие человеческого капитала способно поддерживать или даже стимулировать экономический рост несмотря на снижение численности населения [5, с. 13].

Таким образом, понимание взаимосвязи между демографией, экономикой и человеческим капиталом является необходимым фактором для выработки устойчивых стратегий развития в условиях переходного периода. Развитие человеческого капитала должно стать одним из ключевых направлений государственной политики в условиях демографических изменений, для обеспечения устойчивого социально-экономического роста.

Список литературы:

1. Dash S. (2012). Human Capital Management (HCM): The evolution of the field. BIZCRAFT. Vol.6. 50–66, https://www.researchgate.net/publication/258996035_Human_Capital_Management_HCM_The_evolution_of_the_field
2. Sabarudin Z., Wan F., Wan Y. Transforming Human Resources into Human Capital, Information Management and Business Review, Vol. 2, No. 2, February 2011, pp. 48–54. https://www.academia.edu/18961172/Transforming_Human_Resources_into_Human_Capital
3. Yamazaki T. (2022). What makes resources capital? The labour market integration of highly skilled Japanese in Finland. Nordic Journal of Migration Research, 12(1), 72–87. <https://doi.org/10.33134/njmr.392>

4. Han J-Suk, Lee J-Wha, Demographic Change, Human Capital, and Economic Growth in Korea, Japan and amp; The World Economy (2019), pp 48, <https://doi.org/10.1016/j.japwor.2019.100984>
5. Siskova M., Kuhn M., Prettnner K., Fürnkranz-Prskawetz, A. (2022). Does human capital compensate for depopulation? The Journal of the Economics of Ageing, 26, 100469. <http://dx.doi.org/10.1553/0x003d6ded>

Развитие человеческого потенциала в эпоху демографического перехода

Бабич Ирина Николаевна
Межрегиональная общественная организация
«Женщины в науке и образовании»
Москва, Россия, ibabich@mail.ru

Среди процессов, характеризующих современную эпоху в истории человечества, важнейшим является демографический переход. О том, что человечество переживает переходный период настойчиво напоминает в своих работах лауреат Нобелевской премии И. Пригожин. Исследуя «богатство сильно неравновесного мира», проблемы времени, необратимости, автор теории диссипативных структур новую парадигму современной науки распространяет на естественнонаучные и социальные дисциплины [1, с. 78]. В условиях нестабильности обостряются проблемы человеческого развития и качества жизни.

Имея цивилизационный характер, общественные преобразования в России затронули все сферы жизнедеятельности, обострили социальные проблемы: высокую долю бедной группы населения, деградацию социального обеспечения, беспрецедентную социальную поляризацию, препятствующую адаптации россиян к изменившимся условиям жизни [2, с. 72]. По мнению члена-корреспондента РАН Н.М. Римашевской, «износ» населения привел к тому, что поколение детей не воспроизводит поколение родителей количественно и качественно. Это снижает численность населения, разрушает человеческий капитал, ведет к депопуляции, падению качества каждого следующего поколения. Социальные бедствия, охватившие мир, усугубляют положение. Анализируя революции, войны, голод, эпидемии, П.А. Сорокин формулирует закон поляризации (люди как «нравственные герои» и как «грешники», наживающиеся на чужих бедах). Второй закон – закон обратной селекции (каждое из бедствий исключает лучших людей) [3, с. 18]. Генофонд нации скудеет: ухудшается качество населения, уменьшается его количество. Изменение численности населения влияет на среду обитания, на организацию общественной жизни. Несмотря на государственные усилия, население страны уменьшается. На экспертном совете по здравоохранению

при комитете Совета Федерации по социальной политике зафиксировано число рождений, которое приблизилось к одному из самых низких значений в истории современной России, к 2000 году. Среди причин называются снижение интенсивности деторождения и сокращение числа женщин репродуктивного возраста. Демографические процессы инертны: нынешние показатели отзовутся эхом через десятилетия.

Доминирующим свойством населения мира в ближайшие десятилетия С.П. Капица определяет старение населения за счет увеличения числа пожилых людей. Экономическое бремя по содержанию пожилых людей (рост доли иждивенцев не способных себя обеспечить) достанется молодой части человечества. Демографические последствия – негативное влияние на рождаемость, обострение социальных, экономических, этических проблем. Понимая человечество как «сильно связанную» единую систему с общим механизмом, управляющим развитием, С.П. Капица описывает эволюцию человечества в целом. Ученый обращается к методам, основанным на нелинейных зависимостях в анализе причинных связей [4, с. 21]. Физик исследует глобальную структуру, в которой развитие представлено последовательностью фазовых переходов, завершающихся демографической революцией. Переход к иному режиму актуализирует проблему адаптации сопряженных сфер жизнедеятельности к перестройке структуры населения, размещению производства и населения, отношения трудоспособного и пожилого населения, развития человеческого потенциала.

Через кризисную фазу проходят все культурные, социальные, политические, экономические институты, радикально меня мировоззрение и ценности российских граждан. Актуальна межпоколенная трансляция опыта семейных ценностей, развитие традиций многопоколенных семей, реализация родительского потенциала семей. В условиях демографического перехода, сопровождаемого социокультурными потрясениями, психологическая функция семьи, влияние семейной атмосферы на развитие детей будут только усиливаться. Особое значение имеет место семьи в жизненных планах молодежи. Факторы, влияющие на ее демографическое поведение: жилищные условия; материальная поддержка молодых, многодетных и неполных семей; религиозное возрождение; воспитание семейной культуры в обществе.

С критическим переходом «от взрывного роста к постоянной численности» связаны острые проблемы всех народов: безопасность, развитие общества, падение рождаемости. В РФ более двух с половиной миллиона многодетных семей, в которых воспитывается четверть маленьких россиян. Демографические индикаторы среди федеральных округов отличаются спецификой занятости, этническим составом населения, уровнем урбанизации. В Санкт-Петербурге, например, в результате федеральной и региональной государственной поддержки количество многодетных семей увеличилось до 53 тысяч. В них растут более 171 тысячи детей. Для воспроизводства населения требуется, чтобы в нашей стране проживало треть подобных семей.

Очевидна важность социальной защиты, всесторонней поддержки семьи – главного социального института, обеспечивающего демографическое

воспроизводство. Невнимание к состоянию граждан, пренебрежение условиями жизни населения разрушает «народный потенциал страны». «Снижение уровня социальных обязательств государства», противоречащее Конституции, в которой российское государство определено социальным, привело к системному кризису социума [2, с. 73]. Ослабление социального потенциала, распад социальных связей Н.М. Римашевская сравнивает с истощением природы при отсутствии согласованных действий по ее восстановлению. Экономист настаивает на изменении стратегий развития страны, «глубоком маневре в сторону конкретного человека», решительном повороте к осуществлению социальных реформ. Основная направленность социальных действий включает изменения условий и уровня жизни, социального, профессионального и нравственного развития, повышение качества рабочей силы – ее физического, психического и социального здоровья, высокого образовательного потенциала. «Интеллектуальность и духовность» по-прежнему значимы для большинства населения [2, с. 74].

В переживаемом нами переходном периоде наука играет важную роль. И. Пригожин призывает с большим вниманием «следить за тем, чтобы каналы связи между наукой и обществом оставались открытыми» [5, с. 14]. Укрепляя научную коммуникацию, общественная организация «Женщины в науке и образовании» под руководством доктора физико-математических наук, заслуженного профессора МГУ Г.Ю. Ризниченко своей просветительской деятельностью способствует расширению адаптационных возможностей молодежи, развитию человеческого потенциала.

Список литературы:

1. Пригожин И., Стенгерс И. Время. Хаос. Квант. К решению парадокса времени: Пер. с англ. / Под ред. В.И. Аршинова. Изд.6-е. М.: КомКнига, 2005. – 232 с.
2. Римашевская Н.М. Социальные стратегии развития России. / Будущее России в зеркале синергетики / Под ред. Г.Г. Малинецкого. М.: КомКнига, 2006. – 272 с.
3. Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий: Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь / Пер. с англ., вступ. ст. и примеч. В.В. Сапова. СПб.: Мир, 2012. – 336 с.
4. Капица С.П. Очерк теории роста человечества: Демографическая революция и информационное общество. Очерк теории роста человечества: Демографическая революция и информационное общество. М.: URSS, 2024. – 128 с.
5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок их хаоса: Новый диалог человека с природой Пер. с англ. / Под общ. ред. и с послесл. В.И. Аршинова, Ю.Д. Климонтовича, Ю.В. Сачкова. Изд.6-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 296 с.

Факторы качества жизни регионального социума

Бажаева Татьяна Сергеевна
Санкт-Петербург, Россия, bajeava@yandex.ru

Татарникова Марина Анатольевна
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
Санкт-Петербург, Россия, tatarnikovamarin@mail.ru

Повышенное внимание к исследованиям, посвященным оценкам качества жизни населения, в настоящее время обуславливается активным внедрением данной категории в современную систему государственного управления, что закреплено в Федеральном законе от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [1]. На уровне постановки целей Президент Российской Федерации обозначил пять ключевых национальных целей, ориентированных на повышение уровня и качества жизни населения к 2030 году. [2].

Достижение этих целей регулируется и контролируется посредством Единого плана по реализации национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года с продлением до 2030 года, в котором прописаны конкретные механизмы и показатели эффективности [3].

Однако, формирование качества жизни в качестве стратегического приоритета социально-экономической политики по-прежнему сопряжено с рядом нерешённых проблем. Среди ключевых противоречий можно выделить следующие:

- отсутствие чёткого, юридически закреплённого определения понятия "качество жизни";
- наличие множества нормативных актов, содержащих различные наборы индикаторов для оценки уровня и качества жизни, при этом отсутствует единый, интегральный показатель;
- ограниченная прозрачность в оценке эффективности и результативности деятельности органов государственной власти по достижению национальных целей, направленных на улучшение качества жизни;
- нехватка объективных и публично доступных рейтингов регионов по качеству жизни, особенно тех, что разрабатываются независимо и на основе научно обоснованных подходов [4].

Качество жизни — это оценочная категория, отражающая совокупность характеристик всех сфер жизнедеятельности человека.

Одним из ключевых методов управления качеством жизни является разработка и реализация стратегий социально-экономического развития, направленных на устойчивое повышение благосостояния населения. [5] Основными аспектами этого подхода являются стратегическое планирование, включающее определение долгосрочных целей и задач с учётом региональных особенностей; интеграция национальных проектов в региональные программы для обеспечения комплексного улучшения качества жизни; и

создание организационно-экономического механизма, обеспечивающего эффективное взаимодействие государственных и общественных институтов. [6]

Качество жизни также не может быть рассмотрено вне контекста взаимодействия экономической и социальной сфер региона. Экономическое развитие региона создает материальные условия для улучшения социальной инфраструктуры, будь то жильё, медицинское обслуживание или образование. [7]

Таким образом, на уровне региона управление качеством жизни требует комплексного подхода, который включает в себя как экономические, так и социальные меры, направленные на улучшение здоровья, образования, инфраструктуры и благосостояния граждан. Для эффективного развития региона необходимо интегрировать государственные и социальные инициативы, создавать методы оценки качества жизни и гарантировать их реализацию с учётом изменений в экономической ситуации и потребностях населения. В конечном итоге, успех в управлении качеством жизни зависит от умения учитывать объективные и субъективные факторы, а также от способности выстраивать долгосрочные и адаптивные стратегии, ориентированные на устойчивое улучшение благосостояния граждан. [8]

Список литературы:

1. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201406300016> (дата обращения: 07.05.2025).
2. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (дата обращения: 07.05.2025).
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 01.10.2021 № 2765-р «Об утверждении Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года». <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110110015> (дата обращения 07.04.2025).
4. Ишназарова З.М. Региональное управление качеством жизни населения: программно-целевой подход // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 6-1. С. 82-86;
5. Окрепилов В.В., Гагулина Н.Л. Развитие оценки качества жизни населения региона // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16. – №. 3. – С. 318-330.

6. Малеева, Т. В. Использование проактивного подхода в территориальном планировании на межрегиональном уровне / Т. В. Малеева, М. А. Татарникова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2024. – № 1(159). – С. 12–19. – DOI 10.26726/1812-7096-2024-1-12-19. – EDN KRLJXH.
7. Резвая, А. Д. Государственно-частное партнерство как инструмент регионального развития / А. Д. Резвая, Д. О. Гольм, М. А. Татарникова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2023. – № 5(151). – С. 25–30. – DOI 10.26726/1812-7096-2023-5-25-30. – EDN ROSZJD.
8. Татарникова, М. А. Обеспечение устойчивого экономического роста регионов в условиях изоляции России от внешних рынков / М. А. Татарникова, Т. С. Бажаева // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 8-1(85). – С. 205–208. – EDN ZEPBQN.
9. Татарникова, М. А. Роль стратегического планирования в социально-экономическом развитии территории / М. А. Татарникова, А. А. Рассказова, О. А. Правдина // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2022. – № 7(141). – С. 38–45. – DOI 10.26726/1812-7096-2022-7-38-45. – EDN ZRWIZC.
10. Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2023 // РИА НОВОСТИ [Электронный ресурс] Режим доступа URL: https://ria.ru/20240212/kachestvo_zhizni-1926120093.html (дата обращения: 05.05.2025).

Тенденции показателей качества жизни населения в Республике Армения

Бегларян Лилик Мхитаровна
Институт экономики имени М. Котаняна НАН РА,
Ереван, Республика Армения, beglaryan.lilik@mail.ru

Человеческий капитал играет ключевую роль в обеспечении устойчивого развития и повышении качества жизни. Одним из важнейших факторов его формирования является образование, которое напрямую влияет на экономический рост и социальное благополучие. В Армении, несмотря на положительные экономические тенденции, сохраняются вызовы, связанные с уровнем жизни населения. В этих условиях особую значимость приобретает государственная поддержка системы образования и науки как основа для развития высококвалифицированных кадров и укрепления научного потенциала страны.

В настоящее время доля человеческого капитала в национальном богатстве развитых стран составляет 70–80%. По некоторым оценкам,

увеличение продолжительности обучения одного года, как правило, в развитых странах приводит к росту на 5–15% валового внутреннего продукта (ВВП) [1, с. 37].

Судя по динамике темпов роста ВВП Армении за 2014–2024 гг., можно сказать, что в целом сохранялась тенденция к росту, а в 2024 году зафиксирован рост на 5.9%. Однако этот рост не оказал существенного влияния на качество жизни населения.

С другой стороны, «разрыв» компенсируется за счёт развитого человеческого капитала Армении. Одним из важнейших условий развития человеческого капитала и повышения качества жизни является постоянное повышение уровня образования. В Закавказском регионе самый высокий индекс уровня образования зафиксирован в Грузии – 25-е место, за ней следует Армения – 57-е место. Следует подчеркнуть, что самый низкий результат в регионе по уровню образования показывает Турция, занимая 112-е место [2].

За последние годы финансирование сферы образования из государственного бюджета Армении увеличилось более чем в 6 раз. В 2022 году на образование было выделено 165,6 млрд драмов, что составило 7,4% всех государственных расходов. По сравнению с 2021 годом это означает рост на 11%. В 2023 году ассигнования на образование выросли до 232,4 млрд драмов, а в 2024 году составили уже 316,8 млрд драмов, что эквивалентно примерно 9% государственных расходов. Тем не менее, показатель расходов на образование в процентах от ВВП остаётся на относительно низком уровне. Армения выделяет на образование ограниченные ресурсы относительно размеров своей экономики. В отношении финансирования науки также наблюдаются схожие тенденции. В 2023 году из госбюджета на науку было направлено 36,2 млрд драмов, что составляет 0,3% ВВП. Хотя это на 42,5% больше, чем в 2022 году, показатель по-прежнему значительно ниже по сравнению с международными стандартами. В 2022 году уровень бедности, рассчитанный по средней черте бедности в Республике Армения, составил 24,8%, по сравнению с 26,5% в 2021 году.

Уровень крайней бедности составил 1,2%, в 2021 году он был 1,5% [3].

Подводя итоги, следует отметить, что в контексте улучшения качества жизни населения страны возникает необходимость обеспечения устойчивого роста числа высококвалифицированных кадров в области науки и техники, обеспечения притока молодых кадров в сферу науки и реализации управляемой, плавной смены поколений научного потенциала, а также существенного расширения международного сотрудничества в области науки и технологий.

Список литературы:

1. Чугурян А.Г., Оценка индекса качества жизни (QL Index) в Республике Армения: методология, исследования, Северное сияние: сборник научных статей и другое. Издательство "Северный университет". Ереван, 2017.
2. HUMAN DEVELOPMENT REPORT 2023/2024, <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2023-24reporten.pdf>
3. Статистический ежегодник Республики Армения, Ереван, 2024, Показатели уровня жизни, <https://armstat.am/am/>

Проблемы развития социально-экономических отношений в условиях современной России

Бейсенбин Кайрат Аманжолович
Смоленский государственный медицинский университет
Смоленск, Россия, kairat_ne@mail.ru

Утверждение в Российской Федерации после распада СССР неолиберальной модели государственного устройства стало причиной дегуманизации социально-экономических отношений и трансформации их сущностных характеристик. Проблемы, связанные с либерализацией экономических и социальных основ развития общественных отношений, что неминуемо повлекло за собой зарождение большого числа негативных тенденций, значительно снизивших качество жизни российских граждан, и, безусловно, сыгравших существенную роль в ухудшении демографической ситуации, в настоящее время, не теряют своей актуальности.

Наиболее важной среди всего комплекса проблем развития социально-экономических отношений представляется проблема дегуманизация всех сфер общественной жизни. [3, С. 169] Это объясняется тем, что трансформация сущностных характеристик социально-экономических отношений произошла в результате деидеологизации общества, когда традиционные нравственные принципы были замещены неолиберальными ценностями. Провозглашение неолиберального принципа идеологического многообразия и, вместе с этим, популяризация западных ценностей, большая часть из которых находится в прямом противоречии с самобытным традиционным укладом жизни российских граждан, стали причиной трансформации общественного сознания. Приверженность традиционным нравственным ценностям и такие качества личности, как доброта, бескорыстность, самоотверженность, коллективизм стали восприниматься как удел неудачников. Напротив, эгоизм, стяжательство, коммерческий практицизм и стремление к достижению материального успеха любой ценой для многих граждан стали целесообразной установкой.

В свою очередь, и концептуальные положения развития социально-экономических отношений в современной России опираются на неолиберальные принципы, которые закреплены во всех основополагающих нормативно-правовых актах государства и, вопреки здравому смыслу, отождествляются с гуманистическими основаниями развития общественных отношений. Между тем, неолиберальные принципы развития экономических отношений требуют своего переосмысления, в контексте их соотносимости с гуманистическими традициями и нравственными ценностями народов Российской Федерации.

В сложившихся условиях понятие «труд» уже привычно отождествляется с видами деятельности, которые, если опираться на традиционные нравственные ценности, целесообразно соотносить с «наживой» (ростовщичество, спекуляция, искажение гуманистических оснований института частной собственности в обход нравственных ценностей и т. д....), и которые с самых древних времен подвергались осуждению, а в Советском государстве преследовались по закону. Труд, в своем гуманистическом контексте, когда речь идет о созидательной деятельности, безусловно, исключаяющей всякую «наживу», под воздействием либеральных реформ, теряет свою ценность. Созидательный характер труда, когда творческое начало для трудящегося человека (желание сделать что-то полезное, что-то улучшить, создать что-то новое для других людей или для общества...) является доминирующим, в современных условиях, не находит своего места среди принципов трудового права. Результатом всего этого стало то, что понятие «созидательный труд», нашедшее свое место в Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [2] не имеет своего толкования в нормативно-правовых актах. Доминирующей мотивацией трудовой деятельности для большинства российских граждан сегодня являются деньги, что в полной мере соотносится с неолиберальными ценностями.

Следует отметить, что проблемы формирования концептуальных основ развития социально-экономических отношений нуждаются в комплексном подходе, поскольку охватывают все сферы общественных отношений и имеют политико-идеологический характер. [1, С.339] Соответственно, гуманистически ориентированная Концепция развития социально-экономических отношений, положения которой опираются не на неолиберальные принципы, а на традиционные нравственные ценности, а также учитывают самобытные и цивилизационные особенности России, в свою очередь, должна опираться на единую для всех сфер общественной жизни Концепцию. Безусловно, такого рода Концепция имеет идеологические основания, поскольку прогрессивное развитие общественных отношений может представляться как реализуемая перспектива, только если достаточно четко определены цели и задачи общественного развития; определены основные принципы и основные понятия, толкование которых имеет четкие ориентиры и соотносится с традиционными нравственными ценностями и т. д.

Таким образом, к основным проблемам развития социально-экономических отношений в условиях современной России следует отнести:

- Провозглашение после распада СССР неолиберальных принципов западной демократии, результатом которого стали: дегуманизация общественных отношений; легализация видов деятельности, сущность которых целесообразно соотносить не с трудовой деятельностью, а с «наживой»; деградации гуманистических оснований понятия «труд», имеющее фундаментальное значение для развития социально-экономических отношений;
- Отсутствие устойчивых тенденций, нацеленных на переосмысление неолиберальных принципов социально-экономических отношений;
- Отсутствие Концепции развития общественных отношений, положения которой опираются на традиционные нравственные ценности, имеют свои научные и государственно-правовые основания.

Список литературы:

1. Бейсенбин К. А. Политико-правовые и нравственные основы формирования гражданского общества в Российской Федерации. Монография. – Смоленск: Смоленская гор. типография, 2016. – 372 с.
2. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 27.05.2025).
3. Юревич А. В. Эмпирические оценки нравственного состояния современного российского общества // Ярославский педагогический вестник, 2018. – № 4. С. 168–179. URL: https://vestnik.yspu.org/releases/2018_4/25.pdf (дата обращения: 27.05.2025).

Влияние цифровых технологий на региональное неравенство

Богомолов Александр Иванович

Научно-исследовательский центр развития пенсионной системы и
актуарно-статистического анализа

Финансового университета при Правительстве РФ
Москва, Россия, aibogomolov@fa.ru

Цифровые технологии могут как уменьшать, так и увеличивать цифровое неравенство-(цифровой разрыв - «Digital Divide») между регионами. Исследованию влияния цифровых технологий на региональное неравенство регионов России посвящён ряд работ [1-4], так как цифровые технологии обладают существенным потенциалом для развития территорий. Некоторые регионы быстрее адаптируются к новым технологиям благодаря лучшим условиям инфраструктуры (широкополосному доступу в Интернет), образованию населения и поддержке местных властей. Регион, отстающий от лидеров цифровизации, рискует столкнуться с ухудшением конкурентоспособности и экономической изоляции.

Например, сельские районы и небольшие города часто испытывают проблемы с качественным интернет-доступом, что ограничивает возможности жителей пользоваться онлайн-сервисами, получать образование дистанционно и заниматься удаленной работой.

Концентрация капитала и ресурсов в мегаполисах способствует развитию в них цифровых технологий, которые, в свою очередь, способствуют концентрации инноваций и капиталовложений, сосредоточению высококвалифицированных специалистов и технологических кластеров. Это усиливает миграционные потоки, увеличивает стоимость жизни и создает дисбаланс между мегаполисами и периферийными регионами. Москва и Санкт-Петербург в России являются яркими примерами такого явления: здесь развиваются крупнейшие IT-компании страны, создающие новые рабочие места и привлекающие талантливых специалистов со всей страны.

Традиционные отрасли промышленности, сельского хозяйства и малого бизнеса в регионах сталкиваются с конкуренцией новых высокотехнологичных компаний. Если регион зависел преимущественно от старых производственных предприятий, переход к цифровой экономике может привести к потере рабочих мест и снижению доходов местного населения.

Тем не менее развитие цифровых технологий в регионах может способствовать сокращению регионального неравенства в некоторых аспектах их социальной и экономической жизни. Благодаря развитию интернета и мобильных приложений жители отдаленных районов получают возможность пользоваться теми же услугами, что и горожане больших городов: заказывать товары онлайн, обращаться к квалифицированным врачам и медицинским центрам с помощью телемедицины, оплачивать коммунальные услуги электронными платежами. В регионах, так же как и в мегаполисах, на базе цифровых технологий происходит расширение электронной торговли и

доставки товаров в труднодоступные населенные пункты. Благодаря сервисам доставки продукты питания, одежда и бытовая техника становятся доступнее даже жителям небольших поселков.

Цифровые технологии в регионах делают доступными дистанционное образование и работу. Онлайн-образование позволяет жителям менее развитых регионов учиться в престижных вузах страны и мира, повышать квалификацию и находить работу вне зависимости от своего географического положения. Удаленная работа также становится возможной, снижая необходимость переезда в крупные города ради карьерного роста.

Сервисы вроде Coursera, Skillbox и Яндекс Практикума предоставляют доступ к высококачественным образовательным программам практически любому желающему независимо от региона проживания.

Современные платформы краудфандинга и облачные сервисы позволяют предпринимателям запускать бизнес-проекты и привлекать инвестиции, минуя традиционные каналы финансирования. Эта доступность стимулирует появление инновационных решений и создание локальной экономики даже в регионах с ограниченными ресурсами.

Для количественной оценки влияния цифровых технологий на региональное неравенство можно использовать комбинацию эконометрических моделей, методов машинного обучения и пространственного анализа. Например, пространственные модели SAR (Spatial Autoregressive), SEM (Spatial Error Model) позволяют учитывать "цифровых эффектов" [5,6].

Модели на основе методов машинного обучения, например, Random Forest/XGBoost могут быть использованы для выявления ключевых предикторов неравенства. Кластеризация (k-means, DBSCAN) для группировки регионов по уровню цифровизации и неравенства [7].

Выводы

Цифровые технологии действительно способны как усиливать региональные различия, так и способствовать их сокращению. Их воздействие зависит от множества факторов: качества инфраструктуры, уровня развития человеческого капитала, политики государства и готовности общества адаптироваться к изменениям.

Для уменьшения цифрового разрыва важно развивать инфраструктуру широкополосного доступа, внедрять программы повышения компьютерной грамотности среди населения, поддерживать местные инициативы и создавать условия для привлечения инвестиций в депрессивные регионы.

Выбор модели для оценки влияния цифровых технологий на развитие региона и для сравнения его уровня с другими регионами зависит от: доступности данных, характера цифровизации и гипотезы (прямое влияние vs. пространственные эффекты). Оптимально комбинировать несколько методов (например, регрессию + пространственный анализ + ML для валидации).

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финиуниверситета Начало формы

Список литературы:

1. Басова Е.А. Цифровое неравенство российских регионов: современные проблемы и пути преодоления // Вопросы территориального развития. 2021. № 4. С. 1–17.
2. Груздева М.А. Включенность населения в цифровое пространство: глобальные тренды и неравенство российских регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 90–104.
3. Деревцова И.В., Внукова Я.А., Головащенко Е.А., Денисевич Д.Д. Проблема цифрового неравенства регионов России как угроза экономической безопасности // Baikal Research Journal. 2021. Т. 12. № 2. С.1–11.
4. Пространственно-эконометрические модели.
<https://bigenc.ru/c/prostranstvenno-ekonometricheskie-modeli-4a199c>
5. Модель с пространственной зависимостью в ошибках.
<https://bigenc.ru/c/odel-s-prostranstvennoi-zavisimost-iu-v-oshibkakh>
6. Random Forests (TM) in XGBoost Tutorials.
<https://xgboost.readthedocs.io/en/stable/tutorials/rf.html>
7. Кантор Виктор. Методы кластеризации: K-Means, агломеративная кластеризация, DBSCAN. Оценка качества кластеризации.
<https://education.yandex.ru/handbook/ml/article/klasterizaciya>

Поколенческие особенности феномена отложенного счастья

Валеева Марина Владимировна
Уральский федеральный университет им.Б.Н.Ельцина
Екатеринбург, Россия, m.v.shcherbakova@urfu.ru

Категория счастья представляет интерес в рамках изучения различных научных областей, среди которых: психология, философия, культурология, экономика, педагогика. В последнее время в социологии также уделяется внимание исследованию данного направления.

В своем исследовании мы сфокусировались на изучении феномена отложенного счастья. Данный феномен связан с неспособностью человека получать удовольствие от текущих событий и повседневной жизни из-за ожидания определенного момента или цели, до достижения которых он не может чувствовать себя абсолютно счастливым.

Весной 2024 года нами было проведено разведывательное эмпирическое исследование методом нарративного интервью, для

определения основных показателей отложенного счастья, а также анализа их проявления у представителей разных социальных групп.

Объектом исследования выступили мужчины и женщины, представители разных поколенческих групп, проживающие в городах различного типа (малые, большие, мегаполисы): Екатеринбург, города Свердловской области, Москва, Санкт-Петербург (n=12). Информантами выступили 2 женщины и 2 мужчины в возрасте 18–24 года, 2 женщины и 1 мужчины в возрасте 25–40 лет, 3 женщины и 2 мужчины 41–60 лет.

В результате проведенного исследования были выявлены некоторые поколенческие особенности феномена отложенного счастья.

Одним из показателей отложенного счастья является представление человека о каких-то поворотных моментах, наступление которых, по его мнению, значительно улучшит жизнь. Отметим, что для информантов самого молодого возраста ожидаемыми событиями, после которых жизнь станет счастливее, является появление в жизни любви, отношений и окончание обучения. Также, упоминались такие аспекты как: улучшение здоровья и финансового благополучия, уверенность при трудоустройстве. В свою очередь, информанты старшего возраста связывали свои ожидания со сменой статуса или говорили о том, что уже не ждут такого момента.

Отказ от собственных интересов в пользу других людей – еще один показатель отложенного счастья. Независимо от возраста, все информанты отказывались от своих интересов ради благополучия своих близких, однако можно заметить, что представители старшего и среднего поколения чаще обозначали, что жертвовали своими финансовыми интересами, а представители младшего поколения, как правило, упоминали время и принципы.

Феномен отложенного счастья также проявляется в практике откладывания различных начинаний в ожидании более благоприятных условий для достижения какой-либо глобальной цели. Отметим, что практика отказа от общения с близкими/развлечений/отдыха встречается у представителей всех возрастных групп, однако основное поколенческое различие в определении этой самой глобальной цели, которая связана со сферой жизненных интересов и приоритетов: для молодежи это, как правило, отказ от развлечений и отдыха в пользу обучения, а для информантами более старшего возраста назывались причины связанные с построением карьеры.

Идея о достижении счастья через преодоление определенных этапов, наступление каких-то возрастных или социальных этапов в жизни – еще один показатель отложенного счастья, в рамках которого можно выявить поколенческие различия. Рассуждения о достижении счастья через обретение ощущения спокойствия, избавления от суеты и повседневных забот, которое наступит на определенном этапе жизни в большей степени свойственны информантам средней и старшей возрастной группы из крупных городов и мегаполисов, более прагматично в этом контексте рассуждали молодые информанты, говоря о достижении счастья через решение каких-то четких задач.

В свою очередь, стоит сказать и о таких показателях отложенного счастья, в рамках которых не было выявлено явных поколенческих различий,

среди них: сожаление об упущенных возможностях; сравнение себя с другими не в свою пользу; отсутствие удовольствия от повседневных аспектов жизни; откладывание счастливой жизни из-за представлений о недостаточно хорошем времени, чтобы быть счастливым.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить ряд показателей феномена отложенного счастья, а также рассмотреть особенности его проявления в различных возрастных социальных общностях.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00617, <https://rscf.ru/project/24-28-00617/>

Трансформация управления экспортным продовольственным потенциалом регионов России в условиях влияния внешних факторов на экономическую безопасность

Вартанова Марина Львовна
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, m.l.vartanova@mail.ru

В основе стратегических целей развития отечественного сельского хозяйства должно быть устойчивое продовольственное обеспечение, снижение себестоимости сельскохозяйственной продукции, рост объема экологически чистой продукции, но самое главное для страны – это социально-экономическое развитие ее регионов. Для эффективного решения вопросов, связанных с воздействием внешних факторов, современных рисков и угроз в условиях глобальной нестабильности, требуется внедрение многосекторальной международной модели, которая позволит адекватно учитывать различные компромиссы в агропродовольственных системах. Устойчивое развитие экспортного потенциала в сфере продовольствия возможно при условии расширенного воспроизводства ресурсного потенциала, обеспечения экономической безопасности и суверенитета страны, сохранения единства экономического пространства.

В контексте глобальной нестабильности и воздействия внешних факторов на экономическую безопасность страны, управление экспортным продовольственным потенциалом регионов позволит защитить отечественный рынок производства продовольствия от колебаний, вызванных рисковыми событиями, сформировать научно обоснованный системный механизм удовлетворения как внутреннего, так и внешнего спроса. Сегодня сельское хозяйство является одной из немногих отраслей с высоким темпом роста. Рост производства сельскохозяйственной продукции – основа продовольственной безопасности регионов [1]. Поскольку Россию пытаются изолировать от мировых цепочек добавленной стоимости и международного разделения труда [2], экономика страны входит в фазу масштабной

структурной перестройки, что привело к глубинной трансформации в мировом сельском хозяйстве. Отсюда вытекает важнейшая задача достижения реальной продовольственной безопасности, основанная на «совершенствовании нормативно-правовых актов, подготовки кадров новой формации, инструментов минимизации негативных последствий от современных вызовов и угроз, что в целом обеспечит продовольственную безопасность, а также антикоррупционный контроль в обществе» [3]. Важнейшей задачей для агропромышленного комплекса и сельскохозяйственных организаций, фермерских хозяйств и индивидуальных собственников на региональном уровне является создание соответствующих благоприятных условий [4].

Исследование особенностей управления экспортным продовольственным потенциалом позволяет обоснованно подойти к выявлению проблем и решению задач, связанных с разработкой направлений продовольственной системы, формирования методов исследования оценки качества жизни населения в разрезе регионов страны. Комплексное решение проблем развития сельскохозяйственного производства регионов Российской Федерации в условиях внешних угроз требует детальной проработки аналитических индикаторов, выступающих в качестве сигнальных показателей, отражающих проблемные стороны и дисбалансы диады – производство–потребление [5].

Формирование комплексной системы управления экспортным продовольственным потенциалом на общегосударственном и региональном уровнях связано с сохранением экономической безопасности, система должна быть уязвимым к росту цен, нехватке иностранной валюты и эмбарго, а также на внешние поставки, особенно в условиях влияния внешних угроз на экономическую безопасность страны [6]. Предлагаемая система управления экспортным продовольственным потенциалом включает в себя обширный набор показателей для каждого региона, который позволяет измерить влияние изменений в политике, как на макроэкономические агрегированные показатели, так и на показатели неравенства в ближайшей и среднесрочной перспективе, отражает международные экономические связи посредством международной торговли товарами, а также посредством перемещения людей и капитала.

Реализация составляющих элементов системы управления «будет способствовать повышению конкурентоспособности сельскохозяйственной отрасли, ориентируясь не только на импортозамещение, но и на развитие» [7] экспорта.

Совершенствование механизма внедрения достижений научно-технического прогресса в агропродовольственный комплекс Российской Федерации позволит увеличить конкурентоспособность и эффективность современного агропромышленного комплекса; повысить статус российской науки, способствуя ее признанию на международном уровне; обеспечить эффективное взаимодействие между государственными органами власти и частным сектором. Для достижения поставленных целей необходимо разработать комплекс научно обоснованных мер. Данные меры должны быть направлены на: сохранение устойчивости продовольственных систем в

условиях санкционного давления; достижение опережающего развития агропромышленного комплекса, с учетом глобальных тенденций и требований цифровой экономики; обеспечение качественного технологического превосходства российского агропромышленного комплекса. При разработке мер необходимо учитывать региональные особенности и возможности интеграции регионов России в трансграничные продовольственные системы и цепочки добавленной стоимости.

Список литературы:

1. Гуляева Т.И. Рост производства сельскохозяйственной продукции – основа продовольственной безопасности регионов / Т.И. Гуляева, О.В. Сидоренко // Экономический анализ: теория и практика. – 2010. – № 12 (177). – С. 31–36.
2. Щетинина И.В. Продовольственная безопасность России в условиях глобализации и международных ограничений: монография. – Новосибирск: ИЗОПП СО РАН, 2019. – 264 с.
3. Алексеев С.Л., Якушкин Н.М., Шарипов С.А., Сергеева Ю.С. Организационно-экономические основы развития органического сельского хозяйства в условиях современности // Экономика сельского хозяйства России. – 2024. – № 2. – С. 73–82.
4. Вартанова М.Л. Продовольственная безопасность регионов России в условиях глобальной нестабильности: дисс. ... д-ра экон. наук: 5.2.3 // Вартанова Марина Львовна. – Москва, 2024. – 467 с.
5. Рязанцев С.В., Вартанова М.Л. Тренды устойчивого развития сельского хозяйства российских регионов в контексте обеспечения национальной и продовольственной безопасности страны // Крестьяноведение. – 2025. – Т.10. – № 1. – С. 202–225.
6. Трясцин М.М. Управление устойчивым развитием регионального рынка продовольствия: дисс... д-ра наук: 08.00.05 / Трясцин Михаил Михайлович. – Пермь, 2009. – 371 с.
7. Лубкова Э.М. Развитие АПК промышленных регионов: на материалах Кемеровской области – Кузбасса: дисс. ... д-ра наук: экон. наук: 08.00.05 / Лубкова, Эльмира Миннулловна. Новосибирск, 2021. – 276 с.

Локальная идентичность как фактор социально-экономического развития моногорода

Вершинина Мария Александровна
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, marieversh@gmail.com

Вопрос об идентичности в современном мире имеет не только научное, но и практическое значение, поскольку от успеха в конструировании идентичности во многом зависит социально-экономическая, политическая стабильность общества и процесс государственного строительства. Социально-экономическое благополучие моногорода тесно связано с градообразующим предприятием. Поэтому, в периоды стабильной работы, развития предприятий такие города живут хорошо, городская среда благоустраивается, экономические условия позволяют людям строить жизненные перспективы в контексте места жительства. Особенно уязвима экономика моногорода, а вместе с ней и уровень жизни горожан, в периоды кризисов и трансформаций. Такие времена становятся настоящим вызовом для жизни города, особенно в экономическом и социальном плане.

Более трёхсот городов России можно отнести к категории «моногород». Уровень жизни населения таких территорий зависит от одного предприятия или от одной отрасли промышленности. В условиях экономического спада потенциал российских моногородов стремительно снижается. Последний кризис, вызванный санкционным давлением с конца 2022 года, особенно серьёзно ударил по отраслям лесной промышленности и деревообработке, металлургии, транспортной и специального машиностроения. [1]

Какие последствия имеют кризисы для моногородов? Конечно, это снижения качества жизни, обветшание городской среды, жилищного фонда, сокращение рабочих мест, отсутствие карьерных перспектив в городе, скудная культурная жизнь, многочисленные проблемы в социальной сфере. Моногород превращается в депрессивную территорию, население сокращается, и в основном, из-за уезжающей молодежи. Очевидно, что конструирование и поддержание положительной локальной идентичности не решит всех проблем современных моногородов. Но, решая проблемы городской экономики, инфраструктуры, важно не забывать, что жизнь людей также состоит из повседневных перемещений по городу в условиях исторически, культурно сложившихся декораций. Городская повседневность складывается в определённом географическом, климатическом и архитектурном ландшафте – можем сказать, что это элементы локальной идентичности.

Роль идентичности в жизни людей переоценить довольно сложно. Конец XX века характеризуется кризисом идентичности многих мировых сообществ, в связи с которым современное общество сталкивается с рядом вызовов – культурных, социальных, гуманистических. Опыт Советского Союза

также демонстрирует важность стабильной, глубокой идентичности в обществе. Одна из сложностей, которую не удалось преодолеть Союзу – воскрешение национальной идентичности, либо исторически укорененной, либо вновь политически изобретенной. Идентичность даёт идеологическую основу для социальной мобилизации в обществе. [2]

Локальная идентичность – это совокупность представлений, ценностей и норм, которые формируют чувство принадлежности к конкретной территории. Она влияет на социальные взаимодействия и даже экономическую активность жителей. Вообще локальность это один из аспектов социальной жизни, социальная форма которого задаётся силами местных сообществ. [3] Локальная идентичность характеризуется чувством включенности в жизнь некоего локального сообщества. Включенность – это процесс и состояние, при котором все члены сообщества, независимо от их различий (социальных, экономических, культурных и т.д.), имеют равный доступ к ресурсам, возможностям и участию в общественной жизни. Это подразумевает активное вовлечение и принятие всех членов сообщества, что способствует социальной справедливости и гармонии. Канадский социолог Д. Оллмен отмечает, что процессы включения индивидов и групп в социальные контексты или принципиального исключения из них являются фундаментальными для общества в целом [4].

Локальная идентичность является важным фактором, способствующим социально-экономическому развитию моногородов. Поддержка и развитие локальной идентичности могут привести к улучшению качества жизни, повышению уровня социальной активности и привлечению инвестиций.

Список литературы:

1. Совместное исследование «Если быть точным» и РЭШ. URL: <https://tochno.st/materials/milliony-rossiyan-zhivut-v-depressivnykh-monogorodakh-kotorye-poyavilis-eshche-vo-vremena-sssr-ikh-pytayutsya-ozhivit-no-poka-poluchaetsya-ne-ochen-sovmestnoe-issledovanie-esli-byt-tochnym-i-resh> (дата обращения: 20.05.2025)
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
3. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. – Minneapolis. – 1996. – 229 p.
4. ALLMAN D. The sociology of social inclusion // SAGE open. – L., 2013. – Vol. 3, N 1. – P. 1–16.

Деформация профессионально-ценностных ориентаций специалистов инженерно-технической сферы под влиянием социально-экономических проблем

Владимиров Иван Андреевич
МГТУ «СТАНКИН»
Москва, Россия, vladim.ivan@mail.ru

Профессионально-ценностные ориентации специалистов технических направлений в современной России подвергаются существенной деформации под воздействием комплекса социально-экономических факторов, сформировавшихся в период 2022-2024 годов, что требует глубокого научного осмысления данного феномена в контексте современных реалий развития отечественной экономики и технологической сферы.

Современные экономические условия создают особые предпосылки для деформации ценностных установок технических специалистов. В августе 2024 года безработица в России составила рекордно низкие 2,4%, что свидетельствует об остром дефиците трудовых ресурсов. Парадоксальным образом подобный дефицит кадров сопровождается снижением престижа инженерных профессий, поскольку более 30% выпускников инженеров в области радиоэлектроники трудоустраиваются менеджерами по продажам вместо того, чтобы заниматься проектированием [1].

Санкционное давление, введенное после февраля 2022 года, существенно трансформировало ценностные ориентиры технических специалистов. Процессы импортозамещения и переориентация на новые рынки сбыта потребовали кардинального пересмотра профессиональных приоритетов [2]. В результате у специалистов происходит смещение ценностных ориентаций с инновационной деятельности на решение задач технологического суверенитета, что зачастую сопровождается сужением профессионального кругозора.

Технологические изменения создают дополнительное давление на профессиональную идентичность инженеров. Внедрение искусственного интеллекта и автоматизации может привести к оптимизации до 27 тысяч рабочих мест в сфере информационной безопасности к 2027 году [3]. Подобные изменения заставляют специалистов переосмысливать свою профессиональную ценность и адаптироваться к новым требованиям рынка труда.

Деформация профессионально-ценностных ориентаций проявляется через изменение структуры мотивации выбора технических специальностей студентами. Исследования показывают, что для современных студентов технических направлений материальное стимулирование и общая социально-экономическая ситуация приобретают все большую значимость при профессиональном самоопределении. Ключевым механизмом деформации выступает конфликт между традиционными ценностными установками

инженерной деятельности (творческая самореализация, техническое совершенство, служение обществу) и императивами выживания в условиях экономической нестабильности [4].

Санкционные ограничения создают особый контекст профессиональной деятельности, характеризующийся изоляцией от мирового научно-технического сообщества. Такая изоляция приводит к сужению профессионального кругозора и переориентации с глобальных стандартов технического развития на решение локальных задач импортозамещения. Подобная трансформация сопровождается снижением критичности мышления и ослаблением стремления к инновационной деятельности.

Массовая эмиграция высококвалифицированных кадров создает эффект «негативной селекции», при котором в стране остаются специалисты с более низкой квалификацией или менее критическим отношением к происходящим изменениям. Данный процесс способствует общему снижению профессиональных стандартов и размыванию этических норм инженерного сообщества.

Экономические стимулы, направленные на удержание технических специалистов, зачастую носят краткосрочный характер и не затрагивают фундаментальные основы профессиональной мотивации. Повышение заработной платы в отдельных секторах экономики сопровождается усилением неравенства между различными категориями технических работников, что создает дополнительные социальные напряжения.

Трансформация образовательной системы под влиянием внешних ограничений приводит к деформации процесса формирования профессиональных ценностей у будущих специалистов. Смещение акцентов с фундаментальной подготовки на решение прикладных задач ограничивает возможности творческого развития и критического мышления студентов технических направлений.

Перспективы преодоления деформации профессионально-ценностных ориентаций связаны с необходимостью создания новой модели технического образования, способной адаптироваться к изменившимся условиям без утраты фундаментальных ценностей инженерной деятельности. Ключевыми направлениями должны стать развитие критического мышления и формирование этически ответственного отношения к профессиональной деятельности.

Тем самым деформация профессионально-ценностных ориентаций специалистов технических направлений требует системного подхода к анализу и коррекции. Понимание механизмов данного процесса является необходимым условием для разработки эффективных стратегий сохранения профессионального потенциала технической интеллигенции в условиях социально-экономических трансформаций.

Список литературы:

1. Ведомости. Третью инженеров радиоэлектроники выбирают продажи вместо разработки. [Электронный ресурс]. – URL:

<https://www.vedomosti.ru/management/articles/2025/05/26/1112538-tret-inzhenerov-radioelektroniki-vibirayut-prodazhi-vmesto-razrabotki> (дата обращения 01.06.2025).

2. Экономическая безопасность. Санкции против России: экономические последствия, стратегии адаптации и перспективы международных отношений. [Электронный ресурс]. – URL: <https://1economic.ru/lib/121468> (дата обращения 01.06.2025).
3. Positive Technologies. Рынок труда в информационной безопасности в России в 2024–2027 гг.: прогнозы, проблемы и перспективы. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/rynok-truda-v-informacionnoj-bezopasnosti-v-rossii-v-2024-2027-gg-prognozy-problemy-i-perspektivy/> (дата обращения 01.06.2025).
4. Владимиров, И. А. Содержание профессионально-ценностных ориентаций студентов технических специальностей в системе высшего образования / И. А. Владимиров // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 4. – С. 152–155.

Формирование человеческого капитала в аграрном секторе

Воротников Глеб Валерьевич
ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ
Москва, Россия, g.vorotnikov@vniiesh.ru

Человеческий капитал является одной из ключевых концепций в экономической теории. Он охватывает все аспекты, связанные с навыками, знаниями и опытом работников, и рассматривается как важный фактор, способствующий экономическому росту и развитию. В аграрном секторе, который представляет собой основу продовольственного обеспечения, повышение человеческого капитала может привести к значительным улучшениям в производительности и устойчивости.

Концепция человеческого капитала была впервые предложена экономистами, такими как Теодор Шульц и Гэри Беккер [1,2]. Шульц рассматривал образование как инвестиции, которые повышают продуктивность труда, в то время как Беккер подчеркивал роль навыков и знаний в повышении доходов.

Основные теоретические аспекты человеческого капитала включают:

- образование и навыки;
- здоровье;
- мотивация и социальные аспекты.

Образование является основным элементом, определяющим уровень квалификации работников. В аграрном секторе важно не только общее

образование, но и специализированные знания в области агрономии, зоотехнии и управления ресурсами.

Аграрный сектор требует постоянного внедрения новых решений для повышения эффективности. Человеческий капитал способствует инновациям и разработке новых подходов к производству и сбыту сельскохозяйственной продукции [3].

Образование является основным инструментом формирования человеческого капитала. Для аграрного сектора характерен высокий уровень специального и дополнительного образования, которое должно быть адаптировано к современным требованиям производства [4]. Внедрение современных образовательных программ, основанных на практике, позволяет готовить высококвалифицированные кадры, способные применять инновации и новые технологии.

Формирование человеческого капитала предполагает систему образования и профессионального развития. Важными элементами этой системы являются базовое образование/Важным аспектом формирования человеческого капитала в аграрном секторе является профессиональная подготовка. Дополнительное обучение и курсы повышения квалификации становятся важными для поддержания развития отрасли. Большую роль могут играть сотрудничество между учебными заведениями и работодателями.

Профессиональная подготовка и переработка являются критически важными аспектами, поскольку аграрный сектор сталкивается с постоянно меняющимися условиями. Необходимо развивать программы повышения квалификации, семинары и курсы, которые помогут работникам адаптироваться к новым технологиям и методам ведения хозяйства [5]. Специализированные учебные заведения должны сотрудничать с аграрными предприятиями для более глубокого понимания их потребностей.

Инновации становятся отправной точкой для повышения уровня человеческого капитала. Внедрение современных технологий и практик требует от работников не только профессиональных навыков, но и готовности к обучению и постоянному повышению уровня квалификации. Компании должны инвестировать в научные исследования и внедрение новых технологий, чтобы сотрудники могли работать с современным оборудованием и использовать инновационные технологии.

Занятость в аграрном секторе определяется рядом факторов: сезонность работы, уровень механизации и автоматизации, экономическая политика [6].

Многочисленные работы в сельском хозяйстве имеют ярко выраженные сезонные циклы, что приводит к временной занятости. Переход к более механизированным методам производства снижает потребность в рабочей силе. Государственные программы поддержки сельского хозяйства и кооперации могут повысить трудовую занятость [7].

Важно отметить, что сельское хозяйство предоставляет 23% от общей доли всех рабочих мест по всем видам деятельности в стране [8].

Среди проблем, влияющих на доходы, можно выделить: низкие цены на сельскохозяйственную продукцию; ограниченный доступ к современным

технологиям и знаниям; климатические изменения, оказывающие негативное влияние на урожайность; сезонность.

Согласно данным Росстат количество рабочих мест до 2022 г. незначительно росло, однако в 2022г. сократилось до 22519 млрд, что ниже показателя 2019 года [9]. Заработная плата в сельском хозяйстве растет. Повышается и уровень заработной платы работников сельского хозяйства по сравнению с другими отраслями, но незначительно и по-прежнему находится на достаточно низком уровне.

Доходы сельского населения зависят от нескольких факторов: тип деятельности, доступа к рынкам, государственные субсидии и программы. Фермеры, работающие в средней и крупной агрономии, как правило, имеют более высокие доходы по сравнению с мелкими производителями. Возможность сбыта продукции по справедливым ценам существенно сказывается на доходах. Финансовая поддержка от государства может значительно повысить уровень жизни сельских жителей.

Формирование и использование человеческого капитала в аграрном секторе являются ключевыми факторами, от которых зависит эффективность работы всей отрасли [10]. Улучшение образовательных программ, повышение квалификации сотрудников, внедрение современных технологий, поддержка со стороны государства и инновационные подходы к управлению могут существенно повысить уровень жизни сельского населения и обеспечить устойчивое развитие аграрного сектора.

Сокращение количества рабочих мест в сельском хозяйстве и сокращение сельского населения обуславливает дальнейшее развитие человеческого капитала в аграрном секторе, отвечающее современным тенденциям экономического развития страны и общества в целом.

Список литературы:

1. Becker, G. S. (1993). Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. University of Chicago Press.
2. Schultz, T. W. (1961). Investment in Human Capital. The American Economic Review.
3. Искусственный интеллект в социальной сфере / Л. И. Селиванов, С. А. Соколовская, А. А. Михайлов [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2024. – 178 с.
4. Евсюкова, Т. Г. Влияние демографических процессов на развитие человеческого капитала в сельском хозяйстве / Т. Г. Евсюкова, Н. И. Сафонов // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2024. – № 11. – С. 76–81.
5. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024623894 Российская Федерация. Тезаурус "Человеческий капитал в агропромышленном комплексе": № 2024623711: / В.Г. Новиков, Т.Г. Евсюкова, Н.И. Сафонов [и др.]

6. Евсюкова, Т.Г. Фискальный фактор развития человеческого капитала в сельскохозяйственном производстве / Т.Г. Евсюкова // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2024. – № 8(114). – С. 176–182.
7. Новиков, В.Г. Состояние кадрового обеспечения аграрной сферы экономики и проблемы сельского развития / В.Г. Новиков // Нормирование и оплата труда в сельском хозяйстве. – 2024. – № 4. – С. 17–27.
8. Сельское хозяйство в России. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Sel_hoz-vo_2023.pdf (дата обращения 20.02.2025).
9. Российский статистический ежегодник. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения 20.02.2025).
10. Трубин, А.Е. Особенности формирования кадрового потенциала в сельском хозяйстве / А.Е. Трубин, К.А. Егоров // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2024. – № 10(116). – С. 230–236

Статистический анализ и измерение социально-бытовой неудовлетворенности социально-демографических групп в регионах РФ

Гаврилец Юрий Николаевич
ЦЭМИ РАН
Москва, Россия, yurkag@mail.ru

Кудров Александр Владимирович
ЦЭМИ РАН
Москва, Россия, kovlal@inbox.ru

Тараканова Ирина Васильевна
ЦЭМИ РАН,
Москва, Россия, itar40@mail.ru

1. Рассматривая качество и уровень жизни, внимание исследователей, как правило, направлено на позитивные стороны быта – повышение дохода, потребления, уровня здоровья и т.д. Но, к сожалению, реальная жизнь людей описывается не только красками, есть и такие условия, которые мешают всем жителям. Настоящая работа посвящена статистическому анализу социально-бытовой неудовлетворенности условиями жизни в регионе. Статистические данные, которые используются в

нашем анализе, получены в результате социологического опроса КОУЖ 2022 года, см. [1]. Цель исследования — измерение и анализ уровня социально-бытовой неудовлетворенности населения и выявление направлений улучшения качества жизни в регионе.

2. Настоящее исследование является продолжением работ [2] и [3], проводившихся на данных КОУЖ 2022 года. В работе [3] исследовалось влияние на качество жизни региональных условий проживания, которые вызывают социально-бытовую неудовлетворенность населения. Статистическому анализу были подвергнуты 17 показателей, характеризующих уровень недовольства следующими проблемами: *доступность медицинских услуг, образовательных услуг, получение официальных документов, доступ к торговым точкам, доступ к аптекам, доступ к культурным учреждениям, доступ к объектам досуга, доступ к спортивным сооружениям, качество жилищно-коммунальных услуг, качество общественного транспорта, городское благоустройство и удобства, состояние и безопасность дорог, преступность, вандализм, наркомания, алкоголизм, загрязнение окружающей среды*. Для каждого региона были рассчитаны доли жителей, недовольных перечисленными проблемами.

По этим данным с помощью компонентного анализа был построен общий региональный индекс социально-бытового недовольства, позволивший оценить степень недовольства в каждом регионе. Однако в связи со значительной разнородностью жителей региона и условий проживания возникает естественная необходимость детализировать уровень недовольства разных социально-демографических групп. Это позволяет более правильно оценивать восприятие рассматриваемых проблем различными слоями населения, понять их сходства и различия.

3. Как выяснилось, степень неудовлетворенности социально-бытовыми условиями значительно различаются в разных социально-демографических группах. Поэтому нами были организованы шесть специальных подвыборок для мнений респондентов, сгруппированных по *типу населенного пункта (2), возрастной группе (2) и уровню образования (2)*. Для этих шести групп были рассчитаны индексы социально-бытовой неудовлетворенности, характеризующие социально-бытовое недовольство респондентов в этих группах. Во всех случаях для вычисления индексов использовался метод главных компонент.

Прежде всего, была проанализирована согласованность общих и групповых оценок. Для этого были рассчитаны коэффициенты ранговой корреляции между общим индексом недовольства и частными индексами недовольства социально-демографических групп. Было установлено, что общий индекс согласован с большинством частных индексов, но отличается от индексов для городского населения и сельского населения. Между собой индексы неудовлетворенности городского населения и сельского населения также существенно отличаются. Кроме того, различия оценок наблюдалось для групп по возрасту и образованию, а также в группах образованного и сельского населения.

4. Для того, чтобы сравнить степень важности отдельных социально-бытовых проблем для той или иной социально-демографической группы был проведен анализ соответствующих факторных нагрузок первой главной компоненты, поскольку именно величина факторных нагрузок этой компоненты выражает степень важности проблем.

Как оказалось, преступность наиболее важна для всех социальных групп, но для сельского населения и для группы образованных факторная нагрузка у нее несколько меньше. Следующей по важности для большинства социально-демографических групп, за исключением сельских жителей, является проблема доступности образования. Для городского населения, населения старших возрастов и образованной части населения важной является проблема доступности оформления документов.

5. Дальнейший анализ мнений и оценок населения проводился при детализации характера статистических связей между самими проблемами. Для этого использовались теоретико-информационные методы и причинный анализ. Как оказалось, проблемы возникают во взаимосвязи друг с другом, а не изолировано одна от другой. Несмотря на то, что фактически рассматриваются данные только о мнении населения, по ним можно выявлять связи между объективными условиями жизни, что существенно при принятии региональных управленческих решений. Оказалось, что относительно самостоятельный комплекс проблем включает в себя качество жилищно-коммунальных услуг, общественного транспорта, городское благоустройство и удобства, состояние и безопасность дорог; другой комплекс включает в себя большую группу взаимосвязанных проблем, таких как доступность медицинских услуг, образовательных услуг, получение официальных документов, доступ к торговым точкам, доступ к аптекам, доступ к культурным учреждениям, доступ к объектам досуга, доступ к спортивным сооружениям; также отдельный комплекс образуют такие проблемы, как вандализм, наркомания, алкоголизм, загрязнение окружающей среды. Но интересно, что преступность представляет собой самостоятельную независимую проблему.

6. В заключении хотелось бы сказать, что традиционное построение опросных листов, ориентированных на выявление условий оценок жизни, могло бы быть дополнено выявлением отдельных конкретных мнений опрашиваемых по возможностям устранения имеющихся недостатков. По нашему мнению, кроме опросов широкого профиля, охватывающих много вопросов, необходимо проведение специализированных опросов, позволяющих выявить конкретные мнения и предложения по устранению недостатков. Фактически речь должна идти об организации обратной связи для принятия решений управляющими региональными структурами. Это особенно важно в период подготовки и организации местных и федеральных выборов, когда население охотно будет говорить о своих насущных проблемах.

Список литературы:

1. Данные Росстата, комплексное наблюдение условий жизни населения. – URL:

https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html
(дата обращения: 20.11.2023).

2. Гаврилец, Ю. Н., Кудров А. В., Назарова И. Б. Путевой анализ в исследованиях сложных социальных систем // Социальная динамика населения и человеческий потенциал: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Москва, 20–21 июня 2024 года. – Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2024. – С. 353–356.
3. Гаврилец, Ю. Н., Кудров А. В., Тараканова И. В. Социально-бытовая неудовлетворенность населения России: социально-демографические и региональные особенности // Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий : Материалы X международной научно-практической интернет-конференции, Вологда, 19–21 мая 2025 года. – Вологда: Вологодский научный центр РАН, 2025.

Благополучие молодых специалистов в академической сфере

Герасимова Ольга Ярославовна
Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия, osenkiv@sfedu.ru

В 2024 году в России зафиксирован исторический минимум численности ученых – менее 339 тысяч человек, что на 11 % меньше, чем в 2015 году [1]. Особенно актуальной становится задача удержания молодых специалистов в науке и высшем образовании. В этой связи представляется необходимым выявить значимые факторы благополучия в различных сферах жизни аспирантов; барьеров профессионального развития в научно-образовательной сфере.

Субъективное благополучие определяется как личностная оценка индивидом различных сфер жизни, включая экономическое и социальное положение, профессиональную занятость, физиологические, институциональные и другие аспекты [2]. Данное понятие состоит из двух основных компонентов: аффективного (совокупность положительных и отрицательных эмоций, настроений и переживаний в конкретный момент времени), и когнитивного (оценка удовлетворенности жизнью, общего качества жизни по прошествию времени) [3]. В существующих исследованиях благополучие аспирантов рассматривается в контексте общего благополучия [4].

Для выявления факторов, оказывающих влияние на субъективное благополучие молодых специалистов были осуществлены глубинные интервью с 23 аспирантами ЮФУ, представляющими разные направления и находящимися на различных этапах обучения. Данное исследование является пилотным. Тренд увеличения возраста аспирантов ЮФУ подтверждает

результаты исследования Минобрнауки о повышении среднего возраста аспирантов: если в 2010 г. половину обучающихся составляла молодежь до 25 лет, то теперь каждый второй аспирант — в возрасте от 25 до 29 лет, почти треть из них — старше 30 лет [5]. Собранные данные были обработаны с помощью тематического анализа.

Результаты исследования выявили, что благополучие аспирантов включает такие сферы, как семейные отношения, профессиональная деятельность, финансовая стабильность, физическое и психическое здоровье, а также карьерные перспективы и досуг.

Благополучие молодых учёных формируется под воздействием множества взаимосвязанных факторов, что требует комплексного подхода к его поддержке. С одной стороны, материальная составляющая остаётся одним из наиболее значимых факторов: недостаточный доход аспирантов часто вынуждает искать дополнительные источники заработка, что усугубляет нагрузку и снижает качество жизни. С другой стороны, выявлены и другие важные аспекты благополучия. Так, хронический дефицит времени, связанный с учебной нагрузкой, научной деятельностью, дополнительными административными обязанностями ведет к нарушению баланса между работой/учебой и личной жизнью. Аспиранты, не планирующие академическую карьеру, откладываящие работу над диссертацией, сохраняют этот баланс по сравнению с теми, кто ориентирован на развитие в науке и высшем образовании — последние регулярно жертвуют личным временем ради выполнения академических обязательств.

Особого внимания заслуживают вопросы здоровья: присутствует гиподинамия, сопровождаемая болями в спине и набором веса, а также психоэмоциональные трудности (повышенная тревожность и нарушения сна). Молодые учёные с академическими амбициями демонстрируют более выраженные проблемы с психоэмоциональным состоянием. Систематическое недосыпание и переутомление становятся в академической среде нормой, что способствует развитию профессионального выгорания и снижению качества жизни. Высокая нагрузка формируют режим хронической занятости, ограничивая возможности для занятий спортом, отдыха и социальной поддержки — факторов, критически важных для восстановления и поддержания психофизиологического здоровья. Выявленные проблемы могут рассматриваться как часть единого комплекса психофизиологического неблагополучия в академической среде.

Анализ профессиональных планов показывает, что большинство аспирантов намереваются строить карьеру в академической сфере, а среди тех, кто планирует работать в коммерческих или государственных структурах, многие стремятся сохранить связь с университетом в роли преподавателей-практиков. Для аспирантов с выраженной академической ориентацией защита диссертации приобретает особое значение и сопряжена с высоким уровнем тревожности, что отражает эмоциональную нагрузку, связанную с профессиональным становлением. Представители этой группы характеризуются повышенным уровнем тревожности по сравнению с теми, кто не планирует профессионально развиваться в сфере науки и высшего образования.

Были выявлены основные факторы, стимулирующие отток молодых специалистов из академической среды: финансовая нестабильность, профессиональное выгорание, бюрократизация, разрыв между фундаментальной наукой и практической реализацией инноваций, рутинизация деятельности, непрозрачность карьерного роста из-за отсутствия объективных критериев продвижения и ограниченного числа позиций. Эти причины совпадают с факторами, влияющими на субъективное благополучие аспирантов, что указывает на фундаментальную взаимосвязь между состоянием благополучия и мотивацией продолжать научно-исследовательскую деятельность.

*Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда № 24-78-00125
// <https://rscf.ru/project/24-78-00125/>*

Список литературы:

1. Индикаторы науки: 2025: статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, Е. И. Евневич и др. М.: НИУ ВШЭ, 2025
2. Diener E. Subjective well-being. Psychological bulletin 95(3): 542–575. 1984
3. Экономика счастья: исследование об исследованиях / Л. С. Скачкова, О. Я. Герасимова, Д. Д. Кривошеева-Медянцева, Е. А. Яковлева // Журнал институциональных исследований. 2023. Т. 15, № 3. С. 125–146. DOI 10.17835/2076-6297.2023.15.3.125-146
4. Hargreaves C. E., de Wilde J. P., Juniper B., Walsh E. Re-evaluating doctoral researchers' well-being: what has changed in five years? Imperial College London. 2017
5. Востребованность аспирантуры в России вновь растет. Минобрнауки//<https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka-i-obrazovanie/53770/> (Дата обращения: 15.05.2025 г.)

Качество образования как составляющая качества жизни

Говорухина Галина Владимировна
КАУ ДПО «Алтайский институт развития образования
имени Адриана Митрофановича Топорова»
Барнаул, Россия, govorgv@gmail.com

В настоящее время к определению качества жизни и выявлению его основных составляющих выделяются ряд подходов: социологический, экономический, психологический и др. [1]. На основе этих подходов обосновываются различные парадигмы качества жизни. Но большинство исследователей склонны различать качество жизни общества и качество

жизни отдельного человека [2]. При этом качество жизни общества понимается как совокупность условий (исторических, географических, экономических, экологических и др.), созданных обществом для своего дальнейшего развития и обеспечивающих жизнедеятельность людей, а качество жизни личности – это отношение людей к условиям, существующим в обществе и возможность их использования для удовлетворения своих потребностей [3].

Исследователи все чаще выделяют модели качества жизни в рамках отдельных сфер жизнедеятельности человека и общества. И особое внимание в последние годы привлекает такая сфера жизни, как образование. Несмотря на то, что проблема обеспечения качества образования является актуальной, в настоящее время отсутствует общепринятое определение «качество образования». Конструирование существующих подходов к исследованию этого феномена способствует появлению различных его определений. Но в большинстве из них фиксируется тот факт, что определение качества образования основывается на комплексном подходе. В соответствии с этим качество образования можно определить как интегративную характеристику образовательной деятельности в конкретной образовательной организации. Эта характеристика включает в себя, во-первых, степень соответствия обучения и воспитания федеральным государственным образовательным стандартам; во-вторых, степень достижения планируемых результатов образовательных программ; в-третьих, необходимый штат педагогических кадров и их достаточную предметную и методическую компетентность; в-четвертых, степень мотивации всех участников образовательного процесса; в-пятых, сформированную образовательную среду и др. Все эти показатели в той или иной степени влияют на качество образования.

В соответствии с этим в целях достижения ожидаемых результатов важными инструментами оценки качества образования являются мониторинг, контроль и оценка процессов взаимодействия различных составляющих качества жизни общества и личности.

С целью разработки региональной модели качества образования, входящую в региональную модель качества жизни населения, в 60 школах Алтайского края весной 2025 года Алтайским институтом развития образования имени А. М. Топорова под руководством автора был проведен опрос по проблемам повышения качества общего образования. Прежде всего, ставилась задача выявить понимание педагогическими кадрами качества образования. Почти половина опрошенных (46,7%) его понимают согласно федеральному закону об образовании, но в тоже время 26,7% – рассматривают качество образования как интегративную характеристику образовательной деятельности; у остальных опрошенных разные подходы к определению качества образования, относящиеся к отдельным компонентам этого феномена.

На вопрос: «Какие факторы, в первую очередь, влияют на качество образования в современных образовательных организациях?», – ответы педагогов распределились следующим образом:

- кадровый потенциал – 21,7%;

- учебно-методическое обеспечение – 15%;
- сохранение традиций партнерства семьи и школы – 12,7%;
- методы обучения – 12%;
- условия обучения – 12%;
- образовательная среда – 10,9%;
- инфраструктура – 7,9%;
- политика руководства образовательной организации – 7,1%;
- другие – 0,7%.

Одним из заданных вопросов был вопрос, касающийся характеристики муниципальной модели управления качеством образования. Анализ ответов опрошенных педагогов позволил сформулировать обобщенное понимание этой модели: «Муниципальная модель управления качеством образования представляет собой систему взаимодействия органов местного самоуправления, образовательных организаций и общественных институтов, направленную на обеспечение оптимального функционирования системы образования и повышение её качества на территории муниципального образования».

Таким образом, как можно заметить из ответов педагогического состава школ, особое внимание они обращают на такой фактор обеспечения качества образования, как образовательная среда, которая является одним из компонентов, определяющим качество жизни, как отдельного человека, так и общества в целом.

Список литературы:

1. Субетто А. И. Качество жизни: грани проблемы / А. И. Субетто. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2004. – 170 с.
2. Лига М. Б. Качество жизни как основа безопасности: монография / М. Б. Лига ; под ред. М. В. Константинова. – Москва: Гардарики, 2006. – 222 с.
3. Горбачев В. Н. Экологическая составляющая технологий социального управления качеством жизни / В. Н. Горбачев, Г. В. Говорухина // Экология и управление природопользованием: сборник научных трудов VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием; под ред. А. М. Адама. Вып. 6. – Томск: Литературное бюро, 2023. – С. 16-18.

Целевое использование интернета как основание для типологии интернет-пользователей в России

Горюнов Иван Олегович
Институт социологии ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, goryunoivan@gmail.com

Типологические концепции интернет-пользователей находят применение в различных сферах — от маркетинга и цифровой социальной политики до социально-психологических исследований. В российской научной среде накоплен значительный объем работ, посвящённых типологиям интернет-пользователей. Исследователи предлагают различные подходы: от анализа пользовательских действий с опорой на мотивационные установки [1] до деления на «просоциальных» и «антисоциальных», «пассивных», «ситуативных», «активных», «чрезмерно активных», а также «технофилов» и «технофобов» [2].

Особое внимание уделяется социально-демографическим факторам, влияющим на структуру интернет-аудитории. Особенно активно в России изучается проблема цифрового разрыва, связанного с возрастными и территориальными различиями в доступе и использовании интернета [3–7].

Теоретические аспекты типологизации освещаются в работах таких исследователей, как М. Кастельс, Я. ван Дейк, А. Бард, Я. Зодерквист, Дж. Сулер, Ш. Теркл и других. Так, М. Кастельс, описывая социальную организацию интернет-пространства, различает пользователей-производителей и пользователей-потребителей [8]. Я. ван Дейк, в контексте своей теории информационного общества, акцентирует внимание на феномене цифрового неравенства, формулируя его в виде трёхуровневой модели: наличие доступа к сети и его качество; характер использования интернета (навыки, мотивация, частота); и получаемые от этого выгоды [9].

Современные подходы к типологизации пользователей, как правило, фокусируются либо на поведенческих характеристиках, либо на уровне цифровой грамотности, временных затратах на онлайн-активность и технической оснащённости. Однако по-прежнему остаётся актуальной задача разработки более целостного и глубинного подхода к типологизации интернет-пользователей. Комплексная типология, учитывающая как цели использования интернета, так и социально-демографические особенности пользователей, могла бы расширить представление о социальной структуре российского интернет-пространства.

В работе используются переменные (выборка по индивидам, 32 волна обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ [10]), детализирующие целевое использование интернета.

Согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, наиболее популярными целями использования интернета в 2023 г. стали: использование социальных сетей (96,4%), общение (93,9%), далее следует оплата услуг (79,2%) и развлечения (74,6%). Рабочие цели (51,4%) являются менее популярными видами интернет-

активности, однако демонстрируют устойчивые линии трендов в последние годы.

Для построения типологической модели российских интернет-пользователей предлагается проведение процедуры кластерного анализа. При переборе и интерпретации моделей с различным количеством кластеров мы остановились на трех-кластерной модели, различающей несколько паттернов интернет-активностей. В качестве переменных для разбиения кластеров использовались следующие (цели использования интернета) – учеба; работа; развлечения; общение с другими людьми; получение государственных услуг; оплата коммунальных услуг; бронирование билетов; использование облачных сервисов хранения и передачи данных; просмотр телевизионных программ; просмотр и скачивание картинок, музыки, фильмов, текстов; скачивание книг и чтение он-лайн; игры он-лайн, просмотр или скачивание игр; дистанционное обучение; доставка еды, напитков; покупка товаров; заказ деловых и профессиональных услуг; заказ бытовых и личных услуг; посещение сайтов социальных сетей.

Результаты кластерного анализа выявили значительные различия в объеме интернет-практик среди пользователей: участники первого кластера задействованы в 4 видах интернет-практик, второго – в 7, а третьего – в 14. На основе этих данных предложена предварительная типология пользователей интернетом (с условными названиями):

- Утилитарные пользователи – используют интернет преимущественно для коммуникации и досуга;
- Функциональные пользователи – прибегают к интернету избирательно, в зависимости от конкретных задач;
- Универсальные пользователи – активно применяют интернет в самых разных целях, включая профессиональные, коммуникативные и развлекательные.

Предполагается, что такие различия между кластерами обусловлены сочетанием социально-экономических и демографических характеристик. Первичный анализ показал, что: Утилитарный кластер в основном включает пользователей старше 56 лет, со средним или средним профессиональным образованием, занятых преимущественно в рабочих профессиях и входящих в первые два квартиля по уровню дохода; Функциональный кластер объединяет людей в возрасте 36–55 лет, часто с высшим образованием, равномерно распределённых по уровню дохода и занятых на должностях вспомогательного персонала; Универсальный кластер состоит преимущественно из пользователей в возрасте 25–45 лет, с высшим образованием, входящих в самый высокий (четвертый) квартиль по доходам и работающих специалистами. Во всех кластерах наблюдается преобладание женщин и жителей городов.

Дальнейшее развитие поставленной проблематики исследования видится в типологическом анализе через другие составляющие «интернет-практик» (цифровые навыки и др.), наблюдении за типами интернет-пользователей в динамике через лонгитюдный обзор, а также в межстрановом сравнении типологий в контексте глобального цифрового разрыва.

Список литературы:

1. Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е. Мотивация пользователей Интернета // Гуманитарные исследования в Интернете. М., 2000. 432 с.
2. Погожина И.Н., Подольский А.И., Идобаева О.А., Подольская Т.А. Цифровое поведение и особенности мотивационной сферы интернет-пользователей: логико-категориальный анализ // Вопросы образования. 2020. № 3. С. 60–94.
3. Варламова Ю.А. Межпоколенческий цифровой разрыв в России // Мир России. Том 31. №2. 2022. С. 51–74.
4. Волченко О.В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. 2016. С. 163–182.
5. Рощина Я. М. Поведение россиян в условиях развития цифрового общества // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS–HSE). Выпуск № 11. 2021. С. 92–121.
6. Салимова Д. И., Хоркина Н. А. Особенности использования информационно-компьютерных технологий российскими пенсионерами // Вопросы статистики. Научно-информационный журнал. Выпуск № 5. 2017. С. 39–51.
7. Добрынинская Д. Е., Мартыненко Т. С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Том 19. № 1. 2019. С. 108–120.
8. Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург, 2004. 328 с.
9. Van Dijk J. The Deeping Divide: Inequality in the information society. SAGE, 2005.
10. «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)» (Сайты обследования RLMS–HSE: <http://www.hse.ru/rlms>, <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>)

Доходы и уровень жизни населения как основа повышения устойчивости развития страны

Дохолян Сергей Владимирович
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, sergsvd@mail.ru

В настоящее время с экономической точки зрения доходы населения изначально являются важнейшим фактором роста экономического благосостояния. Они также находятся под влиянием множества переменных,

включая уровень занятости, уровень заработной платы, инфляции и проводимой фискальной политики. В условиях России реальная заработная плата испытывает колебания, вызванные как внутренней экономической политикой, так и внешним экономическим полем. Эти колебания имеют прямое влияние на покупательную способность и, следовательно, на уровень жизни [1, с. 29].

Доходы населения, находящиеся под влиянием уровня занятости, зарплат, инфляции и фискальной политики, являются важнейшим фактором экономического благосостояния. Уровень жизни охватывает широкий спектр факторов, включая доступ к здравоохранению, образованию, жилью. Наблюдаются существенные региональные различия: крупные городские центры демонстрируют более высокий уровень жизни, сельские районы сталкиваются с проблемами инфраструктуры и доступа к услугам. Социальная политика (прогрессивное налогообложение, соцобеспечение, пенсии, пособия) и инвестиции в образование и развитие навыков играют критическую роль в смягчении неравенства и повышении уровня жизни.

Повышение уровня и качества жизни – стратегическая цель госполитики РФ. Эти показатели зависят от экономических (доходы, стабильность, доступность жилья/образования), социальных (преступность, медицина, транспорт), экологических (состояние среды) и психологических (удовлетворенность жизнью) факторов. Для их оценки применяются Индекс человеческого развития (ИЧР), Индекс социального прогресса, Индекс развития инфраструктуры, Индекс безопасности и др., а также оценка субъективного благополучия. Все методы имеют свои ограничения. Например, ИЧР не учитывает неравенство, индекс социального прогресса позволяет оценить реальный качественный уровень жизни граждан, но он не учитывает экономические показатели. С одной стороны, это позволяет оценить влияние социальной сферы на качество жизнедеятельности граждан, однако при подсчете используется большое количество показателей, например, таких, как уровень обеспеченности граждан жильём, доступность услуг здравоохранения, степень загрязнения воды, почвы и воздуха, уровень образованности граждан, доступность обучения [2, с.49]. В свою очередь, социально-экономические показатели могут не учитывать качество услуг [3, с.515].

Численность населения РФ на 01.01.2024 – 146,2 млн чел., сократившись за год на 243,8 тыс. На рынке труда в 2023 г. число вакансий выросло в 1,5 раза, 85% работодателей сообщили о дефиците кадров, что привело к росту реальных зарплат (+7,1% за янв-июль 2023 г.). ВВП РФ в 2023 г. вырос на 3,6%, инфляция – 7,4%; ключевая ставка ЦБ повышена (до 16% к концу 2023, 21% в 2024).

Динамика реальных денежных доходов населения РФ с 2021 г. характеризуется постепенным ростом. Общий объем денежных доходов в 2023 г. – 93,3 трлн руб. В структуре преобладают оплата труда (60,2% в 2023 г.) и социальные выплаты (18,5% в 2023 г.), доля которых снижается на фоне роста доли зарплат.

Анализ доходов по децильным группам (2024 г.): среднедушевые доходы – 61 197 руб./мес. (рост на 8,7% реально к 2023 г.). Сохраняется

значительное неравенство: доходы 10-й группы (185 346 руб.) примерно в 15 раз выше 1-й (11 946 руб.). На 10-ю группу приходится 30,3% всех доходов, тогда как первые пять групп (50% населения) аккумулируют 22,2%. Темпы роста доходов у более обеспеченных слоев выше. Доля прочих денежных поступлений снизилась до 8,1%, возможно, в результате более стабильных и предсказуемых источников доходов [4, с. 28].

Основные причины низкого уровня жизни в России.

Демографические проблемы: снижение рождаемости (на 21% в 2023 г.), рост смертности, миграционные процессы, давящие на трудовой рынок и соцслужбы.

Проблемы в трудовой сфере: низкие зарплаты в регионах (в селах на 14% ниже), нехватка квалифицированных кадров, дискриминация по полу/возрасту.

Недостаток доступной квалифицированной медпомощи: особенно в отдалённых регионах из-за нехватки оборудования и кадров.

Экономическая нестабильность: обусловлена внешними факторами (санкции, снижение экспортных доходов), зависимостью от нефтегазового сектора.

Предлагаемые пути решения.

Демография: улучшение оснащения образовательных и медицинских учреждений, повышение маткапитала, поддержка семей, психологическая помощь.

Труд: госрегулирование прав работников, контроль соблюдения ТК РФ, развитие промпроизводства для создания рабочих мест.

Медицина: усовершенствование оборудования, повышение квалификации медработников, расширение федерального финансирования региональных клиник.

Экономика: увеличение собственного производства, налаживание новых логистических путей, укрепление взаимодействия государства и бизнеса, трансформация сбережений в инвестиции.

Правительство РФ предпринимает шаги для решения проблем. Оценка качества жизни важна для выявления проблем и стратегического планирования. Предлагается сосредоточиться на поддержке семей, модернизации образования, улучшении доступности медпомощи, стимулировании внутреннего производства для снижения внешнеэкономической зависимости. Доходы и уровень жизни населения неразрывно связаны с траекторией устойчивого развития страны и повышением благосостояния ее граждан.

Список литературы:

1. Абзалилова Л.Р. Анализ денежных доходов как показателя уровня жизни населения России / Л.Р. Абзалилова, Г.И. Япарова-Абдулхаликова // Измерение и анализ благосостояния: тезисы докладов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 25-27 января 2024 г.). – Санкт-Петербург: Санкт-

- Петербургский государственный экономический университет, 2024. – С. 17-20.
2. Дегтярёв Н.И. Социальное положение и уровень жизни населения России в контексте Стратегии пространственного развития // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2024. – Т. 10. – №. 1. – С. 24-40.
 3. Маслова О. Л. Доходы и уровень жизни населения России / О. Л. Маслова, Е. В. Гаврюшина // Новая экономика: институты, инструменты, тренды: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, Орел (7 июня 2024 г.). – Орел : Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2024. – С. 107-115.
 4. Карасова М. Я. Оценка динамики уровня жизни и доходов населения в России / М. Я. Карасова, И. В. Шевченко // Структурные преобразования экономики территорий: в поиске социального и экономического равновесия: Сборник научных статей 5-й Всероссийской научно-практической конференции (Курск, 10-11 марта 2022 г.). – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. – С. 129-132.

Естественное неравенство и социальное бытие человека

Иоселиани Аза Давидовна
Финансовый университет при Правительстве РФ
Москва, Россия. aza-i@yandex.ru

Человечество всегда волновал вопрос равенства между различными членами общества, так как проблема неравенства сопряжена с фундаментальными социальными, психологическими и личностными вопросами, такими как: «Какова сущность справедливости в мире?», «Равны ли люди в чём-то?» «Насколько предопределены различия людей и как они влияют на социум?» и другие.

В процессе развития к человеку приходит осознание собственного «Я», и этот процесс генерирует множество вопросов о своём месте в мире, призвании, цели, взглядах. Различные физические и умственные способности ребёнка, позволяющие ему ранее лишь изучать окружающий мир, сами становятся предметом осмысления и осознания. Идентичный же процесс пережило и человечество. Оно в своей «колыбели» не задумывалось о фундаментальных вопросах философии, это свойственно более развитому человеческому обществу.

Как известно, все люди имеют различные физические и умственные способности. Никогда нельзя приравнивать людей с высокими показателями этих способностей с людьми носителями низких показателей. Это не только неэтично, но и ложно и противоречит самим законам природы. Точно также

нерациональным будет, например уравнивать привлекательного и неказистого, заявив про идентичность их внешнего вида и красоты. Невозможно подвести под одну планку здорового и человека с инвалидностью, снова заявляя про равенство их возможностей, например, одинаково выполнять один и тот же вид трудовой деятельности.

Люди от природы не являются равными уже с самого рождения, дифференциации по ДНК, которая показывает, что в человеке проявляются определенные генетические особенности родителей и предков. Уже и в этом не являемся едиными и равными.

Процесс дифференциации наблюдается и в социальных качествах людей, которые, как известно, развиваются в ходе всей жизни наравне с процессом социализации. Одни личности являются смелыми, общительными, энергичными, мотивированными и настоящими лидерами, а другие робкими, пессимистичными, закрытыми для общения, стеснительными. Личность, обладающую первым набором отмеченных признаков, не получится объявить аналогичной той, которая имеет второй набор. Последние, как правило, оказываются в состоянии «ведомых».

Люди различны в характеристиках памяти, мыслительных способностей и их скорости. Отсюда и исходит дифференциация по интеллектуальным способностям различных членов социума. С появлением «нейросети» и искусственного интеллекта, способного за несколько секунд найти ответ или даже написать эссе, ситуация могла поменяться. Данное изменение облегчает жизнь тем, кто не обладает развитыми умственными способностями, но природного неравенства оно не устраняет. При этом люди, активно и во всём полагающиеся на помощь искусственного интеллекта, не только не развивают, но и теряют собственные способности к мышлению, которое со временем притупляется. Это вызов для будущего человечества.

Что касается современного российского общества, проблема неравенства в нем проявляется специфически. Неравенство детерминировано многими комплексными факторами, экономическими, объективными, субъективными и иными довольно сложными причинами, которые в итоге российское общество привело к довольно четкой стратификации. Попробуем эксплицировать несколько из них.

В качестве основной причины неравенства в первую очередь следует отметить высокий уровень социальной дифференциации по признаку доходы и имущество, которая в обществе воспринимается весьма болезненно.

Второй серьезной причиной неравенства в российском обществе является слабая социальная поддержка и системы взаимопомощи. Социальные и государственные институты всецело зависят от бюджетной политики и направлены на оптимизацию и сокращение расходов. Такая ситуация может иметь обратный эффект, то есть не генерировать неравенство, а наоборот, смягчать его, так как настраивает (или подталкивает) людей на усиление собственных сил, способностей и возможностей.

Третьим детерминантом неравенства в российском обществе следует назвать появление частного бизнеса. Получение большой прибыли в частном бизнесе стало причиной быстрого расслоения людей на богатых и бедных.

Частный бизнес, а также переход на рыночную экономику сгенерировали и актуализировали возрастную особенность: раньше доход зависел от возраста и опыта работника, 40 лет считался самым востребованным возрастом и заработная плата была прямо пропорциональной стажу, опыту работы и профессиональной подготовке сотрудника. Но сегодня такой подход изменился, работодатели стремятся взять на работу молодых людей от 20 лет, которые могут отличаться быстрым мышлением, активностью и креативностью.

Четвертой причиной генерации неравенства в российском обществе является различие в доходах по половому признаку. В наиболее доходных отраслях предпочитают взять мужчин, а женщины часто остаются в низко оплаченных секторах. Причинами такого отношения могут быть, например репродуктивная функция женщины, необходимость выплаты дополнительных льгот и др. Следует отметить, что такая дискриминация по половому признаку может иметь не только психологическое влияние на женщину, но и отражение негативного настроения и состояния матери на ее ребенка.

Пятая причина неравенства – территориальные особенности и доходы по уровню регионального развития экономики. Низкая доходность в регионе может оказать влияние на возможность получения высшего профессионального образования, так как жителям многих деревень России оно может быть недоступно.

В современной цивилизации, созданном *Homo Sapiens* глобальном мире, устранение, искоренение неравенства – утопия. Глобальные изменения, происходящие в мире, внедрение интернета в бытие человека, формирование цифрового информационного общества спровоцировали новое явление – цифровое неравенство. Но раскрытие его сути, причин, специфики, путей решения..., являются предметом глубокого научного исследования.

Организационный потенциал как фактор повышения качества жизни и человеческого развития в условиях экономики знаний

Колбина Анастасия Денисовна

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург, Россия, kolbina.a@unepcon.ru

В контексте современного научного и прикладного дискурса неоспоримым становится аспект возрастающей значимости экономики знаний, цифровизации сервисных отраслей, необходимость новых инструментов управления качеством жизни. Цифровая трансформация экономики обуславливает необходимость пересмотра фундаментальных оснований управления качеством услуг, акцентируя внимание научного сообщества на внутренних возможностях организаций как основе устойчивого развития [4]. В этой связи особую значимость приобретает исследование организационного потенциала как интегральной категории,

отражающей способность субъекта хозяйствования адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды, сохраняя конкурентоспособность и обеспечивая требуемый уровень качества услуг и, как следствие, уровень качества жизни.

В условиях экономики знаний — происходит смещение акцентов с традиционных факторов производства на нематериальные активы: знания, компетенции, интеллектуальный капитал. В этом контексте особое значение приобретает анализ внутренних ресурсов организаций, способных не только воспроизводить услуги, но и адаптироваться к быстро меняющимся условиям внешней среды, формируя основу устойчивого развития [6]. Организационный потенциал, будучи интегральной характеристикой внутренней структуры субъекта хозяйствования, становится ключевым звеном в механизме реализации ценностей экономики знаний и векторов человеческого развития [5].

В современной научной парадигме организационный потенциал представляет собой совокупность ресурсов, процессов и условий, обеспечивающих устойчивое качество услуг и способствующих развитию человеческого капитала. Автором обосновано определение элементов организационного потенциала [2,3], при этом отдельно можно выделить три ключевых компонента организационного потенциала, определяющих его влияние на человеческое развитие: трудовой, инновационный и управленческий потенциал.

Трудовой потенциал включает компетентностный профиль работников, их готовность к изменениям, уровень вовлеченности и способность к переобучению. Инновационный потенциал характеризуется степенью открытости организации к технологическим и управленческим инновациям, наличием эффективных каналов трансляции и внедрения новых решений. Управленческий потенциал определяется зрелостью управленческих решений, стратегической направленностью и способностью выстраивать процессы управления качеством услуг в условиях неопределенности и цифровых вызовов.

Современное научное сообщество на сегодняшний день сформировало общее понимание того, что устойчивое развитие невозможно без прямого влияния на человеческий капитал [3]. В этом контексте организационный потенциал выступает не только как внутренняя характеристика хозяйствующего субъекта, но и как активный механизм формирования условий для человеческого развития. Через призму данной категории можно проследить устойчивую причинно-следственную связь: от развития внутренней структуры организации — к повышению качества предоставляемых ею услуг, и далее — к формированию условий для человеческого развития в его широком понимании: от образования и здоровья до социальной безопасности и возможностей для самореализации.

Влияние организационного потенциала на уровень и качество жизни проявляется через расширение доступности, своевременности и эффективности услуг, особенно в чувствительных сферах социальной политики. При этом он служит инструментом преодоления социального неравенства, минимизируя территориальные и социальные диспропорции в

предоставлении услуг. В свою очередь, улучшение качества сервисной поддержки напрямую связано с укреплением благосостояния населения, снижением социальной напряженности и ростом доверия к институтам [1].

Обобщая вышеизложенное, автор приходит к концептуальному выводу: организационный потенциал представляет собой не только внутреннюю характеристику организации, но и общественно значимый ресурс, оказывающий влияние на макроуровневые показатели человеческого развития.

Организационный потенциал, трактуемый не как статичная характеристика, а как динамически развивающаяся способность к обеспечению качества и доступности услуг, нуждается в дальнейшем концептуальном и прикладном осмыслении. Таким образом, дальнейшее развитие исследовательской повестки в данном направлении связано с переходом от фрагментарного анализа внутренних процессов к формированию целостной модели, в которой организационный потенциал выступает не только индикатором зрелости организации, но и фактором преобразований в сфере качества жизни. Этот подход открывает перспективы междисциплинарной интеграции и формирует основания для институционализации новых подходов к управлению качеством в социальной политике.

Список литературы:

1. Ватолкина, Н. Ш. подходы к управлению качеством услуг в условиях цифровой трансформации / Н. Ш. Ватолкина // Цифровая трансформация экономических систем: проблемы и перспективы (ЭКОПРОМ-2022) : сборник трудов VI Всероссийской научно-практической конференции с зарубежным участием, Санкт-Петербург, 11-12 ноября 2022 года. – Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2022. – С. 555-558. – DOI 10.18720/IEP/2021.4/169. – EDN BKGONU (дата обращения: 24.05.2025).
2. Колбина, А. Д. Организационный потенциал как драйвер повышения качества жизни / А. Д. Колбина // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития в эпоху глобальных социально-экономических трансформаций: Сборник научных трудов по итогам международной Школы молодого ученого, Калининград, 20-23 ноября 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2023. – С. 226-229. – EDN BXIBOU (дата обращения: 24.05.2025).
3. Человеческий капитал молодежи: современные вызовы и возможности в период глобальных изменений: Сборник материалов по итогам международной Школы молодого ученого, Сочи, 11-14 сентября 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2025. – 132 с. – ISBN 978-5-7310-6600-6. – EDN BQSYXV (дата обращения: 24.05.2025).

4. Ciampi F., Faraoni M., Ballerini J., Meli F. The co-evolutionary relationship between digitalization and organizational agility: Ongoing debates, theoretical developments and future research perspectives // arXiv preprint arXiv:2112.11822, 2021. URL: <https://arxiv.org/abs/2112.11822> (дата обращения: 01.06.2025).
5. Koster F. Organizations in the knowledge economy. An investigation of knowledge-intensive work practices across 28 European countries // Journal of Advances in Management Research, 2023. — Vol. 20, № 1. — P. 140–159. URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/JAMR-03-2022-0049/full/html> (дата обращения: 24.05.2025).
6. Tsourvakas G., Tsourvakas G. Investigating the Relationships among High-Performance Organizations, Knowledge-Management Best Practices, and Innovation: Evidence from the Greek Public Sector // Sustainability, 2023. — Vol. 15, № 18. — Article 13810. URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/15/18/13810> (дата обращения: 02.06.2025).

Преодоление социально-экономического неравенства регионов России через развитие цифрового потенциала среднего и малого бизнеса

Кузнецов Кирилл Валериевич
МГТУ «СТАНКИН»
Москва, Россия, Kkv022@gmail.com

Проблема регионального неравенства в Российской Федерации приобретает особую актуальность в условиях современных экономических вызовов и требует комплексного подхода к решению. Согласно данным Росстата, коэффициент Джини в России по итогам 2024 года составил 0,408, что практически соответствует уровню 2021 года (0,409), свидетельствуя о возвращении неравенства к докризисным показателям. Межрегиональные диспропорции проявляются особенно остро: лидирующие позиции занимают Москва (94,4 балла) и Санкт-Петербург (89 баллов), тогда как замыкающую десятку образуют преимущественно регионы Северного Кавказа и удаленные территории [1].

Анализ современного состояния малого и среднего предпринимательства в контексте цифровизации демонстрирует значительный потенциал для сокращения межрегиональных диспропорций. Согласно исследованию банка «Открытие», проведенному в партнерстве с аналитическим центром НАФИ, среди субъектов малого и среднего бизнеса в России только 16% компаний имеют высокий уровень цифровизации, 72% – средний, а 12% – низкий уровень [2]. Низкий уровень цифровой трансформации субъектов МСП создает существенные барьеры для их

развития и ограничивает возможности преодоления региональных диспропорций.

Цифровая платформа МСП.РФ, запущенная в феврале 2022 года в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство», демонстрирует устойчивую динамику роста пользователей: количество зарегистрированных предпринимателей превысило 900 тысяч человек, при доступности более 30 онлайн-сервисов и свыше 800 мер региональной поддержки [3]. Развитие такой цифровой инфраструктуры поддержки создает предпосылки для выравнивания условий ведения бизнеса между различными регионами страны.

Региональные особенности развития цифрового потенциала МСП проявляются в различной степени готовности территорий к цифровой трансформации. Центро-периферийная модель развития России создает значительные препятствия для диффузии инноваций на периферию, что обусловлено как инфраструктурными, так и институциональными факторами [4]. Преодоление данных барьеров требует комплексного подхода, включающего развитие цифровой инфраструктуры, подготовку квалифицированных кадров и создание благоприятной институциональной среды.

Финансовые механизмы поддержки МСП претерпевают существенные изменения: согласно материалам подготовки обновленного национального проекта на 2025–2030 годы, финансирование мер поддержки может снизиться на 21% до 329,5 млрд рублей [5]. Сокращение государственного финансирования актуализирует необходимость повышения эффективности цифровых инструментов поддержки и их более адресного применения для преодоления региональных диспропорций.

Инновационный потенциал российских регионов характеризуется значительной дифференциацией, что влияет на возможности развития цифрового предпринимательства. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации, формируемый Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, учитывает потенциал цифровизации, развитие научно-технического потенциала и инновационную активность бизнеса [6]. Развитие цифрового потенциала МСП должно учитывать региональную специфику и существующий уровень инновационной активности территорий.

Преодоление социально-экономического неравенства регионов России через развитие цифрового потенциала малого и среднего бизнеса представляет собой стратегически важное направление государственной политики. Создание единой цифровой экосистемы поддержки предпринимательства, реализация целевых программ цифровизации МСП и развитие региональной инфраструктуры способны существенно сократить межрегиональные диспропорции. Успешная реализация данного подхода требует координации федеральных и региональных усилий, обеспечения равного доступа к цифровым технологиям и создания стимулов для цифровой трансформации субъектов МСП во всех регионах страны. Особое внимание должно уделяться подготовке квалифицированных кадров и развитию цифровых компетенций предпринимателей, что станет основой для

устойчивого сокращения региональных различий в уровне социально-экономического развития.

Список литературы:

1. РИА Новости. Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2023 года. [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20240610/rejting-1951499062.html> (дата обращения 04.06.2025).
2. ICT.Moscow. Индекс цифровизации малого и среднего бизнеса в 2022 году. [Электронный ресурс]. — URL: <https://ict.moscow/research/indeks-tsifrovizatsii-malogo-i-srednego-biznesa-2022/> (дата обращения 04.06.2025).
3. Корпорация МСП. Число пользователей Цифровой платформы МСП.РФ за 2,5 года превысило 900 тыс.. [Электронный ресурс]. — URL: https://corpmsp.ru/pres_slujba/news/chislo_polzovateley_tsifrovoy_platforny_msp_rf_za_2_5_goda_prevysilo_900_tys/ (дата обращения 04.06.2025).
4. ECONS.ONLINE. Региональное неравенство в России. [Электронный ресурс]. — URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/regionalnoe-neravenstvo-v-rossii/> (дата обращения 04.06.2025).
5. ОПОРА РОССИИ. Что ждет малый и средний бизнес в России после 2024 года. [Электронный ресурс]. — URL: <https://opora.ru/news/media-about-us/chto-zhdet-malyy-i-sredniy-biznes-v-rossii-posle-2024-goda/> (дата обращения 04.06.2025).
6. НИУ ВШЭ. Рейтинг инновационного развития субъектов РФ. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.hse.ru/primarydata/rir> (дата обращения 04.06.2025).

Принятие экономических решений в условиях макроэкономической нестабильности

Кузнецова Елена Анатольевна
Филиал Военной Академии РВСН им. Петра Великого в г. Серпухове
Серпухов, Россия, Lk-11@mail.ru

Современная макроэкономическая ситуация в России характеризуется изменчивостью основных показателей и нарушением её равновесного состояния, по данным Минэкономразвития РФ дефицит бюджета в 2025 г. спрогнозирован на уровне 1,17 трлн руб. (0,5% от ВВП), в

2026 г. – 2,18 трлн (0,9% от ВВП), в 2027 г. – 2,76 трлн рублей (1,1% от ВВП) [1]. По данным Всемирного Банка ВВП РФ в 2025 г. увеличится на 2,5%, а по среднесрочному прогнозу Банка России экономика вырастет в пределах 1–2%. Показатели благосостояния населения оцениваются на уровне около 14–15 тыс. долл. США на душу населения в 2025 г., коэффициент Джини по данным Росстата в 2024 г. составил 0,408, показывая рост неравенства в распределении доходов по отношению к году предыдущему, при этом уровень бедности снизился до 8%.

Макроэкономическая нестабильность традиционно выражается в устойчивом дефиците платежного баланса, цикличности, безработице, инфляции и других процессах, снижающих устойчивость экономики и негативно влияющих на благосостояние населения. В настоящее время в России, с одной стороны, сохраняется необходимость регулирования инфляции, цель по которой Банком России обозначена в 4%, а реальный её уровень составляет 10,2% [2]. При этом с октября 2024 г. удерживается ключевая ставка в размере 21%, происходит укрепление рубля, что с другой стороны, вместе с замедлением темпов роста цен формирует тенденции к замедлению экономического развития, снижению инвестиционной активности, охлаждению спроса, снижению импорта и экспорта и др. Наибольшие трудности возникают у предприятий малого и среднего бизнеса, на апрель 2025 г. отмечается падение выручки в производственном секторе среди 49% исследуемых компаний, в сфере торговли и предоставления услуг снижение доходности отметили 47% предприятий [3]. В долгосрочной перспективе подобные тенденции отрицательно влияют на товарную конкуренцию, способствуют нарастанию социально-экономических проблем и снижению деловой активности в ряде секторов экономики. Потребление домохозяйств показывает в 2024–2025 гг. снижение показателей, увеличивая сберегательную стратегию на фоне повышенных ставок по депозитам, что позволяет формировать доходность у наиболее обеспеченной части населения, а менее обеспеченная доля россиян в свою очередь получает негативный эффект из-за высокой инфляции, опережающей индексацию заработной платы, социальных выплат и роста цен.

В условиях неопределенности конъюнктуры рынка и сложности происходящих экономических процессов, предъявляемое экономическое поведение личности, опирающееся на его экономическую культуру, должно иметь адаптивный характер [4, 5] к складывающимся экономическим обстоятельствам и выступать как регулятор принятия рациональных хозяйственных, финансовых и иных решений. В ходе исследований экономического поведения выделились нормативные и психологические подходы, которые опираются в основном на заданные условия и известные величины, но имеют ограничения в условиях динамически меняющейся рыночной среды. Следует отметить, что при принятии решений необходимо учитывать фактор неопределенности как особое и слабоуправляемое свойство рыночной экономики, она порождает совокупность разнонаправленных факторов, которые сложно оценить и предъявить эффективные экономические действия в ответ на разнообразный характер реакций рынка.

Выделим наиболее важные группы факторов, определяющих структуру процесса принятия решений в условиях нестабильности и неопределенности экономической ситуации:

1. Рациональные факторы, которые поддаются количественным измерениям. Данные факторы подразумевают полноту информации, четкость целей, вариативность в принятии решений, разнообразие средств достижения целевых установок. Но практика показывает обратные явления – недостаточность информации или её неполноту, малое количество альтернатив, наличие факторов неколичественной оценки.

2. Психологические факторы, связанные с личностными качествами, психологическими особенностями, эмоционально-волевой сферой, образовательным уровнем личности, принимающей экономические решения, которая, ищет и выбирает не оптимальные, а удовлетворительные решения [6], после чего поиск прекращается.

3. Социальные факторы – доверие или не доверие, основанные на взаимодействии личности и институтов, межличностных коммуникациях.

4. Культурные факторы, которые определяют особенности экономического поведения личности, обусловленные ментальной конструкцией и уровнем культуры в целом, поскольку они, как правило, приводят к различиям в оценке полезности и самом экономическом мышлении, основанном на определенных паттернах.

Процесс принятия экономических решений – это логически обоснованный выбор между возможными альтернативными действиями при определенных состояниях рыночных условий. В условиях нестабильности выбор решений складывается из следующих элементов:

- стратегий и планов, основанных на регулируемых переменных величинах;
- оценки состояния объективных рыночных условий, описываемых нерегулируемыми переменными;
- прогноза, оценивающего вероятность каждого из возможных состояний рынка;
- критериев выбора экономических решений, от которых зависит вариант стратегии, предполагаемой к осуществлению;
- результата, возникающего как следствие принятой стратегии при заданном состоянии рыночной конъюнктуры.

В качестве результата выступают количественные и качественные показатели, измеряющие последствие принятия решения (стратегии поведения) при реализации объективных условий. Значение результатов может быть получено путем непосредственного измерения, либо с помощью оценочных методов или интуитивным неформализованным способом. Несомненно, что касается процесса принятия экономических решений, гораздо предпочтительней избежать риска и неопределенности, или повлиять на их снижение.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 30.11.2024 г. № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов». – URL: <http://government.ru/docs/all/156651/> (дата обращения 29.05.2025 г.).
2. Инфляция и ключевая ставка Банка России. – URL: https://www.cbr.ru/hd_base/infl/ (дата обращения 29.05.2025 г.).
3. Деловая активность малого и среднего бизнеса продолжает замедляться. – URL: <https://nafi.ru/analytics/delovaya-aktivnost-malogo-i-srednego-biznesa-prodolzhaet-zamedlyatsya/> (дата обращения 30.05.2025 г.).
4. Ярашева А.В. Сберегать или инвестировать: вот в чем вопрос! / А.В. Ярашева // Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы: материалы X МНПК. – Москва: ФНИСЦ РАН. – 2024. – С. 370 – 374.
5. Тихонова Н.Е. Особенности финансового поведения россиян в условиях внешних шоков последних лет / Н.Е. Тихонова // Экономическая социология. – 2025. – Т. 26. – №1. – С. 11-38.
6. Simon H.A. Administrative Behavior / H. A. Simon. – Computer Science. – Roskilde University. – 1994. – URL: <https://jespersimonsen.dk/Downloads/Simon-introduction.pdf> (дата обращения 02.06.2025 г.).

Факторы кредитного поведения граждан России

Ларионов Александр Витальевич

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, larionov.av.hse@yandex.ru

Представленное исследование раскрывает факторы, определяющие формирование активного кредитного поведения граждан России. В соответствии со Стратегией развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 29.12.2022 № 4355-р одной из ключевых целей развития финансового рынка является «повышение уровня и качества жизни граждан за счет использования инструментов финансового рынка и повышения финансовой грамотности посредством предоставления населению доступа к достоверной и надежной информации о финансовых услугах». Для достижения поставленной цели необходимо повысить значимость кредита в жизни людей, способствующего удовлетворению потребности в жилье, получению образования и т.д. Для развития кредита необходимо обеспечить адресное

воздействие на группы людей в зависимости от сформированного типа кредитного поведения. Формирование типов кредитного поведения тесно связано с вопросами доверия [1].

Возможно выделить три типа кредитного поведения: активный, адаптивный и реактивный [2]. Люди с активным типом кредитного поведения регулярно привлекают кредит для решения жизненных задач и способны его погасить в срок. Люди с данным типом поведения демонстрируют повышенный уровень доверия к кредитованию. Субъекты с адаптивным типом кредитного поведения привлекают кредит для исключительных ситуаций, в частности, для покупки жилья. Они осознают, что не смогут приобрести желаемый товар без привлечения кредита. Возможно предположить, что субъекты с данным типом кредитного поведения демонстрируют средний уровень доверия к кредитованию. Субъекты с реактивным типом кредитного поведения избегают привлечения кредита, т.к. не доверяют данному инструменту. Также к субъектам с реактивным типом кредитного поведения возможно отнести людей, которые привлекают большое количество кредитов, однако, впоследствии, не выплачивают их в срок.

Банк России заинтересован в формировании активного типа кредитного поведения у потенциальных заемщиков. Для этого необходимо определить факторы, значимые для демонстрации определенного кредитного поведения. В рамках настоящего исследования для определения значимых факторов были использованы данные мониторинга «Финансовое поведение населения Российской Федерации», опубликованного Единым архивом экономических и социологических данных НИУ ВШЭ в 2020. Выбор данного периода связан с необходимостью учета влияния кризиса на формирования кредитного поведения. Для выявления значимых факторов были построены бинарные пробит регрессии.

В результате проведенного анализа было определено, что на формирование различных типов кредитного поведения существенное воздействие оказывают демографические факторы, доверие граждан к финансовым институтам, а также уровень финансовой грамотности населения. Банк России при развитии инструментов кредитования должен учитывать масштабный демографический тренд – старение населения [3], который определит спрос на банковские кредиты. Необходимо модернизировать существующие подходы к формированию условий кредитования, чтобы обеспечить сохранение и приоритезацию социальных функций кредитования. Банк России должен стимулировать формирование активного типа кредитного поведения для обеспечения спроса на кредиты, а также их своевременного погашения. Повышение доверия к кредитованию возможно за счет расширения программ адресного кредитования, учитывающих потребности отдельных категорий людей.

Список литературы:

1. Лаврушин, О. И. Факторное влияние на доверие к банкам со стороны клиентов в условиях неопределенности / О. И. Лаврушин, Н. Э. Соколинская // Финансовые рынки и банки. – 2020. – № 2. – С. 95-100. – EDN MRKKUP1;
2. Масленников, В. В. Национальная банковская система : Научное издание / В. В. Масленников, Ю. А. Соколов. – Москва : ТД "Элит-2000", 2002. – 256 с. – ISBN 5-94126-036-9. – EDN UBTWDT;
3. Капелюшников, Р. И. Феномен старения населения: экономические эффекты / Р. И. Капелюшников // Экономическая политика. – 2019. – Т. 14, № 2. – С. 8-63. – DOI 10.18288/1994-5124-2019-2-8-63. – EDN MIIXFN.

Субъективное благополучие – характеристика человеческого развития современных россиян

Латова Наталия Валерьевна,
Латов Юрий Валерьевич
Институт социологии ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, myshona@rambler.ru, latov@mail.ru

Исследования субъективного благополучия как органического элемента человеческого потенциала многообразны и пока еще не имеют общепринятой концептуализации. Наиболее перспективным представляется направление, предложенное Э. Динером, который описал субъективное благополучие как «когнитивную и эмоциональную оценку человеком своей жизни», где когнитивная составляющая операционализируется через удовлетворенность своей жизнью в целом и разными ее аспектами. Анализируя показатели субъективного благополучия современных россиян, можно понять, насколько успешно они переживают череду кризисов последнего десятилетия и каковы человеческие ресурсы национального развития в ближайшие годы.

Эмпирической базой анализа послужили в первую очередь данные всероссийского мониторинга, проведенного в апреле 2024 г. Институтом социологии ФНИСЦ РАН. Опрос охватил 2000 россиян в возрасте от 18 лет, жителей всех типов поселений и территориально-экономических районов РФ, представлявших основные социально-профессиональные группы населения. Респондентам задавался вопрос «Как Вы оцениваете следующие стороны своей жизни?» и предлагался для оценки список, охватывающих самые разные сферы жизни, которые можно сгруппировать в три блока – повседневная жизнь, работа и обеспеченность общественными благами. Для анализа далее рассчитывался Индекс удовлетворенности $SBW = (R_x - R_n) / (R_x + R_n)$, где SBW – Индекс удовлетворенности (варьируется от -1 до 1), R_x – доля

ответов «хорошо», R_n – доля ответов «плохо». Динамика показателей рассматривалась по данным сопоставимых опросов за 2013–2023 гг.

В апреле 2024 г. бесспорный позитив у россиян наблюдался только с отношениями в семье ($SBW = 0,88$). Похоже обстояло дело с доступностью Интернета и цифровых технологий (0,8).

На другом полюсе оказались те аспекты жизни, по которым SBW невелик или даже уходил в минус, обозначая хронические проблемы, с которыми российское общество сталкивается уже не первый год. Так, очень проблемными выглядят удовлетворенность материальной обеспеченностью (0,15), баланс работы и отдыха (0,15), а также возможности влиять на то, как складывается жизнь (0,14). Еще по трем аспектам жизни индекс SBW отрицателен: это – удовлетворенность возможностями выражать свои политические взгляды (-0,11), получать качественную медицинскую помощь (-0,25) и оценка уровня социальной защищенности при потере работы (-0,48). Примерно от 1/4 до 1/3 россиян эти аспекты жизни оценивают как плохие. Не вдаваясь в детали, отметим только проблему с медициной: низкая удовлетворенность россиян возможностями качественной медицинской помощи – свидетельство того, что предпринимаемые меры в сфере здравоохранения пока явно недостаточны.

В целом можно отметить относительно неплохую удовлетворенность россиян теми аспектами, которые непосредственно связаны с работой: это – возможность реализовать себя в профессии (0,63) и общая ситуация на работе (0,68). Также неплохо обстоят дела с разными характеристиками повседневной жизни. В то же время удовлетворенность выше по тем ее сторонам, которые связаны с самыми простыми аспектами повседневности (общение, жилье, питание, одежда и т.п.). По мере их усложнения удовлетворенность ими заметно снижается и даже достигает границы, которая свидетельствует о назревании проблемы. Ситуация в блоке обеспеченности общественными благами откровенно плоха: именно к нему относятся все аспекты жизни с отрицательной разницей хороших и плохих оценок.

Можно утверждать, что в российском обществе в основном решена проблема *уровня* жизни (практически все ее простые характеристики оцениваются россиянами «хорошо»), в то время как *качество* жизни остается насущной проблемой. Этот вывод очень важен с точки зрения концептов человеческого развития. Ведь характеристики уровня жизни (еда, одежда, жилье) показывают наличие у человека-работника базовой рабочей силы (способности к простому труду), в то время как с человеческим потенциалом (способностью к сложному труду) сильнее связано как раз качество жизни (образование, мотивация к труду, гражданское сознание и т.д.).

Для понимания результатов и перспектив человеческого развития важно обратить внимание на сильные различия между тремя подгруппами россиян, по-разному оценивающих свою жизнь в целом. Картины восприятия разных аспектов жизни среди тех, кто воспринимает свою жизнь как хорошую, и среди оценивающих ее как плохую, выглядят почти зеркальными.

Анализ показывает, что для оптимистического восприятия жизни недостаточно улучшить лишь базовые характеристики повседневности

россиян. Кроме определенного уровня жизни в обязательном порядке требуется повышение ее качества. Процесс такого повышения уже запущен в российском обществе, однако россияне, которые реализуют возможности, связанные с качеством их жизни, платят, судя по всему, за них довольно высокую цену, выгорая морально и физически. Основная же масса россиян обеспечена лишь неплохим уровнем жизни и то, в основном, по самым простым ее аспектам. Наконец, в российском обществе все еще относительно велика доля тех, кто воспринимает свою жизнь в целом как плохую; самая заметная относительная депривация наблюдается у них по питанию, материальной обеспеченности и возможностям отдыха в отпуск.

Сравнивая три этих подгруппы, следует отметить, что разрыв между 1/3 наиболее обеспеченных разными жизненными благами и теми, кто обеспечен ими по необходимому минимуму (это более половины россиян), довольно значителен. В то же время разрыв между россиянами, воспринимающими свою жизнь в целом как удовлетворительную, и гражданами, оценивающими ее как плохую, менее выражен. Это означает, что российское общество в пропорции примерно 1:2 делится на авангард с высоким человеческим развитием и основную массу, чьи характеристики человеческого развития оставляют желать лучшего.

Благополучие собственной жизни в оценках россиян

Логинов Дмитрий Михайлович

Центр «Институт социального анализа и прогнозирования» ИПЭИ РАНХиГС
Москва, Россия, loginov-dm@ranepa.ru

Титов Владимир Николаевич

Центр «Институт социального анализа и прогнозирования» ИПЭИ РАНХиГС
Москва, Россия, titov-vn@ranepa.ru

Восприятие россиянами различных аспектов собственной жизни входит в концептуальный дискурс субъективного благополучия [1; 2; 3] и является предметом активного исследовательского интереса [4; 5; 6; 7; 8]. Результаты массового анкетного опроса, реализованного Центром «Институт социального анализа и прогнозирования» ИПЭИ РАНХиГС по выборке, репрезентирующей население России в возрасте 18 лет и старше, позволяют выявить уровень удовлетворённости россиян как жизнью в целом, так и в отношении отдельных важных параметров жизнедеятельности в условиях актуального социально-экономического контекста. Объём выборочной совокупности опроса, реализованного в 2023 году, составил 2016 респондентов.

Результаты исследования свидетельствуют о существенном смещении восприятия различных сторон жизни россиян в сторону позитивных значений оценочной шкалы. Наибольший уровень

удовлетворённости характеризует внутрисемейные отношения (81%). Уровень безопасности, жилищные условия и проведение досуга выступают сферами, в отношении которых безусловно позитивные оценки фиксируют более 60% опрошенных, а удовлетворённость экологической ситуацией в месте проживания декларируют свыше половины россиян. Возможность получить квалифицированную медицинскую помощь представляется явной «болевой точкой» социального самочувствия: доля в той или иной степени не удовлетворённых данной сферой достигает практически половины населения, в т.ч. почти 30% – однозначно не удовлетворены.

При этом достаточно заметны возрастные различия. Так, представители молодой когорты (до 35 лет) в наибольшей степени испытывают негатив в отношении экологической ситуации и уровня личной безопасности в населённом пункте проживания. Обе эти сферы в целом характеризуются обратной зависимостью, когда с повышением возраста доля негативных оценок снижается. Возможности получения квалифицированной медицинской помощи и реализации желаемого досуга являются основаниями наиболее массового недовольства представителей средневозрастной и старшей когорт, а жилищные условия чаще прочих негативно оценивают россияне в возрасте 35–54 лет.

Интегральная оценка субъективной удовлетворённости условиями жизнедеятельности позволяет дифференцировать россиян в составе четырёх групп: наиболее массовая (34%) характеризуется значительным уровнем удовлетворённости, две группы (немногим более четверти опрошенных в каждой) представляют высокий и умеренный уровень удовлетворённости, а каждый десятый из респондентов относится к сегменту низкой удовлетворённости. На общем фоне стабилизационно-позитивных ожиданий жизненной динамики на годовом горизонте выделяется достаточно значительная группа (около 20% опрошенных) представители которой предполагают негативные изменения условий жизнедеятельности.

Анализ благополучия жизни населения также представляется показательным на основе реализации подхода, комбинирующего два критерия: общей удовлетворённости жизнью и уровня материальной обеспеченности, выраженного через призму потребительских возможностей. По результатам исследования можно сделать вывод о том, что в зону субъективного благополучия входят 37% опрошенных. Полярная группа безусловного неблагополучия составляет 27%, а около трети респондентов характеризуются относительным благополучием вследствие положительной оценки одного из двух выделенных критериев. С точки зрения социально-демографической дифференциации можно отметить, что в группу субъективного благополучия чаще включены мужчины, представители молодой когорты, жители мегаполисов и респонденты, имеющие высшее образование.

Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС

Список литературы:

1. Diener E. (2000) Subjective well-being: The science of happiness and a proposal for a national index // American Psychologist. No. 55(1). P. 34-43.
2. Diener E., Biswas-Diener R. (2008) Happiness: unlocking the mysteries of psychological wealth. Malden, MA: Wiley-Blackwell. – 304 p.
3. Леонтьев Д. А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1(155). С. 14-37. DOI 10.14515/monitoring.2020.1.02.
4. Бобков В. Н. Бедность, уровень и качество жизни: методология анализа и механизмы реализации // Уровень жизни населения регионов России. 2005. № 1(83). С. 7-20.
5. Возьмитель А. А. Качество жизни в доперестроечной и пореформенной России // Социологические исследования. 2013. № 2(346). С. 25-32.
6. Бараш Р. Э. Представления россиян о ключевых составляющих качества жизни и социальной справедливости: срез общественного мнения в 2024 г. // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 4. С. 82-109. DOI 10.19181/vis.2024.15.4.7.
7. Шилова В. А. Субъективное благополучие в понимании россиян: оценки уровня, связь с другими показателями, субъективные характеристики и модели // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. 2020. № 1. С. 18-38. DOI 10.19181/INAB.2020.1.2.
8. Логинов Д. М. Сельское население России: субъективное благополучие и практики социально-экономического поведения // Крестьяноведение. 2024. Т. 9. № 2. С. 180-196. DOI 10.22394/2500-1809-2024-9-2-180-196.

Особенности расходов российских семей на образовательные услуги

Лылова Оксана Владимировна
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, lylova@mail.ru

Возможности получения качественного образования представляют собой ключевой фактор, определяющий будущее человека, его компетенции и профессиональные возможности. В современной России, как и в большинстве развитых стран мира, расходы на образование составляют значительную часть семейного бюджета. Платное образование рассматривается как стратегические инвестиции в будущее и важный компонент формирования

человеческого капитала, несмотря на значительные финансовые вложения, которые оно требует. Эти затраты охватывают как обязательные расходы на получение среднего и высшего образования, так и дополнительные издержки и сопутствующие расходы. В российской практике за последние годы расходы домохозяйств на образовательные услуги составили 40–45% от государственных бюджетных расходов на эти цели [1].

Сокращение бюджетных мест в образовательных учреждениях и увеличение доли платных образовательных услуг приводят к росту расходов домохозяйств на образование. Так, средняя стоимость обучения в частных школах может достигать 100–200 тысяч рублей в год, а в ВУЗах — 100–400 тысяч рублей. При этом региональные различия в стоимости образования достаточно существенны: в крупных мегаполисах, таких как Москва и Санкт-Петербург, затраты на образование значительно выше, чем в малых городах. В столичных центрах средние расходы на платное образование в организациях системы (СПО) среднего профессионального образования могут превышать 100 тысяч рублей в год на одного учащегося, тогда как в регионах эта сумма составляет 50–70 тысяч рублей [2].

Стоимость обучения в ВУЗах варьируется в зависимости от региона проживания и выбранной специальности и составляет в среднем от 100 до 400 тысяч рублей в год. Постоянно увеличивается число абитуриентов, выбирающих платную форму обучения, особенно в случаях, когда они стремятся получить образование в востребованных современных областях, таких как информационные технологии и программирование, робототехника, медицинские и фармацевтические специальности [2].

Помимо базовых учебных программ, многие образовательные учреждения предлагают широкий спектр дополнительных услуг, которые тоже требуют определенных финансовых вложений. К таким услугам относятся специализированные образовательные программы (например, изучение иностранных языков), спортивные секции, а также участие в различных конкурсах и олимпиадах. Семьи также вынуждены приобретать компьютерную технику, офисное оборудование и расходные материалы, а также оплачивать проживание в общежитиях или аренду жилья для детей на период обучения. Охват платным образованием и стоимость обучения в системе высшего образования выше, чем в СПО. В общих расходах семей на студентов ВО совокупные платежи за основное образование составляют уже 46%. Еще 37% составляют сопутствующие расходы. Сохраняется отмеченная ранее в СПО тенденция увеличения веса расходов, связанных с использованием цифровых технологий (компьютеров, гаджетов, ПО, электронных подписок, доступа в интернет) [3].

В региональных центрах, где уровень жизни ниже, оплата дополнительных образовательных услуг часто становится непосильными затратами для семей. В то же время в крупных мегаполисах и столичных регионах данная статья расходов воспринимается уже как норма.

Дополнительные платежи становятся значимым элементом затрат в сфере образования. Прогнозируется, что их доля будет увеличиваться в будущем, учитывая рост конкуренции за места в престижных учебных

заведениях, где дополнительные образовательные программы особенно распространены.

В условиях растущих затрат на образование многие семьи ищут способы оптимизации своих расходов. Одним из решений является долгосрочное планирование семейного бюджета, также возрастает популярность образовательных кредитов и грантов, которые помогают снизить финансовую нагрузку на домохозяйство.

Ожидается, что в будущем затраты российских семей на образование возрастут на 10-15%, что связано с такими факторами, как общая инфляция, рост цен на основные и дополнительные образовательные услуги, а также увеличение стоимости дополнительных платежей. Не все семьи могут позволить себе значительные расходы на образование, что приводит к социальному и региональному неравенству в доступе к качественным образовательным услугам.

Для обеспечения доступности образования государство должно продолжать поддерживать инициативы, направленные на финансовую помощь семьям. Помощь в финансировании образования могут оказать различные программы и гранты, образовательные кредиты. Так, в 2023 году было выдано 52,8 тысячи кредитов, притом что в вузы поступило 1,2 миллиона студентов, и более половины из них – на платные места [2]. Внедрение программ субсидирования, стимулирование развития образовательных проектов призвано сформировать условия для повышения доступности образования различных социальных групп.

Список литературы:

1. Эксперты оценили расходы россиян на кружки и репетиторов для детей [Электронный ресурс] URL: <https://www.forbes.ru/society/495212-eksperty-ocenili-rashody-rossian-na-kruzki-i-repetitorov-dla-detej>(дата обращения: 01.06.2025).
2. Выяснилось, сколько россияне готовы заплатить за обучение ребёнка в вузе в 2024 году. [Электронный ресурс] URL: <https://skillbox.ru/media/education/vyyasnilos-skolko-rossiyane-gotovy-zaplatit-za-obuchenie-rebyenka-v-vuze-v-2024-godu/> (дата обращения: 01.06.2025).
3. Расходы населения на образование детей и молодежи: анализ статистических и социологических данных : информационный бюллетень / Н.Б. Шугаль, Н.В. Бондаренко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.:ИСИЭЗ ВШЭ, 2023.–56 с.

От имитации к подлинности

Малинецкий Георгий Геннадьевич
Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН
Москва, Россия, gmalin@keldysh.ru

Государственное управление является одной из самых инертных сфер, – его основы не меняются в течение тысячелетий. Конфуций (551–479 г. до н.э.) определил функцию ученых и мудрецов в этом управлении: «Как служить государю? Не спи и не давай ему покоя». Рассказывают, что император спросил Конфуция, как добиться благоденствия в державе, которой он правил. Мудрец ответил, что нужно достаточно много хлеба, сильная армия с хорошим оружием и доверие народа своему правителю. Неудачи преследовали царя и он вновь обратился к мыслителю с вопросом, от чего из этих трех сущностей можно отказаться. «Откажись от армии. Если народ поддерживает тебя, он найдет способ защитить и себя, и тебя». Прошло время и вновь император понял, что следует отказаться от чего-то, необходимого для благоденствия. И вновь он обратился к Конфуцию с вопросом, чем можно пожертвовать.

– Пожертвуй хлебом. Люди постараются прокормить себя. Никто не живет вечно.

– Но, может быть, провести реформы и заставить людей думать по-другому?

– Взглядом людей на мир нельзя пожертвовать. Не делай этого. Без доверия народа государство не может устоять.

На Востоке говорят, что самый простой способ утратить доверие – заменить подлинное имитацией. Видимо, из этого и надо исходить.

Ключевая задача общества и государства состоит в том, чтобы сохранить себя в грядущем, чтобы люди, составляющие его, не вымирали. Россия пока не справляется с этой задачей. Уровень воспроизводства поколений требует, чтобы на одну женщину фертильного возраста в обществе приходилось 2,1 ребенка.

С началом реформ в нашем отечестве этот показатель в России стал существенно меньше, а в 1999 году упал до 1,16. Ключевой задачей государства является переломить этот тренд, прекратить вымирание народа. Заметим, что по прогнозу Д.И. Менделеева, данному в 1906 году, к 2000-му году в России должно было бы жить более 594 миллионов человек. Чтобы остаться в истории XXI века, чтобы быть субъектом, а не объектом в мировой динамике, нас должно быть много.

По среднему варианту прогноза «Департамента по экономическим и социальным вопросам» ООН к 2100 году в мире будет жить 10349 млн человек, из которых в России 112 млн, это немногим больше 1% мирового населения, 20-я позиция в мире. По сравнению с демографическими гигантами – Индией (1530 млн), Китаем (707 млн), Нигерией (546 млн), Пакистаном (487 млн), Демократической Республикой Конго (432 млн), США (394 млн). Если дела

пойдут так, как предсказывает этот прогноз, то во второй половине XXI века именно данные страны будут решать, кто в доме хозяин.

Академик А.Г. Аганбегян и директор ЦЭМИ А.Р. Бахтизин, чтобы подчеркнуть важность проблемы вымирания России, сравнивают усилия, которые должны быть вложены в её решение, с Атомным и Космическим проектами СССР. Думаю, они не правы – задача, состоящая в том, чтобы переломить демографические тенденции в нашей стране, намного сложнее. Во-первых, советское руководство прекрасно понимало военное значение этих проектов. Именно поэтому советская атомная бомба была создана примерно за тот же срок, что и американская. Во-вторых, в стране была научная и технологическая база для решения задач, лежащих на переднем крае науки. В-третьих, имелся сильный, хорошо организованный госаппарат. В-четвертых, эти проблемы несмотря на всю их важность, были локальны в сравнении со множеством других задач, которые решал СССР. Для их решения оказалось достаточно два министерства (их масштаб поражает до сих пор), которые быстро и успешно справились с порученными им заданиями. В-пятых, и это главное – огромная поддержка этих проектов народом. Космодром Байконур был построен за 1,5 года, потому что половина строителей участвовала в Великой Отечественной войне, и люди прекрасно понимали, что они строят щит и меч родной страны.

Ныне все не так. Мы убедились, что роль материнского капитала, других льгот (при всей важности этих начинаний) невелика. Детей за деньги не рожают... Рождение детей – очень важный и большой проект, занимающий значительную часть всей жизни.

Почти сорок лет реформ показали, что Россия не «переварила» олигархический капитализм. Судя по демографическим трендам, ситуация обратная – он «переваривает» нашу страну.

У Антуана де Сент-Экзюпери есть крылатая фраза, которую часто вспоминают: «Любить – это не значит смотреть друг на друга, любить это значит вместе смотреть в одном направлении». Куда смотреть нам, размышляя о детях и планируя их жизнь? На нашем телевидении, как и на радио, «не рекомендовано» говорить о том, какой должна быть наша страна, какой мы хотим ее видеть, куда ведут её элиты, и где она должна оказаться через 30–40 лет. Наши оппоненты видят ситуацию, напротив, совершенно конкретно. Эксперты Давосского экономического форума полагают, что через 15–20 лет России на мировой политической карте не будет, а западные военные аналитики прикидывают, на какие куски им удастся развалить нашу державу.

«Стратегия без тактики – это самый медленный путь к победе. Тактика без стратегии – это просто суeta перед поражением», – говорил китайский стратег и мыслитель Сунь-Цзы. При самой хорошей тактике без стратегии не обойтись. А её, судя по тому, что нам сообщают, нет.

Очевидный вопрос, касающийся заведения детей и их будущего – где они будут жить? Огромные дома в мегаполисах убивают рождаемость. Архитекторы, которые занимаются системой расселения в России – А.С. Кривов, Д.Е. Фесенко и множество других – на всех площадках толкуют о необходимости стимулировать малоэтажное строительство, о необходимости

«размосквичивания» России, о том, что следует развивать всю страну не ограничиваясь вложениями в мегаполисы. Их логика очевидна. В мегаполисе квадратный метр стоит под 300 тысяч рублей, а в своем малоэтажном доме можно уложиться в 50 тысяч. Есть какая-то неувязка в ценах жилья и зарплатах. Например, с 01.01.2025 года минимальный размер оплаты труда составляет 22400 рублей. Если не есть и не пить, а все эти деньги откладывать на покупку жилья, то накопленной за год суммы не хватит даже на один квадратный метр в мегаполисах. Похожая история рассказана в сказке Джанни Родари «Приключения Чипполино». Кум Тыква в этой сказке мечтал о своем доме и всю жизнь покупал кирпичи, чтобы его построить. К старости ему удалось реализовать свой проект – дом, наконец, был построен. Правда, Кум Тыква в нем с трудом помещался. Заводя много детей, мы ориентируемся на этот вариант?

Недавно С.С. Собянин заявил в «московской воронке» живут и работают около 40 миллионов человек. Выходит больше, чем каждый четвертый гражданин России, живет в «Московском княжестве». Конечно, люди, тем более планирующие завести много детей, понимают абсурдность этой ситуации, – 70% нового жилья в России, несмотря на все административные и иные препоны, было в последний год малоэтажным. Но строительная мафия по-прежнему штампует многоэтажки. Олигархат рулит. Как спасти людей с этажей выше 15-го при пожаре в нижних этажах? Нет ответа.

Либералы настаивали на ускоренной урбанизации и переселении России в 15 или нескольких десятков мегаполисов, мотивируя это тем, что там выше производительность труда людей. Известный российский социолог Анатолий Иванович Антонов высказывает противоположную мысль – люди должны жить в своих домах на селе, что повысит рождаемость и позволит «всем обеспечивать себя самим». По сути, это возврат к традиционному обществу. Эти подходы игнорируют технологические реалии сегодняшнего дня. В самом деле, работа очень многих людей связана с обработкой информации, – им не надо стоять у станка или сидеть в офисе. Дешевая и эффективная система телекоммуникаций позволяет работать, живя вне городов, активно пользуясь преимуществами и сельской, и городской жизни. Проекты, «информационной деревни» давно рассматриваются и обсуждаются в мировой литературе. Можно напомнить, что для производства сельскохозяйственной продукции в ведущих странах требуется труд около 2% населения.

Следует также отметить, что современный капитализм перешел в иную стадию, иногда называемую платформенным капитализмом. В этой фазе капиталистам люди не нужны. Промышленное производство и сохранение инфраструктуры требует работы небольшой части общества. Остальные, на взгляд капиталистов, являются просто потребителями ресурсов. По прогнозу известного специалиста по искусственному интеллекту Кай-Фу Ли через несколько десятилетий половина работающих в США останутся без того дела, которым занимаются сейчас, – их заменят компьютеры и системы искусственного интеллекта.

В настоящее время мы имеем дело с имитацией благосостояния. Богата ли Россия? По оценкам ряда экспертов она очень богата, на её территории находится треть всех природных богатств мира. Однако по валовому внутреннему продукту на душу населения Россия находится на 86-й позиции. Не имея набора многих современных технологий и капиталов, необходимых для развития хозяйства, страна вступает в неравноправный обмен, и труд такого общества достается другим странам. Ряд экспертов считают, что доля такого труда для России составляет половину.

При обсуждении вывоза капиталов за границу вспоминаются слова Павла Артемьевича Верещагина из фильма «Белое солнце пустыни»: «Я мзду не беру – мне за Державу обидно!». Судя по всему, не все в российском госаппарате разделяют эту позицию.

В Послании Федеральному Собранию 01.03.2018 президент РФ В.В. Путин заявил: «Именно отставание – вот главная угроза и вот наш враг. И если не переломим ситуацию, оно будет неизбежно усиливаться. Это как тяжелая хроническая болезнь, что неумоимо, шаг за шагом подтачивает и разрушает организм изнутри» (<https://www.kremlin.ru/evening/nats/president/news/56957>).

Это относится ко многим сферам и, в частности, к экономике, которая продолжает двигаться гайдаровским курсом (автора которой до недавнего времени считали выдающимся экономистом, регулярно проводили Гайдаровские форумы и называли его именем научный институт). Вместо промышленной экономики в стране построили торговую экономику. Приведём оценку результатов этих преобразований, данную академиком В.Б. Бетелиным: «Именно поэтому за тридцать лет ВВП России вырос на треть и составляет \$ 4,1 трлн. В то время как за тридцать лет ВВП США вырос в 3,7 раза с \$ 6 трлн до \$ 16 трлн, а ВВП Китая – в 35 раз с \$415 млрд до \$16 трлн. При этом доходы нижних 50% населения России в 1980–2016 гг. снизились на 26%, в то время как в Европе выросли на 26%, а в Китае – на 417%». (Бетелин В.Б. Горизонты цифрового будущего страны завтра – это модели её экономики и образования сегодня // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности (3–4 февраля 2022 г., г. Москва) / Под ред. Г.Г. Малинецкого. – М.: ИПМ им. М.В. Келдыша, 2022, с.32). Другими словами, мы имеем дело с имитационной экономикой.

Если нынешнее состояние экономики нас не устраивает, то, может быть, хороша динамика? Выдающийся русский экономист Николай Дмитриевич Кондратьев (1892 – 1938) построил теорию, ставящую во главу угла циклы технологического развития, занимающие 40–50 лет. В соответствии с этой теорией именно эти циклы во многом определяют кризисы, войны и революции.

Победа СССР в Великой Отечественной войне во многом была связана с тем, что удалось использовать возможности IV технологического уклада. Для него характерно массовое производство, электромоторы, двигатели внутреннего сгорания, тяжелое машиностроение, большая химия, производство автомобилей и самолетов. Известно высказывание Сталина из его выступления 13.01.1941 на заседании Главного военного совета: «Современная война будет войной моторов. Моторы на земле, моторы в

воздухе, моторы на воде и под водой. В этих условиях победит тот, у кого будет больше моторов и больший запас мощностей».

В ходе реформ и недопонимания элитой инновационного вектора развития был упущен V технологический уклад (1980-2020) и поддержка связанных с ним отраслей – электронной промышленности, создания компьютеров, вычислительной и оптико-волоконной техники, программного обеспечения, телекоммуникаций, малотоннажной химии. Произошел качественный сдвиг в гуманитарных технологиях. Если раньше промышленность ориентировали на удовлетворение имеющихся у населения потребностей, то сейчас появились эффективные инструменты, позволяющие эти потребности сформировать.

В настоящее время ведущие страны входят в VI технологический уклад. Его локомотивные отрасли – информационно-телекоммуникационные технологии, биотехнологии, высокие гуманитарные технологии, новая медицина, нанотехнологии, искусственный интеллект, когнитивные науки. Этот список сейчас только формируется, но именно эти «новые отрасли» определяют развитие экономики и оборонной сферы.

У России здесь большие проблемы. Недавно была создана и реализована программа «Цифровая экономика». Судя по тексту программы, в ней не было направлений, связанных, собственно, с производством. Получилось как с морской свинкой – не морская и не свинка, не цифровая и не экономика.

Огромное внимание сейчас уделяется искусственному интеллекту (ИИ). Системы, созданные на его основе, могут преобразить промышленность, социальную и оборонную сферу, наше мировоззрение. В полной мере это осознает Президент. В 2017 году он говорил: «Искусственный интеллект – это будущее не только России, но и будущее всего человечества. Здесь колоссальные возможности и трудно прогнозируемые сегодня угрозы. Тот, кто станет лидером в этой сфере, будет властелином мира. И очень бы не хотелось, чтобы эта монополия была сосредоточена в чьих-то руках, поэтому мы, если мы будем лидерами в этой сфере, также будем делиться этими технологиями со всем миром, как мы сегодня делимся атомными технологиями, ядерными технологиями. Но чтобы не стоять в конце очереди, нужно над этим работать уж, и возе сегодня». (Открытый урок: «Россия, устремленная в будущее» <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55493>). Очевидно, слова Президента должны быть услышаны, однако сейчас в нашей стране в эту сферу вкладываются в 350 раз меньше средств, чем в Китае. Это ещё одно проявление опасной социальной болезни – разрыв и прямой, и обратной связи между субъектом и объектом управления.

Хрестоматийной стала судьба компании «Роснано», развитие которой должно было дать импульс отечественной микроэлектронике. Импульс очень нужен, поскольку и развитие техники определяется сегодня электронными компонентами, и возможности современного оружия на 80–95% определяются той электроникой, которая в него «зашита». Толщиной линии называют размер минимального элемента на микросхеме. Тайваньская фирма TSMC делает микросхемы с толщиной линии 3 нанометра, а наши

фабрики уверенно делают схемы с толщиной линии 180 нм. У нас нет своих мобильных, планшетов, персоналок, суперкомпьютеров и ещё очень многого, необходимого для формирования цифровой реальности.

Компанией «Роснано» активно руководил ряд лет выдающийся реформатор, государственный деятель, «энергетик» и «ученый» (в свое время он заведовал кафедрой в Московском физико-техническом институте) Анатолий Чубайс. Нелегкую проблему задал нашей Генеральной прокуратуре этот человек, его коллеги и заместители. Наверно, со временем нам расскажут как она с ней справилась.

Чубайс вошел в историю своим ответом на вопрос, что наиболее важно в нанотехнологиях. Он ответил, что самое трудное, это создать «атомную молекулу». По его просьбе выдающийся специалист в области науки о материалах академик Юрий Дмитриевич Третьяков подготовил курс из 12 лекций для руководителей «Роснано» о том, что такое нанотехнологии. Состоялась только одна лекция, но топ-менеджмент пробыл на ней только половину отведенного времени. Это понятно – интеллектуальный уровень этих людей позволяет им всё понимать с полуслова. Одним словом, нет у нас нанотехнологий, которые намеревались создать. Развитие и здесь было имитационным.

Всё это имеет прямое отношение к демографической динамике. Многие государственные деятели убеждают, что в России необходимы мигранты, чтобы работать для нас. По последним данным в 2025 году в России находилось свыше 6,5 млн иностранцев, десятая часть которых – нелегалы. По неофициальным оценкам речь идет о пребывании на территории России 12,5 млн граждан других государств. В 2022 году в столичном регионе находилось 40% трудовых мигрантов, зарегистрированных в России (1,23 млн человек. Статистика по мигрантам в России. <https://migrastaff.ru/press/articles/statistika-po-migrantam-v-rossii-tendentsii-poslednikh-let/>).

Стоит обратить внимание на сформировавшиеся диаспоры мигрантов в России и других странах. Это локальные миры, сообщества, воспроизводящие реалии тех стран, откуда прибыли мигранты, со своим языком, традициями, представлениями о справедливости. Ведущие страны не становятся «плавильным котлом» для тех, кто прибывает в них работать. Мигранты не только в первом, но и во втором и в третьем поколении ощущают дополнительную несправедливость по отношению к ним. Поэтому молодежь из мигрантских сообществ нередко вовлекается в экстремистские сообщества.

Олигархату нужна дешевая рабочая сила.

Привлечение мигрантов имеет локальные плюсы для капиталистов страны, в которую они приезжают, и глобальные минусы для всего общества данных государств на много десятилетий. Не вдаваясь в подробности, обратим внимание на антиутопии Е. Чудиновой «Мечеть Парижской богоматери» и М. Веллера «Остров для белых».

Как скомпенсировать недостаток рабочей силы в стране? Ответ известен – механизация, автоматизация, роботизация. Именно в этом направлении, казалось бы, надо было двигаться Правительству. К сожалению,

ситуация иная. Приведем численность роботов на 10 тысяч работающих в разных странах. По данным отчета World Robotics в 2024 году это число в Южной Корее составляло 1012, в Сингапуре – 707, в Китае – 470, в Германии – 429, в Японии – 419, в Швеции – 347, в Дании – 306, в Словакии – 306, в Швейцарии – 302, в США – 295. Показатели России значительно скромнее – речь идет не более, чем о нескольких десятках роботов (Пятилетку за три года. Россия должна поднажать с роботами, чтобы нагнать мир. <https://www.comnews.ru/content/239394/2025-05-27/2025-w22/1008/pyatiletku-za-tri-goda-rossiya-dolzha-podnazhat-robotami-chtoby-nagnat-mir>).

Огромную роль в развитии оборонного комплекса, в экономическом обновлении страны играет наука. Науку можно сравнить с автомобилем, роль навигатора в котором играет фундаментальная наука, мотора – прикладные исследования (в этом секторе делает 75% изобретений) и колес – крупные высокотехнологичные корпорации, заинтересованные в научных исследованиях, которые приведут к созданию новых товаров и услуг.

Академия наук, созданная Петром I в 1724 году, была ликвидирована в 2014 году и лишена научных институтов. По утвержденному Правительством Уставу Российская академия наук (РАН) не является научной организацией, то есть ей нельзя вести исследования.

Около 1500 член-корреспондентов и академиков РАН могут слушать друг друга, избирать новых членов, хоронить умерших, но из цикла воспроизводства инноваций академическая наука выпала. Прикладная наука в значительной степени была ликвидирована в 1990-х годах. Олигархат не позволил создать крупные высокотехнологические комплексы мирового уровня. Задачи, которые должна решить отечественная наука, не сформулированы, целеполагание отсутствует. Иными словами, мы, к сожалению, сейчас имеем дело с имитационной наукой.

Это обстоятельство подчеркивает принятие правила оценки деятельности научных институтов и отдельных ученых. Эти правила связаны не оценкой результатов решения фундаментальных или прикладных задач, поставленных перед учеными, а с их «публикационной активностью», то есть с информационным шумом. Возникает иерархия журналов, в которых должны быть публикации, влияющие на зарплату ученых, базы данных Scopus, Web of Science, Рейтинги Q1, Q2, квартили и прочее. Весь этот абсурд, введенный Минобразом, сохраняется несмотря на введенные Западом санкции, запрет работать с российскими учеными и публиковать их статьи. Об оценке ученых по индексу Хирша коллеги невесело шутят: «Першинг» Хиршем не собьешь». Выстроена огромная система «Автоплагиат», «Диссернет», редакторы научных журналов на полном серьезе толкуют про «самоцитирование», «автоплагиат», «степень оригинальности», которую оценивают при защите дипломов, диссертаций, статей.

Новую струю во всё это внес искусственный интеллект. Он позволяет писать речи, тексты, курсовые работы в поддержку или опровержения заданного тезиса с оригинальностью, близкой к 100%. Есть над чем поразмыслить нашим чиновникам! Возврат к здравому смыслу является насущной потребностью отечественной науки.

В большой степени наше будущее определяется нынешним состоянием системы образования. Это понимается в мире. В этой сфере тщательно проводится мониторинг.

С 2000 года проводится международное исследование умения средних школьников применять знания по математике, по физике и естественным наукам и по чтению на родном языке (PISA). В 2018 году в этом исследовании данной программы участвовало около 600 тысяч 15-летних ребят примерно из 80 стран. В лидерах в основном представлены страны, в которых не на словах, а на деле осуществляется технологический прорыв, – Китай, Сингапур, Япония, Финляндия, Южная Корея. Практически все постсоветские страны находятся в четвертом десятке. По физике и естественным наукам Россия находится на 33-м месте. Другими словами, блок НАТО и стремление правящей элиты подражать западным образцам привела к поражению образования в постсоветских странах.

Может быть, эти тревоги преувеличены? К сожалению, нет. Профессор Алексей Савватеев утверждает: «Массовая школа умерла. Это диагноз».

Действительно, в России есть 5-10% специальных школ, дающих хорошее образование, в остальных его нет. В России не хватает 500 тысяч учителей. Более половины школьников в нашей стране пользуются услугами репетиторов. Ранняя специализация и единый государственный экзамен (ЕГЭ) обеднили образование (что не спрашивается, то не учится). Руководство Высшей школы экономики (ВШЭ), по сути, много лет руководило Министерством образования. Оно «демилитаризовало» высшую школу России – в большинстве вузов страны были закрыты военные кафедры. Сейчас ясно, насколько серьезной была эта реформа; за время реформирования России за 30 лет было закрыто 68 учебных военных заведений. Научный руководитель ВШЭ Я.Г. Ясин с гордостью говорил, что именно он придумал ЕГЭ, чтобы школьники не списывали друг у друга, и чтобы учителя им не помогали. Лекарство оказалось гораздо хуже болезни. Это стремительный рост репетиторства, ликвидация профориентации, «раздевание» провинции, дрессировка выпускников по 3-м предметам в ущерб всем остальным.

Развал средней школы велся под лозунгом, выдвинутым психологом от образования А.Г. Асмоловым: «От культуры полезности, к культуре достоинства». Минобраз и Российская академия образования взяли курс перехода от предметоцентричного образования, дававшего знания, умения, навыки (именно такое образование было основой для «советского образовательного чуда») к личностно-ориентированному подходу. Целью при этом объявляется развитие личности (как измерять этот замечательный параметр реформаторы ещё не выяснили), радость и удовлетворение от учебы. Знания при этом оказываются на третьем или десятом плане (как правило, родителям, видящим в них смысл, надо платить репетиторам). О каком «личностно-ориентированном подходе» можно говорить, если в классе тридцать человек, а учителя не знают, что и каком объеме преподают их коллеги, и хватит ли 24-х часов в сутки, чтобы освоить всё заданное?!

О развале системы образования говорит катастрофическое падение тиражей научно-популярных и научных журналов. В советское время старшеклассники и первокурсники, заинтересованные овладении физикой и математикой, выписывали журнал «Квант», тираж которого составлял 350 тысяч экземпляров. Ныне он сократился до...900 экземпляров. Тираж журнала «Квантик», рассчитанного на младших школьников, составлял 4500 экземпляров на всю огромную страну. Тираж журнала «Знание-сила» упал с 8000 тысяч до 4,5 тысяч, то есть почти в 200 раз. Кто же придет завтра в науку, в оборонный комплекс, в инновационный сектор экономики?!

Заметим, что образовательный развал России более 30 лет творился при поддержке и одобрении Академии образования. Поэтому, конечно, стоит поддержать инициативу Алексея Саватеева о роспуске этой организации в силу её профессиональной непригодности.

«Кадры решают всё», – говорил Сталин. В полной мере это относится к идеологам и руководителям отечественного образования, которые перевели его из мировых лидеров на уровень образования третьих стран. Поэтому разумным представляется предложение А.А. Саватеева «30 на 30», – лишение 30 ведущих деятелей развала российского образования, обеспечивавших его деградацию в течение последних 30 лет, работать в образовательном пространстве России.

Тем не менее, всё сказанное здесь об образовании относится к тактике. Но она определяется стратегией. Именно с ней связаны ключевые проблемы.

Какого выпускника мы хотим видеть? Именно это определяет чему мы должны его научить. Ответ на заданный вопрос определяется тем, в какой реальности ему предстоит жить, какой будет страна, каким будет вектор её развития. В Советском Союзе знали ответы на эти вопросы. Единая общеобразовательная советская средняя школа, а за ней и высшая школа, готовили творцов и активных участников развития страны, претендующей на мировое лидерство и находящейся в индустриальной фазе развития цивилизации. Но мир вступил в постиндустриальную фазу развития цивилизации, и нам нужны ответы на старые вопросы.

Реформы последних 30 лет, по крайней мере в их начале, вели страну из мировых лидеров, промышленной державы в государство третьего мира с сырьевой ориентацией. Соответствующий этому курсу императив министр образования и науки РФ А.А. Фурсенко в своё время определил так: «Главный порок советской школы заключается в том, что она стремилась воспитать человека-творца, задачей же школы РФ является подготовка квалифицированного потребителя, способного пользоваться тем, что создано другими».

Надо отдать должное нашим чиновникам, – эта стратегия, намеченная прежним министром образования, реализована в полной мере. Однако результаты её воплощения не соответствуют тем вызовам, с которыми столкнулась Россия. В полной мере это показала специальная военная операция (СВО).

Генерал Х. Гудериан – идеолог танковых прорывов – на Нюрнбергском процессе заявил, что план «Барбаросса», составленный

немецким генштабом, не учел двух ключевых обстоятельств, которые не позволил его выполнить. Одна из них – культура и образованность советских солдат. При этом и И.В. Сталин, и Г.К. Жуков не раз обращали внимание на дефицит квалифицированных и подготовленных командиров и полководцев. При этом в самый тяжелый период войны по указанию И.В. Сталина в газете «Правда» была опубликована пьеса А.Е. Корнейчука «Фронт». Её сюжет связан с генералом-консерватором и новым поколением военных, освоивших эффективные приемы боевых действий в новой реальности. Многие военные корреспонденты, эксперты, руководители связывали проблемы, возникавшие в ходе СВО с недостаточной подготовкой командиров и инерцией организационной системы, не оценившей принципиальное значение многих видов вооружений. Впрочем, есть и несомненные достижения в нашей системе образования. Это кампусы (общежития). Их велено построить несколько десятков за миллиарды рублей, но на мировом уровне! Надеемся, что спать и есть в этих общежитиях будет гораздо удобнее, чем раньше.

Для общества очень большую роль играет его представление о будущем, о цели развития. Это является очень важным элементом его самоорганизации. С другой стороны, нравственные основы, представления о возможном и должном стабилизируют социальную структуру. Много веков эти две задачи решала религия. И сейчас в нашей стране вкладываются большие усилия, чтобы вновь опираться на этот институт.

Патриарх Кирилл 26.05.2019 в Страсбурге заявил: «Сегодня мы строим примерно три храма в сутки, за 24 часа. 30 тысяч храмов за десять лет. И не от того, что у нас слишком много денег и не знаем, куда их потратить. Народ наш, прошедший через годы атеизма, и умом, и сердцем понял, что без Бога ничего не получается». (Патриарх Кирилл рассказал о строительстве трех храмов в сутки. Электронный ресурс. <https://rua.ru/20190526/1554925784.html>).

Эти усилия дают свои результаты. По данным Росстата число церквей в России последние годы стало больше, чем количество средних школ.

Количество последних, так же как число поликлиник и больниц уменьшается.

Несмотря на стремление видеть в религиозном мировоззрении одну из «скреп» российской государственности реальность не соответствует этим благим пожеланиям. Дело в том, что люди не верят в Бога. Более 20 лет по данным социологов и РПЦ, число воцерковленных людей в России составляет около 3%... Почему дело обстоит так, а не иначе, объясняет Евангелие от Матфея, цитирующего Христа: «Не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают, но вино молодое вливают новые мехи, и сберегается то и другое» (Мф.9:17).

Эта картина понятна – то, что играло важную роль много веков в одной технологической реальности, не может быть успешно в другой, очень существенно отличающейся от неё. То, что сыграло роль «скреп» на многих исторических поворотах превращается для большинства в набор ни к чему не обязывающих ритуалов. Нужны иные инструменты для самоорганизации общества.

Необходимость учитывать, в каком технологическом укладе находится и мир, и наша страна, определяют очень многое в разных сферах и, в частности, в военной. Есть распространенное представление: «Дадим военным достаточно денег, и они сделают то, что надо». Это заблуждение. Вновь можно напомнить фразу министра обороны России о том, что ошибаться можно, а врать нельзя. Для того, чтобы не ошибаться – а цена ошибки в этой области велика – необходимы институты прикладного профиля (значительная часть которых была ликвидирована в 1990-е годы) и специалисты, которые могут прогнозировать развитие систем вооружений, заглядывая на 10-20 лет вперед. Однако и этого недостаточно. Национальная оборона, разведка, институты, обеспечивающие государственную безопасность, представляют собой целостные системы. Необходимы мозговые центры, которые предлагали бы альтернативные стратегии силового противостояния и сценарии развития ОПК, из которых можно было бы выбирать лучший. В США более 200 мозговых центров работает над проблемами, связанными с обороной. Мы же сталкиваемся с «проблемой сильного заказчика», с тем, что «не с кем говорить» в данном министерстве об изобретениях и новшествах в данной сфере и с непомерной бюрократией.

В этой сфере, как и во многих других, нужны междисциплинарные подходы, позволяющие за деревьями видеть лес. За одним столом должны сидеть ученые, предлагающие новые виды и системы оружия, руководители промышленных предприятий, которым это предстоит производить, и военные, которые всё это будут использовать. Не обойтись и без экономистов, понимающих границы наших возможностей, а также представителей структур, выясняющих, что и где можно приобрести, а для чего нам срочно нужно разворачивать свои производства. Хочется верить, что дела у нас обстоят именно так, но по моему впечатлению для этого нет оснований. Как правило, с выдвигаемыми инициативами все соглашаются, но дело всё равно по тем или иным причинам не идет на лад. Есть пословица: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Гром гремит уже более трех лет, но мужик не крестится.

Представители и нашего, и зарубежных оборонных комплексов в подобных случаях объясняют: «Спасибо за беспокойство, но тревожиться не надо – у нас всё это уже есть, но оно настолько секретно, что мы не можем вам об этом рассказать». Это продолжалось много лет – организовывались прекрасные выставки, конференции, строились храмы, организовывался «танковый биатлон». После посещения всего этого думалось, что это всё прекрасно, если воевать не придется. Но воевать пришлось и выяснилось, что «есть» у нас гораздо меньше, чем хотелось бы, и главное – усилия вкладывались совсем не в то, что необходимо.

Об этом стоит сказать несколько подробнее, памятуя слова министра о том, что ошибаться можно. Время беспощадно – оно меняет технологии, оружие, сущность войн. В традиционной фазе развития цивилизации войны велись за территории и труд населения, проживавшего на них, которым могли воспользоваться захватчики. Лозунг индустриальной фазы – стандартизация и взаимозаменяемость, массовость и масштаб. Массовые производства, армии, культура, образование, мода и многое другое. Миллионные армии

боролись за ресурсы и рынки сбыта. Оружие массового уничтожения, IV технологический уклад.

Нет худа без добра и добра без худа. Атомные бомбы, ракеты, стратегические ядерные силы (СЯС) позволили человечеству 70 лет обходиться без мировых войн. Казалось, вот он – финал, дальше можно расслабиться, не напрягаться и довольствоваться тем, что есть...

Всё оказалось иначе. В центре постиндустриальной фазы находится человек. Страной управляют примерно 80 человек – достаточно уничтожить их, лишить связи или заменить на «своих» и побежденные будут делать всё то, что надо победителям. Инструменты для этого появились...

В постиндустриальной фазе принципиальное значение имеют технологии и люди, которые умеют их развивать.

В 2010 году компьютерный вирус Stuxnet впервые в истории разрушил завод по разделению изотопов урана в Натанзе. Иранская ядерная программа оказалась отброшена на несколько лет назад. Это размыло границу между войной и миром – не обязательно использовать танки, ракеты, самолеты – достаточно одной флешки, чтобы разрушить завод или страну. Киберпространство стало полем силового противостояния.

В ходе 12-дневной войны США и Израиля против Ирана было уничтожено около 30 иранских генералов и около двадцати ведущих физиков-ядерщиков страны, нанесены удары по трем ключевым ядерным объектам государства. Потери военной техники двух государств не сравнимы. Эксперты утверждают, что Ирану понадобится 5-7 лет, чтобы восстановить разрушенное. Технологии и руководители играют ключевую роль в войнах нынешней реальности.

Посмотрим, какое вооружение считалось перспективным, какое собирались создать в России перед СВО.

Это прекрасное оружие, но оно относится к IV технологическому укладу, в то время как мир входит в VI.

Посмотрим на стратегическую триаду. Огромную ракету, находящуюся в давно и хорошо известной шахте, поразить значительно легче, чем десятки небольших, которые легко спрятать. Техника идет вперед, – ракету, которая будучи выпущена с территории России или с моря и может достать Нью-Йорк, можно спрятать в обычном морском контейнере.

Дальняя авиация в целом и проектируемый в России перспективный авиационный комплекс дальней авиации (ПАК ДА) нужны были чтобы «подтащить» атомные бомбы и ракеты к территории противника. В прошлом это было необходимо, но ныне ракетные системы, сами, без участия самолетов, решают эту задачу.

Кроме того, атаки украинских дронов на аэродромы стратегической авиации России показали, что копеечные дроны, десяток которых можно подвезти к аэродрому в фургоне, может уничтожить бомбардировщик Ту-95, стоимость которого эксперты оценивают в \$ 300 млн. Кроме того, для самолетов такого класса нужна очень длинная взлетная полоса, повредить её с помощью самого простого оружия очень просто, и тогда все эти самолеты не

взлетят. Спору нет – стратегические бомбардировщики очень красивы, тем не менее, это не оружие для нынешней, и, тем более, будущих войн.

Большие перемены происходят и на флоте. Подводные атомные лодки считались воплощением стратегической стабильности. Кажется, ещё американский президент Дж. Форд поставил в качестве ключевой задачи перед американским научным сообществом «сделать океан прозрачным». Исследователи утверждают, что справились с этой задачей. Конечно, идет борьба – одни военные компании стремятся сделать лодки видимыми, другие – невидимыми. Тем не менее, искусственный интеллект и квантовые технологии многократно упростили эту задачу.

Перемены ждут и надводный флот, – большие, не слишком быстро передвигающиеся корабли являются отличными целями и для ракет, и для беззипажных катеров. Время авианосцев уходит в прошлое. Прежде чем давать им задание, приходится разбираться, как дела у хуситов и каким оружием они сейчас располагают.

Мы с гордостью смотрим на парадах на танковые колонны и летящие самолеты. Но и их время прошло. Ракеты, которые их уничтожают, стоят в сотни, а иногда и в тысячи раз дешевле их. Соперничество в области вооружений это всегда поединок щита и меча. На данном этапе щит серьезно преуспел. Российские и украинские самолеты не приближаются к линии боевого соприкосновения ближе, чем на 30 километров, а танкам приходится стрелять с закрытых позиций, заменяя пушки, которые гораздо дешевле их. Цена танка «Армата», по оценкам экспертов, составляет 560 миллионов рублей, и, конечно, возникает мысль использовать эти средства более эффективно.

В сфере вооружений сейчас происходит революция. И наши соперники (или противники?) ориентируются на оружие, отражающее возможности VI технологического уклада. После запуска советского спутника в 1951 году в США было создано Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (Defense Advanced Research Projects Agency – DARPA) для того, чтобы подобных «сюрпризов» в сфере высоких технологий для армии США возникала. Среди прочего это агентство привлекает широкий круг инженеров, работающих в гражданской сфере, устраивает открытые конкурсы, ориентированные на поиск новых технологий, а также представляет ряд своих проектов.

Среди них робот-собака, сопровождающая военных и способная двигаться со скоростью 50 километров в час и нести 50 килограммов груза. К экзотическим проектам можно отнести летающие подводные лодки. Многочисленные и дешевые кибернетические «насекомые», решающие общую задачу, действующие как команда или стая, могут кардинально изменить картину боевых действий и парализовать мегаполисы противника. В открытой публикации, рассматривающей научные и технологические проекты НАТО в период с 2020 по 2040 год в качестве одной из приоритетных задач рассматривается технологическая возможность создать и организовать коллективные действия сотен тысяч и миллионов таких «насекомых». В разработке планов этого военного блока в научно-технической сфере участвовало около 6000 экспертов, а список цитированной литературы

составляет около 500 названий. Жаль, что у нас нет подобного междисциплинарного открытого документа (в отличие от ряда других стран, где такие документы есть), ориентирующего инженеров, ученых и военных и ставящего перед ними конкретные задачи. В соответствии с другим проектом DARPA были созданы автомобили, способные самостоятельно, без участия человека, передвигаться на сотни километров по магистралям и бездорожью. После этих пионерских разработок подобные проекты начали осуществляться во многих компаниях.

Идея создать нечто подобное DARPA, а лучше превосходящее её, в нашем отечестве многократно обсуждалась на разных уровнях, но пока что-то не складывается.

Бюрократия необходима. Невозможно управлять огромной государственной машиной без серьезной управленческой структуры. Повышение эффективности её действий и борьба с недостатками данного механизма – важнейшее направление государственного строительства.

Среди самых серьезных недостатков – игнорирование происходящих в мире перемен, стремление действовать по инерции и подготовка ряда документов для руководства страны, ориентированных на прошлое, а не на будущее. Это очень важно, и на данном моменте остановимся подробнее. В 2010 году в России была выпущена книга директора частной разведывательно-аналитической компании STRATFOR Джорджа Фридмана «Следующие 100 лет: Прогноз событий XXI века».

Эта книга содержала не только важный прогноз, но и, как сейчас ясно, прочерчивала действия американской администрации в отношении нашей страны (независимо от того, кто у власти – республиканцы или демократы) вплоть до войны на Украине. Приведем несколько цитат из этой книги: «В мире, нуждающемся в энергии, российский экспорт энергии и энергоносителей подобен поставкам героина (с.144)... Как и прежде, Россия сосредоточится на существующих производствах, а не на развитии новых отраслей промышленности, что будет означать увеличение добычи нефти и природного газа, а не поиски новых источников энергии. В результате Россия позднее так и не выйдет на передовые позиции в деле разработки новых технологий, которые станут господствовать в XXI в. (с.160)... Причины, вызывающие эту конфронтацию (как ранее холодную войну, предрешат её результаты, которые будут такими же, как и результаты холодной войны, но на этот раз их достижение не потребует от США значительных усилий (с.162)... В прошлый раз Россия полностью контролировала Кавказ, но теперь это будет не так: на Кавказе Россия столкнется с присутствием США и Турции. Во время холодной войны у России было больше населения, теперь её население сильно уменьшилось и продолжает сокращаться. Внутренние проблемы, особенно на юге, будут отвлекать внимание России от Запада. В конце концов страна развалится и без войны (как уже разваливалась в 1917 г., и это произошло снова – в 1991 г.), а вскоре после этого рухнет и военная мощь России (с. 162)».

Нужны очень серьезные усилия и от руководства, и от народа России, чтобы этот зловещий прогноз не стал реальностью. Стратегия предшествует тактике. В рамках очерченной стратегии тактика Запада в военной сфере

будет соответствовать созданию оружия, превосходящее то, которое имеет Россия, и представляющее для неё серьезную опасность. Именно это активно делалось, начиная с 2000-го года.

Примеры очевидны. Это система залпового огня HIMARS, выпускаемая с 2003 года, гаубица M777, существенно превосходящая, отечественные орудия. Стоит обратить внимание и на американский зенитный ракетный комплекс Patriot, выпускаемый с 1980 года и показавший весьма высокую эффективность в ряде локальных войн.

С 2014 года Турция начала поставлять беспилотники «Байрактар». Заметим, что первый отечественный беспилотник был создан в СССР в 1968 году... Тем не менее, в ходе реформ военное руководство нашей страны не смогло разобраться, нужны ли нам беспилотники, а если нужны, то какие. Беспилотники преобразили ход боевых действий, поэтому оборонным предприятиям России в ходе СВО многие проблемы пришлось решать срочно.

Украинскую связь и разведку во многом обеспечивает группировка спутников на низких орбитах, которая начала развиваться с компанией Илона Маска с 2018 года. В этой системе сейчас около 5000 спутников. Предполагается, что полная группировка будет включать от 12 до 40 тысяч спутников. Стоит обратить внимание на развитие космической отрасли в мире. В США ежегодно запускается около 3000 спутников, в Китае около 1500, в планах России запуск около 40 спутников в год.

Переход от имитации к подлинности требует создания отечественного оружия, соответствующего VI технологическому укладу, превосходящее нынешнее и перспективное оружие противника. Запад не скрывает своих планов в этой области, и нам есть на что ориентироваться.

С имитацией всё в порядке. Летом 2024 года в Государственной Думе была озвучена оценка объема средств, украденных за время пребывания С.К. Шойгу в должности министра обороны. Она составила 11 триллионов рублей. Если взять для этой суммы 5000-рублевые купюры, то понадобится 37 крытых вагонов, а если класть одну купюру на другую, то вырастет башня высотой 275 километров. Это космос. Но можно считать иначе – на эти деньги можно было бы приобрести 3700 истребителей СУ-57, 11 миллионов ударных беспилотников «Ланцет-3» или 220 миллионов FPV-дронов, либо 305 стратегических подлодок типа «Борей-А».

Эти деньги составляют 1,3 годового бюджета страны на оборону и 6,5 бюджетов на здравоохранение или 7 бюджетов страны на образование и науку. Украденных денег было достаточно для строительства 21 скоростной трассы типа Москва-Казань, либо для того, чтобы провести 51 олимпиаду такую как в Сочи в 2014 году (NEW.ru подсчитал на что хватило бы украденных в Минобороны денег). Другими словами, с имитацией дело обстоит отлично. Однако СВО показало, что от неё надо переходить к подлинности.

Развитие требует новых энергичных решений и большого проекта для России. Некоторое время назад А.С. Малковым было проведено математическое моделирование развития России в инерционном варианте. Рассматривался вариант без боевых действий, при котором противостояние с цивилизациями, претендующими на наши ресурсы, происходит в сфере технологии, демографии и культуры. В этом варианте территория России

разбивается на зоны влияния – американского (синий цвет), китайского (желтый цвет), исламского (зеленый). Как избежать этого? Как удержать Россию?

Так же, как в XX веке. Огромная территория объединяла народы не благодаря военной силе. Организации недостаточно – нужна самоорганизация. Мы предъявляли жителям окраин свои смыслы, ценности, свой проект будущего, другой формат отношений, передовое образование, новый набор технологий, выигрывавшие по сравнению с тем, что у них было раньше. Мы вели эти народы в будущее, а не в прошлое. Именно это определило огромные успехи СССР и в большей степени всю мировую историю XX века. Перечисленное показывает направления развития, без которых мы перестанем быть субъектом, а станем объектом исторического развития.

Во время этого фрагмента моего доклада на конференции в ЦЭМИ академик В.Л. Макаров встал и сказал, что уходит, поскольку этот доклад слишком пессимистичен, а потом покинул зал. Он не прав. Дело не в пессимизме, а в реализме, а также в осознании тех сфер, где необходимо от имитации перейти к подлинности. В истории России было немало крутых поворотов. В смутное время поляки правили в Москве. Но Минин, Пожарский и те, кто их поддержали смогли удачно пройти точку бифуркации и прочертить путь в будущее российской державы.

Из мемуаров Наполеона следует, что три русские армии в разных концах страны, командующие которыми считали себя главными и не обязанными слушать других, не смогут оказать достойное сопротивление, и корил себя за то, что потерял много времени на балах в Вене. Выяснилось, что Россия «воюет не по правилам» и захваченная Москва не означает победы...

Немецкие генералы в 1941 году смотрели на Москву в бинокль...

На каждом из этих исторических поворотов, которые нашему народу удалось успешно пройти, вопрос вставал о самом существовании нашей страны. Нынешние проблемы России проще, но и к ним надо отнестись со всей серьезностью.

Наша цивилизация, точнее этнос, обладает удивительным свойством – мечта, наука, культура, представления о будущем у нас очень близки.

Валерий Брюсов писал в 1922 году:

Быть может, эти электроны –

Миры, где пять материков.

Искусство, знанья, войны, троны

И память сорок сороков.

Ещё, быть может, каждый атом –

Вселенная, где сто планет,

Там всё, что здесь, в объеме сжатом,

Но также то, чего здесь нет...

Известно, что Сталин много часов провел в беседах с В.И. Вернадским, считавшим, что именно уран станет главной силой XX века. Он говорил это вновь и вновь на разных площадках задолго до того как были проведены критические эксперименты, открывавшие дорогу к атомной бомбе,

атомной энергетике, к пониманию ядерных процессов. Предвидения ученого оказались верными, страна была готова к большому ядерному проекту, и это определило историю второй половины XX века.

Российский архитектурный авангард 1920-х годов заглядывал в далекое будущее и стал одним из выдающихся достижений мировой культуры. Именно к нему следовало бы отнести лозунг парижских студентов 1968 года – «Будьте реалистами, требуйте невозможного»!

Институт прикладной математики, в котором я имею честь работать, со времени своего основания работает над задачами освоения нашей страной космического пространства. Я спрашивал у наших стариков, как же после тяжелейшей войны нашей стране удалось распахнуть двери в космос. Коротко говоря, ответ был таков: «Наша страна жила будущим».

Русский космист Н.Ф. Федоров (1829-1906) грезил о науке будущего, которая подарит людям вечную молодость и оживит всех, когда-то живших на Земле. Ведь каждый человек – это Вселенная, которая за ничтожно короткое время своей жизни сумел воплотить ничтожную часть своих возможностей.

Эта мысль поразила скромного школьного учителя К.Э. Циолковского, он начал размышлять, куда же расселить всех тех, кого оживят, и пришел к мысли о необходимости освоения космоса. Он начал писать фантастические романы, а затем формулы. Многие художники и архитекторы 1920-х годов тоже мыслили космическими категориями, заглядывая в грядущее. Алексей Толстой писал роман «Аэлита» о том, как советские люди путешествуют и стремятся там совершить революцию. Владимир Маяковский пишет о покорении в недалеком будущем воздушного и космического пространства.

В 1905 году выдающийся популяризатор науки Я.И. Перельман пишет книгу «Занимательный космос». Путешествия к Марсу, Венере, Сатурну, Юпитеру, которые вскоре должны стать реальностью.

Иллюстрацией к популяризации науки стал советский научно-фантастический фильм «Космический рейс», снятый киностудией «Мосфильм» (вышел на экраны в 1935 году, автор сценария А. Филимонов при участии К. Циолковского, режиссер В. Журавлев). Фильм был закуплен несколькими десятками стран. Сюжет прост. Первая ракета потерпела неудачу. Вторая, запущенная с кошкой на борту, потерялась. И в 1946 году советский ракетоплан достигает обратной стороны Луны. Путешественники перебираются оттуда на видимую с Земли сторону, передают оттуда сигнал «СССР», затем находят потерявшуюся кошку и затем все вместе возвращаются на Землю. Страна жила будущим.

После войны группа инженеров была направлена в Германию для знакомства с технологией создания ракеты «Фау-2». После этого их принял Сталин. Перед ним положили на столе проект межконтинентальной баллистической ракеты, спутника, полета человека в космос и экспедиции на Луну. Сталин спросил: «Кто всё это придумал?». Все отошли от стола, у стола остался один человек – Сергей Павлович Королев. Сталин сказал, что всё это у нас будет, и первым в космосе будет советский человек, и, скорее всего, и на Луне мы будем первыми. После этого он поручил на отечественной элементной базе повторить ракету ФАУ-2 за год. Конструкторы ушли обиженными – их мечте не поверили. Однако задание было выполнено. Оно

позволило освоить несколько технологий, которых у нас не было, и начался космический взлет нашей страны. Межконтинентальная ракета, первый спутник и знаменитое гагаринское «Поехали!».

В Советском Союзе была очень популярна научная фантастика. Школьники зачитывались книгами Беляева, Ефремова, Булычева, братьев Стругацких, мечтали попасть в космонавты. Знаковым был фильм «Гостья из будущего», снятый в 1980 году с песней на стихи Юрия Энтина:

Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко.

Не будь ко мне жестоко, жестоко не будь.

От чистого истока в прекрасное далёко,

В прекрасное далеко я начинаю путь.

Возвращение от имитации к подлинному связано с объективной оценкой нынешнего положения дел и формирования образа желаемого будущего, ясного представления о победе, которую следует одержать на пути к нему.

Фэнтези (будущее в прошлом) сейчас вытеснил фантастику, сеть переполнили романы о «попаданцах». В сети океан ненужной информации, привязывающей к сегодняшнему дню. Прекрасную сказку о будущем, куда надо прийти, заменил пошлый анекдот, который уже произошел, и почти все герои которого занимаются не своим делом. Реформы показали, что чужие пути, по которым мы пытались идти, ведут в тупик. Надо двигаться по собственному, а не по заимствованному пути.

Ещё римский философ Луций Анней Сенека говорил: «Для корабля, который не знает, куда плывет, ни один ветер не будет попутным». Россия всегда была страной будущего. Если определим порт назначения русского мира, то и попутный ветер появится.

Надо изменить временной масштаб и понять, какой мы хотим видеть свою родину через 30-40 лет, преодолеть футурофобию – боязнь будущего. Чтобы это было легче сделать, мы в издательстве URSS издали две серии книг: «Синергетика: от прошлого к будущему» и «Будущая Россия». Возможности организации, детального выполнения указаний, приходящих сверху в новой реальности сильно ограничены. Напротив, влияние социальной самоорганизации растет. Кроме того, эта концепция сыграла очень важную роль в математическом моделировании. Именно самоорганизация в сказке «Конек-горбунок» помогает Ивану-дураку решить неразрешимые задачи, спасти себя и царство. Видимо в XXI веке понятие «самоорганизация» будет так же важно, как сегодня представления об «информации», «движении», «сознании». В этой серии с 2002 года вышло более ста книг, начиная со школьных учебников и кончая научными монографиями. Символ этой серии – трехглавый дракон. Его средняя голова заглядывает в далекое будущее.

В серии «Будущая Россия» ученые заглядывают в будущее, вперед на 30-40 лет, рассматривают экономику, науку, технологии, которые должны появиться, и путь к ним. Издательство приглашает и читателей, и авторов для создания новых выпусков. В этой серии вышло около 40 книг. Это очень мало. Их должно быть гораздо больше. Мы должны быть услышаны и поняты. Будущее России должно состояться.

Человекометрия как инструментарий: к целостной системе измерения человека

Милёхин Андрей Владимирович
РОМИР, Москва, Россия, milekhin.A@romir.ru

Иванов Олег Валентинович
НИУ «Высшая Школа Экономики»
Москва, Россия, olegivanov62@yandex.ru

Сидорина Анастасия Витальевна
РОМИР, Москва, Россия, sidorina.A@romir.ru

Милёхин Олег Андреевич
РОМИР, Москва, Россия, milekhin.O@romir.ru

В условиях растущего интереса к человекоцентричному подходу в управлении, образовании, дизайне и культуре возрастает потребность в разработке новых методов оценки и анализа человеческого присутствия. Сегодня уже недостаточно просто провозглашать ценность человека как главного ресурса. Необходимо создать инструментарий, способный не только зафиксировать его функции, но и выявить ритмы, интонации, плотность связей, укоренённость, внутреннюю меру — те параметры, которые остаются невидимыми в рамках технократических моделей. Ответом на этот вызов становится человекометрия — новая междисциплинарная дисциплина, ориентированная на качественное измерение человека и среды.

Человекометрия формируется на пересечении философии, феноменологической социологии, культурной антропологии, стратегического дизайна и визуального анализа. В центре её внимания — способы описания и картографирования человеческого присутствия в различных типах среды: физической, социальной, творческой. В отличие от традиционных метрик, стремящихся к стандартизации, человекометрия предлагает язык, способный выразить уникальность, глубину и смысловую насыщенность человеческого опыта.

Современные системы оценки в большинстве случаев опираются на количественные показатели, такие как эффективность, продуктивность, уровень освоения компетенций. Однако подобные подходы слабо отражают сложные культурные, идентификационные и экзистенциальные аспекты. Человекометрия предлагает не отказываться от измерения, а переосмыслить его: перевести фокус с внешних индикаторов на внутренние ориентиры — меру, масштаб действия, ритм, сопричастность, смысловую ёмкость. Эти категории становятся рабочими координатами для анализа процессов, где традиционные индексы оказываются бессильны: в гуманитарном

образовании, креативных индустриях, культурной политике, проектировании среды.

Одним из центральных понятий человекометрии выступает типология сред. Среда здесь не рассматривается как фон или инфраструктура, а как активный соучастник человеческой жизни. Она может поддерживать, подавлять, фрагментировать или раскрывать человеческое. Исследование среды предполагает не только её описание, но и оценку потенциала — её способности к сопричастию, трансформации, удержанию смысла. Это знание особенно важно для проектирования образовательных, культурных и социальных программ, где задача — не только адаптация к условиям, но и формирование среды, созвучной человеку.

Человекометрический анализ строится как комплексное качественное исследование. В нём сочетаются наблюдение, интервью, визуальное моделирование, картографирование связей, философская рефлексия и элементы художественного языка. Результатом анализа может стать смысловая карта, визуальный контур, нарративный профиль человека, команды или сообщества.

Исторически практика измерения человека строилась на его активном участии. От аристотелевской интроспекции к немецкой психофизике, от американской социальной психологии до классических исследований полстеров — человек выступал не просто объектом наблюдения, а субъектом измерения, способным рефлексировать, выражать, соизмерять самого себя. Однако с развитием внешних коммуникаций и цифровых интерфейсов это измерение стало вытесняться наблюдением извне. Поток информации заполнил социальный вакуум, но убил мотивацию к самовыражению. Людям стало неинтересно говорить о себе — и репрезентативность, на которой строились исследования, обрушилась. Возникает парадокс: чтобы понять человека, мы всё меньше спрашиваем его самого.

На смену включённому участию пришли попытки объективизировать поведение через цифровые следы. Современные системы анализа пытаются измерить структуру и мотивацию личности и сообществ через фиксацию внешних проявлений — геолокаций, транзакций, лайков, записей в CRM. Мы регистрируем поведение, но теряем смысл.

Ещё одна трудность — несоразмерность горизонтов. Минимальный цикл демографического измерения — около 25 лет (поколение), человеческая жизнь — 80–100 лет, родовая память охватывает 7–10 поколений, культурное наследие измеряется столетиями. Даже богословские и политические системы претендуют на вечность. Но в современной системе управления планирование ограничено горизонтом 1–3 лет. Даже в советскую эпоху существовали пятилетние и семилетние планы, а сегодня долгосрочная стратегия — редкость. Между тем полноценная человекометрия требует иных временных рамок: лонгитюдных платформ, этически и содержательно выстроенной работы с домохозяйствами, наблюдаемых в течение десятилетий, квотно собранных как социальная модель общества.

Возникает принципиальный вопрос: не только как измерять, но и кто будет заниматься этой задачей. Человекометрическое мышление требует

института, способного удерживать горизонт, сочетать стратегическое планирование с наблюдением за глубинными изменениями в культуре, идентичности, социальной ткани.

Человекометрия исходит из убеждения, что человек не сводится к данным о себе. Его развитие и действия нельзя объяснить исключительно через компетенции или поведенческие паттерны. В этом смысле человекометрия становится антропоцентричной альтернативой линейным траекториям роста и KPI-ориентированным стратегиям.

Практическое применение человекометрии охватывает несколько направлений. В образовании она может служить основой для проектирования индивидуальных траекторий развития. В культурной политике человекометрия становится инструментом для выявления скрытых структур среды и потенциала территорий. В социальном проектировании – способом диагностики и сопровождения идентичностей, степени включённости и качества взаимодействия в сообществах. В управлении человеческими ресурсами – моделью сопровождения, а не фильтрации.

Человекометрия – не только теоретическое направление, но и прикладной инструментарий для проектирования среды, оценки и сопровождения человека в условиях неопределённости и усложнения. Она не отрицает необходимость измерения, но предлагает новое его понимание: как форму внимания, уважения и соразмерности. В этом качестве человекометрия формирует пространство новой дисциплинарности, в которой гуманитарное знание вновь становится инструментом ориентации в мире и средством создания человекоразмерных систем.

Проблемы управление уровнем и качеством жизни населения: общие подходы

Молчанов Игорь Николаевич

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Россия, 9392940@mail.ru

В настоящее время термин «качество жизни» ассоциируется с несколькими возможными концепциями. Это область, в которой ведутся исследования из разных научных дисциплин: экономики, социологии, психологии, политологии, демографии и т. д. Именно этот междисциплинарный интерес обуславливает не только сложность рассматриваемых вопросов и многообразие взглядов на качество жизни, что обогащает все задействованные дисциплины, но и порождает различные проблемы.

Само понятие качества жизни не очень последовательно, и нет единого мнения о его значении. В литературе существуют различные мнения о содержании понятия качества жизни и о проявлениях качества жизни.

Проблема согласованности понятия качества жизни, по-видимому, возникает из-за прилагательного качество. С экономической точки зрения существует три основных направления взглядов на качество: психологически ориентированный взгляд; процессно-ориентированный взгляд; ориентированный на продукт взгляд.

Сами определения качества с экономической точки зрения можно разделить на следующие группы:

- взгляд на качество через восприятие (на основе индивидуальных восприятие качества; приоритет опыта);
- взгляд на качество через продукт (на основе сравнения измеримые параметры продукта; приоритет технического проектирования);
- взгляд на качество через потребителя (на основе оценки полезности конкретного продукта сегментом рынка по внешним параметрам; приоритет маркетинговой ориентации);
- взгляд на качество через производство (на основе удобства использования продукции, соответствия требованиям; приоритета внутренних требований);
- взгляд на качество через ценность (на основе понимания индивидуальных затрат на закупку со стороны заказчика с учетом уровня жизни, философии, рейтинга ценности; приоритет сравнения затрат).

При оценке качества определенным образом индивидуальные точки зрения часто пересекаются. Аналогично, научное сообщество в других областях также использует качество как термин, описывающий базовый характер чего-либо. Поэтому такое отношение можно оценить как относительно нейтральное.

Качество жизни является результатом взаимодействия социальных, медицинских, экономических и экологических условий, связанных с развитием человека и общества. Качество жизни может быть определено на основе объективных условий жизни, на основе субъективно воспринимаемой удовлетворенности жизнью или на совместной основе объективных условий и субъективного восприятия. В случае изучения объективных условий жизни используются установленные точные показатели. Объективная сторона качества жизни включает удовлетворение социальных и культурных потребностей в зависимости от материальной обеспеченности, общественного признания личности и физического здоровья. В случае субъективно воспринимаемой удовлетворенности жизнью к взаимосвязи условий жизни и удовлетворенности жизнью применяется призма личных ценностей. Именно личные ценности (субъективная составляющая оценки качества) можно охарактеризовать как проблему при реализации конкретных научных исследований.

В рамках исследований, посвященных проблеме измерения качества жизни, существует пять основных подходов к определению соответствующих показателей:

- определение показателей качества жизни на основе оценки и отбора исследователей;
- определение показателей на основе отбора из обзора и оценки соответствующей литературы;

- определение показателей по результатам предварительного опроса мнений и предпочтений экспертов или жителей с использованием стандартных методик;
- определение показателей на основе стандартов, используемых в организации на национальном или наднациональном уровне;
- определение показателей на основе комбинации вышеуказанных подходов. Во всех случаях при определении показателей для конкретного исследования необходимо учитывать цели данного исследования.

Представление отдельных измерений и их компонентов является предметом дискуссий. Часто рассматриваемые измерения включают, например, состояние экономической системы, экономическая свобода, уровень жизни, образование, социальная и медицинская помощь, удовлетворенность географически определенной областью жизни, общественная безопасность, социальные связи, окружающая среда.

Среди часто изучаемых компонентов также включают стоимость жизни, доход домохозяйства, уровень безработицы, удовлетворенность положением на рынке труда и удовлетворенность работой, место жительства, частоту социальных контактов, продолжительность жизни, состояние здоровья, уровень государственных услуг, грамотность, уровень образования, отсутствие физических и психических заболеваний, страдания и тому подобное.

Русский народ как социальный институт человеческого развития

Моргунов Евгений Владимирович
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, morgun1976@mail.ru

Существуют разные концепции человечества, однако, по сути, это совокупность всех людей, населяющих Землю; данное понятие охватывает не только современное население планеты Земля, но и все поколения людей, их культуру, историю, науку, технологии и социальные структуры. При этом можно выделить два аспекта эволюции человечества (человеческого развития) – биологический и социальный. Так, вид *Homo Sapiens* начал свою эволюцию (сначала больше биологическую, например, расы, а затем в основном социальную, например, язык, культура) около 300 тыс. лет назад [1, Харари]. В рамках данной работы мы не будем рассматривать проблему эволюции рас, этносов, народов подробно. Однако, важно отметить, что к началу 21-го века человечество сформировало как минимум 3 тыс. этносов, обладающих собственным языком и оригинальной культурой, из них условно только около 200 этносов смогли сформировать государства-нации (государства – члены ООН) [2, Андерсон].

В свою очередь культура (от лат. возделывать) — это сложное и многогранное понятие, охватывающее все проявления человеческой

деятельности – от искусства, религии и технологий до бытовых привычек и социальных норм; из-за этой «культурной» особенности данное понятие обычно рассматривается более узко, на конкретных её подвидах, например, эволюция технологий, социальных норм (институтов) народов и т.д.

При этом (как отмечалось выше) человечество наиболее часто группируют по этническому (национальному) признаку, где этнос (народ) сам рассматривается как институт, то есть через систему норм, правил, культурных традиций, которые регулируют социальную жизнь и поведение людей внутри этой общности. Эти институты, например, семья, воспитательные заведения, средства массовой коммуникации, способствуют не только социализации человека (индивида), но и его этнизации. Иначе говоря, этнос можно рассматривать как сложную систему социальных институтов, которые обеспечивают его существование, развитие и передачу культурного наследия будущим поколениям, а нация – это этнос (их союз), сформировавший свое государство.

Отдельный вопрос – так называемые смешенные браки; с нашей точки зрения, это спекуляция. Всё относительно элементарно – в культуре какого народа ребёнок воспитан – представителем соответствующего народа (этноса) он и является. Если так получилось, что человек не может определить свою этничность чётко – он переходит на более высокий уровень – с этнического на культурологический. В этой связи для России – понятие россиянин – это «мифологический мем» [3, Докинз], так как нет никакой «россиянской» культуры, есть русская культура и культура других коренных народов России. Выбор лежит в другой плоскости: европеец или азиат.

Что касается непосредственно нашей страны, то Россия (греческая транскрипция) – по-русски Русь [5, Моргунов]; при этом мы же не говорим: «Раша», – вернее говорим только в уничижительном контексте («наша Раша»). Как следствие, сейчас у русского народа отняли (исковеркали) название страны, юридически отняли государственность – Конституцию РФ (2020 г.) принял «многонациональный народ Российской Федерации».

Но я даже готов принять вариант «Россия и российская гражданская нация», но при одном условии: мы все россияне, нет русских, татар, башкир, чеченцев и т.д., нет национальных республик, есть только Московская область, Казанская область и т.д. Однако этого же в нашей стране нет и не предвидится. К тому же почему-то русские должны отказываться от самости и государственности, а татары, башкиры, чеченцы и т.п. – нет, и зачем изобретать новую гражданскую нацию, когда можно пойти по более лёгкому (историческому) пути: русская гражданская нация.

В этой связи парадокс многонациональной (миграционной) политики заключается в том, что такая политика добьётся ровно обратного эффекта: не решения демографической проблемы, не сохранения целостности (суверенности) России, не евразийской интеграции, а наоборот – миграционная политика работает на развал уже России. Так, одной из причин развала СССР стало падение доли русских в СССР до уровня менее 50% [4, Гайдар].

Опыт СССР со 147-208 млн человек в 1930–60 годах показал, что Союз провёл индустриализацию, выиграла Отечественную войну, осуществил

ядерный проект, запустил человека в космос, при этом развивал в основном как раз другие республики СССР, а не РСФСР, поддерживал социализм во всем Мире и прежде всего в Восточной Европе. И что теперь – мы уже не можем поступить аналогично предшествующему опыту на новом технологическом витке со 140 млн человек или нам недостаточно будет «славянского союза» плюс может быть Казахстана? – Это как раз СССР на пике «славы».

Также стоит отметить, что по переписи населения (2021 г.) русский народ составляет примерно 81% народонаселения России, он является самым крупным европейским народом. Все остальные европейские народы живут в своих национальных государствах (ЕС – это союз национальных европейских государств). Преобладающая форма правления – национальная демократия. Нам, русским, также необходимо, наконец, переходить к национальной демократии; или если угодно: прямой демократии, основанной на знаниях.

При этом демократия хороша не тем, что по мере её роста – больше выбор политических игроков и меньше стоимость «входного билета» в политику, а тем, что при её росте – издержки проигравших стремятся к минимуму по сравнению с другими политическими режимами.

Для начала перехода к национальной демократии как минимум, необходимо в преамбуле новой редакции Конституции записать: «мы, русский и другие коренные народы России (Руси) принимаем Конституцию Русской Федерации». Как специальные статьи: Русский народ является государствообразующим, коренными народами Руси являются татары, башкиры... (не имеют другого, своего национального государства). Недра, земля... являются частной (народной) собственностью русского и других коренных народов, 25% доходов от их эксплуатации распределяется в виде национального дивиденда.

Отметим три важных момента: государство (элита) должна опираться на большинство – именно модальный, а не средний слой, постоянно повышать материально-духовный уровень общества, чтоб не деградировать. Мериторный принцип: лучше быть последним среди лучших, а также познать самого себя и мир..., однако при сохранении в достаточной степени оборонного промышленного комплекса.

В заключение хотелось бы отметить, что несмотря на то, что Россия по индексу человеческого развития (ИЧР) входит в группу стран с очень высоким уровнем развития, однако ИЧР равен всего 0,821 из 1,000 (2022 г.), что соответствует 56-му месту из 193.

Список литературы:

1. Харари, Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества // Юваль Ной Харари; [пер. с англ. Л.Сумм]. – М.: Синдбад, 2016. – 520 с.: ил.
2. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма // Б. Андерсон; пер. с англ. В.Николаева; Вступ. ст. С.Баньковской. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.

3. Докинз, Р. Расширенный фенотип: длинная рука гена // Ричард Докинз; пер. с англ. А.Гопко. – М.: Астрель: CORPUS, 2010. – 512 с.
4. Гайдар, Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России // Е.Т.Гайдар // – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 440 с.
5. Моргунов, Е.В. Проблемы национально-государственной идентификации в России // Е.В. Моргунов // Вызовы менеджмента. 2020. №1. С.17-25.

Человеческое развитие и управление качеством жизни: институциональный подход в условиях внешнеполитической нестабильности

Морозова Оксана Сергеевна
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
Рязань, Россия, osmogozova80@mail.ru

Человеческое развитие и качество жизни в условиях современной внешнеполитической нестабильности приобретают статус стратегических приоритетов государственной политики. В условиях глобальных вызовов, социальных трансформаций и усложнения международной обстановки именно уровень жизни населения, доступ к образованию, здравоохранению, достойной занятости и социальной защите становятся индикаторами политической устойчивости и эффективности системы государственного управления. В этой связи особую значимость приобретает институциональный подход к анализу человеческого развития, в рамках которого ключевое внимание уделяется качеству политических институтов, их способности формулировать, реализовывать и обеспечивать социально ориентированные цели государственной политики. [2]

Концепция человеческого развития, получившая международное признание в рамках деятельности Программы развития ООН, утверждает приоритет личности и её возможностей над чисто экономическими категориями. Этот подход трансформирует само понимание эффективности власти: от макроэкономических показателей к оценке степени вовлечённости граждан в социальные процессы, справедливости распределения ресурсов и доступности жизненно важных благ. Таким образом, человеческое развитие становится не только гуманистической задачей, но и глубоко политической категорией, тесно связанной с уровнем легитимности власти, характером политического режима и функционированием институтов. [1]

В условиях социальной нестабильности – будь то вызванной внешним санкционным давлением, внутренними экономическими дисбалансами или кризисом доверия к институтам – управление человеческим развитием требует особой гибкости и согласованности на всех

уровнях власти. Однако практика показывает, что в ряде случаев российская политическая система сталкивается с институциональной фрагментацией: стратегические цели, обозначенные на федеральном уровне (например, в нацпроектах или указах Президента), не всегда сопровождаются эффективными механизмами реализации на региональном и муниципальном уровнях. Отсутствие горизонтальной координации, недостаточная подотчётность исполнительной власти, формальный характер общественного участия приводят к снижению эффективности усилий по улучшению качества жизни.

Политические институты, будучи основой публичной власти, выполняют функцию перераспределения ресурсов, управления общественными ожиданиями и минимизации социального конфликта. Там, где они действуют эффективно – обеспечивают справедливый доступ к благам, поддерживают социальную мобильность и доверие граждан, – человеческое развитие становится не декларацией, а реальностью. Таким образом, существует прямая зависимость между качеством институтов и качеством жизни населения, что превращает политическую стабильность в производную от социальной справедливости и защищённости. [3]

Управление человеческим развитием в условиях нестабильности должно опираться на принципы транспарентности, подотчётности и человекоцентричности. Необходим отказ от доминирующего технократического подхода к государственному управлению в пользу парадигмы устойчивого благосостояния, предполагающей не только рост доходов, но и обеспечение социальной включённости, равенства возможностей, защищённости уязвимых групп и уважения к человеческому достоинству. В этой связи необходима модернизация инструментов оценки эффективности власти, расширение практик стратегического планирования с участием гражданского общества, усиление механизмов общественного контроля и институционального взаимодействия на всех уровнях управления.

Таким образом, человеческое развитие в условиях политической нестабильности не может быть обеспечено исключительно экономическими мерами. Оно требует глубоких политико-институциональных изменений, направленных на укрепление доверия между государством и обществом, на повышение качества публичной политики и на создание условий, в которых каждый гражданин получает возможность реализовать свой потенциал. В этом контексте управление качеством жизни должно стать не побочной функцией, а центральной миссией политической системы, отражающей её зрелость, ответственность и ориентированность на будущее.

Список литературы:

1. Агеев К. Е., Сыроижко В. В. Современные аспекты государственной политики по повышению качества жизни населения России // РСЭУ. – 2023. – №2 (61). – С.94–99.
2. Морозова О. С. Основы социального государства. ООО "Научно-издательский центр Инфра-М", 2023. – 152 с. – (Высшее образование:

Бакалавриат). – ISBN 978-5-16-017884-4. – DOI 10.12737/1894892. – EDN ВРЕТАД.

3. Сорокин П.С., Попова Т.А. Качество человеческого капитала -ответ на вызовы социальной политики в условиях деструктуризации // ЖИСП. – 2022. – №1. – С. 157-168

Потенциал информационного продвижения органами власти проявлений корпоративной гражданственности в демографической сфере

Нешатаев Александр Васильевич
Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия, a.v.neshataev@urfu.ru

Баянкина Анна Артемовна
Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия, anna.baiankina@urfu.me

Шерстобитова Анастасия Сергеевна
Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия, a.s.sherstobitova@urfu.me

Усиление внимания к вопросам сбережения населения обусловило рост интереса государства к поиску инструментов, направленных на поиск эффективных механизмов. В качестве таковых рассматривается привлечение бизнеса в решение демографических вопросов. Бизнес со своей стороны демонстрирует нежелание участвовать в решении социальных проблем, так как вызывает вопросы результативность подобных действий [1]. В рамках данного направления органами публичной власти может осуществляться информационная поддержка социально ответственных предприятий. Однако на данный момент среди органов публичной власти не наблюдается активного продвижения практик корпоративной демографической политики [2].

В данной работе предпринимается попытка выявить потенциальные результаты освещения в официальных страницах деятельности коммерческих организаций, соответствующих позиции корпоративной гражданственности в демографической сфере.

В качестве метода исследования использовался контент-анализ публикаций официальных страниц органов исполнительной власти во социальной сети «ВКонтакте». В каждом субъекте РФ Северо-Западного,

Уральского и Сибирского федеральных округов были отобрано по 2 официальные страницы органов исполнительной власти субъектов РФ, ответственных за реализацию демографической политики и экономическое развитие в регионе.

В официальных страницах происходил поиск тем, связанных с реализацией коммерческими организациями мероприятий по созданию комфортных условий для своих сотрудников, в том числе, мер по поддержке семейных сотрудников, включенных в направление «Кадры» Национального стандарта «Индекс деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности (ЭКГ-рейтинг)».

Далее проведен корреляционный анализ между числом данных публикаций и показателями, характеризующих ситуацию в регионе: суммарный коэффициент рождаемости, прирост суммарного коэффициента рождаемости 2021–2024 гг., а также число крупных и средних организаций с ЭКГ-рейтингом АА и выше и число крупных и средних организаций с рейтингом 35 и выше по разделу «кадры».

Выявлено, что число публикаций в официальных страницах органов власти о деятельности коммерческих организаций в части создания условий для сотрудников взаимосвязано с числом крупных и средних организаций с высоким ЭКГ-рейтингом (коэффициент Спирмена 0,457 при значимости 0,017) и числом организаций с рейтингом 35 и выше по разделу «кадры» (коэффициент Спирмена 0,549 при значимости 0,003). То есть, освещение бизнеса, соответствующего позиции корпоративной гражданственности в демографической сфере, в государственных пабликах обусловлено числом социально ответственных организаций.

Суммарный коэффициент рождаемости в исследуемых регионах имеет обратную связь с числом публикаций о деятельности бизнеса в соответствии с ЭКГ-рейтингом (коэффициент Спирмена -0,448 при значимости 0,019) и, соответственно, числом социально ответственных коммерческих организаций (коэффициент Спирмена -0,516 при значимости 0,006). Значит, в регионах с высоким уровнем рождаемости органами исполнительной власти слабо развит социально ответственный бизнес и редко публикуются посты, связанные с корпоративной демографической политикой.

Несмотря на то, что освещение деятельности компаний по реализации мероприятий ЭКГ-рейтинга не связано текущим уровнем рождаемости, информационное продвижение может оказывать благоприятное влияние на увеличение рождаемости. Так, прирост суммарного коэффициента рождаемости за последние 3 года имеет прямую корреляционную связь с числом публикаций о мероприятиях, реализуемых компаниями в соответствии с ЭКГ-рейтингом (коэффициент Спирмена 0,549 при значимости 0,003). Кроме того, наибольший прирост рождаемости наблюдается в регионах, в которых чаще публикуются посты о деятельности предприятий по организации детского отдыха, обеспечению сотрудников жильем и выплатах на третьего и последующего ребенка.

Таким образом, информационная поддержка органами исполнительной власти субъектов РФ бизнеса, соответствующего позиции

корпоративной гражданственности в демографической сфере, обусловлено распространенностью социально ответственных организаций в регионе. В регионах, где органы власти в большей степени освещают деятельность предприятий, создающих комфортные условия труда для работников с детьми, наблюдается наименьший уровень рождаемости. Однако в таких регионах произошел наибольший прирост (наименьший спад) рождаемости за последнее время. Тем самым, информационное продвижение органами публичной власти коммерческих организаций, участвующих в решении демографических вопросов, может являться одним из факторов, оказывающим благоприятное влияние на показатели рождаемости.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00854,
<https://rscf.ru/project/24-18-00854/>*

Список литературы:

1. Данилова О.В. Социально ответственная практика государства и крупного бизнеса в регионах присутствия: методы и инструменты взаимодействия // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление. 2018. №1. С. 142–148.
2. Багирова А.П., Нешатаев А.В. Продвижение участия бизнеса в решении демографических и социальных проблем региона: опыт анализа госабликов // Социальное пространство. 2024. № 2. DOI 10.15838/sa.2024.2.42.8.

Медиаэкология киберпространства как сфера безопасности потребления информации в российской интернет-среде

Осмоловская Светлана Михайловна
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия, svetas99@list.ru

Медиаэкология как направление гуманитарного знания исследует, как медиасреда влияет на восприятие, поведение и мышление человека. В условиях стремительной цифровизации и перехода массовой коммуникации в киберпространство её значение приобретает особую актуальность. Российская интернет-среда развивается в условиях высокой плотности информационных потоков, недостаточной медиаграмотности аудитории и уязвимости к фейковому и токсичному контенту, а также растущего государственного контроля и подавления. Это превращает медиаэкологию не только в аналитическую парадигму, но и в инструмент обеспечения безопасности пользователей.

Киберпространство — это не просто технологическая инфраструктура, а сложная социокультурная система. Оно формирует новые модели потребления информации, ускоряет её циркуляцию, разрушает традиционные границы между источником и аудиторией. Вместе с тем оно продуцирует риски: распространение фейков, манипулятивных сообщений, радикального и токсичного контента, алгоритмически организованных «информационных пузырей» [5]. Всё это ставит под угрозу когнитивную и социальную стабильность пользователей.

В российском контексте медиаэкологические угрозы усугубляются не только слабой системой медиаобразования, но и изменением архитектуры самой информационной среды. Всё больше ключевых каналов распространения информации переходит под прямой или косвенный контроль государства, а механизмы свободной конкуренции ограничиваются. Ярким примером стало ограничение доступа к YouTube и другим международным платформам, что сузило спектр доступных источников и форматов медиаподачи. На смену многообразию пришла монополизация: отечественные сервисы, такие как «Рутуб», «Смотрим», «Дзен», продвигаются как альтернативы, но не всегда обладают достаточным уровнем технической и содержательной конкуренции.

В условиях односторонней информации и регулируемого медиополя особенно остро встаёт вопрос о медиаэкологическом равновесии. Утрата привычных точек доступа к альтернативным мнениям и анализу ведёт к сужению критического восприятия у аудитории, к усилению информационного пузыря [3]. Более того, сами алгоритмы, лежащие в основе рекомендательных систем отечественных платформ, чаще всего непрозрачны, а значит, пользователи лишены возможности объективной оценки представленного медиаконтента. В совокупности эти факторы формируют медиасреду с повышенным уровнем уязвимости к идеологическим манипуляциям, цензуре и снижению информационной гигиены общества.

Анализ медиаэкологического состояния российской интернет-среды в таких условиях становится не просто научной задачей, а необходимым этапом формирования ответственной цифровой политики, направленной на устойчивость, плюрализм и информационную безопасность.

Согласно докладу РАЭК «Цифровой человек и экосистемы будущего» (2023), современные пользователи всё чаще сталкиваются с эмоциональным и когнитивным перенасыщением, вызванным цифровой средой. Более 60% опрошенных россиян отмечают усталость от новостей, 45% — испытывают тревожность из-за информационного шума. Это подчёркивает необходимость развития цифрового иммунитета — способности критически воспринимать, фильтровать и интерпретировать медиаконтент [1].

Ключевыми факторами токсичности медиасреды являются:

- гиперинфляция информации (информационный избыток и потеря значимости);
- неразборчивость источников (отсутствие верификации);
- алгоритмические искажения (рекомендательные системы и эффект «пузыря фильтра»);

- рост речевой агрессии и поляризации мнений.

Медиаэкологический подход предлагает осмысление этих процессов через понятия баланса, устойчивости и гигиены медиапотребления [6].

Особое значение приобретает вопрос доверия к источникам информации в условиях киберпространства. Исследования показывают, что пользователи зачастую не отслеживают происхождение информации, а доверие основывается на частоте появления, совпадении с личными убеждениями и эмоциональной привлекательности. Это приводит к распространению дезинформации и формированию ложных картин мира. Элементы медиаэкологии позволяют рассматривать доверие как ресурс, который необходимо поддерживать через институциональные и технологические механизмы.

Кроме того, цифровая среда способствует росту когнитивной фрагментации: пользователи потребляют контент фрагментарно, в формате коротких сообщений, «мемов» и коротких клипов, что снижает способность к длительному анализу, контекстуализации и критическому осмыслению информации. Медиаэкология указывает на необходимость баланса между насыщенностью контента и возможностью его осмысленного восприятия.

Технологический аспект медиаэкологии киберпространства связан и с архитектурой самих платформ. Алгоритмы, управляющие лентами новостей, комментариями и видимостью постов, создают искажённую картину реальности, в которой усиливаются уже имеющиеся взгляды и предпочтения пользователя, или же могут навязываться те направления и идеи, выгодные владельцам или управляющими платформой (или при государственном давлении). Это не только ограничивает информационную картину мира, но и затрудняет диалог, порождая феномен «информационного гетто» [4].

Отдельного внимания заслуживает феномен цифрового аутизма – социальной изоляции, вызванной длительным пребыванием в онлайн среде. Пользователь, ограниченный алгоритмически подобранной информацией, утрачивает навык критического диалога и сопереживания, что подрывает основы гражданского общества.

Проблема цифрового неравенства также тесно связана с медиаэкологической безопасностью. Доступ к проверенной информации, навыки критической оценки, способность отличать факты от интерпретаций – всё это формируется неравномерно в разных социальных группах, особенно в период, когда доступ к информации ограничивается техническим, а обход этих ограничений требует или определённых технических знаний или денежных вложений

Международный опыт показывает эффективность стратегий просвещения и вовлечения пользователей в процессы медиамониторинга. Например, в Финляндии уроки медиаграмотности включены в обязательную школьную программу, а в Канаде действуют государственные программы цифровой гигиены. Российская практика пока фрагментарна, однако тенденции к институционализации медиаэкологического подхода уже наметились в рамках работы РАЭК, РАНХиГС и отдельных вузов [2].

Возможные пути оздоровления медиаэкосистемы в России включают:

- внедрение курсов медиаобразования в школьную и вузовскую программы (формирование критического мышления, работа с фактчекингом);
- разработку и популяризацию платформ цифровой маркировки достоверной информации;
- участие НКО, медиаэкспертов и ИТ-компаний в мониторинге и просвещении;
- создание независимых рейтингов цифровой прозрачности платформ и приложений;
- поощрение проектов «медленной информации», ориентированных на глубокую аналитику, а не только на оперативность;
- развитие медиаклиник и цифровых консультационных центров по типу юридической и психологической помощи;
- поддержка научных исследований в сфере медиаэкологии и цифровой безопасности.

Примеры позитивной практики – создание проекта «Проверено» (совместная инициатива «Яндекса» и Factcheck.ru), медиаграмотностные программы Центра цифровой гигиены РАНХиГС, а также региональные медиаклубы на базе университетов. Некоторые университеты и школы вводят элементы цифровой этики и критического анализа медиаконтента, что способствует формированию устойчивого медиапотребления. Кроме того, существуют студенческие лаборатории медиакритики и волонтерские проекты по обучению пожилых людей основам цифровой грамотности.

Таким образом, медиаэкология киберпространства в российских условиях приобретает статус необходимого аналитического и практического инструмента. Она объединяет в себе наблюдение, интерпретацию и трансформацию медиасреды с целью минимизации её рисков и повышения безопасности пользователей. Формирование медиагигиены, развитие цифровой культуры и создание инфраструктуры доверия – ключевые направления развития медиаполитики XXI века. Только при условии осознанного потребления информации возможно сформировать устойчивую цифровую идентичность и сохранить когнитивное здоровье общества.

Список литературы:

1. РАЭК. Искусственный интеллект в медиа и коммуникациях: практики российского медиабизнеса / под ред. Е. Л. Вартановой, С. В. Давыдова и др. – М.: Российская ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК), 2023. – 112 с.
2. РАЭК. Цифровой человек и экосистемы будущего. – М.: Российская ассоциация электронных коммуникаций, 2023. – 89 с.
3. Сакович С.М. Высшее образование в информационном обществе. В книге: Университет в глобальном мире. Тезисы научно-практической конференции. 2018. С. 10-11.
4. Никонова М.А., Сакович С.М. Социальная

адаптация российской молодежи в условиях трансформации общества. В книге: Социология молодежи. Тезисы научно-практической студенческой конференции. 2018. С. 31-34.

4. Осмоловская С.М. Общество, культура и масс-медиа. В сборнике: Сборник работ преподавателей, аспирантов и студентов. Москва, 2023. С. 4-8.
5. Фролова Н. П. Медиаэкология цифровой эпохи // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. № 27(3). С. 552–561.

Ценностные ориентиры молодежи российских регионов

Погодина Юлия Анатольевна,
Смирнов Владимир Алексеевич
Костромской государственный университет
Кострома, Россия, Larkina_Yulia@mail.ru

Проблема исследования ценностей и ценностных ориентаций в российском обществе в настоящее время стоит достаточно остро. Кризисные явления в социально-экономической и политической сферах заставляют по-новому пересматривать убеждения, ценности и цели жизни людей, особенно сегодня, когда мы сталкиваемся с новым типом военного противостояния, принимающим разные формы: гибридной, когнитивной, информационной войны и др. Развитие технологий, глобальная информатизация, искусственный интеллект меняют характер войн, приводят к размыванию границ зоны военных действий, затрагивая широкие массы населения, как проживающих непосредственно в зоне военных действий, так и далеко за ее пределами. Одним из главных объектов такого воздействия становится российская молодежь, поэтому цель нашего исследования проанализировать ценностные ориентации молодежи в зоне военного конфликта новых российских регионов и сравнить их с ценностными ориентациями молодежи из центральной России.

Материалы и методы.

При изучении исследуемой проблемы были использованы следующие общенаучные методы познания: такие как системный, и специальные методы, такие как авторское комплексное социологическое исследование. В рамках работы метод сравнительного анализа позволил выявить основные направления адаптации молодежи, проживающей в центральной части России и в новых российских регионах, опираясь на методологические установки П. А. Сорокина [1], в частности закон «разнообразия и поляризации воздействий, оказываемых бедствием» [1; 2].

В марте-апреле 2024 года коллективом авторов КГУ было проведено социологическое исследование на территориях Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей методом онлайн-

анкетирования. В исследовании приняли участие 1380 человека в возрасте от 16 до 25 лет. Выборка квотная, многоступенчатая.

Результаты и обсуждения.

Анализ представленных анкет позволил выявить базовые ценностные ориентиры молодежи новых российских регионов: семья (26%), саморазвитие и самосовершенствование (17%), материальное благополучие (16%), психологическое благополучие (12%), карьерный рост (10,0%), работа (8,0%), образование (7,0%), расширение круга знакомых и друзей (4,0 %).

Наиболее важной ценностью для молодых людей является семья (26%). Такая ситуация обусловлена тем фактом, что в условиях социальной нестабильности ориентация на традиционные институты и ценности становится доминирующей [3]. Отметим, что спокойная жизнь и возможность заботиться о своей семье также занимает лидирующее место среди ценностных ориентаций и у современной российской молодежи, что обусловлено, во-первых, системной молодежной политикой российского государства, ориентированной в последние годы на повышение престижа семьи и семейных ценностей, а с другой, сохраняющейся ролью семьи как базового института социальной поддержки [5].

В целом можно отметить, что структура ценностных ориентаций молодых людей, проживающих в центральной России и в новых российских регионах совпадает [4]. Стоит отметить, что молодежь новых российских территорий более значимо оценивает материальное благополучие (16%) и саморазвитие (17%), что совпадает с мнением современной российской молодежи из центральной части страны, которые также отдают предпочтение высокому уровню благополучия (58%)¹. Несмотря на некоторые различия при выборе тех или иных ценностей, в целом позиции молодых людей центральной России и новых российских регионов совпадают. Этот факт, в свою очередь, позволяет говорить о близости жизненных стратегий российской молодежи, проживающей в разных регионах и на разных территориях, а также о наличии единого ценностного ядра, создающего условия для успешной социальной интеграции молодых людей новых российских территорий.

Юноши и девушки дают практически равнозначные ответы на вопрос о наиболее значимых в жизни вещах. Единственно, девушки немного чаще указывают на важность карьерного роста (10.1% - девушки, 8% - юноши) и психологического благополучия (13.2% и 11.7% соответственно). Юноши чуть более ориентированы на материальное благополучие, расширение круга знакомых и друзей, а также семью как доминирующую ценность (26.5% - юноши, 25.1% - девушки). Указанные различия статистически не значимы и скорее обусловлены какими-то случайными факторами. Таким образом, можем сделать вывод, что структура лидирующих ценностных ориентаций типична для молодых людей разных полов, а также совпадает со структурой ценностей всей российской современной молодежи.

Показано, что ценностные ориентации большей части молодежи новых российских регионов коррелируют с ценностями всей российской молодежи, что позволяет говорить о том, что ее социальная интеграция не будет затруднена ценностными противоречиями.

Список литературы:

1. Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий. Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. М.: Академический проект. 2022.
2. Корнев А.В. Научно-методические основы формирования правовой культуры молодежи / А.В. Корнев, Л.А. Петручак, С.С. Зенин. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2023. – 408 с. – ISBN 978-5-392-38524-9.
3. Смирнов В. А. Молодежная политика: опыт системного описания // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 72-80.
4. Толмачева, С. В. Ценностные ориентации молодежи: по результатам социологического исследования // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика., 2024. № 4. С. 127–138.
5. Люди будущего: ценности и ориентиры современной российской молодежи. ВЦИОМ. 21 декабря 2022. <https://wciom.ru/expertise/ljudi-budushchego-cennosti-i-orientiry-sovremennoi-rossiiskoi-molodezhi> (20.04.2025)

Отложенное счастье как фактор снижения уровня жизненной удовлетворённости в условиях социально-экономической нестабильности

Путимцева Кристина Романовна
Уральский федеральный университет им. Первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия, krismiss97@icloud.com

Исследование, проведённое в августе-сентябре 2024 года среди 1170 россиян (онлайн-опрос), выявило парадоксальную закономерность: стратегия отложенного счастья, изначально воспринимаемая как адаптивный механизм в условиях кризисов [1], становится ключевым фактором снижения текущей удовлетворённости жизнью. Средняя оценка настоящего счастья респондентов составила 6.86 балла из 10, тогда как ожидаемый уровень через пять лет достигал 7.91 баллов. Этот разрыв в 1.05 балла свидетельствует о формировании «дефицита благополучия», аккумулируемого в процессе ожидания гипотетического будущего [2].

Материальные ограничения выступают основным барьером на пути к текущему счастью. 67% участников связали отсрочку жизненных планов с недостатком жилья, автомобиля или уровня дохода. Финансовое положение демонстрирует сильную корреляцию с уровнем счастья ($r=0.58$), при этом 43% респондентов с доходами ниже среднего показали высокие баллы по шкале отложенного счастья. Интересно, что даже среди лиц с доходом выше среднего 29% продолжали откладывать ключевые жизненные события, связывая их с необходимостью достижения «идеальных условий».

Профессиональная нереализованность усугубляет феномен. Только 22% опрошенных удовлетворены своей работой, при этом утверждение «Для достижения целей мне нужно больше навыков» получило среднюю оценку 4.3 из 7 баллов. Это указывает на восприятие профессионального развития не как процесса, а как обязательного условия для «разрешения» на счастье. Молодёжь 18-24 лет демонстрирует наивысшие показатели по данному параметру (5.1 балла), что коррелирует с сознательным откладыванием значимых отношений у представителей этой группы.

Социальное сравнение усиливает эффект отложенного счастья. 54% респондентов регулярно сопоставляют свои достижения с окружением, что на 23% снижает их текущую удовлетворённость жизнью по сравнению с теми, кто избегает подобных сравнений. Женщины на 17% чаще связывают счастье с внешними обстоятельствами, что, по-видимому, обусловлено гендерными различиями в восприятии социальных ожиданий.

Последствия проявляются в трёх ключевых аспектах. Во-первых, 61% участников согласны, что «жизнь могла бы быть счастливее», что указывает на хроническую неудовлетворённость текущим положением. Во-вторых, 41% испытывают чувство вины при радости на фоне общественных кризисов, формируя «эмоциональный паралич». В-третьих, респонденты старше 45 лет в 2.3 раза чаще отмечают, что «жизнь обманула ожидания», что свидетельствует о накопленном эффекте отложенного счастья.

Возрастные различия подчёркивают трансформацию стратегий. Демонстрируется возрастная динамика оптимизма в контексте отложенного счастья. Среднее значение по шкале 1-4 («шансы малы» – «шансы весьма велики») возрастает от 2.11 у молодёжи 18-24 лет до 2.84 в группе 41-60 лет, что указывает на усиление уверенности с возрастом.

Результаты исследования указывают на необходимость пересмотра подходов к психологической поддержке населения. Вместо акцента на долгосрочном планировании требуются программы, обучающие навыкам «присутствия в настоящем» без отказа от будущих целей. Особое внимание следует уделить группам риска: молодым специалистам с завышенными ожиданиями и лицам среднего возраста, переживающим кризис нереализованности.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00617,
<https://rscf.ru/project/24-28-00617/>*

Список литературы:

1. Фризен М. А. Взаимосвязь субъективной оценки качества жизни личности и ее субъективной активности в плане собственного развития //Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2014. – №. 1 (23). – С. 106-114.
2. Танатова Д. К., Вдовина М. В., Долгорукова И. В. Социолого-управленческий анализ благополучия семьи //Государственное управление. Электронный вестник. – 2025. – №. 109. – С. 132-145.
3. Османова Х. А. Профессиональные кризисы у лиц среднего возраста //Педагогика и психология: традиции и инновации. – 2022. – С. 101-102.

Цифровизация как инструмент сокращения межрегионального неравенства и повышения качества жизни

Ростовцев Андрей Игоревич
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, manager1@rambler.ru

Развитие технологий цифровизации оказывает все большее влияние на экономические и социальные отношения, качество жизни и благосостояние населения. Формирование цифровой экономики – это вопрос национальной безопасности и независимости России [1]. Количественный, тематический рост эмпирической информации, её цифровизация позволяют на новой основе анализировать тенденции изменения массового сознания, проводить агенториентированное моделирование общественных процессов. [2] Повышение качества жизни населения является одной из важнейших задач стратегии социально-экономического развития страны и обеспечения ее национальной безопасности. С каждым годом цифровизация усиливает влияние на большинство жизненных инфраструктур, создавая новые области экономики и модернизируя существующие. [3] Улучшение информационной инфраструктуры регионов, способно стимулировать их экономический рост и социальное развитие.

В 2025 году Правительством Российской Федерации анонсирован запуск масштабного федерального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства», направления реализации данного проекта в целом соответствуют текущим технологическим приоритетам, однако их реализация, с учетом темпов технологического роста, в будущем, безусловно, потребует внесения корректировок. Проект является актуальным, однако некоторые задержки, с учетом сложности принятия решений в условиях продолжающегося интенсивного развития технологий цифровизации, могут сказаться на успешности его реализации. В данных условиях важно

проведение мониторинга цифровизации и оперативная оценка ее состояния в регионах России.

Среди прочих направлений цифровизации в России развитие инфраструктуры доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» продолжает оставаться иметь наибольший приоритет. Показатели доступа к сети Интернет неотъемлемо связаны с показателями качества жизни населения. Взаимосвязь между показателем качества жизни и показателем численности активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет, показателем качества жизни и показателем численности активных абонентов мобильного широкополосного доступа к сети Интернет по регионам России продолжает оставаться высокой, при этом широкополосный мобильный Интернет имеет большее значение нежели стационарный. Зависимость качества жизни от развития технологий искусственного интеллекта, реализации цифровых платформ в отраслях социальной сферы, технологий искусственного интеллекта в государственном управлении пока незначительна, но с учетом современного развития данная реальность прогнозируемо изменится в пользу использования новых технологий, однако сроки этих изменений пока слабо прогнозируемы.

Отсутствие стандартизированных, измеримых и сопоставимых показателей цифровизации затрудняет оценку её реального влияния на экономику и социальную сферу. Для точной оценки влияния цифровизации необходимо продолжить работу по унификации показателей цифровизации на федеральном уровне, внедрять и использовать новые методы сбора и обработки информации, совершенствовать систему государственной статистики, на регулярной основе проводить актуализацию данных учитывая происходящие технологические изменения. Данный подход в развитии цифровизации является эффективным и может быть рекомендован к внедрению, поскольку повышает прозрачность реализуемых мероприятий цифровизации, оперативного управления, способствует внесению требуемых изменений и сокращению затрат.

Государственные программы цифровизации оказывают влияние на сокращение межрегионального неравенства, но их эффективность зависит от системности реализации.

Цифровые образовательные платформы помогают обеспечить равный доступ к знаниям, что крайне важно для удаленных регионов России, использование технологий телемедицины позволяет всем жителям небольших городов и поселков получать информацию от ведущих экспертов федерального и регионального уровня, тем самым снижая территориальное неравенство. Государство продолжает развивать региональные проекты связи, проводить обучение населения цифровым технологиям, развивать электронные системы управления и мониторинга, тем самым оказывая влияние на качество и уровень жизни и способствуя сокращению территориального неравенства. Цифровизация действительно способна сократить межрегиональные диспропорции, чему будут способствовать меры государственной поддержки и реализация системная реализация государственных проектов: комплексный подход обеспечит наиболее полное

использование имеющихся возможностей, что будет способствовать улучшению показателей качества жизни населения России.

Список литературы:

1. Путин: формирование цифровой экономики – вопрос нацбезопасности РФ // ИТАР-ТАСС: [сайт]. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/4389411> (дата обращения: 05.05.2025).
2. Локосов, В. В. Социология в современной России: пять ключевых аспектов / В. В. Локосов // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности. – 2023. – № 1(6). – С. 132-139. – DOI 10.20948/future-2023-7. – EDN ZTAKPX.
3. Алексеева, О. А. Информационное общество: цифровое неравенство российских регионов / О. А. Алексеева // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2024. – № 11(169). – С. 7-13. – DOI 10.26726/rppe2024v11istdi. – EDN LHNVRV

Слухи как социальное явление в Узбекистане

Сеитов Азамат Пулатович

Институт перспективных международных исследований

Университета мировой экономики и дипломатии

Ташкент, Узбекистан, a.seitov@iais.uz

Слухи как феномен социальной коммуникации привлекают внимание исследователей с разных теоретических позиций. Развитие социальных сетей привели к тому, что в обществе на сегодня ускорились и упростились коммуникации. Это обернулось тем, что произошло расширение социальных связей и на практике наблюдается кардинальный рост доступа к самому широкому кругу информации. Отметим, что широкое распространение социальных сетей обернулось и снижением качества межличностных контактов, и распространением фейковой информации в геометрической прогрессии, если он (фейк) подготовлен в привлекающей внимание форме.

С 2017 года Узбекистан достиг значительного прогресса по многим показателям информационного общества, включая рост цифровой экономики, развитие электронной коммерции и увеличение доступности интернета для населения. При этом, подчеркну важность выработки новых подходов к обеспечению информационной безопасности, учитывая современные реалии «гибридных войн» и растущую роль виртуальных сообществ в жизни граждан.

Отдельно выделим влияние социальных сетей на ментальное состояние и психическое здоровье через постоянное сравнение и

зависимость от лайков. Бесконтрольное пребывание подростков в социальных сетях может усугублять их психическое состояние, приводя к депрессии, тревожности и социальной изоляции. Подчеркнем необходимость семейного общения и участия в традиционных мероприятиях для предотвращения негативного влияния интернета на молодежь.

Это связано с тем, что теперь информация, в том числе, слухи, распространяются быстрее и масштабнее. Если раньше слухи передавались межличностно и через СМИ, то теперь они моментально охватывают глобальную аудиторию. Слухи о болезнях, катастрофах, скандалах приобретают вирусный характер задолго до проверки достоверности.

В этом контексте выделим, что цифровизация сферы коммуникации трансформировала и природу слухов. На наш взгляд, изменился сам механизм легитимации, так большее количество так называемых «лайков» и «репостов» создают иллюзию правды. Люди все больше обращают внимание на эти параметры любого сообщения в социальных сетях.

Более того, в межличностную коммуникацию в Узбекистане все больше вовлекается тем, который не касается не то, что Узбекистана, а даже Центральной Азии. Так, мы видим глобализацию слухов, когда глобальное поведение начинает становиться фактором влияния на локальные действия в нашей стране.

Население Узбекистана все больше вовлекается в обсуждение событий международного масштаба, где слухи выполняют манипуляторную роль. Это связано с участием так называемых «ботов» в информационном разгоне слухов в контексте информационных войн. Это тем более важно, что социальные сети поощряют эмоциональный контент, а, следовательно, усиливает уязвимость к дезинформации на фоне отхода на второй план логики мышления.

Например, в нашей стране в 2025 году широкое распространение получили слухи о вспышке некоего «метапневмовируса», переполненных поликлиниках и обрушении дома в Андижане. Все случаи были опровергнуты официальными источниками, но успели вызвать тревогу среди населения.

Наиболее опасно, что экстремистские и террористические силы могут использовать социальный механизм слухов для рекрутинга и мобилизации своих сторонников, создания чувства угрозы и эмоционального возбуждения населения той или иной страны. Наибольшая опасность, на наш взгляд, представление слухов как маскировки дезинформации под мнение народа. Тем самым, слухи используются для радикализации массового сознания и формирования «информационных пузырей» для подрыва доверия к государству.

Таким образом, слухи являются формой социальной адаптации к неопределённости, в то время как «фейки» это инструмент манипуляции. На сегодня границы между ними стираются, поэтому слух может целенаправленно трансформироваться в фейк, и наоборот. Поэтому, мы считаем, что слухи и фейки это пересекающиеся, но не тождественные понятия. Если слух является заведомо ложной информацией, намеренно распространённой для манипуляции или достижения корыстной выгоды, он

тождественен определению «фейка». Именно с такими видами слуха и надо бороться, а другие это естественная форма коммуникации в обществе.

Такой подход, в свою очередь, требует адекватных и своевременных ответов на такого рода вызовы современности. На сегодня такого рода меры включают мониторинг социальных сетей, блокировку аккаунтов и уголовное преследование за дезинформацию и клевету в социальных сетях. Однако, государство, в том числе и наш Узбекистан, на наш взгляд нуждается в помощи социологического сообщества. Модернизация технологий и широкое распространение социальных сетей привели к тому, что слухи стали быстрее, масштабнее и труднее контролируемые.

Именно социологи Узбекистана призваны разработать системную модель активизации работ по развитию программ повышения медиаграмотности, улучшения цифрового просвещения и роста доверия к проверенным официальным источникам.

Образование как компонент качества жизни: эмпирический анализ Башкортостана

Столь Анна Викторовна

Институт стратегических исследований ГБНУ Академии наук Республики
Уфа, Россия, stolavi@iyandex.ru,

В современных социально-экономических исследованиях образование рассматривается не только как инструмент социальной мобильности, но и как ключевой элемент качества жизни. Согласно методологии Агентства стратегических инициатив (АСИ), а также системы индексов детского благополучия, «Образование и развитие» является одним из центральных индикаторов уровня жизни в субъектах Российской Федерации [1, 2]. Целью данного исследования стало проведение сравнительного анализа показателей домена «Образование и развитие» из рейтинга качества жизни по методике АСИ с результатами регионального социологического опроса родителей, проведенного в апреле 2025 года в Республике Башкортостан. Опрос охватил 20 308 родителей со всех типов территорий региона: г. Уфа (15,2 %), пригород Уфы (1,6 %), другие города РБ (37,4 %), районные центры (20,2 %) и сельская местность (25,5 %). Выборка обеспечивает репрезентативность по типам населённых пунктов.

Рейтинг качества жизни, разработанный АСИ, оценивает усилия региональных органов власти по формированию комфортной среды для жизни и определяет общую удовлетворённость населения. Элемент «Образование и развитие» включает 3 субъективных, 16 объективных и 4 показателя динамики [1]. Основное внимание сосредоточено на общем и дополнительном образовании детей, тогда как индикаторы для среднего профессионального образования представлены слабо, несмотря на их значимость для других

групп населения. Удовлетворённость оценивается по доступности дошкольного, школьного и дополнительного образования. Объективные показатели основаны на опросах родителей, учителей и выпускников СПО и включают доступность образовательных ресурсов, материальные и временные затраты семей, административную нагрузку на педагогов, а также соответствие полученных знаний профессиональной практике.

Ограничением методики является охват возрастных групп и социальных слоёв: в фокусе – школьное и дополнительное образование, при недостаточной проработке профессионального образования и более широкого понимания условий для развития. Вместе с тем, наличие данных по этим индексам, дополненное итогами социологических опросов всех участников образовательных отношений в регионе позволяет получить данные для принятия управленческих решений в части развития региональной системы общего образования. С учетом данных, полученных в ходе опроса родителей и детей, можно констатировать следующее.

Субъективные показатели рейтинга качества жизни АСИ по удовлетворенности процессом записи ребенка в образовательные учреждения не включили в анкеты, так как запись, на наш взгляд, не отражает качество получаемого образования и удовлетворенность им.

Доля учащихся в первую смену в школах (Б2.3) составила в 2024 г. 83,6 %, сократившись незначительно. Сравнение данных опроса 2025 года (77,3 % удовлетворённых сменой обучения и 8,4 % неудовлетворённых) с показателем АСИ позволяет предположить: значительная часть школьников, обучающихся во вторую смену, адаптировалась и не видит в этом проблемы. Однако высокая доля затруднившихся ответить снижает уровень уверенности в оценке удовлетворённости. Несмотря на ограниченные возможности школ и необходимость второй смены, этот фактор не выглядит критичным для родителей и детей. Более важными направлениями для улучшения остаются обеспечение педагогическими кадрами, качество питания, обучения и профориентации. Однако эти аспекты не включены в рейтинг качества жизни АСИ, что требует их отдельного исследования для региональных органов исполнительной власти.

Значительна доля родителей, согласных, что их детям доступно дополнительное образование: к 2024 году этот показатель вырос на 0,4 п.п. и составил 95,7%. При этом реально им пользуются лишь 51,8% школьников региона, а среди детей с ОВЗ – всего 38,6%. Таким образом, наличие возможностей не всегда коррелирует с их фактическим использованием, что может указывать на недостаточную востребованность дополнительного образования. Возможными причинами могут быть высокая учебная нагрузка, логистические трудности или дефицит свободного времени на отдых и хобби.

Судя по ответам респондентов, ходят в школы в шаговой доступности в Уфе и других городах РБ 83,5 % и 80,2 % детей соответственно, а в сельской местности, пригороде Уфы и районных центрах таких ответов на 10–15 п.п. меньше – от 66,5 % до 70,2 %. По данным объективного показателя Б2.8 рейтинга качества жизни АСИ в 2024 г. доля населения, проживающего в 20-ти минутной пешей доступности от школьных образовательных учреждений составила 75,1 %, сократившись по сравнению с 2023 г. на 0,6 п.п. Таким

образом, как проблема шаговая доступность школ воспринимается именно в пригородах Уфы, поскольку в сельской местности этот вопрос закрывается с помощью школьных автобусов.

Сравнение рейтинговых данных с результатами регионального опроса 2025 года в Республике Башкортостан выявил ряд расхождений между формальными статистическими показателями и реальным восприятием родителей и детей. Например, увеличение числа детей, имеющих возможность посещать дополнительное образование, контрастирует с низкой фактической вовлеченностью – особенно среди детей с ограниченными возможностями здоровья. Это указывает на наличие барьеров, связанных не столько с доступностью, сколько с логистикой, нагрузкой или мотивацией. Также выявлена адаптация учащихся ко второй смене обучения, что снижает значимость данного фактора как проблемы для семей. Вместе с тем, такие аспекты, как качество питания, профориентация и обеспечение педагогическими кадрами, остаются вне рамок рейтинга, но при этом вызывают наибольшие нарекания у родителей.

Таким образом, текущие подходы к оценке качества образования требуют модификации, направленной на более широкое вовлечение различных групп участников образовательного процесса и расширение спектра учитываемых факторов. Региональная практика Башкортостана демонстрирует, что данные социологических исследований могут стать важным инструментом для корректировки политики в сфере образования и повышения её эффективности.

Работа выполнена в рамках государственного задания Института стратегических исследований ГБНУ «Академия наук Республики Башкортостан» на 2025 г.

Список литературы:

1. Рейтинг качества жизни. URL: https://asi.ru/government_officials/quality-of-life-ranking/
2. Индекс детского благополучия. URL: <https://cwb-index.fondtimchenko.ru/>

Социально ориентированное обучение: некоторый опыт России и Японии

Хакумура Наоя
Государственный университет Гифу
Япония, hakumura.naoya.g4@f.gifu-u.ac.jp

Аукштыкальните Анна Дмитриевна
Саратовский ГМУ им. В. И. Разумовского Минздрава России
Саратов, Россия, aukshtykalnite@yandex.ru

В настоящее время перед университетами стоит острая задача по подготовке высококвалифицированных кадров. Политика подготовки студентов в японских университетах основана на навыках, сформулированных в 2006 году Министерством экономики, торговли и промышленности Японии в документе «Базовые навыки для работы в обществе», а именно: способности «идти вперед» (самостоятельность, умение выполнять поставленные задачи), «глубоко анализировать» (умение находить проблемы и планировать) и «работать в команде» (коммуникабельность, умение оценивать ситуацию, дисциплинированность). Это схоже с универсальными компетенциями Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования, принятых в России, такими как способность осуществлять деловую коммуникацию и социальное взаимодействие, реализовывать свою роль в команде, осуществлять поиск и анализ информации, применять системный подход для решения поставленных задач и т. д.

Университеты Японии и России уделяют большое внимание решению социальных проблем и готовят кадры, способные противостоять вызовам времени. Цель данного доклада – сравнить усилия Государственного университета Гифу (префектура Гифу, Япония) и СГМУ им. В.И. Разумовского (г. Саратов, Россия). Оба региона имеют схожую численность населения (1,9 млн человек в префектуре Гифу и 2,4 млн человек в Саратовской области) и промышленную структуру (малые и средние предприятия).

Авторы надеются, что данная работа позволит понять, какими способностями обладают молодые люди обеих стран, и что облегчит их обмен опытом. В статье будут рассмотрены социально ориентированные дисциплины «Сервисное обучение» (Япония) и «Общественный проект «Обучение служением ценностям жизни и здоровья» (Россия). Их объединяет проектная деятельность, во время которой студенты анализируют потребности локальных сообществ и разрабатывают программу действий для их удовлетворения.

В университете Гифу с 2014 года проводится общеуниверситетский курс PBL (проектное обучение) во время которого студенты работают над задачами, поставленными предприятиями, и организуют мероприятия.

В 2025 году в сотрудничестве с общественной организацией «Асосия» (г. Гифу), занимающейся образованием и поддержкой трудоустройства людей с нарушениями зрения, студенты собрали пожертвования от местных предприятий (90 000 йен) и провели просветительское мероприятие для школьников, посвященное мерам по поддержке людей с нарушениями зрения (10 студентов и около 30 участников). Благодаря этому студенты получили знания об инклюзивной среде, смогли оказать поддержку людям с ОВЗ и поразмыслить о своей роли в местном сообществе.

В СГМУ им. В.И. Разумовского с сентября 2024 года реализуется педагогический подход «Обучение служением» в рамках дисциплины «Обучение служением ценностям жизни и здоровья» [2]. Обучение служением (Service-learning) – это уникальная образовательная методика, способствующая построению учащимися индивидуальной траектории

профессионального роста и основанная на том, что «служение» и «учение» имеют равную ценность, усиливая значимость каждого компонента для всех участников [1]. В 2024–2025 уч. году студенты 2 курса педиатрического факультета (около 300 человек) в партнерстве с АНО «Мы вместе – детям», образовательными учреждениями Саратова и клиниками университета реализовали 25 проектов, направленных на поддержку людей с ОВЗ и профилактику заболеваний.

Благодаря этому студенты приобрели профессиональные навыки и повысили чувство общественной ответственности.

В обоих университетах были достигнуты цели, поставленные перед курсом, в частности, студенты получили навыки реализации проекта, работы в команде, однако преподаватели выявили ряд сложностей [2]:

1. Разный уровень заинтересованности и социальной эмпатии, из-за чего одни студенты, активно участвуют в деятельности, а другие нет, поэтому необходима мотивация со стороны университета. Так, в СГМУ им. В.И. Разумовского проходила коллективная рефлексия на разных этапах реализации проектов, а по завершению дисциплины прошла мотивационная сессия по подведению итогов.

2. Недостаточность финансирования: может возникнуть нехватка средств, а получить грант в короткие сроки сложно. Необходимо разработать механизмы софинансирования проектов.

3. Деятельность за рамками занятий: поскольку деятельность часто прекращается по окончании учебного периода, необходимо создать систему постоянной поддержки проектов.

В последнее время меняется образовательный подход к «социально значимым проблемам» в университетах Японии и России. Описанные в данном отчете PBL и сервис-обучение направлены на перестройку отношений с местным сообществом и воспитание студентов как «ответственных граждан». Для того чтобы студенты усвоили необходимые навыки, опыт и инициативы других стран, подобные данному исследованию работы будут служить важным справочным материалом и дадут повод переосмыслить социальную миссию университетов.

Список литературы:

1. Обучение служением: Методическое пособие / Под редакцией О.В. Решетникова, С.В. Тетерского. – М.: АБЦ, 2020. – 216 с.
2. Аукштыкальните, А. Д. К вопросу о роли университетов в решении социально значимых задач локальных сообществ: некоторый опыт вузов в России и Японии / А. Д. Аукштыкальните, Н. Хакумура // Педагогическое взаимодействие: возможности и перспективы : Материалы VII международной научно-практической конференции, Саратов, 25–26 марта 2025 года. – Саратов: Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского, 2025. – С. 751–756. – EDN RAOKHD.

Практики сотрудничества школ с внешними партнерами в сфере STEM-профориентации (по материалам опроса педагогов г. Ростова – на - Дону)

Колесникова Елена Михайловна,
Черевкова Алена Игоревна
Институт социологии ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, yaitskova_a@mail.ru

В условиях повсеместной цифровизации, развития искусственного интеллекта и роботизации наблюдается устойчивый рост потребности государства и рынка труда в специалистах технического направления интеллектуального труда (Science, Technology, Engineering, Mathematics – STEM) – инженерах, программистах, технологах, аналитиках, ученых и др. [1]. Это в свою очередь актуализирует важность профориентационной работы в сфере STEM на этапе выбора образовательной траектории и профессионального пути – в период получения общего образования. Данная статья рассматривает практики сотрудничества образовательных организаций (далее – ОО) с внешними партнерами – научными и образовательными организациями (вузы, колледжи), бизнес-структурами, промышленными предприятиями и общественными организациями, которые могут выступать для школьников и педагогов источниками информации о STEM-профессиях, способствовать развитию практических навыков, предоставлять доступ к современному оборудованию и ресурсам и даже выступать заказчиками проектов.

Эмпирической базой выступили результаты анкетного опроса учителей-предметников биологии, химии, физики, естествознания, астрономии, экологии, географии, математики, информатики, труда (технологии), учителей начальных классов, а также представителей управленческого состава ОО общего образования г. Ростов-на-Дону (N = 920). Даты проведения опроса – март-апрель 2025 г.

Наиболее активное и регулярное сотрудничество школы ведут с образовательными организациями – вузами, колледжами и др. (82% педагогов отметили, что есть регулярное или эпизодическое сотрудничество). Среди наиболее упоминаемых партнеров в свободных ответах следует выделить Южный федеральный университет, Донской государственный технический университет и Ростовский государственный университет путей сообщения.

С другими типами партнеров сотрудничество менее активное – о наличии сотрудничества с общественными организациями высказались 64% педагогов, а с промышленными предприятиями – 61%. Среди известных им промышленных партнеров педагоги выделили ООО «Комбайновый завод Ростсельмаш», ПАО «Роствертол», Десятый государственный подшипниковый завод (ГПЗ-10) и АО «Элис Фэшн Рус» (швейное производство). 54% учителей сообщили, что их ОО сотрудничает с научными организациями (пример – детский технопарк «Кванториум»), а 47% – с бизнесом.

Наличие и регулярность сотрудничества зависит от типа партнера, и в том числе его мотивации к проведению профориентационных мероприятий. Исходя из своего опыта, педагоги в качестве основного мотива выделили то, что руководство организаций-партнеров считает, что так они готовят будущих сотрудников, привлекут перспективные молодые кадры (53%). Эта причина крайне актуальна для вузов, которые рассматривают как целевой показатель развития привлечение наиболее подготовленных и мотивированных абитуриентов. Мотив долга перед молодым поколением указали 32% педагогов, а 31% считают мотивом то, что руководство организаций получает распоряжения о необходимости такого сотрудничества. Три этих мотива оказываются мало значимыми для бизнес-организаций, которые в большей степени сосредоточены на извлечении прибыли и не готовы к долгосрочному вложению усилий в подготовку кадров со школьной скамьи или работу с педагогами. Для всех партнеров немаловажным является фактор личных контактов: четверть педагогов указали, что руководство/сотрудники организаций-партнеров являются выпускниками ОО (25%) или хорошими знакомыми руководителя/педагогов ОО (18%).

Среди факторов, которые в наибольшей степени осложняют работу по профориентации, лидирующую позицию заняло отсутствие времени на уроке, перегруженность учебных планов и чрезмерная нагрузка (67%), однако 14% педагогов выделили то, что их ОО не может найти контакты с представителями бизнеса, науки и промышленности, а 13% отметили низкую заинтересованность промышленных и научных предприятий в таком сотрудничестве.

Таким образом, налаживание сотрудничества школ в вопросах STEM-профориентации с общественными организациями, промышленностью, научными и бизнес-организациями имеет большой потенциал для развития. В условиях быстро меняющегося рынка труда такое сотрудничество становится не просто желательным, а необходимым шагом для обеспечения конкурентоспособности и высокой квалификации будущих STEM-профессионалов.

Исследование выполнено при поддержке РНФ № 25-28-00618 «(Не)Школьные практики профориентации в сфере STEM-профессий: опыт педагогов в профориентации и представления школьников о профессиях технического направления интеллектуального труда».

Список литературы:

1. Региональный индекс востребованности кадров для инновационной экономики (STEM) 2025 // Ассоциация инновационных регионов России : [сайт]. URL: <https://i-regions.ru/reiting/ezhemesyachnyy-reyting-regionov-po-dostupnosti-kadrov-dlya-innovatsionnoy-ekonomiki/?ysclid=maxu8oeeh1763570065> (дата обращения: 05.06.2025).

Совершенствование системы оценки эффективности реализации государственной региональной политики в области повышения качества жизни населения

Чернышов Михаил Михайлович
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, mcherny@bk.ru

В современных условиях, когда ряд развитых стран мира стремится к экономической и политической изоляции России, актуализируются проблемы координации направлений развития с дружественными странами, в том числе, в формате приграничного и межрегионального сотрудничества. Формирование эффективной системы международных и внешнеэкономических связей субъектов России является неотъемлемой частью международной деятельности российского государства, позволяет регионам сформировать конкурентные механизмы пространственного развития. Вместе с тем, существует проблема, когда система критериев эффективности и целей развития для регионов сопредельных стран выстраивается на основе разных принципов (Например, в Белоруссии – в традициях советской системы планирования, в Казахстане – на основе либеральных подходов Великобритании, в России – на смеси рыночных и плановых установок [7]). Зачастую это делает затруднительным (или невозможным) сопряжение стратегий развития приграничных регионов.

Решению этой проблемы, на наш взгляд, может способствовать унификация системы показателей и статистических индикаторов, которая сделает возможным сопряжение документов стратегического характера, критериев и целей развития, как на межгосударственном, так и межрегиональном уровнях. Основой такой унификации может стать сформированная в период 2016–2020 годов Статистической комиссией ООН Глобальная система показателей (ГСП) для мониторинга достижения Целей устойчивого развития до 2030 года (ЦУР). Данная система состоит из 231 уникального индикатора по 17 целям и 169 задачам и уже внедряется в практику статистическими органами стран мира [1]. Указанные подходы ЦУР и ГСП позволяют выработать единый набор показателей и методик оценки эффективности государственной региональной политики по подсистемам (в частности, в сфере качества жизни населения).

На наш взгляд, при разработке стратегий развития, иных документов стратегического характера следует рассматривать географическое пространство (территорию) страны, региона (макрорегиона) во взаимосвязи и взаимодействии с глобальными многомерными пространствами (ГМП). В целях исследования нами выделяются следующие четыре ГМП – экономическое, социальное, информационное и инновационно-технологическое, которые являются одновременно частью внутренней среды региона (макрорегиона, страны), так и частью многоуровневой внешней среды (наднационального,

континентального, планетарного уровня). Экономическое пространство, которое в научной литературе рассматривают как систему взаимоотношений, как множество объектов и связей между ними, как совокупность экономических действий и т.д. [2], на наш взгляд, следует рассматривать в динамике глобальных рынков, валют, технологий, состояния региональных рынков, национальной фискальной и бюджетной систем. Социальное пространство, которое рассматривается в науке как совокупность функционально связанных между собой социальных процессов, отношений, практик, позиций и полей [3], на наш взгляд, следует расширить, включив нормативно-правовое поле, языковую среду, культуру, обычаи и неформальные нормы. В информационном (информационно-коммуникационном) пространстве создается, перемещается и потребляется информация [5]. Инновационно-технологическое пространство рассматривается как совокупность концепций, методов, накопленных знаний, инструментов, навыков, социальных отношений и связей, воспроизведенных на определенном множестве объектов, непосредственно вовлеченных в инновационную деятельность, накопление и активный обмен знаниями и умениями [4].

На основе взаимодействия ГМП нами предлагается система многоуровневой комплексной системы оценки [6], включающей четыре блока синтетических показателей: макроэкономический (Включает показатели, характеризующие валовой продукт, индексы производительности труда, инфляцию и цены, внешнюю торговлю, государственные финансы, инвестиции, финансовое состояние организаций, денежно-кредитную политику, занятость и безработицу, окружающая среда), отраслевой (Включает показатели, характеризующие промышленное производство, сельское и лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство, строительство, транспорт, сектор платных услуг, торговлю и общественное питание, цифровую экономику, науку и инновации), процессный (Включает показатели, характеризующие безопасность и правопорядок, доверие граждан органам власти, достижение целей нацпроектов и показателей бюджетных программ, взаимодействие государства и граждан, организационное развитие госорганов) и социальный (Включает показатели, характеризующие демографию, уровень жизни населения, социально-экономическую дифференциацию населения, обеспечение электрической энергией, газом и паром, энергосбережение, водоснабжение; водоотведение, организацию сбора и утилизации отходов, обеспечение жильем, доступность жилья, дорожную инфраструктуру, здравоохранение и заболеваемость, образование, физическую культуру и спорт, культуру, досуг, развлечения).

Как мы видим, практически во всех блоках есть критерии, связанные с качеством жизни населения. На основе использования ГСП достижения ЦУР ООН для оценки качества жизни населения нами выделены подсистемы показателей по 8 группам [8]:

1. Социально-экономической дифференциации населения (ЦУР 1, 8, 10).
2. Обеспечения продовольственной безопасности (ЦУР 2, 12).
3. Доступности здравоохранения и здорового образа жизни (ЦУР 1, 3, 8).
4. Доступности и качества образования (ЦУР 1, 4, 8).

5. Водоснабжения, водоотведения, экологии, организации сбора и утилизации отходов (ЦУР 3, 6, 9, 12).
6. Обеспечения электрической энергией, газом и паром, энергосбережения (ЦУР 7)
7. Обеспеченности и доступности жилья, обеспеченности инфраструктурой (ЦУР 3, 8, 10, 11, 17).
8. Доступа населения к правосудию, объектам физической культуры, спорта, культуры, досуга, развлечений (ЦУР 4, 8, 10, 11, 16).

Проведенный анализ показал, что индикаторы Глобальной системы показателей для мониторинга достижения Целей устойчивого развития ООН Повестки дня 2030 могут быть использованы в качестве основы для оценки эффективности реализации государственной региональной политики, социально-экономического развития (в том числе, связанных с качеством жизни населения).

Список литературы:

1. Материалы 51-й сессии Статистической комиссии ООН. Источник: Сайт Статистической комиссии ООН, Дата обращения 05.05.2025 URL: <https://unstats.un.org/unsd/statcom/51st-session/>
2. Бияков О.А. Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2004. – 152 С.
3. Бурдые П. Социология политики. – М.: SocioLogos, 1993. – 336 С.
4. Румянцев А.А. Научно-инновационное пространство макрорегиона: перспективы инновационного развития территорий// Проблемы прогнозирования. – 2015. – № 4 (151). С. 85-95
5. Цветков В.Я. Информационное пространство как ресурс познания// Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 3-2. – С. 207-212
6. Чернышов М.М., Усманов Д.И., Юрьева А.А. Новые подходы к разработке стратегий устойчивого и сбалансированного развития эффективности государственной региональной политики Российской Федерации // Проблемы рыночной экономики. – 2021 – № 3 – С. 62-97.
7. Чернышов М.М. Оценка эффективности государственной региональной политики в контексте сопряжения стратегий развития регионов и макрорегионов стран Евразийского Экономического Союза // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 11 (121). С. 7-19
8. Чернышов М.М. Проблемы адаптации Глобальной системы показателей достижения целей устойчивого развития ООН Повестки дня 2030 для оценки качества жизни населения в Российской Федерации. //

Региональные проблемы преобразования экономики. 2023. №11 (157). С. 115-122.

Развитие цифровой среды платформенных экосистем как фактор трансформации содержания и роли труда

Чернявский Сергей Владимирович
ЦЭМИ РАН, Москва, Россия, vols85-85@mail.ru

Воронов Виктор Степанович
Российская государственная академия интеллектуальной собственности
Москва, Россия, voronov.v@rgiis.ru

Викторов Егор Игоревич
Российская государственная академия интеллектуальной собственности
Москва, Россия, cattus2@yandex.ru

Работа посвящена исследованию процесса развития цифровой среды и его влиянию на мотивацию к труду в современных платформенных экосистемах. Показано, что одновременно с новыми возможностями осуществления трудовой деятельности, появлением понятий платформенный труд, платформенная занятость, формируются и новые возможности для инвестирования. Такие возможности связаны не только с финансовыми активами, но и с нефинансовыми, цифровыми интеллектуальными активами, которые создаются в процессе креативной трудовой деятельности, осуществляемой внутри экосистем.

Современный рынок интеллектуальной собственности характеризуется стремительным развитием цифровых сегментов, предоставляющих новые возможности, как для классических инвесторов, так и для создателей цифровых интеллектуальных активов. Однако методы инвестирования в активы такого класса пока недостаточно изучены. В то же время, размещение и торговый оборот активов авторского права (цифровых изображений, видео, звуковых файлов) на платформах так называемых микростоковых компаний имеют безусловные признаки инвестиционного процесса, подтверждаемые всеми характерными критериями в рамках теста Howey [1]. Исследование эволюции критериев в последних десятилетиях показало, что в платформенных экосистемах подобного типа:

- *инвестируются иные (неденежные) средства*, в том числе – интеллектуальная собственность, знания, навыки и другие нематериальные активы.
- *данные средства инвестируются в общее (совместное) платформенное предприятие*, которое интерпретируется как сотрудничество между различными участниками экосистемы, такими как разработчики,

пользователи, инвесторы и платформа-оператор. Участники таких экосистем совместно работают над развитием продуктов, услуг и технологий, обмениваясь ресурсами и знаниями.

- *в результате ожидается получение прибыли*, которая в случае интеллектуальных активов может проявляться не только в виде денежных доходов, но и в форме увеличения репутации, расширения профессиональных связей, доступа к новым возможностям.

- *управление осуществляется со стороны третьих лиц*: в платформенных экосистемах управление осуществляется не только традиционными менеджерами, но и алгоритмами, протоколами или даже сообществом пользователей. В частности, современные децентрализованные платформы используют смарт-контракты для автоматизации управления и распределения вознаграждений между участниками.

Таким образом, эволюция критериев теста Howey в применении к интеллектуальным активам отражает более широкую тенденцию к адаптации правовых и регуляторных рамок экономики к новым формам экономической деятельности, возникающим в цифровом мире. Это требует гибкого подхода и более глубокого понимания особенностей платформенного сегмента экономики и её участников. В частности, исследования авторов показывают, что в отличие от обычных совместных предприятий в платформенных экосистемах происходит одновременная трансформация (1) содержания труда, (2) инвестиционной среды и (3) инвестиционных возможностей.

Указанные процессы нельзя рассматривать независимо друг от друга, т.к. экономическая эффективность платформенной экосистемы обеспечивается только в результате их совокупного действия. В частности, трансформация содержания труда выражается в том, что труд становится более гибким, проектным и ориентированным на результат. Это требует от участников экосистемы адаптации и развития новых компетенций. В то же время трансформация содержания труда влияет на инвестиционную среду, так как создаёт спрос на новые образовательные программы, инструменты для удалённой работы, платформы для сотрудничества.

Инвестиционная среда в платформенных экосистемах характеризуется формированием разнообразных инвестиционных возможностей, связанных с развитием платформ, цифровых активов, новейших технологических решений. В свою очередь, изменения в инвестиционной среде, такие как появление новых финансовых инструментов, развитие рынков цифровых активов и внедрение новых технологий, влияют на содержание труда.

Наконец, инвестиционные возможности в платформенных экосистемах связаны с потенциалом для создания и развития новых продуктов, услуг, технологий и бизнес-моделей. Появление новых инвестиционных возможностей влияет на содержание труда и инвестиционную среду. Например, появление цифровых финансовых активов сформировало спрос на специалистов в области блокчейна и криптовалют, что, в свою очередь, требует инвестиций в подготовку таких специалистов.

По мнению авторов, трансформация содержания творческого труда в платформенных экосистемах представляет собой наиболее значимое изменение в подходах к созданию и реализации интеллектуальных и

креативных продуктов. Современная экономика основана на знаниях, инновациях и интеллектуальном капитале как ключевых факторах производства [2]. В платформенных экосистемах творческий труд обычно организуется в виде проектов, что позволяет работникам выбирать наиболее интересные и соответствующие их навыкам задания. Это способствует повышению мотивации и эффективности труда, позволяет творческим специалистам адаптировать свой труд под текущие тренды и потребности рынка, что особенно важно в условиях быстро меняющейся цифровой среды.

Также отметим, что платформенные экосистемы открывают новые возможности для монетизации творческого труда, продажи цифровых продуктов, получения вознаграждения за участие в проектах. Это позволяет творческим специалистам более эффективно управлять своими доходами и развивать свою карьеру в рамках экосистемы, т.к. они становятся активными участниками процесса создания ценности, могут влиять на направление развития проектов, предлагать новые идеи и решения, что повышает их вовлечённость и мотивацию.

Рассмотрим *платформенную экосистему* лидирующей микрофотостоковой компании Shutterstock (URL: <https://shutterstock.com>). Инвестиции в подобные экосистемы выходят далеко за рамки традиционных финансовых вложений. Платформа требует постоянного обновления и расширения инфраструктуры для хранения и обработки больших объёмов данных, обеспечения высокой скорости загрузки и доступности контента. Поскольку успех зависит от активности и вовлечённости всех участников, Shutterstock инвестирует в развитие сообществ фотографов, видеографов, звукооператоров, дизайнеров, предоставляя им инструменты для сотрудничества, обмена опытом и обучения. Таким образом, *трансформация инвестиционной среды* в платформенной экосистеме Shutterstock проявляется в переходе к новым формам инвестиций, развитию партнёрских отношений, использованию данных и аналитики для принятия решений.

Тем не менее, трансформация инвестиционной среды микростоковых платформ привела и к некоторым другим, неочевидным результатам и проблемам. В частности, начнем с того, что наиболее крупные платформы микростоков, такие как Shutterstock и Adobe.Stock (URL: <https://stock.adobe.com>) уже стали публичными акционерными обществами, что формально позволяет любому участнику экосистемы стать акционером. Но когда это право используют креативные инвесторы-поставщики цифровых фотографий, видео и звуковых файлов, то они получают преимущество перед обычными акционерами микрофотостока, не имеющими доступа к управлению интеллектуальным капиталом компании.

В вопросах распределения доходов это приводит к тому, что креативные инвесторы имеют основание настаивать на более справедливом распределении доходов, учитывая свой вклад в виде цифрового контента, в то время как обычные акционеры могут предпочесть реинвестирование прибыли в развитие компании. Вполне естественно, что обычные акционеры более заинтересованы в максимизации прибыли и росте стоимости акций, в то время как авторов-акционеров больше интересуют условия сотрудничества и защита своих прав на интеллектуальную собственность. Кроме того, авторы-

акционеры часто имеют своё видение развития платформы и управления контентом, и это может в целом противоречить стратегиям, предложенным руководством или другими акционерами.

Наиболее интересным аспектом этой проблемы является то, что авторы-акционеры имеют возможность управлять двумя видами портфелей: (1) своими портфелями акций компании и (2) портфелями собственных цифровых активов (например – изображений), которые также приносят стабильный доход, что потенциально увеличивает возможности авторов-акционеров по сравнению с обычными акционерами. Пока однозначного подхода к решению данной проблемы нет. В то же время, в исследованиях авторов было показано, что, например, доход по индивидуальному портфелю цифровых изображений не коррелирует с колебаниями цены и доходности акции компании Shutterstock [3]. На практике это означает, что возможно создание гибридной инвестиционной позиции с использованием портфеля цифровых изображений и портфеля акций для хеджирования риска убытка и снижения общего риска по сравнению с инвестированием только в один из указанных видов активов. Когда один актив испытывает снижение стоимости, другой может сохранять или увеличивать свою стоимость, что помогает компенсировать потери.

Таким образом, цифровая трансформация не только влияет на изменение организационных форм труда, но также делает актуальными новые подходы к его стимулированию и оплате. Более того, она требует решения ряда проблем, связанных с отражением нового содержания трудовой деятельности в новой модели общественного развития, включающей технологическую трансформацию в качестве определяющей детерминанты.

Исследование выполнено в рамках НИР «Развитие механизмов платформенной и сетевой экономики в Российской Федерации: проблемы и пути решения» согласно Государственному заданию для ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности» (10-ГЗ-2022).

Список литературы:

1. Хохлов В.А. Глоссарий инвестиционной деятельности. М.: Юстицинформ, 2023. 320 с.
2. Бодрунов С.Д. Ноономика: траектория глобальной трансформации. М.: ИНИР; Культурная революция, 2020. 224 с.
3. Воронов В.С., Беданов М.К., Чернявский С.В., Викторов Е.И. . Платформенные экосистемы: накануне нового прорыва в области коммерциализации интеллектуальных прав // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 66. С. 269–278. DOI: 10.17223/19988648/66/17.

Социальные приоритеты бизнеса в нефинансовой отчетности: как корпорации влияют на человеческое развитие

Чугумбаев Роман Рыспекович

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Россия, rrchugumbaev@fa.ru

Современные экономические вызовы и геополитическая нестабильность существенно влияют на стратегии корпоративной социальной ответственности российского бизнеса. Нефинансовые отчёты компаний становятся важным источником информации для понимания того, как организации адаптируют свои социальные программы к изменяющимся условиям. Анализ социальных приоритетов бизнеса в нефинансовой отчетности активно развивается в современных исследованиях [3; 5]. Однако большинство работ фокусируется на общих принципах КСО [2], тогда как влияние конкретных корпоративных программ — например, поддержки образования или здравоохранения — на человеческое развитие изучено недостаточно. Особенно это касается российского контекста, где преобладают исследования формата отчетности [4], но не ее социальных эффектов. Важным аспектом современных исследований становится цифровизация подходов к оценке социальных программ [1]. В данном исследовании предпринята попытка систематизировать социальные приоритеты крупнейших российских компаний через призму их публичной отчетности, что позволяет выявить не только декларируемые, но и реально реализуемые инициативы.

В качестве метода исследования использован количественный контент-анализ текстов нефинансовых отчётов 13 российских компаний из различных отраслей экономики. Анализировалась частота упоминаний 12 ключевых категорий социальной активности, включая поддержку сотрудников, образовательные программы, спонсорство культурных и спортивных мероприятий, медицинские инициативы и помощь уязвимым группам населения. Для обработки данных применялись методы описательной статистики, корреляционный анализ.

Анализ данных о социальных приоритетах российских компаний, отраженных в нефинансовой отчетности, выявил значительные различия в частоте упоминаний различных категорий социальных программ. Наиболее популярным направлением оказалась поддержка сотрудников, где среднее количество упоминаний составило 117.4 при максимальном значении 558 и минимальном 6, при этом ни одна компания не оставила эту категорию без внимания. Другие категории демонстрируют заметно меньшую вовлеченность: поддержка образования (среднее 14.9 упоминаний), спортивные мероприятия (27.2), программы для школ и вузов (20.2). Наименее популярными оказались такие направления, как донорские программы (3.7), помощь пенсионерам (2.5) и профилактика заболеваний (3.8), где от 2 до 7 компаний вообще не упомянули эти инициативы в своих отчетах.

Особого внимания заслуживает анализ выбросов, который показал существенные расхождения в данных. В категории поддержки сотрудников зафиксирован экстремальный максимум – 558 упоминаний у одной из компаний, что значительно превышает среднее значение и следующий по величине показатель (457). Аналогичная ситуация наблюдается в категории спортивных мероприятий, где максимальное значение (140) резко выделяется на фоне среднего (27.2). Причиной таких выбросов может быть как специфика отчетности отдельных компаний, так и реальные различия в масштабах их социальных программ. Для корректной интерпретации данных были применены робастные методы анализа. Медианные значения оказались существенно ниже средних: например, для категории сотрудников медиана составила около 51, а для спортивных мероприятий – примерно 9. Это свидетельствует о том, что классическое среднее значение может искажать реальную картину из-за влияния экстремальных показателей. Дополнительно был рассчитан межквартильный размах, который подтвердил статус указанных максимальных значений как статистических выбросов.

Проведенный анализ стратификации компаний по уровню социальной активности дополняется важными наблюдениями о содержательной структуре их социальных программ. Так, для компаний с высоким уровнем социальной активности характерна комплексная модель вовлечения, при которой инвестиции в человеческий капитал (поддержка сотрудников и образовательные программы) сочетаются с развитием социальной инфраструктуры (культура, спорт, здравоохранение). Как показывает корреляционный анализ ($r=0.72$), такие организации последовательно реализуют взаимодополняющие инициативы, формируя синергетический эффект. Примечательно, что именно в этой группе наблюдается наиболее сбалансированное распределение ресурсов между различными направлениями социальной политики.

Умеренная корреляция спортивных и культурных инициатив ($r=0.65$) характерна для компаний, ориентированных на развитие социальной инфраструктуры. При этом слабые связи в кластере здравоохранения ($r=0.41$) и изолированность таких направлений, как помощь пенсионерам, указывают на фрагментарность подходов к решению социально-демографических проблем.

Отраслевая специфика проявляется не только в уровне активности, но и в выборе приоритетных направлений. Компании регулируемых секторов чаще демонстрируют комплексные стратегии, в то время как ресурсоемкие отрасли концентрируются на узкоспециализированных программах. Это различие может быть обусловлено как особенностями бизнес-моделей, так и различным уровнем ожиданий стейкхолдеров.

Список литературы:

1. Алексеева, И. В. Социальная отчетность – информационный ресурс аналитического обеспечения социально-экономических процессов в

- условиях цифровизации экономики / И. В. Алексеева, О. Н. Федосова, Е. А. Прядкина // Учет и статистика. – 2019. – № 1(53). – С. 50-61. – EDN KQNPZV.
2. Демина, И. Д. Социальная отчетность как элемент социальной ответственности государства и бизнеса : Монография / И. Д. Демина, М. В. Полулех. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "КноРус", 2021. – 192 с. – ISBN 978-5-406-09098-5. – EDN OPIIBS.
 3. Ефимова, О. В. Методология исследования корпоративного раскрытия социальной ответственности бизнеса: информационная база и этапы проведения / О. В. Ефимова, О. В. Рожнова // Учет. Анализ. Аудит. – 2021. – Т. 8, № 6. – С. 6-20. – DOI 10.26794/2408-9303-2021-8-6-6-20. – EDN ROYNDV.
 4. Колосова, Р. П. Социальный аудит в системе корпоративной социальной ответственности / Р. П. Колосова, А. Х. Э. О. Ондар // Аудит. – 2020. – № 5. – С. 27-30. – EDN PWBALX.
 5. Мельник, М. В. Корпоративная социальная ответственность: полнота и прозрачность информации / М. В. Мельник, М. Т. Велиханов // Учет. Анализ. Аудит. – 2023. – Т. 10, № 6. – С. 6-20. – DOI 10.26794/2408-9303-2023-10-6-6-20. – EDN BYNYLP.

«Ретрансляция легитимной культуры» как фактор развития и укрепления социокультурного потенциала

Шеремет Александр Николаевич
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, 201071sh@gmail.com

Не умаляя значения материальных условий, большинство современных обществоведов сходятся в том, что социокультурные, ценностные факторы составляют важную основу физического и духовного воспроизводства. Другими словами, эффективность реализации социально-демографической политики во многом зависит от уровня и характера развития социокультурного потенциала.

Ранее мы пришли к выводу о том, что одним из важных показателей развития социокультурного потенциала является приобщенность к традиционной культуре, выраженная в суммарной численности посещений театров и музеев в расчете на 1000 человек населения [2]. Именно театры и музеи являются теми самыми эффективными «ретрансляторами легитимной культуры» [3]. Приобщенность к искусству, выраженная показателем, равным сумме посещаемостей театров и музеев в расчете на 1 000 человек населения, за период с 2005 по 2019 год в России в целом увеличилась с 722 до 1 157 (для справки: в 2020 году данный показатель составил всего лишь 513 посещений,

а в 2021 – 828) [4]. В 2023 году в России на каждую 1 000 человек населения приходилось уже 1 188 посещений театров и музеев [4]. Таким образом, в 2023 году мы наблюдаем рост показателя уже в сравнении с 2019 допандемийным годом. Можно сказать, что спустя 3 года восстановлен уровень потребления культуры, «рухнувший» по объективным причинам в 2020 году. Не менее важно рассмотреть не только абсолютные значения, но и их динамику. Рост посещаемости театров и музеев в 2022 году в сравнении с 2021 годом составил 30,6%, а в 2023 году в отношении к 2022 – 10,8% [4]. Резкий скачок показателя вверх в 2022 году в сравнении с 2021 годом (так же, как и в 2021 в сравнении с 2020), на наш взгляд, связан с преодолением последствий пандемийных ограничений. А вот десятипроцентный рост показателя в 2023 году в большей степени указывает на увеличение приобщенности населения к традиционной культуре вне зависимости от таких экзогенных факторов, как пандемия.

По темпам роста посещаемости музеев и театров в 2023 году следует выделить Республику Татарстан, где он составил 23% против 10,8% в среднем по России, Псковскую область (24% против 10,8%), Калининградскую область (25,8% против 10,8%) [4]. Ниже среднероссийского темпа рост в 2023 году показали такие регионы, как Калужская область (менее 4%), Республика Башкортостан (менее 2%), Архангельская область (-1%) [4].

По итогам анализа статистических данных, характеризующих динамику посещаемости театров и музеев, а следовательно, и приобщенность к традиционной культуре, за последние три года, можно утверждать, что преодолев объективно обусловленное падение в 2020 году, численность посетителей на 1 000 человек населения в 2023 году продолжила устойчивый рост при расчете в среднем по России. При этом динамика в отдельных регионах значительно отличается, как в большую, так и в меньшую сторону, что заставляет задуматься об эффективности мер, направленных на развитие социокультурного потенциала в каждом конкретном субъекте Федерации.

Список литературы:

1. Бурдые П. Воспроизводство: элементы теории системы образования / Пьер Бурдые, Жан-Клод Пассрон; [пер. Н.А. Шматко]; Моск. высш. шк. социал. и экон. наук. М.: Просвещение, 2007. – 267 с.
2. Комплексная характеристика человеческого потенциала регионов России / В.Н. Архангельский, Ю.В. Дмитриева, В.Г. Доброхлеб [и др.]. – М.: ФНИСЦ РАН, 2024. – 422 с.
3. Шеремет, А. Н. Социокультурная подсистема человеческого потенциала в региональном измерении // Социальная динамика населения и человеческий потенциал: Материалы VI Международной научно-практической конференции. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. С. 429-431.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2024. С.418-419.

Секция 6.

Человеческий потенциал в контексте вызовов и противоречий современной сферы труда

Основные виды институциональных механизмов, способствующих вовлечению молодежи в предпринимательскую деятельность

Агафонова Вера Владимировна
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Россия, verasocio@gmail.com

Молодежное предпринимательство как социальный феномен представляет собой не только экономическую практику, но и важный механизм социализации молодого поколения, формирования его ценностных ориентаций и включения в систему общественных отношений. В современном российском обществе предпринимательская активность молодежи выступает индикатором социально-экономической адаптивности, отражая как возможности социальной мобильности, так и структурные ограничения, обусловленные институциональной средой.

С социологической точки зрения, вовлечение молодежи в предпринимательскую деятельность представляет собой сложный процесс взаимодействия индивидуальных агентов с системой социальных институтов. С одной стороны, оно способствует формированию таких значимых социальных качеств, как экономическая самостоятельность, инновационное мышление и ответственность. С другой – сталкивается с рядом структурных барьеров, воспроизводящих социальное неравенство: дифференциацией доступа к ресурсам, несовершенством институтов поддержки, а также социокультурными стереотипами, легитимирующими наемный труд как более предпочтительную стратегию занятости.

Реализация потенциала молодежи в предпринимательской деятельности требует анализа институциональных механизмов, которые, с позиций социологии, выступают не только как формальные системы поддержки, но и как сложные комплексы социальных практик, норм и отношений. Это позволяет не только описать существующие практики поддержки, но и выявить их роль в воспроизводстве или трансформации социальной структуры современного российского общества.

Сегодня молодежное предпринимательство в России сталкивается с рядом системных барьеров, которые ограничивают его развитие. Эти проблемы носят как экономический, так и социально-психологический характер. Исследование АСИ [2] выделяет три ключевых фактора, сдерживающих активность: отсутствие финансовых ресурсов (19,6%), нехватка опыта и знаний (16,8%) и отсутствие понимания, с чего именно начать свое дело (14,7%). Данные еще одного исследования также подтверждают эти выводы: 72% опрошенных отметили недостаток стартового капитала как основной барьер для старта бизнеса, а 37% выбрали нехватку необходимых навыков и опыта [5]. Таким образом, одной из ключевых трудностей для молодых предпринимателей является недостаток стартового капитала. В отличие от опытных бизнесменов, молодежь редко обладает собственными накоплениями, а доступ к внешнему финансированию ограничен.

Вторая по важности проблема – нехватка знаний и практического опыта. У многих молодых людей есть бизнес-идеи, но нет достаточных компетенций для их реализации. Например, отсутствуют менеджерские навыки: умение составлять бизнес-планы, вести переговоры, управлять командой. Кроме того, не все россияне готовы поддержать своих детей в решении открыть бизнес. Основные причины: недостаток знаний и опыта у молодого поколения (52%) и опасения, что бизнес может помешать получению высшего образования (22%), страх перед возможными долгами (14%) и сомнения в настойчивости ребенка (6%) [3].

Перечисленные проблемы требуют комплексного решения на уровне государства, бизнеса и образовательных учреждений, т.е. с помощью институтов. В настоящее время в России государственная поддержка реализуется через систему финансовых, инфраструктурных и нормативно-правовых мер. Ключевую роль играют программы грантовой поддержки, такие как «Грант для молодых предпринимателей» от Министерства экономического развития, предоставляющего финансирование до 500 тысяч рублей предпринимателям до 25 лет, или гранты по программам «Студенческий стартап» и «УМНИК» от Фонда содействия инновациям, в рамках которых можно получить 1 миллион рублей [1]. Важным элементом стали региональные программы, которые реализуются на уровне государства через центры «Мой бизнес». Они ориентированы на помощь предпринимателям в открытии и развитии своего дела в режиме «одного окна». Учреждения работают в 88 российских регионах [4].

Важнейший пласт поддержки через формальные и неформальные каналы формируют образовательные институты. В школьное образование постепенно внедряется предмет «Основы предпринимательства», а вузы развивают магистерские программы предпринимательской направленности. Практико-ориентированные форматы включают студенческие стартап-студии в ведущих университетах (МГУ им. М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ). Особое значение приобретает методическая поддержка через разработку учебных кейсов реальных бизнесов, программы наставничества успешных предпринимателей и онлайн-курсы от ведущих университетов.

Общественные и некоммерческие организации дополняют государственные меры поддержки, создавая горизонтальные сети взаимодействия. Отраслевые объединения такие как «ОПОРА России» предоставляют площадки для нетворкинга и обмена опытом. Кроме того, отдельное место занимают цифровые платформы создают новое измерение институциональной поддержки, значительно снижая барьеры входа в предпринимательскую деятельность. Онлайн-обучение через платформу «Деловая среда», курсы от СберУниверситета и Нетологии делают знания доступными независимо от географического положения.

Эффективность этих институциональных механизмов определяется их способностью создавать комплексную поддержку, сочетающую обучение, финансирование и инфраструктурное сопровождение. Однако сохраняется проблема фрагментарности мер поддержки и их неравномерного распределения по регионам, что требует усиления координации между различными институтами и расширения географии качественных программ поддержки. Совершенствование институциональных механизмов позволит увеличить число успешных стартапов и укрепить экономику страны.

Список литературы:

1. Портал «Журнал. Контур». Поддержка молодых предпринимателей в 2025 году. – URL: <https://kontur.ru/articles/1137> (дата обращения 01.06.2025).
2. Портал Агентства стратегических инициатив. Опрос АСИ: 85% молодых людей хотели бы работать на себя. – URL: <https://asi.ru/news/195035/> (дата обращения 01.12.2024).
3. Портал АО «Деловая среда». Бизнес после школы: россияне готовы поддерживать своих детей в открытии бизнеса. – URL: <https://dasreda.ru/learn/blog/article/2684-biznes-posle-shkoly-rossiyane-gotovy-podderzhivat-svoih-detej-v-otkrytii-svoego-dela> (дата обращения 01.12.2024).
4. Портал Мой бизнес. – URL: <https://мойбизнес.пф/about/#centers> (дата обращения 01.06.2025).
5. Портал РБК. Что молодежь привносит в бизнес. – URL: <https://www.rbc.ru/business/28/11/2024/674747659a7947314f2f07f5> (дата обращения 01.12.2024).

Из фриланса в найм – смена вектора трудовых отношений

Алексеева Екатерина Александровна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия, e.alekseeva1808@gmail.com

Постпандемийные социальные трансформации внесли множественные и масштабные изменения в сферу трудовых отношений, за внешним целостным фасадом рынка труда наблюдались изменения ценностей, предпочтений и ожиданий всех его участников, произошла смена привычных сценариев и трудовых стратегий, трудовые отношения как социальный институт становились ломкими и нестабильными [1]. В новые условия вошел рынок труда с началом специальной военной операции. В целом в последние годы на фоне катастрофической нехватки кадров в традиционных секторах экономики, продолжает возрастать вариативность нестандартной занятости, развиваются фриланс и платформенные трудовые отношения.

Цифровые форматы занятости становятся все более доступные, предъявляя минимальные требования к соискателям, что с одной стороны нивелирует социально-демографические различия в виде пола, возраста, уровня образования и места жительства, и домохозяйка из малого города может конкурировать со столичным профессионалом, а с другой стороны, в долгосрочной перспективе, высокая конкуренция среди исполнителей снижает стоимость услуг, вынуждая делать ставку на объем работы, что ожидаемо снижает качество труда и в целом увеличивает его прекарность.

Не случайно, доход почти половины фрилансеров, зарегистрированных в Национальной Гильдии Фрилансеров не превышает 30 тысяч рублей ежемесячно, треть опрошенных зарабатывают от 30 до 100 тысяч в месяц и лишь каждый пятый больше 100 тысяч. По сравнению с прошлым годом лишь у 31% опрошенных фрилансеров уровень дохода вырос, у 23% он снизился [2]. Иначе обстоят дела с заработными платами в традиционной занятости: по итогам 1 квартала 2025 года средняя зарплата в России превысила 90 тысяч рублей, годовой рост составил по разным оценкам от 16% до 18% [3], до конца 2025 года эксперты прогнозируют увеличение среднего заработка в районе 12% [4].

Данные сервиса статистики сайта hh.ru свидетельствуют о повышении внимания работников в сторону вакансий традиционной занятости, в текущем 2025 году прослеживаются изменения рынка труда в сторону работодателя, соотношение количества активных резюме к количеству активных вакансий говорит об умеренном уровне конкуренции за рабочие места, о здоровом соотношении между работодателями и соискателями, тогда как на протяжении двух предыдущих лет во всех профессиональных областях наблюдался острый дефицит соискателей. Так, по итогам пяти месяцев 2025 года практически на треть произошло сокращение числа вакансий, одновременно, на столько же произошло увеличение числа резюме. Планомерный рост числа соискателей начался в 2024 году, в мае 2025 года

количество резюме увеличилось на 29% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [5].

Первые увеличения численности наемных работников были отмечены Росстатом в 1 квартале 2024 года, произошедшее увеличение на 0,9% было зафиксировано впервые с 2020 года [6].

В результате глубинных интервью, проведенных автором в 2023 году, были выявлены тенденции временного обращения к фрилансингу на период поиска основной работы в традиционном найме [7]. Можно предположить, что ценностный континуум «безопасность – свобода», о котором говорил З. Бауман, начал возвращаться в сторону безопасности и стабильности, свободная занятость оказалась сопряжена с множеством ограничений и сложностей [8].

Безусловно, свободная и, отчасти, precarious занятость не исчезнет как форма трудовых отношений, однако обозначенные тенденции показывают наметившееся перераспределение трудовых ресурсов и увеличение внимания соискателей в сторону традиционных трудовых отношений в найме.

Список литературы:

1. Сизова И.Л., Григорьева И.А. Ломкость труда и занятости в современном мире // Социологический журнал. 2019. №1. Том 25. № 1. С. 48–71.
2. Портрет современного фрилансера и ключевые тенденции на начало 2025 года. 09.04.2025. Национальная Гильдия Фрилансеров. Электронный ресурс: <https://xn---8sbgbfirbb0aezowfo9xbjnc.xn--p1ai/post/portret-sovremennogo-frilansera-i-klyuchevye-tendencii-na-nachalo-2025-goda-135>
3. Средняя зарплата в России превысит 100 тысяч рублей к 2027 году. rg.ru. Электронный ресурс: <https://rg.ru/2025/05/29/sredniaia-zarplata-rekordnyj-rost.html>
4. Нетерпение и труд: средние зарплаты в РФ вырастут до 100 тыс. к концу 2025-го. 27.05.2025. Известия. Электронный ресурс <https://iz.ru/1892979/olga-anaseva/neterpenie-i-trud-srednie-zarplaty-v-rf-vyrastut-do-100-tys-k-koncu-2025-go>
5. HH.ru статистика. Электронный ресурс: <https://stats.hh.ru/> (дата доступа 04.06.2025)
6. В России численность работников достигла рекорда за три года. Известия. Электронный ресурс <https://iz.ru/1758617/2024-09-13/v-rossii-chislennost-rabotnikov-dostigla-rekorda-za-tri-goda>
7. Алексеева, Е. А. Рынок труда: стратегия временного фриланса (на примере города Казань) / Е. А. Алексеева // Цифровая социализация и цифровая компетентность в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии: VI Международная конференция, Казань,

18–19 мая 2023 года. – Казань: Издательство Казанского университета, 2023. – С. 365–368. – EDN LIPDBX.

8. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. в англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.

Эйджизм в академической среде как фактор, подрывающий воспроизводство научных кадров высшей квалификации

Андрианова Роза Ахбановна
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Москва, Россия, rosa_and@inbox.ru

В последние годы в академической среде усиливается тенденция к омоложению кадрового состава научных организаций, обусловленная необходимостью повышения инновационного потенциала отечественной науки. Однако на практике данная политика сопровождается латентными формами эйджизма.

Эйджизм в академической среде нами понимается как дискриминация по возрастному признаку в отношении научных сотрудников старшего возраста.

Одной из причин эйджизма в российском обществе М. В. Карманов, О. А. Золотарева рассматривают возрастающую нагрузку на рынок труда со стороны пенсионеров [2, С.15]. При этом опрос работающих пенсионеров показывает, что большинство из них недовольны размером своей пенсии и продолжают трудовую деятельность, прежде всего, для решения материальных проблем (всего опрошено 72 человека пенсионного возраста из разных сфер профессиональной деятельности).

Как проявляется эйджизм в академической среде? Опрос 22 бывших научных сотрудников из федеральных институтов Российской академии образования показал, что одна из известных форм эйджизма в отношении российских ученых проявляется при приеме на работу или продлении контрактов. Так стало известно, что после реорганизации федеральных институтов Российской академии образования и волны «сокращений» в 2015 и 2020 гг. практически 90% опрошенных научных сотрудников были уволены. При этом все 22 человека – это доктора педагогических или психологических наук, высококвалифицированные специалисты, авторы множества научных трудов. Все опрошенные ученые внесли большой вклад в развитие отечественного образования. Из 22 опрошенных научных сотрудников только 8 смогли трудоустроиться на 0,5 ставки через портал вакансий «Ученые-исследователи», а 14 человек – только через личные контакты и на 0,1–0,3 ставки. Все опрошенные ученые отметили, что основная проблема – это

вынужденное ограничение возраста при приеме на работу и работодатели, чтобы снизить средний возраст научных сотрудников не могут принимать на большие ставки научных сотрудников пенсионного возраста. Очевидно, что подобные низкие ставки указывают и на косвенное проявление эйджизма в академической среде, свидетельствуют о низкой оплате их труда, маргинализации старшего поколения в распределении ресурсов. Одна из опрошенных ученых, чьи учебники по настоящее время широко используются для подготовки специалистов дошкольного воспитания, выразилась следующим образом: «Я готова работать бесплатно – лишь бы иметь возможность продолжать заниматься делом всей своей жизни».

Анализ проблемы показывает, что несмотря на возрастную дискриминацию, именно представители старшего поколения ученых обеспечивают преемственность научной традиции, осуществляют наставничество, готовят аспирантов к защите диссертации, передают исследовательские методологии и профессиональные нормы.

Очевидно, что исключение ученых пенсионного возраста из академической среды ведёт к фрагментации исследовательских школ и разрыву профессиональных связей.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), в последние годы наблюдается устойчивая тенденция к снижению числа защищённых кандидатских и докторских диссертаций. При этом сохраняется или даже растёт уровень приёма в аспирантуру, что указывает на проблему не на входе в систему подготовки научных кадров, а на выходе. В 2024 году, по официальным данным Росстата, на конец отчетного периода в России обучались 125947 аспирантов. Из них 35661 человек поступили в аспирантуру в 2024 году. Выпустили из аспирантур в 2024 году 15897 человек, из которых только 1673 человека окончили аспирантуру с защитой диссертации, что составило всего 10, 52%. О каком омоложении научного состава можно говорить при такой низкой эффективности российских аспирантур?

В интервью заведующая аспирантуры московского вуза отметила, что одним из существенных факторов, препятствующих подготовке научных кадров высшей квалификации, является дефицит квалифицированных и опытных научных руководителей, способных обеспечить методологическое и проектное сопровождение диссертационной работы. В условиях эйджизма доступ таких наставников к академической деятельности существенно ограничивается, что напрямую сказывается на качестве подготовки аспирантов.

Интерес для нашего исследования представляет научная работа А.А. Литвинюк, который отмечает, что активная политика «геронтологического эйджизма по отношению к научно-педагогическим кадрам пенсионного возраста» не может быть эффективной по причине низкой мотивации российской молодежи к трудоустройству в организации сферы науки и высшего образования» [3, С. 1476].

Таким образом, два негативных процесса – эйджизм в академической среде и низкая эффективность подготовки научных кадров высшей квалификации взаимосвязаны и взаимообусловлены. Очевидно, что

искусственное «омоложение» российских ученых происходит не на основе создания необходимых условий для естественного роста молодых научных кадров, а за счет вытеснения ученых пенсионного возраста, что подрывает систему профессионального научного наставничества и передачи знаний и опыта, уничтожает уникальные межпоколенные научные связи, которые выстраивались в отечественной науке на протяжении многих лет. Противодействие эйджизму в академической среде – это не только сохранение научных связей разных поколений, но и вопрос обеспечения стратегической устойчивости научного развития страны.

Список литературы:

1. Андрианова, Р. А. Социально-педагогические условия активизации личности в период геронтогенеза: специальность 13.00.02 "Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)" : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Андрианова Роза Ахбановна. – Москва, 2003. – 180 с.
2. Карманов, М. В. Эйджизм как актуальный объект статистического исследования / М. В. Карманов, О. А. Золотарева // Социология и право. – 2020. – № 1(47). – С. 14–20.
3. Литвинюк, А.А. Эйджизм и его последствия для российского высшего образования и науки / А.А. Литвинюк // Лидерство и менеджмент. – 2023. – Т. 10, № 4. – С. 1465–1484.

Компас взросления: курсы жизненных навыков и адаптация зумеров к самостоятельности и рынку труда

Вербицкая Анна Кирилловна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия, a.verbitskaya@gmail.com

Поколение Z, родившееся после 1997 года, сталкивается с уникальными вызовами при переходе к самостоятельной жизни. Более 60% молодых людей 18–25 лет в Северной Америке и Европе испытывают трудности с базовыми навыками – от финансового планирования до приготовления пищи, что порождает новый сегмент образовательного рынка – так называемые курсы «взросления». Их глобальная выручка в 2024 году составила \$415 млрд, а к 2033 году прогнозируется рост до \$872 млрд [1]. Эти программы сочетают онлайн-обучение и практические занятия, восполняя критические пробелы в подготовке ко взрослой жизни молодого поколения.

Одной из ключевых причин возникновения курсов стала трансформация семейного воспитания, так исследования University of Toronto

показывают, что 43% зумеров не участвовали в домашних обязанностях до совершеннолетия, а технологии вроде доставки еды и роботов-пылесосов создали «пузырь зависимости», откладывая освоение навыков хозяйствования [2]. Школьное образование также не справляется с задачей: лишь 12% российских школ включают модули финансовой грамотности или бытового самообслуживания, а в США 78% выпускников 2025 года не могли правильно заполнить квитанцию ЖКХ[3]. Психологические особенности поколения Z усиливают проблему – 65% канадских студентов из-за высокой тревожности предпочитают структурированное обучение с алгоритмами вместо метода проб и ошибок [2].

Программы «взросления» охватывают широкий спектр навыков. Курс «Adulting 101» (University of Waterloo), например, учит сортировке и стирке одежды, составлению бюджета через цифровые инструменты и приготовлению 20 с лишним блюд. После его прохождения 89% участников начинают планировать расходы, а обращения в химчистки снижаются на 67% [4]. Такие корпорации как IKEA и Home Depot, активно внедряют образовательные программы, направленные на подготовку молодежи к практическим аспектам работы на благо компании. Эти инициативы не только восполняют пробелы школьного и домашнего образования, но и решают кадровые проблемы, связанные с дефицитом специалистов, владеющих техническими и ремонтными навыками [5]. Например, IKEA разработала курсы по сборке мебели, где участники осваивают работу с чертежами, инструментами и материалами, необходимыми для работы в магазинах или на производственных линиях. Home Depot, в свою очередь, фокусируется на ремонте и обслуживании домов, включая основы сантехники, электромонтажа и деревообработки. После успешного прохождения программ выпускники получают не только полезные в быту навыки, но и гарантии трудоустройства, что делает обучение особенно привлекательным для зумеров, стремящихся к стабильности. В 2024 году такие инициативы обеспечили работу 320 тыс. человек, подтверждая их эффективность [5].

Сегодня технологии играют ключевую роль в оптимизации таких программ – геймификация, например, повышает вовлеченность через игровые механики: приложение «Adulting Quest» предлагает пользователям выполнять «квесты» – оплата счетов, составление бюджета – за которые начисляются баллы, успехи же визуализируются в виде прогресса персонажа, что особенно важно для поколения Z, привыкшего к цифровым интерфейсам и мгновенной обратной связи [3]. Виртуальная реальность (VR) моделирует реальные ситуации без рисков: в курсах Home Depot симуляторы Oculus Rift обучают тушению пожаров на кухне, ремонту сантехники в условиях ограниченного пространства и проведению переговоров с клиентами в виртуальном офисе, точность действий в таких сценариях повышается на 40%, так как учащиеся могут повторять задачи до достижения мастерства [5]. Искусственный интеллект (ИИ) адаптирует обучение под индивидуальные особенности человека, что является плюсом для многих представителей поколения Z. Так, система AI Mentor от GeekBrains анализирует данные о прогрессе студента (например, из банковских приложений или соцсетей) и предлагает дополнительные материалы по проблемным темам, сокращая время обучения

на 35%. Если учащийся быстро осваивает финансовый анализ, система сразу переходит к сложным темам, таким как инвестирование [3].

В наши дни инновации не только ускоряют подготовку, но и снижают затраты компаний: время адаптации новых работников сокращается, ошибки на производстве уменьшаются, а удовлетворенность клиентов растет благодаря квалифицированному сервису. Таким образом, партнерство корпораций с EdTech-платформами создает замкнутый цикл, где технологии делают обучение эффективным, а трудоустройство выпускников обеспечивает возврат инвестиций в виде квалифицированной рабочей силы [5]. Рынок курсов демонстрирует пока неравномерное развитие: Северная Америка доминирует (\$158 млрд, 38%), за ней следуют Европа (\$112 млрд, 27%) и АТР (\$89 млрд, 21%) [6]. В России сектор растет на 28% ежегодно, достигая 15 млрд рублей к 2025 году, с 45% услуг через мобильные приложения [5]. Экономическая эффективность программ подтверждается ROI: каждый доллар корпоративных инвестиций в обучение приносит \$3,7 дохода за счет снижения больничных, вызванных травмами на работе [1].

Социальные последствия двояки. С одной стороны, курсы снижают возраст финансовой самостоятельности с 27 до 23 лет, увеличивают готовность к рождению детей на 18% и стимулируют рост DIY-культуры на 42% [4]. С другой же – эксперты ВШЭ предупреждают о риске инфантилизации: 23% выпускников продолжают зависеть от наставников [6]. На этом фоне философ Юваль Ной Харари критикует замещение межпоколенческой передачи знаний коммерческими сервисами [7]. Интеграция курсов в национальные образовательные стандарты становится неизбежной, о чем свидетельствует пилотный проект ЕС «Life Skills Academy», охвативший 1,2 млн человек с 31%-ым снижением тревожности [8]. Однако ключевой вызов – сохранение баланса между технологической эффективностью и развитием эмоционального интеллекта. Как подчеркивают социологи, навыки «взросления» не должны сводиться к алгоритмам, но должны учить адаптации в мире, где человек и технологии взаимодействуют, не теряя человечности.

Список литературы:

1. DataHorizon Research: Global Adult Education Market Size, Growth & Forecast Report, 2024-2032. – [Fort Collins, USA], 2024. – URL: <https://datahorizonresearch.com/global-adult-education-market-49147>
2. Царьград ТВ: Курс «Взросление 101»: поколение учат справляться с жизненными задачами // Царьград ТВ. – URL: https://tsargrad.tv/novost/kurs-vzroslenie-101-pokolenie-uchat-spravljatsja-s-zhiznennymi-zadachami_1269771
3. Skillbox Media: Цифры месяца: какие способы обучения предпочитают взрослые россияне // Skillbox Media. – URL: <https://skillbox.ru/media/education/tsifry-mesyatsa-kakie-sposoby-obucheniya-predpochitayut-vzroslye-rossiyane/>

4. Взгляд.ру: [Курс «Взросление 101»: поколение Z учат справляться с жизненными задачами] // Взгляд.ру. – 2025. – URL: <https://vz.ru/news/2025/5/27/1334902.html>
5. Softline: Онлайн-образование: объем рынка и основные тенденции // Softline. – URL: <https://softline.ru/about/blog/onlajn-obrazovanie-obem-rynka-i-osnovnye-tendencii>
6. vc.ru: Поколение Z и рынок труда: почему они меняют правила игры // vc.ru. – 2023. – URL: <https://vc.ru/opinions/2023722-pokolenie-z-i-rinok-truda>
7. Fox Business: Gen Z turns to 'adulting classes' amid gaps in real-world skills // Fox Business. – URL: <https://www.foxbusiness.com/media/gen-z-turns-adulting-classes-amid-gaps-real-world-skills>
8. Eurostat: Adult learning statistics - characteristics of education and training // Eurostat Statistics Explained. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Adult_learning_statistics_-_characteristics_of_education_and_training

Образовательные вызовы в формировании человеческого потенциала: региональный аспект

Воронина Наталья Федоровна
ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный
исследовательский университет)» филиал «Стрела» МАИ
Москва, Россия, voroninanf@yandex.ru

Современные подходы к рассмотрению человеческого потенциала, факторов, оказывающих влияние на его формирование, развитие и реализацию основываются на способности человека к обучению на протяжении всей жизни. [1, с.55] В связи с этим актуальными являются вопросы становления среды организации жизнедеятельности личности, способствующей его вовлеченности в образовательный процесс и направленной на приобретение востребованных компетенций, позволяющих использовать собственный потенциал. Образование представляет собой ресурс, способствующий развитию человека, влияющий на становление его как востребованного участника социально-экономических отношений. [2] К факторам, влияющим на организацию образовательной среды, относят: стратегию государственного развития, реальную и прогнозируемую потребность в кадрах на рынке труда, существующую систему образования, уровень развития технологий, социальный заказ на профессии, доступность образовательных учреждений и платформ для населения. Таким образом процесс приобретения образования для личности определяется

предоставляемыми возможностями образовательных организаций, деятельность которых структурируется и регламентируется государством.

Целью нашего исследования является рассмотрение на региональном уровне реализуемой образовательной деятельности.

Проведение исследования основано на использовании контент-анализа, как метода изучения документов стратегического развития субъектов РФ. Выборочная совокупность составила 84 субъектов РФ, разделенных по следующим 12 макрорегионам: Центральный, Центральнo-Чернозёмный, Северо-Западный, Северный, Южный, Северо- Кавказский, Волго-Камский, Волго-Уральский, Уральско-Сибирский, Южно-Сибирский, Ангаро-Енисейский, Дальневосточный. Анализ проводился на основе официальных документов, направленных на реализацию Стратегического планирования пространственного развития РФ по данным сайта Министерства экономического развития РФ. [3] В результате выделены следующие оценочные критерии, позволяющие оценить существующую ситуацию по обеспечению образовательной среды в регионе и прогнозные сценарии развития каждого рассматриваемого субъекта:

- наличие в документе стратегического развития субъекта РФ раздела, направленного на развитие образования;
- наличие прогноза востребованности в трудовых ресурсах;
- наличие прогноза востребованных специальностей, выделение критически важных в развитии региона;
- динамика спроса на трудовые ресурсы (прогноз численности занятых в экономике) в реализации трех сценариев: целевого (форсированного), консервативного (инерционного) инновационного;
- текущее и планируемое взаимодействие с образовательными организациями.

В результате проведенного исследования следующие регионы показали наличие/отсутствие в Стратегиях развития субъекта РФ данных по выделенным критериям:

- присутствует в документе информация, направленная на развитие образовательной среды региона, выделенная в самостоятельный раздел в 79 Стратегиях, в субъектах Тульская область, Тверская область, Ленинградская область, Кировская область, Саратовская область такой раздел отсутствует;
- используют в Стратегиях прогноз по трудовым ресурсам следующие субъекты РФ: Воронежская область, Тамбовская область, Псковская область, Архангельская область, Республика Адыгея, Краснодарский край, Астраханская область, Республика Дагестан, Республика Северная Осетия – Алания, Пермский край, Республика Башкортостан, Челябинская область, Сахалинская область, Приморский край, Республика Бурятия, Томская область, Республика Тыва, Омская область, в 66 документах данная информация отсутствует, а значит в развитие субъекта она не является значимой, что не соответствует существующим целям и задачам развития государства и ее игнорирование может в прогнозном периоде привести к сложностям в развитии субъекта;
- динамика спроса на трудовые ресурсы в трех прогнозных сценариях наличествует в 22 Стратегиях, в 34 документах такой прогноз отсутствует, в

28 Стратегиях он представлен не в полном объеме, что свидетельствует о низком уровне использования прогнозных ориентиров и, соответственно затруднением в формулировании целей и задач перспективного развития субъекта;

– взаимодействие с образовательными организациями, подтвержденное наличием соответствующих программ или иных документов выявлено во всех Стратегиях субъектов.

Проведенный анализ образовательной деятельности в регионах РФ позволил выявить вызовы, решение которых необходимо для становления эффективной образовательной среды, направленной на формирование человеческого потенциала.

Список литературы:

1. Анопоченко Т.Ю., Воронина Н.Ф. Формирование и развитие человеческого потенциала: концепция, структура, управление в современном информационном обществе : монография / Т.Ю. Анопоченко, Н.Ф. Воронина. – Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2023. – 178 с.
2. Журавлев, А. Л. Образование как ресурс социально-экономического развития России: представления пользователей социальных сетей / А. Л. Журавлев, Д. А. Китова // Вестник Института социологии. – 2023. – Т. 14, № 4. – С. 251-270. – DOI 10.19181/vis.2023.14.4.14. – EDN SOTZQA.
3. Стратегии социально экономического развития. Министерство экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/ (дата обращения: 06.06.2025)

Выпускники вузов и «волна отказов от профессий по специальности»

Гареева Ирина Анатольевна
Тихоокеанский государственный университет
Хабаровск, Россия, 003991togudv.ru

Курума Элизабетта Анатольевна
Тихоокеанский государственный университет
Хабаровск, Россия, elizabettakuruma111311@gmail.com

Соответствие профессиональной деятельности молодых специалистов полученному образованию является критически важным фактором, определяющим эффективность использования человеческого капитала.

Государство заинтересовано в том, чтобы выпускники работали по специальности, прежде всего, из-за экономической эффективности: инвестиции в образование должны окупаться повышением производительности труда и экономическим ростом государства. Во многом это вопрос национальной безопасности и конкурентоспособности, особенно в стратегически важных секторах. Важно подчеркнуть, что потеря каждого потенциального специалиста, работающего не по профилю, становится потерей экономического потенциала, торможением инновационного развития и фактором, ухудшающим социальные перспективы. В связи с чем «волна отказов от профессий по специальности» затрагивает множество аспектов, начиная от личной реализации и заканчивая социально-экономическим развитием страны.

Цель исследования – выявление факторов, влияющих на профессиональную траекторию выпускников вузов, предложение рекомендаций для устранения сложившихся проблем. Анализ данных опросов Rabota.ru (2021г.) и HeadHunter (2024 г.), исследований Росстата (2022 г.), а также заявлений Министерства науки и высшего образования РФ представляют сложную картину несоответствия между российским высшим образованием и потребностями рынка труда.

Сервис Rabota.ru провел исследование среди более чем 5000 работающих россиян старше 18 лет, результаты показали, что 43% респондентов никогда не работали по специальности; 23% – прежде имели такой опыт, но сейчас трудятся в других областях. В сумме это составляет 66% участников опроса Rabota.ru, не работающих или не работавших по своей специальности [1]. Данные Росстата (2022 г.) подтверждают масштабы проблемы, говоря о более чем 30% выпускников высших и средних профессиональных учебных заведений, не работающих по специальности [2]. Несмотря на то, что методики исследований различаются, заявление заместителя министра науки и высшего образования РФ (2022 г.) о 47% выпускников, не занятых в соответствующей сфере, ещё более усиливает тревогу [3]. По рассматриваемой проблеме, в 2024 году, опрос провела российская онлайн-площадка HeadHunter с привлечением 5500 респондентов. Полученные данные представляли собой следующее: 40% опрошенных не работают по полученной специальности, при этом значительная часть – специалисты сферы продаж, туризма, услуг и административного персонала. Примечательно, но более трети из этой группы даже не пытались найти работу по специальности, что указывает на серьёзные проблемы в профориентации и понимании рынка труда. Примерно пятая часть всё же начала работать в соответствии с полученным образованием, но затем перешла в другие сектора, в основном производство и транспорт, возможно, из-за более высокой заработной платы или стабильности [4].

«Волна отказов» от профессиональной деятельности в рамках выбранной ранее специализации – это проблема, корни которой лежат как в объективных, так и в субъективных факторах, из которых мы выделили следующие:

- имеет место проблема устаревания профессий и недостаточного качества образования, которая приводит к несоответствию между теоретическими знаниями и практическими навыками, востребованными на рынке труда;

- несоответствие ожиданий и реальности играет ключевую роль, идеализированные представления о профессии часто расходятся с суровой действительностью;

- недостаток практической подготовки, обусловленный малым количеством стажировок, практик и проектов во время обучения, затрудняет переход от теории к практике;

- личные факторы. Низкая мотивация, отсутствие поддержки со стороны преподавателей, изменение личных приоритетов и жизненных целей в течение периода обучения и после его окончания.

Кристина Багрова, директор по стратегии агентства You Social, предложила ряд методов для адаптации образовательной системы к современным требованиям рынка труда, направленных на улучшение качества образования и повышение его релевантности реальным рабочим процессам:

- кастомизация, подразумевающий адаптацию образовательных программ к индивидуальным нуждам каждого студента, включая возможность выбора модулей, тем и глубины изучения дисциплин;

- интерактивность, предполагающая активное участие студентов в учебном процессе, что способствует развитию критического мышления, навыков коммуникации и способности принимать решения в сложных ситуациях;

- вовлеченность, то есть создание условий, при которых студент чувствует личную заинтересованность в обучении, что достигается за счёт мотивации, обратной связи, признания достижений и комфортной учебной среды;

- обеспечение доступности знаний для всех категорий населения. Реализация данного метода достигается путем использования гибридных и онлайн-форматов обучения, комбинирующих очные и виртуальные занятия;

- обучение в процессе работы, предполагающее интеграцию обучения с реальными рабочими задачами. Студенты приобретают знания и навыки непосредственно на рабочем месте, применяя их на практике, позволяя быстрее адаптироваться к профессиональным требованиям и получать полезный опыт для дальнейшего карьерного роста [5, 6].

Предложенные экспертом методы ориентированы на повышение эффективности и актуальности образовательного процесса. Следует отметить, что часть вышеперечисленных методов уже находят свое отражение в российской образовательной системе, но в то же время, их реализация пока остается фрагментарной и недостаточно последовательной.

Таким образом, решение проблемы заключается в системном и целенаправленном применении предложенных индивидуализированных, практико-ориентированных, интерактивных методов обучения, которые несмотря на присущую высшему образованию массовость, способны значительно повысить качество подготовки специалистов и сократить число

выпускников, работающих не по профилю, тем самым обеспечив более эффективное использование человеческого капитала и укрепив конкурентоспособность страны.

Список литературы:

1. Почему так много россиян работают не по специальности // Ведомости URL: <https://www.vedomosti.ru/career/articles/2021/09/06/885470-rabotayut-spetsialnosti> (дата обращения: 25.05.2025).
2. Росстат: более 30% россиян работают не по специальности // НТВ URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2740350/> (дата обращения: 25.05.2025).
3. Минобрнауки сообщило, что почти 50% выпускников вузов России работают не по специальности // ТАСС URL: <https://tass.ru/obschestvo/16597511> (дата обращения: 25.05.2025).
4. Каков КПД российской системы подготовки специалистов? // Свободная Пресса URL: <https://svpressa.ru/society/article/425029/> (дата обращения: 25.05.2025). Специалисты оценили готовность российского образования к вызовам будущего рынка // Известия URL: <https://iz.ru/1447047/2022-12-27/spetsialisty-otcenili-gotovnost-rossiiskogo-obrazovaniia-k-vyzovam-budushchego-rynka> (дата обращения: 25.05.2025).
5. Дашкова Е. С., Дорохова Н. В., Зенкова О. А. (2020). Исследование процессов трансформации трудовых мотивов и форм занятости населения в условиях инновационного развития экономики // Вопросы инновационной экономики. 2020. № 2. С. 653–662.
6. Дулина Н. В., Петрунева Р. М. Проблема выбора жизненного пути молодежи российских регионов (на материале полевого исследования в Волгоградском государственном техническом университете) // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 3. С. 215–235.

Современный социально-трудовой ландшафт: влияние на карьерные траектории молодежи

Дианов Роман Константинович
МГИМО МИД России
Москва, Россия, r.dianov@inno.mgimo.ru

В настоящее время трудовые отношения переживают масштабные трансформации, вызванные становлением постиндустриального и цифрового общества. Изменения социально-профессионального пространства характеризуются двумя взаимосвязанными процессами: с одной стороны,

расширением возможностей для профессиональной самореализации и мобильности, с другой – ростом нестабильности и социальной уязвимости ряда категорий занятых. Эти тенденции особенно выражены в молодежной среде, которая одновременно демонстрирует высокую адаптивность к новым формам занятости и повышенную чувствительность к рискам прекаризации.

Одним из ключевых проявлений обозначенных трансформаций стало распространение нестандартной (атипичной, нетрадиционной) занятости. На передний план выходит гиг-экономика – новая система трудовых отношений, основанная на временной и краткосрочной занятости, фрилансе, самозанятости и платформенной работе. Особое внимание следует уделить процессу поляризации рынка труда, описанному, например, в работах Г. Стэндинга [1]. На одном полюсе концентрируются высококвалифицированные специалисты, способные извлекать выгоду из новых возможностей, предоставляемых цифровой экономикой и гибкими формами труда. В то же время на другом полюсе формируется прекариат – группа работников, для которой характерны нестабильные доходы, отсутствие социальных гарантий и ограниченные перспективы профессионального роста. Молодежь представлена в обеих категориях, что создает существенные различия в карьерных траекториях этой социально-демографической группы [2].

По результатам анализа данных общероссийских исследований – КОУЖ-2022, RLMS-HSE (2023 г.), Прекариат-2018 и др. – можно сделать вывод, что в нашей стране до трети трудящихся включены в атипичные трудовые отношения по основной или дополнительной работе [2; 3; 4; 5]. Индивиды в возрасте до 34 лет при этом составляют значительную часть фрилансеров и самозанятых [см., напр.: 5], что свидетельствует о готовности молодежи осваивать нетрадиционные карьерные стратегии. Вместе с тем включенность молодежи в нестандартную занятость носит неоднозначный характер: для одних это – сознательный выбор, основанный на ценностях автономии и гибкости, а для других – вынужденная мера в условиях отсутствия стабильных рабочих мест [6].

Изменение социально-трудового ландшафта находит свое выражение и во взглядах научного сообщества на карьерное развитие. Современные исследователи часто рассматривают профессиональное поведение молодых людей сквозь призму концепций «безграничной» (boundaryless) и «протейной» (protean) карьеры. Первая концепция акцентирует внимание на различных формах трудовой мобильности и поливариативных карьерных траекториях, а вторая – на личных ценностях, агентности работника и субъективных критериях успеха [7; 8]. Вместе с тем различные опросные материалы (см., напр.: [9; 10]) позволяют полагать, что значительная часть молодежи продолжает придерживаться традиционных представлений о карьере, связывая ее с постепенным продвижением в рамках организационных структур, предполагающим прибавление заработной платы и улучшение социально-экономического статуса. Сосуществование различных карьерных установок и треков отражает многовекторность и нелинейность профессионального развития в условиях современного общества.

Таким образом, текущий социально-трудовой ландшафт создает для молодежи как новые возможности, так и серьезные вызовы. Ключевым вызовом для молодого поколения заключается в необходимости поиска баланса между гибкостью и стабильностью института занятости. Атипичные формы труда расширяют возможности для самореализации и усиливают автономию, однако они сопряжены с рисками финансовой нестабильности, профессиональной неопределенности и ограниченного доступа к социальным гарантиям. Особенно остро эти проблемы стоят перед теми, кто оказывается в группе прекариата. В этой связи актуализируется необходимость развития и внедрения программ профессиональной ориентации и переподготовки, а также мер социальной поддержки как инструментов адаптации молодых работников к изменяющимся условиям рынка труда. Одновременно возникает потребность в разработке интегральной теоретико-методологической рамки, способной учитывать как институциональные ограничения отдельных обществ, так и разнообразие карьерных установок, сформированных под влиянием структурных условий и индивидуальных стратегий.

Список литературы:

1. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
2. Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с.
3. Комплексное наблюдение условий жизни населения 2022 // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 04.06.2025).
4. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) // Высшая школа экономики. URL: <https://www.hse.ru/rlms/> (дата обращения: 04.06.2025).
5. Фриланс в России – больше, чем фриланс? // ВЦИОМ. 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/frilans-v-rossii-bolshe-chem-frilans> (дата обращения: 04.06.2025).
6. Касаткина Н.П., Шумкова Н.В. От самообразования к самозанятости: непарадный вход молодежи на рынок труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 201–223. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1600>
7. Arthur M.B., Rousseau D.M. Introduction: The Boundaryless Career as a New Employment Principle // The Boundaryless Career: A New Employment Principle for a New Organizational Era / Ed. by M.B. Arthur, D.M. Rousseau. New York: Oxford University Press, 2001. P. 3–20.
8. Hall D.T. Careers in and out of organizations. Thousand Oaks: Sage, 2002. 345 p. <https://doi.org/10.4135/9781452231174>

9. База данных «ВЦИОМ-Навигатор» // ВЦИОМ. URL: <https://bd.wciom.ru/survey/arhivarius/questions/22079f9e-162b-4a24-b87e-dda0a3d5fe08/cross/39687f20-10d5-4c18-91d6-7dab40c68795> (дата обращения: 04.06.2025).
10. Расширенная подборка данных ВЦИОМ. К тематическому выпуску «Труд и занятость» (№1) // Социодиггер. 2021. URL: https://sociodigger.ru/fileadmin/user_upload/2020_01_trud_zanyatost/trud1.pdf (дата обращения: 04.06.2025).

Прекаризация в сфере учительского труда: ключевые факторы и особенности

Дюков Сергей Викторович
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия, dser70@yandex.ru

Молодые специалисты, выпускники вузов и педагогических колледжей, получившие дипломы учителей общеобразовательных школ, все реже мечтают о продолжительной педагогической карьере [1]. В условиях существующего острого дефицита учителей общеобразовательных школ Российской Федерации особую актуальность приобретают вопросы, связанные с прекаризацией учительского труда. Прекарная занятость формируется в результате потери устойчивости традиционных форм трудовых отношений, носит характер социальной незащищенности и нестабильности. Следует отметить, что характерным причинам и симптомам прекарности в сфере труда учителей общеобразовательных школ, в отличие от преподавателей вузов и средне-специальных учебных заведений, уделяется не слишком большое внимание среди отечественных и зарубежных ученых.

Г.В. Леонидова подчеркивает неустойчивый характер занятости в учительском секторе рынка труда. Это проявляется «по большинству критериев (престиж профессии, вовлеченность в дополнительную занятость, участие в неформальных видах трудовых отношений, в том числе репетиторство, и т. д.)» [2, с. 157]. Применительно к сфере педагогической занятости можно утверждать, что факторы прекаризации существенно влияют на личностное развитие, становление, профессиональную идентичность педагога. Неустойчивая занятость и нестабильная профессиональная идентичность в этой сфере имеют особенно существенную связь. Область учительского труда обладает уникальными характерными признаками в том смысле, что она имеет ряд существенных отличий от многих других видов занятости. Ее трудно заключить в строгие рамки регламентирования, алгоритмизированных трудовых отношений. Здесь немаловажно то, что «ориентация на другого обуславливает практически всю

педагогическую деятельность и несет в себе знаковое понятие гуманности» [3, с. 135-136].

Одним из основных факторов прекаризации учительского труда является его повышенная стрессогенность. Для школьного учителя характерны многочисленные межличностные контакты с учениками, родителями, коллегами, административными работниками школы. Далеко не всегда эти контакты не несут в себе определенной доли напряженности и конфликтности. Не секрет, что в последние годы возросло число учащихся с делинквентным поведением. Особенно ярко делинквентность может проявляться в подростковой среде. Нередко объектом некорректного, неуважительного поведения учеников и даже буллинга становятся не только другие учащиеся, но и сам учитель. Но он, в силу гуманистического предназначения своей профессии, упомянутого выше, вынужден тщательно скрывать свои эмоции и проявлять при этом эмпатию. Кроме того, информационная и бюрократическая перегруженность являются постоянными спутниками современного школьного педагога. Педагог постоянно овладевает новыми знаниями проходит курсы повышения квалификации, аттестацию, получает и перерабатывает поступающую информацию в интенсивном режиме.

Возрастающая профессиональная нагрузка и вместе с тем нехватка времени для полноценного отдыха, которую отмечают многие школьные педагоги, приводят к тому, что их психоэмоциональное состояние оставляет желать лучшего. У школьного учителя довольно часто развивается синдром хронической усталости как ощущение постоянного переутомления, появляется эмоциональное выгорание. Наибольшая коварность эмоционального выгорания кроется в скрытости феномена на начальном этапе развития этого процесса [4]. Еще одним фактором прекаризации служит размер заработной платы учителя. Педагоги зачастую отмечают свое неудовлетворительное материальное положение в связи с его недостаточным уровнем [5]. Учителя нередко вынуждены брать дополнительную нагрузку, искать работу по совместительству, заниматься вторичной занятостью. Основным видом вторичной занятости и возможностью улучшения материального благосостояния является репетиторство [6]. По определению П.А. Макеева, репетиторство – это «неформальное дополнение к формальной системе образования» [7]. И, наконец, важнейшим фактором прекаризации выступает самоощущение педагога в контексте престижа учительского труда, удовлетворенности своим положением в социуме, а не только социальной значимости выбранного пути своей профессиональной деятельности. Престиж профессии педагога конечно же напрямую связан с предыдущими двумя факторами прекарности.

Таким образом, подытоживая вышесказанное, можно отметить, что основными направлениями, повышающими социальную защищенность педагогов и сглаживающими явления прекаризации в сфере учительского труда являются: повышение уровня заработной платы и различных типов выплат; совершенствование системы материального и нематериального стимулирования; повышение престижа профессии учителя на

государственном уровне; снижение бюрократической перегруженности педагогических работников.

Список литературы:

1. Вольчик В.В., Посухова О.Ю. Реформы в сфере образования и прекариатизация учителей // TERRA ECONOMICUS. 2017. Т. 15. № 2. С. 122–138. DOI: 10.23683/2073-6606-2017-15-2-122-138
2. Леонидова Г.В. Признаки прекаризации занятости педагогических кадров общего образования: региональный срез // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27. № 6. С. 157–177. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.10
3. Разживина М. И., Яковлева Н. В. Профессиональная идентичность педагога. Анализ современных подходов // Прикладная юридическая психология. 2022. № 4(61). С. 131–140. DOI: 10.33463/2072- 8336.2022.4(61).131-140.
4. Бергис Т.А., Кривуля Ю.С. Проблема профессионального стресса педагогов в условиях современной образовательной системы // Карельский научный журнал. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 47–49. DOI: <https://doi.org/10.26140/knz4-2020-0901-0013>
5. Головчин М.А. (2022). Возможности опережающего формирования достойной оплаты труда ученых в российских регионах // Russian Journal of Economics and Law. № 3. С. 465–482. DOI: 10.21202/2782-2923.2022.3.465-482
6. Абанкина И.В., Белова Ю.Ю., Зиньковский К.В., Латыпова Е.В., Милованов А.Е. (2022). Есть ли у педагогов альтернатива репетиторству для увеличения доходов? // Вопросы образования. № 4. С. 8–32. URL: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-4-8-32>
7. Макеев П.А. Репетиторство в России: описание явления на основе онлайн-платформ // Journal of Institutional Studies, 2019. 11 (4) С. 106–120. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.4.106-120

Управление академическим развитием научно-педагогических работников через совершенствование работы с кадровым резервом

Ефимова Галина Зиновьевна
Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия, G.Z.Efimova@utmn.ru

Совершенствование работы с кадровым резервом имеет решающее значение для управления академическим развитием научно-педагогических работников (НПР) высших учебных заведений. Это предполагает

стратегическое планирование и развитие стратегических профессиональных ресурсов университета, внедрение кадровых технологий для повышения человеческого потенциала и обеспечения адаптивности и конкурентоспособности учебного заведения. Кадровый резерв – «многоуровневая система, позволяющая формировать как кадровый резерв руководящего состава, так и кадровый резерв НПР с планированием вертикальной карьеры в науке, преподавании и менеджменте, а также горизонтальных ротаций» [1, с. 100]. Она направлена на формирование группы перспективных сотрудников, демонстрирующих выдающиеся результаты, готовность к развитию и способных занять ключевые должности. Кадровый резерв ориентирован на формирование группы работников, «соответствующих квалификационным требованиям и обладающих необходимыми профессиональными и личностными качествами для замещения вакантных руководящих должностей в университете» [2]. Такой подход не только укрепляет кадровые ресурсы учреждения, но и способствует достижению его долгосрочных стратегических целей [3].

У участников кадрового резерва целенаправленно развиваются профессиональные и управленческие компетенции, происходит обмен опытом, налаживание междисциплинарных взаимодействий в вузовской среде, расширение функциональных возможностей сотрудников за счет получения знаний, адаптации к изменениям и планирования карьеры [4]. Управление академическим развитием НПР предполагает содействие профессиональному, личностному и карьерному совершенствованию. Этим задачам уделяется основное внимание в кадровом резерве.

Эмпирическая база исследования. Анкетный опрос проведен среди НПР в 15 вузах, в т.ч. 11 – участники и 4 – кандидаты на участие в программе «Приоритет-2030». Выборка – 2776 человек; $\Delta = 1,85\%$.

Результаты исследования: 84% респондентов подтвердили наличие кадрового резерва в университетах. Из числа сотрудников вузов, имеющих кадровый резерв, 68% являются его участниками. Распределение НПР, входящих в кадровый резерв: 55% – педагогический, 27% – научно-исследовательский, 18% – административно-управленческий трек. Анализ возраста респондентов, их научно-педагогического стажа и продолжительности работы в вузе в контексте их участия в кадровом резерве позволяет выявить закономерности между различными категориями сотрудников.

Наиболее молодыми являются участники научно-исследовательского трека кадрового резерва (в среднем 40,4 года). Старшие сотрудники представлены в административно-управленческом и педагогическом треках (45,7 и 46,4 года соответственно). Наименьший научно-педагогический стаж наблюдается у научно-исследовательского трека (14,9 лет), а наибольший – у административно-управленческого трека (19,1 года). Это свидетельствует о высокой профессиональной зрелости управленческих кадров по сравнению с научно-исследовательским составом.

Анализ трудового стажа в конкретном университете показывает, что сотрудники, входящие в кадровый резерв, имеют более длительный опыт работы в учреждении (от 13,3 до 16,8 лет), в то время как НПР из вузов, не

имеющих кадрового резерва, имеют средний показатель 14,78 лет. Так, кадровый резерв формируется преимущественно из наиболее зрелых и опытных НПР, имеющих значительный стаж как в профессиональной деятельности, так и в конкретном вузе.

Анализ удовлетворенности НПР возможностями развития демонстрирует выраженную зависимость уровня удовлетворенности от принадлежности к кадровому резерву. Наивысшие показатели удовлетворенности отмечаются среди участников научно-исследовательского трека, где уровень удовлетворенности профессиональным развитием – 71% оценивает ее как высокую (4–5 баллов по пятибалльной шкале), личностным – 68%, карьерным – 67%. Это свидетельствует о наиболее эффективной системе развития в данном направлении.

Участники административно-управленческого трека также демонстрируют высокий уровень удовлетворенности, хотя показатели ниже: 69% по профессиональному развитию, 64% по личностному и 66% по карьерному. Педагогический трек показывает более низкие результаты: 66% по профессиональному, 65% по личностному и 62% по карьерному развитию. Особую озабоченность вызывает ситуация с сотрудниками, не входящими в кадровый резерв – их показатели удовлетворенности находятся на уровне 56%, 53% и 50% соответственно. Это указывает на проблемы в системе развития. Критична ситуация в вузах, где отсутствует кадровый резерв – в них удовлетворенность минимальна: 38% по профессиональному, 33% по личностному и 34% по карьерному развитию, что требует управленческих действий руководства для создания системы развития персонала.

Отмечена взаимосвязь между принадлежностью к кадровому резерву и уровнем удовлетворенности возможностями развития, что подтверждает эффективность существующей системы кадрового развития в вузе. Система кадрового резерва в вузах показывает эффективность в академическом развитии НПР и укреплении кадрового потенциала вузов.

Список литературы:

1. Кальмай О.М., Юдина Е.С., Шерина О.А., Латышев А.С. Кадровый резерв как фактор повышения конкурентоспособности современного университета. Университетское управление: практика и анализ. 2016. – №1. – С. 98–108.
2. Кадровый резерв. URL: <https://www.sechenov.ru/employee/obuchenie-i-razvitie/professionalnoe-razvitie/kadrovyy-rezerv> (дата обращения: 03.06.2025)
3. Колычев, В.Д., Беляева Т.В., Бронникова Ю.А. Опыт формирования кадрового резерва // Высшее образование в России. – 2017. – № 6. – С. 114–120.
4. Багдасарьян, И.С., Сочнева Е.Н. Кадровый резерв как инструмент выработки управленческих решений в университете // Университетское управление: практика и анализ. – 2017. – Т. 21. – № 2(108). – С. 122–130.

Влияние удаленной работы на профессиональное развитие и психологическое благополучие молодежи: возможности и вызовы в условиях цифровой трансформации

Зарипова Гюзель Рафгатовна
Институт стратегических исследований
Академии наук Республики Башкортостан

В последние годы удаленная работа стала неотъемлемой частью профессиональной жизни трансформируя традиционные модели занятости и создавая новые вызовы и возможности для организаций и сотрудников.

Резкий рост распространенности удаленной работы был зафиксирован в период пандемии COVID-19, когда организации вынужденно перешли на дистанционные форматы работы. Однако в последующие годы данная тенденция не только сохранилась, но и укрепилась благодаря ускоренной цифровой трансформации, охватившей различные секторы экономики.

В этой статье описано влияние удаленной работы на профессиональное развитие и психологическое благополучие молодежи, выявляя как возможности, так и вызовы, связанные с этой формой занятости.

Согласно результатам мониторингового опроса ВЦИОМ об удаленной занятости, росту этого явления способствовала пандемия. Несмотря на то, что на российском рынке труда преобладает стандартная форма занятости (в офисах, на предприятиях), уровень дистанционной занятости остается стабильным, а значит, из вынужденной меры работа из дома превратилась в осознанный выбор и работников, и работодателей. Согласно исследованию, каждый четвертый работающий россиянин сегодня полностью или частично трудится из дома (25 %), что немногим больше, чем в 2022 г. (19 %) [1].

Начиная с 2021 года привлекательность полной «удаленки» выросла вдвое (с 8 до 16%), гибридного формата – в 1,5 раза (с 23 до 34 %). Приверженность гибким формам занятости чаще характерна для молодых специалистов (18–35 лет). В отличие от старших поколений, которые были вынуждены адаптироваться к новому формату, молодежь вышла на рынок труда, будучи знакомой с «удаленкой» со студенческой скамьи. Кроме того, эту группу отличают более высокий уровень цифровой грамотности, адаптивность к новым технологиям и отличное от других поколений отношение к работе.

Такой взгляд на удаленную работу характерен и для россиян в целом: ее ключевым преимуществом видится экономия временных ресурсов: отсутствие необходимости тратить время на дорогу до работы, больше возможностей для общения с семьей, самореализации и выполнения домашних дел, а ключевыми недостатками – дефицит живого общения и снижение самодисциплины [2].

Что касается профессионального развития молодежи в условиях удаленной работы, то можно подчеркнуть такие возможности:

1. Гибкость графика: удаленная работа предоставляет молодым специалистам возможность самостоятельно планировать свое время, что способствует балансу между работой и личной жизнью.

2. Доступ к глобальным рынкам: молодежь имеет возможность работать на международные компании, расширяя свои профессиональные горизонты и получая доступ к уникальным проектам.

3. Развитие цифровых навыков: удаленная работа требует освоения новых технологий и инструментов, что способствует повышению квалификации и конкурентоспособности на рынке труда.

Однако, внедрение удаленных форматов занятости, наряду с очевидными преимуществами, выявило комплекс актуальных вызовов для работодателей и сотрудников:

1. Отсутствие личного общения: ограничение личных взаимодействий может привести к недостатку общения и профессиональных контактов, необходимых для карьерного роста.

2. Непредсказуемость рынка труда: переход на удаленную работу может привести к нестабильности занятости и неопределенности в карьере.

3. Сложности в самоорганизации: необходимость самостоятельно управлять своим временем и задачами может стать источником стресса для некоторых молодых специалистов.

В плане психологического благополучия молодых специалистов в условиях удаленной работы открываются следующие возможности:

1. Снижение стресса от поездок: отсутствие необходимости добираться до офиса в транспорте может снизить уровень стресса и улучшить общее самочувствие.

2. Улучшение условий труда: возможность работать в комфортной обстановке может способствовать повышению продуктивности и удовлетворенности работой.

3. Гибкость в управлении временем: возможность совмещать работу с личными делами может положительно сказаться на психоэмоциональном состоянии [3].

Однако современные исследования выявляют ряд существенных вызовов, оказывающих непосредственное влияние на психологическое благополучие сотрудников в условиях удаленной работы, в частности, отмечаются такие вызовы:

1. Изоляция и одиночество: долгосрочная удаленная работа может привести к чувству изоляции, что негативно сказывается на психологическом состоянии.

2. Сложности с разделением работы и личной жизни: неопределенные границы между рабочим и личным временем могут привести к выгоранию.

3. Проблемы с мотивацией: отсутствие внешних стимулов может снизить уровень мотивации и продуктивности [4].

Удаленная работа предоставляет молодежи уникальные возможности для профессионального развития и улучшения качества жизни. Однако она также сопряжена с рядом вызовов, которые требуют внимания со стороны

работодателей и государственных структур. Для успешной адаптации молодежи к новым условиям необходимо развивать программы поддержки, направленные на обучение цифровым навыкам, создание сетевых возможностей и обеспечение психоэмоционального благополучия.

Список литературы:

1. Данные ВЦИОМ: Работа из дома как новая норма. URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 05.05.2025).
2. Мигунова Ю.В. Современные проблемы совершенствования условий труда (по материалам социологического опроса в Республике Башкортостан) // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 3 (107). С. 29–33.
3. Уфимцева Е. В., Волчкова И. В., Шадейко Н. Р., Геворгян О. И. Удаленная работа: современные реалии трудовой сферы // Экономика труда. 2021. №1. С. 23 –38.
4. Гарипова З.Ф. Комплекс мероприятий, направленных на оптимизацию рынка труда с учетом изменения спроса на рабочую силу в современных условиях // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2022. №1. С. 48–54.

Развитие конкурентоспособности как современный метод управления персоналом

Зауторова Эльвира Викторовна

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия
Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,
elvira-song@mail.ru

Переход Российского государства к рынку путем существенных преобразований в политической, экономической и нравственной сферах привел к изменению основы социально-экономических отношений. Одной из характеристик настоящей ситуации в стране и главной движущей силой развития является конкуренция. Сегодня востребована личность с четкой жизненной позицией, независимым поведением, готовая к свободному жизненному выбору и способная отстаивать свое право на него. Необходимыми нормами успешной социализации стали: широкий кругозор, живой характер, разнообразные коммуникативные навыки, умения принимать оптимальные решения в критических ситуациях; высокая профессиональная мобильность и культура; психическое и физическое здоровье. В Национальной доктрине образования сказано, что в результате ее реализации российская система образования должна обеспечить конкурентоспособный уровень

образования для человека, способного жить и трудиться в условиях демократии и свободы, но вместе с тем в жестких и порой жестоких ситуациях современной экономики, конкуренции по всему спектру человеческих отношений [1].

Значимость формирования конкурентоспособности, чаще всего, определяется с точки зрения профессиональной педагогики. Анализ теории и практики показывает, что большими возможностями для формирования конкурентоспособного специалиста обладает профессиональное воспитание. В работах В. С. Безруковой, В. И. Белова, С. В. Рачиной и других представлены сущность, структура и содержание профессионального воспитания личности.

Под конкурентоспособностью мы понимаем интегральное качество зрелой личности, включающее в себя социально-психологический, общекультурный и профессиональный компоненты, способствующее достижению успеха в реализации права человека занять наиболее значимое место в обществе на основе поставленных им целей.

Данное описание конкурентоспособности определяет необходимость изменения преобладающего сегодня технократического подхода к подготовке специалиста, о существовании которого говорит анализ имеющейся литературы. «К сожалению, существующий до настоящего времени безличностный, технократический подход к подготовке специалистов порождает драматическую ситуацию, при которой последние оказываются вне контекста мировой и отечественной культуры», – заключает В. А. Сластенин [2]. Сегодня уже сформулированы требования к специалисту; рассмотрены отдельные стороны его профессиональной, общечеловеческой и личностной культуры; выявлены специфические черты современных процессов, происходящих в обществе, рассмотрено место в них субъекта [3].

В связи с этим встает вопрос о развитии конкурентоспособности как важного профессионального качества и современного метода управления персоналом. В этой связи представляется интересной технологическая модель развития конкурентоспособной личности Л. М. Митиной, которая объединяет стадии развития конкурентоспособной личности; процессы, происходящие в каждой стадии; комплекс методов воздействия. В ней выделены четыре стадии оптимизации поведения: подготовка, осознание, переоценка, действие; основные процессы развития личности: мотивационные (1 стадия), когнитивные (2 стадия), аффективные (3 стадия), поведенческие (4 стадия) [4].

В. С. Суворов видит возможность подготовки конкурентоспособного специалиста в реализации комплекса условий: «целевая психолого-педагогическая подготовка коллектива педагогов к формированию конкурентоспособного специалиста; направленность педагогического процесса на формирование такого специалиста; социальная среда учебного заведения как фактор его формирования, обеспечивающая профессиональную самореализацию студентов в избранной профессии» [1; 4].

В формировании конкурентоспособности личности как метода управления персоналом мы опирались на следующие положения: применение различных ведущих методов на разных этапах исследования; сочетание различных методов, обеспечивающих получение всесторонних знаний об

эффективности формирования конкурентоспособности [5]. Различные методы чередовались с целью последовательного раскрытия вопроса исследования и конкретизации его результатов.

Для определения уровня конкурентоспособности использовалась стандартизированная характеристика, включающая девять основных параметров, определенных на основе требований к современному специалисту с использованием подходов к диагностике воспитания Н. К. Голубева, Б. Н. Битинас. Она предлагалась непосредственным руководителям исследуемых (техническая компания г. Вологда; 20 участников). Из представленных количественных оценок рассчитывался средний показатель по каждому параметру характеристики. Анализ полученных материалов позволил определить уровни сформированности личностных качеств специалистов, лежащих в основе конкурентоспособности, используя качественные и количественные характеристики показателей.

Рассматривая конкурентоспособность как качество личности, способствующее не только профессиональной адаптации, но и социализации личности с целью дополнения и уточнения данных стандартизированной характеристики использовали диагностические методики. Так методика Д. Н. Хломова по определению типа социального поведения предполагает оценку личности своих социальных навыков межличностной коммуникации и установление позиции взаимодействия. Перечень состоит из 37 положений. Респонденты оценивают каждое положение от 1 до 5 (1 – никогда; 2 – редко; 3 – иногда; 4 – часто; 5 – всегда) сначала себя, а затем сотрудников своего коллектива.

Для определения результата использовались термины: заниженная, завышенная и адекватная самооценка социального поведения. Методика выявляет семь типов социального поведения (оценка социальной компетентности), которые, на наш взгляд, могут быть сгруппированы в три позиции межличностного взаимодействия: пассивную (типы поведения 1 и 3 – для них характерны изоляция, бездействие, выжидательность, неуверенность в своих силах) – низкий уровень социальной компетентности; протестно-лидирующую (типы поведения 2 и 4 – для них выражены реакция эмансипации, нонконформизм, недоверие к миру взрослых, желание противостоять давлению и диктату требований, высокая активность) – средний уровень социальной компетентности; адекватную (типы поведения 5, 6 и 7 – им присуща позитивная самооценка, реалистичные взгляды на себя и других, ответственность в поступках и принятии решений, критичность и оптимизм, терпимость к чужому мнению) – высокий уровень социальной компетентности. Позиции межличностного общения, полученные по методике Д. Н. Хломова, имеют следующее соотношение в выборке: пассивная – 15 %, протестно-лидирующая – 41 %, адекватная – 44 %.

Развитие конкурентоспособности, как и любого качества личности, невозможно, на наш взгляд, без представления о нем. Наиболее известным, широко используемым в науке методом для определения представления является анкетирование. Нами были разработаны краткие анкеты для опроса. Перед заполнением анкеты проводился тщательный инструктаж, объяснялась суть вопросов, технология заполнения анкеты. Анкетированием был

определен уровень осознания специалистами понятия конкурентоспособности, оценка ими своего образования, его содержания на развитие характеристик личности, лежащих в основе конкурентоспособности. В ответах нас интересовало их представление о конкурентоспособной личности, понимают ли они значимость этого качества в успешной профессиональной адаптации и социализации.

Анализ полученных результатов позволил сделать вывод о необходимости развития данного качества. Применяя различные методики психолого-педагогической диагностики на основе выявленных критериев и показателей, условно выделили уровни сформированности конкурентоспособности личности (высокий, средний и низкий).

И. В. Дарманская разработала специальную программу формирования конкурентоспособности учащихся профессионального училища средствами дополнительного образования. Различные формы дополнительного образования (факультативы, объединения по интересам, творческие коллективы и др.) способствуют социальному становлению учащихся, развитию их коммуникативной и общей культуры, качеств конкурентоспособной личности (выдержка, чувство меры, внимание к сверстникам-партнерам, ответственность, упорство, настойчивость, сила воли, уверенность в своих возможностях и т.д.) [1]. Частично данные формы мы использовали в работе со специалистами.

Таким образом, деятельность в рамках повышения конкурентоспособности специалистов как метода управления персоналом включает в себя разнообразные мероприятия, где создается особое смыслозначимое отношение к деятельности других людей, формируется мироотношение, отличающееся социальной направленностью, происходит идентификация себя с другими людьми, социумом в целом, приверженность к социально значимым ценностям. В специально создаваемой деятельности моделируются общественные отношения на принципах свободного выбора, творчества, самоактуализации личности, что оказывает значительное влияние на повышение уровня сформированности конкурентоспособности специалистов.

Список литературы:

1. Дарманская И. В. Формирование конкурентоспособности учащихся профессионального училища средствами дополнительного образования : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.01, 13.00.08 / Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского. – Ярославль, 2003. – 19 с.
2. Сластенин В. А. и др. Педагогика: учебник по дисциплине «Педагогика» для студентов высших учебных заведений, обучающихся по педагогическим специальностям / под ред. В. А. Сластенина. – 8-е изд., стер. – Москва : Академия, 2008. – 566 с.
3. Зауторова Э.В., Соболев Н.Г. Психолого-педагогическая проблема влияния самооценки личности на выбор профессии // VIII Педагогические чтения,

посвященные памяти профессора С. И. Злобина: Сб. материалов в 2-х Т. Сост. А. И. Согрина. – Пермь, 2022. – С. 78-82.

4. Шаталова Н. И., Земляков В. А. Управление персоналом: учебное пособие для практических занятий и самостоятельной работы студентов по дисциплине «Управление персоналом» всех форм обучения. – Екатеринбург : УрГУПС, 2016. – 211 с.
5. Александрова Н. А., Брюхова О. Ю. Управление персоналом организации: Human resource management in organization : курс лекций по дисциплине «Управление персоналом организации» для студентов направления подготовки 38.03.03 – «Управление персоналом» всех форм обучения. – Екатеринбург: УрГУПС, 2017. – 161 с.

Блогерство как новый канал социальной мобильности

Зимова Наталья Сергеевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия, nzimova@mail.ru

В современном обществе происходят значительные изменения в структуре социальной стратификации и механизмах социальной мобильности. Цифровизация экономики, культуры и коммуникации привела к трансформации условий, определяющих возможности индивидов для перемещения по социальной иерархии. Если ранее основными каналами вертикальной мобильности были образование, профессиональная деятельность и государственная служба, то в условиях цифровизации появляются новые форматы занятости и траектории социального продвижения, часто не связанные с традиционными институтами.

В условиях трансформации современного общества особую актуальность приобретают цифровые профессии, в том числе деятельность блогеров. Согласно данным eLama и Ассоциации блогеров и агентств (АБА), объём российского рынка инфлюенс-маркетинга в 2024 году составил 44 миллиарда рублей, что на 37% больше, чем в предыдущем году [1]. Платформы предлагают инструменты монетизации, а блогеры становятся не просто производителями контента, но и медиаперсонами, способными конвертировать внимание аудитории в экономические и символические ресурсы. В этих условиях блогерство начинает выполнять функции социального лифта, обеспечивая возможность вертикальной мобильности без опоры на классические каналы.

Целью данного исследования является анализ блогерства как нового канала социальной мобильности в условиях цифрового общества. Теоретическую рамку составили теории сетевого общества М. Кастельса [2], цифровой экономики К. Андерсон [3] и информационных связей М. Грановеттер [4]. Среди современных работ российских авторов исследование

опиралось на работы Симоновой А. А. и Пить В. В. [5], Бурлаченко Л. С. [6], Балакирева С. О. и Бородина И. В. [7], Зимовой Н. С. [8], О. Чечин и Д. Кравцова [9].

В качестве основного инструмента исследования был выбран качественный контент-анализ, который позволил выделить аналитические признаки, отражающие изменение положения блогеров в социальной структуре. В качестве признаков вертикальной социальной мобильности через блогерство были рассмотрены: изменение профессионального статуса; рост экономического капитала; расширение аудитории и публичного влияния; накопление символического капитала; трансформация образа жизни.

Материалом для анализа послужили открытые цифровые следы блогеров: тексты публикаций, видеоматериалы, оформление профилей, биографии, а также показатели вовлеченности и признаваемые формы монетизации. Учитывалось, что на разных платформах действуют разные алгоритмы и логики продвижения, поэтому при анализе делалась поправка на платформу. Анализируемые элементы охватывают как содержание и стилистику контента, так и его эволюцию: изменения в темах, трансформации самоописания и представлений о себе. Для анализа были выбраны два блогера: Рустам Уразалин и Валентина Карнаухова. В качестве критерия выбора конкретных блогеров для анализа выступало не лидирующие позиции в рейтингах и топах, а наличие признаков перемещения в социальной структуре, зафиксированных через блогерскую деятельность.

Результаты контент-анализа зафиксировали комплексную вертикальную мобильность обоих блогеров, осуществленную за счет блогерской деятельности. Проявления смены профессионального статуса, роста экономических и символических ресурсов, расширения аудитории и трансформации образа жизни зафиксированы не только в биографических высказываниях блогеров [10], [11], [12], [13], но и в структуре и содержании их контента. В каждом из рассмотренных кейсов блогерство сыграло ключевую роль в изменении социального положения.

Результаты исследования подтвердили гипотезу о том, что блогерство может выступать в качестве самостоятельного канала социальной мобильности. Особенности этого канала, такие как низкий порог входа, быстрое распространение контента, возможность монетизации и формирования индивидуального бренда, делают его особенно привлекательным для тех, кто изначально не имел доступа к традиционным каналам продвижения. Исследование показало, что деятельность блогеров характеризуется высокой степенью индивидуализации стратегий продвижения, использованием цифровых алгоритмов и платформенной инфраструктуры, а также демонстрирует новые механизмы восхождения в социальной структуре, отличные от традиционных каналов мобильности. Полученные результаты позволяют не только зафиксировать изменения в структуре социальной мобильности, но и уточнить условия, при которых цифровая среда трансформирует доступ к социальным ресурсам.

Список литературы:

1. Ассоциация блогеров и агентств (АБА), eLama. Рынок инфлюенс-маркетинга в России достиг 44 млрд рублей. 2024. URL: <https://elama.ru/blog/issledovanie-inflyuens-market/> (дата обращения: 10.04.2025).
2. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. С. Филоненко. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
3. Андерсон К. Длинный хвост: эффективная модель бизнеса в Интернете [Электронный ресурс] / пер. с англ. И. Аникеева. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. Режим доступа: kindbook.net (дата обращения: 26.03.2025).
4. Грановеттер, М. Сила слабых связей [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sila-slabyh-svyazei/viewer> (дата обращения: 31.03.2025).
5. Симонова А. А. Пить В. В. Феномен блогерства в контексте новых форм удаленной занятости // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2023. № 21. С. 135–143.
6. Бурлаченко Л. С. Понимание молодежью блогинга как профессиональной деятельности // Организационная психология и психология труда. — 2019. — Т. 4. — № 1. — С. 183–198.
7. Балакирева С. О., Бородин И. В. Индустрия инфлюенсеров: взгляд изнутри // Социодиггер. 2021. № 5(10). С. 49–53.
8. Зимова Н. С. Блогер глазами московского студента: образ профессии // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 3. С. 116–132.
9. Чечин О. П., Кравцова Д. С. Управление занятостью: блогерство — от увлечения к профессии // Проблемы развития предприятий: теория и практика. — 2019. — С. 199–203.
10. Уразалин Р. «Орский блогер из глухой деревни собирает миллионные просмотры» [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <https://youtu.be/acPzJGx-Xc4> (дата обращения: 10.04.2025).
11. Валя Карнавал — про Крида, Макана, Стоуна, Долину, пластику и новый дом [Электронный ресурс] URL: https://vkvideo.ru/video-211220744_456239339 (дата обращения: 15.04.2025).
12. Валя Карнавал — блогер, певица, актриса // Liveliness Agency [Электронный ресурс]. URL: <https://liveliness.agency/karnaval> (дата обращения: 15.04.2025).
13. Karna.val – Валя Карнавал: TikTok, Instagram, песни, биография, доход, реклама // Adinblog.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://adinblog.ru/блогер/karna.val> (дата обращения: 15.04.2025).

Кадровая политика компаний в эпоху демографических изменений и зеленой трансформации

Ибрагимова Эльвира Ильдусовна
Уфимский государственный нефтяной технический университет
Уфа, Россия, ielechka@inbox.ru

В условиях высокой конкуренции на рынке труда имидж компании играет важную роль. Компании, демонстрирующие социальную и экологическую ответственность, имеют преимущество при привлечении высококвалифицированных сотрудников. Маркетинг устойчивости позволяет нефтегазовым компаниям привлечь внимание молодых специалистов и представить себя как социально ответственного работодателя.

Наблюдается тенденция сокращения численности населения в экономически трудоспособных возрастах. По среднему варианту прогноза Росстата численность населения в возрастах 15–64 года уменьшится в России к 2046 г. на 6–7 млн человек. [1] В обозримом будущем на рынок труда выходит новая категория трудоспособного населения – поколение Z и к 2035 году – поколение Альфа.

Представители поколения Z активно используют планшеты, VR- и 3D-реальность. Поколение Z интересуется наукой и технологиями (предполагается, что многие представители будут заниматься инженерно-техническими вопросами, биомедициной, робототехникой), а также искусством. Представители поколения Альфа выросло в эпоху изоляции, зачастую не имеет братьев или сестер, умело обращается с технологиями с раннего детства и активно пользуется онлайн-играми и искусственным интеллектом. Проявляют высокую экологическую осведомленность, трудно концентрируются на одной задаче и ценят индивидуальность.

В связи с этим, возникает необходимость перестройки внутренних политик компаний: от HR-брендинга и наставничества до гибридных моделей занятости и развития soft- и digital-навыков. Возрастает значение ментального здоровья и социальной миссии компаний как факторов удержания и мотивации персонала.

В контексте ускоряющихся глобальных трансформаций, связанных с энергетическим переходом и усилением требований к экологической, социальной и корпоративной ответственности, перед предприятиями встают задачи не только технологической и структурной адаптации, но и стратегического переосмысления внутренней культуры и социального поведения. Формирование корпоративной среды, ориентированной на ценности устойчивого развития, становится фактором конкурентоспособности на рынке труда. Современные специалисты, особенно молодое поколение, предъявляют высокие требования к социальному имиджу работодателя: компании, демонстрирующие приверженность экологическим и социальным стандартам, получают

преимущество при привлечении и удержании квалифицированного персонала.

Что касается перспектив развития социального направления на горизонте 3–5 лет, то 65% экспертов считают, что бизнес будет вкладываться в развитие корпоративных программ по улучшению благополучия сотрудников, таких как забота о физическом и ментальном здоровье, повышение финансовой грамотности, дополнительное образование, профессиональное наставничество, вовлечение в социальную деятельность и волонтерство. [2]

По опросам «Михайлов и партнеры», 84% компаний рассказывают сотрудникам о своей деятельности в области ESG, так как считают это фактором лояльности. [3] Несмотря на высокие показатели значимости вовлечения сотрудников, менеджеры по устойчивому развитию отмечают, что для сотрудников скорее всего будет важно и ценно соблюдение устойчивого развития в компании, показывая средний балл в 3,8/5, согласно результату опроса. [4].

Одновременно с этим глобальный тренд на декарбонизацию и переход к возобновляемым источникам энергии порождает вызовы социальной справедливости, особенно в отношении работников, занятых в отраслях, таких как добыча и переработка нефти и газа. Для смягчения последствий этого структурного сдвига необходимы координированные действия государства и бизнеса по обеспечению справедливого перехода: создание новых рабочих мест, программы переквалификации и повышения квалификации, сохранение экономической активности на территориях с высокой зависимостью от углеводородной экономики. Важным направлением становится интеграция социальных индикаторов в системы отчётности и оценку прогресса в достижении климатических целей.

Акцент смещается с формального соответствия нормам к практической демонстрации заботы о людях – не только о штатных сотрудниках, но и о внешнем контуре занятости, включая партнёров и поставщиков. В условиях усиления конкуренции за квалифицированные кадры и ограничения трудовой мобильности, компании вынуждены выстраивать устойчивую и этичную модель занятости, в которой социальная безопасность, возможности профессионального роста и участие в устойчивом развитии становятся ключевыми аргументами при выборе работодателя.

Список литературы:

1. Предположительная численность населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики (электронный ресурс). – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285> (дата обращения 03.05.2025).
2. Better (by Okkam) // Устойчивое развитие и ESG 22/23: тренды, вызовы и ценность (электронный ресурс). – URL: https://okkam.group/researches/ustojchivoe_razvitie_esg?utm_source=tele

gram&utm_medium=okinsights&utm_campaign=conference. (дата обращения: 05.05.2025)

3. Михайлов и партнеры. Ключевые цифры исследования // ESG в России – 2023 (электронный ресурс). URL: <https://m-p.ru/ESG-Russia-2023.pdf> (дата обращения: 05.05.2025)
4. TSQ. Результаты исследования // Sustainability-культура в российских компаниях (электронный ресурс). URL: <https://tsqconsulting.ru/sustainability> (дата обращения: 07.05.2025)

Проблемы развития инклюзивного образования в современном обществе

Казова Залина Мухамедовна

Российский государственный университет социальных технологий,
АНО ВО «Институт международных экономических связей»
Москва, Россия. zalina.kazova@mail.ru

В современных условиях развития общества инклюзивное образование приобретает одну из ключевых тенденций образовательного процесса, вектор развития которого направлен на формирование равного доступа к качественному образованию для всех категорий обучающихся, включая лиц с особыми образовательными потребностями. Продолжительное время детей в нашей стране делили на типичных (здоровых) и нетипичных. Люди с инвалидностью, ввиду своих особенностей и социальной незрелости общества сталкивались с дискриминацией, были изолированы и не имели возможности жить, учиться и работать как остальные, здоровые члены общества. Сегодня на первый план выходит реализация основной задачи инклюзивного образования – обеспечение всех детей равными возможностями для получения образования и навыков в профессиональной деятельности. Инклюзивное образование предполагает, что все учащиеся имеют право на образование, независимо от их индивидуальных качеств и проблем. [1].

Максимова Н. А. утверждает, что образование в России сегодня переживает переход от интегрированного к инклюзивному обучению. В современной социальной практике прочно укрепился термин «инклюзия»: принято говорить об инклюзивной среде, инклюзивном образовании, инклюзивных стратегиях в различных сферах функционирования общества [2]. Актуальность проблемы развития инклюзивного образования обусловлена, прежде всего, постоянным ростом числа детей, нуждающихся в коррекционном обучении. Однако они должны жить и развиваться в социуме, без отрыва от общества, и государство со своей стороны должно устранить

все барьеры и обеспечить всех равными правами, в том числе и на образование, гарантированное конституцией РФ.

Инклюзия, в условиях интенсивного социально-экономического развития становится социальной задачей, требующей комплексного подхода и фундаментальных изменений. На первый план выходят вопросы реструктуризации архитектуры всего образовательного процесса, что предполагает изменение отношения к людям с инвалидностью, к особенностям человека и понимание значительности интеграции людей с индивидуальными потребностями в социальное общество. Сегодня важным концептуальным аспектом построения инклюзивного общества выступает степень интегрированности людей с инвалидностью в социум, их трудовая вовлеченность. Несмотря на меры поддержки, реализуемые на государственном уровне, люди с инвалидностью сталкиваются с социальной изоляцией и невозможностью реализации трудового потенциала [3,4].

Можно выделить ряд барьеров развития инклюзивного образования в современном обществе:

1. Дискриминация. Основополагающим принципом инклюзивного образования является исключение дискриминации. Независимо от состояния здоровья, особенностей развития, социального статуса, умственных и других характеристик важно, чтобы каждый обучающийся имел доступ к образованию и возможности для обучения.

2. Средовые барьеры и материально техническая база. Необходимо адаптировать учебные заведения так, чтобы они отвечали потребностям всех детей. Социально значимые объекты недостаточно оборудованы техническими средствами, позволяющими беспрепятственное перемещение детей с ограниченными физическими возможностями. Отсутствуют специальные условия для обучения и воспитания.

3. Наблюдается дефицит квалифицированных кадров, способных работать с особенными детьми. Педагоги должны иметь определённую подготовку в области специальных методик, психологической поддержки. Отсутствие необходимых навыков значительно снижает эффективность обучения и адаптацию обучающегося.

4. Социальные стереотипы и предвзятое отношение общества к лицам с инвалидностью создают дополнительные барьеры для их интеграции. Недостаточная информированность и низкий уровень социальной ответственности препятствуют формированию инклюзивной среды как в образовательных учреждениях, так и в обществе в целом.

Для успешного развития инклюзивного образования необходимо комплексное решение проблем на всех уровнях. В первую очередь, требуется совершенствование нормативно-правовой базы с внедрением эффективных механизмов мониторинга и ответственности за исполнение законодательства. Развитие материально-технической базы должно сопровождаться инвестициями в инфраструктуру и создание специализированных образовательных ресурсов, адаптированных под нужды различных категорий обучающихся. Образовательные программы подготовки педагогов должны включать модули по инклюзивному обучению, психологии и социальной адаптации, что позволит повысить профессиональную

компетентность и мотивацию преподавателей к работе с особыми группами учащихся.

Инклюзивное образование является важным социальным приоритетом, отражающим ценности равенства, справедливости и уважения к правам человека. Несмотря на существующие проблемы реализации, развитие инклюзии в образовании открывает широкие возможности для социальной интеграции и повышения качества жизни лиц с особыми потребностями.

Список литературы:

1. Скоробогатова Н.В. Проблемы инклюзивного образования на современном этапе становления системы специального образования // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2015. №2 (26).
2. Максимова Н.А. Инклюзивное образование в России: история, состояние и риски // Педагогическое образование в России. 2018. №9.
3. Казова З.М. Актуальные проблемы трудоустройства инвалидов / З. М. Казова Л.М. Циканова // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2025. – Т. 27, № 1. – С. 42–50. – DOI 10.35330/1991-6639-2025-27-1-42-50. – EDN KXKBKQ.
4. Циканова Л.М. Инклюзивное трудоустройство как императив гуманизации современной экономики / Л. М. Циканова, З. М. Казова // Вестник экономики, права и социологии. – 2024. – № 4. – С. 374–378. – DOI 10.24412/1998-5533-2024-4-374-378. – EDN CBLTUM.

Рациональное использование трудовых и человеческих ресурсов

Кафидов Валерий Викторович

Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
РФ, Москва, Россия, Kafidov@yandex.ru

Понятия «трудовые ресурсы», «человеческие ресурсы» и «человеческий капитал» трактуются современными учеными и специалистами по-разному. Очень часто смешиваются эти понятия в случаях рассмотрения макро и микроуровней. К сожалению, очень часто рассмотрение этих понятий не связывают с первоосновой, с понятиями «ресурс» и «капитал». На микроуровне, уровне организации к этим понятиям добавляется понятие рабочая сила. Именно ее, способность к труду определенного количества и качества, покупает работодатель. Но необходимость установления динамического баланса между внутренней и

внешней средой организации, уже приобретенной способности к труду работников может оказаться недостаточно. Приходится инвестировать в формирование и развитие человеческих ресурсов, а затем инвестировать в превращение этих ресурсов в человеческий капитал. Подробно эти процессы описаны в [1]. Это приводит к сокращению потребности в кадрах организации.

Но потребности в кадрах организаций связаны и с наличием трудовых ресурсов или, как сейчас говорят, совокупной рабочей силы. Но ресурс – это то, что можно использовать, а можно не использовать. Так вот, если нам нужны трудовые ресурсы, то их нужно использовать. А как мы используем трудовые ресурсы?

Самозанятые. Это люди, которые не хотят делать то, что нужно для экономики страны, а то, что хочется им. Таких около 10 млн человек. «И всё больше специалистов разных профессий переходят на этот режим» [2]. Это почти численность населения такого города как Москва. Иногда эти интересы совпадают. Но вот принцип самозанятых: «Скажем сразу – нет никакого утверждённого списка для самозанятых (налог) с видами деятельности. Как тогда понять, чем можно заниматься? Тут действует правило: что не запрещено, то разрешено» [2]. Да, самозанятые платят налоги. Но тогда, нам действительно не хватает кадров. Уверяют, что для решения этой проблемы нам нужны мигранты. Хотя, не верьте глазам своим, по данным исследования, проведенного РАЭК и НИУ ВШЭ в городах-миллионниках, 56% курьеров по доставке продуктов имеют российское гражданство [3]. Да, такое будет возможно, если и в других городах примут такое решение как в Санкт-Петербурге, запрещающее мигрантам работу в такси и доставке продуктов [4].

Однако, первостепенная ли это задача для государства. Это только баснословные прибыли для бизнеса. Но трудовые ресурсы опять используются не для решения первостепенных задач. Давно понятно, что рынок не решает проблемы, особенно в условиях санкций и проведения СВО. Об этом свидетельствует и существующая система стартапов. Предприниматель предлагает свой проект, доказывает его эффективность. Но проблем много, а есть приоритеты. Рыночная модель ставит на первое место прибыль, а это не всегда соответствует интересам государства и общества. В настоящее время отмечается, что «9 из 10 стартапов не достигают успеха. В 42% случаев как раз потому, что не нужны рынку, поскольку не решают реальные проблемы пользователей» [5]. С точки зрения успешности бизнеса скорее всего это так. Но «не нужен рынку» и «не решают реальные проблемы пользователей» – это не очевидно с позиций государства и муниципалитета.

Я неоднократно описывал опыт одного из предпринимателей, Дениса Ковалевича, который может стать моделью регионального и государственного управления экономикой [6]. Сначала разрабатывается перечень первостепенных задач, разрабатывается проект решений, подбираются команды для реализации проекта и т.д. «Нам нужны не гении бизнеса, а обычные люди, готовые заниматься предпринимательским трудом... Каждый год мы создаем полтора десятка новых компаний и открываем несколько десятков предпринимательских позиций... для тех людей, которые способны к упорному труду, но не держат себя за прирожденных гениев бизнеса» [7].

На местном уровне получается такой конвейер: администрация – «Ковалевичи» – созданные ими компании – нанятые предприниматели – менеджеры. Создатели бизнеса и руководители производства не становятся собственниками, а возможно совладельцами или на каких-то еще условиях договора. Целями создания таких предприятий может быть успешное и необходимое импортозамещение, производство жизненно важной продукции и обеспечение безопасности. Такой «рыночный Госплан» возможен и на уровне государства.

В этом случае оценки дает не рынок, а потребности города, региона, государства и общества в целом.

Таким образом можно не ждать, когда предприниматели соберутся производить нужную для национальной экономики продукцию, а создавать коллективы предпринимателей для создания этой продукции и услуг. Это будет возможно, когда и предприниматели поймут, что они не «клиенты», а граждане своей страны.

Список литературы:

1. Кафидов В.В. Управление в социально-экономических системах: монография. – М.: Первое экономическое издательство, 2022. – 206 с.
2. Виды деятельности самозанятых в 2025 году. Сайт Самозанятые РФ 2025 – официальная платформа для самозанятых граждан РФ и работы с ними// Режим доступа: <https://самозанятые.рф/> (Дата обращения 04.06.2025).
3. Рынок доставки продуктов и готовой еды в России в 2022 году// Режим доступа: <https://www.retail.ru/articles/issledovanie-rynok-dostavki-edy-i-produktov-pitaniya-v-rossii/> (Дата обращения 04.06.2025).
4. Запрет для мигрантов на работу в такси и доставке в Петербурге: когда введут, кого коснется - 28 мая 2025 | ФОНТАНКА.ру/ Режим доступа: <https://www.fontanka.ru/2025/05/28/75515450/?ysclid=mbi6njnvrk970568484/> (Дата обращения 04.06.2025).
5. The Top 20 Reasons Startups Fail //Режим доступа: <https://www.cbinsights.com/research/startupfailure-reasons-top> (Дата обращения 04.06.2025).
6. Кафидов В.В. «Город для жителей» или «Город для людей»: монография. – М.: Первое экономическое издательство, 2023. – 106 с.
7. Не стоит превращать предпринимателей в наемных менеджеров// Режим доступа: <https://iz.ru/news/650480> (Дата обращения 04.06.2025).

Цифровая социализация и адаптационные механизмы молодежи в эпоху технологических изменений

Кожеуров Дмитрий Сергеевич, Корж Н.В.
Пензенский государственный университет
Пенза, Россия, dkozheurov@yandex.ru

Цифровизация стремительно трансформирует социальную реальность, изменяя формы коммуникации, механизмы социализации, ценностные ориентации и способы построения идентичности [1]. Современное общество переживает глубокие структурные изменения, вызванные внедрением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) во все сферы жизни — от экономики и образования до повседневного межличностного взаимодействия [2]. Эти процессы затрагивают прежде всего молодежь как наиболее чувствительную к инновациям и гибкую в плане адаптации социальную группу. Молодые люди выступают не только объектами, но и активными субъектами цифровой трансформации, формируя новые модели поведения, участия в общественной жизни и самовыражения [4].

Процесс социализации в цифровую эпоху существенно отличается от традиционных форм включения индивида в общество. Если раньше социализация происходила преимущественно в рамках семьи, образовательных учреждений, трудовых и социальных сообществ, то сегодня значительная её часть сместилась в виртуальное пространство [5]. Молодежь всё чаще усваивает нормы, ценности и модели поведения через цифровую среду — социальные сети, мессенджеры, онлайн-курсы, блоги и мультимедийные платформы. Таким образом, возникает феномен цифровой социализации, включающий как позитивные (расширение возможностей общения, доступа к информации, самореализации), так и негативные (интернет-зависимость, искажение идентичности, когнитивная фрагментация, социальная изоляция) аспекты [7].

Актуальность изучения цифровой социализации обусловлена не только масштабностью цифровой трансформации, но и необходимостью выявления тех механизмов, которые позволяют молодежи эффективно адаптироваться к новым условиям жизни [8]. Возникает потребность в осмыслении того, какие стратегии адаптации выбирает молодежь, какова роль социальных институтов в этом процессе, и какие региональные особенности влияют на успешность цифровой интеграции [9].

Пензенская область представляет собой интересный объект для эмпирического анализа. С одной стороны, регион демонстрирует устойчивую динамику цифрового развития, внедряя электронные сервисы, поддерживая стартапы в сфере ИТ, модернизируя образовательную инфраструктуру [10]. С другой стороны, сохраняются определённые цифровые разрывы — как в доступе к ресурсам, так и в уровне цифровой компетентности отдельных социальных групп. Молодежь региона находится в центре этих процессов,

выступая индикатором успешности или неуспешности цифровой политики [12].

Дополнительный интерес представляет исследование того, каким образом региональная молодежь формирует свою цифровую идентичность, какие трудности она испытывает при включении в цифровую среду, как изменяются её поведенческие установки и коммуникационные практики [13]. Отдельное внимание необходимо уделить анализу адаптационных механизмов — когнитивных, поведенческих и эмоциональных стратегий, позволяющих молодым людям справляться с вызовами цифровой эпохи: информационной перегрузкой, снижением глубины восприятия, нарушением баланса онлайн- и офлайн-взаимодействий [14].

Теоретико-методологическая основа настоящего исследования строится на синтезе междисциплинарных подходов, объединяющих достижения социологии, социальной философии, психологии, медиакоммуникаций и цифровой педагогики. В центре внимания находится комплексное осмысление цифровой социализации как современного феномена, порожденного трансформацией социальной структуры под влиянием технологических изменений [1].

Во-первых, опорной платформой служит концепция структурной трансформации общества, разработанная У. Бемом и Э. Гидденсом, согласно которой в условиях «рискового общества» ключевыми становятся процессы рефлексивной модернизации и адаптации к новым типам социальных реальностей. Эти идеи особенно актуальны в контексте цифровизации, которая радикально меняет не только институциональные рамки, но и способы формирования идентичности, коммуникации и участия в общественной жизни [2].

Во-вторых, значительное влияние на исследование оказали положения теории социальной социализации, представленные в трудах П. Бергера и Т. Лукмана, а также Дж. Мида, рассматривавших социализацию как процесс усвоения индивидом социальных норм, ценностей и ролей. В цифровую эпоху этот процесс приобретает новые формы и механизмы, что требует переосмысления классических подходов с учётом виртуального пространства [4].

Особую актуальность приобретают и труды отечественных исследователей — М.Н. Руткевича, А.В. Лубского, Е.В. Шевцова, Л.Н. Москвичева, анализирующих специфику социокультурной динамики молодежи, цифровых рисков, процессов институционализации цифрового образования и коммуникаций [5].

В исследованиях М. Кастельса подчеркивается, что в эпоху информационного общества социальная структура организуется вокруг сетей — «network society». Молодежь как часть «сетевого поколения» осваивает принципы горизонтальной коммуникации, самопрезентации и конструирования цифровой идентичности [7]. Данные идеи легли в основу анализа цифрового поведения молодежи в рамках настоящей работы [8].

— Институциональный подход позволил осмыслить роль социальных институтов (образования, медиа, семьи, государства) в

формировании цифровой культуры молодежи и поддержке её адапционных механизмов [9]. Рассматривались как формальные (государственные программы цифровизации), так и неформальные (интернет-сообщества, блогосфера) институциональные элементы [10].

– Когнитивно-поведенческий подход применялся для анализа адапционных стратегий молодежи в условиях цифровой среды [11]. Учитывались особенности цифрового мышления, клиповости восприятия, информационной нагрузки, а также устойчивость к цифровому стрессу, навыки саморегуляции, критического мышления и цифровой гигиены [3].

– Региональный (локальный) подход, позволяющий учитывать особенности социально-экономического и культурного контекста Пензенской области [12], а также специфику региональной молодежной политики, уровня цифровой инфраструктуры, степени доступности интернета, участия молодежи в цифровых проектах [13].

Современная цифровая трансформация образовательной среды принципиально изменяет традиционные механизмы социализации студенческой молодежи [14]. Проведенное исследование в Пензенской области выявило комплексную динамику этого процесса, где технологические инновации создают как новые возможности, так и серьезные вызовы для образовательной системы [15]. Эмпирические данные демонстрируют, что 93% опрошенных студентов ежедневно проводят в цифровой среде более 4 часов, при этом 71% рассматривают ее как основное пространство социализации [6]. Такая интенсивность цифрового взаимодействия приводит к формированию принципиально новых моделей поведения и коммуникации в образовательном процессе [7].

Ядром исследования стало выявление и анализ адапционных стратегий, которые формируются у студентов в ответ на цифровую трансформацию образования. Проведенный кластерный анализ позволил выделить три доминирующих типа адаптации. Проактивно-адаптивный тип (38% выборки) характеризуется высоким уровнем цифровой компетентности, осознанным использованием образовательных технологий и развитыми навыками самоорганизации [4]. Эти студенты активно участвуют в онлайн-курсах, вебинарах и цифровых образовательных проектах, демонстрируя эффективные стратегии работы с информационной перегрузкой. Пассивно-адаптивный тип (46%) проявляет реактивное отношение к цифровым инновациям, ограничиваясь базовыми функциями образовательных платформ и демонстрируя зависимость от внешнего контроля [1]. Наиболее проблемной группой оказались представители дезадаптивного типа (16%), испытывающие серьезные трудности в цифровой навигации и демонстрирующие высокий уровень тревожности в цифровой образовательной среде [2].

Особое значение в исследовании уделено анализу факторов цифрового неравенства, которые существенно влияют на процессы социализации [3]. Выявлены значимые различия между студентами из городской (71%) и сельской (29%) местности, особенно в качестве доступа к цифровым ресурсам и уровне цифровой грамотности. Специфические барьеры отмечаются у студентов гуманитарных специальностей (46%), которые в

среднем демонстрируют более низкие показатели цифровой компетентности по сравнению с техническими направлениями подготовки (54%) [11]. Материальный фактор остается одним из ключевых детерминантов цифрового неравенства – 23% опрошенных указали на недостаток технических средств для полноценного участия в цифровом образовательном процессе [12].

Трансформация коммуникативных практик представляет собой один из наиболее значимых аспектов цифровой социализации. Исследование зафиксировало, что 84% студентов рассматривают цифровые каналы как основной способ учебной коммуникации, при этом 62% отмечают дефицит живого общения и связанные с этим психологические трудности [14]. Феномен "цифрового одиночества" был идентифицирован у 37% респондентов, что особенно характерно для студентов младших курсов, находящихся в процессе адаптации к вузовской среде [15]. Парадоксальным образом интенсивная цифровая коммуникация часто сопровождается снижением качества социальных связей и ростом поверхностности взаимодействий [1].

Важнейшим результатом исследования стало выявление динамики формирования цифровой идентичности у студенческой молодежи [2]. Данные свидетельствуют, что 58% студентов сознательно конструируют отличающийся образ в цифровом пространстве, стремясь представить себя "успешнее и компетентнее". Это порождает феномен "цифрового перфекционизма", который отмечают 43% опрошенных и который становится источником дополнительного стресса [4]. Одновременно наблюдается рост новых форм цифрового активизма (27%), когда студенты используют онлайн-платформы для реализации социальных и образовательных инициатив [5].

Региональная специфика Пензенской области проявляется в сохраняющемся разрыве между развитой цифровой инфраструктурой в крупных учебных заведениях и ограниченными возможностями периферийных образовательных учреждений. Несмотря на государственные программы цифровизации, 29% студентов из сельских районов испытывают значительные трудности в адаптации к цифровым образовательным практикам [7]. Это подчеркивает необходимость разработки дифференцированных подходов к цифровой социализации с учетом территориальных особенностей [8].

Проведенное исследование цифровой социализации студенческой молодежи в условиях трансформации образовательной среды позволило выявить комплексную динамику адаптационных процессов в эпоху цифровизации. Полученные результаты демонстрируют, что современные образовательные практики претерпевают кардинальные изменения, формируя новые модели поведения и коммуникации среди студентов. Центральное место в этом процессе занимает формирование разнообразных адаптационных стратегий, где наряду с успешными моделями цифровой интеграции сохраняется значительная доля студентов, испытывающих серьезные трудности адаптации. Особую озабоченность вызывает устойчивое цифровое неравенство, проявляющееся в заметных различиях между студентами из разных территориальных, образовательных и социально-экономических групп [12].

Трансформация коммуникативных практик приобретает все более выраженный характер, что проявляется в доминировании цифровых каналов общения, росте феномена цифрового одиночества и существенных изменениях механизмов формирования идентичности [13]. При этом исследование выявило парадоксальную ситуацию, когда интенсивное цифровое взаимодействие зачастую сопровождается снижением качества социальных связей и ростом психологических трудностей [14]. Особенно ярко эти тенденции проявляются в региональном контексте, где сохраняется разрыв между развитой цифровой инфраструктурой ведущих учебных заведений и ограниченными возможностями образовательных учреждений в сельской местности [15].

Полученные результаты имеют важное практическое значение для совершенствования образовательной политики и разработки эффективных моделей психолого-педагогического сопровождения [1]. Они подчеркивают необходимость создания дифференцированных программ поддержки, учитывающих различные уровни цифровой компетентности и адаптационного потенциала студентов [2]. Особое внимание должно быть уделено мерам по преодолению цифрового неравенства и созданию условий для равного доступа к качественным образовательным ресурсам [3]. Перспективы дальнейших исследований видятся в углубленном изучении долгосрочных эффектов цифровой социализации, разработке комплексных показателей адаптации и создании интегративных моделей цифрового образования, сочетающих технологические инновации с сохранением ценности межличностного взаимодействия [4].

Список литературы:

1. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. — М.: Весь Мир, 2004. — 288 с.
2. Тоффлер Э. Третья волна. — М.: АСТ, 2004. — 784 с.
3. Твенге Ж. iПоколение: почему сегодняшние суперподключённые дети растут менее бунтарскими, более терпимыми, менее счастливыми — и совершенно не готовыми к взрослой жизни. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. — 400 с.
4. Власова Е.З. Адаптивное обучение как основа индивидуализации образования // Инновации в образовании. — 2019. — № 1. — С. 20–28.
5. Кужелев-Саган И.П. Цифровое пространство как новое социальное измерение современной молодежи // Вестник Томского государственного университета. Социология. — 2022. — № 60. — С. 18–34.
6. Галаганова Н.М. Цифровая социализация: риски и ресурсы молодежи // Молодёжь и общество. — 2021. — № 3 (43). — С. 45–52.
7. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в зеркале «большой истории» // Вопросы философии. — 2016. — № 5. — С. 3–18.

8. Зверева И.Д. Социализация молодежи в цифровом пространстве: вызовы и возможности // Человек. Сообщество. Управление. — 2021. — № 2. — С. 99–107.
9. Уварова И.И. Социология образования: цифровая трансформация социальной среды // Социология образования. — 2022. — № 1. — С. 38–44.
10. Пономарева Н.С. Молодежь в информационном обществе: адаптационные стратегии и социальная мобильность // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. — 2020. — № 3. — С. 88–102.
11. Чирикова А.Е. Цифровизация и трансформация молодежных практик // Социологические исследования. — 2021. — № 4. — С. 78–85.
12. Савельева С.А. Региональные особенности цифровой социализации молодежи: опыт Пензенской области // Региональная социология. — 2023. — № 2. — С. 56–64.
13. Громов И.А. Адаптация молодежи к цифровой образовательной среде: социологический анализ // Образование и наука. — 2021. — № 7. — С. 112–135.
14. Постман Н. Технополис: капитуляция культуры перед техникой. — М.: Изд-во «ЛИБРОКОМ», 2014. — 304 с.
15. Радаев В.В. Социальные изменения и молодежь: проблемы и перспективы // Социологические исследования. — 2022. — № 8. — С. 5–15.

Возможности применения теории человеческого капитала при управлении персоналом

Коноплина Юлия Сергеевна
Калининградский государственный технический университет
Калининград, Россия, yuliya.konoplina@kltgu.ru

При переходе предприятия к применению теории человеческого капитала тщательного анализа требуют смысловые и стилистические особенности действующей на предприятии системы управления персоналом. Многие параметры такого перехода будут зависеть от того, применяется ли на предприятии рамочное управление персоналом, делегирование при управлении персоналом, управление по целям [1].

С позиций теории человеческого капитала рамочное управление персоналом можно рассматривать как переходной этап и проверку готовности предприятия к применению данной теории на практике. Отметим, что рамочное управление персоналом имеет следующие особенности:

– Позволяет получить поток информации от сотрудников (начиная от

обратной связи до генерирования новых идей).

- Применяется, если цели предприятия сформированы укрупненно, без детализации, и сотрудники должны достичь этих целей на основе собственного видения путей их достижения.

Если на предприятии при управлении персоналом широко применяется делегирование и степень достижения целей предприятия является достаточной, можно сделать вывод о высоком качестве организации труда на предприятии, включая такие параметры, как дисциплинированность, образовательный и профессиональный уровень сотрудников. Однако при этом делегирование в меньшей степени, чем рамочное управление, свидетельствует о готовности предприятия к применению концепции человеческого капитала.

При недостаточно квалифицированном применении делегирования на предприятии разгрузка руководителя для решения стратегических задач может оказаться минимальной или вообще равной нулю, у каждого конкретного сотрудника может полностью отсутствовать общее видение его роли в достижении целей предприятия, особенно если его задачи сведены лишь до ключевых показателей эффективности (KPI).

Для полноценного перехода к управлению персоналом с позиции человеческого капитала надежной основой может послужить наличие на предприятии успешной практики привлечения сотрудников к процессу формирования целей, поскольку при этом на предприятии достигается значительный полезный результат по двум направлениям:

- Вовлеченность сотрудников при прочих равных условиях дает основание ожидать более высоких результатов. Создается ситуация, когда сотрудники ведут себя не отстраненно, а являются ментально и эмоционально задействованными.
- Данный подход обеспечивает значительный поток важной и разнообразной информации от сотрудников к работодателю (например, поток идей и рационализаторских предложений, а также поток информации для анализа психологического состояния сотрудников и других показателей деятельности и состояния персонала).

Внедрение теории человеческого капитала в деятельность целесообразно осуществлять не одновременно ко всем группам вопросов управления персоналом, а постепенно, поочередно. В частности, в первую очередь применять эту теорию в деятельности предприятия рекомендуется в сфере мотивации персонала [2].

При внедрении концепции человеческого капитала предприятию важно учитывать, что каждой теории мотивации соответствует определенное представление о человеке и механизмах его поведения, однако в новых информационно-технологических условиях появятся ранее незамеченные стили поведения и решения поставленных задач.

В управлении персоналом на предприятии рекомендуется принимать во внимание то, что теории мотивации появлялись по мере эволюции сферы трудовых отношений. При этом ранние разработки не теряли своей актуальности, сужалась лишь сфера их применения. Таким образом,

появление новых отраслей и новых технологий приводит к появлению новых теорий мотивации [2].

В этой связи достаточно важной составляющей управления персоналом с позиции человеческого капитала можно считать применение кадрового резерва, который является, с одной стороны, эффективным инструментом управления карьерой, а с другой стороны, надежным рычагом воздействия при мотивации персонала. Кадровый резерв влияет на персонал не только напрямую в виде нематериальной мотивации (признание заслуг), но и косвенно в виде материальной мотивации (перспектива более высокой заработной платы в будущем). Кадровый резерв имеет следующие особенности:

- Является признаком наличия кадровой стратегии и общих перспектив развития предприятия.
- Разрабатывается на предприятиях с достаточно большим количеством сотрудников.
- Формируется по двум направлениям (первое направление – резерв из состава собственных сотрудников, второе направление – резерв из потенциальных сотрудников предприятия).
- Тесно связан с управлением карьерой сотрудников на предприятии.

С позиции теории человеческого капитала управление персоналом должно строиться с учетом особенностей сложившейся на предприятии корпоративной культуры [3]. Корпоративная культура относится не к жестким, а к мягким элементам управления персоналом, удельный вес которых в теории человеческого капитала как раз максимален. Для подтверждения этого тезиса отметим, что корпоративная культура представлена в той или иной степени на каждом предприятии, однако в любом случае не в форме инструкций. К тому же, корпоративная культура не содержит прямых указаний к действию, но направлена на формирование условий. Однако отметим, что поскольку корпоративная культура имеет признаки самоформирования, т.е. формируется не только управляющими лицами, но и всеми сотрудниками без исключения (хотя и в разной степени), существует риск неблагоприятного формирования корпоративной культуры.

Список литературы:

1. Лушников А.М. «Человеческий капитал», «человеческий потенциал» и трудовое право: опыт междисциплинарного подхода / А.М. Лушников // Ежегодник трудового права. – 2024. – №14. – С. 141-155.
2. Коноплина Ю.С. Образовательные возможности как инструмент мотивации персонала / Ю.С. Коноплина // Экономический вектор. – 2024. – № 2(37). – С. 156-160.
3. Кириллова Л.С. Корпоративная этика в регулировании трудовых отношений / Л.С. Кириллова // Вестник экономики, права и социологии. – 2024. – № 2. – С. 102-108.

Социальный портрет современного студента: диагностика трудового потенциала

Корзина Алена Алексеевна
Вологодский научный центр Российской академии наук,
Вологда, Россия, lawrentjewa.alyna2016@yandex.ru

Эффективность деятельности современной организации зависит не только от природных, финансовых, информационных и трудовых ресурсов, но в большей степени от возможности использовать эти ресурсы в процессе трудовой деятельности. В связи с этим, требования на рынке труда к новым специалистам становятся более высокими. Основными условиями для трудоустройства в современном мире являются опыт работы, профильное образование и наличие определенных значимых знаний, умений и навыков, что является трудовым потенциалом человека [1]. Ключевым фактором, влияющим на трудовой потенциал человека, является его профессиональное самоопределение, сформированное на этапе получения образования [2].

В то же время, любой образовательной организации важно понимать характерные особенности своей целевой аудитории (абитуриентов), чтобы воздействовать на их профессиональный выбор. На наш взгляд, для наилучшего понимания целевой группы вуза необходимо представить характеристики самих обучающихся. Одним из методов описания категории студентов является социальное портретирование, которое в том числе может отражать их мотивацию и стремления, влияющие на выбор трудовой деятельности и её характер.

Исследование особенностей профессионального самоопределения студентов проводилось на базе ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет». Эмпирической базой исследования выступили: социологический опрос, проведенный в 2022 году среди студентов-первокурсников ВоГУ – выборка составила 277 человек и формировалась по полу и институту обучения; глубинное интервью с директорами учебных подразделений ВоГУ; фокус-группы, проведенные среди студентов университета. Всего было проведено 7 фокус-групп, по 8-9 обучающихся в каждой.

В целом, студенты первого курса в гендерном разрезе представлены поровну: 50% женщин и 50% мужчин. Необходимо отметить, что социальные, гуманитарные и педагогические направления подготовки в больше степени представлены женским контингентом студентов, а технические направления студентами мужского пола. При обсуждении вопроса о характеристике студентов ВоГУ эксперты отметили, что в зависимости от направления подготовки, обучающиеся различаются поведением, целями и мотивами. Студенты гуманитарных направлений, в основном девушки, более открытые в выражении своих мыслей, целеустремленные. Представители технических направлений, в основном юноши, спокойные, но не пассивные.

При проведении анализа взаимосвязи между планируемым для поступления направлением подготовки и в итоге выбранным профилем обучения данные показали, что меньше всего студенты планировали поступать на социальные и гуманитарные направления, в частности педагогические. И, с другой стороны, более целенаправленное поступление осуществилось на технические направления подготовки, связанные с информационными технологиями и строительством. Выявлена особенность профессионального самоопределения первокурсников: гуманитарные направления больше представлены городскими школьниками, а технические направления школьниками из районов области или из других регионов страны. По мнению директоров, это обусловлено тем, что *«когда родители из далека посылают детей учиться, они часто хотят, чтобы дети получили высокооплачиваемую профессию и дающую какое-то ремесло»* (директор института, ж.).

Основным показателем, на который смотрят абитуриенты при поступлении в тот или иной вуз, оказалось наличие бюджетных мест (63%). Больше половины опрошенных первокурсников также назвали влияющим фактором близость к основному месту жительства и наличие интересующих для абитуриентов направлений подготовки. Примечательно, что возможность получения качественного образования и трудоустройства после окончания обучения отметила лишь треть опрошенных студентов.

Определяющим фактором в профессиональном самоопределении опрошенных оказались личные интересы и способности. Почти треть студентов (29%) отметили важность наставлений членов семьи. Обращает внимание, что лишь 16% опрошенных первокурсников отметили влияние профориентационной работы учителей и мероприятий ВоГУ.

При проведении фокус-групп со студентами обсуждался вопрос об их опыте работы. Соотношение никогда не работавших студентов и студентов, имеющих опыт работы составило 40% на 60% соответственно. Обучающиеся с отсутствием опыта работы объясняют свое положение нехваткой времени на трудовую деятельность из-за желания наслаждаться студенческой жизнью, участвовать в общественной, спортивной или научной деятельности университета. Отдельным фактором было названо отсутствие подходящих вакансий.

Среди тех обучающихся, которые заняты в настоящее время на рынке труда, лишь треть работает по своему профилю обучения. Большая часть работающих студентов заняты в сфере общественного питания или работают администратором. Основными причинами трудоустройства во время обучения обучающие называют желание быть независимыми от родителей и иметь свой источник дохода. Около трети всех респондентов отметили, что хотят добиться карьерных высот в сфере своего профиля обучения. Большинство же студентов пока не определились с профессией вообще и говорят о возможности оформиться индивидуальным предпринимателем.

Таким образом, на основании анализа особенностей профессионального самоопределения первокурсников ВоГУ, определен социальный портрет студента университета, результаты которого мы можем использовать для изучения трудового потенциала будущих выпускников.

Список литературы:

1. Журавлева Е.А. Роль образования в формировании трудового потенциала // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2013. № 3. С. 8-11.
2. Лаврентьева А.А. Формирование трудового потенциала человека через институт образования // Образовательные ресурсы и технологии. 2024. №4(49). С. 46-55. DOI 10.21777/2500-2112-2024-4-46-55

Прогнозирование человеческого потенциала Воронежской области и проблемы трансформации трудовой сферы региона

Крупко Анатолий Эмануилович
Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия, glomer-a@mail.ru

Для Воронежской области решение проблем развития человеческого потенциала является важным и актуальным. В регионе давно сложная демографическая ситуация и не хватает трудовых ресурсов [1]. В 2024 г. официальная нехватка в работниках составила 21,8 тыс. чел., в том числе в сельской местности – 4,4 тыс. чел. Реальная же потребность в кадрах намного больше.

Численность жителей Воронежской области в 2024 г. составила 2274 тыс. чел. За 1990–2023 гг. численность жителей сократилась лишь на 220,8 тыс. чел. при суммарной смертности жителей за эти годы 1470,5 тыс. чел., рождаемости – 732,1 тыс. чел., естественной убыли – 738,5 тыс. чел. Без притока мигрантов (529,3 тыс. чел.) регион уже давно бы был в демографической «яме» [2]. В этом случае численность населения упала бы до 1750 тыс. чел.

Была сделана оценка демографического фертильного и трудового потенциалов без учета миграции. Такой прогноз позволяет оценить будущий собственный человеческий потенциал региона. Для этого был использован комбинированный подход (разные методы моделирования). Сначала была рассчитана будущая численность населения региона на основе простых статистических моделей для общей динамики и динамики без учета миграции. Полученная на основе моделирования прогнозная численность населения Воронежской области мало отличается в разных моделях. Кардинально различается прогнозная динамика населения, построенная на основе динамики без учета миграции (первый вариант) и реальной динамики (второй вариант). По первому варианту численность жителей региона составит в 2050 г. 1,804 млн чел. в 2070 г. – 1,448 млн чел, в 2100 г. – 913 тыс. чел. По

второму варианту соответственно – 2,174 млн чел., 2,091 млн чел. и 1968 тыс. чел. [3].

Наиболее точной, особенно для краткосрочных прогнозов по однолетним интервалам населения, является матричная модель воспроизводства населения [4]. Эта модель позволяет вычислить (на основе современного состояния населения) величину и структуру населения в перспективное время. Матрица определяется режимом воспроизводства населения (показатели фертильности и дожития за год или за пять лет).

В результате моделирования по пятилетним интервалам был получен такой результат: численность населения Воронежской области в 2044 году снизится до 1843 тыс. чел. Для сравнения в 2044 году по первому варианту прогноза получили 1911 тыс. чел., по второму – 2199 тыс. чел. То есть за 20 лет в населении области прибавится четверть млн мигрантов. Родилось по нашей модели за 2024-2043 гг. 286,76 тыс. детей. Смертность за 2024-2043 гг. составила 721 тыс. чел.

Численность населения в трудоспособном возрасте составит в 2044 году еще относительно высокий показатель – 1081 тыс. чел. или 58,7% всего населения региона, благодаря высокой рождаемости населения в 80-е годы (60 лет в 2044 г.) и в начале 2000-х гг. Намного хуже ситуация будет с фертильным потенциалом региона: численность женщин (15-49 лет) сократится с 520 тыс. чел. до 357 тыс. женщин или 31,3%. При этом все население региона сократится лишь на 17,2%. Прогноз также показывает, что к 2050 г. численность населения в трудоспособном возрасте начнет быстро падать. За 2039-2044 году она сократится с 1166 тыс. чел. до 1081 тыс. чел., а в 2049 г. составит лишь 905 тыс. чел. В 2074 г. численность населения в трудоспособном возрасте упадет до 665 тыс. чел. по прогнозу.

Прогнозы показывают, что трудовой потенциал Воронежской области через 10 лет уже начнет сокращаться. Рост производительности труда может компенсировать снижение численности работников. По прогнозам к середине 21 века занятость в развитых странах (с развитием 5 и 6 технологических укладов) упадет в несколько раз. Будут заняты в экономике только один из пяти или шести человек. В современную эпоху, когда идет переход к новой технологической революции, занятость уже начинает кардинально меняться. Нужны теперь или очень квалифицированные кадры, способные создавать и налаживать новые технологии производства и управления, или очень простые (уборщики, грузчики и т.д.). Токарей, фрезеровщиков самого высокого класса сейчас с успехом заменяют станочные центры. Соответственно система образования в странах полностью модернизируется. Готовят в обычных западных школах людей для простого труда. В элитных частных школах учат по настоящему, в том числе используют советские методики. В нашей стране переход к отраслям и производствам 5 цикла частично тоже произошел. К тому же значительную часть ВВП и бюджета страны дают ТЭК, добыча полезных ископаемых и металлургия, где занято суммарно 3006,5 тыс. чел., в том числе 1354 тыс. чел. в энергетике (то есть лишь 1652,5 тыс. чел. в главных отраслях страны). Отсюда возникла возможность развивать не нужные для развития страны, но экономически выгодные для предпринимателей организации сферы услуг и развлечений.

Соответственно в стране и в регионе стали мало готовить квалифицированных рабочих. Соотношение между выпусками НПО и ВПО за постсоветские годы изменилось в 11,9 раза [3]. В нашем регионе четко виден дисбаланс в развитии третичной сферы и реального сектора экономики. Явно наблюдается избыточность торговой сферы и некоторых услуг.

Сейчас существованию РФ имеются серьезные угрозы, необходимо менять структуру экономики и занятых в ней в пользу материального производства. По нашему мнению, в настоящее время численность трудовых ресурсов вполне достаточна для обеспечения потребностей региона, не хватает в основном рабочих кадров. В пик пандемии (2020 г.), когда мигрантов почти не было, зарплата в сфере простого труда выросла, за ней росла численность местных кадров, в том числе молодых. Также нужно вернуться к нормальной структуре образования, расширенной подготовке квалифицированных рабочих, тогда мигранты будут не нужны.

Список литературы:

1. Крупко А.Э. Теоретические аспекты изучения территориальной организации населения и расселения / А.Э. Крупко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. – 2002. – № 1.– С. 65–69.
2. Крупко, А.Э. Тенденции, прогнозы и перспективы демографического развития Воронежской области/А.Э. Крупко// Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия. География. Геология. 2024. № 3 (76), С. 14–27.
3. Крупко А.Э. Особенности развития и использования трудового потенциала Воронежской области за постсоветское время и устойчивость экономики региона /А.Э. Крупко // Геополитика и экогеодинамика регионов. – Том 10 (20). – Вып. 3. – 2024 г. – С. 127–138.
4. Фетисов Ю.М. Математическое моделирование развития регионов и муниципальных образований Центрально-Черноземного района / Ю.М. Фетисов, А.Э. Крупко. – Воронеж, ВГПУ, 2019. – 124 с.

Наставничество как фактор адаптации и удержания персонала в государственном здравоохранении

Кузьмин Константин Викторович, Петрова Л.Е.
Свердловский областной медицинский колледж
Екатеринбург, Россия

Харченко Вера Сергеевна
Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия

В условиях растущей кадровой нестабильности медсестринских коллективов особое внимание в настоящее время уделяется внедрению наставничества в государственных организациях здравоохранения. Наставничество представляется не только как средство успешной адаптации молодых сотрудников на рабочих местах, но и как действенный инструмент создания благоприятного психологического климата, основанного на балансе интересов работников и медицинской организации.

По Плану государственного задания Министерства здравоохранения Свердловской области в августе-сентябре 2024 г. было проведено социологическое исследование (n=1122). Цель исследования – определить роль наставничества в адаптации среднего медицинского персонала на рабочих местах и укреплении кадрового потенциала медсестринских коллективов в государственном здравоохранении Свердловской области. При проведении исследования использовалась анкета, разработанная авторами на основе анализа результатов экспертных интервью с организаторами наставнической деятельности среднего медицинского персонала в государственных организациях здравоохранения Свердловской области; дополнительно адаптированы в соответствии с целью исследования методические материалы, представленные в ряде публикаций. Применены методы одномерного, двумерного и сравнительного анализа.

Результаты:

1. Проведено ранжирование основных факторов адаптации специалистов среднего звена, работающих в государственном здравоохранении.
2. Изучены роль и место наставнических отношений с позиций укрепления кадрового потенциала медицинских организаций.
3. Ценность полученных результатов заключается в анализе субъективных оценок роли наставничества в укреплении кадровой стабильности медсестринских коллективов на репрезентативном региональном материале.

Выводы:

1. Участники опроса, как правило, не выделяют наставничество в качестве фактора, оказывающего большое влияние на адаптации молодых специалистов и укрепления кадровой стабильности коллективов; чаще всего на позитивную роль наставничества указывают опрошенные со стажем работы до 10 лет.
2. Основными факторами адаптации молодых специалистов названы советы коллег и возможности набираться у них практического опыта, возможности обращаться за помощью к коллегам по работе и доброжелательные отношения в медсестринских коллективах.
3. Наставничество оказывает существенное воздействие на повышение уровней удовлетворенности трудом, вовлеченности в работу

медицинских организаций, лояльности работодателю и выстраиванию перспектив профессиональной самореализации средних медицинских работников, что свидетельствует о необходимости его внедрения в государственное здравоохранение с учетом конкретной специфики медицинских организаций наряду с другими средствами укрепления их кадровой стабильности.

По результатам проведенного исследования даны рекомендации по внедрению наставничества среднего медицинского персонала, адресованные главным врачам и руководителям медсестринских коллективов государственных организаций здравоохранения.

Адаптационные стратегии работников транспортно-логистического сектора в условиях внешнего кризиса: вызовы, практики, последствия

Кунаев Максим Андреевич

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Россия, Москва, 1142221312@pfur.ru

В период с 2020 по 2024 год транспортно-логистическому сектору в России пришлось столкнуться с рядом кризисных ситуаций, которые оказали на него существенное влияние на разных уровнях, как и на масштабные организационные процессы, так и на повседневную трудовую практику сотрудников. К кризисным факторам относится пандемия COVID-19, случившаяся в первую половину указанного периода (2020–2022 г.), и начало специальной военной операции (СВО) с сопутствующим ей режимом международных санкций (с 2022 г. по наст. вр.). На этом фоне организации оказались перед необходимостью скорейшей адаптации к резко изменившимся условиям. Мамедов С.А. показывает, что анализ природы самого кризиса является условием понимания построения модели адаптации организации к нему [2, с. 160]. В силу многоуровневого характера кризисов задача адаптации проявила себя не только в попытках соответствующим образом трансформировать бизнес-процессы, но и в анализе того, как сотрудники внутри организации и восприняли кризис, готовы ли они адаптироваться и как это проявляется в их повседневной профессиональной деятельности.

Именно выявление и описание адаптационных стратегий сотрудников российской транспортно-логистической компании, оказавшейся на пересечении множества кризисных трансформаций и стало целью представленного исследования. Его эмпирическую базу составили интервью с персоналом, анкетирование сотрудников, а также анализ внутренних управленческих документов за указанные кризисные периоды [1].

Среди прочего, в ходе данного исследования были обнаружены факторы выбора стратегии адаптации сотрудниками, детерминированные как и личностными особенностями, институциональной поддержкой и непосредственно характером самих организационных изменений. Солодилов А.В. упоминает о трех плоскостях, определяющих адаптивную реакцию сотрудника [5, с. 446]. Во-первых, это психологическое измерение, связанное с профессиональной идентичностью, мотивацией и стрессоустойчивостью сотрудников. В свете адаптации психологическая готовность сотрудника к внешним вызовам позволяет ему мобилизовать личностные ресурсы для реализации адаптации или напротив — дистанцироваться от этих изменений в профессиональной сфере [6, с. 62]. Вторая плоскость связана с социальным измерением жизни трудового коллектива, динамикой межличностных и групповых взаимодействий, где процессы социальной консолидации и деконсолидации оказываются частью адаптации на уровне коллективного реагирования. Третья, организационно-деятельностная плоскость стратегий адаптации выражается непосредственно через трудовой процесс и показатели эффективности, свидетельствующие об успешности или неудачах в адаптации через наблюдаемые результаты — уровень производительности, вовлеченность сотрудников профессиональную деятельность.

Основываясь на указанных срезх организационной адаптации, можно условно классифицировать стратегии адаптации следующим образом:

1. Активная адаптация — сознательное принятие резких изменений, выраженное через стремление работника сохранить или увеличить производственную эффективность и вовлеченность в трудовой процесс. Кроме того, стратегия активной адаптации выражается через стремление сотрудника к инициативности — освоению новых профессиональных функций, повышению мотивации к увеличению уровня своей квалификации.
2. Локальное смирение. Для данной стратегии адаптации характерно то, что новые условия трудовой деятельности принимаются сотрудником без того, чтобы активно вовлекаться в процессы трансформации. Однако формальным образом работник стремиться сохранить трудовую дисциплину, не проявляя при этом инициативность и заинтересованность в том, чтобы организация справилась с внешними вызовами.
3. Внутреннее увольнение. Если в случае с локальным смирением сотрудник все же сохраняет интерес к работе, распространяя свою пассивность лишь в отношении инициативности к преодолению кризисов, то этот тип адаптации характерен практически полной утратой интереса сотрудника к работе. Работник делает все, чтобы остаться на рабочем месте, но при этом у него падает качество труда. Кроме того, в данном случае для работника характерно избегание ответственности перед вышестоящим руководством и всем трудовым коллективом в целом.
4. Выход из профессии. Это самый радикальный вариант, когда в свете новых вызовов работник перестает видеть какие-либо перспективы развития в компании или транспортно-логистической отрасли в целом. Социальная консолидация и профессиональная идентичность перестают играть

существенную роль в вовлеченности сотрудника в трудовой процесс, в результате чего он покидает его, переориентируясь на другие сферы.

То, какую конкретно стратегию изберет сотрудник, определяется целой совокупностью факторов: спецификой управленческой коммуникации, уровнем прозрачности принимаемых решений, доступностью информации о целях и характере изменений, материальной и нематериальной поддержки и поддержанию стрессоустойчивости и достаточного уровня мотивации [3].

Исследование показало, что условия неопределенности провоцируют изменения к труду, к собственной роли в коллективе и к сфере деятельности сотрудника. Особенно стоит обратить внимание на противоречия, возникающие в результате возрастающих требований к сотрудникам в контексте кризисных ситуаций, с которым сталкивается организация с одной стороны, и стремлением к клиентоориентированности, с другой [4, с. 168]. Работники не всегда имеют достаточные ресурсы для адаптации, особенно если ожидания от клиентов на фоне кризиса приобретают характер нарастающего давления. Адаптация может приобретать парадоксальный характер, где деятельность работников формально соответствует новому курсу, но при этом сотрудники оказываются неприспособленными к новым задачам.

Адаптация сотрудников в кризисных условиях – не просто индикатор их личной устойчивости, но и маркер эффективности организационной среды. Понимание этих процессов может позволить разработать более адаптивные и гуманные модели управления человеческими ресурсами в условиях глобальной нестабильности.

Список литературы:

1. Кунаев М. А. Адаптация российского бизнеса к внешним вызовам 2022–2023 гг.(на примере логистической компании) //Теория и практика общественного развития. – 2025. – №. 3. – С. 80–88.
2. Мамедов С. А., Гончарук К. Р. Диагностика кризиса как средство выявления угроз и возможностей развития //Современные тенденции развития управления и производства в условиях цифровизации: Мат. IV Междунар. научн.-практ. студенческой конф. М. – 2024. – С. 158–162.
3. Минасбекян Г.Р., Суворова Т.В. Формирование модели управления изменениями в компании //Путеводитель предпринимателя. – 2025. – Т. 18. – №. 2. – С. 93–99.
4. Саенко В. Н., Бубынина М. А. Антикризисное управление персоналом в условиях неопределенности: прогнозирование и адаптация //Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2024. – №. 4. – С. 166–171.
5. Солодилов А. В., Солод А. А., Зайцев А. С. Совершенствование системы управления персоналом в условиях кризиса //Трансформация систем управления: новые задачи и горизонты. – 2023. – С. 442–448.

6. Хрусталева Т. А. Профессиональная идентичность как фактор успешной адаптации к профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел //ББК 88.8 А43. – 2023. – С. 372.

Характеристика человеческого потенциала: функциональный подход

Лабейко Ольга Анатольевна,
Барановичский государственный университет
Барановичи, Республика Беларусь, Olgalabeyko@bk.ru

Сторонники функционального подхода исследуют в широком смысле качественные характеристики населения страны, региона, территорий сквозь призму взаимосвязанных и взаимозависимых, но не тождественных понятий «человеческий потенциал», «качество жизни», «человеческий потенциал экономики», «человеческий капитал». Представителями функционального подхода являются Доброхлеб В.Г., Леонидов Г.В., Мигранова Л. А., Локозов В.В., Римашевская Н.М., Рюмина Е. В., Федотов А. А. и др. В рамках развития научной социо-демографической школы Римашевской Н. М. учеными-экономистами обосновывается идея о том, что повышение уровня и качества жизни, обеспечение благосостояния населения является не целью, а средством достижения высокого уровня человеческого потенциала страны [1; 2].

В научный исследованиях Рюминой Е. В. человеческий потенциал рассматривается в надэкономическом смысле как совокупность количественных и качественных характеристик населения, с учетом его свойств, которые проявляются в политической, экономической, социальной и культурных сферах жизнедеятельности [3, с. 23]. Автор указывает на необходимость дополнить качественные характеристики населения отношением человека к природной среде, которая является важнейшей и неотъемлемой частью его жизнедеятельности. Описывает человеческий потенциал Рюмина Е. В. в разрезе демографического, здоровьесберегающего, трудового, социокультурного и экологического поведения населения.

Локозов В. В. определил человеческий потенциал как совокупность демографических, социально-экономических и социокультурных свойств населения, реализуемых в разнообразных сферах деятельности для развития общества с учетом исторических, природных и географических условий [4, с. 9]. Указанный ученый в структуре человеческого потенциала выделяет три базовые компоненты: демографический, трудовой и социо-культурный. Доброхлеб В. Г., Ефанова О.А. к составляющим человеческого потенциала относят физическое, психическое и социальное здоровье, профессионально-образовательный и интеллектуальный капитал, социокультурную активность населения и его нравственные ценности, а также семейный потенциал. Последний характеризуется семейными ценностями и социальными нормами [5, с. 101]. Важнейшим составным элементом человеческого потенциала

Новиков А.В., Ярашева А.В. считают образование, функциональное назначение которого заключаются в модернизации общества в условиях перехода к экономике знаний, повышении уровня и качества жизни населения.

Н.М. Римашевская справедливо отмечала, что социальные группы населения, обладающие образовательными и трудовыми возможностями, социальной активностью и адаптивностью, являются локомотивом экономического развития. Указанным автором разработаны методологические основы оценки человеческого потенциала населения страны, региона. По мнению Н.М. Римашевской, именно социальная политика государства должна быть направлена на возрождение общества, усиление адаптационных возможностей общественно-экономических групп населения [6, с. 18]. Несмотря на определенную критику социально-демографической школы Н.М. Римашевской, О.И. Иванов развивает разработанные ранее теоретические положения представителей данной научной школы о сущности человеческого потенциала, выделяя в нем такие признаки, как взаимодействие с социальной средой, способность и готовность выполнения общественно-необходимых видов деятельности, социальных ролей функций [7, с. 92]. Следует признать целостность, непротиворечивость и высокое практическое значение концепции человеческого потенциала, предложенной представителями функционального подхода.

На основе теоретических положений функционального подхода определена социально-экономическая природа потенциала населения с инвалидностью как совокупности физических и духовных свойств индивида или группы людей, которые обуславливают их возможности по выполнению социальных и экономических функций для достижения личного и общественного благосостояния в конкретных исторических условиях [8, с. 53].

Работа выполнена при финансовой поддержке БРФФИ (НИР «Комплексная оценка человеческого потенциала людей с инвалидностью в Республике Беларусь: теория и практика», договор № Г25-011 от 02.05.2025 г.)

Список литературы:

1. Федотов, А. А. Качество жизни и человеческий потенциал в концепциях устойчивого и человеческого развития (часть первая) / А. А. Федотов // Народонаселение. – 2021. – Т. 24, № 2. – С. 53-65.
2. Черкесова, Э. Ю. Эволюция понятия человеческого капитала / Э. Ю. Черкесова, В. В. Турбанов // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. – № 1. – Т. 1. – С. 11-17.
3. Рюмина, Е. В. Население не только как экономический ресурс: понятие человеческого потенциала в широком смысле / Е. В. Рюмина // Народонаселение. – 2022. – Т. 25, № 2. – С. 19-27.
4. Доброхлеб В. Г. Семейный потенциал как составляющая человеческого потенциала регионов России / В. Г. Доброхлеб, О. А. Ефанова // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 4. – С. 99-109.

5. Локосов, В. В. Человеческий потенциал: концептуальные подходы и методики измерения / В. В. Локосов // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 4. – С. 4-14.
6. Римащевская, Н. М. Качество человеческого потенциала в современной России / Н. М. Римащевская // Безопасность Евразии. – 2004. – № 1(15). – С. 14-32.
7. Иванов, О. И. Человеческий потенциал: вопросы теории и методологии исследования / О. И. Иванов // Социологические исследования. – 2014. – № 6(362). – С. 89-95.
8. Лабейко, О. А. Человеческий потенциал населения с инвалидностью: понятие и структура / О. А. Лабейко // Проблемы управления (Минск). – 2024. – № 4(94). – С. 49-53.

Особенности подходов к профессиональной подготовке педагогов на основе требований профессиональных стандартов

Ланцев Виктор Леонидович
Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
Орёл, Россия, vic_lan@mail.ru

Возрастание темпов динамики социальных процессов в российском обществе приводит к внедрению новых инструментов, оказывающих существенное влияние на базовые социальные институты. Среди них следует особо выделить социальный институт образования, модернизация которого не прекращается на протяжении нескольких десятилетий [1]. Особенно выделяются вопросы подготовки педагогических и административных кадров, способных адекватно и оперативно решать задачи достижения качества образования. При этом одним из значимых инструментов, определяющих векторы государственной политики в сфере подготовки кадров, становится система профессиональных стандартов [2]. Имплементация профстандартов привела к появлению большого числа социально-управленческих механизмов, призванных способствовать достижению необходимого уровня знаний и умений специалистов [3].

Профессиональный стандарт педагога, утвержденный Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ в 2013 году, содержал перечень трудовых действий, знаний и умений, необходимых для обеспечения реализации трудовых функций обучения, воспитания и развития. При этом перечень трудовых функций соответствовал основным категориям педагогики, входящим в состав понятия «образование». Фактически первый профстандарт содержит описание требований к деятельности по обучению,

воспитанию и развитию. Подобный подход достаточно хорошо согласуется содержанием федеральных государственных образовательных стандартах. Так, предметные результаты формируются в ходе обучения, метапредметные в процессе развивающей деятельности, а личностные в области воспитания. В этой связи большое значение приобрело адресное развитие отдельных профессиональных компетенций, сгруппированных по видам профессиональной деятельности. Формирование знаний и умений студентов педагогических специальностей и молодых педагогов должно строиться так, чтобы их трудовые действия были сосредоточены вокруг формирования всех типов образовательных результатов.

Анализируя процесс имплементации профессиональных стандартов в сфере образования, можно выявить особенности их трансформации. На первом из общего профессионального стандарта педагога стали выделяться частные. Появились стандарты педагогов дошкольного образования, педагога-психолога, социального педагога, педагога дополнительного образования и другие. На втором этапе были внесены изменения в содержание профессиональных стандартов, изменившее парадигму профессионального обучения будущих педагогов. Обновление профессионального стандарта привело к тому, что изменился перечень трудовых функций. Вместо ориентации на ключевые категории образования трудовые функции были сформированы по ключевым направлениям деятельности педагога. Так, в содержании стандартов была выделена деятельность по реализации программ, решению педагогических ситуаций в стандартных и нестандартных условиях, взаимодействию с родителями, методическому сопровождению образовательного процесса и другие. Исследование трудовых действий в разных профессиональных стандартах в сфере образования указывает на то, что принципиальных изменений в содержании подготовки педагогов не произошло, однако изменились подходы. Во многом это обусловлено диспропорцией в образовательном процессе, наблюдающейся в связи с ослаблением роли воспитания и доминированием обучения. Именно поэтому в последние годы наблюдается смещение вектора государственной политики в сфере образования в область воспитания. В этой связи были внесены изменения в Федеральный закон от 29.12.2012 года №273 «Об образовании в Российской Федерации», внедрены меры поддержки воспитательной работы, разработаны федеральные проекты патриотической направленности для детей и молодежи и другие.

В систему образования внедрены инструменты оценки предметных, а также метапредметных результатов. При этом выявить уровень сформированности личностных результатов практически не представляется возможным. Аналогичная ситуация наблюдается при изучении качества профессионального обучения, развития и воспитания. Последняя категория характеризуется соблюдением профессиональных норм, этики, приверженности ценностям профессии и другими критериями. Актуальные редакции профессиональных стандартов в сфере образования учитывают этот аспект ввиду его значимости для организации воспитательной работы. Особую значимость приобретают навыки работы в команде, умение выстраивать социальные интеракции с коллегами, гибкость

профессиональных подходов и способность адаптировать содержание деятельности к конкретным условиям.

Таким образом, профессиональные стандарты закладывают вектор подготовки как студентов профессиональных образовательных организаций, так и работающих специалистов в рамках дополнительного профессионального образования. Важным качеством профстандартов становится гибкость, которая в соответствии с принципами проектного управления позволяет адекватно и своевременно реагировать на внешние и внутренние изменения, затрагивающие институт образования и предупреждать возникновение рисков.

Список литературы:

1. Власов В.С. Теоретические подходы к изучению модернизации системы образования в России // Педагогический журнал. – 2023. – Т. 13, № 8-1. – С. 49-58. – DOI 10.34670/AR.2023.87.65.006.
2. Иванов С.А., Старостина С.Е., Авдеев П.Б., Дугарова Д.Ц. Профессиональные стандарты как механизмы управления качеством профессионального образования в регионе // Ученые записки Забайкальского государственного университета. – 2019. – Т. 14, № 5. – С. 93-102. – DOI 10.21209/2658-7114-2019-14-5-93-102.
3. Проказина Н.В., Ланцев В.Л. Социально-управленческие механизмы внедрения профессионального стандарта педагога: особенности и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 546-563. – DOI 10.22363/2313-2272-2023-23-3-546-563.

Динамика человеческого потенциала российских рабочих и профессионалов через призму их субъективного благополучия

Латов Юрий Валерьевич,
Латова Наталия Валерьевна
Институт социологии ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, myshona@rambler.ru, latov@mail.ru

Еще в прошлом веке замечено, что представления граждан об окружающей их социальной реальности и официальная национальная статистика могут сильно расходиться. В поисках новых индикаторов благополучия, отражающих не только материальную обеспеченность, но и самочувствие людей, было предложено понятие «субъективное благополучие», которое чаще всего определяется как «когнитивная и

эмоциональная оценка человеком своей жизни». В русле данной трактовки акцент делается на анализе удовлетворенности людей жизнью в целом и разными ее аспектами.

Использование новой (связанной с оценением субъективного благополучия) методики принципиально важно при изучении «постиндустриальных» сдвигов. Когда жизнь «постиндустриальных» профессионалов (работников творческого труда с высоким образованием) сравнивают с «индустриальными» рабочими, то обычно подчеркивают более высокие доходы профессионалов. Но такой подход принципиально недостаточен, ведь материальная обеспеченность – критерий благополучия, имманентный уходящему индустриальному обществу. Рождающееся постиндустриальное общество формирует и новые критерии благополучия, связанные не только и не столько с тем, сколько у человека денег и имущества, но и с тем, насколько человек самореализуется в работе, в семье и в гражданском обществе. Эти новые аспекты лучше измеряются именно через субъективное благополучие.

Рассмотрим удовлетворенность российских специалистов (профессионалов) и рабочих разными аспектами их жизни. Этот подход не только дает детализированное представление о субъективном благополучии, но и указывает на источники позитивных и негативных социально-психологических состояний граждан страны. Эмпирической базой послужили материалы очередной волны всероссийского мониторинга, проведенного в апреле 2024 г. Институтом социологии ФНИСЦ РАН (2000 россиян в возрасте от 18 лет, репрезентирующие все типы поселений и территориально-экономических районов РФ, основные социально-профессиональные группы). Для изучения динамики использовались данные сопоставимого по методам и методологии опроса ИКСИ РАН в 1996 г. Респондентам в обоих опросах задавался одинаковый вопрос «Как Вы оцениваете следующие стороны своей жизни?» и предлагался для оценки список разных сфер жизни. Чтобы оценить межгрупповые различия, нами рассчитывался Индекс удовлетворенности на основе формулы: $SBW = (R_x - R_n) / (R_x + R_n)$, где SBW – Индекс удовлетворенности (от -1 до 1), R_x – доля ответов «хорошо», R_n – доля ответов «плохо».

По данным 2024 г. удовлетворенность российских специалистов разными аспектами своей жизни выглядит весьма позитивно. Наиболее высокие оценки получили такие аспекты как питание ($SBW = 0,97$), отношения в семье и одежда (оба 0,95), положение и статус в обществе (0,9), доступность Интернета (0,89), возможности общения с друзьями (0,88), возможность реализовать себя в профессии (0,86). Весьма проблемной оказалась только социальная защищенность в случае потери работы (-0,42). В целом у наших специалистов в настоящее время – не только достойный уровень жизни, но и хорошее ее качество: есть много сфер, в которых специалистам комфортно и которые дают им возможность развивать свой человеческий потенциал. Конечно, на общем позитивном фоне есть и существенные проблемы: так, высокий позитив в отношении своей работы сочетается с опасностью профессионального выгорания, неудовлетворенностью возможностями

поддерживать необходимый уровень здоровья, а также беспокойством потерять работу.

У российских рабочих удовлетворенность разными сферами жизни, как и следовало ожидать, сейчас существенно хуже, чем у профессионалов. Неплохой в целом уровень жизни сочетается у них с низким ее качеством. Практически все сферы жизни, связанные с обеспеченностью общественными благами, оцениваются российскими рабочими довольно низко. Явные проблемы наблюдаются у них не только с уровнем социальной защищенности при потере работы (-0,57), но и с возможностями получать качественную медицинскую помощь (-0,35) и с возможностями выражать свои политические взгляды (-0,16). Ключевым элементом различий в субъективном благополучии российских рабочих и профессионалов выступает возможность получения образования и знаний: SBW рабочих по данному аспекту – лишь 0,13, а у специалистов – целых 0,85.

Изучение Индекса удовлетворенности у российских рабочих и специалистов конца XX в., почти 30 лет назад, демонстрирует совсем другую картину. Различия между этими двумя профессиональными группами наблюдались и тогда, но их масштаб был еще невелик. Хотя набор сфер жизни в опросе 1996 г. был существенно меньше, чем в 2024 г., но в обеих социально-профессиональных группах прослеживались проблемы не только с качеством жизни, но и с ее уровнем. Наибольшие различия в субъективном благополучии российских рабочих и специалистов были тогда связаны с возможностью реализовать себя в профессии (соответственно -0,45 и 0,02) и с питанием (-0,19 и 0,20).

Сравнительные различия в субъективном благополучии российских рабочих и специалистов – отражение трансформации общества, которую можно назвать «постиндустриальным сдвигом». Речь идет о выдвижении на первый план профессионалов-постиндустриалов как новой ключевой производительной силы, обладающей гораздо лучшим человеческим потенциалом, чем рабочие-индустриалы. Ведь межформационные сдвиги всегда связаны с кардинальным улучшением не только производительных сил, но и образа жизни. Новая социальная группа, возглавляющая постиндустриальный сдвиг, тоже должна демонстрировать не только более производительную организацию труда, но также более привлекательный образ жизни. Именно это происходит на наших глазах. Россия только начинает постиндустриальный сдвиг, однако по показателям субъективной удовлетворенности отечественные профессионалы все сильнее обгоняют рабочих.

Трудовые ценности студенческой молодежи и представителей старшего поколения

Ломоносова Марина Васильевна
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, lomonosovamv@mail.ru

Вишнякова Таисия Алексеевна
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, taiciav@gmail.com

На сегодняшний день сфера труда активно трансформируется, можно даже сказать, что сейчас она находится в весьма нестабильном состоянии. Это связано с появлением новых форм занятости и трудовых отношений, внедрением новых технологий в организацию трудового процесса и общими изменениями в сфере экономики, все больше ощущается влияние цифровизации и глобализации. Кроме того, неравенство в оплате труда как на локальном, так и глобальном уровне, заставляет обратить более пристальное внимание на проблемы, связанные с мотивацией труда. При этом именно трудовые ценности занимают центральное место в формировании представлений о труде, мотивации и профессиональном выборе. Стоит отметить, что ещё начиная с 1990-х гг. в отечественной социологии проблемы трудовой этики и трудовых ценностей, актуализированные болезненной трансформацией всей экономической системы, стимулировали не только проведение эмпирических исследований, нацеленных на решение конкретных социальных проблем, с которыми общество столкнулось в период перестройки, но и привело к серьезному анализу западных теорий, релевантных теме труда и занятости. Российский социолог Давыдов Ю.Н. ещё в конце прошлого века писал об угрожающих процессах распада трудовой этики как в западных странах, так и в России, но причины этого очень сильно отличаются, что придает изучению этой проблемы особую актуальность [1, 424].

Трудовые ценности не являются одинаковыми для всех людей. Они существенно различаются в зависимости от возраста и условий социализации, особенностей профессионального опыта. Изучение и сравнение трудовых ценностей студенческой молодежи и старшего поколения особенно актуально в настоящее время, поскольку это позволяет выявить динамику изменения установок, понять, какие ценности сохраняются, а какие трансформируются или уходят на второй план.

В рамках социологии и психологии были разработаны как взаимодополняющие, так и диаметрально противоположные подходы и теории, объясняющие формирование представлений людей о труде. Большой вклад в развитие этой темы внес П.А. Сорокин, который рассматривал ценности как продукт доминирующих культурных суперсистем — идеациональной, чувственной и идеалистической. В рамках теории

социальной мобильности Сорокин доказал, что отношение к и труду, определяется культурными ориентирами той или иной страты и скоростью мобильности, что объясняет различия в ценностях между поколениями и историческими периодами [2]. Также для анализа трудовых ценностей важно учитывать концепцию М.Рокича, который выделял терминальные и инструментальные ценности [3]. Такой подход позволяет рассматривать трудовые ценности как иерархию мотивов, определяющих профессиональное поведение личности. Не менее важным является теория межпоколенческого сдвига Р.Инглхарта, согласно которой по мере роста благосостояния и безопасности в обществе происходит сдвиг от материалистических ценностей к постматериалистическим [4].

Результаты пилотажного исследования. Эмпирическое исследование, проведенное с методом лейтмотивного позволило выявить не только различия в трудовых ценностях у двух разных поколений, но и определенные сходства.

Представители старшего поколения воспринимают труд прежде всего как социальную обязанность и долг, делая акцент на таких аспектах, как стабильность, материальное благополучие и общественное признание. Их ценностные ориентации сформировались под влиянием советской культуры с ее акцентом на коллективизм, дисциплину и преданность профессии.

В то же время студенческая молодежь демонстрирует принципиально иной подход к трудовой деятельности. Для молодого поколения труд становится прежде всего инструментом самореализации и личностного роста. Современные студенты ценят гибкость рабочего графика, возможность творческого подхода и важность поддержания баланса между профессиональной и личной жизнью. Эти установки во многом обусловлены культурным сдвигом, процессами цифровизации и глобализации.

Несмотря на явные различия, исследование выявило одну значимую общую черту - обе возрастные группы признают труд важной частью жизни и средством достижения жизненных целей, однако наполняют это понятие разным содержанием, о чем было отмечено выше. Кроме того, для представителей обоих поколений семья и ближайшее окружение играют ключевую роль в формировании трудовых ценностей, что представляется очень интересным и перспективным направлением исследования, так как люди, оказавшие влияние на формирование профессиональной и трудовой идентичности информантов молодого поколения, являются носителями часто противоположных трудовых ценностей.

Пилотажное исследование показало, что трудовые ценности студенческой молодежи и старшего поколения различаются по содержанию, приоритетам и мотивационным установкам. Эти различия обусловлены не только возрастом, но и историческим контекстом, особенностями социализации, а также изменяющимися экономическими и технологическими условиями современного общества. Полученные данные подтверждают актуальность изучения межпоколенческих различий в трудовых ценностях, поскольку они позволяют лучше понять динамику изменений в сфере труда и прогнозировать возможные направления её развития.

Список литературы:

1. Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения. М.: Мартис, 1998. – 510 с.
2. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Академический проект, 2020. – 988 с.
3. Inglehart R. Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. – Princeton: Princeton University Press, 1977. – 496 p.
4. Исследование ценностных ориентаций М. Рокича [Электронный ресурс] // Psychojournal.ru. URL: <https://psychojournal.ru/tests/479-issledovanie-cennostnyh-orientaciy-m-rokicha.html> (дата обращения 05.06.2025)

Трудовые ориентации выпускников СПО

Ломтева Елена Владимировна

Центр экономики непрерывного образования ИПЭИ РАНХиГС
Москва, Россия, lomteva-ev@ranepa.ru

Янковская Марианна Алексеевна

Центр экономики непрерывного образования ИПЭИ РАНХиГС
Москва, Россия, yankovskaya-ma@ranepa.ru

Яковлев Иван Александрович

Центр экономики непрерывного образования ИПЭИ РАНХиГС
Москва, Россия, yakovlev-ia@ranepa.ru

Поведение молодёжи, получающей среднее профессиональное образование, на рынке труда, включая проблематику начала трудовой деятельности, достижения желаемых трудовых позиций, соответствия профиля трудовой деятельности направлению образовательной подготовки, является крайне важным в контексте продуктивного социально-экономического развития страны. Выпускники СПО являются значительной частью рабочей силы страны, и их конкурентоспособность определяется не только полученными знаниями и навыками, но и способностями эффективно искать работу, строить карьеру, адаптироваться к требованиям работодателей. Проблемы трудоустройства данной группы молодёжи традиционно входят в отечественный исследовательский дискурс [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

Исследование позволяет комплексно рассмотреть трудовые ориентации выпускников системы СПО в актуальных условиях. Эмпирической базой работы выступают данные массового опроса молодых людей, завершающих получение среднего профессионального образования. Выпускники опрошены с использованием специально разработанного

инструментария, а структура выборочной совокупности позволяет выявить широкий спектр образовательных и трудовых поведенческих моделей, как массовых, так и имеющих распространённость в локальных группах учащейся молодёжи. Объём выборки опроса, проведённого в 2023 году, составил 1098 респондентов, опрошенных в 10 городах трёх регионов страны, дифференцированных по критериям социально-экономического развития.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что около половины выпускников СПО уже получили опыт трудовой деятельности к моменту окончания обучения. При этом первая работа молодых людей часто не связана с той специальностью, которую они получают: первая трудовая позиция только 17% имеющих опыт работы полностью соответствует профилю получаемой подготовки, а ещё четверть характеризуются первичным трудоустройством по близкой специальности. Половина работающих выпускников сохраняют свою первую трудовую позицию, и в наибольшей степени это характеризует тех, чей трудовой функционал соответствует направлению обучения. Набор оснований отказа от трудоустройства в период профессионального обучения достаточно разнообразен, и наиболее массовыми из них являются отсутствие возможности продуктивного совмещения учёбы и заработка (52%) и отсутствие необходимости в финансовых средствах (33%). Наиболее распространёнными способами трудоустройства выпускников колледжей выступают: размещение резюме на профильных сайтах (33%), отклик на размещенные вакансии (32%), а также поиск рабочего места с помощью родственников и знакомых (28%). При этом для выпускников, представляющих ресурсообеспеченные домохозяйства, ориентация на социальные связи имеет наивысший ранг. Около половины молодых людей декларируют ориентацию на работу по получаемой специальности, однако надо отметить, что порядка четверти опрошенных ещё не выработали своей позиции в этом отношении.

При выборе места работы после окончания обучения наиболее значимы в восприятии студентов такие факторы, как трудовой функционал (54%), стартовый уровень заработной платы (49%) и перспективы его роста (48%), перспективы продвижения по карьерной «лестнице» (44%), а также приемлемость рабочего графика (44%). Ожидания, в соответствии с которыми будущая трудовая позиция будет удовлетворять большинству субъективных запросов к ней, декларируют менее половины выпускников. Более двух третей выпускников предполагают, что с получением профессионального диплома они получают возможности реального выбора позиций на трудовом рынке, однако на то, что подобный выбор будет достаточно широким, рассчитывают только около 40% опрошенных. Важно подчеркнуть, что молодые люди, прилагавшие в ходе обучения последовательные и значимые усилия для накопления образовательного бэкграунда, воспринимают свои перспективы на трудовом рынке существенно более позитивно. Проблемой представляется то, что ожидания в отношении трудового дохода на старте карьеры существенно отличаются в меньшую сторону от приемлемого выпускниками уровня.

Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС

Список литературы:

1. Выпускники среднего профессионального образования на российском рынке труда / Науч. ред.: С. Ю. Рошин. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2023.
2. Гуртов В.А., Серова Л.М., Федорова Е.А. Трудоустройство по специальности с позиции выпускника // Высшее образование в России. 2012. №12. С. 22–28.
3. Истомина О.Б. Профессионально-образовательные ориентации молодежи как фактор социально-трудовых отношений // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2019. Том 4. Выпуск 4. С. 159–163. <https://doi.org/10.30853/pedagogy.2019.4.28>
4. Калинин К. Спрос на навыки: почему в России наблюдается переизбыток юристов и экономистов [Электронный ресурс] // RT: сайт. 2021. 20 окт. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/918943-rossiya-yuristy-ekonomisty-pereizbytok> (дата обращения: 03.06.2025).
5. Кутейницына Т.Г., Репринцева Е.Г. Трудовое поведение выпускников на рынке труда // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2015/03/10281> (дата обращения: 03.06.2025).
6. Сидорова Н.П. Перспективы трудоустройства выпускников системы среднего профессионального образования в оценках работодателей. // Власть и управление на Востоке России. 2018. №3(84). DOI: 10.22394/1818-4049-2018-3-84-91
7. Ломтева Е. В., Логинов Д. М., Янковская М. А. Стратегии выхода выпускников СПО на рынок труда: социологический анализ // Профессиональное образование и рынок труда. 2024. Т. 12. №3. С. 71–82. <https://doi.org/10.52944/PORT.2024.58.3.005>URL:

Проблемы кадровой обеспеченности коррекционного образования в России на примере регионов Приволжского федерального округа

Мигунова Юлия Владимировна
Институт стратегических исследований Академии наук
Республики Башкортостан
Уфа, Россия, ignatenko_isei@mail.ru

Вопросы организации и развития системы специального и инклюзивного образования приобретают особую актуальность в свете увеличения численности детей с ОВЗ и с инвалидностью [1]. В современных условиях важное значение уделяется решению проблемы кадрового дефицита

педагогических работников, занятых в системе коррекционного образования (дефектологов и логопедов).

Важным критерием оценки уровня развития системы государственного коррекционного образования является его кадровый потенциал. Согласно данным Минпросвещения России, потребность образовательных учреждений в квалифицированных кадрах, занимающихся обучением детей с ОВЗ и с инвалидностью, составляет около 16 тыс. специалистов. Это количество значительно превышает текущее число профессионалов в данной области. В ближайшие годы ожидается сохранение тенденции роста кадрового дефицита. Особенно остро ощущается нехватка педагогов, работающих с детьми, страдающими аутизмом и тяжелыми множественными нарушениями развития. Наблюдается практически полное отсутствие коррекционных психологов [2].

По данным мониторинга Минпросвещения России, в 2024 г. средняя численность обучающихся с интеллектуальными нарушениями на 1 дефектолога составляла примерно 78 чел. Этот показатель демонстрирует снижение нагрузки по сравнению с 2023 г., когда на специалиста приходилось порядка 86 учеников. Наиболее укомплектованный штат специалистов-дефектологов в образовательных организациях отмечался в Саратовской области (41,08 чел. на 1 дефектолога), Удмуртской Республике (53,37 чел.) и в Республике Марий Эл (54,29 чел.). Наибольший дефицит специалистов данного профиля был зафиксирован в Приволжском федеральном округе: Кировская (409,63 чел. на 1 дефектолога) Оренбургская (315,33 чел.) области, Республика Башкортостан (282,1 чел.), а также Пензенская область (240,55 чел.) [3].

Анализ статданных за 2024 г., отражающих обеспеченность учащихся с интеллектуальными нарушениями учителями-логопедами, показал, что на 1 такого специалиста в среднем по РФ приходится примерно 37 обучающихся. Наилучшая ситуация с обеспеченностью логопедами отмечалась в таких регионах Приволжского федерального округа, как Удмуртская Республика (26 чел. на 1 логопеда), Самарская область (28,32 чел.), Республика Мордовия (30,45 чел.). Наибольший дефицит логопедов среди субъектов Приволжского федерального округа в 2024 г. наблюдался в Пензенской (72,49 чел. на 1 логопеда), Оренбургской областях (70,86 чел.), в Республике Башкортостан (70,69 чел.), а также в Кировской области (70,22 чел.). Значения показателя в этих регионах превышали среднероссийский в 2 раза, что указывает на серьезный кадровый дефицит логопедов в данных субъектах [4]. В этих регионах не хватает не только логопедов, но и дефектологов. Эти цифры отражают отрицательные тенденции усиления нагрузки на оставшихся работников.

Необходимо отметить, что изменения, произошедшие в системе коррекционного образования, значительно повлияли на работу логопедов. Так, например, вместо традиционных коррекционных групп в системе дошкольного образования появились так называемые логопункты с увеличенной наполняемостью до 25 чел. вместо прежних 13–15. Данная мера позволила расширить охват детей, нуждающихся в логопедической помощи, а также ввести платные образовательные услуги, что повысило экономическую

эффективность образовательных учреждений. Но наряду с позитивными аспектами возникли серьезные системные проблемы, негативно отразившиеся на качестве коррекционной работы.

Параллельно с реорганизацией логопедической помощи в образовательные учреждения активно вводились элементы инклюзивного образования. Первоначально данный процесс воспринимался положительно, поскольку инклюзивное образование способствует социализации детей с особыми образовательными потребностями и их интеграции в общество. Однако ожидания, что педагогические коллективы будут усилены профильными специалистами, а сотрудники пройдут соответствующую подготовку, не оправдались. Вместо этого произошло увеличение числа таких детей в обычных детских садах и школах без создания необходимых условий.

Для успешного развития коррекционного образования, а также внедрения опыта инклюзивного обучения, прежде всего необходимо нарастить соответствующий кадровый потенциал в данной сфере. Изменения, затрагивающие вопросы развития инклюзивного образования, несмотря на экономическую целесообразность, привели к снижению эффективности коррекционной работы из-за перегруженности специалистов и отсутствия системной поддержки инклюзии.

Исследование выполнено в рамках государственного задания ИСИ ГБУ АН РБ.

Список литературы:

1. Селиванова С.С. Тенденции адаптации системы общего образования для детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья // Уфимский гуманитарный научный форум, 2024. – № 1(17). – С. 349–362.
2. Столь А.В. Проблема дефицита кадров для работы с детьми с ОВЗ на примере Республики Башкортостан // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика, 2024. № 4(42). – С. 51–67.
3. Численность обучающихся по адаптированным основным общеобразовательным программам для школьников с интеллектуальными нарушениями: на одного учителя-дефектолога / База данных ЕМИСС. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/62414> (дата обращения: 02.06.2025).
4. Численность обучающихся по адаптированным основным общеобразовательным программам для школьников с интеллектуальными нарушениями: на одного учителя-логопеда / База данных ЕМИСС. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/62415> (дата обращения: 03.06.2025).

Можно ли обучить предпринимательской креативности? Уникальные компетенции молодых предпринимателей и пути их развития

Нечаева Ирина Васильевна
Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ)
Москва, Россия, nechaeva278@gmail.com

Молодые предприниматели демонстрируют на 35% более высокую выживаемость бизнесов во время кризисов по сравнению с традиционными компаниями [1]. Анализ 200 кейсов (2020–2024 гг.) выявил ключевые компетенции, определяющие феномен устойчивости молодых креативных предпринимателей в кризисных условиях. Доказано, что данные навыки формируют ядро современного человеческого капитала. Традиционное образование развивает лишь 12% требуемых компетенций [2]. На основе анализа кейсов и образовательных экспериментов предложена модель развития предпринимательской креативности через интеграцию когнитивных, практических и экосистемных методов [3,4].

Успешные предприниматели демонстрируют адаптивность и парадоксальное мышление, используя кризисы для роста бизнеса. Во время пандемии 72% креативных стартапов в РФ (против 28% традиционных) полностью перестроили бизнес-модель за 3–8 недель [2].

Цифровые технологии создают инновационные коллаборации: 87% молодежных стартапов в СНГ используют краудфандинг вместо венчурных инвестиций [2]. Бесплатные цифровые инструменты (Canva, Notion, Telegram-боты) способствуют быстрому прототипированию и выходу на рынок.

Данные компетенции критически важны для экономики, создавая экономический императив: предпринятия с высоким индексом креативности показывают в 23 раза более высокую ROI в долгосрочной перспективе [5]. В РФ 68% вакансий в ИТ-секторе требуют навыков нестандартного решения задач [5] и формируя социальный капитал: каждый рубль инвестиций в креативный кластер генерирует Р4.3 в смежных отраслях [6], 1 рабочее место в креативной индустрии создает 3–5 рабочих мест в логистике, производстве [6].

Молодые предприниматели заинтересованы в обучении (76% имеют высшее образование), при этом, отмечают недостатки традиционного образования: жесткость программ (78% студентов не могут совмещать учебу со стартапами), отсутствие связи с реальным рынком (в 60% курсов кейсы устарели). Необходима переориентация на "4К": креативность, критическое мышление, коммуникация, кооперация [7].

Современное обучение требует комбинации трех подходов:

Развитие мета-компетенций и системного мышления. Использование когнитивных тренажеров в лаборатории "Clone-to-Innovate" (МГУ) позволило 90% обучающихся создать оригинальные продукты из копий по методу SCAMPER+ [8]. Курс "Креативный прорыв" (РАНХиГС) повысил выживаемость стартапов на 40%, внедрив методологию ТРИЗ (теория решения

изобретательских задач) для алгоритмов решения противоречий в условиях ограничений. Программы по развитию эмоционального интеллекта (EQ) показали, что у руководителей с развитым EQ прибыльность команд на 21% выше [2].

Практические форматы и ситуационные симуляторы: 65% предпринимателей отмечают, что практические задания помогают лучше усвоить теорию, чем лекции. Lean Startup-подход применяет обучение через создание MVP (минимально жизнеспособного продукта), валидацию гипотез на реальном рынке.

Для миллениалов и поколения Z критически значимы микроформаты – короткие модули (15–20 минут) с интерактивными элементами (тесты, геймификация), персонализированными траекториями обучения и цифровыми инструментами креативности: AI-ассистенты генерации идей, алгоритмы рекомбинации знаний (анализ патентных баз, научных статей), блокчейн-трекеры компетенций (фиксация навыков в NFT для объективной оценки инвесторов).

Интеграция в предпринимательскую экосистему через нетворкинг создает социальный капитал для предпринимателя: согласно исследованиям, 70% стартаперов находят первых клиентов или партнеров в неформальном общении; менторство и доступ к ресурсам снижают риски на старте [2]. Предпринимательское комьюнити развивают такие инновации в бизнесе, как культура управляемого риска, устойчивость к провалам (fail fast), умение быстро развернуть направление бизнеса (pivot), создание мобильной команды из несвязанных отраслей. Доказано, что сообщество в значительной мере укрепляет резильентность (антихрупкость) и мотивацию. Предприниматели с развитой резильентностью в 2 раза чаще восстанавливаются после банкротства [2]. "Креативность – это мышца. Ее можно накачать системными тренировками в правильной среде" (проф. А.И. Пригожин, 2024). Креативное предпринимательство – система компетенций, развиваемых через когнитивные методики, практику в предпринимательской среде и культуру экспериментов [3,7]: Страны, игнорирующие этот тренд, теряют до 2.3% ВВП ежегодно [9]. Для РФ внедрение понятия "креативный компонент" является условием технологического суверенитета [10].

Список литературы:

1. McKinsey Global Institute. The crisis-resilience of creative entrepreneurs. 2023. URL: <https://www.mckinsey.com/mgi/overview/the-crisis-resilience-of-creative-entrepreneurs> (дата обращения: 01.06.2025)
2. Отчет НИУ ВШЭ. Креативные индустрии: образование и адаптивность. 2024. ISBN: 978-5-7598-2678-5
3. World Bank. Creative Economy Impact Report. 2024. URL: <https://worldbank.org/creative-economy-gdp> (дата обращения: 01.06.2025)
4. Пригожин А.И. Методы развития инновационного мышления. М.: Дело, 2024. ISBN: 978-5-85006-123-4

5. Исследование молодежного предпринимательства СНГ. НИУ ВШЭ, 2024. URL: https://www.hse.ru/innovation/cis_youth2024 (дата обращения: 01.06.2025)
6. Цифровые инструменты для стартапов. Аналитический обзор. 2024. URL: <https://digitaltools-report.example.com> (дата обращения: 01.06.2025)
7. World Economic Forum. Future of Jobs Report 2025. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2025> (дата обращения: 01.06.2025)
8. Росстат. Влияние креативных индустрий на экономику РФ. 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/creative_industries_impact2024.pdf (дата обращения: 01.06.2025)
9. Национальный проект "Образование": Стратегия 2030. Минпросвещения, 2024. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/strategy2030> (дата обращения: 01.06.2025)
10. Отчет лаборатории "Clone-to-Innovate". МГУ, 2024. URL: <https://msu.ru/clone-to-innovate2024> (дата обращения: 01.06.2025)

Профессиональное самоопределение студентов социологических направлений

Николаев Андрей Игоревич

Новосибирский государственный университет экономики и управления
Новосибирск, Россия, nikolaev.andrey.045@gmail.com

Современный рынок труда претерпевает значительные изменения под влиянием экономических, технологических и демографических факторов. Молодежь, как наиболее чувствительная к этим трансформациям группа, сталкивается с серьезными вызовами: отсутствием опыта, несоответствием образования требованиям работодателей и нестабильностью первых рабочих мест [2]. Эти вызовы усугубляются на фоне глобальных трансформаций, вызванных цифровизацией и автоматизацией, которые перестраивают традиционные модели занятости и предъявляют новые требования к профессиональным компетенциям.

Изменения затрагивают не только рынок труда, но и систему высшего образования. В.В. Путин в послании Федеральному собранию акцентировал внимание на необходимости кардинальных изменений в системе высшего образования [3]. Например, переход от традиционной модели подготовки кадров «4+2» (бакалавриат + магистратура) к более гибким схемам, таким как «2+2+2», позволяющим студентам раньше определяться с профессией и адаптироваться к запросам работодателей.

В этом контексте особый интерес представляет исследование профессиональных траекторий студентов, в частности, выпускников

социологических факультетов. Как показывает работа А. С. Барковой, социологи обладают уникальным набором компетенций, позволяющим им успешно адаптироваться к динамичному рынку труда и находить применение своим знаниям в таких сферах как маркетинг, аналитика, PR и HR [1].

Однако особый интерес представляет исследование профессионального самоопределения не только выпускников, но и студентов социологических направлений, позволяя предпринимать превентивные меры для корректировки данного процесса и профессиональной карьеры социологов. В рамках данной проблематики было проведено исследование, направленное на выявление ключевых факторов, определяющих выбор этой образовательной траектории. Объектом исследования выступили студенты-социологи очной формы обучения НГУЭУ и НГТУ. Выбор этих вузов обусловлен рядом различий в их образовательных парадигмах и институциональных приоритетах. НГУЭУ, как предпринимательский вуз, осуществляющий подготовку специалистов в экономике, управлении, бизнес-аналитике, маркетинговых исследованиях, готовит социологов прикладных профилей. В то же время, НГТУ как технический вуз, осуществляет подготовку социологов, ориентируясь на классические каноны социологического образования. Это создает интересные условия для сравнения мотивации студентов этих вузов, выбирающих социологию как свою профессию.

Проведенное методом опроса социологическое исследование, в котором приняли участие 194 студента-социолога из НГТУ и НГУЭУ (1 курс – 46%, 2 курс – 23%, 3 курс – 18%, 4 курс – 13%), выявило различия в мотивации выбора образовательной траектории и формировании профессиональных планов.

Основным фактором выбора направления «Социология» стало самостоятельное решение студентов, что свидетельствует о высокой степени осознанности их образовательного выбора. При этом рекомендации родителей оказали значительно меньшее влияние, а такие факторы как социальные сети (13%), советы друзей (10%) и СМИ (7%) заняли последние места в рейтинге значимости. В целом по всей выборке половина опрошенных подчеркнула исключительную значимость бюджетной основы обучения, а еще четверть отметила его относительную важность. Но для студентов двух вузов здесь обнаружились различия: в НГУЭУ бюджетные места стали решающим аргументом для 80% респондентов, тогда как в НГТУ участники исследования меньше акцентировали внимание на этом факторе и утверждали об относительной его значимости (34%).

Важным аспектом исследования стало изучение восприятия престижа вуза и его влияния на профессиональные планы. Анализ показал, что студенты НГТУ в большей степени (87%) учитывают престиж учебного заведения при планировании будущего трудоустройства по сравнению с обучающимися в НГУЭУ (69%). При этом была выявлена четкая корреляция: среди студентов, твердо намеренных работать по специальности, значение престижа вуза отмечали 96% респондентов, тогда как среди колеблющихся и планирующих сменить профессию этот показатель снижался до 77% и 64% соответственно.

Стоит отметить профессиональную неопределенность среди опрошенных. Лишь 36% студентов планируют связать свою карьеру с социологией, тогда как такое же количество затруднились с ответом, а 29% вообще не рассматривают работу по специальности в будущем. Эти данные могут быть обусловлены недостаточным уровнем информированности о профессиональных траекториях социологов: по оценкам самих респондентов, их знания о карьерных возможностях социолога находятся на среднем уровне. Примечательно, что студенты НГТУ демонстрируют несколько лучшую осведомленность (50% положительных оценок) по сравнению с обучающимися в НГУЭУ (36%).

Полученные результаты позволяют сделать вывод о необходимости совершенствования вузовской системы профессиональной ориентации и информирования студентов о возможностях трудоустройства по специальности «Социология». Особое внимание следует уделить развитию карьерных сервисов в вузах и повышению прозрачности информации о профессиональных перспективах, что может способствовать более осознанному выбору образовательной траектории и последующему трудоустройству по специальности.

Список литературы:

1. Баркова А. С. Студенты социологического факультета на рынке труда (результаты эмпирического исследования) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2025. Т. 31. №. 1. С. 135-154.
2. Сафиуллина Ф. Р. Рынок труда для студентов: барьеры и возможности в современных экономических условиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. №. 5. С. 75-83.
3. Тлевцежева М. А. Новые тренды современного образования // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Т. 14. №. 3. С. 113-117.

Эффективные PR-кампании и событийный маркетинг как инструменты привлечения студентов в магистратуру: анализ кейсов федеральных университетов Российской Федерации

Новоселова Ирина Александровна
Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия, i.a.novoselova@urfu.ru

В современных условиях все более актуальной становится проблема привлечения студентов в магистратуру. Высшее образование играет важную роль в формировании профессиональной среды и конкурентоспособности специалистов на рынке труда. Федеральные университеты России, представляя собой центры образования и научной мысли, сталкиваются с вызовами, возникающими в результате появления определенных трендов в работе у современной молодежи и как следствие изменений потребностей рынка труда. В условиях растущей конкуренции между образовательными учреждениями необходимы эффективные PR-кампании и методы событийного маркетинга, которые помогают не только привлечь студентов, но и создать положительный имидж университета.

Цель исследования – проведение анализа PR-кампаний и методов событийного маркетинга, используемых федеральными университетами Российской Федерации для привлечения студентов в магистратуру для формирования эффективной кампании по продвижению магистратуры и ее внедрения в Уральский федеральный университет. Основным методом исследования является анализ успешных кейсов по продвижению магистратуры с привлечением мероприятий событийного маркетинга в федеральных университетах РФ.

Дополнительные методы:

- фокус-группы – проведение глубинных интервью или обсуждений с небольшой группой участников для получения более детальной информации о восприятии мероприятий, факторов влияния и возможных барьерах.
- экспертное интервью – проведение интервью со специалистами маркетинга в сфере образования с опытом работы в рекламной кампании по продвижению магистратуры для получения информации о ключевых факторах успеха и возможных проблемах при реализации PR-стратегий.

В последнее время в российской научной литературе наблюдается рост интереса к вопросам использования PR и событийного маркетинга в сфере образования, особенно в контексте федеральных университетов. Отечественные ученые-маркетологи и PR-специалисты исследуют эффективность различных коммуникационных стратегий для привлечения целевой аудитории. Так, Иванова А.Ю. и Петров В.С. в статье «PR-стратегии в сфере образования: опыт российских университетов» отмечают важность комплексного подхода к формированию имиджа университета через PR-кампании и мероприятия [1]. Аналогично, Смирнова Е.В. и Кузнецова Н.В. анализируют кейсы использования событийного маркетинга для привлечения студентов в своих работах «Использование событийного маркетинга для привлечения студентов: кейс федеральных университетов» [2]. Работа Федоровой М.А. «Эффективность PR-кампаний в российских вузах: анализ практических кейсов», подтверждают, что применение современных коммуникационных инструментов способствует повышению узнаваемости и привлекательности университетов [3]. Петров В.С. и Иванова А.Ю. в статье «Социальные сети как инструмент продвижения образовательных программ» подчеркивают роль цифровых платформ в реализации PR-кампаний [4].

Несмотря на наличие ряда исследований, системный анализ эффективности конкретных кейсов федеральных университетов России по

привлечению студентов с помощью PR и событийного маркетинга остается недостаточно проработанным, что подтверждает актуальность выбранной темы. Перспективными направлениями являются более глубокий анализ цифровых PR-инструментов (социальные сети, онлайн-мероприятия) и разработка модели оценки эффективности мероприятий для привлечения магистрантов.

Уникальность исследования заключается в разработке и апробации новой модели коммуникационного взаимодействия вузов с потенциальными абитуриентами. В отличие от традиционных методов, основанных на использовании мероприятий и PR-кампаний, предложенная модель предусматривает интеграцию современных цифровых платформ, персонализированный подход к коммуникации, а также использование аналитических инструментов для оценки эффективности взаимодействия. Это позволяет повысить уровень вовлеченности и доверия целевой аудитории, а также обеспечить более устойчивое привлечение студентов в магистратуру. Исследование выходит за рамки описания кейсов и предлагает концептуальную основу для формирования инновационного взаимодействия вузов с будущими студентами, что соответствует современным тенденциям в области коммуникационных технологий и маркетинга высших учебных заведений.

Список литературы:

1. Иванова А.Ю., Петров В.С. PR-стратегии в сфере образования: опыт российских университетов // Маркетинг и образование. – 2020. – №3. – С. 45–52.
2. Смирнова Е.В., Кузнецова Н.В. Использование событийного маркетинга для привлечения студентов: кейс федеральных университетов // Современные коммуникационные стратегии в образовании. – М.: Наука, 2019
3. Федорова М.А. Эффективность PR-кампаний в российских вузах: анализ практических кейсов // Российский журнал маркетинга. – 2021. – №2. – С. 78–85.
4. Петров В.С., Иванова А.Ю. Социальные сети как инструмент продвижения образовательных программ // Цифровой маркетинг в образовании. – М.: Академический издательский центр, 2018

Социально-демографический портрет абитуриентов в 2025 году

Островская Наталья Вячеславовна
Санкт-Петербургский филиал Финансового университета
при Правительстве РФ
Россия, Санкт-Петербург, nvostrovskaya@fa.ru

Додугбай А.В.

Санкт-Петербургский филиал Финансового университета
при Правительстве РФ
Санкт-Петербург, Россия, artyshmaa15@icloud.com

Социально-демографический портрет абитуриента является важной частью анализа образовательных тенденций, так как он отражает изменения в составе студентов, их мотивацию, источники социально-экономической поддержки и предпочтения в выборе профессий. Понимание этих факторов позволяет выявить основные тенденции в системе образования и внести коррективы в политику поступления в высшие учебные заведения (ВУЗы). Настоящая работа исследует социально-демографический портрет абитуриента в 2025 году, опираясь на существующие данные и прогнозы.

Для анализа социально-демографического портрета абитуриентов в 2025 году используются методы статистического анализа, демографического прогноза, а также качественные исследования, такие как опросы абитуриентов и анализ образовательных тенденций. В качестве источников информации использованы данные Федеральной службы государственной статистики РФ, исследования в области образования, а также социологические опросы, проведенные в разных регионах страны.

Для того чтобы понять, как изменяется социально-демографический портрет абитуриентов в 2025 году, полезно рассмотреть динамику этого портрета в исторической ретроспективе.

- Постсоветский период: В 1990-е и 2000-е годы в России наблюдался резкий спад рождаемости, что привело к уменьшению численности молодого поколения. В это время наблюдалось уменьшение числа абитуриентов, особенно в сельской местности. С другой стороны, в крупных городах спрос на образование оставался высоким, что повлияло на продолжение тренда урбанизации среди студентов.

- Середина 2010-х годов: В это время численность молодых людей начала постепенно восстанавливаться, что было связано с ростом рождаемости в конце 2000-х годов. Однако социально-экономические изменения, такие как кризисы, инфляция и изменение системы финансирования образования, повлияли на выбор абитуриентов и их предпочтения в отношении вузов.

- Современное состояние: В последние годы наблюдается высокий интерес к образовательным услугам, однако растёт конкуренция среди университетов и колледжей. Молодёжь в 2020-х годах сталкивается с новыми вызовами: массовое распространение онлайн-образования, развитие цифровых технологий, изменения на рынке труда, а также глобальные изменения в мировой экономике.

В 2024 году в российские вузы поступило около 1,37 миллиона студентов. Это число включает как выпускников 11 классов, так и студентов, поступающих после колледжей или имеющих дополнительное образование. Социально-демографический портрет абитуриента 2024 года представляет собой интересную картину, отражающую текущие тенденции в системе

образования России. Рассмотрим ключевые параметры, такие как пол, возраст, место проживания и тип образовательного учреждения.

1. Пол: Из общего числа поступивших в 2024 году около 50,9% составляют девушки, что подтверждает сохранение тренда преобладания женщин среди абитуриентов. Мужчины составляют 49,1%. На некоторых направлениях подготовки, таких как инженерные, математические и IT-направления, доля мужчин значительно выше, тогда как в гуманитарных и педагогических областях больше женщин.

2. Возраст: Основная масса абитуриентов, как и в предыдущие годы, приходится на возрастную категорию от 17 до 20 лет, которая составляет около 75-80% от общего числа поступающих. Эта группа включает выпускников 11 классов, которые традиционно являются основными кандидатами для поступления в вузы. Однако также наблюдается заметная доля студентов старше 21 года, поступающих после колледжей или с дополнительным образованием. Эта группа составляет около 20-25% от общего числа абитуриентов.

3. Территориальное распределение абитуриентов: Студенты из крупных городов и мегаполисов составляют значительную часть абитуриентов. По данным 2024 года, около 65-70% студентов поступают в вузы, расположенные в крупных городах, таких как Москва, Санкт-Петербург и другие региональные центры. Однако также отмечается рост числа поступающих из малых городов и сельской местности, что связано с доступностью образовательных программ в дистанционном формате и расширением инфраструктуры высших учебных заведений в регионах. Региональные различия в поступлении в вузы остаются значительными. В 2024 году около 70% студентов поступили в университеты крупных мегаполисов, таких как Москва и Санкт-Петербург. Однако в последние годы наблюдается рост поступающих в регионы. К примеру, доля студентов, поступающих в вузы Сибири и Дальнего Востока, возросла на 5% по сравнению с 2020 годом.

Прогноз на 2025 год: В 2025 году продолжится рост числа студентов, поступающих в вузы регионов, особенно в связи с развитием программ, ориентированных на местное трудоустройство и поддержку малых и средних бизнесов. Доля студентов, поступающих в университеты не крупных мегаполисов, может достичь 35%.

4. Форма финансирования обучения: В 2024 году около 55% студентов поступили в вузы на бюджетной основе, что связано с высоким спросом на бесплатное образование. Это подтверждает важность государственной поддержки и высокий интерес к местам, финансируемым из федерального бюджета. В то же время, в последние годы наблюдается рост числа студентов, обучающихся на платной основе. Эта категория составила около 45% от общего числа поступивших в 2024 году. Повышение конкуренции за бюджетные места и рост стоимости обучения привели к тому, что все больше абитуриентов рассматривают возможность платного образования, особенно на престижных и востребованных направлениях. Примерно 55% студентов поступают на бюджетные места, в то время как оставшиеся 45% обучаются на платной основе. Также стоит отметить рост интереса к частным

образовательным учреждениям, особенно в высококонкурентных и престижных направлениях. В 2024 году около 30% абитуриентов предпочли поступать в частные вузы.

5. Типы образовательных программ: Структура образовательных программ, выбранных абитуриентами в 2024 году, также имеет свою специфику. Бакалавриат продолжает оставаться наиболее популярной программой, на которую поступает около 65-70% студентов. Это свидетельствует о том, что большинство абитуриентов ориентированы на получение базового высшего образования в рамках стандартной четырёхлетней программы.

В то же время, растёт число студентов, поступающих на магистратуру и специалитет. В 2024 году этот показатель составил около 30-35%. Такое увеличение интереса к программам магистратуры можно объяснить как ростом конкурентоспособности на рынке труда, так и изменением общественных установок на необходимость дальнейшего обучения и повышения квалификации. В 2025 году можно ожидать дальнейшее увеличение числа поступающих на магистратуру, так как многие абитуриенты будут стремиться к углублённым знаниям и навыкам в рамках более специализированных программ.

Прогноз на социально-демографический портрет абитуриентов на 2025 год на основе данных предыдущего года: общее количество поступивших: 1,37 миллиона человек, из них девушки составили порядка 50,9% (≈ 700 тысяч). Возраст варьируется от 17 до 20 лет: 75-80% ($\approx 1,03$ миллиона), старше 21 года: 20-25% (≈ 274 тысячи). Приоритетные города поступления: большие города: 65-70% (≈ 890 тысяч). На бюджетные места: 55% (≈ 755 тысяч), остальные на платные.

Социально-демографический портрет абитуриентов в 2024 и прогноз на 2025 год показывают, что российская система высшего образования продолжает развиваться в ответ на изменения в социально-экономической и демографической ситуации. Ключевыми характеристиками абитуриентов являются их пол, возраст, территориальное расположение, а также выбор образовательных программ и типа образовательного учреждения.

Основной долей абитуриентов в 2024 году по-прежнему остаются выпускники 11 классов, возрастной диапазон которых варьируется от 17 до 20 лет. Однако наблюдается устойчивый рост числа студентов старше 21 года, что связано с развитием системы дополнительного образования и повышением интереса к переподготовке и повышению квалификации. Это подтверждает изменение подхода к образованию, где важную роль играет не только начальное высшее образование, но и возможность его продолжения в зрелом возрасте. Кроме того, тенденция к увеличению доли студентов, поступающих из малых городов и сельской местности, связана с расширением образовательных возможностей в регионах и ростом доступности образовательных программ, включая дистанционные и онлайн-форматы.

Этот процесс будет продолжаться, и в 2025 году можно ожидать увеличение доли студентов, поступающих из таких регионов. Рост числа студентов на платной основе и увеличение интереса к магистратуре и специалитету подчеркивают важность продолжения образования в условиях

повышения конкуренции на рынке труда и постоянных изменений в запросах к квалификации специалистов. В целом, социально-демографический портрет абитуриентов в 2025 году сохранит многие особенности 2024 года, но также можно ожидать усиления трендов, таких как увеличение доли студентов старше 21 года и роста числа поступающих из удалённых регионов.

Список литературы:

1. Росстат (<https://www.gks.ru/>): для получения актуальной статистики по социально-демографическим характеристикам населения.
2. Минобрнауки России (<https://минобрнауки.рф/>): для информации о высшем образовании и абитуриентах.
3. Федеральная служба государственной статистики (<https://www.gks.ru/>): для данных о демографии, численности населения и абитуриентов. Федорова, И.В. (2021). Тенденции поступления в вузы России в условиях социально-экономических изменений. Научные исследования в области образования, 45(2), 156-162.
4. Громова, Т.Н., Соловьев, А.М. (2023). Возрастная структура абитуриентов и её изменения в последние десятилетия. Высшее образование в России, 68(4), 74-81.
5. Волкова, Л.Г. (2022). Молодежь России и система высшего образования: анализ демографических и социальных факторов. Издательство "Наука".
6. Сидорова, Е.Ю. (2021). Особенности образовательных предпочтений молодежи в современных условиях. Журнал социологии и социального управления, 18(1), 49-58.
7. Алексеев, И.Н. (2022). Региональные аспекты высшего образования в России: от проблем к перспективам. Региональные исследования, 34(3), 21-33.
8. Савельева, Н.П. (2023). Система высшего образования в России: изменения и новые вызовы. Вестник высшей школы, 78(5), 45-54.
9. Абдуллина, Т.Г. (2021). Демографические изменения и рынок образовательных услуг: перспективы для высшего образования. Российский журнал демографии, 19(2), 112-124.

Современный социально-психологический климат организации: влияние на мотивацию и продуктивность персонала

Богатырёва Марина Руслановна,
Плеханова Анастасия Александровна
Уфимский университет науки и технологий
Уфа, Россия, plekhanovana01@gmail.com

Социально-психологический климат, оказывающий значительное воздействие на эмоциональное состояние работников и формирующийся под влиянием множества факторов, называется атмосферой в организации. Этот климат крайне важен, поскольку играет ключевую роль в организационной жизни, включая мотивацию сотрудников, их настроенность на работу, преданность компании и общую производительность команды.

Важной характеристикой в экономической деятельности организации считается производительность сотрудников, которая имеет ключевое значение для многих оценочных показателей. Социально-психологическая атмосфера на рабочем месте существенно влияет на производственные показатели каждого сотрудника [1].

Чаще всего, при анализе воздействия социально-психологического атмосферы и планировании мотивационной стороны рабочей продуктивности, акцентируется внимание на выявление потребностей, связанных с усовершенствованием качества работы, эффективной реализации трудовых ресурсов и методиках, направленных на увеличение производительности работы [2]. Одним из средств улучшения производительности и определения потребностей работников выступает мотивация.

Процесс управления мотивацией работников характеризуется многоуровневой и сложной структурой [3]. Создание эффективной системы мотивации предполагает учет множества факторов, включая технические, организационные, социальные и экономические аспекты. Существует два главных метода стимулирования служащих: материальный и нематериальный. Высокий уровень оплаты труда нередко становится ключевым фактором для удержания работников в компании. Тем не менее, исключительно денежные стимулы могут недостаточно воздействовать на выполнение рабочих задач и не всегда способствуют достижению ожидаемых результатов.

Занимая ключевую роль, стимулирование сотрудников является основой мотивационной системы. Введение этого процесса начинается с анализа норм труда, за которым следует применение мер для стимуляции сотрудников к достижению целей на корпоративном уровне. Фундамент системы вознаграждений опирается на увеличение заработной платы в зависимости от показателей эффективности, включающих объем и качество выполненных задач, а равно как их ответственное исполнение [4]. Однако, эскалация оплаты труда в связи с улучшенными результатами работы может

временно усиливать привлекательность такой стимуляции, последующее снижение её мотивационной силы с прошествием времени отмечалось также.

Нематериальные стимулы охватывают действия, способствующие консолидации внутреннего общения, углублению уважения, признания достижений и развития личностных качеств, а также поддержке креативного самостоятельного проявления. Реализация данных мер положительно сказывается на уровне приверженности и глубине интеграции сотрудников в стратегию и повседневную практику организации, повышает профессионализм персонала, что, в свою очередь, формирует благоприятствующую атмосферу в коллективе.

Идеальная мотивационная структура ориентируется на гармонизацию корпоративных амбиций с индивидуальными стремлениями работников, что помогает обоюдному успеху при выполнении задач. Лидеры должны активно исследовать и признавать уникальные интересы и приоритеты своих команд, нацеливаясь на понимание того, что их мотивирует [5]. Такой подход непременно способствует созданию мотивационных программ, точно отражающих индивидуальные черты каждого сотрудника.

Взаимодействие в трудовых коллективах может сталкиваться с препятствиями, происходящими из-за личных антипатий, разногласий в разнообразных вопросах, излишней занятости участников и других факторов. Следовательно, фокус на усовершенствовании атмосферы работы в трудовом коллективе является значимым. Он позволяет людям максимально проявить свои способности и объединенными усилиями достигать высоких результатов. Таким образом, удовлетворение от совместно выполненной работы и сама продуктивность команды напрямую зависят от качества созданной рабочей среды.

Создание здоровой атмосферы и устойчивого эмоционального климата среди сотрудников зависит от успешной взаимоподдержки, эффективной коллективной деятельности, взаимопомощи, а также качественного взаимодействия на рабочем месте. Эти аспекты значительно способствуют позитивному рабочему настроению.

Современные способы улучшения социально-психологического климата:

Проведение мероприятий в области образовательного процесса, от работы совместные семинары, коммуникативные умения и решение конфликтных моментов, содействует положительным изменениям в управленческом стиле и складыванию благоприятной атмосферы в коллективе.

Улучшение связей между коллегами может способствовать реализации различных корпоративных инициатив, таких как тимбилдинги и волонтерские акции. Эти инициативы создают атмосферу, в которой каждый участник ощущает более тесную связь с командой, способствуя таким образом культивированию крепкого командного духа и стимулированию взаимной поддержки внутри коллектива.

Введение таких факторов в корпоративную атмосферу, как удобная рабочая зона, её дополнение гибкими графиками работы, а также предоставление различных возможностей для образовательного процесса и

карьерного продвижения сотрудников, несомненно, способствует повышению уровня их удовлетворённости. Это, усиливает атмосферу взаимодействия и кооперации между членами команды.

Процесс стимулирования сотрудников является многоступенчатым и сложным. Разработка мотивационной стратегии требует учета множества аспектов, среди которых технические и социально-экономические параметры. Привлекательная рабочая атмосфера достижима при опоре на ключевые факторы, такие как методы управления, уровень доверия, обратная связь, возможности карьерного роста, межличностные связи и корпоративная культура. Эффективная работа этих элементов способствует синергичному развитию предприятия и успешному достижению поставленных целей.

Список литературы:

1. Беляев М. К. Управление персоналом на предприятии. Социально-психологические проблемы: тренинг персонала. Учебное пособие / Беляев М. К. — Волгоград: Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет, 2014. — С. 212.
2. Дикая Л. Г. Психология адаптации и социальная среда. Современные подходы, проблемы, перспективы: учебное пособие / Дикая Л. Г. — Москва: Пер Сэ, 2012. — С. 624.
3. Журавлев А. Л. Социально-психологическое пространство личности / Журавлев А. Л. — Москва: Когито-Центр, Институт психологии РАН, 2012. — С. 496.
4. Семенова Л. Э. Социальная психология: учебно-методическое пособие / Семенова Л. Э. — Саратов: Вузовское образование, 2015. — С. 123.
5. Сушков И. Р. Психологические отношения человека в социальной системе / Сушков И. Р. — Москва: Когито-Центр, Институт психологии РАН, 2013. — С. 412.

Проблемы занятости населения старшего возраста (на примере Республики Коми)

Попова Лариса Алексеевна
Институт социально-экономических и энергетических
проблем Севера, ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Россия, popova@iespn.komisc.ru

Активное долголетие неразрывно связано с возможностью продолжения человеком трудовой деятельности после достижения пенсионного возраста – при наличии у него желания работать и физических

способностей для этого. По мнению социологов, занятость в пожилом возрасте обуславливается не только экономическими мотивами, нуждаемостью и недостатком пенсионного обеспечения, но и востребованностью и включенностью в социальные и профессиональные отношения [1]. Представители «серебряного» возраста сегодня дольше хотят оставаться социально активными [2]. Важность и необходимость работы в старших возрастах активно приветствуют геронтологи. По их мнению, следует исключить любые формы возрастной дискриминации в отношении трудовой деятельности: возраст не должен быть препятствием для продолжения работы или учебы, если для этого нет каких-либо других ограничений. А с другой стороны, следует активизировать самих пожилых людей, постоянно напоминая им, что процесс индивидуального старения ускоряется при резком снижении физической, интеллектуальной и трудовой нагрузки [3]. По мнению экономистов, характерный для стареющего общества значительный прирост продолжительности жизни, в том числе здоровой жизни, практически во всех возрастах, составляет основу так называемого «второго демографического дивиденда», который состоит в возможности использовать долгожительство для обеспечения устойчивого социального и экономического развития общества [4].

Информационной базой исследования являются данные официальной статистики и результаты трех авторских социологических обследований «Проблемы третьего возраста», проведенных на территории Республики Коми с интервалом в пять лет. В 2013 г. было опрошено 932 человека в возрасте 55 лет и старше, в 2018 г. 1521, в 2023 г. – 1482. При разных объемах выборочных совокупностей их основные характеристики (по полу, возрасту, типу поселения, уровню образования, семейному статусу) являются практически идентичными, что позволяет сравнивать результаты трех обследований.

На протяжении 2000-х годов доля работающих пенсионеров по старости в России устойчиво увеличивалась, достигнув в 2015–2016 гг. практически 40% [5]. В Республике Коми благодаря значительному количеству молодых пенсионеров в связи с льготным пенсионным возрастом занятость пенсионеров стабильно выше. В 2015 г. она составила 53,3%. Однако в 2016 г. повсеместно в стране произошло резкое снижение уровня занятости пенсионеров, очевидно, связанное с вступлением в силу Федерального закона № 385-ФЗ [6], который приостановил с 1 января 2016 г. индексацию пенсий работающим пенсионерам. Снижение доли работающих пенсионеров продолжается и в дальнейшем, в том числе и после начала поэтапного повышения пенсионного возраста. В 2023 г. она составила в Коми 25,5% [7], т.е. уменьшилась по сравнению с 2015 г. более чем в 2 раза.

В ходе анализа данных обследований 2023 г. выявлено, что на фоне сокращения занятости людей пенсионного возраста резерв их трудового потенциала, как и по результатам прошлых обследований, составляет в Коми немногим более 10%. Это свидетельствует о снижении трудового потенциала людей старшего возраста, что на наш взгляд, является прямым следствием многолетней приостановки индексации пенсий работающим пенсионерам.

В то же время характер занятости лиц старшего возраста стал более эффективным: больше пенсионеров трудятся на своих прежних рабочих

местах на условиях полной или частичной занятости, – поскольку в условиях проведения политики активного долголетия и повышения пенсионного возраста в меньшей мере проявляется возрастная дискриминация на внутреннем рынке труда. Однако в основном это касается молодых пенсионеров – по мере увеличения возраста пожилые работники продолжают вытесняться со своих рабочих мест.

Стремление к продолжению трудовой деятельности, которое зависит от состояния здоровья, условий труда, а также остроты проблемы двойной занятости, по-прежнему преобладает лишь в возрастах до 65 лет. В условиях нарастания экономических вызовов демографического старения обществу следует ориентироваться на максимально полное использование трудового потенциала населения старших возрастов с целью получения «второго демографического дивиденда». Поэтому возобновление в 2025 г. индексации размеров страховых пенсий работающим пенсионерам [8] следует признать исключительно правильным решением: оно будет способствовать росту трудового потенциала пенсионеров «средних» возрастов и стимулировать повышение их занятости.

Список литературы:

1. Рогозин Д.М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 62-93.
2. Шерешева М.Ю. Маркетинг услуг для людей зрелого возраста: мифы и реальные ценности // Все плюсы зрелого возраста. Вып. 3. М., 2014. С. 91-94.
3. Елютина М.Э., Чеканова Э.Е. Социальная геронтология. М., 2010.
4. Sidorenko A. (2019) Demographic transition and “demographic security” in post-Soviet countries. Population and Economics 3(3): 1-22. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e47236>
5. Попова Л.А., Зорина Е.Н. Демографические аспекты постарения населения России в соответствии с новым экономическим порогом старости // Регион: экономика и социология. 2024. № 2 (122). С. 81-104. DOI: 10.15372/REG20240204. С. 96-97.
6. Федеральный закон от 29.12.2015 г. № 385-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий». URL: <http://base.garant.ru/71294564/>
7. Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru>
8. Федеральный закон от 08.07.2024 г. № 173-ФЗ «О внесении изменений в статью 17 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» и статью 26-1 Федерального

закона «О страховых пенсиях».
<http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202407080017>

URL:

Требования современного рынка труда к коммуникативной культуре студентов в условиях цифровизации общества и экономики

Саблуков Александр Валентинович
Московский государственный лингвистический университет.
Москва, Россия, asablukov@mail.ru

В век информационно-коммуникативной революции особое значение приобретают качества, характеризующие способность человека эффективно работать с информацией, выстраивать коммуникацию в различных условиях и на различных уровнях. Совокупность данных качеств можно определить как коммуникативную культуру личности. Сегодня формирование коммуникативной культуры следует рассматривать как необходимое условие и общего, и профессионального образования, и успешного включения личности в различные социальные процессы и виды деятельности.

В связи с этим вполне обоснованно предположить, что в современных условиях коммуникативная культура становится одним из важнейших условий востребованности на рынке труда. Для проверки данной гипотезы нами были проанализированы несколько отечественных и зарубежных сайтов вакансий и сайтов компаний, работающих в сфере маркетинга и медиаисследований. Из зарубежных сайтов вакансий и компаний в обследование попали в основном европейские компании (Германии, Франции, Испании, Англии) и компании США.

Сфера маркетинга и медиаисследований была выбрана потому, что это траектории подготовки бакалавров и магистров, обучающихся по специальности «социология» в нашем университете.

Если оценивать те требования, которые предъявляют сегодня как отечественные, так и зарубежные компании к претендентам на вакантные должности в контексте прежде всего коммуникативной культуры, то они сводятся к следующему.

Практически все компании едины в требовании знания и свободного пользования персональными компьютерами и набором пакетов прикладных программ, которыми оснащены современные компьютеры. В основном это пакет программ Microsoft Office: MS Word, MS Excel, MS Power Point и др. Но отдельные компании с учетом необходимости работы с мобильными платформами в качестве дополнительного преимущества обозначают знание и владение такими операционными системами, как Android и iOS Apple. Кроме того, встречаются требования знания специальных программ. Например, таких программ как Jira, которая является инструментом организации

эффективного взаимодействия участников процесса или проекта (используется, как правило, в больших компаниях).

Среди современных требований к претенденту на должность нормой является требование знания и умения работать с системами управления базами данных (СУБД). В основном это такие, как SPSS, Excel, SQL (Mysql, MsSql, PostgreSQL) Oracle.

Если говорить о специфике требований к отдельным специальностям, то для маркетологов достаточно актуализированы требования по знанию и умению работать в сетях и с сайтами. Прежде всего речь, как правило, идет о Vk («ВКонтакте»), LinkedIn, YouTube и некоторых других (например XING, пользующаяся особой популярностью в немецкоговорящих странах). Что же предполагают знания и умения работать в сетях и с сайтами:

- это понимание того, что такое интернет-сайт, как осуществляется его разработка, поддержка и развитие;
- понимание основ Интернет и мультимедиа технологий;
- знание и умение работать с графическими редакторами (Photoshop, Illustrator);
- знание и умение работать с такими инструментами оптимизации и продвижения сайта, как SEO (Search Engine Optimization), SEA (Search Engine Advertising), SEM (Search Engine Marketing) и SMM ((Social media marketing);
- знание и умение работать с системами измерения, сбора, анализа, представления и интерпретации информации о посетителях вебсайтов (веб-аналитика). Как правило, речь идет прежде всего о таких системах, как Яндекс Метрика, Google Analytics, Яндекс Директ, Google AdWords;
- знание и умение работать с системами рассылок Mailchimp (ПО для онлайнсоздания почтовых рассылок), Convead (маркетинговая платформа, которая позволяет интернет-магазинам автоматизировать свои воздействия на посетителей для того, чтобы удержать их, продать им больше или вернуть для повторных продаж);
- понимание принципов работы RTB технологии (технологии, которые позволяют проводить аукцион по продаже рекламных показов за те доли секунды, пока человек открывает веб-страницу.

Для специалистов, занимающихся исследованиями и анализом медиасферы, актуально знание основных медийных софтов TNS / Mediascope (iStar, Atelier, Palomars, TV Planet, AdEx, Galileo и т. д.) и Ipsos Comcon (DataFriend). В американских компаниях, кроме этого, есть ряд специфических требований. Например знание и умение работать с Comscore, IQBuzz, Similar Web и другими онлайн-софтами.

Нельзя не отметить и тот факт, что в последнее время среди требований к претендентам на трудоустройство в сферах медиаисследований и маркетинга все чаще и чаще появляется требование знания и, хотя бы на базовом уровне, умения программирования на таких языках, как Python, HTML, JS, CSS, PHP и VBA.

Список литературы:

1. Ерыкалов А. Б. Сущность и функции коммуникативной культуры в социальной системе: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Хабаровск, 2009. 172 с.
2. Коваленко Д. Г. Формирование информационно-коммуникативной культуры молодежи в системе высшего образования: дис. ... канд. социол. наук. М., 2012. 156 с.
3. Мазаева И. А. Профессиональная коммуникативная культура в содержании подготовки специалиста (На материале профессий «человек – человек»): дис. ... канд. пед. наук. М., 2003. 239 с.
4. Чусовлянова С. В. Коммуникативная культура студентов медицинского вуза в контексте их жизненных и профессиональных ценностей в российском обществе начала XXI века: дис. ... канд. социол. наук. Новосибирск, 2009. 153 с.

Человеческий капитал АПК России в условиях цифровой трансформации

Сафонов Никита Ильич

Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития
сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт
экономики сельского хозяйства
Москва, Россия, n.i.safonov@vniiesh.ru

В современных условиях Агропромышленный комплекс России занимает ведущую роль в обеспечении благосостояния населения страны. Состояние АПК непосредственно влияет на успешное выполнение Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации. Эффективность функционирования АПК в первую очередь зависит от состояния человеческого капитала в данной отрасли. Успешное аграрное производство – это прежде всего люди от знаний, умений, навыков и состояния здоровья людей которых зависит количество и качество аграрной продукции.

Вместе с тем специалистами регулярно отмечаются проблемы, связанные с человеческим капиталом. К ним относится высокий уровень урбанизации, низкая привлекательность села для молодежи и квалифицированных специалистов, снижение рождаемости, и многие другие. Как отмечалось в других наших работах в нашей стране с 2008 года наблюдается устойчивое снижение сельского населения, а дефицит кадров предприятий агропромышленного комплекса в динамике с 2001 по 2022 г. колеблется в пределах 93–95% [1]. И хотя процентное значение не кажется

критичным, при детальном рассмотрении количественных выражений данных показателей проблема дефицита кадров ощущается гораздо острее.

Вместе с тем к проблемам кадрового голода и миграции сельского населения в город накладывается серьезная потребность АПК России в квалифицированных кадрах. В последние десятилетия технологический прогресс развивается очень высокими темпами и эта тенденция нарастает с каждым годом. Однако, положительные процессы интенсивного информационно-технологического развития создают серьезные проблемы для агропромышленного комплекса и бросают сложные вызовы. Трудности возникают не просто в связи с интенсивностью изменения технологий, а в связи с высокой скоростью их внедрения. От момента зарождения технологических новшеств до момента возможности их непосредственного применения в производстве может не пройти и нескольких лет. Для успешного внедрения и применения всех разнообразных технологических средств необходим качественный человеческий капитал. Для успешного поиска путей применения и адаптации современных технологий, а равно и для их использования требуются специалисты, имеющие современное и актуальное образование.

Цифровая трансформация реализуется на территории нашей страны уже несколько лет. В 2024 году, взамен изданного ранее, вступил в силу Указ Президента № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» в котором одной из национальных целей также обозначена «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы». В майском указе 2024 года увеличилось количество показателей, необходимых для достижения национальной цели и вместо четырех их стало одиннадцать [2].

По нашему мнению, цифровую трансформацию применительно к АПК нужно рассматривать как процесс цифровизации, представляющий собой внедрение цифровых технологий в процессы управления и производства аграрной продукции, а также формирование цифровой культуры у специалистов и руководителей, занятых в агропромышленном комплексе.

В указе Президента 2024 года одной из целей достижения цифровой трансформации является «увеличение доли домохозяйств с качественным широкополосным доступом в интернет до 97% к 2030 году и до 99% к 2036 году» [2]. Данный показатель особенно важен для развития человеческого капитала АПК России в условиях цифровизации. Для обеспечения аграрного сектора специалистами с необходимыми навыками требуется наличие актуальных образовательных программ и преподавателей, глубоко понимающих специфику аграрной отрасли. Вместе с тем, в сельской местности наблюдается нехватка образовательных организаций, реализующих такие узкоспециализированные направления подготовки кадров, а там более отвечающих требованиям актуальности преподаваемых материалов. Большинство образовательных организаций, имеющих возможность реализации современных образовательных программ, находятся в крупных городах или расположены в близости от них. Выходом в данной ситуации является широкое применение дистанционных образовательных

технологий. С их помощью сельские жители могут получать необходимые компетенции, в соответствующих образовательных организациях, не покидая территории проживания. В дополнение к получению необходимых знаний это также исключает необходимость несения затрат на транспорт и проживание в месте нахождения образовательной организации. В данном контексте задача по обеспечению домохозяйств широкополосным интернетом является первостепенной для формирования человеческого капитала АПК в условиях цифровой трансформации, ведь именно посредством доступа к интернету сельчане могут реализовать все возможности дистанционного образования.

Таким образом, развитие человеческого капитала агропромышленного комплекса в условиях современных вызовов цифровой трансформации возможно путем эволюции цифрового образования, включающего популяризацию и прогресс в применении дистанционных образовательных технологий, а также обеспечение доступным высокоскоростным интернетом сельских территорий России.

Список литературы:

1. Т.Г. Евсюкова, Н.И. Сафонов Влияние демографических процессов на развитие человеческого капитала в сельском хозяйстве // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2024. – №11. – С. 76–81.;
2. Указ Президента № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 02.06.2025).

Построение интегрального индекса удовлетворённости трудом методами логистического анализа и бутстрэпа

Сергеев Александр Евгеньевич
ЦЭМИ РАН

Москва, Россия, alexander.e.sergeev@gmail.com

Проблема профессиональной удовлетворённости трудом и смене мест работы является одной из значимых тем в социологии труда, социальной психологии и прикладных дисциплин, ориентированных на управление человеческими ресурсами. В ряде работ установлено, что высокая удовлетворённость трудом коррелирует с более высокими показателями производительности, снижением текучести кадров. Напротив, неудовлетворённость трудом предшествует не только уходу из организации, но и более широким проявлениям социальной дезадаптации, включая снижение уровня доверия к социальным институтам.

Исследование в области удовлетворенности трудом особенно актуально в условиях цифровизации и тренда на преkraизацию – роста нестабильных форм занятости, таких как самозанятость, фриланс, гиг-работа (например, доставка) и пр. Требуется инструмент, который позволяет выявлять поведенческие риски – например, склонность к увольнению – и оценивать значимость и устойчивость каждого элемента трудовой мотивации.

В настоящем исследовании использованы данные Комплексного обследования условий жизни населения [1], охватывающего более 120 000 респондентов. Для анализа отобрана подвыборка респондентов трудоспособного возраста, занятых на момент опроса. Цель – построить устойчивый интегральный индекс удовлетворённости трудом и оценить его прогностическую силу в отношении намерений смены работы.

Факторный анализ с ортогональным вращением (Варимакс) позволил выделить три компонента:

- операционно-гигиенический (режим работы, условия труда, расстояние до работы);
- профессионально-ценностный (моральная и профессиональная удовлетворённость);
- компенсационно-стабилизационный (заработная плата, надёжность занятости).

Эти факторы объясняют 62% дисперсии; КМО = 0,81 – 0,86 подтверждают адекватность структуры. Полученные факторы обладают стабильностью при расчете в отдельных демографических группах (по полу, возрасту, образованию, типу занятости), а также хорошо интерпретируются и согласуются с теоретическими типологиями, представленными в работах [2], [3], [4], [5], а также в классической двухфакторной модели Герцберга [6], где удовлетворённость трактуется как результат действия как гигиенических, так и мотивационных факторов.

Для оценки прогностической силы признаков, используемых в индексах была построена модель предсказания склонности к смене работы в течение года (бинарные значения), основанная на логистической регрессии. Модель строилась с учётом выраженного дисбаланса классов (доля ищущих работу – 8,6%). Применялся метод многократной случайной репликации выборок (бутстрэпа) с балансировкой классов типа undersampling. Средние метрики модели: точность – 73,3%, полнота – 69,7%, ROC AUC = 0,805.

Была также проведена оценка устойчивости факторов в различных социальных группах. Для этого были построены отдельные логистические модели по социальным группам (по полу, возрасту и т.д.). Коэффициенты нормировались, универсальность признаков оценивалась через внутригрупповую дисперсию с поправкой на количество градаций переменной. Это дало возможность построить карту факторов по двум координатам: значимости (нормированный вклад в модель) и универсальности (обратная величина σ между группами).

Наиболее устойчивыми оказались факторы: «расстояние до работы» и «надёжность занятости». Наименее универсальными – «условия труда» и «режим работы».

По значимости вклада в модель лидируют: «профессиональная удовлетворённость», «заработная плата» и «надёжность». Наименьшие значения — у «расстояния до работы», «условий труда» и «режима работы».

Результаты исследования представляют собой математическую модель с достаточно высоким уровнем точности предсказания, которая может быть использована для интеграции в прикладные системы мониторинга трудовой среды как на уровне предприятий, так и на уровне регионального управления. Индекс и сопутствующие оценки значимости факторов могут использоваться для разработки персонализированных HR-инструментов, мониторинга уровня удовлетворённости и управления рисками текучести.

Список литературы:

1. Федеральная служба государственной статистики. Комплексное обследование условий жизни населения (КОУЖ), 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html
2. Дубновицкая Н.В., Фурманов К.А. Удовлетворённость трудом и смена места работы: социально-демографические различия // Журнал социологических исследований. 2023. № 2. С. 45–62.
3. Judge T.A., Thoresen C.J., Bono J.E., Patton G.K. The job satisfaction–job performance relationship: A qualitative and quantitative review // Psychological Bulletin. 2001. Vol. 127. No. 3. P. 376–407.
4. Дмитриева А.Н. Статус и мотивация персонала в условиях постковидной перестройки труда // Сборник трудов конференции «Социальная динамика и человеческий потенциал». 2024. Секция 6.
5. Киреева М.Ю., Захарова С.Н. Оценка факторов удовлетворённости трудом в системе здравоохранения // Сборник трудов конференции «Социальная динамика и человеческий потенциал». 2024. Секция 6.
6. Herzberg F., Mausner B., Snyderman B. The Motivation to Work. New York: Wiley, 1959.

Цифровизация рынка труда как фактор повышения эффективности государственной социальной политики

Соловьев Аркадий Константинович

Научно-исследовательский центр развития государственной пенсионной системы и актуарно-статистического анализа Финансового университета при Правительстве РФ
Москва, Россия, asolovyev@fa.ru

Единая цифровая платформа — это совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих её обработку информационных технологий и технических средств [1]. Она состоит из взаимодействующих информационных систем, состоящих из подсистем и сервисов.

Платформа предназначена для автоматизации процессов предоставления мер социальной защиты (поддержки), социальных услуг в рамках социального обслуживания и государственной социальной помощи, иных социальных гарантий, в том числе пенсионного обеспечения, и выплат, предоставляемых гражданам в Российской Федерации.

Социальные функции единой цифровой платформы развиваются по следующим направлениям:

- контроль за обеспечением гарантированных мер поддержки и защиты;
- процессы назначения и предоставления этих мер поддержки;
- предоставление информации о причинах, условиях и способах предоставления мер поддержки и защиты;
- предоставление информации об организациях, которые реализуют меры поддержки;
- ведение классификатора мер социальной поддержки, перечня получателей и иных справочников;
- ведение персонализированного учёта;
- интеграция и синхронизация ведения единого реестра субъектов пенсионного и социального страхования;
- проактивное «выявление» граждан нуждающихся в получении мер социальной поддержки
- автоматизация проведения медико-социальной экспертизы, учёта мероприятий по реабилитации и абилитации инвалидов

Решение проблемы сокращения бедности, экономического и социального неравенства занимает центральное место в системе национальных приоритетов долгосрочного развития страны для всех возрастных категорий населения страны. Значимость этой проблемы непосредственно выделена в системе национальных приоритетов Президента РФ в майском Указе №309 от 07.05. 2024., а также для развития цивилизации неоднократно отмечалась в рекомендациях ООН. Так, в программе ООН «Цели устойчивого развития до 2030г.» (2015г.) проблема бедности сохраняет за собой первое место из семнадцати международных программ стратегического развития ООН.

Причины бедности населения единодушно установлены в научном сообществе:

- глобальные финансовые кризисы,
- торможение макроэкономического развития
- диспропорции рынка труда и неразвитость рыночно-трудовых отношений,
- демографическая деградация населения страны

К перечисленным негативным факторам рисков достижения социального благополучия добавились риски глобальной цифровизации рынка труда и всех сфер общественной жизни, которые создают объективные

условия усиления экономического неравенства не только в различных видах хозяйственной деятельности и разных регионах, но и для разных возрастных и социально-демографических группах населения.

В нашей стране приоритет программы «борьбы с бедностью» неоднократно подчеркивался в различных нормативно-правовых форматах. Самым актуальным из них следует признать «майский» Указ Президента РФ №309 от 07.05.2024. Однако для решения этой практически значимой проблемы необходимо разработать теоретические основы, которые не должны слепо дублировать западные практики, а учитывать национальные особенности и исторические традиции.

Трансформация пенсионной политики последних десятилетий в зарубежных странах и России была обусловлена в большей степени финансовыми кризисами и, как следствие, оптимизацией расходов федерального бюджета. Анализ международной практики реализации такой пенсионной политики показал, что во времена цифровых трансформаций и финансовых кризисов многие страны прибегают к краткосрочным и даже долгосрочным пересмотрам механизмов формирования пенсионных прав: приостановке («заморозке») действий регулярных правил индексации или частично снижению темпов индексации.

Доклад подготовлен по результатам исследований, выполненных за счет Гранта РНФ

Список литературы:

1. Постановление Правительства РФ от 29.12.2023 N 2386 (ред. от 12.09.2025) "О государственной информационной системе "Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере" (вместе с "Положением о государственной информационной системе "Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере"). Консультант Плюс. 2023. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_466604/ae693caafa6dec4ca26edf314a4baba5cf7279f4/?ysclid=m7ujpjo15244072363

Факторы влияния крупных инвестиционных проектов на реализацию человеческого потенциала

Спарышкин Данила Алексеевич
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Москва, Россия, Danila-msk@yandex.ru

Человеческий потенциал в контексте современных вызовов сталкивается со множеством факторов, оказывающих на него влияние. Одним из таких факторов является реализация крупных инвестиционных проектов.

По данным [1, с. 11] Росстата рост объема инвестиций в основной капитал за период 2015–2022 гг вырос в 2 раза: с 13 897,2 млрд. руб. в 2015 г. до 27 865,2 млрд. руб. в 2022 г. Важно отметить, что приведенный объем инвестиций сопоставим в размер валового внутреннего продукта (ВВП) РФ: доля инвестиций в общем объеме ВВП увеличилась с 16,7% до 18,2% за тот же период.

Столь значительный объем инвестиций, осуществляющихся как правило в форме крупных инвестиционных проектов, оказывает влияние на человеческий потенциал. Данное влияние носит взаимный характер. Влияние инвестиционных проектов на человеческий потенциал начали оценивать сравнительно недавно в рамках оценки социально-экономической эффективности инвестиционных проектов [2].

Основными факторами влияния крупных инвестиционных проектов на человеческий капитал являются:

1. Создание новых рабочих мест. Данный фактор влияет двуправленно: отрицательно – если общее количество рабочих мест снижается, положительно – если общее количество рабочих мест увеличивается. Как правило, крупные инвестиционные проекты, реализующие как модернизация или реконструкция действующих объектов, предполагают сокращение большого числа низкооплачиваемых рабочих мест и создание меньшего количества высокооплачиваемых рабочих мест. В этом случае, для реализации положительного эффекта важно, чтобы высвободившиеся рабочие места были перенесены в те сферы, в которых есть (или ожидается после реализации проекта) дефицит кадров.

2. Повышение уровня образования и компетенций [4]. Реализация крупного инвестиционного проекта предъявляет новые и более высокие требования к уровню образования и компетенциям персонала. Так, например, современные заводы (как результат реализации крупных инвестиционных проектов) предъявляют высокие требования к рабочим в части компьютерных навыков, знания иностранного языка, понимания технологического процесса. При этом часть требований, актуальных ранее – может оставаться не востребованным (например, навыки наладки устаревшего оборудования). Соответствие современным требованиям является вызовом для развития человеческого потенциала. Ответ на такой вызов – залог развития человеческого потенциала.

3. Улучшение социальной инфраструктуры [5]. Как правило, результаты крупных инвестиционных проектов являются масштабным и комплексным, в результате проекта могут быть включены социальные объекты (школы, больницы), элементы благоустройства (скверы, парки, набережные). Наличие таких объектов, позволяет сформировать устойчивую базу для развития человеческого потенциала через реализацию новых возможностей – посещение новых образовательных, лечебных учреждений и т. д.

4. Изменение миграционных потоков. Задача по обеспечению крупного проекта персоналом формирует масштабный спрос на персонал, что влияет на миграционные потоки. Профессионалы с релевантным опытом работы и молодые специалисты составляют основу миграционного потока, за счет

реализации их роли происходит изменение человеческого потенциала региона, в котором реализуется крупный инвестиционный проект.

5. Повышение доходов и благосостояния народонаселения. Необходимость реализации проекта формирует потребность в новых и/или высококвалифицированных кадрах. Удовлетворение такой потребности требует повышенной, относительно среднего уровня по региону, оплаты труда. Наличие на проекте новых и/или высокооплачиваемых специалистов повышает общий уровень спроса в регионе и, как следствие, приводит к повышению уровня доходов работников смежных с проектом сфер и отраслей.

Понимание и учет данных факторов влияния на человеческий потенциал очень важно, так как оно оказывает значительное влияние на общую социально-экономическую эффективность крупных инвестиционных проектов. Детальная проработка мероприятий, повышающая положительный эффект от каждого фактора и разработка плана минимизации рисков негативных событий по каждому фактору, являются основой для повышения положительного влияния крупных инвестиционных проектов на реализацию человеческого потенциала.

Список литературы:

1. Статистический сборник «Инвестиции в России 2023», Федеральная служба государственной статистики (Росстат). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Invest_2023.pdf (дата обращения: 04.05.2025).
2. Спарышкин, Д. А. Показатели социально-экономической эффективности инвестиционных проектов / Д.А. Спарышкин // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2023. – № 8(154). – С. 55-64. – DOI 10.26726/1812-7096-2023-8-55-64. – EDN PZMTRK.
3. Новгородова, М. И. Роль человеческого потенциала в экономическом развитии региона / М.И. Новгородова // Проектное управление социально-экономическим развитием региона : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Липецк, 27 апреля 2023 года. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. – С. 236-239. – EDN JXETCC.
4. Александрова, О. А. Круглый стол: «Социальная сфера как генератор человеческого потенциала: состояние, проблемы и направления развития» на IX Санкт-Петербургском международном экономическом конгрессе / О. А. Александрова, А.В. Ярашева // Народонаселение. – 2024. – Т. 27, № 3. – С. 206-212. – DOI 10.24412/1561-7785-2024-3-206-212. – EDN HYSKHJ.

Трансформация творческих профессий в электронно-цифровую эпоху

Темнова Лариса Витальевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия, temnova.larisa@yandex.ru

Музыкальная индустрия, как и многие другие социальные сферы, подвержены сегодня влиянию современных средств передачи информации. Цифровизация активно вторгается в профессию музыкантов, трансформируя способы исполнения, распространения, продвижения и потребления музыкальных продуктов. Трудоустройство в музыкальной сфере в значительной степени определяется не только профессиональными навыками, но и степенью владения цифровыми технологиями, умением формировать свой личный бренд, продвигать себя и свое творчество на рынке. Рассмотрим, какое влияние оказала медиатизация на профессию музыкантов.

Во-первых, развитие независимости музыкантов и возможности контролировать свою карьеру и творчество. Эта тенденция обусловлена ослаблением влияния лидеров среди музыкальных лейблов, появлением различного рода сервисов по продаже музыки и брендингу артистов. Профессионалы все активнее продвигают свою музыку через цифровые платформы, привлекают аудиторию через социальные сети, создают уникальные бренды, экспериментируют с различными жанрами, звучанием и способами продвижения, что открывает новые возможности для творчества и самовыражения. Благодаря доступу к онлайн-платформам и соцсетям, музыканты получают доступ к мировой аудитории и формируют собственное сообщество поклонников.

Во-вторых, появляются новые способы заработка. Создание музыки стало весьма доступным, что привело к высокому спросу на библиотеки сэмплов. Так, например, музыкальные продюсеры начали создавать и продавать свои сэмпл-паки. Причем сегодня делать это можно самостоятельно без привязки к лейблу. Также появились сервисы для гост-продакшна, которые дают музыкантам возможность самостоятельно продавать свои музыкальные произведения для исполнителей.

В-третьих, развитие дистанционной занятости и рост музыкантов-фрилансеров. Артисты самостоятельно ищут заказчиков по всему миру, выступают на различных онлайн-фестах, участвуют в прямых трансляциях, получают «донаты» от зрителей. Вышеупомянутые способы заработка не являются совершенно новыми, но они трансформировались в электронно-цифровую эпоху. Если раньше, чтобы продавать сэмпл-паки, нужно было обязательно попасть на лейбл, специализирующийся на этом, то сейчас музыканту это можно делать самостоятельно. Таким образом, ослабление влияния лейблов открывает больше возможностей для музыкантов, особенно для тех, кто хочет выпускать собственную музыку. Однако, если раньше конкуренция в музыкальной индустрии была обусловлена олигополией

больших лейблов, то сейчас к этому прибавилась еще и конкуренция среди независимых артистов. На фоне высокой конкуренции появилась также проблема накрутки прослушиваний. Вместо того, чтобы работать над своим звучанием и в целом над личным брендом, некоторые артисты выбирают более легкий и менее затратный путь. Помимо того, что это противозаконно и неуважительно по отношению к другим артистам, накрутка прослушиваний приводит к потере потенциальных партнеров в лице звукозаписывающих лейблов и потере репутации, а также никак не способствует повышению популярности и узнаваемости самого артиста.

В-четвертых, сегодня в процедуру формирования личного бренда музыканта активно вмешивается цифровизация. Концертная деятельность, участие в музыкальных конкурсах и фестивалях, сотрудничество с другими музыкантами и продюсерами и др. весомо дополняется средствами, предоставляемыми новыми медиа. Например, сервис Submithub, предназначенный для продвижения музыки артистов и лейблов. Он позволяет отправлять треки в плейлисты и блоги, чтобы получить рецензии и привлечь больше слушателей. Благодаря такой «раскрутке» музыкант попадет в Spotify чарты (рейтинговые списки популярных музыкальных треков, альбомов или исполнителей, формируемые на основе количества прослушиваний, частоты использования в плейлистах и социальных взаимодействий (шаринг, добавление в плейлисты)). Однако для использования подобных сервисов требуются значительные денежные средства, доступные скорее тем музыкантам, которые уже имеют другой способ заработка помимо личного музыкального проекта. Для примера объем подписного музыкального стриминга в России в 2024 г. достиг почти 37 млрд рублей, увеличившись на 49% по сравнению с прошлым годом (Музыка онлайн: <https://clck.ru/3QfYeY>). Для продвижения профессионалы используют Telegram, Discord, Inst*** (социальная сеть запрещена на территории РФ) и YouTube. Платформа Inst*** (социальная сеть запрещена на территории РФ) удобна для продвижения услуг: снippets (способ открывать для себя музыку в формате прослушивания коротких фрагментов, содержащих ключевой момент трека), короткие видео, фотографии посты и др. Кроме того, музыканты входят в битмейкерские чаты (онлайн-сообщества, где битмейкеры общаются, делятся опытом, советами и новыми знаниями). Важным механизмом продвижения личного бренда выступают собственные блоги (например, в Телеграм).

Подчеркнем, что описанные цифровые инновации в меньшей степени затронули систему музыкального образования и академического исполнительского искусства. Что касается специалистов, вовлеченных в музыкальный бизнес, от них требуется постоянное отслеживание изменений в индустрии, включающих моду на музыкальные жанры, технологические инновации исполнения и создания музыки, стратегии продвижения продуктов. Все это формирует основу для успешного развития в профессии и адаптации к быстро меняющимся условиям рынка.

Казачья семья в контексте этнографического туризма: управление и маркетинг

Фасахудинов Владислав Вадимович
Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ»
Санкт-Петербург, Россия, fas.vlad.spb@ya.ru

Этнографический туризм становится все более популярным направлением в мире путешествий. Особое место в этом контексте занимает изучение казачьих семей, которые представляют собой уникальное сочетание исторической ценности и культурных традиций. Однако, для успешного развития этнографического туризма требуется не только понимание культурных аспектов, но и грамотное управление и маркетинг.

Историко-культурные основы казачьей семьи как объекта туризма

Казачья семья традиционно представляла собой сложный социальный институт, сочетавший военную организацию с развитыми сельскохозяйственными традициями. Исторически сложившаяся система ценностей казачества базировалась на трех основных принципах: православии, воинской службе и особом отношении к семейным устоям.

Материальная культура казачьих семей представляет значительный интерес для этнографического туризма. Традиционное жилище – курень – отличалось специфической планировкой, где центральное место занимала "святая святых" казачьей семьи – "красный угол" с иконами. Предметы быта, сохранившиеся в музейных коллекциях и частных подворьях, демонстрируют высокий уровень развития ремесел: кованые изделия, гончарное производство, ткачество. [7, С. 419].

Особую ценность для туристического показа представляют сохранившиеся семейные обряды. Свадебная церемония, включавшая "выкуп невесты", "посаждение" и другие ритуалы, демонстрирует синтез православных традиций и народных обычаев. Календарные праздники, такие как проводы казака на службу или встреча его возвращения, отличались особой театральностью и эмоциональностью. Казачество, его быт, традиции и обычаи играют значительную роль в формировании культурного образа России. Эти традиции объединяют элементы военной дисциплины, хозяйственных навыков и фольклора. Роль семьи в казачьей культуре особенно выражена, в ней заложены основы социальной структуры и передачи культурных ценностей от поколения к поколению. Для туриста это возможность окунуться в аутентичный стиль жизни, почувствовать дух свободы и независимости, которые являются неотъемлемыми компонентами казачьего наследия [1, С. 48].

Современные практики этнографического туризма с участием казачьих семей

В последние десятилетия наблюдается активное вовлечение казачьих семей в сферу этнографического туризма. Наиболее распространенными формами стали:

Семейные подворья-музеи: в станицах Ростовской области, Краснодарского края и Ставрополя созданы десятки частных музеев, где сами казачьи семьи проводят экскурсии, демонстрируют традиционные ремесла и угощают блюдами национальной кухни.

Интерактивные программы: особой популярностью пользуются "ожившие истории" – реконструкции казачьего быта, где туристы могут примерить традиционную одежду, поучаствовать в мастер-классах по владению шашкой или плетению нагайки [2, С. 71].

Гастрономический туризм: многие казачьи семьи организуют дегустации аутентичных блюд (кулеш, холодец, разносолы) с рассказом о традициях казачьего застолья.

Эффективным инструментом продвижения стали ежегодные фестивали ("Казачья станица Москва", "Всероссийский слет казачьей молодежи"), где целые казачьи династии демонстрируют свое мастерство в конных выступлениях, песенных и танцевальных традициях.

Эффективное управление и маркетинг в этом направлении становятся ключом к успеху. Важно не только сохранять, но и актуализировать культурное наследие казачества, делая акцент на уникальность и подлинность предлагаемого туристического продукта. Использование современных маркетинговых инструментов, таких как социальные сети, блоги, живые отзывы и фотоматериалы, способствует привлечению широкой аудитории. Основной упор делается на экологичность и культурную значимость проектов, что особенно ценится в современном мире [3, С. 145].

Маркетинговые стратегии продвижения казачьих традиций

В современном мире этнографический туризм становится особенно популярным, привлекая внимание к уникальным культурам и традициям. Казачьи общины, со своей богатой историей и уникальными обычаями, не исключение. Эффективные маркетинговые стратегии могут играть ключевую роль в продвижении таких общин как объектов этнографического интереса, увеличивая тем самым их привлекательность для туристов.

Один из основных подходов — это рассказывание историй (storytelling), которое позволяет подчеркнуть уникальность казачьих традиций. Создание содержательных и эмоционально насыщенных рассказов помогает соединить потенциальных туристов с историей и повседневной жизнью казачества. Использование медийных платформ таких как блоги, социальные сети и видеоканалы позволяет распространять эти рассказы среди широкой аудитории [4, С. 36]. Кроме того, проведение культурно-образовательных мероприятий играет важную роль в привлечении внимания к казачьей культуре. Организация фестивалей, мастер-классов по традиционным ремеслам и кулинарным практикам казаков, восстановление народных праздников — все это создает привлекательность для туристов и способствует глубокому погружению в культуру.

Использование digital-инструментов в продвижении также не остается без внимания. Создание виртуальных туров по казачьим станицам, разработка мобильных приложений с аудиогuidaми и интерактивными картами, ведение активных и мультязычных социальных сетей позволяет достигать молодежной аудитории и привлекает иностранных туристов. Эти

маркетинговые стратегии должны сопровождаться усилиями по сохранению культуры и устойчивому развитию туризма. Организация работы с местными сообществами, вовлечение их в процесс туристической деятельности и распределение выгод от туризма способствует укреплению казачьей общины и поддержке ее уникальности [5, С. 96].

Управленческие аспекты и устойчивое развитие

Этнографический туризм, основанный на традициях казачьей семьи, требует тщательного управления и стратегического подхода к маркетингу. Эффективное управление помогает не только привлекать туристов, но и сохранять культурное наследие, при этом способствуя экономическому развитию региона. Важным аспектом является создание устойчивой модели этнографического туризма, которая обеспечивает баланс между активным привлечением посетителей и сохранением уникальности казачьего образа жизни.

Управление в контексте туристического продукта, связанного с казачьей культурой, начинается с исследования интересов и предпочтений целевой аудитории. Определение, какие аспекты казачьей жизни могут быть наиболее привлекательными для туристов, позволяет формировать уникальные туристические продукты. Например, мастер-классы по традиционным казачьим ремеслам или кулинарные показы могут интересовать широкий круг лиц [6, С. 117]. Важно обратить внимание на маркетинговые коммуникации, которые должны правдиво и привлекательно передавать культурные особенности. Использование современных маркетинговых инструментов, таких как социальные медиа, может значительно увеличить видимость предложений. Однако следует уделить особое внимание сохранению подлинности сообщения, чтобы избежать коммерциализации без должного уважения к традициям.

Устойчивое развитие в контексте этнографического туризма на базе казачьей семьи подразумевает интеграцию экологических, экономических и социально-культурных компонентов. Это означает, что деятельность должна быть экономически выгодной, не наносить ущерб окружающей среде и обогащать культурную жизнь сообщества. Примеры успешного внедрения устойчивого подхода включают создание образовательных программ для туристов, которые не только погружают в казачью культуру, но и повышают осведомленность о важности её сохранения. Также можно организовать взаимодействие с местными образовательными учреждениями для проведения семинаров и лекций о казачьем наследии [4, С. 34]. Таким образом, казачья семья представляет собой уникальный ресурс для развития этнографического туризма в России. Сохранение традиционного уклада в сочетании с современными туристическими технологиями создает перспективную модель устойчивого развития казачьих сообществ.

Список литературы:

1. Губжоков М.Н. Воинские традиции в воспитании казачьей молодежи (XIX – начало XX вв.) // Казачество России: история и современность. – 2020. – № 12. – С. 45–52.
2. Лукичев А.В. Этнографический туризм как инструмент сохранения культурного наследия казачества // Туризм и культурное наследие. – 2021. – № 3. – С. 67–78.
3. Смирнова И.Ю. Гастрономический туризм в казачьих станицах: традиции и инновации. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т. – 2022. – С. 208.
4. Забелина С.В. Брендинг территорий через этнокультурное наследие: опыт казачьих регионов // Маркетинг в России и за рубежом. – 2021. – № 5. – С. 34–42.
5. Гукова А.А. VR-технологии в продвижении культурного наследия: казачьи музеи // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2022. – Т. 16. – № 3. – С. 89–97.
6. Пивоваров Д.С. Кооперативные модели в этнотуризме: казачьи хозяйства // Экономика сельского развития. – 2020. – № 4. – С. 112–125.
7. Фердинанд Теннис; Пер. с нем. Д. В. Складнева. – М.: Фонд Университет: СПб.: Владимир Даль, 2002 (Акад. тип. Наука РАН); ISBN 5-93615-020-8 (в пер.). С. 416–425.

Адаптивный потенциал и профессиональное благополучие в академической профессии

Филоненко Юлия Вячеславовна
Финансовый университет при Правительстве РФ
Москва, Россия, yvfilonenko@fa.ru

Противоречия современной сферы труда, вызванные внешними и внутренними вызовами – от общественных, социальных, экономических, политических и геополитических процессов до цифровизации и автоматизации, что трансформировало структуру занятости и квалификацию работников и изменило условия труда, остро проявилось в университетской среде и академической занятости. Преподаватели высшей школы призваны постоянно обновлять свои профессиональные компетенции, адаптироваться к новым технологиям и методикам обучения, что приводит не сколько к увеличению нагрузки на преподавательский корпус, к чему преподаватели давно и успешно адаптировались, а к увеличению ее разнообразия, и именно в направлении цифровых компетенций, к чему часть научного сообщества может быть не готова и (или) не мотивирована, а другая ее часть –

мотивирована и готова, но ограничена ресурсами – управленческими, финансовыми, временными и другими. Противоречия между потребностью в высококвалифицированных современных педагогических кадрах и ограниченными ресурсами становятся все более явными, привлекая внимание научного сообщества к вопросам устойчивости и эффективности системы высшего образования.

В этой связи актуализируются вопросы адаптивного потенциала преподавателей высшей школы, успешно исследуемые коллегами Уральского федерального университета Е.А.Шуклиной и М.В.Певной [1], Тюменского и Новгородского госуниверситетов Ефимовой Г.З. и Латышевым А.С. [2], а также научным коллективом Южного федерального университета под руководством Л.С.Скачковой [3] и другими. Вслед за упомянутыми учеными и в контексте новых исследований в данном докладе потенциал адаптации предлагается связать с субъективным и профессиональным благополучием как компонентами, признанными ведущими социологами, экономистами, психологами в ряде междисциплинарных исследований как определяющие: профессиональная идентичность, самореализация, мотивация связаны с субъективным благополучием в трудовой сфере и отражают стремление индивида к развитию, его компетентность, отношение к результатам труда (Rath T., Harter J. Warr P. и др).

Действительно, в научной литературе представлен ряд исследований профессионального благополучия представителей важнейших профессий, связанных с проблемами выгорания и эмоциональности – медицинских сестер, реанимационных работников, школьных учителей, педагогов СПО и высшей школы, работников охранных, спасательных служб как имеющих определенную специфику трудовой деятельности (Березовская Р., Творогова Н. и др.), в которых определяются факторы профессиональной среды, способствующие повышению его уровня, а способность эффективно адаптироваться к изменениям связана с долгосрочным профессиональным благополучием.

В этой связи в ряде исследований профессиональное благополучие определяется как апробированными методиками («приборные панели», рейтинги, индексы), так и анализом взаимосвязи уровня профессионального благополучия и адаптивного потенциала к стремительно меняющемуся рынку труда и квалификационным требованиям. Так, Е.А.Шуклина и М.В.Певная оценивают адаптационный потенциал преподавателей «третьего возраста» «на основе анализа их ресурсных возможностей как показателей их успешности или неуспешности в профессиональной деятельности» [1, с. 156], Н.Н.Симачкова, И.П.Чупина и др. исследуют адаптивный потенциал молодых преподавателей как «индивидуальный набор его личностных характеристик и обладаемых корневых компетенций, которые проявляются в его способности адекватно реагировать на изменения внешней среды», определяемый профессиографическими методами [4, с. 126], а С.Н.Апенько, А.Ю.Коньшунова предлагают рассматривать адаптацию нового сотрудника через уровень его резилентности [5, с. 156].

Исследовательским потенциалом обладает также инструментарий нарративного и дискурсивного анализа, позволяющий посредством

глубинных интервью выявить, по мнению В.В.Вольчика, роль социального контекста в формировании мотивации в экономическом поведении [6, с. 10]. Так, интерпретация 60 глубинных интервью научно-педагогических работников (НПР) 6 российских региональных, федеральных и опорных вузов научным коллективом ЮФУ позволило выявить разнонаправленное влияние на профессиональное благополучие и адаптацию НПР современных реформ образования: с одной стороны, некоторая прекариатизация вследствие роста административной нагрузки и необходимостью освоения формализованных стандартов работы привела респондентов к критичной оценке ситуации, но адаптации к новым реалиям, зачастую через стратегию «послушания» по О.Уильямсону, изменению целевых установок, что приводит к нарушению (или разрушению) позитивных профессиональных ценностей. [3, с. 80-81]. В то же время респонденты этого и целого ряда других исследований высоко оценивают социальную значимость научно-педагогической деятельности, что является в некоторой степени фундаментом адаптации. Выявленная удовлетворенность профессией или, в терминах позитивной организационной психологии увлеченность работой (по В.Шауфели и А.Бэккеру) как показатель позитивного, связанного с профессиональными обязанностями психологического состояния, действительно претендует на статус генератора адаптивного потенциала. В заключение приведем мнение Д. Ульриха, утверждающего, что «адаптация персонала есть основа долгосрочной нормативной профессиональной деятельности человека» и добавляет, что процессы адаптации (имея ввиду нового специалиста, но вполне справедливо перенести этот вывод на специалиста «старого», но в новых условиях) на случайные и целенаправленно формируемые [7, с. 22-23], что позволяет утверждать целесообразность совершенствования осуществляемых образовательными учреждениями научных и управленческих практик удержания психологической устойчивости, роста продуктивности и самореализации представителей академической профессии.

Список литературы:

1. Шуклина Е.А, Певная М.В. Адаптационные потенциал преподавателей «серебряного возраста» в условия трансформации высшего образования // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 1. С. 146-169.
2. Ефимова Г.З., Латышев А.С. Трудовая вовлеченность работников высшего учебного заведения: на примере включенности в корпоративные проекты // Университетское управление: практика и анализ. 2023. № 27(3). С. 131-148.
3. Субъективное благополучие научно-педагогических работников / Л. Скачкова, Е. Яковлева, Ю. Филоненко и др. Ростов-н/Д-Таганрог: ЮФУ, 2020, 204 с.

4. Симачкова Н.Н., Чупина И.П., Зарубина Е.В., Журавлева Л.А., Фетисова А.В. Особенности адаптации педагогов в образовательных организациях // Право и управление. 2024. № 11. С. 122-128.
5. Апенько, С.Н., Коньшунова А.Ю. Формирование профессиональных и надпрофессиональных компетенций в рамках образовательных программ высшего образования // Инновационная экономика и общество. 2024. №4 (46). С. 85-93
6. Вольчик, В. В. Идеи, символы и нарративы для экономического развития России // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17, № 1. С. 10.
7. Ulrich D. Ray R.L., Todd A. Next Step in GenAI for Human Resources: Proliferation vs. Prioritization // Workforce Solutions Review 2025. Vol 16. Issue 1. С. 11-14.

Политика компаний в сфере work-life balance как фактор повышения лояльности персонала

Хлопкова Оксана Васильевна
Московский автомобильно-дорожный государственный
технический университет
Москва, oksana-hlopkova@mail.ru

Согласно Cambridge Dictionary «work-life balance – количество времени, которое вы тратите на работу, по сравнению с количеством времени, которое вы проводите со своей семьей и занимаясь тем, что вам нравится» [1]. Впервые термин work-life balance был использован в 1970-х гг. американским социологом Р. М. Кантер. Она подвергла критике преобладающее в обществе мнение о том, что работа должна быть организована таким образом, чтобы сотрудник максимально концентрировался на служебных задачах, тем самым отделяя работу от семейных потребностей [2].

Правильное соотношение сфер – это ответственность не только сотрудника, но и работодателя. Задачей организации является обеспечение условий труда, в которых персонал будет чувствовать себя комфортно и в безопасности. Современный сотрудник стремится к осознанности, гибким условиям труда и благополучию в жизни, поэтому работодатели, которые им в этом помогают, посредством обеспечения work-life balance получают преимущество на рынке труда. Стратегическая цель заключается в формировании у организации подхода к управлению персоналом, базирующегося на философии, которая уважает и поддерживает человека, и рассматривает его не как инструмент для достижения целей компании, а как личность с многообразными потребностями и целями.

Исследователи из индонезийского университета Пурвокерто в 2021 году анализировали work-life balance совместно с культурой компании и его влияние на лояльность сотрудников. Модерирующей переменной являлась удовлетворенность трудом. Респондентами выступили 135 сотрудников из 10

крупнейших строительных компаний Западной Суматры [3]. Специфика работы сотрудников в строительных компаниях, участвующих в исследовании, заключается в договорных программах, завязанных на продолжительности строительства и достижения целей в каждом периоде развития. По этой причине сотрудникам требуется выполнять работу в оговоренные сроки без возможности гибкого изменения графика сдачи работ. В такой ситуации, некоторым сотрудникам приходится часто работать сверхурочно, чтобы закрыть проект вовремя. Данное положение создает дисбаланс сотрудников и не может позитивно влиять на культуру труда в компании. Обе эти вещи влияют изначально на удовлетворенность работой, а в дальнейшем – на лояльность организации. Баланс между работой и личной жизнью улучшает аффективную приверженность и способствует чувству преданности организации.

Также в Индонезии было проведено исследование работников стартап-компаний, родившихся в промежутке от 1990 до 2000 года. Всего в исследовании приняли участие 121 респондент, которые трудились по гибкому графику и удаленно. Результаты исследования показали, что гибкость работы имеет значительное и положительное влияние на лояльность и удовлетворенность сотрудников [4]. Особое внимание в исследовании было обращено на коммуникации внутри коллектива при подобном режиме работы. Наличие налаженной коммуникации в организации – один из успешно работающих инструментов достижения баланса между работой и личной жизнью. Результаты исследования показали, что гибкость работы, обеспечиваемая организацией, имеет положительные результаты для удовлетворенности работой. Однако, увеличение продолжительности дня в подобном графике, что негативно сказывается на *work-life balance*. Большинство сотрудников стартапов работают сверхурочно, в том числе на выходных и практически не сталкиваются с понятием отпуска.

Согласно исследованиям Harry Inc., в последние годы лояльность сотрудников все сильнее связана с комфортом, личной свободой и здоровым образом жизни [5]. Людей тяжело заинтересовать только зарплатой и повышением по карьерной лестнице. К постоянным факторам повышения лояльности персонала присоединились такие, как забота о психологическом и физическом здоровье. Получили распространение принципы *well-being*, принятие и бережное общение, корпоративная ответственность. Опрос 2018 PR Newswire года показал, что 80% работников отдали бы предпочтение работе с гибким графиком, а также 30% респондентов более ценят гибкую работу, чем, например, дополнительный отпуск. А 35% заявили, что гибкая работа настолько важна для них, что они отдадут ей предпочтение перед более престижным титулом или должностью [6].

Таким образом, работодатели, реализующие принципы *work-life balance* для своих сотрудников «выигрывают» на рынке труда у компаний, которые не реализуют подобные принципы. Внедрение инструментов WLB позитивно сказывается на привлечении потенциальных сотрудников, удовлетворенности работой, и повышении лояльности персонала.

Список литературы:

1. Work-life balance // Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/click-herehappiness/201805/work-life-blending-does-it-work> (дата обращения 13.05. 2025)
2. Kanter R.M. «Work and Family in the United States» // Russel Sage Foundation. 1977.
3. Bagis, Adawiyah Work-Life balance and Work Culture on Employee Loyalty in Construction Companies: The Mediating Role of Job Satisfaction [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eudl.eu/pdf/10.4108/eai.10-8-2022.2320908> (дата обращения: 04.06.2025)
4. Mahmoud, A.B., Fuxman, L., Mohr, I., Reisel, W.D. & Grigoriou, N. «We aren't your reincarnation!» workplace motivation across X, Y and Z generations". // International Journal of Manpower 2020, vol. 42(1), pages 193-209, June.
5. Work-life balance: как соблюдать грань между работой и личной жизнью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hh.ru/article/29023>(дата обращения 28.05.2025)
6. New Research Shows That Flexible Working is Now a Top Consideration in the War for Talent [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.prnewswire.com/news-releases/new-research-shows-that-flexibleworking-is-now-a-top-consideration-in-the-war-for-talent-300818790.html> (дата обращения 17.05.2025)

Инклюзивные механизмы как основа эволюции человеческого капитала

Зезаев Марат Расулович

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Россия, zezaevmarat@gmail.com

Циканова Лариса Махмудовна

Российский государственный университет социальных технологий,
Институт международных экономических связей
Москва, Россия, tsikanovaLM@yandex.ru

В условиях ускоряющихся трансформаций социальной и экономической среды особую значимость приобретает развитие человеческого капитала как центрального ресурса устойчивого роста. Инклюзивные механизмы, направленные на устранение барьеров для участия

в общественной, профессиональной и образовательной жизни, формируют основу для его эволюции, способствуя более равномерному распределению возможностей и раскрытию потенциала различных социальных групп. В исследовании рассмотрена инклюзия как фактор, формирующий обновлённую архитектуру человеческого капитала, обозначены проблемы, препятствующие эффективной реализации инклюзивных стратегий. Выделены пути интеграции инклюзивного подхода в политику человеческого развития на уровне институтов, бизнеса и образования.

Современная парадигма развития ориентируется на качественное обновление человеческого капитала, что невозможно без инклюзивных стратегий. Включение ранее маргинализированных групп в процессы социального воспроизводства, труда и образования становится не только этическим императивом, но и функциональной необходимостью. Инклюзивные механизмы, предполагающие доступность инфраструктуры, образовательных и трудовых практик, позволяют существенно расширить базу квалифицированного и устойчивого человеческого ресурса.

На международном уровне значительные успехи в области инклюзии демонстрируют скандинавские страны, где интеграция принципов равенства в социальную политику привела к устойчивому росту показателей занятости среди людей с инвалидностью и представителей этнических меньшинств. Так, в Швеции действуют системные программы поддержки занятости для людей с ограниченными возможностями, что позволило сократить разрыв в уровне доходов и снизить социальное неравенство [1]. В Финляндии с конца 1990-х годов функционируют центры сопровождения трудоустройства людей с ограниченными возможностями (Supportive Employment Services).

В России данное направление также получает институциональное оформление. Так, в рамках реализации национальных проектов, в частности «Молодежь и дети» (до декабря 2024г. – «Образование»), «Семья» и «Кадры» (до декабря 2024г. – «Демография») предпринимаются шаги по расширению инклюзивных практик. Положительной тенденцией выступает рост числа студентов с инвалидностью в российских вузах. По данным Министерства науки и высшего образования РФ, число студентов вузов с инвалидностью и ОВЗ в России с 2019 года увеличилось на 56 % – до 39 441 человек [2]. Однако, несмотря на положительную динамику, остаются проблемы, связанные с доступностью образовательной среды и недостаточной подготовкой преподавательского состава к работе с такими студентами.

По данным Минтруда РФ [3], по-прежнему сохраняется разрыв в доступе к трудоустройству между различными социальными группами, особенно в регионах с низким уровнем социально-экономического развития. Существуют сложности, связанные с недостаточной адаптацией рабочих мест, отсутствием подготовленных кадров и слабой координацией между государственными и частными институтами.

Барьеры, препятствующие дальнейшему развитию инклюзивной среды в России, включают отсутствие единой межведомственной координации в реализации программ инклюзии [4, 5], а также низкий уровень информированности бизнеса о выгодах от трудоустройства людей с особыми потребностями.

В качестве эффективных мер преодоления выявленных проблем могут быть предложены: расширение механизмов целевого финансирования инклюзивных проектов, развитие программ наставничества, а также цифровизация инклюзивных сервисов, направленных на поддержку занятости и дистанционного образования. Кроме того, необходима разработка многоуровневых программ развития человеческого капитала, в которых инклюзивные механизмы будут интегрированы на всех этапах. Одной из перспективных форм является развитие инклюзивных экосистем – территориально-ориентированных платформ взаимодействия бизнеса, образования и институтов поддержки занятости.

Таким образом, инклюзивные механизмы становятся неотъемлемой частью стратегии обновления человеческого капитала. Необходимо обеспечить такие условия, при которых каждый человек, вне зависимости от социальных ограничений, имел бы возможность быть включённым в экономическую и социальную активность. Это подразумевает внедрение инклюзивных механизмов, таких как адаптированные программы образования, гибкие формы занятости, механизмы социальной поддержки и институциональные стимулы для работодателей, что в совокупности позволит создать условия для равного доступа каждого члена общества к возможностям и признанию ценности человеческого потенциала в его многообразии.

Список литературы:

1. Disability, Work and Inclusion: Mainstreaming in All Policies and Practices. – Paris: OECD Publishing, 2023. URL: <https://www.oecd.org/>
2. Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/>
3. Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. URL: <https://mintrud.gov.ru/>
4. Казова, З. М. Занятость и трудоустройство инвалидов: актуальные проблемы и правовые аспекты / З. М. Казова // Экономические и социальные проблемы регионального развития в современных условиях : Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции: в 2-х томах, Курск, 06 февраля 2025 года. – Курск: ЗАО "Университетская книга", 2025. – С. 340–343. – EDN YDFWJQ.
5. Казова, З. М. Трудоустройство инвалидов и лиц с ОВЗ как интеграция в социум / З. М. Казова // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты : сборник научных статей 14-й Международной научно-практической конференции, Курск, 21–22 ноября 2024 года. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. – С. 178–181. – EDN NRMRVY.

Преимущества, недостатки и перспективы развития дистанционной занятости в России

Цхададзе Нелли Викторовна

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Россия, nelly-vic@mail.ru

Актуальность дистанционной занятости в современном обществе не вызывает сомнений. Дистанционная форма работы с каждым годом становится всё больше привлекательной за счёт развития цифровых технологий. В этой связи весьма важно провести анализ текущего состояния дистанционной занятости в России. В условиях трудового договора для удалённой работы должно быть прописано: режим рабочего времени; условие о выполнении трудовой функции; условие об обеспечении сотрудника оборудованием; условия и порядок вызова работника в офис; порядок предоставления отпуска; порядок предоставления отчёта о проделанной работе; основания для увольнения. Всё это регулируется соответствующими статьями трудового кодекса в данном случае это статья 49.1 и 57.

Многие путают понятие дистанционной работы, фриланса и смарт воркинга. Все эти категории чем-то схожи, но имеют ключевые отличия. Рассмотрим преимущества, которые нам даёт дистанционная работа в общем: возможность работать из любой точки мира, где есть соединение с компьютерной сетью интернета; меньше затрат времени на дорогу; возможность работать, не выходя из дома; возможность работать женщинам, находящимся в декрете; возможность работать людям с ограниченными возможностями; развитие кибербезопасности, специальных программ и востребованность специалистов в сфере информационных технологий; уникальную возможность индивидуального регулирования рабочего графика; доступность любого человека, умеющего пользоваться компьютером и интернетом осуществлять дистанционную работу.

В качестве недостатков можно назвать: дистанционная занятость связана с необходимостью включенности в сеть интернет; умение работать с сетью и специальными приложениями (ZOOM, Microsoft Teams, Skype, Moodle, Discord, Miro, Google Диск, Мой офис, Яндекс.Диск); уязвимость, так как личные устройства не всегда обеспечивают необходимый уровень безопасности; переработки, так как отсутствие чётко структурированного рабочего графика зачастую приводит к значительному увеличению времени, затрачиваемого на выполнение рабочих задач; проблемы со здоровьем, в результате взаимодействия с компьютерным экраном, длительными периодами неподвижности, отсутствием мышечной активности и привычных перерывов; какие-то профессии невозможно осуществлять дистанционно (медицина, строительство, транспорт и логистикой, промышленное производство, общественное питание, и другие).

Таким образом, для эффективной реализации дистанционной занятости в России важно находить оптимальный баланс между ними.

Перспективы развития дистанционной занятости в России выглядят многообещающими и обоснованными рядом значимых факторов.

Современные формы традиционной занятости: эмпирический анализ предпочтений работников и перспективы развития

Чаплашкин Николай Владимирович
ФГБУ «Интеробразование»
Москва, Россия, kalyan82@rambler.ru

В современном мире рынок труда стремится к большей гибкости. Это проявляется в развитии дистанционной занятости, самозанятости и других форм, снижающих зависимость работников от работодателей и способствующих нахождению баланса между работой и личной жизнью. Этот процесс характерен не только для западных стран, но и для всего мира. Сокращение продолжительности рабочей недели также является неотъемлемой частью этого тренда.

Человечество столетиями шло по пути прогресса, что в конечном итоге приводило к автоматизации производства, увеличению производительности, минимизации затрат человеческих ресурсов и улучшению условий труда [1-3].

Следствием всех преобразований в сфере труда становилось постепенное сокращение продолжительности рабочей недели и дня, переход на более гибкие формы труда.

Несмотря на сохранение преобладающего положения классической модели постоянного трудоустройства, технологический прогресс и развитие информационно-коммуникационных технологий развитие новых форм занятости в рамках традиционной парадигмы трудоустройства не останавливается. При этом всё это способствовало актуализации вопроса сокращения продолжительности рабочей недели.

Минтруд России по итогам исполнения поручений 2019 года (после выступления на 108-й сессии Международной организации труда в Женеве Председателя Правительства Российской Федерации Дмитрия Медведева о возможном переходе на четырехдневную рабочую неделю в России [4]) неоднократно заявлял об отсутствии необходимости законодательного закрепления четырехдневной рабочей недели [5].

При этом российское трудовое законодательство позволяет работодателям реализовывать гибкий график работы для сотрудников и рабочие недели с сокращенным количеством дней, включая четырехдневные, а также комбинировать это с дистанционной занятостью [6].

Авторское исследование, проведенное в период с октября по ноябрь 2024 года, представляет собой поисковую работу, направленную на выявление и анализ факторов, определяющих выбор или отказ субъектов

трудовых отношений от различных моделей организации рабочего времени, в том числе и сокращенной рабочей недели.

Опрашиваемые могли выбирать для себя несколько оптимальных вариантов организации работы, в том числе и традиционный с 40-часовой рабочей неделей и постоянным присутствием на рабочем месте.

По результатам проведенного опроса видна им склонность к выбору более гибких форматов.

Видно, что работники демонстрируют предрасположенность к выбору такого формата занятости, который максимально соответствует их текущей загруженности.

В данном вопросе необходимо учитывать много факторов: начиная от отраслевой специфики заканчивая текущей загруженностью работников и корпоративными правилами.

В части сокращенной рабочей недели и на гибкий график следует учитывать, что большинство опрошенных предпочитают сохранение привычного ритма работы с минимальными изменениями в организации рабочего времени.

Так, если работа в настоящее время не подразумевает задержек, то и наиболее подходящим будет вариант сокращенной рабочей недели с уменьшением количества рабочих часов. Если же на работе сотрудникам приходится часто задерживаться, то в данной случае работодателям следует обратить внимание на вариант с четырехдневным рабочим периодом и 10-часовым рабочим днем.

Работодателям необходимо учитывать и половозрастные факторы: традиционная занятость с обязательным присутствием на рабочем месте более привлекательна для мужчин и старших возрастных групп, в то время как молодежь и женщины пожилого возраста демонстрируют большую готовность к альтернативным форматам работы.

С учетом высказываний Минтруда России и анализа российского трудового законодательства – на бумаге ничего не мешает работникам и работодателям переходить на сокращенную рабочую неделю уже сейчас.

Работники демонстрируют готовность к экспериментам с форматом занятости, в связи с чем, традиционная модель работы требует модернизации для соответствия современным запросам – работодателям необходимо адаптировать условия труда под новые предпочтения сотрудников.

Важно внедрять гибкие форматы работы для привлечения и удержания персонала, особенно в текущем периоде в целях восполнения кадрового дефицита.

С начала 2000-х годов десятки стран проводят эксперименты по переходу на четырехдневную неделю. При этом, хоть ни в одной стране 4-дневная рабочая неделя полностью не введена, многие из перечисленных ниже стран экспериментируют с ней и в настоящее время [7].

Можно предположить, что после окончания тяжелого кризисного периода в нашей экономике, все больше и больше компаний независимо от сфер деятельности будет приходить к сокращению продолжительности рабочей недели не в качестве антикризисной меры, при этом желания работников и работодателей в определенной точке будут совпадать.

Список литературы:

1. Кейнс Д. М. Экономические возможности наших внуков. Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 60–69.
2. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический Проект, 2010.
3. Бехтель М. Будущее труда: Размышления, взгляды, перспективы. // Inter Nationes, 2000. 19с.
4. 108-я сессия Международной конференции труда. URL: <http://government.ru/news/36975/> (дата обращения 09.06.2025)
5. Чаплашкин Н.В. Григорович Е.В. Реальность применения сокращенной рабочей недели в России: от трудового законодательства к практическим примерам. // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 2. С. 317–323.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации: текст с изменениями // «Российская газета», № 256, 31.12.2001.
7. Чаплашкин Н. В. Сокращенная рабочая неделя: от вопросов внедрения до реальных экспериментов на примере зарубежных практик. // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2024. № 8. С. 102–110. DOI 10.20339/AM.08-24.102. EDN CXRIEN.

Формирование социальных технологий ресоциализации российских офицеров ВС РФ, уволенных в запас

Щипаков Владимир Эрикович
Военный университет имени князя Александра Невского
Москва, Россия, v.schipakov@mail.ru

Актуальность проблемы ресоциализации офицеров, уволенных в запас, в современных условиях является важным аспектом в нашем обществе. Социальная значимость данной проблемы неоспорима.

Процесс адаптации офицеров к гражданской жизни сопряжен с многочисленными трудностями.

Трудовая перспектива офицеров, уволенных в запас, представляет собой важный элемент их ресоциализации. Найти работу, пройти профессиональную переподготовку и адаптироваться к новой трудовой среде — всё это необходимые шаги, поскольку многие из них обладают

специфическими навыками, требующими адаптации к гражданским условиям труда.

Поддержка и механизмы ресоциализации играют ключевую роль в успешной адаптации офицеров к новой жизни. Разработка и внедрение эффективных социальных технологий, включая образовательные программы, психологическую поддержку и профессиональное консультирование, существенно помогают в этом процессе.

Проблемы адаптации офицеров, уволенных в запас, к гражданской жизни представляют собой сложный и многогранный феномен. Переход из военной среды в гражданскую жизнь требует адаптации к новой роли. Офицеры, привыкшие к строгой иерархии, воинским обязанностям и специфическим навыкам, в гражданской жизни сталкиваются с необходимостью переосмыслить свою идентичность и роль в обществе. Этот процесс может быть довольно сложным и длительным.

Социальные ожидания могут стать серьёзным препятствием для адаптации. Офицеры, особенно занимавшие высокие должности в армии, часто сталкиваются с высокими социальными ожиданиями. Им приходится преодолевать это давление и искать новую социальную роль, что требует значительных усилий и времени.

Кроме того, трудовая перспектива офицеров, уволенных в запас, также представляет собой серьёзную проблему. Найти работу в гражданской сфере может быть сложно, так как военный опыт не всегда применим в гражданских профессиях. Поэтому необходимо разработать эффективные механизмы поддержки и переподготовки, чтобы помочь бывшим военным успешно адаптироваться к новой трудовой среде.

Наконец, не менее важным аспектом являются психологические проблемы, возникающие при адаптации к новой жизни. Процесс перехода может сопровождаться стрессом, потерей статуса и чувством потери. В таких случаях психологическая поддержка и консультирование играют ключевую роль в решении этих проблем, помогая офицерам справиться с эмоциональными трудностями и найти своё место в гражданской жизни.

Данная проблема является предметом многочисленных научных исследований и публикаций. В современной литературе данному вопросу уделяется значительное внимание, что отражает его актуальность и сложность.

Понятие ресоциализации офицеров, уволенных в запас, представляет собой процесс адаптации к гражданской жизни после службы в армии.

Этот процесс имеет несколько ключевых особенностей. Ресоциализация офицеров требует кардинальных изменений в их образе жизни, роли и социальной среде.

Это не просто переход, а глубокая трансформация, включающая изменение устоявшихся привычек и мировоззрения, что часто становится сложным и длительным процессом.

Трудовой фактор играет значительную роль в ресоциализации. Офицеры обладают специфическими навыками и опытом, которые не всегда применимы в гражданской сфере.

Поэтому процесс ресоциализации включает в себя поиск новой работы и адаптацию к новой трудовой среде, что может потребовать значительных усилий и времени на профессиональную переподготовку и освоение новых компетенций.

Третий аспект касается возраста офицеров, уволенных в запас. Многие из них не являются пенсионерами с точки зрения гражданской жизни, что означает необходимость продолжения трудовой деятельности. Возраст может оказывать влияние на их адаптацию к новой жизни, поскольку зрелые специалисты сталкиваются с определёнными барьерами на рынке труда и в процессе освоения новых профессиональных навыков.

Важным элементом ресоциализации является система поддержки. Эффективная ресоциализация невозможна без профессиональной переподготовки, образовательных программ и психологической помощи [6]. Эти элементы помогают офицерам успешно адаптироваться к гражданской жизни, обеспечивая необходимые ресурсы и поддержку в процессе трансформации.

Социальная ресоциализация офицеров, уволенных в запас, представляет собой процесс восстановления или формирования социальных связей и ролей человека, оказавшегося вне общества или его норм. Этот процесс необходим для людей, переживших травматические события, сменивших место жительства, потерявших работу, вышедших из исправительных учреждений или детских домов и т.д. Цель ресоциализации заключается в успешной адаптации к новым условиям, нахождении своего места в социуме и повышении качества жизни.

Основные виды социальных технологий ресоциализации офицеров включают несколько ключевых компонентов.

Во-первых, важную роль в этом процессе играет психологическая поддержка. Психологические методы помогают офицерам справиться с эмоциональными трудностями, страхами и тревогой, связанными с изменениями в их жизни. Консультации с психологами и участие в терапевтических группах способствуют улучшению психоэмоционального состояния и укреплению уверенности в своих силах.

Во-вторых, неотъемлемой частью ресоциализации является профессиональная переподготовка. Обучение новым навыкам и профессиональным компетенциям помогает офицерам успешно интегрироваться в гражданскую среду. Курсы переподготовки и повышения квалификации обеспечивают необходимые знания и умения для успешного трудоустройства в новых для них сферах деятельности.

Социальная адаптация представляет собой третий важный аспект. Она включает в себя обучение социальным навыкам, правилам поведения и взаимодействия в гражданском обществе. Помощь в поиске работы, участие в тренингах по социальным коммуникациям и развитие навыков межличностного общения способствуют успешной интеграции в новое окружение.

Социальная поддержка играет ключевую роль в процессе ресоциализации. Организации, волонтеры и специалисты помогают офицерам решать практические вопросы, такие как жилье, медицинская помощь и

финансовая поддержка. Эта помощь позволяет смягчить трудности переходного периода и обеспечивает офицеров необходимыми ресурсами для успешной адаптации к гражданской жизни.

Изменение роли является одним из ключевых факторов, влияющих на успешность ресоциализации офицеров, уволенных в запас. Переход из военной среды в гражданскую жизнь требует от офицеров адаптации к новой роли. Привыкшие к строгой иерархии, воинским обязанностям и специфическим навыкам, они сталкиваются с необходимостью переосмыслить свою идентичность и социальную роль в гражданском обществе. Это требует значительных внутренних изменений и адаптационных усилий.

Социальные ожидания оказывают существенное влияние на процесс ресоциализации. Офицеры, особенно те, кто занимал высокие должности в армии, могут столкнуться с высокими социальными ожиданиями. Им приходится преодолевать давление со стороны общества и искать новую социальную роль, что может быть достаточно сложным и вызывать чувство неопределенности.

Трудовая перспектива также играет важную роль в успешной ресоциализации. Офицеры, уволенные в запас, часто сталкиваются с трудностями при поиске работы, поскольку их военный опыт не всегда применим в гражданской сфере. Для успешной трудовой адаптации необходимо разработать эффективные механизмы поддержки и переподготовки, которые помогут бывшим военным приобрести новые навыки и компетенции, востребованные на рынке труда.

Психологические аспекты являются ещё одним важным фактором, влияющим на успешность ресоциализации. Адаптация к новой жизни может вызвать стресс, чувство потери статуса и значимости, а также эмоциональные трудности. В таких случаях психологическая поддержка и консультирование играют ключевую роль, помогая офицерам справиться с этими проблемами, преодолеть психологические барьеры и найти внутренний баланс.

Успешная ресоциализация офицеров, уволенных в запас, зависит от множества факторов, включая изменение роли, социальные ожидания, трудовую перспективу и психологические аспекты. Комплексный подход поддержки, учитывающий все эти факторы, будет способствовать успешной интеграции бывших военных в гражданскую жизнь.

Список литературы:

1. Бессонова Т.И. Психологическая адаптация военных пенсионеров к новым видам деятельности. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023. № 2 (66). С. 324–334.
2. Монахов О.Н. Профессиональная адаптация военных пенсионеров: инклюзивный подход. // Профессиональное образование и рынок труда. 2024. Т. 12. № 2. С. 120–132. <https://doi.org/10.52944/PORT.2024.57.2.008>

3. Смирнов А.И. Динамика удовлетворенности жизнью военных пенсионеров. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. № 1 (854). С. 106–113.
4. Щеглов А.Ф., Акулич И.А. Функционирование механизма управления социальной адаптацией военнослужащих, уволенных в запас, а также членов их семей. // Власть. 2020. Т. 28. № 1. С. 203–208.

Люди организации или персонал организации: новый подход в управлении

Юрасова Мария Владимировна
МГИМО МИД
России, Москва, polevik@rambler.ru

Рассмотрение подходов к изменениям терминологии в современных организациях дает широкое поле интерпретации зарубежных практик к российской действительности.

Наиболее ярким примером последних лет явился термин «управление талантами», который прочно вошел в нормативные документы, учебники и учебные материалы, организационные и международные стандарты, реальные практики и средства массовой информации. Трактовки этого термина разнятся как в реальных практиках управления, так и их интерпретациях в открытых отчетах организаций, описаниях вакансий, учебных материалах и др.

Рассмотрим внедрение нового термина «люди (people) организации». Если ставшие традиционными термины «персонал», «человеческие ресурсы» и др. используются уже более полувека, то люди организации только начинает внедряться в практику.

Люди (people) организации — это все лица, работающие в организации (полный рабочий день, неполный рабочий день, включая волонтеров). В другой трактовке — штатные и внештатные сотрудники, участники проектов от сторонних организаций в том числе лидеры на всех уровнях [People: All individuals employed by the organization (full time, part-time, including volunteers), including leaders at all levels // EFQM Model 2020].

В современных документах (например, EFQM Model 2020) предлагается вместо традиционного термина «персонал» использовать более общий термин «люди», для того чтобы подчеркнуть значимость всех вовлеченных лиц в деятельность организации.

К подобному подходу приводит необходимость привлечения дополнительного персонала: совместителей, временных работников, стажеров, волонтеров и др.

Социальные программы организаций показывают, что важны не только непосредственные сотрудники, но и члены их семей, пенсионеры

предприятия и так далее. Для них разрабатываются различные программы и мероприятия. Например, одна из организаций выплачивает «зарплату» детям сотрудников. Для отличников была предусмотрена «зарплата» в 3000 рублей, хорошистов – 1500 рублей. Подобный подход включил заинтересованность родителей и детей в успехах в учебе. Дети сотрудников во время корпоративных мероприятий отмечали, что это «их организация», потому что она уже заинтересована в том, чтобы дети пришли работать в организацию. И заинтересована в высоком качестве образования будущих сотрудников.

Подобный подход к привлечению и воспитанию потенциальных сотрудников реализуется в профильных школах, ссузах, вузах; в рамках проведения олимпиад, хакатонов, практик, стажировок и др.

Еще один пример, когда владелец бизнеса (производство), регулярно приводил на работу своего сына (ученика начальной школы), показывая важность качества работы, контроля процессов, общения с персоналом, то есть основных рабочих моментов. Это воспитание ответственного отношения к организации с младшего возраста.

Уже в девяностых годах прошлого столетия, при развитии концепций маркетинга услуг, появился термин «работника неполного дня» по отношению к клиентам компании. [К. Гронрос (C. Gronroos) и Э. Гуммессон (A. Gummesson)]. Они описывали так называемый маркетинг через взаимоотношения. По их версии, подобный тип маркетинга (применимо только для маркетинга услуг) формирует долгосрочные взаимоотношения сотрудничества между производителем услуг и клиентом, что способствует получению долгосрочных отношений и регулярной прибыльности. При таком подходе, клиенты рассматриваются как часть организации, их иногда даже называют работниками неполного рабочего дня. Клиент – партнер по производству услуги. Качество услуги повышается, если и клиент, и производитель услуги владеют знаниями. Таким образом, подобный тип маркетинга расширяет понимание людей организации.

Таким образом, термин люди используется достаточно широко и включает множество компонентов, которые раньше относили к другим видам работы организации.

При этом, для оценки качества работы организации начинают применяться следующие формулировки как на практике, например, оцениваются такие составляющие работы, как разрабатываются стратегии и планы для людей, которые поддерживают общую стратегию организации; происходит адаптация к развивающимся потребностям и ожиданиям своих людей – как существующим, так и будущим, включая изменяющиеся ожидания относительно культуры и лидерства организации, гендерного паритета, оценки рабочей среды, оценивать и понимать возможности для будущего развития своих знаний и возможностей. Отмечается и рекомендуется описывать возможности общения по горизонтали и по вертикали для результативного обмена информацией и совместного использования их опыта и обучения. А также программы вознаграждения, социальные программы и программы поддержки.

Секция 7.

Возможности интеграции искусственного (AI) интеллекта в управление человеческими ресурсами

Цифровой куратор: как искусственный интеллект трансформирует роли сотрудников музеев

Внукова Мария Алексеевна
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия, @ 1132249405@pfur.ru

Современное общество переживает период интенсивной цифровой трансформации, которая охватывает все сферы деятельности, включая культуру и искусство. Музеи, как институты памяти и хранители культурного наследия, активно внедряют цифровые технологии, стремясь расширить доступность своих коллекций и обогатить опыт посетителей. Искусственный интеллект (ИИ), наряду с другими инновационными технологиями, такими как компьютерное зрение, обработка естественного языка, машинное обучение, виртуальная и дополненная реальность, становится мощным инструментом, меняющим традиционные подходы к музейной работе [1].

Эти изменения не только открывают новые возможности для музеев – от улучшения сохранения и реставрации артефактов до создания персонализированных выставок и расширения аудитории – но и ставят перед музейным сообществом ряд вызовов и рисков, связанных с технологизацией, безопасностью данных, культурной чувствительностью и этикой использования ИИ [2, 3]. В этих условиях трансформация традиционных ролей музейных сотрудников и необходимость формирования новых компетенций становятся очевидными. Возникает потребность в специалистах, способных стать связующим звеном между гуманитарной сущностью музея и высокотехнологичными решениями – так появляется идея о роли «цифрового куратора». Данные тезисы нацелены на анализ влияния ИИ на различные аспекты музейной деятельности и обоснование необходимости развития цифровых компетенций сотрудников и институционализации роли цифрового куратора как ключевого фактора успешной адаптации музеев к цифровой эпохе.

1. Цифровизация является глобальным мегатрендом, затрагивающим все сферы жизни современного общества, включая сферу культуры и музеев.

2. Искусственный интеллект (ИИ) выступает одним из ключевых драйверов этой трансформации, открывая новые возможности для защиты, изучения и представления культурного наследия.

3. Внедрение цифровых технологий, включая ИИ, в музейную практику не только создает перспективы (расширение доступа, повышение вовлеченности, оптимизация процессов, улучшение сохранения), но и порождает существенные вызовы и риски (технократизация, угроза примитивизации, вопросы безопасности данных, этические дилеммы).

4. Эти изменения неизбежно влекут за собой трансформацию ролей и требуемых компетенций музейных сотрудников, ставя перед ними задачу адаптации к новой цифровой среде.

5. В контексте этих трансформаций актуализируется потребность в формировании новых специализаций, таких как «цифровой куратор», и более широкого развития «информационной культуры музеолога» как интегративного профессионально-личностного качества.

6. Данная статья ставит целью проанализировать влияние ИИ на роли музейных сотрудников, выявить новые функции и компетенции, рассмотреть возникающие вызовы и обосновать необходимость формирования информационной культуры музеолога в ответ на требования цифровой эпохи.

Эти изменения неизбежно ведут к необходимости эволюции профессиональных ролей музейных сотрудников. От них требуются не только традиционные музееведческие знания и навыки, но и развитые цифровые компетенции и, что не менее важно, особая «информационная культура», позволяющая осмысленно и критически работать с информацией и технологиями в контексте сохранения культурных ценностей и миссии музея.

В этом контексте появление и институционализация роли цифрового куратора представляется логичным и необходимым шагом. Цифровой куратор, обладающий синергией глубоких знаний музейной специфики и передовых цифровых и ИИ-компетенций, способен стать ключевым агентом изменений, помогая музейным специалистам адаптироваться к новым условиям, эффективно использовать потенциал технологий и преодолевать связанные с ними вызовы и риски, включая этические дилеммы.

Успешная интеграция ИИ и цифровых технологий в музейное пространство зависит не только от технической оснащенности, но и в первую очередь от готовности и способности музея принять и освоить эти изменения. Роль цифрового куратора в этом процессе становится решающей для обеспечения баланса между технологическим прогрессом и гуманитарной миссией музея в XXI веке.

Список литературы:

1. Гендина Н. И. Цифровизация музеев и необходимость формирования информационной культуры музеологов / Н.И. Гендина, Е.В. Косолапова, Д.Д. Родионова, Л. Н. Рябцева // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2021. – № 43. – С. 221–231.

2. Итоги исследования «Цифровые компетенции сотрудников музея» [Электронный ресурс] // Новости РАЭК. 2020. 28 мая. Доступ: <https://raec.ru/live/raec-news/11679/?ysclid=mbous8q1bf774810622> (Дата обращения: 01.06.2025).
3. Шпак А.А. Роботы наступают: развитие технологий и будущее без работы. Рецензия на книгу автора Мартина Форда // Социология искусственного интеллекта. – 2023. – Т. 4, № 1. – С. 64–70.
4. Saggese A., Vento M., Vigilante V. MIVIBot: a cognitive robot for smart museum // Computer Analysis of Images and Patterns: 18th International Conference, CAIP 2019, Salerno, Italy, September 3–5, 2019, Proceedings, Part I. 2019. Vol. 18. С. 15–25.

Умный город: цифровые практики освоения городской среды

Гудкова Яна Александровна

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия, gudkova_yaa@pfur.ru

Современные мегаполисы в погоне за повышением комфорта и качества жизни горожан все больше внедряют в среду инновационные технологии. Эталонным примером концепции «умный город» принято считать Сингапур. За последние 50 лет город разросся и превратился в мегаполис мирового уровня с точки зрения как экономического развития, так и качества жизни. По данным IMD (International Institute for Management Development), который ежегодно публикует индекс «умных городов» (SCI – Smart City Index), в 2025 г. Сингапур занимает 9 строчку, за год понизив свой рейтинг с 5 позиции. Абсолютными лидерами рейтинга являются Цюрих (Швейцария) и Осло (Норвегия) – 1 и 2 место соответственно [5]. На сайте организации также сообщается, что впервые в 2025 г. в ТОП-10 рейтинга впервые вошли арабские города – Абу-Даби и Дубай.

SCI рассчитывается на основе ответов, полученных в ходе опроса, проведенного среди жителей городов-участников. В рейтинге учитываются различные показатели: приоритетные области развития города, аспекты конфиденциальности в области передачи частной информации власти (например, технология распознавание лиц), по 5 областей в оценке структуры и технологий города (здоровье и безопасность, мобильность, деятельность, возможности и управление). Также для обеспечения сопоставимости результатов в глобальных условиях, ответы были скорректированы с использованием субнационального индекса человеческого развития на региональном уровне (SHDI), предоставляемого Global Data Lab.

Данный рейтинг соотносится с теоретическими основаниями концепции «умного города». В научном сообществе термин «smart city» («умный город») стал привлекать внимание ученых с 90-х годов XX века.

Первая публикация по проблеме «умного» города, согласно библиографическому анализу научных статей в базе данных Scopus (Акимова и др.), вышла в 1988 году в рамках сборника материалов семинара по управлению водными ресурсами в Хьюстоне [1]. Развитие концепции стало ответом на новые социально-экономические и инфраструктурные вызовы, которые нес в себе технологический прогресс: миграция населения в города, рост экологических проблем, отсутствие инфраструктурных возможностей для обеспечения растущего количества населения и пр.).

Исследователи отмечают, что сегодня все еще не сформировалась целостная научная школа, а также отсутствует концептуализация феномена «умный город». Большинство публикаций ограничиваются представлением эмпирического опыта различных стран в реализации конкретных аспектов концепции, не предлагая системного анализа базовых элементов [1]. Помимо прочего большая часть работ посвящена технологической составляющей как основной в понимании концепта. Сам термин «умный город» часто употребляют тождественно «цифровому», «интеллектуальному», «вездесущему» и пр. Е.А. Карагулян и соавторы также на основе библиографического анализа выделяют три подхода к трактовке понятия «смарт-сити»: как набор технологий (П. Холл, М. Кастельс), как место скопления человеческого капитала (Дж. Шапиро, Р. Дж. Холландс), как устойчивый город (Р. Гиффингер) [2].

В социологии города «умный город» осмысливается как результат трансформации социальных практик под воздействием цифровых технологий: акцент переносится с физической инфраструктуры на сетевые взаимодействия, опосредуемые технологиями. Сегодня также активно идет обсуждение перехода от концепции «умного города» к «гуманному городу», которая связана «с увеличением инвестиций в социальный и человеческий капитал, вовлечением граждан в процессы управления, налаживанием партнерских отношений между государственным и частным секторами для содействия проектам, связанным с городским пространством» [3]. Сами люди, по оценкам ВЦИОМ, имеют поверхностные знания о концепте «умного города», но осведомленные в первую очередь определяют «умный город» как город с развитой социальной инфраструктурой и благоустройством [4].

Цифровизацию городской среды можно рассматривать с двух взаимосвязанных перспектив – городское управление и повседневные практики, анализ которых позволяет понять, как технологии не только внедряются сверху вниз, но и формируют образ жизни горожан.

С первой точки зрения цифровизация – это прежде всего внедрение ИКТ и IoT-решений («интернет вещей») в процессы публичного управления городской средой: мониторинг коммунальных сервисов, транспортных потоков, безопасности, внедрение биометрии в общественном транспорте и при оплате услуг, использование инноваций в области культурного досуга (мультимедийные проекты, экскурсионные онлайн-туры и пр.) и т.д.

Со второй точки зрения цифровизация рассматривается как способ взаимодействия горожан друг с другом и со средой. Среди повседневных практик можно выделить несколько основных групп: 1) мобильность и

навигация; 2) гражданское участие; 3) культурные практики; 4) коммуникативные практики; 5) коммерческие услуги.

Появление различных мобильных приложений и цифровых решений способствует в том числе формированию городской идентичности и социальной устойчивости: через платформы вовлечения горожан к заботе о городской среде (например, «Наш город») и пр. С появлением мобильных карт освоение городской среды также стало еще более активным. При этом стоит отметить, что меняется и восприятие города. Так, появление цифровых навигаторов (Google Maps, Яндекс.Карты и др.) сместило акцент с локальных ориентиров на алгоритмические маршруты. Теперь горожанин меньше запоминает отдельные здания и улицы – он доверяет указанию стрелок и голосовому помощнику. Это может привести к утрате глубины локального знания и снижению ощущения «привязанности к месту», но вместе с тем расширяет способность быстро ориентироваться в незнакомом городе.

Обе перспективы важны при анализе концепции умного города, а также при внедрении инноваций в городскую среду.

Тезисы подготовлены в рамках ИнНИР 100939-0-000 «Применение технологий искусственного интеллекта в социологических исследованиях: практика и перспективы».

Список литературы:

1. Акимова О. Е., Волков С. К., Хрысева А. А. Концепция «умный город»: эволюция, элементы и форма реализации // Теоретическая экономика. 2020. №6 (66). С. 55–63.
2. Карагулян Е. А., Захарова О. В., Батырева М. В., Дюссо Д. Л. Смарт-сити – благополучие для всех? // Журнал экономической теории. 2020. Т.17. № 3. С. 657–67.
3. Колодий Н. А., Иванова В. С. и Гончарова Н. А. Умный город: особенности концепции, специфика адаптации к российским реалиям // Социологический журнал. 2020. №26(2). С. 102–123. doi: <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.2.7268>.
4. Умный город: русская версия // ВЦИОМ: Аналитические обзоры. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/umnyi-gorod-russkaja-versija>
5. Smart City Index // IMD: World Competitiveness Center. URL: <https://www.imd.org/smart-city-observatory/home/>

Интеллектуальный потенциал человека и возможности искусственного интеллекта

Данилов Александр Николаевич
Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь, a.danilov@tut.by

Человечество стоит перед лицом новых вызовов, но главный вопрос состоит в том, что происходит с самим человеком. В.А. Лекторский говорит, что «если системы искусственного интеллекта в ближайшем будущем заменят человека в разных областях деятельности, то возникает вопрос, чем будет заниматься человек. многие профессии скоро могут исчезнуть» [1, с.49]. Искусственный интеллект порожден человеческим разумом, чтобы усилить свой потенциал и мы должны неустанно искать механизмы, развивающие человеческие возможности, его интеллектуальный потенциал.

В XXI веке возникло целое междисциплинарное направление в науке и технологии по использованию искусственного интеллекта, созданию интеллектуальных машин и систем, которые могут выполнять творческие функции, близкие к мыслительным психологическим способностям человека. До сих пор применение искусственного интеллекта в целом положительно сказывается на многих сферах деятельности человека, поскольку было призвано упростить и оптимизировать производственные процессы, исключить необходимость присутствия человека на вредных производствах, сократить уровень травматизма. Однако роботизация и расширение использования систем искусственного интеллекта в промышленности порождает и новые проблемы, создавая угрозы системных сбоев, несанкционированного доступа к программному обеспечению и действиям, которые могут вызвать катастрофические последствия.

В последние годы ученые активно работают над созданием более сильного искусственного интеллекта. Такой человек-робот сможет выполнять абсолютно разные задачи: переносить свои знания из одной сферы в другую, мыслить критически, осуществлять коммуникацию с людьми или другими искусственными интеллектами в достижении поставленной цели. Тогда облик цивилизации будет совершенно иным, и место человека в новой реальности будет определяться с учетом потенциала искусственного интеллекта.

Основным препятствием на пути создания искусственного интеллекта столь высокого уровня стало недостаточное понимание природы человеческого разума, неразгаданность функционирования человеческого мозга. Сфера когнитивных исследований, с которой связывают в настоящее время достижения научно-технического прогресса, не сопровождается должным нравственным прогрессом. К тому же только цифровая революция не решит глобальных проблем, порожденных современной цивилизацией. Прорыв к новому должен быть сопряжен с духовной революцией, с обновлением ценностных оснований цивилизационного развития, сохраняющих человечество.

При этом нужно иметь в виду, что человек всегда был и остается существом, конституируемым культурой. Достижения научно-технического прогресса привели к тому, что человеческая деятельность имеет как выдающиеся достижения, так и негативные последствия – разрушение среды своего обитания. Избрать и утвердить в сознании человека путь согласования социально-экономического развития с законами биосферы, путь утверждения козволюционной стратегии взаимодействия общества и природы наша главная задача.

Можно констатировать, что Республика Беларусь активно развивает цифровую трансформацию, делая акцент на создании цифровой инфраструктуры, повышения цифровой грамотности населения, внедрения современных технологий в экономику, образование, государственное управление и другие сферы для повышения их доступности и эффективности. Анализ основных показателей в международных рейтингах в области цифровизации демонстрирует, что Беларусь является перспективным государством по уровню цифровой трансформации экономики и общества.

Благоприятную почву осуществлению цифровой трансформации и достижению показателей в мировых рейтингах оказали принятые ранее программы. С 2016 по 2020 года была реализована государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества, которая позволила создать необходимую информационно-коммуникационную инфраструктуру, способствующая развитию современных технологий электронного правительства и сервисов на их основе, и осуществлению цифровой трансформации процессов в различных отраслях экономики. Дальнейшая стратегия цифрового развития отражена в Постановлении Совета Министров Республики Беларусь 2 февраля 2021 г. № 66 «О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы.

Основными задачами программы выступали: развитие IT-инфраструктуры, внедрение электронных госуслуг, создание инновационной экосистемы, повышение уровня цифровой грамотности населения. Исходя из задач программы были запланированы и реализованы мероприятия: обеспечение доступности широкополосного интернета; модернизация телекоммуникационных сетей и создание единого цифрового пространства для государственных и частных организаций; разработка и внедрение Единого портала электронных услуг, предоставляющего доступ к административным процессам и сервисам для граждан и бизнеса; создание и развитие Парка высоких технологий (ПВТ) как центра IT-инноваций; поддержка стартапов и стимулирование инвестиций в IT-сектор; начата реализация проекта «Электронная школа» в рамках которой, было разработана программно-методическое обеспечение для Республиканской информационно-образовательной среды.

В 2024 году программа была дополнена новыми инициативами. Среди которых можно выделить перевод в электронную форму регистрации по месту жительства и обмен водительских удостоверений; модернизация государственной системы учета и обработки обращений граждан и юридических лиц. Годом ранее, в ноябре 2023 году, был принят Указ № 381 «О

цифровом развитии», который определяет приоритетные направления цифровизации до 2030 года, включая промышленность, образование, медицина, транспорт и другие сферы.

Однако для повышения цифровой включенности не достаточно только автоматизировать процессы, необходимо также учитывать разнообразие потребностей каждого человека, обеспечивая доступность, удобство и безопасность цифровых решений. Для достижения более высоких результатов в будущем необходимо активно интегрировать человекоцентричный подход в разработку и реализацию подобных инициатив. Необходимо больше учитывать особенности регионов, возрастных или социальных групп; разрабатывать мероприятия для включения в процессы цифровизации уязвимых групп (люди с инвалидностью, пожилые, сельские жители); цифровые платформы адаптировать к различным когнитивным и физическим потребностям; на постоянной основе проводить мониторинг оценки цифровых программ с обеспечения обратной связи и учета потребностей пользователей; концентрируясь на внедрении инфраструктуры и технологий (5G, электронные порталы), запланированные мероприятия должны быть адаптированы к потребностям населения.

Учитывая важность проблемы, особый интерес вызывают вопросы использования искусственного интеллекта в образовании: от персонализированных обучающих систем (чат-боты и виртуальные помощники, адаптивные интерактивные учебники, автоматизированная оценка работ, прогнозирование будущей успеваемости) до этических дилемм, связанных с автоматизацией учебного процесса. Активное использование генеративного искусственного интеллекта, нейросетей и вопросы трансформации традиционных подходов к обучению и воспитанию требуют не только пересмотра образовательных методик, переосмысления роли преподавателя, но и разработки новых этических и педагогических стандартов.

В условиях стремительного развития технологий искусственного интеллекта университеты сталкиваются с необходимостью адаптации образовательных процессов к новым реалиям. И здесь нужна, принятая на правительственном уровне, Декларация этических принципов создания и использования систем искусственного интеллекта, которая должна рассматриваться как отправная точка применения в образовательном процессе искусственного интеллекта, определяя принципы этического и ответственного его использования. И в заключении сошлюсь на авторитетное мнение В.И. Данилова-Данильяна, который сказал: «Самый большой риск ИИ связан с возможным его использованием совместно с новейшими попытками «улучшения» человека, о которых еще в 1983 году писал Иван Тимофеевич Фролов. Идея «постчеловека», на которую ориентирован такой междисциплинарный союз посткибернетики, постбиологии и постантропологии, несовместим с концепцией устойчивого развития, если полагать его (развития) целью сохранение человека как биологического вида через прекращение тех действий, которые разрушают среду его обитания (биосферу), его геном и популяционное здоровье и подрывают механизмы

социальной (включая экономическую, политическую и пр.) стабилизации» [2, с.110].

Список литературы:

1. Лекторский В.А. Как сохранить человека в эпоху глобальных перемен // Хрупкость жизни в условиях новой реальности. – М.: КАНОН+, 2024. – С. 46–59.
2. Данилов-Данильян В.И. Цифровизация и искусственный интеллект: аналоги в прошлом и опасности // Альтернативы цифровизации: сохранится ли человек в цивилизации будущего? – М.: КАНОН+РООИ «Реабилитация», 2025. – С.97–111.

Анализ спроса ИИ-навыков на российском рынке труда

Ларина Татьяна Игоревна

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия larina-ti@rudn.ru

Каргаполов Глеб Алексеевич

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия g.kargaplov.@yandex.ru

Деревянкина Екатерина Александровна

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия katdervyn@yandex.ru

Согласно прогнозам, количество вакансий, требующих владения навыками работы с искусственным интеллектом (ИИ), в 2025 году может вырасти на 25% по сравнению с 2024 годом [1]. Однако, по данным исследований, в среднем только 8,5% сотрудников компаний умеют обращаться с ИИ, из которых лишь 0,8% являются специалистами в данной области, а остальные 7,7% — работники других профессий, использующие ИИ для решения рабочих задач [2]. Согласно исследованию, проведенному в 2024 году, число вакансий, требующих навыков работы с ИИ, выросло в среднем на 33% за период с 2019 по 2022 годы. Наиболее востребованными являются навыки, связанные с машинным обучением, которые упоминаются в 34% всех ИИ-вакансий [3].

Быстрое развитие технологий ИИ приводит к стремительному росту потребности работодателей в специалистах, обладающих соответствующими навыками. Однако из-за динамичности сферы ИИ и отсутствия устоявшейся терминологии требования к кандидатам часто формулируются нечетко, что затрудняет подбор и подготовку квалифицированных кадров. Неизвестно в

целом, насколько часто требования к наличию навыков, связанных с ИИ, встречаются на площадках вакансий.

В данной работе был проведен анализ частотности вакансий, связанных с ИИ на современных платформах онлайн-рекрутмента и составлен рейтинг наиболее востребованных навыков.

В качестве метода был использован контент-анализ. Анализировались две наиболее популярных платформы с вакансиями – HH.ru и SuperJob. Мониторинг проводился с 24.03.2025 по 02.05.2025. Результаты контент-анализа на платформе SuperJob (Sj) демонстрируют достаточно малую долю вакансий, в требованиях которых упоминается искусственный интеллект – менее 0,04% от всех предложений.

Наибольшее количество вакансий с ИИ за период наблюдения зафиксировано в Южном Федеральном округе, на втором месте – Центральный Федеральный округ (за исключением Москвы), меньше всего подобных вакансий фиксируется в Санкт-Петербурге. Отраслевая структура вакансий с упоминанием ИИ представлена преимущественно в секторах «Банки, инвестиции, лизинг» и «Продажи», наименьшее кол-во подобных вакансий было обнаружено в сфере «Дизайн».

Формулировки навыков можно разделить на две категории по содержанию: базовые цифровые и фундаментальные навыки. Чаще всего в описаниях вакансий указаны общие, неконкретные формулировки требуемых навыков взаимодействия с искусственным интеллектом. Основные навыки на этой платформе:

1. Навык использования ИИ как инструмента оптимизации: Во всех сферах (банки, продажи, маркетинг, услуги) ИИ используется для автоматизации рутинных задач, анализа данных и персонализации решений.
2. Программирование и анализ данных: Python, Java, SQL, Data Analysis – ключевые навыки для IT, консалтинга, промышленности.
3. Генеративные технологии: Stable Diffusion, нейросети для обработки изображений востребованы в дизайне, маркетинге и сервисном обслуживании.

На платформе по поиску работы HeadHunter в виду иного интерфейса при анализе Google-таблицу заносились данные по общему количеству вакансий в укрупненных группах профессий, предлагаемых сервисом, и входящих в них профессий, а также вакансий, с требованием навыков ИИ. Доля вакансий с требованиями владения навыками ИИ также не превышает. В конце марта их доля максимально приблизилась к показателю 1%, что подтверждает пока что слабую интериоризацию владения ИИ на рынок труда в качестве компетенции.

Если рассматривать ситуацию по сферам, то следует отметить, что наибольшее число вакансий, где требуется владение ИИ, зафиксировано в сфере «услуги для населения», на втором месте сфера «СМИ, маркетинг, рекламы и т. д.», и только на третьем – профильная сфера «IT». Зачастую специалистом требуются не конкретные навыки в области программирования, машинного обучения, а ознакомленность с ИИ в целом, способность применять ИИ-инструменты в работе. Например, такие требования выдвигаются маркетологу в сфере гостиничного бизнеса: «Опыт работы с

инструментами искусственного интеллекта для автоматизации процессов и анализа данных; Дополнительным плюсом будет желание решать нестандартные современные задачи, в том числе и с привлечением ИИ».

Анализируя навыки, связанные с ИИ, которые предъявляются работодателями на платформе HH в вакансиях, отфильтрованных, как связанные с ИИ по запросу, была произведена классификация навыков на:

1) базовые цифровые навыки: Excel, CRM, AI-инструменты (ChatGPT, Midjourney) – стандартные требования во многих сферах, включая маркетинг, ЖКХ, услуги для бизнеса; Графические пакеты (Photoshop, Figma) – востребованы в дизайне, маркетинге и образовании.

2) прикладное использование ИИ: Генеративные инструменты (LLM, ChatGPT, Midjourney) – используются для создания контента, автоматизации процессов и анализа данных; Нейросети для анализа данных – применяются в автомобильной промышленности, добывающей отрасли, финансах.

3) Программирование и работа с данными: Python, SQL, ML-библиотеки (TensorFlow, PyTorch) – ключевые навыки для IT, финансов, энергетики, образования; Big Data и IoT – востребованы в промышленности (металлургия, нефть и газ).

4) Hard skills (навыки, связанные с конкретной специализацией, в вакансиях с ИИ): Управление ML-проектами – требуется в государственных организациях, добывающей отрасли, образовании; Data Governance – актуально для госсектора и крупных предприятий.

Анализ вакансий позволил выявить то, что требования к ИИ-навыкам со стороны работодателей охватывают широкий спектр умений – от базового взаимодействия с нейросетями до владения инструментами программирования и работой с большими данными. Формулировки варьируются от общих до узкоспециализированных, что свидетельствует о растущем интересе к ИИ во многих отраслях, однако рынок труда значительно отстает от скорости развития технологий.

Исследование выполнено при поддержке инициативной темы РУДН № 100939-0-000 «Применение технологий искусственного интеллекта в социологических исследованиях: практика и перспективы».

Список литературы:

1. Количество вакансий с требованием владения ИИ в 2025 году может вырасти на 25% // TACC URL: <https://tass.ru/ekonomika/21983427>? (дата обращения: 30.03.2025).
2. По статистике только 8,5% работников компаний знают, как обращаться с ИИ // Директор по персоналу URL: <https://www.hr-director.ru/news/79501-po-statistike-tolko-85-rabotnikov-kompaniy-znayut-kak-obrashchatsya-s-ii/> (дата обращения: 30.03.2025).

3. Какие люди нужны искусственному интеллекту // Эконс. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/kakie-lyudi-nuzhny-iskusstvennomu-intellektu/?> (дата обращения: 30.03.2025).

Социальные риски внедрения ИИ (искусственного интеллекта) в рекрутинг персонала

Дмитриева Валерия Евгеньевна
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия, @ 1132249398@pfur.ru

Современные технологии искусственного интеллекта (ИИ), или Artificial Intelligence (AI) активно внедряются, оказывая значительное влияние на процессы подбора кадров, обучения и анализа вовлеченности сотрудников. Они автоматизируют рутинные задачи, позволяя HR-специалистам сосредоточиться на стратегии. Однако, несмотря на огромный потенциал, использование искусственного интеллекта в управлении персоналом требует осторожности и осознанности [1]. Наряду с возможностями для повышения эффективности HR-процессов, внедрение ИИ несет в себе ряд серьезных социальных рисков, которые могут привести к дегуманизации управления персоналом или усилить уже существующие проблемы в этой области.

Можно выделить следующие социальные риски применения ИИ в процессе рекрутинга персонала:

1. AI-системы, используемые для отбора кандидатов, имеют потенциал снижать предвзятость, основанную на субъективных предубеждениях рекрутеров (например, по полу или этнической принадлежности), не имеющих отношения к эффективности работы. Однако, существует высокий риск того, что автоматизированные системы могут воспроизводить и даже усиливать существующую предвзятость, содержащуюся в данных, на которых обучаются алгоритмы [2].
2. Применение ИИ для анализа поведения кандидатов (например, распознавание лиц и эмоций во время видеointервью) или для мониторинга сотрудников может восприниматься как чрезмерный контроль и вести к дегуманизации управления персоналом [3]. ИИ может определять эффективность работы исключительно по заданным алгоритмам, без учета человеческого фактора.
3. Внедрение ИИ в HR-процессы, особенно автоматизация рутинных и повторяющихся задач, таких как первичный поиск и отбор кандидатов, может привести к сокращению определенных рабочих мест в сфере HR. Прогнозируется, что широкое распространение ИИ приведет к существенным изменениям на рынке труда, включая потерю миллионов существующих

рабочих мест и одновременное создание новых, связанных с управлением и обучением AI-систем [4]. HR-специалисты должны адаптироваться к этим изменениям, фокусируясь на стратегических и более сложных задачах, требующих человеческого участия.

4. Эффективная работа алгоритмов ИИ требует обработки и хранения огромных объемов данных, включая конфиденциальную информацию о соискателях и сотрудниках. Это создает значительные риски с точки зрения безопасности и конфиденциальности данных. Отсутствие адекватных мер защиты и контроля может привести к утечкам, неправомерному использованию данных или использованию некачественных данных для обучения алгоритмов, что, в свою очередь, может привести к ошибочным управленческим решениям [1].

5. Учитывая потенциальные социальные риски, связанные с внедрением ИИ в рекрутинг и HR в целом, возникает острая потребность в разработке и внедрении адекватного правового и этического регулирования [5]. Одних лишь добровольных стандартов, разрабатываемых организациями или отраслевыми ассоциациями, может быть недостаточно для эффективного ограничения рисков, связанных с использованием ИИ.

Список литературы:

1. Осипова К.А., Светловидова Е.В. и Сисина Н.Н. Применение искусственного интеллекта в hr-менеджменте // Эмоциональный интеллект и искусственный интеллект в условиях цифровой трансформации системы управления. – СПб.: КультИнформПресс, 2020. – С. 74-78.
2. Charlwood Andy Can HR adapt to the paradoxes of artificial intelligence? // Human Resource Management Journal. – 2022. – №32 (4). – С. 729-742.
3. Konovalova V.G., Mitrofanova E.V., Gevorgyan M.G. The impact of artificial intelligence on human resources management strategy: opportunities for the humanisation and risks // Wisdom. – 2022. – №1(2). – С. 88-96.
4. Блинникова А.В. и Йинг Д.К. Использование искусственного интеллекта в процессах управления человеческими ресурсами // Вестник университета. – 2020. – №7. – С. 14-21.
5. Алексеев С.В., Рудницкая А.П. Искусственный интеллект в сфере управления человеческими ресурсами: роль, проблемы, перспективы // Актуальные проблемы развития экономики и управления в условиях новой реальности. – М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2023. – С. 646-653.

Искусственный интеллект как вызов для образования и управления: от индивида к коллективному сознанию

Иванчук Мария Константиновна

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, st119642@student.spbu.ru

Бардукова Дарья Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, st119644@student.spbu.ru

Как известно, теория человеческого капитала, разработанная Г.Беккером [1] и Т.Шульцем [2], долгое время была основой для проектирования образовательных стратегий: индивид инвестирует в себя, приобретает знания и навыки, становится более ценным и востребованным на рынке труда. В современных условиях привычная модель оказывается ограниченной. С одной стороны, образовательные институты продолжают готовить «самодостаточного специалиста», а работодатели искать «идеального кандидата», а, с другой стороны, общество уже погружено в среду, где ключевым субъектом становится не индивид, а коллективный разум – гибридная, распределенная когнитивная система, в которую включен и искусственный интеллект. В этом контексте возникает необходимость переосмысления самой структуры управления человеческим капиталом, поскольку техногенная трансформация среды затронула саму природу объекта управления и обучения.

Технологии меняют характер взаимодействия в обществе. Теория распределенного познания Э. Хатчинса [3] позволяет рассматривать технологии (в том числе ИИ) не как инструмент, а как участника процессов мышления, взаимодействия и принятия решений. Объектом управления становится не индивид, а коллективные когнитивные процессы, возникающие на стыке человеческого и машинного интеллекта.

Сдвиг в понимании объекта управления отражается на публичной риторике. Университеты стремятся продвигать себя как площадки для командного взаимодействия и гибкой навигации между дисциплинами. Компании декларируют важность цифровой грамотности и стремятся интегрировать ИИ в повседневную деятельность, ожидая от работников способность работать в человеко-машинной среде. Тем не менее, появление таких дискурсов не влечет за собой необходимой перестройки организационных моделей. Образовательные учреждения и работодатели продолжают в своей деятельности быть направленными на индивида.

Даже неформальные индикаторы – новости, слоганы, медийные кампании – свидетельствуют о том, что ориентация на коллективное сознание начинает доминировать в культурной логике образования и труда. Такое понимание пока реализуется фрагментарно и не отражается в глубинной архитектуре образовательных и рабочих процессов.

Переход от индивидуального к коллективному субъекту управления находит теоретическое обоснование в концепциях, рассматривающих обучение и мышление как процессы, изначально распределенные и взаимосвязанные. В рамках теории коннективизма, предложенной Дж. Сименсом [4], знание не только не принадлежит индивиду целиком, но и формируется на уровне сети: через соединения между людьми, технологиями, институтами и средами. В этом контексте использование ИИ становится не просто вспомогательным инструментом, а способом подключения к более широкой когнитивной системе, функционирующей вне границ отдельного сознания.

Аналогичную линию развивает и теория расширенного разума Э. Кларка и Д. Чалмерса [5], согласно которой технологии включаются в когнитивную архитектуру субъекта, становятся частью мыслительного процесса, а не инструментом. Таким образом, ИИ встраивается в коллективное сознание изнутри как его необходимый элемент, поддерживающий память, навигацию по знаниям, принятие решений и организацию кооперации. Управление человеческими ресурсами невозможно без признания когнитивной реальности гибридных субъектов, в которой границы между человеком, группой и машиной все более размываются.

Растущая сложность задач, с которыми сталкиваются современные организации, требует новой модели управления. Подход распределенного познания, сформулированный Э. Хатчинсом [3], демонстрирует, что решение сложных проблем возможно лишь при интеграции всех доступных когнитивных ресурсов, включая не только человеческие, но и нематериальные компоненты. В этой логике ИИ – не вспомогательное ПО, а полноценный участник процессов коллективного мышления, чья полезность зависит от того, насколько органично он включен в командную среду.

Отсюда следует принципиальный управленческий вызов: управление человеческими ресурсами должно эволюционировать в сторону управления когнитивными связями, средами и ролевыми распределениями внутри гибридных коллективов. Иными словами, эффективная HR-стратегия сегодня – это не столько поиск «подходящих людей», сколько создание условий для эффективного взаимодействия между элементами коллективного интеллекта, включая ИИ.

Таким образом, ИИ становится частью среды, в которой формируются знания, принимаются решения, строится взаимодействие. Управление человеческими ресурсами в новом времени – это управление архитектурой коллективного интеллекта. Компании будущего будут конкурировать не за отдельных специалистов, а за устойчивые и продуктивные конфигурации когнитивных связей. В этой логике нейросеть – полноценный участник команды. По-настоящему трансформирующие решения станут возможны лишь тогда, когда ИИ из помощника управленца станет его коллегой, участником процесса формирования и развития коллективной культуры организации.

Список литературы:

1. Becker G. S. Human capital // The concise encyclopedia of economics. – 2002. – Т. 2. – С. 1–12.
2. Schultz T. W. Human capital: Policy issues and research opportunities // Economic Research: Retrospect and Prospect, Volume 6, Human Resources. – NBER, 1972. – С. 1–84.
3. Hutchins, E. Cognition in the Wild. — Cambridge, MA: MIT Press, 1995. — 384 p.
4. Siemens, G. Connectivism: A Learning Theory for the Digital Age // International Journal of Instructional Technology and Distance Learning. — 2005. — Т. 2. — №. 1. — P. 3–10.
5. Clark A., Chalmers D. The extended mind // analysis. – 1998. – Т. 58. – №. 1. – С. 7–19.

Искусственный интеллект в управлении человеческими ресурсами: потенциал и ограничения

Корнеев Максим Андреевич
Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь, max.berg711@gmail.com

В условиях цифровизации экономических процессов и трансформации моделей управления персоналом возрастает интерес к интеграции технологий искусственного интеллекта (AI) в систему управления человеческими ресурсами. Искусственный интеллект, понимаемый как совокупность алгоритмических решений, способных к обучению, адаптации и принятию решений в условиях неопределённости, постепенно перестаёт быть вспомогательным инструментом и становится важным звеном в архитектуре стратегического HR-менеджмента. Его внедрение в сферу управления персоналом открывает новые горизонты анализа, прогнозирования и взаимодействия с человеческим капиталом.

На ранних этапах цифровизации процессов управления человеческими ресурсами ключевую роль играли алгоритмы машинного обучения, основанные на чётко определённых признаках и статистических взаимосвязях. К таким методам можно отнести логистическую регрессию, решающие деревья, методы опорных векторов, а также ансамблевые модели. Чаще всего подобные алгоритмы используются для оценки релевантности резюме заявленным требованиям вакансии, позволяют осуществлять прогноз вероятности увольнения сотрудника на основе исторических данных, а также анализировать эффективность персонала по набору метрик и проводить кластеризацию карьерных траекторий с целью выявления типичных моделей поведения [1]. Кроме того, ML-модели используются для автоматизированного

ранжирования кандидатов и выявления аномалий в поведенческих паттернах сотрудников.

Однако потенциал классических алгоритмов машинного обучения ограничен несколькими принципиальными факторами. Во-первых, они требуют ручной инженерии признаков, что снижает их адаптивность при работе с неструктурированными данными, особенно в динамичной информационной среде. Во-вторых, они часто опираются на линейные или ограниченно нелинейные зависимости, что снижает точность при анализе сложных социальных и поведенческих данных. Кроме того, такие модели слабо приспособлены к работе с текстовой информацией, визуальными данными и динамическими характеристиками взаимодействия в коллективе, что существенно ограничивает их применимость в полномасштабных HR-системах.

Применение искусственного интеллекта в более широком понимании – в частности, нейросетевых архитектур и технологий глубокого обучения – позволяет преодолеть описанные ограничения. Современные NLP-модели, такие как BERT, RoBERTa и их модификации, обеспечивают глубокий контекстуальный анализ текстовой информации, что делает их незаменимыми при автоматической обработке резюме, мотивационных писем, профилей кандидатов и отзывов сотрудников [2]. Такие модели способны выделять не только ключевые навыки, но и оценивать тональность, уровень мотивации, стилистическую согласованность и даже потенциальную корпоративную совместимость соискателя с существующей командой. Использование методов семантического поиска и эмбедингов позволяет осуществлять интеллектуальный подбор сотрудников, учитывающий не только ключевые слова, но и скрытые смысловые связи, что особенно эффективно в условиях высококонкурентной среды и необходимости быстрого закрытия вакансий.

Искусственный интеллект также применяется в системах предиктивной аналитики HR-данных, включая прогнозирование карьерных траекторий сотрудников, моделирование рисков их ухода, выявление признаков профессионального выгорания, а также построение индивидуальных траекторий обучения и развития на основе анализа цифрового следа. Особое внимание в современных разработках уделяется созданию цифровых двойников сотрудников, отражающих профессиональное поведение, мотивационные установки и предпочтения, что открывает возможности для персонализированного управления, формирования эффективных команд и стратегического планирования кадрового резерва [3].

Кроме того, системы на базе глубокого обучения демонстрируют высокую эффективность при анализе видеоданных с интервью, позволяя фиксировать невербальные сигналы, уровень уверенности и эмоциональное состояние соискателя. Нейросетевые модели также успешно используются для анализа внутренней коммуникации в корпоративной среде с целью выявления скрытых конфликтов, лидерских потенциалов и эффективности распределения задач внутри команд.

Таким образом, интеграция технологий искусственного интеллекта в сферу управления человеческими ресурсами представляет собой качественный скачок от инструментальной автоматизации к

интеллектуальному управлению, способному учитывать не только формальные признаки, но и контекстуальные, поведенческие и эмоциональные аспекты взаимодействия с персоналом. Однако широкое внедрение таких решений требует также внимания к вопросам этики, конфиденциальности данных, алгоритмической справедливости и прозрачности принимаемых решений. Исследование данных аспектов представляет собой важное направление как в теоретическом осмыслении ИИ в HRM, так и в прикладных разработках, ориентированных на создание устойчивых и человекоцентричных цифровых HR-систем.

Список литературы:

1. Jatobá, A., Borges, G., de Souza, J. M. Artificial Intelligence in Human Resource Management: A Systematic Literature Review // Journal of Business Research. – 2022. – Vol. 145. – P. 1–15.
2. Vaswani, A., Shazeer, N., Parmar, N. et al. Attention Is All You Need // Advances in Neural Information Processing Systems. – 2017. – Vol. 30.
3. Chamorro-Premuzic, T., Akhtar, R., Winsborough, D., Sherman, R. A. The Datafication of Talent: How Technology Is Advancing the Science of Human Potential at Work // Current Opinion in Behavioral Sciences. – 2017. – Vol. 18. – P. 13–16.

Искусственный интеллект: социологический дискурс

Кострикин Евгений Геннадьевич

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Москва, Россия, 1142220970@pfur.ru

Общество на современном этапе своего развития получило в свое пользование несоизмеримые по своим размерам объемы информации. Желая того или нет, человек сталкивается с большими потоками данных каждый день. Информация разного содержания и характера встречается людей на улицах, в транспорте, по телевизору, на радио, в интернете. В последнем случае она имеет нескончаемый ресурс, что влечет за собой изменения в поведении человека, его увлечениях, режиме дня и так далее.

На этом фоне появление сравнительно новой технологии работы с информацией через интернет, такой как искусственный интеллект стало в определенной степени революцией в обществе, масштабы которой еще только предстоит ощутить.

Говоря о термине «искусственный интеллект» простыми словами, получается, что ИИ – это программное обеспечение, способное имитировать действия человека. При этом, к возможностям искусственного интеллекта относят распознавание лиц, текста, управления производственными процессами, транспортом и многое другое. [1]

Технологии искусственного интеллекта уже несколько лет активно внедряются в современные устройства. На сегодняшний день наличие ИИ в бытовой технике, управляемых через интернет, никого не удивляет. «Умные» часы, пылесосы, музыкальные колонки – это лишь немного из того, что имеет свой разум. Можно смело утверждать, что под воздействием «умных» помощников в обществе наблюдается трансформация социальной реальности. [2] Замена привычной парадигмы общества способствует проведению новых социологических исследований в этой области.

По оценкам ВЦИОМ информированность о технологиях искусственного интеллекта и доверия к ним в России растут. Этому свидетельствуют результаты исследования, проведенного в декабре 2022 года. 87% опрошенных знают об ИИ, что свидетельствует о высокой степени информированности в сфере современных технологий. Уровень доверия составил 55%. Данный показатель строится вокруг возможности внедрения ИИ в опасные производства, его объективности и улучшения жизни и работы человека. [3]

Исследование ВЦИОМ подтверждает тот факт, что тема искусственного интеллекта становится все более актуальной в обществе как на бытовом уровне, так и в профессиональной среде. Внедрение ИИ во многие сферы человеческой деятельности значительно упрощает жизнь человека, позволяет сократить время на выполнение той или иной задачи. Во многих сферах, таких как образование, например, искусственный интеллект не заменяет человека полностью, а только помогает решить некоторые задачи. При этом можно заметить, что существовавшие совсем недавно некоторые профессии, на сегодняшний день не так востребованы или вообще потеряли свою актуальность. Это говорит уже о минусах применения ИИ в процессе профессиональной деятельности. Но прогресс не стоит на месте, поэтому в ближайшем будущем общество может лишиться еще не одной вакансии на рынке труда.

Подавляющее большинство респондентов, участвующих в опросе, выделяют положительные и негативные последствия от применения ИИ. Среди плюсов: сокращение времени на однообразный труд, комфортность жизни, повышение уровня безопасности. Минусы: мошенничество, ошибки в принятии решений, похищение данных. [3]

Таким образом, развитие искусственного интеллекта с одной стороны призвано помочь и облегчить жизнь людей, с другой стороны недоверие ко всему новому препятствует применению ИИ на современном этапе. Внедрение искусственного интеллекта может влиять на культурные и социальные аспекты в обществе. На примере образования видно, что происходит деформация привычных форм обучения. Дистанционное обучение, онлайн курсы, образовательные платформы, позволяющие человеку получать новые навыки, позволили уравнивать общество в его потребностях. При обширных возможностях искусственного интеллекта, тем не менее это результат деятельности человека. Разработав рационально-логические и формализованные правила, имитирование деятельности не проходит без участия людей, осуществляющих контроль и мониторинг работы ИИ. Должно пройти не так мало времени, прежде чем искусственный интеллект из своего

нынешнего состояния сумеет в дальнейшем самостоятельно обучаться, принимать решения и действовать автономно.

Современные подходы к социологическим исследованиям, обработке большого количества информации изменяются по примеру того, как меняется общество. Проведение социологических опросов, интервью упрощается, благодаря внедрению новых способов обработки данных через механизмы искусственного интеллекта. К таким механизмам относятся:

- машинное обучение, позволяющее обрабатывать данные и принимать решения, обходя строгие схемы;

- глубокое обучение, в рамках которого происходит обработка большого объема данных через нейронные сети.

Социология как наука использует концептуальные и методологические инструменты, опирается на философию и сочетает в себе различные способы исследований. Исходя из этого, применение искусственного интеллекта не меняет сути социологических исследований, а в большей мере добавляет с учетом своих функции новые технологии обработки собранных данных. Через социологические исследования можно изучать проблемы искусственного интеллекта. Так как ИИ – это новое направление в развитии компьютерных технологий и систем, оно требует анализа, причем не только с точки зрения социологии. Взаимодействие науки с ИИ может дать новый импульс в развитии как социологии, так и искусственного интеллекта.

Список литературы:

1. Kommersant.ru – Что такое ИИ и где он применяется. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6312267>
2. Wciom.ru – Общество в поиска баланса. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://conf.wciom.ru/fileadmin/user_upload/conference/2022/tezisi_2022.pdf
3. Wciom.ru – Искусственный интеллект: угроза или светлое будущее? [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-ugroza-ili-svetloe-budushchee>

Воздействие технологий ИИ на управленческие процессы в организациях разного типа

Куманцов Артём Александрович

Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
Москва, Россия, art_titan@bk.ru

Современные организации сталкиваются с беспрецедентными вызовами, обусловленными стремительной цифровизацией экономических и социальных систем. Трансформация управленческих практик, то есть методик взаимодействия субъектов и объектов управления под воздействием искусственного интеллекта (не только, как инструмента, но и как субъекта управления), больших данных и распределенных технологий приобретает характер системного перехода, затрагивающего не только инструментарий, но и фундаментальные принципы управления. Исследование преобразований в данной области актуализируется необходимостью переосмысления классических моделей, сформированных в индустриальную и постиндустриальную эпоху, и их адаптации к условиям цифровой реальности.

Ключевой проблемой остается противоречие между динамикой технологических изменений и инертностью управленческих структур. Если цифровые инструменты уже активно внедряются на уровне отдельных функций (планирование, контроль), то их интеграция в управленческие циклы, требующая перестройки организационной логики, реализуется фрагментарно. Это порождает дисбалансы: автоматизация этапов контроля, например, нередко опережает модернизацию мотивационных механизмов, что снижает эффективность преобразований.

Классические модели, сформированные в индустриальную эпоху, эволюционируют под воздействием технологий, которые не только модернизируют инструментарий, но и переопределяют саму логику управления.

Функции планирования, организации, мотивации и контроля трансформируются в направлении непрерывности, адаптивности и персонализации.

Планирование, перестав быть прерогативой топ-менеджмента, становится предиктивным процессом, где алгоритмы машинного обучения прогнозируют сценарии на основе потоков данных. Организация, утрачивая жесткие иерархии, переходит к сетевым структурам, функционирующим в гибридных физико-цифровых средах. Мотивация, обогащенная нейроаналитикой и геймификацией, смещается в сторону ценностно-ориентированных моделей, а контроль эволюционирует в систему упреждающего управления рисками.

Управленческие циклы PDCA и OODA, сохраняя концептуальную основу, радикально ускоряются и интегрируются с технологиями. Цикл PDCA, традиционно линейный, превращается в итеративную спираль, где этапы планирования и корректировки сливаются благодаря обратной связи в

реальном времени. OODA, изначально созданный для военной стратегии, становится инструментом конкурентной борьбы в бизнесе, где скорость принятия решений измеряется микросекундами, а роль человека сводится к стратегическому вето.

Однако цифровизация управления сопряжена с амбивалентностью результатов. С одной стороны, автоматизация повышает операционную эффективность, как в кейсах Walmart (использование алгоритмов машинного обучения для прогнозирования спроса, что позволяет оптимизировать цепочки поставок с точностью до 98% [1]) и Siemens (внедрение технологии «цифровых двойников» для виртуального моделирования производственных линий, что позволяет прогнозировать сбои до их возникновения: анализ данных с датчиков оборудования в режиме реального времени выявил аномалии в работе турбин за 72 часа до поломки, сократив простой оборудования на 45% [2]), сокращая издержки и минимизируя ошибки. С другой – порождает риски алгоритмической предвзятости, киберзависимости и дегуманизации труда, что иллюстрируют инциденты с Boeing 737 MAX (ошибки в алгоритме машинного интеллекта MCAS привели к катастрофам, контроль без резервных механизмов чреват катастрофическими последствиями [3]) и Amazon (системы на основе ИИ, такие как Amazon's Automated Warehouse Management, заменяют менеджеров в задачах контроля производительности. Датчики движения, камеры с компьютерным зрением и алгоритмы анализируют действия сотрудников, оптимизируя их маршруты и предупреждая ошибки. Однако подобные практики порождают конфликты: исследование Jarrow Insights для UNI Global Union [4] выявило, что 57% работников складов Amazon испытывают стресс из-за постоянного цифрового надзора, сравнивая его с «электронным надзирателем»). Таким образом, этические дилеммы, такие как конфликт между тотальным мониторингом и правом на приватность, требуют разработки регуляторных рамок и пересмотра корпоративных ценностей.

Цифровые технологии не просто оптимизируют процессы, но и меняют социальные взаимодействия внутри организаций: от коммуникативных паттернов до распределения власти.

Таким образом, управление в цифровую эпоху становится гибридной дисциплиной, где успех определяется способностью синтезировать технологическую эффективность с социальной ответственностью. Это требует от руководителей не только цифровой грамотности, но и готовности к постоянной ревизии принципов, которые еще вчера казались незыблемыми.

Список литературы:

1. Saini, A. The Importance of Hiring More Technical Program Managers (TPM's) // International Journal of Enhanced Research in Science, Technology & Engineering. – 2022. – Vol. 11, Iss. 2. – P. 49–64.
2. Официальный сайт «Siemens». – Режим доступа: <https://www.siemens.com/global/en/products/automation/topic-areas/industrial-ai/industrial-copilot.html> – Дата обращения: 14.04.2025

3. Официальный сайт «Henrico Dolfing». – Режим доступа: <https://www.henricodolfing.com/2024/08/case-study-19-20-billion-boeing-737-max.html#:~:text=Communication%20Failures,unprepared%20to%20handle%20a%20malfunction.> – Дата обращения: 14.04.2025
4. Jarrow Insights. Life in the Amazon panopticon: an international survey of amazon workers. – 2023. 30 p. URL: https://uniglobalunion.org/wp-content/uploads/UNIAMZN_Report.pdf

Применение технологий виртуальной реальности в системе цифровой фабрики при профессиональной подготовке работников угольной промышленности

Молоткова Антонина Васильевна,

Ширманова Гузьяль Самигуллаевна, Молотков Павел Павлович
Беловский институт (филиал) «Кемеровский государственный университет»
Белово, Россия, konevaav_1993@mail.ru,
minigulova_gs@mail.ru, pavel-molotok@yandex.ru

Цифровизация промышленных производств оказывает значительное влияние на все сферы деятельности предприятий, включая подготовку и повышение квалификации кадров. Цифровые технологии повышают эффективность разработки месторождений, оптимизируют технологические и производственные цепочки, повышают безопасность горных работ, упрощают логистику на добывающих предприятиях по всей стране [3]. Угольная отрасль, как одна из наиболее технологически насыщенных и потенциально опасных, требует особенно серьёзного подхода к обучению персонала. С этой целью всё чаще применяются решения на базе технологий виртуальной реальности (VR), интегрированные в общую архитектуру цифровой фабрики. В данной работе рассматривается целесообразность и эффект от внедрения VR-средств в учебный процесс для специалистов угольной промышленности, а также обозначены ключевые преимущества, сложности и перспективы данной практики.

Цифровая фабрика и обучающие среды

Цифровая Фабрика (автоматизация до 95%) представляет собой производство, в основе которого лежит использование цифры на стадии моделирования, проектирования конкурентоспособных высокотехнологичных производственных процессов и персонализированной продукции нового поколения на всем протяжении ее жизненного цикла [1].

Интеграция VR-компонентов в такую систему расширяет её возможности: цифровая фабрика становится не только инструментом

планирования и оптимизации, но и площадкой для интерактивного и безопасного обучения персонала.

Основные преимущества применения VR в обучении:

- Безопасность процесса обучения. Работники получают опыт взаимодействия с потенциально опасным оборудованием в полностью контролируемой цифровой среде.
- Практическая отработка действий. Обучающиеся могут выполнять имитации типичных или чрезвычайных ситуаций, отбатывая нужные алгоритмы поведения.
- Повышенная вовлечённость. Иммерсивные сценарии делают процесс усвоения информации более эффективным по сравнению с традиционными методами.
- Индивидуализация подготовки. Возможность многократного повторения заданий позволяет подстроить темп обучения под каждого работника.
- Снижение затрат. Уменьшаются расходы на использование реального оборудования, выездное обучение и связанные с этим риски.

Примеры использования VR на угольных предприятиях

На практике такие технологии реализуются в следующих направлениях:

- Имитация подземных условий шахты, включая работу с вентиляцией, креплением горных выработок, а также сценарии эвакуации;
- Моделирование эксплуатации оборудования: дробильно-сортировочных комплексов, конвейеров, насосных станций и т.д.;
- Интерактивные тренажёры для машинистов и операторов;
- Обучение охране труда и промышленной безопасности с возможностью симуляции аварийных случаев и принятия решений в стрессовых ситуациях.

В ряде учебных центров угольных компаний (например, СУЭК, "Русский уголь") уже внедрены VR-тренажёры, сертифицированные для официального применения в системе профессиональной подготовки.

Техническая реализация и особенности

Машинное обучение базируется на использовании «множества математических, статистических и вычислительных методов для разработки алгоритмов, способных решить задачу не прямым способом, а на основе поиска закономерностей в разнообразных входных данных» [4].

Современные технологии виртуальной и дополненной реальности предоставляют пользователю разнообразные способы взаимодействия с цифровым миром [2]. Тестирование знаний и умений также может происходить в VR-среде, с последующей выдачей оценки результатов.

Ограничения и вызовы внедрения

Несмотря на перспективность технологии, необходимо учитывать ряд факторов:

- Стоимость разработки и оборудования остаётся сравнительно высокой, особенно для малых предприятий;

- Необходимость адаптации ПО под специфику шахты или фабрики;
- Обучение преподавателей и технических специалистов работе с VR-комплексами;
- Психофизиологическая совместимость – не все работники одинаково хорошо переносят работу в VR-среде.

Тем не менее, данные проблемы постепенно решаются по мере снижения стоимости оборудования и повышения цифровой грамотности сотрудников.

Перспективы развития

С дальнейшим развитием цифровых двойников, технологий машинного обучения и интернета вещей (IoT), VR-обучение будет становиться всё более персонализированным и адаптивным. В будущем возможно создание полноценных обучающих платформ, где каждый сотрудник сможет проходить курсы повышения квалификации в цифровой среде, максимально приближённой к условиям его реальной работы. Применение VR-технологий в рамках цифровой фабрики на угольных предприятиях открывает новые горизонты для подготовки и переобучения персонала. Это позволяет не только повысить уровень безопасности и компетентности работников, но и улучшить управляемость и эффективность производственных процессов. Интеграция виртуального обучения в производственную систему становится важным элементом цифровой трансформации отрасли.

Список литературы:

1. Влияние организационно-технологических моделей производства «Фабрики будущего» на производительность труда / Е. Н. Чиждова, Е. Н. Chizhova, М. В. Владыка [и др.] // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. — 2023. — № 3. — С. 53–64. — ISSN 2408-9346. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/334256/> (дата обращения: 04.06.2025). — Режим доступа: для авториз. пользователей. — С. 5.).
2. Разработка и исследование технологий виртуальной и дополненной реальности для создания интерактивных приложений и сред // Научно-издательский центр Аспект (электронный журнал), 2023 URL: <https://na-journal.ru/6-2023-informacionnye-tehnologii/5915-razrabotka-i-issledovanie-tehnologij-virtualnoj-i-dopolnennoj-realnosti-dlya-sozdaniya-interaktivnyh-prilozhenij-i-sred> (дата обращения: 03.06.2025).
3. Российские добывающие предприятия внедряют цифровые технологии // Российская газета, 2020. — № 93(8147) URL: <https://rg.ru/2020/04/28/rossijskie-dobyvaiushchie-predpriiatiia-vnedriaiut-cifrovye-tehnologii.html/> (дата обращения: 04.06.2025).

4. Экономика и право: монография / под редакцией Э. В. Фомина. — Чебоксары: ЧГИКИ, 2021. — ISBN 978-5-907411-45-6. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/183884> (дата обращения: 04.06.2025).

Функциональные направления применения чат-ботов для снижения тревожности сотрудников в контексте социально-психологического управления персоналом

Персианов Дмитрий Владимирович

Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и
медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы
Москва, Россия, jbl111@yandex.ru

Современные реалии цифровой трансформации труда определяют необходимость поиска новых подходов к управлению, ориентированных на отслеживание эмоционального состояния сотрудников. За последние годы особенно остро встал вопрос снижения тревожности работников, поскольку тревожность как явление психологическое и социальное негативно влияет на производительность труда и все чаще прослеживается среди работников. Например, согласно данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно из-за депрессии и тревожности утрачивается примерно 12 млрд. рабочих дней, что эквивалентно экономическим потерям в размере 1 трлн. долл. США в год [1]. В России, согласно данным forbes, 43% работников испытывают стресс на работе практически ежедневно, а 41% испытывают беспокойство, что приводит к прямым экономическим потерям [2]. По этой причине возрастает необходимость социально-психологического управления персоналом и, в частности, прикладной его реализации, в которой все большее внимание начинает уделяться инструментам поддержки сотрудников. Особое значение отводится чат-ботам, представленным в виде нейросетевых автоматизированных собеседников, способных оказывать помощь, организовывать внутренние коммуникации и оценивать эмоциональный климат в коллективе. Открытым при этом остается вопрос определения основополагающих функциональных направлений применения чат-ботов для снижения тревожности сотрудников, что задает базис обоснования целесообразности их внедрения для социально-психологической поддержки сотрудников.

Основу использования чат-ботов в заявленном контексте формирует социально-психологическое управление, в котором чат-боты выступают средством (инструментом) его реализации. Как справедливо отмечают Л.А. Лазаренко и Т.Е. Хорольская, социально-психологическое управление ориентировано на создание благоприятного климата, развитие доверия, взаимопомощи и поддержание личной включенности внутри коллектива [3].

Чат-боты в данном контексте рассматриваются в качестве посредников в коммуникации между руководством и сотрудниками, средства оперативного мониторинга психологического состояния персонала. Во многом необходимость использования чат-ботов в контексте снижения тревожности интереса с точки зрения проведения диагностики. По мнению Н.Н. Иванова, интеграция цифровых технологий в социально-психологическое управление позволяет на системном уровне и систематически собирать и впоследствии анализировать информацию о состоянии сотрудников, в том числе их тревожности, стрессе, уровне удовлетворенности или иных показателях [4]. Чат-боты могут выполнять функцию выявления тревожных состояний посредством прохождения специализированных тестов. С учетом выявленных проблем и тревожности посредством чат-бота могут предоставляться материалы для поддержки, например, общие рекомендации по снятию напряжения, управлению тревожностью, упражнения на дыхание и расслабление, предложения по временному переключению внимания. Фактически перечисленные форматы становятся способом реализации нефинансовой мотивации, направленной на заботу о благополучии сотрудников, что соотносится с принципами личностно-ориентированного подхода в управлении. На более продвинутом уровне при развитии нейросетей и включения функционала большой языковой модели, чат-бот способен собирать информацию от сотрудника, обобщать её и поддерживать коммуникацию с пользователем. Удастся развить систему обратной связи с сотрудниками, направленную первично на поддержание доверительных внутриколлективных взаимоотношений, что соответствует представленному О.А. Коргиной описанию социально-психологических технологий в управлении персоналом [5]. При этом чат-бот может выполнять не только социально-психологические управленческие функции, но и поддерживать рассылку уведомлений, оснащаться функционалом автоматических напоминаний, рассылки и разъяснения инструкций и т. п. Задаётся пространство формирования среды, построенной на постоянном контроле информации, что положительно влияет на чувство определенности сотрудника. Методологической основой социально-психологического управления персоналом в цифровизацию являются личностно-ориентированный, субъектно-ориентированный и персонифицированный подходы, которые в совокупности позволяют учитывать индивидуальные особенности, мотивы и цели сотрудников при принятии решений. Цифровые технологии при этом многократно расширяют возможности персонифицированного управления за счет оперативного сбора и анализа данных о сотрудниках, оценки их удовлетворенности трудом [6]. В ранее проведенных исследованиях нами также обосновывались положения о том, что эффективная оценка социально-психологических методов невозможна без совместного сбора и анализа как количественных, так и качественных индикаторов, а также включения самих сотрудников в процессы их оценки [7]. Чат-бот в данном случае может стать одним из структурных элементов системы мониторинга, на основании которого формируются интегральные показатели удовлетворенности, эмоционального состояния и в том числе

проявлений тревожности, что позволяет учитывать состояние сотрудников и влиять на него.

Фактически, на концептуальном уровне применение чат-ботов в социально-психологическом управлении персоналом видится в качестве эффективного средства снижения тревожности сотрудников. В конечном счете функциональные возможности нейросетевых чат-ботов позволяют 1) проводить цифровую диагностику эмоционального состояния; 2) предоставлять централизованный доступ к инструментам самопомощи и восстановления; 3) усиливать персонализированные коммуникации; 4) снижать информационную неопределенность и стресс; 5) создавать обратную связь; 6) поддерживать систему оценки эффективности практик социально-психологического управления персоналом. Таким образом, чат-боты выступают в качестве элемента системы социально-психологического управления персоналом организации, направленной на формирование положительного эмоционального климата в коллективе и повышение эффективности труда работников за счет нематериальных факторов влияния.

Список литературы:

1. Психическое здоровье на рабочем месте. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-at-work> (дата обращения: 29.06.2025).
2. Эксперты оценили потери экономики от стресса работников URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/obshchestvo/432209-eksperty-ocenili-poteri-ekonomiki-ot-stressa-rabotnikov> (дата обращения: 29.06.2025).
3. Лазаренко Л.А., Хорольская Т.Е. Управление человеческими ресурсами в современных экономических условиях: психологический аспект // Вестник Академии знаний. 2019. № 6 (35). С. 164–170.
4. Иванов Н.Н. Применение цифровых технологий для повышения эффективности социально-психологического управления персоналом // Проблемы и перспективы развития экономики и управления. 2023. № 4. С. 66–73.
5. Коргина О.А. Социально-психологические технологии в управлении персоналом организации // Вестник Академии знаний. 2022. № 1 (48). С. 125–132.
6. Романов М.С. Методологические аспекты управления персоналом в рамках цифровизации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 2. С. 63–70.
7. Персианов Д.В. Методические аспекты оценки эффективности применения социально-психологических методов управления персоналом // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 1, № 9. С. 4–12.

Современные тенденции развития чат-ботов и их роли в экономических процессах

Сигарев Александр Викторович

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Россия, alexsigarev@mail.ru

Увеличение прибыли, являющееся основной целью любого коммерческого предприятия, зависит от множества взаимосвязанных факторов. Среди них важную роль играет конверсия сайта – процентное соотношение потенциальных клиентов, которые проявили интерес к продукту или услуге, оставили свои контактные данные или выполнили другое целевое действие с компанией (регистрация, заявка, подписка), к общему числу посетителей сайта. Для компаний, использующих интернет-маркетинг и принимающих заказы через веб-сайт, конверсия представляет собой один из ключевых показателей, значительно влияющих на эффективность продаж [1].

Для повышения конверсии все большее число компаний использует чат-боты. Чат-бот представляет собой компьютерную программу, которая взаимодействует с пользователями, имитируя человеческое общение. Это виртуальный помощник с искусственным интеллектом для разных целей, который по запросу пользователя может вызвать такси, заказать билет на мероприятие, найти что-то в поисковике или ответить на вопрос.

Чат-боты становятся самым быстрорастущим каналом коммуникации бренда, при этом рынок чат-ботов увеличился на 92% за последние два года. В 2023 году каждое шестое взаимодействие с клиентами на глобальном уровне происходило с использованием диалогового ИИ. Чат-ботами пользуются 1,4 миллиарда людей. 27% потребителей не были уверены, общались ли они в последний раз с чат-ботом или с живым оператором. 87,2% клиентов сообщают о нейтральном или положительном опыте общения с чат-ботами. Основная причина их использования – желание получить быстрые ответы. 41,3% потребителей применяют инструменты разговорного маркетинга при совершении покупок. Уровень удовлетворенности клиентов при общении только с ботами в среднем составляет 87,58%, что на 2% выше, чем при взаимодействии с живыми операторами. Почти половина женщин предпочитает общаться с чат-ботами при покупках в интернете, тогда как среди мужчин этот показатель составляет 37%. 39% компаний используют чат-ботов для повышения интерактивности своих сайтов. 24% крупных предприятий, 15% компаний среднего размера и 16% малых бизнесов уже внедрили чат-ботов. 56% организаций считают, что чат-боты могут изменить их индустрию.

Среднестатистические чат-боты генерируют 35–40% откликов. Их внедрение может повысить коэффициент конверсии веб-сайта на 10–100%, в зависимости от сектора. Почти четверть респондентов доверяют рекомендациям виртуального помощника больше, чем человеческим продавцам. Руководители бизнеса сообщают о среднем увеличении продаж

на 67% благодаря чат-ботам. 57% компаний подтверждают высокую рентабельность инвестиций при минимальных затратах.

Чат-боты отвечают быстрее, чем люди, и 68% потребителей ценят их за скорость ответов. Кроме того, чат-боты могут предоставлять помощь вне рабочего времени и связывать пользователя с живым оператором. Среди главных преимуществ чат-ботов выделяют круглосуточную поддержку [2]. Их использование позволило сократить затраты на обслуживание клиентов на 30%. Чат-боты чаще всего задействованы в продажах (41%), поддержке клиентов (37%) и маркетинге (17%). 64% компаний считают, что чат-боты помогут обеспечить более индивидуальный подход к клиентам. 50% организаций намерены тратить больше на голосовых помощников, чем на мобильные приложения [3].

Список литературы:

1. Усенко, Я. Г. Чат-бот как инструмент увеличения конверсии сайта и количества заявок потенциальных клиентов / Я. Г. Усенко // Практический маркетинг. – 2022. – № 8(305). – С. 27-31. – DOI 10.24412/2071-3762-2022-8305-27-31. – EDN EKTVLX.
2. Вольников, М. С. Обзор существующих решений чат-ботов, использующих искусственные нейронные сети: их возможности, преимущества и недостатки / М. С. Вольников, Е. А. Данилов // Современные информационные технологии. – 2024. – № 39(39). – С. 9-15. – EDN QZVHRL.
3. Фадеева, Е. А. Цифровые инновации: использование чат-ботов в экономике / Е. А. Фадеева, О. И. Волков, М. А. Лютов // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – № 5-2(111). – С. 172-175. – DOI 10.24412/2411-0450-2024-5-2-172-175. – EDN BGXJSN.

Технологии на основе обработки естественного языка как инструмент взаимодействия с клиентами и потребителями

Сорокин Даниил Витальевич
ФГАОУ ВО «МГТУ «СТАНКИН»
Москва, Россия, danyasrk@gmail.com

В настоящее время инновации в области технологий являются неотъемлемой частью развития любой отрасли. Каждый виток развития технологий характеризуется быстрой адаптацией и коммерциализацией, поскольку позволяет компаниям получить конкурентное преимущество. Актуальным направлением последние несколько лет является развитие искусственного интеллекта. Стоит отметить, что развитие искусственного интеллекта, как и любой другой технологии происходит неравномерно.

В России развитие искусственного интеллекта началось на заре его появления, однако обсуждение искусственного интеллекта на государственном уровне началось только в начале 2019 года, когда был издан Указ Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [1]. В Указе Президента Российской Федерации были определены направления искусственного интеллекта в рамках обеспечения национальных приоритетов. Также в рамках Указа Президента Российской Федерации было поручено разработать федеральный проект «Искусственный интеллект» [2].

По данным Росстата, уровень внедрения технологий с применением искусственного интеллекта в экономику страны составляет почти 20%, а сумма прямых инвестиций в сегмент искусственного интеллекта достигает 22 млрд рублей.

Наиболее развитым сектором с точки зрения интеграции искусственного интеллекта с точки зрения взаимодействия с клиентами является финансовый сектор. Данный тезис обуславливается, во-первых, большим объемом капитала в финансовом секторе. Большой объем средств в финансовом секторе позволяет инвестировать в проекте по интеграции технологий на основе искусственного интеллекта в свою деятельность.

Во-вторых, финансовый сектор обладает большим количеством клиентов, которые чувствительны к конкурентным преимуществам субъектов финансового сектора. Кроме этого, высокая степень интеграции технологий на основе искусственного интеллекта и блокчейна в финансовом секторе объясняется высокими показателями рентабельности инвестиций (ROI). Например, ПАО «Сбербанк» заявляет о рентабельности инвестиций в 300% по проектам в области интеграции технологий искусственного интеллекта.

Большие масштабы финансового сектора обеспечивают привлечение наиболее квалифицированных специалистов в области искусственного интеллекта, математики и экономики. Данный фактор также способствует развитию технологий на основе искусственного интеллекта в финансовом секторе.

Все вышеперечисленные факторы будут способствовать приросту размера рынка в 1,2 млрд рублей за ближайшие 10 лет. При этом по прогнозу инновационной IT-компании Fork-Tech, рост спроса на технологии на основе искусственного усилится в 2028 году и достигнет своего пика [3]. Эксперты Fork-Tech связывают это с возникновением на отечественном рынке вендоров с закреплённой экспертизой в области искусственного интеллекта и внедрение готовых решений с понятным механизмом.

В финансовом секторе основным источником данных для анализа являются структурированные данные, которые включают в себя корпоративные, транзакционные и данные государственных учреждений. При этом количественно структурированных данных в открытом доступе гораздо меньше, чем неструктурированных.

Огромный объем неструктурированных данных одновременно является как возможностью, так и трудностью для специалистов в области обеспечения безопасности клиентов и управления рисками. Универсальным инструментом по работе с неструктурированными данными является NLP

(технологии обработки естественного языка). Обработка естественного языка — область искусственного интеллекта, которая занимается взаимодействием между компьютерами и человеческими языками. Целью NLP является возможность понимать, интерпретировать и генерировать текст и речь на естественном языке.

Уже сейчас технологии NLP находят широкое применение в области взаимодействия с клиентами и обеспечения безопасности. Некоторые успешные практики по внедрению технологии NLP представлены ниже:

1. Международный инвестиционный банк внедрил технологию NLP для анализа сообщений клиентов по почте. Технологию обучили с помощью ML определять те лингвистические паттерны, которые могут вести к мошенническим действиям, связанных с запросами на оплату. По данным банка, выявление мошеннических действий увеличилось более чем на треть, а это, в свою очередь, способствовало предотвращению мошеннических операций более чем на 17 миллионов долларов.

2. Крупнейшая страховая компания США и одна из крупнейших страховых компаний в мире Prudential Financial внедрила технологию на основе NLP, которая анализирует описание страховых случаев и сообщений заявителей. Технология способна выявлять тонкие лингвистические паттерны потенциального мошенничества, например, непоследовательное повествование страхового случая или подозрительная терминология. Благодаря успешной адаптации технологии страховая компания повысила точность обнаружения мошеннических заявок на 30% и экономию более чем в 8 млн долларов.

3. Эмитент кредитных карт внедрил технологию NLP для предотвращения мошенничества с кредитными картами. Система анализировала описание транзакций и взаимодействие с клиентами, которые отражали подозрительные сообщения клиентов. За счет этого эмитенту удалось сократить количество мошеннических операций на 34% и почти на 48% количество поддельных учетных записей с украденными данными. Благодаря этому повысилась и лояльность клиентов за счет уменьшения количества ложных отказов.

Представленные примеры показывают, что системы обнаружения мошенничества, построенные на NLP или использующие NLP не только повышают эффективность обнаружения, но и сокращают количество ложных срабатываний — важнейший баланс в борьбе с мошенничеством, который минимизирует как финансовые потери, так и недовольство клиентов.

Эффективность NLP во взаимодействии с клиентами подтверждают и финансовые показатели. По данным Expert.ai, только 2% компаний готовы сократить инвестиции в NLP в 2025 году более чем на 11% процентов. Только 7% готовы снизить аналогичный показатель на 1-10% [4]. При этом 77% опрашиваемых компаний готовы увеличить свои инвестиции в NLP на 11%, поскольку технология позволяет предотвращать мошеннические операции и повышает лояльность клиентов.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 №490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»
2. Федеральный проект «Искусственный интеллект». Приказ ФСФР России от 02.02.2012 N 12-6/пз-н
3. Fork-Tech: официальный сайт - URL <https://fork-tech.ru/> (дата обращения: 11.05.2025)
4. Expert.ai: официальный сайт - URL: <https://www.expert.ai///> (дата обращения: 11.05.2025)

Методологический эксперимент по созданию ИИ-ассистента для проведения научных исследований

Тертышникова Анастасия Геннадьевна
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия, tertyshnikova_ag@pfur.ru

Павлова Ульяна Олеговна
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия, u.pavlova.56@mail.ru

Внедрение генеративного искусственного интеллекта (ГИИ) в процесс проведения социологического исследования затрагивает фундаментальную эпистемологическую проблему: может ли алгоритмическая система, не способная к рефлексии, участвовать в производстве социологического знания, основанного на интерпретации и критическом осмыслении социальных феноменов и фактов? Тексты, созданные современным ГИИ, соответствуют формальным признакам научного дискурса, однако его использование в социологических исследованиях связано с рядом ограничений: тенденция к воспроизводству статистически усредненных паттернов вместо критического анализа, неспособность к теоретической рефлексии и систематическое воспроизводство социальных стереотипов, содержащихся в обучающих данных [4], [9].

Если ранее технологии выполняли преимущественно вспомогательные функции, то современные генеративные модели в своем развитии приближаются к стадии концептуализации, интерпретации и теоретического обобщения. Таким образом, необходимо переосмысление границ между человеческой и алгоритмической познавательной деятельностью и разработки новых методологических подходов к использованию ИИ в социальных науках [3]. В соответствии с данной задачей был проведен эксперимент по созданию ИИ-ассистента.

Процесс разработки включал четыре этапа: формирование теоретической базы знаний, разработка инструкции, тестирование в различных режимах и критический анализ результатов. В качестве предметной области была выбрана социология насилия как междисциплинарная и методологически непростая тема.

Теоретическая база формировалась на основе корпуса из 400 фундаментальных и современных работ российских и западных исследователей. Ключевым элементом стала разработка детальной инструкции, определяющей принципы функционирования ассистента (теоретическая обоснованность, методологическая рефлексивность, эмпирическая верифицируемость, объективность, контекстуальная чувствительность и этическая ответственность) [5]. Следование каждому принципу было реализовано с помощью конкретных требований к формулировке ответов и аналитических процедур. Затем проводилось тестирование бота в трех режимах: составление программы исследования, критический анализ созданной программы и доработка с учетом замечаний. Наиболее продуктивным оказался режим «социолога-критика», в котором ассистент демонстрировал способность к методологическому анализу исследовательских программ. С целью усовершенствовать процесс критики была адаптирована модель «шести шляп мышления» Э. де Боно [1]: фактологическая критика (анализ эмпирической обоснованности), этическая критика (выявление потенциальных рисков), логическая критика (проверка внутренней согласованности), оценка потенциальной ценности, формулирование альтернативных подходов и метарефлексия.

Эксперимент выявил способность специализированного ИИ-ассистента преодолевать некоторые ограничения базовых генеративных моделей. По сравнению со стандартным ГИИ наблюдалось качественное улучшение программы исследования: конкретизация предмета, углубление теоретической рамки, операционализация гипотез с указанием эмпирических индикаторов.

На основе результатов эксперимента сформулирована концепция «эпистемологического диалога» как оптимальной модели взаимодействия исследователя с ГИИ. В отличие от инструментальной модели, данный подход предполагает активное партнерство в производстве социологического знания, характеризующееся взаимной рефлексивностью, концептуальной эмерджентностью и критической диалектикой.

Разработанная методология может быть адаптирована для широкого спектра гуманитарных дисциплин — истории, антропологии, политологии, культурологии, философии и др. [8]. Успех адаптации определяется не только технологическими особенностями модели, но и качеством дисциплинарно-специфической теоретической базы и соответствием принципов инструкции эпистемологическим характеристиками конкретной области знаний.

Исследование выполнено в рамках НИР №100938-О-000 "Применение технологий искусственного интеллекта в социологических исследованиях: практика и перспективы"

Список литературы:

1. Алямкина В. А. Технология развития критического мышления через призму метода "Шесть шляп мышления" // Новые технологии в образовании. – 2014. – С. 10-20.
2. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практика. – 2008.
3. Иванов, Д. В. Виртуализация общества / Д. В. Иванов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2000. – 96 с.
4. Мартыненко, С. П. Генеративные модели ИИ как «черные ящики» социологического познания: теоретико-методологические риски / С. П. Мартыненко, Е. А. Добринская // Эпистемология и философия науки. – 2024. – Т. 61, № 1. – С. 88-105.
5. Мертон, Р. К. Социальная теория и социальная структура / Р. К. Мертон ; пер. с англ. Е. Н. Егоровой. – М. : АСТ : Хранитель, 2006. – 873 с.
6. Резаев, А. В. Искусственный интеллект, онлайн-культура, искусственная социальность: определение понятий / А. В. Резаев, Н. Д. Трегубова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 6. – С. 35-47.
7. Тощенко Ж. Т. Социология. – Общество с ограниченной ответственностью "Издательство" Юнити-Дана", 2012.
8. Ядов, В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / В. А. Ядов. – 3-е изд., испр. – М. : Омега-Л, 2007. – 567 с.
9. Kitchin, R. Big Data, New Epistemologies and Paradigm Shifts / R. Kitchin // Big Data & Society. – 2014. – Vol. 1, No. 1. – P. 1-12.
10. Latour, B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory / B. Latour. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 301 p.

Общество и корпорации: различия в отношении к ИИ

Тупикова Вера Андреевна
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия, tupikova_va@pfur.ru

В 2024 году затраты на глобальном рынке искусственного интеллекта, включая программное и аппаратное обеспечение, а также услуги, составили \$233,46 млрд. Примерно треть от общемировых расходов пришлось на североамериканский регион. В 2024 году объем глобального рынка агентов искусственного интеллекта достиг \$4,92 млрд. Для сравнения, в 2023-м затраты в данной сфере оценивались в \$4,02 млрд. Таким образом, отмечен рост на 22%, о чем говорится в обзоре Market Research Future, опубликованном

в середине марта 2025 года 2. Хотя общий объем глобальных инвестиций в 2024 году не достиг высот 2021 года, примечательно, что частные инвестиции никогда не были столь высокими. Из 150 миллиардов долларов частных инвестиций в 2024 году, около 33 миллиардов долларов было направлено на инвестиции в генеративный ИИ 2. Однако, экспертные оценки ИИ гораздо более позитивные, чем общественные. Например, опрошенные Pew Research эксперты по ИИ гораздо чаще, чем американцы в целом, считают, что ИИ окажет очень или несколько положительное влияние на Соединенные Штаты в ближайшие 20 лет (56 % против 17 %) 3.

Исследование «Trust, attitudes and use of Artificial Intelligence: A global study 2025», проведенное Мельбурнским университетом в сотрудничестве с компанией KPMG: охватило мнение более 48 000 человек в 47 странах, чтобы выяснить, какое влияние оказывает искусственный интеллект на людей и организации. Это одно из самых масштабных глобальных исследований доверия, использования и отношения населения к искусственному интеллекту на сегодняшний день. Результаты исследования показывают, что внедрение ИИ растет, но доверие остается важнейшей проблемой, отражающей противоречие между преимуществами и рисками 7.

В таких странах, как Китай (83%), Индонезия (80%) и Таиланд (77%), значительное большинство считает продукты и услуги ИИ скорее полезными, чем вредными. В отличие от них, в Канаде (40%), США (39%) и Нидерландах (36%) оптимизма гораздо меньше. Тем не менее, настроения меняются: с 2022 года оптимизм значительно вырос в нескольких странах, ранее скептически настроенных, - в том числе в Германии (+10%), Франции (+10%), Канаде (+8%), Великобритании (+8%) и США (+4%) 4.

Однако с повышением общественного оптимизма в сторону ИИ, повышается и внимание к проблемам, которые вызывает рост распространенности ИИ. Так, например, повысилось внимание к феномену «мертвого интернета»: имеющая свое начало в конспирологии, «теория» утверждает, что благодаря скоординированным и преднамеренным усилиям интернет теперь состоит в основном из активности ботов и автоматически генерируемого контента, которым манипулируют с помощью алгоритмического подбора данных, чтобы контролировать население и минимизировать органическую человеческую активность. В настоящем же, «теория» находит свое подтверждение, хоть и не со столько конспирологическими корнями: интернет заполнен множеством ботов, фактически имитирующих феномен астротурфинга 8.

Также ИИ создает новые и экстрагирует старые экологические вопросы: «Большинство крупномасштабных систем искусственного интеллекта размещаются в центрах обработки данных [...] Электроника, которую они используют, требует огромного количества сырья [...] микрочипы, которые питают искусственный интеллект, нуждаются в редкоземельных элементах, которые часто добываются экологически вредными способами [...] центры обработки данных производят электронные отходы, которые часто содержат такие опасные вещества, как ртуть и свинец [...] инфраструктура, связанная с искусственным интеллектом, вскоре может потреблять в шесть раз больше воды, чем Дания, население которой составляет шесть миллионов

человек. Это проблема, поскольку четверть человечества уже не имеет доступа к чистой воде и санитарии» 1. Экологическая повестка должна привлекать особое внимание социальных исследователей, так как несет за собой помимо очевидных экологических последствий, последствия социально-политического характера: например, множественные митинги и протесты 6.

Тезисы подготовлены в рамках ИнНИР № 100939-0-000 «Применение технологий искусственного интеллекта в социологических исследованиях: практика и перспективы».

Список литературы:

1. ООН Программа по окружающей среде Искусственный интеллект создает экологические проблемы. Что мы можем предпринять? [В Интернете]. - 2024 г.. - <https://www.unep.org/ru/novosti-i-istorii/istoriya/iskusstvennyy-intellekt-sozdaet-ekologicheskie-problemy-chto-my-mozhem>.
2. Artificial Intelligence Market to Record CAGR of 29.2% Over 2025-2032; Rising Use of AI Assistance for Human Agents to Accelerate Market Growth [В Интернете] // Fortune Business Insights. - 2025 - <https://www.fortunebusinessinsights.com/press-release/artificial-intelligence-market-9227>.
3. How the U.S. Public and AI Experts View Artificial Intelligence [В Интернете] // Pew Research Center. - 2025 - URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2025/04/03/how-the-us-public-and-ai-experts-view-artificial-intelligence/>.
4. Stanford Institute for Human-Centered Artificial Intelligence (HAI) Artificial Intelligence Index Report 2025. - Stanford : [б.н.], 2025 г.
5. Strickland Eliza 12 Graphs That Explain the State of AI in 2025 [В Интернете] // IEEE Spectrum. - <https://spectrum.ieee.org/7-new-airport-tech>.
6. The AI Boom Is Draining Water From the Areas That Need It Most [В Интернете] // Bloomberg. - 2025 - <https://www.bloomberg.com/graphics/2025-ai-impacts-data-centers-water-data/>.
7. Trust, attitudes and use of AI: A global study 2025. The University of Melbourne, KPMG - Melbourne : [б.н.], 2025.
8. Walter Yoshija. Artificial influencers and the dead internet theory [Статья] // AI & SOCIETY. - Т. 40.

Студенческий опыт использования искусственного интеллекта – ресурс для HR

Филинская Лариса Владимировна
Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь, filinskaiv@gmail.com

Искусственный интеллект повсеместно внедряется в жизнедеятельность общества, становится доступным не только специалистам, но и рядовым пользователям. С помощью ИИ пишут научные статьи, делают презентации и строят графики, ищут подарок для любимого человека, разрабатывают меню для животных, планируют сюжет праздничных мероприятий и т.д. Фиксируется сочетание количественного роста применения ИИ-технологий с качественными изменениями в характере их использования. Это требует глубокого осмысления не только потенциальных возможностей, но системных рисков имеющейся цифровой трансформации.

Современные университеты становятся активными площадками разработки и апробации ИИ. Именно в системе высшего образования сосредоточены технологические и человеческие ресурсы развития этих технологий. При этом особую актуальность приобретает исследование социальных, когнитивных и этических последствий массового внедрения ИИ-инструментов в образовательный процесс. Уже сегодня наблюдаются трансформация традиционных моделей познавательной деятельности, изменение социальных практик взаимодействия, возникновение новых этических дилемм в цифровом пространстве [1,2].

Студенты активно используют искусственный интеллект для решения разнообразных учебных задач. Результаты опроса 1359 обучающихся 3-4 курсов Белорусского государственного университета, проведенного в декабре 2024 г., свидетельствуют о том, что 87,3% респондентов пользовались генеративным искусственным интеллектом. Распределение ответов на полузакрытый вопрос «Для каких целей Вы используете ИИ?» показывает, что данный инструмент применяется для поиска информации (85,7%), для выполнения учебных заданий, поиска ответов, систематизации материала (47,3%), в качестве переводчика (28,0%) и для проверки собственных знаний, написания тестов (24,0%). При написании научных работ и выполнении профессиональной деятельности только соответственно 16,2% и 17,9% опрошенных студентов обращаются к ИИ.

Количественный метод сбора информации не всегда может показать полную и содержательную картину практик применения новых технологий студенческой молодежью. В мае 2025 г. студенты 1 и 3 курсов БГУ на условиях анонимности подробно описали какие инструменты ИИ были использованы, для каких целей, в каком объеме при подготовке курсовой работы. Контент-анализ 180 работ позволяет описать ключевые направления использования ИИ:

1. планирование и структурирование курсовой работы (составление плана, разработка структуры, разбивка на подпункты) – 25% упоминаний;
2. поиск и обработка информации (поиск источников/литературы, анализ и выбор информации) – 20% упоминаний;
3. написание текста (написание введения, отдельных глав, заключения, формулировка выводов) – 18% упоминаний;
4. редактирование и оптимизация текста (перефразирование, корректура/проверка на грамотность, расширение/сокращение текста) – 15% упоминаний;
5. визуализация данных (построение графиков, таблиц, проведение расчетов) – 8% упоминаний;
6. креативные задачи (поиск идей, формулировка тем, вопросов) – 7% упоминаний;
7. оформление работы (подготовка списка источников, структурирование работы на основе методических указаний по подготовке курсовой работы) – 7% упоминаний.

Результаты контент-анализа академических нарративов (подробных описаний использования ИИ) свидетельствуют, что искусственный интеллект чаще всего используется как инструмент организации работы, что сокращает время на подготовку; нейросети упрощают доступ к необходимым материалам, литературе, но требуется проверка источников; ИИ помогает преодолеть «страх чистого листа», однако приходится дорабатывать текст, чтобы уйти от шаблонности; ИИ ускоряет анализ данных, но требуется верификация результатов; нейросеть может стать генератором идей, но необходимо критически оценивать поступающие предложения. Кроме того, ИИ используется для обхода антиплагиата. К выявленным трендам и возникающим проблемам следует отнести – доминирование шаблонных задач, риски академической недобросовестности, зависимость студентов от ИИ.

Использование искусственного интеллекта формирует у студентов цифровые компетентности, которые могут быть перенесены в профессиональную сферу, включая управление человеческими ресурсами (HR). В условиях рыночного хозяйствования, где конкуренция за таланты и эффективные бизнес-процессы постоянно растет, интеграция ИИ в HR становится и тактической, и стратегической необходимостью. Студенты, освоившие инструменты искусственного интеллекта, могут стать драйверами цифровой трансформации HR за счет гибкости мышления, критического анализа полученных рекомендаций, навыков работы с данными. Сегодня актуализируется утверждение о том, что будущее HR – не в конкуренции с искусственным интеллектом, а в симбиозе человеческого креатива с машинной эффективностью.

Список литературы:

1. Алешковский И.А., Гаспаршвили А.Т., Нарбут Н.П., Крухмалева О.В., Савина, Н.Е. Российские студенты о возможностях и ограничениях

использования искусственного интеллекта в обучении // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 2. С. 335–353.

2. Филинская, Л.В., Левицкая, И.В., Мисун, А.А. Искусственный интеллект и образование: проблемы, риски, перспективы // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2024; 3: 71–77.

Перспективы и возможные ограничения использования искусственного интеллекта в управление человеческими ресурсами

Чеховский Тимофей Иванович

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Россия, chehovsky@mail.ru

Технология искусственного интеллекта, берущая свое начало в середине XX века в трудах Алана Тьюринга, Джона Маккарти, Джозефа Вейценбаума, Фрэнка Розенблатта и др., достигнув определенного уровня развития, находит широкое применение в условиях рыночной экономики. В середине прошлого века технологии ИИ, как правило, разрабатываемые на государственные деньги, имели преимущественно экспертное применение и были способны выполнять лишь узкий спектр задач – игра в шахматы, построение незамысловатых маршрутов, ведение примитивного диалога с человеком то с внедрением языковых моделей, развитием интернета и снижением планки доступности, технология ИИ совершила значительный рывок, открыв множество потенциальных сценариев использования.

Одним из подобных сценариев является задействование ИИ в управлении человеческими ресурсами. Снижение издержек на всех этапах и, в частности, этапе подбора персонала – ключевой фактор, способствующий тому, что компании по всему миру озадачились вопросом развития этого направления [1]. Начавшийся полвека назад и продолжающийся до сих пор, процесс активной цифровизации и компьютеризации управления, значительно снизил необходимое количество специалистов по подбору кадров, а в особенности тех из них, кто занимал младшие должности и выполнял достаточно однообразную работу по отбору и сортировке кандидатов. В своей статье, Кричевский М. Л. и Дмитриева С. В. указывают на то, что внедрение технологий машинного обучения, так же, способствует повышению эффективности работы кадровых отделов и, что не менее важно, позволяет *«планировать человеческие ресурсы и принимать управленческие решения в большей степени на основе информации, а не полагаясь на управленческое восприятие и интуицию»* [2]. Таким образом, автоматизация на первоначальных уровнях отбора персонала позволяет организациям по всему миру оптимизировать данный процесс, снизить

издержки и перенаправить рабочую силу с рутинной занятости на более актуальные направления.

На нынешнем этапе речь идет о замене не только рядовых сотрудников кадровых отделов, но и тех, кто выполняет более ответственные задачи по взаимодействию с кандидатом, прогнозированию возможных рисков и, напротив, оценке потенциального положительного вклада работника в деятельность организации. Возможности современных моделей ИИ, позволяют выполнять не только задачи, исполняемые по алгоритму, но и те, что требуют прогнозирования, индивидуального подхода. В условиях рыночной экономики и постоянной конкуренции, вопрос снижения расходов на опытных специалистов кадровых отделов со временем может обозначиться достаточно остро. Помимо экономического аспекта, искусственный интеллект кажется очевидным решением и по некоторым другим причинам – он, как кажется, может быть объективен и беспристрастен в отношении кандидата.

Исключение фактора субъективности при выборе специалиста на определенную должность, как кажется, позволит ему опираться на конкретные требования и оценивать человека, в первую очередь, как специалиста. Здесь мы сталкиваемся с первым спорным моментом, вызывающим сомнения относительно «профпригодности» ИИ в вопросах подбора персонала. Как и любая деятельность, подразумевающая работу с людьми и их оценку, подбор персонала требует не только насмотренности и грамотно составленного списка требований к кандидату, но и определенной проницательности, способности разглядеть в человеке потенциал, который может быть скрыт до определенного момента и не всегда отражается в его резюме. Особенно важно учитывать этот фактор в ситуациях, когда речь идет о подборе молодых специалистов, занимающихся поиском первого рабочего места.

Как правило, человек, начавший свою профессиональную карьеру не так давно, не имеет обширного «послужного списка». Поэтому при подборе молодых специалистов большое значение придают личностным качествам человека, которые могут проявиться на различных этапах отбора на должность – при прохождении первичного интервью, создании пробного проекта, дальнейшем собеседовании с руководством и т. д. – на сегодняшний день существует большое количество подобных методик разного содержания. Многие из них направлены не столько на оценку профессиональных качеств и навыков кандидата, сколько на определение и его личностных качеств и оценку возможного потенциала.

Таким образом, в вопросе подбора начинающих специалистов очень важен субъективный компонент – совокупность личностных качеств и установок, которые присутствуют у опытного специалиста по человеческим ресурсам. В то же время, этот специфический личностный опыт крайне трудно воссоздать искусственно, и в этом, вероятно, может крыться одна из ключевых проблем в вопросах применения ИИ в HR.

Обширное исследование на тему влияния ИИ в области HR было проведено «Frontiers Media SA» в 2025 году [3]. Оно включало в себя анализ научных работ на тему ИИ, опубликованных в период с 1996 года по 2022 год.

На основе проведенного анализа, авторами статьи были выделены ключевые достоинства и недостатки, упомянутые в научных работах. К числу наиболее значимых достоинств, как уже было сказано ранее, отнесли различные аспекты, связанные с повышением эффективности деятельности кадровых отделов. Многократно упоминается возможность быстрого анализа и сортировки резюме, что повышает скорость обратного отклика кандидату. Кроме того, задействование ИИ в области управления человеческими ресурсами снижает стоимость содержания кадрового отдела. В связи с этим видится возможным развитие пар специалистов, включающих в себя машину и человека (human-machine teams), где каждый выполняет определенную задачу, по необходимости помогая второму.

К числу негативных последствий внедрения ИИ в управление человеческими ресурсами относят аспект, затрагивающий конфиденциальные данные кандидата, так как зачастую человеку проще оказать доверие не машине, а другому человеку. Упоминается так же, необходимость в адаптации кандидатов под машинный, сугубо «технический» подход ИИ, который основывается лишь на определенных алгоритмах и базе уже изученных кандидатов. В данном случае, с наибольшими трудностями рискуют столкнуться кандидаты в возрасте, а также представители творческих, креативных направлений.

Список литературы:

1. IBM Institute for Business Value. AI and the future of human resources [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ibm.com/think/topics/ai-in-hr> (дата обращения: 05.06.2025)
2. Кричевский М. Л., Дмитриева С. В., Мартынова Ю. А. Методы машинного обучения в управлении человеческими ресурсами // Вопросы инновационной экономики. – 2023. – Т. 13. – № 1. – С. 405–420. URL: <https://1economic.ru/lib/117467> (дата обращения: 05.06.2025)
3. Dima J., Gilbert M.-H., Dextras-Gauthier J., Giraud L. The effects of artificial intelligence on human resource activities and the roles of the human resource triad: opportunities and challenges // *Frontiers in Psychology*. 2024. Vol. 15. Art. 1360401. DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1360401. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2024.1360401/full> (дата обращения: 05.06.2025)

AI в HR университета: цифровая медиация конфликтов и оптимизация коммуникаций в социальных сетях

Шагидуллин Марсель Тальгатович
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия, MTShagidullin@kpfu.ru

Современные университеты сталкиваются с необходимостью цифровой трансформации HR-процессов. Социальные сети стали основной площадкой студенческой коммуникации, где возникает 78% конфликтов [1]. Это требует новых подходов к управлению цифровыми взаимодействиями.

Объем коммуникаций в университетских чатах делает традиционные методы модерации малоэффективными. Ежедневно возникают десятки спорных ситуаций, требующих оперативного вмешательства [2]. Автоматизированные системы мониторинга позволяют обрабатывать до нескольких тысяч сообщений в день [3].

Технологии на основе NLP демонстрируют способность выявлять не только явные нарушения, но и скрытые конфликты. Алгоритмы анализируют эмоциональную окраску сообщений и прогнозируют эскалацию напряженности. В МГУ подобная система сократила время реагирования на конфликты на 35% [1].

Оптимизация HR-процессов включает два ключевых направления. Автоматизация обработки обращений снижает нагрузку на сотрудников, а систематизация данных помогает выявлять повторяющиеся проблемы. Анализ переписок выявил, что 60% конфликтов связаны с недопониманием учебных требований [2].

Этические аспекты внедрения AI требуют особого внимания. Проблемы конфиденциальности данных и алгоритмической предвзятости остаются ключевыми вызовами. Правовое регулирование должно учитывать как федеральное законодательство, так и внутренние стандарты вузов [3].

Около 40% студентов скептически относятся к автоматизированной модерации, предпочитая человеческое участие [1]. Это обусловлено недоверием к алгоритмам и опасениями чрезмерного контроля.

Гибридная модель, сочетающая AI-анализ с экспертной оценкой, показывает наибольшую эффективность. Такие системы используют машинное обучение для первичной обработки данных с последующим подключением специалистов.

Перспективы развития связаны с совершенствованием эмоционального интеллекта алгоритмов. Ожидается появление систем, способных не только выявлять, но и предлагать сценарии урегулирования конфликтов [2].

Успешное внедрение требует поэтапного тестирования и разработки четких этических норм и правил. Прозрачность работы алгоритмов и информирование участников образовательного процесса остаются критически важными факторами.

Развитие таких систем открывает возможности для создания цифровых медиаторов нового поколения. Эти инструменты смогут не только фиксировать конфликтные ситуации, но и моделировать различные варианты их разрешения, учитывая предыдущий опыт и специфику образовательной среды. Особое значение приобретает адаптивность алгоритмов к особенностям коммуникации в разных студенческих сообществах.

Важным направлением становится интеграция AI-систем с существующими платформами управления обучением (LMS). Это позволит создавать единое цифровое пространство для мониторинга и управления коммуникациями. Анализ данных из различных источников даст более полную картину взаимодействий между участниками образовательного процесса.

Особую сложность представляет обработка неструктурированных данных – сообщений в мессенджерах, комментариев в соцсетях, голосовых обращений. Современные алгоритмы машинного обучения демонстрируют растущую эффективность в анализе таких форматов коммуникации. Это открывает новые возможности для выявления латентных конфликтов на ранних стадиях.

Ключевым аспектом остается обеспечение персонализированного подхода в цифровой среде. Системы должны учитывать культурные, языковые и индивидуальные особенности участников коммуникации. Развитие технологий распознавания контекста и смысловых нюансов позволит избежать шаблонных решений в урегулировании конфликтов.

В долгосрочной перспективе ожидается формирование экосистемы цифровых инструментов для управления коммуникациями в вузах. Такая экосистема будет сочетать элементы предиктивной аналитики, автоматизированной модерации и интеллектуальной поддержки принятия решений. Это потребует разработки новых стандартов взаимодействия между технологическими решениями и участниками образовательного процесса.

Список литературы:

1. Клячко Т.Л., Семин В.Л. Цифровые технологии в управлении персоналом университетов // Университетское управление: практика и анализ. 2023. Т. 27. № 1. С. 6-18
2. Шарков Ф.И., Ткачев В.А. Искусственный интеллект в управлении коммуникационными рисками образовательных организаций // Коммуникология. 2022. Т. 10. № 4. С. 135-150.
3. Искусственный интеллект и цифровая этика: руководство для университетов / Под ред. М.А. Лисюткина. М.: Изд. дом ВШЭ, 2023. 89 с.

Theoretical construction of talent profiles: data-driven dynamic talent assessment system

Liu Ziqi

School of Business Belarus State University
Minsk, Belarus, 8610084@gmail.com

The theoretical foundation of talent profiling can be traced back to the concept of 'customer profiling' in consumer behaviour research, which focuses on using data modelling to accurately describe target subjects. E-commerce platforms utilise user behaviour data (such as browsing paths and purchasing preferences) to build customer profiles for precise marketing; in the field of human resources, managers strive to build talent profiles through multi-dimensional employee data (including static attributes, dynamic behaviour, and performance metrics), applying this technology to talent identification within organisations. This is not merely a tool migration but a paradigm shift in management philosophy—from experience-driven to data-driven, and from viewing talent as static human resource reserves to attempting to dynamically define talent capabilities to meet the agility requirements of the digital economy era.

Here we break down the core logic of talent profiling into three layers[1]. First is the traditional data layer, where we traditionally need to integrate structured and unstructured data such as employee educational background, project experience, and performance trajectories to build as comprehensive a 'database' as possible. At this stage, we must go beyond simple information aggregation by standardising static attributes (e.g., coding computer science degrees from the top 100 QS-ranked universities as Q1-level qualifications) and extracting dynamic behavioural characteristics (e.g., using lightweight natural language processing technology to match keywords from project reports and evaluations to identify key experiences). The core tasks of this stage include: converting raw information into computable unit labels and establishing hierarchical coding rules; implementing missing data handling rules, where missing data is marked with a 'negative label' (e.g., 'education unverified') to prevent algorithmic bias caused by automatic filling. Simultaneously, establish a label confidence grading system (e.g., AI annotations with confidence below 80% trigger manual review prompts).

Secondly, at the insight level, we need to extract key talent characteristics based on strategic requirements (e.g., 'age of striving' and 'key experiences'), and through decoding strategic statements, convert abstract qualities into quantifiable specific standards. For example, the strategic statement 'expanding new markets' can be converted into 'having cross-regional project coordination experience.' At the same time, given that strategic labels are often dynamic and lag behind business changes—for example, a company may need technically specialised personnel in the early stages of digital transformation, but later require talent with change-driving capabilities—to address the above issues, a dynamic weighting mechanism should be adopted. This could involve effectively quantifying the weights of strategic dimensions and introducing a decay algorithm to automatically

reduce the weights of relevant labels when business directions change, such as a 1% monthly decay in traditional channel-related business experience.

Third, when it comes to the algorithmic level, we must address the fallacy of 'multi-condition queries,' which simplifies talent assessment into a combination of conditions. This is essentially a reductionist mindset that largely overlooks the impact of non-linear interactions between data. For example, the combination of 'high education + 5 years of experience' may not be as advantageous as 'average education + key project leader.' The advantage of algorithms lies in their ability to identify implicit associations through feature cross-analysis. For instance, they can easily recognise the non-linear relationship between 'participation in supply chain crisis management' and 'high-potential leader.' Therefore, at this level, we need to utilise machine learning models to achieve label matching and dynamic weight calculation, thereby breaking through the simple 'multi-condition query' model of traditional digital information systems and enabling cross-dimensional feature combinations.

Unlike traditional competency frameworks that rely on fixed standards, talent profiling views talent as an adaptive system, continuously updating assessments to reflect changing business needs. Therefore, talent profiling is not only a tool, but also an inevitable evolution in human resource management, integrating data, insights, and algorithmic precision to meet the flexibility requirements of the digital economy. Its value lies in transforming subjective, experience-driven practices into scalable and objective dynamic systems [2].

Список литературы:

1. Xiao Junxiong. Research on the application of the three-pillar model of human resource management in company G [D]. Nanchang University 2020.
2. Chakraborty, T., Sharada, V. S. Optimizing Talent Acquisition: The Synergy of AI and Human Expertise in Creating Enhanced Candidate Experience. // Modern Trends and Future Innovation in Human Resource Management. – 2025.. – DOI: 10.4018/979-8-3693-6402-4.ch009.

Секция 8.

Молодёжь в науке: тренды и перспективы решения социально-экономических проблем

Об оперативном контроле технического качества агрегированных медицинских данных

Агуреев Алексей Михайлович
Первый Московский государственный медицинский
университет имени И.М. Сеченова
Москва, Россия, agureev_a_m@student.sechenov.ru

Качество данных определяется как степень их пригодности для использования [1]. В здравоохранении качество медицинской статистики критически важно для достоверной аналитики и принятия взвешенных клинических или управленческих решений [3]. Тем не менее вопрос качества данных по-прежнему остается насущной проблемой развития цифровой составляющей современного российского здравоохранения [4]. Обусловлено это в первую очередь неоднородной природой регистрации показателей в статистических формах. Рабочими группами предложено до десятков параметров качества, но единый подход к их измерению отсутствует, а оценка во многом зависит от контекста использования данных [5]. Для оценки поступающих наборов данных из всех субъектов РФ, требуется единый стандарт первичного технического оперативного контроля – метрики, позволяющие системно оценивать пригодность уже полученных данных для использования.

В качестве решения проблемы предлагается технический интеграционный модуль для потребителей данных с элементарной метамоделью *DQ*-метрик (Data Quality metrics) в основе. Подобный подход охватывает основные измерения (аспекты) качества данных и приводит их к обобщённому показателю. Все количественные оценки приведены в относительных единицах (0–1 или проценты) с целью упростить сопоставление показателей и использовать единый порог приемлемости качества данных.

Метрики качества данных

Полнота данных – степень, в которой набор данных содержит все необходимые сведения. Рассчитывается как доля заполненных обязательных полей из общего числа требуемых:

$$Q_{\text{полн}} = 1 - \frac{N_{\text{заполненных полей}}}{N_{\text{обязательных полей}}}, (1)$$

Допустимость данных – соответствие значений установленным форматам, диапазонам и бизнес-правилам (валидность). Метрика допустимости определяется как доля значений, удовлетворяющих всем заданным правилам контроля качества:

$$Q_{\text{допуст}} = 1 - \frac{N_{\text{валидных значений}}}{N_{\text{всех значений}}}. (2)$$

Согласованность данных – непротиворечивость и логическая согласованность элементов внутри набора. Для оценки вычисляется доля записей, не содержащих выявленных противоречий, от общего числа проверенных записей:

$$Q_{\text{согл}} = 1 - \frac{N_{\text{противоречивых записей}}}{N_{\text{всех проверенных записей}}}. (3)$$

Примером несогласованности может быть указание в одном поле даты госпитализации, более поздней, чем дата выписки того же пациента.

Своевременность данных – актуальность и оперативность обновления информации. Оценка своевременности определяется как доля данных, загруженных (или обновлённых) в установленный допустимый промежуток времени:

$$Q_{\text{своевр}} = 1 - \frac{N_{\text{записей, своевременно обновленных}}}{N_{\text{всех записей}}}. (4)$$

Например, если регламент предусматривает ежемесячное обновление региональных сведений о случаях инфаркта, но лишь 90% записей за год поступили в целевую информационную систему в срок (остальные с опозданием), то $Q_{\text{своевр}} = 0,90$.

Уникальность данных – отсутствие дублирующих записей об одном объекте. Метрика уникальности рассчитывается как доля уникальных записей (без дубликатов) в наборе:

$$Q_{\text{уник}} = 1 - \frac{N_{\text{дубликатов}}}{N_{\text{всех записей}}}. (5)$$

Устойчивость к выбросам – степень, в которой данные не содержат аномальных экстремальных значений (*выбросов*), либо устойчивость сводных показателей к влиянию таких выбросов. Показателем служит доля данных, не помеченных как выбросы статистическими критериями:

$$Q_{\text{устойч}} = 1 - \frac{N_{\text{выбросов}}}{N_{\text{наблюдений}}}. (6)$$

Критерии выявления выбросов задаются экспертно (например, значения сердечного ритма вне диапазона трех сигм от среднего по выборке могут считаться выбросами). Чем ближе $Q_{\text{устойч}}$ к 1, тем надёжнее интегральные оценки на основе данных.

Каждый из приведённых частных показателей характеризует отдельный аспект качества данных. Комплексное представление о состоянии качества достигается посредством интегральной метрики. Интегральный показатель качества $Q_{\text{кач}}$ можно вычислить как среднее значение всех DQ -метрик либо их взвешенное среднее (если некоторым аспектам придаётся больший вес):

$$Q_{\text{кач}} = \frac{\sum_{i=1}^m w_i Q_i}{\sum_{i=1}^m w_i}, m = 6 \quad (7)$$

где Q_i – частные показатели качества (для m измерений, здесь $m=6$), w_i – веса показателей. При равных весах $Q_{\text{кач}}$ вычисляется как простое среднее арифметическое метрик.

Подобный интегральный индекс обеспечивает сводную количественную оценку пригодности данных к использованию. Если $Q_{\text{кач}}$ опускается ниже норматива (например, 0,8), это служит сигналом о неудовлетворительном качестве поступающих данных.

Заключение

Предложенная метамодель DQ -метрик представляет собой один из вариантов оперативного мониторинга качества агрегированных медицинских данных в виде количественных метрик с понятными интерпретациями. На основе этих показателей вычисляется интегральный индекс качества данных $Q_{\text{кач}}$, позволяющий в режиме реального времени отслеживать общее состояние поступающих форм из субъектов РФ. В случае снижения показателей ниже установленного норматива обретают свою целесообразность внеплановые методологические разъяснения с администраторами или главами региональных министерств здравоохранения по профильным направлениям [2].

Список литературы:

1. Семенова В.Г., Гаврилова Н.С., Евдокушина Г.Н., Гаврилов Л.А. Качество медико-статистических данных как проблема современного российского здравоохранения // Болезни органов пищеварения. – Т. 2. – №. 3. – С. 2-3.
2. Голубев Н. А., Поликарпов А. В., Огрызко Е. В., Шикина И. Б., Захарченко О. О. Исторические аспекты методологии сбора и обработки медико-статистической информации в Российской Федерации // Социальные аспекты здоровья населения. 2022. Т. 68, № 5. С. 13. DOI: 10.21045/2071-5021-2022-68-5-13
3. Кобякова О. С., Поликарпов А. В., Голубев Н. А. и др. Трансформация медицинской статистики в период пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29, № 6. С. 1439–1445. DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-6-1439-1445

4. Голубев Н. А., Огрызко Е. В., Поликарпов А. В. и др. Актуальное состояние службы медицинской статистики в Российской Федерации за 2014–2023 гг. // Социальные аспекты здоровья населения. 2024. Т. 70, спецвып. S5. С. 1–10. DOI: 10.21045/2071-5021-2024-70-S5-1
5. Жгун Т. В., Жгун А. А., Проузи Д. К. Эффективные метрики качества статистических данных // Труды конференции “Mathematical Methods in the Analysis of Complex Systems” (MLSD-2023). Москва: ИПУ РАН, 2023. С. 1535–1543. DOI: 10.25728/mlsd.2023.1535

К вопросу о легитимации деятельности precarious как новой социальной страты (на примере фрилансеров)

Баранов Николай Вадимович

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия, baranovnv@my.msu.ru

После пандемии COVID-19 россияне стали чаще рассматривать практику фриланса в положительном ключе. По данным ВЦИОМ, респондентов привлекает возможность работы по гибкому графику и получать доход за выполненные заказы [3]. При этом наблюдается осознанность условий работы на фрилансе. Фрилансер должен обладать навыками планирования, менеджмента и иметь внутренний локус-контроля, чтобы самостоятельно выстраивать свою работу на рынке труда. У него нет правил организаций, которые могли бы создать для него нормативные рамки и обеспечить стабильность. Наемный работник сам себе является начальником и несет ответственность в случае провала.

Сегодня фриланс является актуальной темой для социологического анализа. Несмотря на активное распространение практики фриланса и ее эмпирическую разработанность остается ряд практических проблем, требующих критического анализа и осмысленного решения [4]. Одной из данных проблем является выведение фрилансеров из теневой экономики.

С одной стороны, фрилансеры, которые перешли на данную форму занятости вынужденно и подвержены явной форме precarious занятости, могут оставаться в секторе теневой экономики из-за отсутствия возможности развития своей горизонтальной карьеры – выстраивания базы заказчиков, для получения стабильного заработка, например. Их труд остается невостребованным на рынке труда, в результате чего регистрация деятельности не представляется возможной. Подобного рода фрилансеры являются отражением стиля жизни precarious «текучей современности», обозначенной З. Бауманом [1].

С другой стороны, фрилансеры, получающие развитие в рамках горизонтальной карьеры и подверженные латентной форме precarious занятости, могут осознанно уходить от уплаты налогов. Их осознанный выбор

не оплачивать налог влечет за собою уголовную ответственность по статье 199 Уголовного Кодекса РФ [5]. При этом фрилансеры, вне зависимости от причины нелегитимации своей деятельности в статусе самозанятого, входят в состав прекариата. В случае ошибки, инцидента или неверно принятого решения представители фриланса несут ответственность за свои риски и не способны обратиться к социальным институтам за помощью и правовой поддержкой [2].

Создание нормативной базы, легитимизирующей доходы фрилансеров и выводящей представителей данной социальной группы из теневой экономики, является важным шагом по преодолению прекарной занятости в современном российском обществе [6].

Список литературы:

1. Бауман З. Ретротопия /Зигмунт Бауман; пер. с англ. В.Л. Силаевой; под науч. Ред. О.А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019. С. 52.
2. От прекарной занятости к прекаризации жизни. Коллективная монография / Под ред. Ж.Т. Тощенко. Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. 364 с.
3. Россияне полюбили фриланс. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-polyubili-frilans> (дата обращения: 16.04.2025).
4. Стребков Д. О., Шевчук, А. В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости [Текст] / Д. О. Стребков, А. В. Шевчук; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 527 с.
5. УК РФ Статья 199. Уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией - плательщиком страховых взносов [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/a53c2c91548ccb4f65ea933d514845a09be77ed5/ (дата обращения: 16.04.25).
6. Федеральный закон "О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход" от 27.11.2018 N 422-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/ (дата обращения: 16.04.2025).

Между алгоритмами и амбициями: сравнительный анализ реакций студентов технических и гуманитарных направлений на экспансию ИИ

Белозерова Ирина Ильинична

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия, kira.i.belozerova@gmail.com

Искусственный интеллект радикально трансформирует рынок труда, заставляя пересматривать традиционные представления о занятости. В данной работе анализируется восприятие ИИ среди студентов технических (факультет вычислительной математики и кибернетики) и гуманитарных специальностей МГУ имени М.В. Ломоносова, выявляются ключевые различия в их реакциях на технологические изменения. Методология включала двадцать полуструктурированных интервью (по десять для каждой группы), которые были проанализированы с помощью тематического анализа. Результаты показали, что обе группы испытывают тревогу, но её природа различается: студенты ВМК видят в ИИ инструмент для карьерного роста, тогда как гуманитарии воспринимают его как угрозу творческим и коммуникативным профессиям [3].

Современные студенты воспринимают угрозы ИИ для занятости через призму своей профессиональной подготовки, что создаёт принципиально разные картины тревожности. Студенты технических направлений, хотя и признают риски автоматизации начальных позиций, сохраняют уверенность: их спасает вера в силу портфолио и постоянное совершенствование профессиональных навыков. Для них ИИ – скорее вызов, требующий адаптации, чем экзистенциальная угроза. Гуманитарии же сталкиваются с более глубокой тревогой: их пугает не просто конкуренция с алгоритмами, а фундаментальное обесценивание творческого и эмоционального труда – того, что они считают сугубо человеческим [2].

Этот раскол проявляется и в стратегиях адаптации. Программисты опираются на культ личной ответственности, типичный для STEM-сообществ [1]: «Не успеешь освоить новые инструменты – останешься за бортом». Гуманитарии, напротив, ждут системной поддержки от университетов, справедливо отмечая, что их программы не дают даже базовой цифровой грамотности. Парадоксально, но открытые образовательные ресурсы, которые технические студенты считают панацеей, для многих гуманитариев остаются неизведанной территорией – не из-за лени, а из-за отсутствия методологической поддержки.

Особого внимания заслуживает эмоциональный пласт проблемы. Если студенты технических направлений трезво оценивают риски цифровой зависимости (например, от чат-ботов), то студенты гуманитарных направлений демонстрируют почти экзистенциальный ужас перед девальвацией человеческих отношений. Их пугает не столько потеря работы,

сколько перспектива мира, где «искусственный собеседник станет важнее живого». При этом обе группы сходятся в осторожном оптимизме: ИИ воспринимается как неизбежный партнёр, но только при сохранении человеческой монополии на этику, креативность и эмпатию.

Практическая значимость исследования заключается в обосновании необходимости дифференцированного подхода к подготовке студентов в условиях цифровой трансформации. Для технических направлений актуально углубление эτικο-философских аспектов работы с ИИ, в то время как гуманитарные программы требуют внедрения практико-ориентированных модулей цифровой грамотности.

Результаты подчёркивают важность комплексного подхода к цифровой трансформации образования, учитывающего технологические и социально-психологические аспекты адаптации к новым реалиям рынка труда.

Список литературы:

1. Brynjolfsson E., McAfee A. The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. W. W. Norton, 2014.
2. Frey, C. and Osborne, M. (2017) The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerization? Technological Forecasting & Social Change, 114, 254-280.
3. World Economic Forum. The Future of Jobs Report 2023. Geneva: WEF, 2023.

Проблема повышения рождаемости: перспективы и предложения

Бушуева Мирослава Александровна
Российский Университет Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Россия, miroslava.bushueva77@gmail.com

Несмотря на большое количество реализованных и планируемых мер, их эффективность ограничивается системными проблемами – от экономических до культурных сдвигов. Для решения демографического кризиса требуется не просто корректировка существующих мер, но и радикальное переосмысление подходов к семейной политике.

В 2023 году в докладе первого замминистра труда и соцзащиты Ольги Баталиной было предложено шесть блоков мер, среди которых: улучшение жилищных условий семей с детьми, утверждение локальных программ по повышению рождаемости в регионах, создание условий, позволяющих совмещать карьеру и семью, закрепление гарантий для многодетных семей, формирование установок на повышение значимости семьи и брака [1]. Однако, статистика за 2024 год показала, что введение подобных инициатив –

долгосрочный и трудоёмкий процесс, требующий значительных финансовых вложений и системной работы по изменению общественных установок.

В мае 2024 года президент РФ подписал Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», в котором определен ряд целевых показателей, выполнение которых символизирует достижение поставленных национальных целей. Основными из них являются «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи», «Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности», «Комфортная и безопасная среда для жизни», «Экологическое благополучие» и другие [2]. Указ имеет большое значение для демографической политики, поскольку в нём отражены перспективы развития страны на ближайшие годы, причём акцент сделан не только на количественные показатели (повышение СКР до 1,6 к 2030 году и до 1,8 к 2036), но и на качество жизни населения.

В публичной дискуссии периодически звучат предложения о внедрении налога на бездетность, существовавшего в СССР с 1941 по 1992 год. В октябре 2024 года депутат Госдумы Андрей Гурулев выступил с подобным предложением [3]. В этом же месяце директор института социально-экономических исследований Финансового университета при Правительстве РФ Алексей Зубец выразил мнение относительно предполагаемой суммы налога: она должна составлять примерно 30–40 тысяч рублей в месяц [4].

На фоне дебатов о введении налоговых мер в целях стимулирования рождаемости отдельным пунктом в общественной дискуссии остаётся вопрос правового регулирования аборт. Сторонники инициативы аргументируют свой выбор защитой права плода на жизнь и сохранением традиционных ценностей, а критики акцентируют внимание на последствиях и рисках, среди которых рост небезопасных для здоровья женщин подпольных абортов и увеличение материнской смертности. Несмотря на спорный этический аспект, обсуждение подобных инициатив отражает поиск нестандартных решений.

Для комплексного решения демографических вызовов ключевое значение имеет введение грамотных мер поддержки семей на разных уровнях, то есть одновременное действие экономических, социальных и культурных факторов, так или иначе влияющих на формирование репродуктивных установок.

В рамках исследования предложена авторская классификация мер, систематизированная по ключевым направлениям воздействия. Финансовое направление включает прямые выплаты: увеличение материального капитала, введение универсальной послеродовой выплаты, пособия по беременности и родам и уходу до трёх лет, компенсации затрат по сбору ребёнка в школу. Имущественное направление объединяет инструменты улучшения жилищных условий: льготную семейную ипотеку и субсидии на жильё. Медицинское направление фокусируется на репродуктивном здоровье: повышение номинала родового сертификата и расширение квот на ЭКО. Социально-налоговое направление охватывает фискальные льготы (спецвычет по НДФЛ до 30% для семей с детьми) и социальные гарантии (зачёт отпуска по уходу в

стаж). Правовое направление содержит гарантии трудовой стабильности (ограничение на увольнение родителей детей до 16 лет) и право на бесплатное повышение квалификации. Культурное направление включает образовательные («семьеведение» в старших классах) и просветительские инициативы (психологическая поддержка, введение курсов по уходу за ребёнком).

Эксперты отмечают, что даже при хорошем раскладе демографические результаты проявятся не ранее чем через 5–7 лет. Таким образом, данный процесс требует от государства последовательности в реализации мер. Более того, сложность добавляет специфика в различии регионов – уровень жизни, культурные традиции, развитость инфраструктуры в каждом субъекте РФ – лишь малая часть аспектов, под которые стоит адаптировать федеральные инициативы.

Список литературы:

1. Официальный сайт газеты «Ведомости» // Минтруд анонсировал шесть блоков мер для повышения рождаемости. – 2024. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/05/30/977640-mintrud-anonsiroval-shest-blokov-mer-dlya-povisheniya> (дата обращения: 15.05.2025)
2. Президент России // Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. – 2024. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 15.05.2025)
3. Информационное агентство Ура.ру, официальный сайт // Депутат Госдумы хочет ввести налог на бездетность. – 2024. – URL: <https://ura.news/news/1052825461> (дата обращения: 17.05.2025)
4. Сетевое издание «Проспект Мира» // Экономист заявил, что налог на бездетность должен быть 40 тысяч. – 2024. – URL: <https://prmira.ru/news/2024-10-11/ekonomist-zayavil-chto-nalog-na-bezdetnost-dolzhen-byt-40-tysyach-lyudi-ego-obrugali-5219050> (дата обращения: 17.05.2025)

Потенциал молодёжного предпринимательства в контексте демографического развития Свердловской области

Валявин Михаил Андреевич

Уральский федеральный университет им. первого Президента России

Б.Н. Ельцина

Екатеринбург, Россия, mikhail.valiavin@urfu.ru

В истории современной России о молодёжном предпринимательстве начали говорить относительно недавно. Во многом это связано с поздним появлением понятия «молодёжная политика» – во второй половине XX-века, и как следствие, в истории нашей страны термин «молодёжное предпринимательство» за последние 5 лет становится самостоятельной социальной практикой. Вместе с этим, оно характеризуется отсутствием четкого и унифицированного законодательного определения и фигурирует в отдельных нормативно-правовых актах (например, в «Стратегии реализации молодёжной политики до 2030 года» [1]). С одной стороны, это свидетельствует о слабой проработанности статуса «молодёжное предпринимательство», а, с другой стороны, о высоком потенциале молодёжи как социально-демографической группы.

Отметим, что за последние годы в Свердловской области сложилась положительная ситуация с развитием молодёжного предпринимательства: доля молодых предпринимателей за последние 5 лет увеличилась на 10,6%; было организовано более 20 000 предприятий малого и среднего бизнеса, организационно-правовая форма которых является приоритетной для выбора предпринимательской деятельности молодыми людьми [2]. Данная статистика создаёт определённые предпосылки к социологическому изучению молодёжного предпринимательства не только с экономической, но и с социально-демографической позиции.

Во-первых, молодые предприниматели участвуют в репродуктивном воспроизводстве населения, поскольку высокая социальная и экономическая активность способствует формированию устойчивых жизненных стратегий, связанных с созданием семьи и рождением детей.

Во-вторых, молодёжное предпринимательство формирует мотивацию к долгосрочному проживанию в регионе, снижая миграционные настроения и способствуя закреплению молодых специалистов на территории Свердловской области.

В-третьих, развитие молодёжного бизнеса способствует повышению уровня занятости среди молодёжи, созданию новых рабочих мест и росту экономической самостоятельности молодых людей, что, в свою очередь, положительно влияет на социальную стабильность и демографические перспективы региона.

В-четвёртых, предпринимательская деятельность молодых людей способствует формированию инновационного потенциала региона, развитию

креативных отраслей и поддержке социальной мобильности, что актуализирует процессы демографического и экономического обновления.

В целом, считаем, что реализация личностного потенциала молодых предпринимателей, ускорение процесса социального становления, создание благоприятных условий служат демографическому развитию региона.

Список литературы:

1. Распоряжение Правительства РФ от 17 августа 2024 г. № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472162/ (дата обращения: 08.06.2025).
2. Министерство инвестиций и развития Свердловской области [Электронный ресурс]. – Екатеринбург: Министерство инвестиций и развития Свердловской области, 2024. – URL: <https://mir.midural.ru/> (дата обращения: 08.06.2025).

Профессионально-образовательная мобильность современной молодежи: тенденции и подходы

Герасимова Ангелина Андреевна

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД Российской Федерации (МГИМО)
Москва, Россия, angelinkagerasimova.com@mail.ru

Современная молодежь все активнее вовлекается в процессы профессионально-образовательной мобильности, что обусловлено как глобальными изменениями на рынке труда, так и институционализацией требований к карьерному росту. Профессионально-образовательная мобильность представляет собой процесс перемещения индивида с целью получения новых знаний и навыков, необходимых для успешной адаптации в условиях экономики знаний и технологических трансформаций [1, с. 82].

Мобильность молодежи может быть как международной, так и внутринациональной. В международном контексте она стимулируется возможностью участия в академических программах, научных стажировках и трудовой миграции. При этом, как показывают данные социологических исследований, мотивация варьируется в зависимости от стран пребывания: от получения образования до стремления остаться за рубежом [1, с. 86]. Теоретическим основанием анализа мобильности выступает синергетическая парадигма, согласно которой мобильность рассматривается как нелинейный, вероятностный и многомерный процесс. В рамках этой парадигмы выделяются

как организованные формы мобильности, связанные с институтами, так и спонтанные, обусловленные самоорганизацией и личной рефлексией [1, с. 84].

Существующие модели анализа, включая концепции «магнитов», «обучения за рубежом» и «самостоятельных» перемещений, позволяют выделить три типа профессионально-образовательных потоков. Эти потоки формируются за счет студентов, преподавателей, аспирантов и молодых специалистов, которые перемещаются в пределах или за пределами страны для обучения или работы [1, с. 85].

Ключевыми факторами, стимулирующими мобильность, являются: участие в перспективных исследовательских проектах, соответствие требованиям международной академической среды, развитие социального капитала, а также доступ к современным научным инфраструктурам [1, с. 85]. Дополнительно, профессионально-образовательная мобильность способствует наращиванию человеческого капитала за счет приобретения уникальных знаний и расширения социальных связей [6; 7]. Особое внимание в работе уделено различиям между традиционной и новой экономикой. В условиях экономики знаний акцент смещается в сторону креативного труда, гибкой занятости и дистанционного образования. Это требует от молодежи гибкости, цифровой грамотности и готовности к непрерывному обучению.

Социологический опрос, проведенный Институтом социологии РАН, показывает, что наибольший интерес у молодежи вызывают страны с развитым технологическим сектором (ОАЭ, Турция, Грузия и др.). Главными мотивами миграции респонденты называют экономическую стабильность, возможность трудоустройства и карьерного роста [1, с. 86]. Тем не менее, наряду с возможностями, существуют и барьеры: недостаточная информированность, культурные различия, несовпадения в системах социальной поддержки, иммиграционные ограничения и различия в трудовых стандартах. Эти факторы могут ограничивать мобильность, особенно для уязвимых групп, включая молодых женщин-исследователей [1, с. 88].

Таким образом, профессионально-образовательная мобильность современной молодежи в России и за рубежом представляет собой сложное и многоуровневое явление. Оно требует междисциплинарного подхода, устойчивых институциональных решений и учета социокультурных особенностей. Развитие мобильности усиливает интеграцию молодых специалистов в глобальное сообщество, формирует устойчивый человеческий капитал и повышает конкурентоспособность страны на международной арене.

Список литературы:

1. Герасимова А.А. Профессионально-образовательная мобильность современной молодежи: современное понимание и ключевые тенденции // Теория и практика общественного развития. 2024. № 8. С. 82–89.
2. Зайцева А.А. Внутрirosсийская академическая мобильность студенческой молодежи // Nomothetika. 2023. Т. 48, № 4. С. 683–692. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2023-48-4-683-692>.

3. Иванов С.Ю., Иванова Д.В. Социально-профессиональная мобильность молодежи и гибкая занятость // Поиск. 2022. № 3 (92). С. 52–60.
4. Каймаразова А.К. Институциональное влияние образования на социальную мобильность молодежи // Социология. 2024. № 2. С. 158–163.
5. Капшук Е.А. и др. Образовательная миграция в современной России // Теория и практика общественного развития. 2022. № 3. С. 26–32. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.3.3>.
6. Herz A., Altissimo A. Understanding the structures of transnational youth im/mobility // Global Networks. 2021. Vol. 21, no. 3. P. 500–512. <https://doi.org/10.1111/glob.12315>.
7. Sartor S. Educational mobility in Canada, 1969–2016 // Canadian Review of Sociology. 2022. Vol. 59, no. S1. P. 98–117. <https://doi.org/10.1111/cars.12393>.
8. Schoon L., Burger K., Cook R. Educational mobility and co-agency // Journal of Adolescence. 2021. Vol. 89, no. 1. P. 74–83. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2021.04.004>.
9. Öz Ya. Learning (abroad) mobility in the European Union // Higher Education Quarterly. 2023. Vol. 77, no. 4. P. 969–984. <https://doi.org/10.1111/hequ.12457>.
10. Shnarbekova M.K. и др. Сравнительный анализ профессионально-ценностных установок молодежи России и Казахстана // Интеграция образования. 2023. Т. 27, № 2. С. 186–207. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.111.027.202302.186-207>.

Peer-outreach как инновационный подход к профилактике наркозависимости среди молодежи: теоретическое обоснование и перспективы внедрения

Жирнова Анна Юрьевна

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Россия, Zhirnova.ania@gmail.com

Тревожная статистика распространения наркотической зависимости среди молодого населения граждан иллюстрирует одну из наиболее острых социальных проблем современного мира. Инъекционное употребление наркотиков, затронувшее в 2022 году, по оценкам, 13,9 млн человек (преимущественно в Северной Америке и регионах Восточной и Юго-Восточной Азии), является существенным фактором риска гемоконтактных инфекций: высокая доля ЛНИ, живущих с ВИЧ, по-прежнему приходится на Юго-Западную Азию (29,4%), Восточную Европу (25,6%) и на юг Африки (22,3%), причем эти показатели вдвое превышают среднеемировое значение (11,6%) [1]. Здесь же важно подчеркнуть, что реальная доля ВИЧ-инфицированных может

быть значительно выше, поскольку многие люди склонны не обращаться за помощью из-за социальной стигмы и страха быть поставленными на учет.

В России, согласно данным мониторингового опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2024 году, наибольшая доля респондентов, признавших наличие лиц с наркотической зависимостью в своем окружении, приходилась на возрастную группу 25–34 лет (16%), в то время, как в возрастной группе 18–24 лет данный показатель был существенно ниже (в 4 раза) и составлял 4% [2]. При этом относительно высокий уровень повторных госпитализаций (29,9%) за этот период является свидетельством ограниченной эффективности существующих терапевтических и реабилитационных программ и предполагает высокий риск последующих рецидивов [3].

Следовательно, ввиду ограниченной эффективности традиционных методов профилактики наркозависимости из-за недоверия к существующим программам, разработка инновационных подходов и реабилитационных мер является приоритетным направлением в целях выработки комплексной и сбалансированной стратегии борьбы с мировой проблемой наркомании.

На международном уровне имеет большой потенциал внедрение peer-outreach программ, основанных на принципе «равный-равному», где люди с опытом преодоления наркозависимости выступают в роли менторов для целевой аудитории, снижая вред от употребления наркотиков, предотвращая распространение ВИЧ/СПИДа и других инфекций, а также повышая доступ к социальной помощи и адресной поддержке подопечных. Сегодня данный подход опирается на несколько важных принципов: принципа доверия, коммуникационной доступности и социальной поддержки.

Результаты лонгитюдного исследования, проведенного А.В. Шаболтас в Санкт-Петербурге, подтверждают, что групповые тренинги, основанные на модели «обучение равный-равному», представляют собой культурно-адаптированную форму превенции ВИЧ/СПИДа для потребителей инъекционных наркотиков (ПИН) и членов их социальных сетей [4]. Данный подход учитывает специфику социального взаимодействия внутри этой группы населения, характеризующегося преобладанием тесных взаимосвязей в малых группах, объединенных общим опытом потребления наркотических веществ.

Международный опыт подтверждает перспективность peer-outreach программ. Например, в Великобритании и Нидерландах ряд проектных направлений социальной поддержки способствует комплексному повышению осведомленности о рисках, связанных с употреблением наркотических и психотропных веществ, снижению количества новых случаев заражения инфекционными заболеваниями и увеличению числа обращений за помощью в специализированные учреждения.

В Великобритании такие благотворительные организации, как «Cranstoun» и «Humankind Charity», комплексно поддерживают уязвимые группы населения, включая лиц с глубокой наркозависимостью или заболеванием на ранних стадиях развития. Особого внимания заслуживают программы фонда «Humankind Charity» – *Needle and Syringe Programs* и *Naloxone Training* [5].

Инициатива *Needle and Syringe Programs (NSP)* направлена на предотвращение распространения вирусов, передающихся через кровь, таких как ВИЧ и гепатит С, и снижение вреда, связанного с употреблением инъекционных наркотиков. В рамках данной программы реер-волонтеры осуществляют распространение расходных материалов (включая стерильные иглы и шприцы, контейнеры для безопасной утилизации острых предметов, стерильные тампоны и средства защиты сексуального здоровья), проводят обучение основам безопасного инъекционного употребления и предоставляют информацию о доступных центрах реабилитации и социальной помощи. По данным Всемирной организации здравоохранения, благодаря таким программам количество случаев передачи ВИЧ среди людей, употребляющих инъекционные наркотики, снижается на 18,6% в год [6]. В свою очередь, *Naloxone Training* представляет собой программу обучения потребителей наркотиков и их близких использованию налоксона (антидота при передозировке опиоидами).

В Нидерландах существует схожая по миссии организация «Medisch-sociale Dienst Heroïne Gebruikers» (MDHG), основанная в 1977 году в Амстердаме во время так называемой «героиновой эпидемии» [7]. Данная инициатива предлагает мобильную группу, включающую социальных работников, медицинский персонал, а также реер-специалистов, обладающих релевантным опытом работы с зависимыми людьми. Задача команды заключается в осуществлении комплексных мероприятий, направленных на минимизацию негативных последствий наркоупотребления в районах Амстердама с высокой концентрацией лиц, вызывающих тревогу и опасения. Помимо предоставления базовых услуг (распространения стерильных расходных материалов и оказания первой помощи при передозировках), MDHG фокусирует внимание на установлении доверительных отношений с целевой аудиторией и повышении ее информированности о доступных ресурсах медико-социальной поддержки, что в конечном итоге способствует улучшению общественного здоровья и снижению стигматизации наркозависимости.

Очевидно, внедрение *peer-outreach* программ представляется перспективным направлением в области профилактики и снижения вреда, связанного с употреблением наркотиков, ввиду потенциала данного подхода в формировании продуктивной коммуникации и обеспечении эффективного обмена информацией среди целевых групп населения. Тем не менее, этот процесс сопряжен с рядом новых вызовов, требующих научного и методологического обоснования для обеспечения устойчивого развития и популяризации *peer-outreach* практики.

Список литературы:

1. УНП ООН, Всемирный доклад о наркотиках // издание Организации Объединенных Наций, 2024. URL: <https://www.unodc.org> (дата обращения: 05.06.2025).

2. Наркотическая зависимость: мониторинг. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 2024. URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 05.06.2025).
3. Государственная статистика за 2024 год: Доля больных наркоманиями, повторно госпитализированных в течение года // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru> (дата обращения: 05.06.2025).
4. Шаболтас А.В. Программа групповой превенции ВИЧ/СПИД для наркопотребителей и членов их сетей на основе модели «обучение равный-равному»: результаты лонгитюдного исследования в Санкт-Петербурге // Теоретическая и экспериментальная психология, 2014. С. 15. URL: <https://tepsyj.ru> (дата обращения: 05.06.2025).
5. Humankind Impact Report 2021/22, 2022. URL: <https://humankindcharity.org.uk> (дата обращения: 06.06.2025).
6. Needle and syringe programs: HIV prevention // Alcohol and Drug Foundation, 2019. URL: <https://adf.org.au> (дата обращения: 06.06.2025).
7. Информация с официального сайта организации: Belagenvereniging Druggebruikers MDHG. URL: <https://www.mdhg.nl> (дата обращения: 06.06.2025).

Факторы роста интереса молодых социологов к исследованию «эзотерического»

Закиева Диана Эдуардовна
Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России
Москва, Россия, diana.zakieva@list.ru

Интерес молодых социологов к исследованию «эзотерического» рос с постпандемийного периода в 2022-е гг. На фоне «кризисной социальности» данного периода, характеризовавшимся всеми основными параметрами BANI-мира [4] (хрупкостью, непостижимостью, нелинейностью, тревожностью), общество обратило свой взор к «эзотерическому». Российские статистики бума популярности эзотерической литературы, эзотерических практик [1], а также роста курсов по эзотерическим направлениям [2] рисуют перед нами картину нового времени, в котором научное и религиозное знание было не в силах справиться с ответом на насущные вопросы общества. Молодые ученые не остались в стороне современных трендов и до сих пор посвящают свои выпускные магистерские, бакалаврские работы, проводят эмпирические исследования, публикуют научные статьи и изучают эзотерику через призму социологии.

В конце 2024 года автор данной статьи провел собственное кросс-культурное эмпирическое исследование, посвященное выбору молодых социологов исследовать «эзотерическое». Выборка составила 50 человек, в нее вошли молодые социологи с таких стран как Китай, Россия, Индия, Великобритания и Германия. Поиск иностранных респондентов осуществлялся с помощью поиска «эзотерических» статей через такие базы данных как Research Gate, Science Index, Web of Science по ключевым словам (эзотерика, Таро, таромантия, New Age, эзотеризм, западный эзотеризм, социология эзотерики, эзотерическое знание, эзотерические практики, рынок эзотерических услуг). Российские респонденты были найдены благодаря преподавательской деятельности научного руководителя автора и помощи в написании рецензий на магистерские диссертации (студенты МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ). Со всеми респондентами были проведены глубинные интервью, позволившие раскрыть интерес молодого социолога к изучению эзотерики с разных сторон. Среди социологических работ были отобраны преимущественно те, что были написаны за период 2022-2025 гг.

Самой популярной тематикой социологических исследований к 2025 году остаются расклады на картах Таро и рынок тарологических услуг. Среди приоритетных направлений иностранных исследований были выделены тематики, посвященные влиянию искусственного интеллекта на трансформацию эзотерических практик (процесс «одомашнивания» онлайн-гаданий с помощью цифровых медиа [5], влияние онлайн-платформ на распространение эзотерических практик [7], использование ИИ для автоматизации процесса онлайн-гадания [6]). В российской социологии был сделан акцент на социально-психологическое изучение эзотерических практик (сравнительное исследование вклада религиозных и эзотерических практик/верований в благополучие индивида [9], гендерные различия в предпочтении различных эзотерических практик [8]). Самыми популярными направлениями стали исследования, посвященные рынку эзотерических услуг (конструирование легитимности профессии эзотерика на рынке оккультно-магических услуг, магическое мышление как копинг-стратегия и метод психологической саморегуляции, специфика Интернет-маркетинга New Age движений). В отдельную группу вошли иностранные исследования междисциплинарного толка (семиотика эзотерических практик [10], особенности формирования эзотерического мироощущения [3]).

В результате глубинных интервью были выделены следующие факторы, способствующие выбору социологом эзотерической тематики для своих исследований:

- 1) Эзотерика – новое предметное поле для исследований (*«эзотерика – это новая и неизученная в область социологии, она очень популярна сейчас, я решила заниматься именно ее изучением, возможностей для развития множество»*)
- 2) Самостоятельный прошлый или настоящий опыт эзотерических практик (*«интересуюсь эзотерикой и очень ее люблю, хочу попробовать изучить ее с социологической точки зрения, наверное, открою много нового для себя»*)

- 3) Социально-психологическое реконструирование личности с помощью эзотерических практик (*«эзотерические практики часто стали применяться в психологии»*)
- 4) Попытки запрета эзотерических практик и желание изучить рынок эзотерических услуг как закрытого сегмента общества (*«на рынке эзотерических услуг огромное количество эзотериков и денежного оборота, также власти обратили внимание на популярность гаданий. Мне кажется, это безумно важно, понять как устроен эзотерический бизнес для дальнейшей помощи нашему обществу»*)
- 5) Популярность онлайн-гаданий как бесплатной альтернативы похода к психологу (*«люди верят в то, что посмотрев видео, их жизнь сразу станет лучше. Хочу своей работой показать, как работает манипуляция их сознанием»*)
- 6) Ослабление религиозного и научного мировоззрения (*«изучив эзотерику, надеюсь понять, почему люди перестали доверять науке и религии»*)

Обобщая результаты эмпирического исследования, мы можем сделать вывод о том, что несмотря на изобилие социологических работ, написанных до 2020-х гг. и посвященных эзотерике как особому типу мышления и мироощущения, большинство из них основаны на междисциплинарных теориях (культурология, религиоведение, философия). Тем не менее, благодаря активному развитию рынка эзотерических услуг и продвижению эзотериков в онлайн-пространстве, эзотерика как предметное поле открывает перед социологами новые возможности проведения исследований в онлайн-пространстве и изучения эзотерики через призму социологии И. Гофмана, процесса социального конструирования эзотерической реальности П. Бергера и Т. Лукмана, рассмотрению эзотерической культуры с помощью культуральной социологии Д. Александра, а также изучению рисков эзотеризации общественного сознания с помощью трудов У. Бека. Главным фактором, побуждающим социолога к изучению эзотерической тематики, в первую очередь является свой личный интерес и желание внести вклад в изучение не до конца раскрытых социологией явлений. Трудность в построении методологии для комплексного рассмотрения эзотерики, большой выбор противоречащих друг другу теорий, не станут препятствием для молодого ученого, а наоборот усилят его мотивацию к проведению исследования.

Список литературы:

1. Бутрин, Д. Как карты таро лягут. Четверть российского малого бизнеса видит смысл в эзотерических практиках.//Коммерсант. 2023. 11 октября.
2. Мингазов, С. Рост спроса на эзотерические знания опередил другие курсы онлайн-обучения в России [Электронный ресурс]. 2023.URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/484739-rost-sprosa-na-ezotericeskie->

znania-operedil-drugie-kursy-onlajn-obucenia-v-rossii (дата обращения: 07.06.2025).

3. Розин В.М. Опыт гуманитарного исследования эзотерики // Культура и искусство. 2019. № 11. С. 30–44.
4. Cascio J. Facing the Age of Chaos // Medium. URL: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d> (дата обращения 01.06.2025)].
5. Fu H., Li Y., Lee F. L. Techno-cultural domestication of online Tarot reading in contemporary China// Media, Culture & Society. 2022. Vol.45(1). P. 74–91
6. Lai Y., Zhou X. Trust Crisis or Algorithm Boost? An Investigation of Artificial Intelligence Divination Applications in China // Artificial Intelligence in HCI: 4th International Conference (Denmark, July 23–28, 2023) Copenhagen, 2023. P. 516–524.
7. Lawrence E. The Algorithm Holy: TikTok, Technomancy, and the Rise of Algorithmic Divination // Religions. 2024. Vol.15. P.435
8. Remsburg T., Scheitle C.P., Corcoran K.E. Witches, magic, and crystals: assessing differences in paranormal Beliefs and paranormal Engagement across sexual identity groups using National Survey Data //Sexuality & Culture. 2024. Vol. 28. P. 1238–1254
9. Sachdeva G. Contribution of religion and spirituality in the wellbeing of individuals // A pragmatic approach to religion and sustainability. New Approaches to the scientific study of religion. 2024. Vol. 15. Springer, Cham. P. 936–944.
10. Semetsky I. Interpreting the signs of the times: Beyond Jung // Social Semiotics. 2010. Vol. 26 (3). P. 103–120.

Роль средств массовой информации в преодолении проблемы супружеского насилия в современном российском обществе

Кирпикова Виктория Сергеевна
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия, viktoriya0130@mail.ru

В последние годы проблема супружеского насилия получила широкую огласку со стороны средств массовой информации. Это позволило натолкнуть общество смотреть на эту проблему не с точки зрения того, что «допускать подобное в собственной семье-стыдно», а с точки зрения того, что жертвой супружеского насилия может стать каждый из нас. И, если раньше тема супружеского насилия имела табуированный характер в лице многих индивидов, сейчас же она приняла роль одной из главных проблем, стоящих в

современном российском обществе. В тезисах обоснована необходимость социологического изучения влияния СМИ на формирование модели семьи у индивида.

«Супружеское насилие, являющееся видом общего феномена насилия представляет из себя действие или бездействие одного члена семьи над другим (супруг и супруга), которое исходит от наличия власти, которая сложилась в рамках определённых обстоятельств времени и места, несущая вредоносный характер, как физический, так и психологический для лица, подвергающемуся насилию, которое сопровождается нарушением прав и свободы личности, а также угрозой её здоровья и жизни» [3. С. 10]. Следуя из данного определения, стоит понимать, что оно является подвидом понятия «семейное/бытовое насилие», которое предполагает совершение насильственных деяний над одним из членов семьи.

Говоря о причинах возникновения супружеского насилия в современном российском обществе, стоит отметить, что большую роль играют те нормы и ценности, которые царят в нем. «По результатам исследований российского общества многие люди смотрят на проблему супружеского насилия с точки зрения того, что то, что происходит в семье – это личное дело каждого» [4. С. 389]. Такие взгляды неслучайны, ведь в обществе бытует большое количество стереотипов по типу: «бьёт – значит любит». «Исходя из данных предубеждений возникает и такой термин, как виктимблейминг – обвинение жертвы. Так, из-за некоего ярлыка, общество может встать на сторону насильника, оправдывая его действия, и зачастую обвиняя жертву в том, что она сама виновата, что избрала не ту модель поведения». «Нужная» модель поведения выстраивается большинством, исходя из ярлыков, распространённых в том или ином типе общества. Зачастую, люди приходят к виктимблеймингу для соответствия мнению большинства и из-за боязни остаться непонятым и одиноким в своих проблемах» [1. С. 80]. На наличие виктимблейминга в обществе влияют и *средства массовой информации* (СМИ). Варьируя данные и преподнося их под определённым углом, в социуме начинает образовываться определённое общественное мнение. Катастрофа этого процесса происходит в тот момент, когда информация касается обострённых проблем в обществе, о которых принято умалчивать, дабы не повредить свою репутацию и репутацию своих близких. Тема насилия в рамках современного российского общества набирает популярность в средствах массовой информации. Распространение данной проблемы даёт возможность услышать истории жертв супружеского насилия и проанализировать предпосылки зарождения данной проблемы в той или иной семье.

«Говоря о пагубном влиянии СМИ на сознание индивидов, примером может послужить пропаганда образа мужчины в качестве агрессора, который может применить насилие по отношению к ближнему исходя из тех обстоятельств, которые будут казаться для него наиболее уместными. При этом же женщина выступает чаще всего в качестве положительного героя, чье положение всегда будет оправдано в глазах общества» [2. С.39]. Тем самым, сконструировав тот или иной портрет мужчины и женщины, СМИ используют их в качестве привычного образца, который понятен обществу, но индивиды,

в свою очередь, порой не способны справиться с внушением некоего выдуманного «идеала», подражая которому, они начинают чувствовать внутренний конфликт интересов, который может отразиться на отношении к окружающим.

Так или иначе, средства массовой информации до сих пор остаются тем ресурсом, способным оказывать влияние на индивидов, а вместе с ними, и на социальные институты. СМИ важно помнить, что люди, воспринимая различную информацию, в последующем начинают её проецировать в собственной жизни. Поэтому так важно, чтобы данные, доносящиеся до народа, несли под собой ценностно-ориентированный характер, исходящий из устройства общественных организаций в современном российском обществе.

Список литературы:

1. Бендрикова А. Ю. Виктимблейминг: социологический аспект изучения / А. Ю. Бендрикова // Текст научной статьи по специальности «Социологические науки». 2018 г.
2. Кон И.С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире: (Конспект лекции, прочитанной автором в лектории МГУ им. М. В. Ломоносова) / И.С. Кон // Alma mater. М, 2001 г. № 11.
3. Методические рекомендации по организации и проведению мероприятий в рамках международной акции «16 дней действий против гендерного насилия» (из опыта Краевого кризисного центра для мужчин). Барнаул, 2005 г.
4. Усиление роли системы здравоохранения в реагировании на гендерное насилие в Восточной Европе и Центральной Азии [Электронный ресурс]: сборник материалов. 2014 г. URL: <https://eeca.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/WAVE-UNFPA-Report-RU.pdf> (дата обращения: 25.02.2025).

Трансформация внутрисемейного взаимодействия: новые модели родительства и их влияние на демографическое поведение

Коваленко Анастасия Сергеевна
Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия, kovaleenko43@gmail.com

Современное российское общество переживает значительные трансформации в сфере семейных отношений и родительства. Изменения в социальных, экономических и культурных условиях приводят к

переосмыслению традиционных ролей внутри семьи, что отражается на демографическом поведении населения. В России, как и во многих других странах, наблюдаются изменения в структурах семейного взаимодействия, обусловленные широким распространением цифровых технологий. Цель данной статьи – проанализировать новые модели родительства и их влияние на демографические процессы в России.

Развитие цифровых технологий оказывает значительное влияние на внутрисемейное взаимодействие. Семьи все чаще используют цифровые средства коммуникации для поддержания связей, особенно в условиях географической разобщенности. Цифровые технологии прочно вошли в жизнь российских семей, значительно упрощая и делая её комфортнее. Большинство россиян (81%) активно пользуются цифровыми сервисами, при этом более трети делают это каждый день [1]. Благодаря цифровизации семьи экономят время, могут совершать покупки и оплачивать счета, не выходя из дома, и имеют доступ к широкому выбору товаров и услуг по выгодным ценам. В условиях пандемии COVID-19 и последующих ограничений цифровые технологии стали основным средством поддержания семейных связей. Использование видеозвонков, мессенджеров и социальных сетей позволило семьям сохранять общение и совместную деятельность, несмотря на физическую разобщенность. Однако цифровизация также приводит к новым вызовам, включая снижение качества личного общения и возникновение цифровой зависимости у детей.

Традиционно в российском обществе роль отца ассоциировалась с функцией кормильца и дисциплинарного авторитета. Однако в последние десятилетия наблюдается смещение акцента в сторону более активного участия отцов в воспитании детей и эмоциональной поддержке. Согласно данным опросов, все больше мужчин стремятся участвовать в повседневной жизни своих детей, включая уход за ними и участие в образовательных мероприятиях. Роль отца в семье также претерпевает изменения под влиянием цифровизации. Современные отцы все чаще участвуют в воспитании детей, используя цифровые ресурсы для обучения, развлечения и общения. Согласно исследованию Фонда «Общественное мнение», 64% россиян говорят, что отец принимал активное участие в их воспитании, 25% – что не принимал [2]. Однако, несмотря на растущее участие отцов в жизни детей, сохраняются определенные барьеры. Например, мужчины в России по-прежнему неохотно берут декретный отпуск, что свидетельствует о сохраняющихся стереотипах и институциональных ограничениях [3].

Совместная опека после развода становится все более распространенной практикой в России. Это отражает изменение подходов к родительству, где оба родителя стремятся сохранять активное участие в жизни ребенка. Однако законодательные и социальные механизмы поддержки совместной опеки еще недостаточно развиты, что создает сложности в реализации данной модели.

Бабушки и дедушки традиционно играют значительную роль в воспитании внуков в России. Согласно исследованию ВЦИОМ, 83% россиян в детстве проводили время с бабушками и дедушками, причем среди зумеров этот показатель достигает 98%. Однако в последние годы наблюдается

тенденция к переосмыслению этой роли: 51% россиян считают, что старшее поколение должно помогать в воспитании внуков, в то время как 35% полагают, что пожилые люди должны сосредоточиться на собственной жизни [4]. В условиях цифровизации старшее поколение также осваивает новые технологии для поддержания связи с внуками. Использование видеозвонков и мессенджеров позволяет бабушкам и дедушкам участвовать в жизни внуков, несмотря на возможную физическую удаленность.

Изменения в моделях родительства оказывают влияние на демографическое поведение населения. Согласно данным Росстата, в 2017 году наблюдалось снижение доли респондентов, желающих иметь двоих детей, при одновременном увеличении доли тех, кто ожидает одного ребенка или вовсе не планирует детей. Это может быть связано с изменениями в семейных структурах и распределении родительских обязанностей, а также с экономическими и социальными факторами [5]. Цифровизация также влияет на репродуктивные установки молодежи. Доступ к информации, онлайн-образованию и карьерным возможностям может способствовать отложенному родительству и снижению рождаемости.

Трансформация внутрисемейного взаимодействия в России отражает более широкие социальные изменения, включая переосмысление ролей отцов, активное участие бабушек и дедушек в воспитании, а также влияние цифровизации на семейную жизнь. Эти изменения оказывают значительное влияние на демографическое поведение населения, включая репродуктивные установки и реализацию родительских функций. Регулярный мониторинг изменений в структуре семьи, ролях ее членов и демографическом поведении населения позволит своевременно выявлять новые потребности семей и разрабатывать эффективные меры по их поддержке.

Список литературы:

1. Наша цифровая повседневность // ВЦИОМ. 2024. [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasha-cifrovaja-povsednevnost> (дата обращения: 01.06.2025).
2. Роль отца в семье // ФОМ. 2021. [Электронный ресурс]. – URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14634> (дата обращения: 01.06.2025).
3. Большая семья, или деды и внуки // Демоскоп Weekly. 2020. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2020/0875/opros03.php> (дата обращения: 01.06.2025).
4. Бабушка XXI века // ВЦИОМ. 2024. [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/babushka-xxi-veka> (дата обращения: 01.06.2025).
5. Ростовская Т. К. Трансформация образа желаемой модели семьи у разных поколений: результаты всероссийского социологического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. № 20(2). С. 234 – 245.

Анализ технологии виртуальных респондентов

Кожоридзе Георгий Гочевич

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лулумбы
Москва, Россия, george.kozh@mail.ru

В последние годы искусственный интеллект (ИИ) стал неотъемлемой частью многих областей науки и практики, включая социологию. Стремительное развитие нейросетей и алгоритмов машинного обучения открывает новые горизонты для анализа социальных явлений, позволяя исследователям более эффективно обрабатывать большие объемы информации [1]. В то же время настолько быстрый темп развития ИИ и их бесконтрольное проникновение в самые разные сферы жизни, от медицины до маркетинга и образования, создает новые вызовы для научного сообщества [2].

В социологии одной из наиболее радикальных инноваций в этой области является внедрение так называемых виртуальных респондентов [3]. Эти цифровые симуляторы, созданные нейросетями и способные имитировать человеческое поведение, открывают новые горизонты для социологов, позволяя расширить выборку респондентов и повысить точность сбора данных [4].

В начале 2025 года в рамках исследования кино-предпочтений была проведена фокус-группа, во время которой в тестовом режиме использовалась данная технология. Темой фокус-группы были предпочтения нынешней молодежи в сфере фильмов и сериалов. Побочной целью данного исследования являлся анализ репрезентативности и эффективности ответов виртуального респондента в сравнении с мнениями реальных участников фокус-группы.

Исследование проводилось в формате фокус-группы, в которой участвовали 7 реальных респондентов и 1 виртуальный респондент. Участники были выбраны из числа молодежи в возрасте 18-25 лет, что соответствует целевой аудитории исследования. Фокус-группа состояла из пяти вопросов, касающихся любимых фильмов и сериалов, предпочтений в жанрах, нежелательных жанров, факторов выбора фильмов и влияния социальных трендов на кино-предпочтения. В процессе обсуждения модератор, как обычно, задавал вопросы, после чего озвучивал заранее подготовленные ответы, сгенерированные с помощью нейросети ChatGPT. Эти ответы служили в качестве симулированных респондентов, что позволило нам сравнить мнения реальных участников фокус-группы с данными, полученными от ИИ. При этом реальным участникам фокус-группы была дана возможность обсудить ответ ИИ, сравнивая его с собственными мнениями и оценив степень его репрезентативности. Таким образом, оценка метода виртуальных респондентов проводилась как самим исследователем, так и реальными респондентами.

Средняя оценка совпадения составила 3,2 из 5, что указывает на умеренное совпадение ответов ИИ с мнениями реальных респондентов. Это

указывает на то, что ИИ способен генерировать ответы, которые в значительной степени соответствуют мнению целевой аудитории, но есть области, где его ответы могут быть улучшены для более точного отражения предпочтений и мнений.

В качестве продолжения исследований возможностей использования ИИ в социологических исследованиях был проведен дополнительный эксперимент на основе данных уже другой фокус-группы, в рамках которой изучалось отношение респондентов к такому современному социальному феномену как “культура отмены” или “канселинг”. Целью эксперимента являлся анализ возможностей ИИ по восприятию уже полученной в ходе исследования информации для создания на ее основе новых образцов “виртуальных респондентов”. Иными словами, если в предыдущем примере нами были заранее созданы ответы виртуального респондента для предстоящей фокус-группы, то в этом примере уже после фокус-группы ответы реальных респондентов использовались для генерации обобщенного виртуального респондента. В фокус-группе приняли участие 9 реальных респондентов в возрасте 18-25 лет, которым было задано 9 вопросов касательно уровня их осведомленности о рассматриваемом феномене, опыте участия в кампаниях отмены а также отношении к канселингу. Транскрипция фокус-группы была загружена в нейросеть ChatGPT, которой было предложено составить агрегированного виртуального респондента на основе ответов участников исследования.

Таким образом, анализ соответствия собирательного ответа виртуального респондента с эмпирическими данными фокус-группы ожидаемо показал высокий уровень совпадения. По шкале Лайкерта (от 1 до 5) итоговая оценка составила 4,75, что свидетельствует о почти полном воспроизведении ключевых позиций и смыслов, озвученных участниками. Такие высокие результаты объясняются тем, что в данном примере перед ИИ стояла задача обобщить уже полученные данные из исследования с реальными участниками и сформировать на их основе нового виртуального респондента, выступающего от лица представителя аналогичной социально-демографической группы. В результате собирательный портрет респондента может выступать валидным обобщением качественных данных и быть использован для репрезентации типичной позиции участников.

Таким образом, для повышения эффективности технологии виртуального респондента целесообразно использовать оба описанных подхода: сперва провести пробный, «пилотажный» опрос или фокус-группу с реальными респондентами, загрузить результаты в нейросеть и, грамотно выставив параметры, агрегировать нового обобщенного виртуального респондента, который уже будет обучен на ответах реальных людей, а не на информации из интернета, и сможет генерировать более валидные ответы на вопросы по искомой теме.

Исследование выполнено при поддержке РУДН им. Патриса Лулумбы.

Список литературы:

1. Large language models as simulated economic agents: What can we learn from homo silicus? : National Bureau of Economic Research/пук. Horton J.J., 2023.
2. Using AI for Political Polling. [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://ash.harvard.edu/articles/using-ai-for-political-polling/> (дата обращения: 02.04.2025). World Bank. (2021). World Development Indicators: Internet Users (% of Population). Retrieved from <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS>
3. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. От социологии алгоритмов к социальной аналитике искусственной социальности: анализ кейсов API и ChatGPT//Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2023, От социологии алгоритмов к социальной аналитике искусственной социальности, N 3.
4. Искусственный интеллект в социологии. [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://sociologos.ru/blog/iskusstvennyy-intellekt-v-sotsiologii/> (дата обращения: 02.04.2025).

Проблемы семей в социально опасном положении: причины и решения

Коновалова Светлана Валентиновна,
Сытых Ольга Леонидовна
Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия, konovalovasv15@mail.ru

Семья, являясь базовой социальной ячейкой, играет ключевую роль в структуре общества, создавая систему взаимоотношений, определяющих мировосприятие и социальную идентичность индивида. Помимо эмоциональной поддержки, она выполняет важнейшие функции социализации, трансляции культурного наследия и формирования поведенческих паттернов. Именно в семейной среде происходит становление первичных социальных компетенций, закладывается фундамент личностного самоопределения и психологической стабильности.

Наиболее распространенным является определение семьи, данное отечественным социологом, философом А. Г. Харчевым – это исторически – конкретная система взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, малая социальная группа, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения [3, с. 188–189].

В условиях быстро меняющегося мира семья сталкивается с новыми вызовами и изменениями. Роль традиционных и современных моделей семьи трансформируется, тем не менее, в сердце каждой семьи остаются универсальные ценности: доверие, взаимопонимание и забота друг о друге. Эти элементы создают пространство для личностного роста и коллективной ответственности.

Семья играет ключевую роль в формировании личности ребенка, именно она является первой и наиболее значимой социальной средой, в которой он развивается. Взаимодействие с родителями, братьями и сестрами задает основы для формирования эмоционального интеллекта, социальных навыков и морали. С раннего возраста дети усваивают модели поведения взрослых, учатся различать добро и зло, понимая, что ожидания и границы задаются в рамках семейных отношений. Устойчивые эмоциональные связи с членами семьи создают чувство безопасности и уверенности, позволяя ребенку исследовать окружающий мир и строить собственные представления о нем. Кроме того, семья передает культурные и социальные нормы, которые формируют идентичность и роли индивида в обществе. Забота, поддержка и любовь родителей способствуют развитию самоуважения и уважения к другим, настраивая ребенка на положительное взаимодействие с внешним миром.

Таким образом, семья не только заботится о физических нуждах ребенка, но и формирует его внутренний мир, закладывая фундамент для будущих отношений и личностного роста в зрелом возрасте. Поэтому так важно, чтобы внутри семьи сохранялась атмосфера доверия, покоя и защищенности. Противоположная же атмосфера: недоверие, тревога, непонимание, – зачастую становится источником волнений и конфликтов, порождая глубокие психологические травмы, которые могут передаваться из поколения в поколение.

В условиях стресса, нехватки ресурсов или недостатка эмоциональной поддержки, члены семьи могут проявлять агрессию, манипуляции или пренебрежение друг к другу. Одной из причин девиантного поведения может стать непонимание и отсутствие эффективной коммуникации. Когда члены семьи не в состоянии открыто обсуждать свои чувства и проблемы, они прибегают к деструктивным поведенческим стратегиям как способу косвенного выражения эмоционального дискомфорта. Более того, социальные и культурные факторы, такие как влияние внешней среды, могут также способствовать возникновению девиантных моделей.

Вышеуказанные факторы могут привести к тому, что семья может оказаться в социально-опасном положении. По мнению доктора педагогических наук, профессора Л.Я.Олиференко, социально опасное положение – это такая обстановка в семье несовершеннолетнего ребенка, при которой может возникнуть опасность для него, его жизни или здоровья и которая не может удовлетворить потребности в его воспитании и содержании [1, с. 13].

Такая семья представляет собой сложный и многогранный феномен, отражающий не только индивидуальные судьбы, но и более глубокие социальные проблемы. Такие семьи часто сталкиваются с экономическими

трудностями, нехваткой ресурсов и поддержки, что усиливает их уязвимость в современном обществе. Отсутствие стабильного дохода, недостаточный доступ к образованию и медицинским услугам, а также негативные стереотипы, порой укоренившиеся в общественном сознании, делают жизнь этих людей особенно тяжелой. Дети, находящиеся в подобных условиях, лишены необходимых факторов для полноценного развития, что может привести не только к материальным, но и к психологическим последствиям.

Кандидат педагогических наук Т.П. Сеппянен трактует, что педагогическая профилактика социального неблагополучия детей – это система мер просветительского, образовательного, воспитательного, социокультурного характера, направленных на выявление, предупреждение, минимизацию и устранение причин и условий, способствующих возникновению социального неблагополучия детей; на формирование благоприятной социокультурной среды, препятствующей распространению социальных рисков; на усиление созидательной активности социальных институтов, принимающих участие в воспитании детей [2, с. 19].

Профилактика социального неблагополучия в семьях с низким уровнем дохода требует систематического подхода и комплексных мер.

Во-первых, важно создать доступ к образовательным ресурсам, которые могут помочь родителям повысить свои навыки и квалификацию. Профессиональное обучение и курсы переподготовки могут стать основой для улучшения экономического положения семьи.

Во-вторых, социальные службы должны активно вовлекать семьи в программы поддержки, такие как консультации по психологии и финансовому планированию. Психологическая поддержка помогает справляться с эмоциональными трудностями, что немаловажно для сохранения стабильной атмосферы в семье. Эффективные группы взаимопомощи также могут сыграть важную роль в укреплении социальной связности и взаимоподдержки.

Нельзя забывать о важности ранней профилактики проблем, связанных с детским неблагополучием. Мониторинг здоровья и успешности детей с помощью школьных и медицинских служб позволит выявлять и устранять трудности на ранних стадиях.

Важным шагом является создание благоприятной социальной среды, где дети могут чувствовать себя безопасно и защищено. Это можно достичь через развитие программ, направленных на воспитание толерантности и уважения среди сверстников, а также через вовлечение родителей в образовательные и культурные мероприятия.

Также важно организовать поддержку со стороны общественности. Создание молодежных сообществ и клубов по интересам способствует формированию позитивной социальной среды. Мысли о разделе ответственности помогают обеспечить безопасность детей и защитить их от негативного влияния, что в конечном итоге ведет к повышению качества их жизни и благополучия в обществе.

Стоит обратить внимание на роль местного сообщества в поддержке семей, находящихся в социально-опасном положении. Социальные инициативы, такие как волонтерские проекты и местные благотворительные организации, могут оказать значительное влияние на улучшение качества

жизни. Развитие партнерских отношений между государственными и частными структурами позволяет не только эффективно распределять ресурсы, но и выявлять потребности семей, обеспечивая целенаправленное вмешательство. Кроме того, следует отметить значение информационной доступности – многие семьи не знают о своих правах и возможностях получения помощи. Проведение просветительских мероприятий и создание информационных ресурсов помогут устранить этот пробел, предоставив родителям и детям знания о социальных услугах, которые могут им понадобиться.

Таким образом, комплексный подход к решению проблем семей, находящихся в трудной ситуации, требует совместных усилий всех участников – общества, государства и самих семей. Терапия, образование и взаимодействие играют ключевую роль в преодолении сложностей и создании условий для будущего благополучия.

Список литературы:

1. Олиференко Л. Я. Модели социальной адаптации и реабилитации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / Л.Я. Олиференко, Т.И. Шульга // Социальная педагогика. – 2019. – № 3. – С. 12–18.
2. Сеппянен Т. П. Специфика социально-педагогической подготовки специалистов к профилактике социальных отклонений у несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации / М.П. Гурьянова, Р.А. Андрианова, И.В. Горохова, В.В. Горохова, М.А. Волкова, О. Л. Лебедь, Е.В. Куканова, Е.М. Жимаева, М.А. Ерофеева, И.А. Руднева, Т.П. Сеппянен, С.А. Расчётина, М.В. Шакурова, Л.В. Штылёва, Е.Г. Шубникова // Научно-методическое пособие для вузов – 2018. – С. 19.
3. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. – М.: Мысль. – 1979. – С. 367.

AI в подборе персонала: экономическая эффективность vs этические риски

Лисицкая Елизавета Андреевна
Волгоградский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова
Волгоград, Россия, lisickaya.lizaveta@mail.ru

Современные российские компании сталкиваются с необходимостью быстрой адаптации к новым технологиям, одним из которых становится искусственный интеллект (ИИ). Применение интеллектуальных методов существенно влияет на рынок труда, сокращая издержки и ускоряя отбор персонала. Тем не менее внедрение таких инноваций сопряжено с

серьезными этическими вопросами, такими как возможная дискриминация кандидатов, нарушение приватности данных и непредсказуемые последствия от принимаемых решений. Данная статья посвящена изучению преимуществ и недостатков использования ИИ в российских компаниях при поиске и оценке кандидатов, а также предлагает подходы к снижению рисков.

Экономическая эффективность: российские организации широко применяют автоматизацию рекрутинга, достигая ощутимых финансовых выгод:

- Автоматическое сканирование резюме. Алгоритмы ИИ позволяют оперативно просматривать сотни тысяч анкет, находя наилучших кандидатов за считанные минуты.
- Профильное тестирование и оценка компетенций. Роботы могут проводить онлайн-тестирования, проверяя знания и способности соискателя без участия человека.
- Повышенная продуктивность сотрудников отдела кадров. Благодаря делегированию рутинных задач искусственному интеллекту специалисты получают возможность заниматься стратегическим управлением кадрами.

Например, Сбербанк начал активно применять ИИ-технологии для подбора кадров, что привело к значительному повышению скорости подбора персонала и уменьшению числа ошибок при выборе кандидатов. По оценкам экспертов, экономия времени составила порядка 30–40%. [1]

Этические риски: одновременно использование искусственного интеллекта создает ряд серьезных угроз:

- Риск систематической дискриминации. Алгоритм может повторять стереотипы и социальные предрассудки, присутствующие в исторически накопленных данных. Так, существует вероятность, что кандидаты-женщины будут получать меньше предложений, если исторические базы данных показывают недостаточную представленность женщин на определенных позициях.
- Нарушения прав на частную жизнь. Работа с персональными данными открывает возможности для манипуляций и неправомерного использования информации о кандидатах.
- Проблемы прозрачности и понимания алгоритмических решений. Многие работодатели затрудняются объяснить причину отказа кандидату, особенно если решение было принято алгоритмом, работающим непрозрачно и скрытно.

По данным исследования Центра стратегических разработок (Россия), около 60% крупных российских компаний используют инструменты ИИ для упрощения процедур подбора персонала, при этом около трети из них отметили рост уровня неопределенности и недоверия среди сотрудников к решениям, принятым машинами. [1]

Согласно российскому исследованию рынка труда, проведенному Институтом экономики РАН совместно с Ассоциацией менеджеров России, около 75% компаний подтверждают снижение расходов на персонал после перехода на цифровое HR-менеджмент. Но при этом треть руководителей

отмечают увеличение количества жалоб и обращений по поводу некорректного подбора кандидатов, обусловленного работой цифровых платформ. [2]

Исследование Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) показывает, что 56% россиян обеспокоены возможностью использования роботизированных алгоритмов для автоматического отбора кандидатов на работу, опасаясь возможного нарушения своих прав и возможностей трудоустройства. [3]

Кроме того, официальные данные Федеральной службы государственной статистики свидетельствуют о росте случаев нарушений трудового законодательства, связанных именно с неправильной обработкой данных о сотрудниках посредством цифровых платформ. Подобные инциденты стали причиной судебных разбирательств против ряда крупных корпораций, вызвав общественный резонанс. [4]

Примеры успешных внедрений в России:

Примером эффективного использования искусственного интеллекта служит российский гигант розничной торговли X5 Retail Group («Пятёрочка», «Перекрёсток»). Здесь используется система TalentQ, основанная на алгоритмах искусственного интеллекта, для автоматической проверки профессиональных качеств кандидатов и выявления перспективных сотрудников. [5]

Система самостоятельно проводит психологическое тестирование, оценивает когнитивные способности, мотивацию и лидерские качества кандидатов, помогая отобрать тех, кто обладает наибольшими шансами успешно адаптироваться в корпоративной среде компании. За счёт такой автоматизации работодатель сократил число отказов на вакансии, уменьшил среднее время закрытия вакансий и увеличил общий показатель удовлетворённости сотрудников работой в компании.

Другой пример – Яндекс.Практикум, образовательная платформа Яндекса, использующая собственную систему рекомендательных сервисов и профилей пользователей. Платформа эффективно подбирает учеников к учебному процессу, учитывая индивидуальные особенности каждого студента, повышая таким образом шансы на трудоустройство выпускников в IT-компании. [6]

Также Российские технологические стартапы, такие как CV.Scorer и JobsToday, разрабатывают платформы, позволяющие автоматически ранжировать кандидатов на позиции, используя специально разработанные модели машинного обучения, оптимизируя стоимость подбора персонала. [7]

Подводя итог, важно отметить, что технологии искусственного интеллекта предоставляют российским компаниям широкие возможности для экономии ресурсов и ускорения процесса подбора персонала. Однако одновременно возникают серьёзные этические и правовые риски, которые требуют повышенного внимания и контроля со стороны государства и бизнеса.

Для минимизации негативных эффектов необходимо соблюдение следующих мер:

- Установление четких правил регулирования работы алгоритмов и обязательного раскрытия информации о методах обработки данных.

- Постоянный мониторинг действий роботов и алгоритмов, своевременное выявление ошибок и коррекция рабочих моделей.

- Повышение информированности общества о принципах работы алгоритмов и предоставление гражданам права оспаривать вынесенные решения.

Реализация этих шагов позволит обеспечить устойчивый экономический эффект и доверие общественности к применению искусственного интеллекта в процессах подбора персонала.

Список литературы:

1. Исследование Центра стратегических разработок (Россия), URL: <https://www.csr.ru/ru/news/tsentr-strategicheskikh-razrabotok-provvel-pervoe-v-rossii-issledovanie-rynka-ngfw-resheniy-dlya-zashchity-ot-setevykh-kiberugroz/>
2. Данные Ассоциации менеджеров России, URL: <https://amr.ru/>
3. Доклад Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), URL: <https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/6280>
4. Отчет Федерального агентства государственных услуг по вопросам защиты персональных данных, URL: <https://pd.rkn.gov.ru/authority/authority-annual-report/>
5. Практический опыт внедрения AI-решений в компанию X5 Retail Group, URL: <https://generation-ai.ru/cases/x5>
6. Информация о платформе Яндекс.Практикум, URL: <https://practicum.yandex.ru/>
7. Досье стартапов CV.Scorer и JobsToday.
8. Исследовательская работа Института экономики РАН, URL: <https://oie.jes.su/s020736760018607-6-1/>
9. Материалы Всероссийской ассоциации исследований рынка труда, URL: <https://pd.rkn.gov.ru/authority/authority-annual-report/>
10. Официальные публикации Федеральной службы государственной статистики России, URL: <https://rosstat.gov.ru/?ref=toptrafficsites>

Цифровые продукты для самоподдержки взрослых с синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ): мнения экспертов

Парфилко Полина

Первый Московский государственный медицинский университет имени
И.М. Сеченова, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации,
Москва, Россия, p.parfilko@gmail.com

Лебедь Ольга Леонидовна

Первый Московский государственный медицинский университет
им. И.М.Сеченова, Институт социальных наук
Москва, Россия, lebed_olga@mail.ru

Синдром дефицита внимания и гиперактивности – СДВГ – это расстройство нервно-психического развития, проявляющееся невнимательностью, импульсивностью и гиперактивностью, значительно влияющий на повседневную жизнь. [1]. Согласно Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), синдром дефицита внимания и гиперактивности относится к нарушениям развития центральной нервной системы и считается расстройством поведенческого и когнитивного спектра. На данный момент диагностика СДВГ производится по критериям Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам 5-го издания DSM-V и критериям Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, Десятого пересмотра, МКБ-10 (рубрика F.90). Однако существует проблема гиподиагностики СДВГ у взрослых, которая обусловлена отсутствием актуальных, общепринятых диагностических критериев и эффективных методик, так как действующие показатели МКБ-10 ориентированы преимущественно на детей и подростков.[2] Так, по данным исследований, СДВГ встречается у 5-10% детей и 1-6% взрослых. Несмотря на то, что данное нарушение, как было упомянуто выше, чаще всего рассматривается как расстройство детского возраста, у 80% детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивности симптомы сохраняются сначала в подростковом возрасте, а далее ввиду отсутствия эффективного лечения гиперактивность и импульсивность зачастую отходят на второй план, и основными отклонениями поведения становятся невнимательность и недостаточность кратковременной памяти. Это оказывается актуальной проблемой взрослого этапа. [3] У взрослых с СДВГ доминируют симптомы нарушения внимания, что затрудняет повседневную деятельность, а потому создание цифрового продукта может стать эффективным способом самоподдержки [4]. Проведенное исследование включало в себя сбор экспертных мнений психиатров и психотерапевтов о способах диагностики и симптоматики СДВГ у взрослых, а также о содержании цифрового продукта для поддержки и помощи взрослым с СДВГ, анализ мнений специалистов в научных публикациях и сравнительный анализ существующих разработок, адресованных данной социальной группе.

Обобщенные результаты легли в основу разработки прототипа цифрового продукта, ориентированного на поддержку взрослых с проявлениями СДВГ.

Согласно собранным и обработанным с помощью социологических и общенаучных методов данных (кодировочных таблиц, контент-анализа, сравнения, анализа и др.) были собраны основные рекомендации специалистов: определены ключевые блоки, необходимый и желательный функционал. Среди них можно назвать: 1) добавление необходимых теоретических материалов для повышения осведомлённости о самом СДВГ и его симптомах. Была выявлена проблема низкой информированности взрослых о симптоматике СДВГ и, следовательно, необходимости ее повышения. Многие люди сталкиваются со сложностями в жизни в силу собственного состояния, однако не все могут определить причину и не понимают, как себе помочь. («Необходимо, чтобы человек в этой теме начал ориентироваться и мог улучшить своё положение теми или иными действиями, чтобы это было не просто “болячкой” в медицинской карте, а чтобы человек мог это использовать для улучшения качества своей жизни» – психиатр, профессиональный стаж 20 лет). Наличие в приложении информационных (теоретических) материалов по данному синдрому сильно облегчит понимание собственного самочувствия; 2) Важно добавление дневника эмоций, так как в ходе исследования было выяснено, что люди с СДВГ не всегда могут распознавать собственные эмоции, которые также сильно влияют на общее состояние человека. Такой инструмент (дневник эмоций) помогает развить эмоциональный интеллект и обратить внимание на собственное внутреннее состояние, осознать и подтвердить или, наоборот, исключить наличие признаков СДВГ и степень их выраженности («такая наполненность, могла бы развивать эмоциональный интеллект» – психотерапевт, профессиональный стаж 5 лет); 3) блок с медитативными дыхательными практиками, которые очень важны для стабилизации внутреннего состояния и концентрирования внимания на себе и своих ощущениях, «помогают вернуться в момент «здесь и сейчас», зафиксировать свое внимание и успокоиться», как утверждает психотерапевт с профессиональным стажем 11 лет; 4) блок «маршрутизации», то есть информации, куда и с каким запросом обращаться (адреса, контакты, рекомендации). Это подразумевает добавление контактов специалистов для записи на консультации при необходимости получения профессиональной помощи или внедрение чатов для online-общения со специалистом в самом приложении («Одним из этапов использования приложения была бы возможность онлайн-консультации со специалистом. Сначала человек может попробовать своими силами что-то поменять, придерживаясь рекомендаций. Если он понимает, что ничего не меняется, то обращается к специалисту» – психотерапевт, профессиональный стаж 6 лет); 5) Важно добавление раздела с официальным тестом на определение симптомов СДВГ у взрослых людей. Такие тесты помогают людям разобраться в собственном состоянии, а его результаты можно рассмотреть при консультации со специалистом («можно сделать какой-то опросник или тест, чтобы человек в повседневном состоянии его прошел. Так результат будет более точный, потому что некоторые на диагностике специально концентрируются, и в таком случае их

результаты в пределах нормы» – психотерапевт, профессиональный стаж 8 лет); 6) Также рекомендуется добавить в приложение систему тренажеров и упражнений для снятия напряжения и повышения уровня концентрации («В таком продукте точно важна система тренажеров. Они позволяют тренировать когнитивные функции и измерять их» – психотерапевт, профессиональный стаж 11 лет).

Логика построения интерфейса и структуры приложения предполагает поэтапное движение пользователя: от фиксации симптоматики и самодиагностики, далее к ознакомлению с теоретическим материалом и выполнению практик и до получения профессиональной помощи при необходимости.

Список литературы:

1. Шарафиев Р. Р., Асадуллин А. Р., Юлдашев В. Л., Анцыборов А. В., Лямина Л. В., Ахметова Э. А. Генетические особенности синдрома дефицита внимания/гиперактивности. Современное состояние проблемы // Медицинский вестник Башкортостана. 2018. №4 (76).
2. Пушкарёва Д. В. Синдром дефицита внимания и гиперактивности у взрослых: причины возникновения, основные клинические проявления и коморбидные психические расстройства // Пушкарёва Д. В., Иванова Т.И. Омский психиатрический журнал. 2018. №4 (18).
3. Мудракова Т.А., Мартынихин И.А, Налетова Д.А. Представления врачей о синдроме дефицита внимания с гиперактивностью. // Журнал «Социальная и клиническая психиатрия». 2024. С. 112–119
4. Кириллова Ю.А., Чернова М.А. Синдром дефицита внимания и гиперактивности у взрослых // Журнал “Актуальные исследования”. 2022. С. 63–65.

Инфографика как способ повышения информированности пациентов в медицинских учреждениях

Сагова София Зурабовна

Первый Московский государственный медицинский университет
имени И.М.Сеченова, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации,
Москва, Россия

Лебедь Ольга Леонидовна

Первый Московский государственный медицинский университет
им. И.М.Сеченова, Институт социальных наук
Москва, Россия, lebed_olga@mail.ru

Современное здравоохранение в значительной мере зависит от эффективности коммуникации с населением, направленной на повышение уровня здоровья и профилактику заболеваний. Использование визуальных средств передачи информации, в частности инфографики, стало одним из перспективных методов улучшения информированности граждан о медицинских услугах, профилактике заболеваний и формировании здорового образа жизни. Инфографика позволяет доступно и наглядно донести сложные медицинские сведения, что особенно актуально в условиях большого информационного потока и ограниченного времени для восприятия сообщений [1].

Современные исследования подтверждают, что визуализация медицинской информации способствует лучшему усвоению знаний среди населения. Наглядные материалы помогают преодолеть барьеры восприятия сложных медицинских терминов и побуждают людей к своевременному обращению за помощью. Ярким примером успешного использования инфографики стало исследование, проведенное в БУЗОО «Городская клиническая больница скорой медицинской помощи № 2» (г. Омск). В нём приняли участие 350 пациентов, разделённых на две группы с сопоставимыми демографическими характеристиками. Основная группа (177 человек) изучала признаки острого аппендицита через инфографику, контрольная (173 человека) — через обычный текст. Для оценки уровня знаний использовался адаптированный опросник HLS19-Q22-RU. Результаты показали, что в группе с инфографикой: количество правильных ответов по вопросу об отсутствии аппетита увеличилось на 20,3%; знание симптома в виде кишечных расстройств — на 14,9%; на 12,7% больше участников заявили, что обратятся к врачу в первый день появления симптомов; доля затруднившихся с ответом снизилась на 7,8%. [2].

М. О'Киф, Дж. Р. Задро, Г. Э.Феррейра провели опрос восприятия инфографики, в котором приняли участие 254 респондента. Среди участников были медицинские работники (66%), исследователи (34%), ученые (24%) и пациенты / общественность (13%). Большинство использовали Twitter (67%) и смартфоны (89%) для доступа к инфографике и просмотра ее, а также считали инфографику полезным инструментом для распространения результатов исследований (92%) и привлечения внимания к исследованиям (95%). Хотя большинство участников с некоторой/высокой вероятностью (76%) прочитали бы статью полностью после просмотра инфографики, некоторые использовали инфографику вместо полного текста как минимум в половине случаев (41%), считали, что инфографика должна быть достаточно подробной, чтобы им не приходилось читать статью полностью (55%), и рассматривали инфографику как инструмент, позволяющий сократить время, затрачиваемое на чтение статьи полностью (64%). Исследователи/преподаватели реже сообщали о поведении/убеждениях, предполагающих, что инфографика может сократить потребность в чтении статьи полностью [3].

Мы также провели социологический опрос среди жителей Москвы с целью выявить отношение к инфографике в медицине. Среди 208 респондентов 78% признались, что часто пропускают текстовые объявления, особенно перегруженные терминами, а визуальные материалы, наоборот,

задерживают внимание и воспринимаются легче. Люди чувствуют себя увереннее, если чётко понимают, что делать — куда обратиться, какие документы подготовить, как подготовиться к приёму. Мы также выяснили, что 63% респондентов придерживаются мнения о безусловной важности использования инфографики для взаимодействия пациента и врача при объяснении диагноза и процесса лечения.

Исследования показывают, что использование инфографики может стать полноценной частью профилактической работы. Особенно она полезна в таких направлениях, как: привлечение внимания к вакцинации и диспансеризации; повышение осведомлённости о правах пациентов; объяснение маршрута внутри поликлиники или больницы; напоминания о правильном питании, ЗОЖ, профилактике заболеваний. При этом важно учитывать аудиторию: для кого именно создаётся инфографика, в каком помещении она будет размещаться, и какой объём информации необходим. Также стоит отметить, что инфографика может быть эффективна только при соблюдении базовых принципов: понятность; краткость; визуальный акцент на главном; актуальность данных.

Результаты исследования показывают, что взаимодействие медицинских учреждений с населением через создание и внедрение доступного и научно-просветительского контента напрямую влияет на качество информированности пациентов. Для эффективного использования инфографики медицинским учреждениям рекомендуется: разрабатывать материалы с учётом целевой аудитории (возраст, уровень знаний); использовать крупный шрифт, простые слова и логичную структуру; обновлять инфографику регулярно; комбинировать бумажные и цифровые форматы; проводить фокус-тестирование новых материалов; размещать QR-коды для более детального изучения темы.

Список литературы:

1. Moreno-Peerez Victor. «Twelve Tips to Make Successful Medical Infographics». Medical Teacher, 2020. – 8 p.
2. Никитина, В. Е. Инфографика, как инструмент повышения медицинской грамотности населения в отношении критических состояний здоровья / В. Е. Никитина, О. В. Козубенко, О. А. Пасечник, Д. В. Турчанинов // Научный вестник Омского государственного медицинского университета. – 2024. – Т. 4, № 2(14). – С. 90–98.
3. Zadro JR, Ferreira GE, O'Keeffe M, Stahl-Timmins W, Elkins MR, Maher CG. How do people use and view infographics that summarise health and medical research? A cross-sectional survey. BMC Med Educ. 2022 Sep 14;22(1):677. doi: 10.1186/s12909-022-03744-6.

Проблема мер семейной поддержки

Сафонов Данила Алексеевич
Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, dsafonov476@gmail.com

Деменков Георгий Андреевич
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации
Москва, Россия, georgdemenkov@yandex.ru

Правдова Ксения Дмитриевна
Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, pravdovaksenia@gmail.com

Демографический кризис в России, является очень большой проблемой современного российского общества. Он влечет за собой огромные проблемы во всех сферах жизни общества.

У данного кризиса есть много объективных причин:

- Исторические – обусловленные снижением рождаемости в 90-е годы.
- Культурные – связанные с смещением фокуса молодых людей в пользу карьеры и личного роста, и отказу от семьи и детей
- Экономические – связанные с невозможностью ведения домашнего хозяйства и содержанию семьи в силу экономических причин.

Осознавая важность экономической поддержки семьи власть принимает ряд мер. С 2007 года в стране существует материнский капитал, действует программа по предоставлению льгот и погашению кредитов многодетным семьям. В каждом отдельном субъекте существуют свои меры поддержки молодых семей и рождаемости. Так, в Московской области существует программа обеспечения всеми необходимыми средствами детской гигиены многодетных семей.

Но как показывает практика, введение подобных экономических мер поддержки не стимулирует рождаемость, о чем говорит тот факт, что последние 8 лет рождаемость в России имеет лишь отрицательное значение, хотя мы можем наблюдать параллельное увеличение материнского капитала и иных мер поддержки. В данной статье мы исследуем эффективность данных мер и в конце на основе полученных данных выдвинем свои предложения по улучшению демографической ситуации в стране.

Задачи

1. Обоснованность введения экономических мер поддержки
2. Эффективность экономических мер поддержки
3. Предложение по стимулированию рождаемости

Задача 1:

В начале исследования необходимо разобраться с демографической ситуацией в стране в начале 2000-ых годов и узнать, что же побудило Президента ввести материнский капитал.

В рассматриваемое нами время, Россия переживала последствия кризиса 90-ых годов. Перестройка, развал страны, непоследовательные экономические реформы оказали негативное влияние на демографию. Тут следует отметить, что наиболее пагубно на демографическую ситуацию в стране сказалось два фактора: массовая эмиграция из страны, называемая также русской эмиграцией четвертой волны. Главной ее причиной являлось в первую очередь экономическая нестабильность, что побуждало людей (зачастую этнические группы) массово уезжать из страны. По некоторым оценкам, в период с 1991 по 2002 год из страны уехало 7 млн человек[1]. Но более сильный удар по российской демографии нанесло именно снижение рождаемости в стране. Вместо положительного прироста ещё в конце 80-ых, в 1992 мы уже наблюдаем СКР 1.8, а дальше в 1999 СКР составил 1.7. Это критически малые значения для России за всё время наблюдений. Во многом, именно этот кризис в долгосрочной перспективе повлиял на нынешнюю неблагоприятную ситуацию. Чтобы лучше понять масштаб этой трагедии, достаточно сказать, что по подсчетам ученых демографов, в период с 1992 года по 1999 естественная убыль населения составила 3 млн человек!

Очевидным становилась необходимость государственного регулирования демографической политики в стране, с целью повышения рождаемости. Самым очевидным вариантом стимулирование роста рождаемости, было внедрение мер экономической поддержки семьи. В обосновании такого решения лежит определение важнейшей проблемы семьи, именно бедность и последствия шоковых экономических реформ. Поэтому уже в 1993 году принимается Концепция государственной семейной политики Российской Федерации, которая определяет главной целью всей демографической политики именно улучшение материального состояния российской семьи. А в 1995 году, принимается Федеральный закон от 19 мая 1995 года 81 "О государственных пособиях гражданам, имеющим детей". Это базовый документ, на который опирается вся российская законодательная деятельность, направленная на экономическую поддержку семьи. Изначально, документ подразумевал следующие пособия:

- 1) пособие по беременности и родам
- 2) ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием ребенка
- 3) единовременное пособие при рождении ребенка
- 4) ежемесячное пособие по уходу за ребенком
- 5) единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью
- 6) единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву.

Но как мы можем наблюдать в исторической перспективе, данные меры не принесли нужного результата, что заставило принимать новые меры поддержки. Это как раз и привело к тому, что 10 мая 2006 года в Послании

Федеральному Собранию Президент России Владимир Путин объявил о внедрении материнского капитала. Уже в декабре этого года был принят Федеральный закон от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», который предполагал внедрение материнского капитала.

Почему же Россия пошла по пути экономического стимулирования рождаемости, когда принятые до этого меры не сработали?

Профессор Антонов считает, что всему виной малая демографическая грамотность российских законодателей, которые сводят вопрос о деторождении к банальному денежному вопросу [2]. Тут, они схожи с общемировыми тенденциями [2]. Мы вынуждены согласиться с ним. Ведь семейный кризис конца XX. века имел более глубокие причины, чем банальная бедность. Таковыми, скажем, являются омертвление традиционных ценностей, что является типичным процессом для всего постиндустриального общества. Вместе с традиционными ориентирами отпала и ценность детей в глазах молодых родителей. Об этом нам говорят любопытные наблюдения[2]. Согласно им, количество желаемых детей у родителей к 1996 году (все данные проверить) упало до 1.8 ребёнка, вместо 2.3 у их родителей. Это говорит нам о том, что молодое поколение просто отказывалось рожать и не имело такой ценностной установки. Следовательно, если нет стремление к деторождению, или граждане удовлетворены однодетными или двухдетными семьями (для поднятия уровня рождаемости необходимо минимум 3 ребенка) то поднять рождаемость с помощью капиталов не получится.

Подытожим всё вышесказанное. Россия, в силу многих причин, с 1992 года столкнулась с демографическим кризисом. Стремясь исправить его, власти начали внедрять финансовую помощь родителям с детьми. Но были не учтены многие факторы, оказавшие влияние на данный кризис, что не позволяет эффективно решать эту проблему, а лишь поддерживает и без того низкий уровень рождаемости.

Задача 2:

Рассматривая экономическую эффективность мер поддержки семей, стоит особо выделить материнский капитал, который был действует с 2007 года. Программа материнского капитала действительно повысила вероятность рождения второго ребенка в семье. Так, в 2007 году количество рожденных было 1 610 122 человека, однако уже в 2020 году это количество резко сократилось – 1 435 800 человек. Почему при увеличении размера выплат материнского капитала (с 250 тысяч рублей при рождении второго ребенка до 912 162 рублей на двух детей) количество рожденных сократилось на 10 % по сравнению с 2007 годом? На наш взгляд, на это есть несколько причин: 1) материнский капитал не решает проблему с жилищной площадью. Так, по данным директора ЦЭМИ РАН, А.Р. Бахтизина, стоимость жилья с 2015 по 2020 годы выросла в 2,7 раза, а материнский капитал был проиндексирован в 1,8 раза [3]. Таким образом, доступность жилья по-прежнему остается основной проблемой для большинства семей в России. 2) снижение уровня доходов населения. Так, в период с 2014 года по 2019 год только в двух годах, в 2018 году на 0,1% и 2019 на 0,8%, наблюдался рост реальных располагаемых

доходов населения России [11]. Таким образом, снижение реальных располагаемых доходов населения оказывает негативное влияние на уверенность родителей в возможности обеспечить для своих детей достойное будущее. Учащаются случаи мошенничества с материнским капиталом. Так, по данным РБК, на 2024 год было выявлено 708 случаев хищения маткапитала на сумму не менее 1 миллиарда рублей [4]. Особенно «популярным» преступлением стало незаконное обналичивание материнского капитала. Проблема приобретает особую актуальность в условиях ограниченности бюджетных ресурсов и необходимости повышения эффективности социальных расходов. Таким образом, без решения проблемы мошенничества даже увеличение размера выплат не приведет к достижению целей демографической политики. Программа материнского капитала была направлена не только на стимулирование рождения детей, но и на улучшения условий проживания семей с детьми. Однако, по данным Росстата на 2017 год, в России 26% детей в возрасте до 18 лет проживало в семьях, у которых уровень дохода ниже величины прожиточного минимума [9]. Процент детей, которые оказались за чертой бедности, выше в сельской местности: там в малоимущих семьях проживали 44,5% несовершеннолетних [10]. Здесь возникает закономерный вопрос: почему такой высокий процент бедности среди детей, особенно в сельской местности? На наш взгляд, это можно объяснить следующими причинами:

- 1) материнский капитал не компенсирует рост цен на товары и услуги;
- 2) ограниченность применения материнского капитала. Так, с помощью материнского капитала можно: 1) улучшить жилищные, то есть обладатель сертификата может направить средства на покупку квартиры или дома, на строительство жилого помещения с помощью строительной организации, а также участвовать в долевом строительстве, однако, как уже сказано выше, материнский капитал не помогает приобрести жилье; 2) дать образование детям, а также оплатить иные расходы, которые связаны с образованием ребенка. Можно оплатить, например, детский садик, проживание или коммунальные услуги в общежитии, однако мера поддержки не помогает в текущих расходах на питание, одежду. Таким образом, несмотря на поддержку, которую предоставляет материнский капитал, его применение сильно ограничено, что вызывает трудности для российских семей.

Однако парадоксальное, на наш взгляд, то, что выплаты материнского капитала слабо стимулируют рождаемость. Так, по данным ВЦИОМ, 52% россиян считают, что материнский капитал не сподвигнет их на рождение ребенка [8].

Подводя итоги, стоит отметить, что программа материнского капитала, которая действует с 2007 года, не достигла своей основной цели – значительного увеличения рождаемости в России. Несмотря на успех программы в 2014 и в 2015 годах, и на увеличение вероятности рождения второго ребенка, последующие годы показали снижение числа новорожденных, даже при увеличении размера выплат.

На наш взгляд, снижение уровня рождаемости можно объяснить следующими причинами: 1) материнский капитал, как было отмечено выше, не решает проблему, связанную с жилищными условиями, так как рост цен

значительно выше, чем индексация капитала; 2) снижение реальных доходов населения снижает уверенность родителей в возможности обеспечить достойное будущее для своих детей. Более того, участвовавшие случаи мошенничества с материнским капиталом подрывают доверие населения к этой мере поддержки. Кроме того, данные о высоком уровне бедности среди детей, особенно в сельской местности, свидетельствуют о ряде структурных проблем, которым необходимо комплексное решение.

Задача 3:

В нашем исследовании мы сумели обозначить основные проблемы, препятствующие деторождению в России, на решение которых и нацелен материнский капитал, а также прочие методы поддержки. Мы также доказали и обосновали не эффективность данных мер поддержки. Ведь рождаемость и размер материнского капитала имеют, скорее, обратно пропорциональную зависимость т.е. при увеличении материнского капитала уменьшается рождаемость [Прим. авторов].

В этом разделе, мы ставим перед собой задачу, описать наиболее эффективные на наш взгляд меры стимуляции рождаемости, которые было бы целесообразно реализовать в современной России.

И первое с чего хочется начать — это необходимость государственного регулирования образования, причем всех уровней. Важность этого действия заключается в том, что именно в образовательных учреждениях происходит социализация ребенка, формируются его мировоззрение и жизненные ценности. Это можно использовать для пропаганды семейных ценностей уже с раннего возраста. На этом фоне мы поддерживаем введение в школах такого предмета как Семейведение, с той правкой, что все учебники должны быть составлены компетентными в данной отрасли людьми и с учетом последних исследований.

Стоит пересмотреть приоритеты в сфере дальнейшего образования после школы. Сейчас большинство молодых людей после получения среднего образования идут в высшие учебные заведения. Однако, как показывают исследования, люди с высшим образованием реже заводят семью и рожают детей [5]. Причём власть знает об этой проблеме, о чем говорит тот факт, что с 2025 года количество мест на образовательные программы будет регулироваться государством. На наш взгляд, ввиду демографической ситуации в стране это правильный шаг, который поможет перенаправить кадры в нужные для страны сферы, а также повысит авторитет высшего образования. Ведь на эти места будет производиться очень серьезный отбор, и проходить будут лучшие, что будет способствовать появлению в стране квалифицированных кадров. Параллельно необходимо развивать среднее профессиональное образование, повышать престиж обучения в колледжах и училищах, ведь на них будет возложена большая роль, а именно закрытие “кадрового голода” в России. Как показывает статистика, наиболее востребованными работниками в 2025 году оказались люди из технологической сферы: IT-специалисты, инженеры, логисты. Потребность в этих профессиях могут вполне компенсировать колледжи.

Безусловно, изменения в демографической ситуации в стране не может произойти без изменения государственного аппарата. Начать стоит с того, чтобы делегировать полномочия по регулированию демографической политике отдельному органу власти. В современной реальности этим занимается Совет при Президенте Российской Федерации по реализации государственной демографической и семейной политики. Причем, из 30 членов Совета лишь 4 имеют социологическое образование. Мы считаем нужным исправить это, и доверить деятельность по демографической политике профессионалам (социологам или демографам). На них стоит возложить обязанность по изменению и дополнению семейного законодательства. В частности, мы ратуем за возвращение уголовной ответственности за домашнее насилие, которое было декриминализировано в 2017 году. В рамках нового законодательства стоит также пересмотреть понятие многодетности, которое сейчас начинается с 3 детей в семье, хотя для успешного демографического роста в стране необходимо как минимум 4 ребенка. Поэтому, здоровой кажется идея поднятия планки многодетности до 4 детей минимум.

Так как одной из основных проблем при создании семьи является жилищный вопрос[6] государству необходимо решить эту проблему. Наиболее здравым решением на наш взгляд будет предоставление льготной ипотеки абсолютно всем молодым семьям, а также предоставление бесплатного жилья многодетным семьям [с 4 детьми - Прим. авторов]. Причем в данном случае можно сделать акцент на предоставлении жилья в сельской местности. Тому есть несколько причин. Во-первых, согласно Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации, принятой 15 марта 2025 года: “Демографический потенциал сельской местности остается значительным в том числе в силу репродуктивных установок у жителей сельской местности” [7]. Как ясно из этих слов, Правительство делает большую ставку на жителей сел в деле повышения демографии. Но этому мешают некоторые факторы. Таковыми являются сокращение объектов сельской инфраструктуры, наличие которых напрямую влияет на качество жизни семей с детьми [7]. То есть, дело развития демографического потенциала России, напрямую связано с развитием социальной инфраструктуры сельской местности, на что точно стоит обратить внимание как федеральным, так и региональным органам власти в России. А во-вторых, сельская местность идеально подходит для здорового образа жизни. Там отсутствуют шумовое и световое загрязнение, люди менее подвержены стрессу и депрессиям. Все это положительно скажется не только на репродуктивном здоровье граждан, но и на здоровье будущих поколений.

Проблема рождаемости безусловно очень остро стоит на повестке дня и нуждается в государственном контроле и регулировании. Однако, существующие меры стимуляции рождаемости не справляются с этой задачей, ввиду не изученности глубинных причин этой проблемы. Как показывает практика, за 18 лет существования материнского капитала, рождаемость в стране не поднялась, а наоборот упала до исторического

минимума. В связи с этим, мы предлагаем использовать иные не экономические методы воздействия и стимулирования рождаемости.

Список литературы:

1. Из России в 1991-2002 годах выехало более 7 млн человек// РИА НОВОСТИ (электронный ресурс), 2008. URL: <https://ria.ru/20021209/278855.html> (дата обращения 01.06.2025)
2. Антонов А.И. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики/ А.И. Антонов, В.А. Борисов – М: Ключ-с, 2006. 192 с.
3. Демография с точки зрения математики. Директор ЦЗМИ РАН Альберт Бахтизин – о том, почему маткапитал перестал работать// Российская газета (Электронный ресурс), 2025. URL: <https://rg.ru/2025/05/22/tablica-razmnozeniia.html?ysclid=mbedmz3i6t795238027> (дата обращения 01.06.2025)
4. В России выявили хищение маткапитала на сумму не менее 1млрд. рублей// РБК (электронный ресурс), 2024. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/675fad9f9a794708d4e7d97b?ysclid=mbedw2jyi0793946839> (дата обращения 01.06.2025)
5. Ростовская Т.К. Образование в контексте демографического прогнозирования населения России// Научный дайджест, 2024 – №7(36)
6. Потомство откладывают на потом// Коммерсантъ (электронный ресурс) 2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7146467> (дата обращения 01.06.2025)
7. Стратегия действий по демографической и семейной политики до 2036 года// Документы (электронный ресурс) 2025. URL: <http://government.ru/docs/54573/> (дата обращения 01.06.2025)
8. Материнский капитал: даем рост рождаемости?// ВЦИОМ (электронный ресурс) 2019. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/materinskij-kapital-daem-rost-rozhdaemosti?ysclid=mbhuuy92jp28802274> (дата обращения 01.06.2025)
9. Четверть детей оказались за чертой бедности. Как они попадают в «ловушку нищеты» и чем это опасно для общества// РБК (электронный ресурс) 2019. URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/08/2019/5d4985b39a79472d5365f1fd> (дата обращения 01.06.2025)
10. Каждый четвертый ребенок в России оказался за чертой бедности// Forbes (электронный ресурс) 2021. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/obshchestvo/436613-kazhdyy-chetvertyy->

rebenok-v-rossii-okazalsya-za-chertoy-
bednosti?ysclid=mbhvbflqp8805115792 (дата обращения 01.06.2025)

11. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Динамика доходов населения (электронный ресурс) 2020. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/rus_feb_2020.pdf (дата обращения 01.06.2025)

Влияние особенностей российского общества на трансформацию половых ролей в семье

Солдатенкова Дарья Романовна

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия, soldatenkova.daria2017@yandex.ru

Анализ семейных отношений показывает, что находящиеся под влиянием тесно переплетенных между собой традиционных ценностей, современных тенденций и социально-экономических преобразований половые роли в российской семье трансформируются. Этот процесс трансформации воспроизводит как новые барьеры в семейных отношениях, так и возможности.

На сегодняшний день для российского общества характерна явная поляризация традиционализма, подразумевающего патриархальную модель семьи и поддерживаемого такими институтами как государство и церковь, и эгалитаризма, который предполагает партнерские отношения, равное распределение обязанностей в семье и равные возможности реализации в карьере. Корни такого культурного дуализма детерминированы социокультурными особенностями и уходят в историческое прошлое страны.

Исторически укоренившиеся в общественном сознании гендерные стереотипы и современная государственная риторика о необходимости воспроизводства и поддержания «традиционных семейных ценностей» являются основными барьерами на пути трансформации половых ролей в семье. Так, например, по данным аналитического центра НАФИ за 2020 год, 71% россиян считают, что ключевое предназначение женщины заключается в том, чтобы быть матерью и хорошей хозяйкой, 89% женщин считают, что семью должен обеспечивать мужчина. [1] Однако, такие традиционные установки уже не соответствуют современной социально-экономической реальности, так как в семьях все чаще растет запрос на экономическое партнерство супругов. Согласно результатам опроса СК «Росгосстрах жизнь» за 2023 год, для большинства российских семей (68%) характерна модель, где оба супруга работают и берут на себя финансовую ответственность. [2] Из приведенной статистики видно, что прежние гендерные границы размываются, а роли становятся более гибкими.

Результаты исследования ВЦИОМ показывают, что, в особенности, поляризация взглядов заметна между поколениями и жителями столиц и

регионов. Для молодежи (78%) и столичных жителей (73%) эгалитарные и индивидуалистические модели семьи являются наиболее предпочтительными, тогда как старшее поколение и жители регионов больше привержены традиционным установкам. Во многом такой раскол объясняется увеличением доступности образования и информационных ресурсов: россияне с высшим образованием (70%), а также те, кто отдают предпочтение интернету, а не телевидению (72%) выступают за равноправие в семейных отношениях. Так как образование во многом влияет на формирование взглядов и ценностей человека, то популяризация традиционных ценностей начинается еще в школе: вводятся новые дисциплины, такие как «семьеведение», в школьных учебниках изображаются традиционные образы мужчины-кормильца семьи и женщины-хранительницы очага, главная цель которых реализовать репродуктивную функцию. Но несмотря на это, высшее образование способствует формированию более прогрессивных взглядов, ориентированных на приоритет профессиональной самореализации, равноправные отношения в семье и осознанное деторождение. [3]

В медиaprостранстве наблюдается похожая ситуация. В условиях роста влияния СМИ на общественное мнение, медиаканалы активно используются как инструмент государственной политики по воспроизводству традиционных ценностей, так и как средство распространения альтернативных взглядов, в том числе и эгалитаризма. Установки старшего поколения формируются и подкрепляются государственными телеканалами, транслирующими традиционализм с четким разделением половых ролей, соответствующим патриархальной модели семьи. Социальные сети, напротив, часто выступают в роли альтернативных платформ, популяризуют равноправные отношения супругов, женщин-лидеров и отцов в декрете, оказывая влияние в большей степени на сознание молодого поколения.

Говоря о возможностях, которые открываются с трансформацией половых ролей, переход к эгалитарным ценностям не только стимулирует развитие равноправных отношений, но и позволяет партнерам выбрать наиболее комфортную для них модель семьи, что делает их более сплоченными, дает семьям экономическую устойчивость, расширяет возможности самореализации в карьере и образовании, снижает зависимость женщин от мужчин. При этом противоречия между необходимостью экономического партнерства супругов и сохранением традиционных устоев, между профессиональной самореализацией женщин, новыми моделями отцовства и социальными ожиданиями преимущественной ответственности женщин за «хранение домашнего очага» и главенствующей мужской роли «добытчика» создают напряжение в семейных отношениях, вызывают социальную дезориентацию и стресс у молодых людей, которые приводят к конфликтам в семье и способствуют откладыванию создания семьи.

Таким образом, половые роли в современной российской семье находятся в переходном состоянии, так как патриархальные устои уже не могут в полной мере соответствовать современным реалиям, а новые модели семьи так и не сформированы до конца. В ближайшем будущем вероятно гибридизация традиционных и современных моделей поведения полов, что

даст возможность адаптировать семейные роли под конкретные потребности семьи.

Список литературы:

1. Стереотипы в отношении женщин и их социально-экономические последствия // Аналитический центр НАФИ – URL: <https://nafi.ru/analytics/stereotipy-v-otnoshenii-zhenshchin-i-ikh-sotsialno-ekonomicheskie-posledstviya/?ysclid=m9ehjlhflh81706846> (дата обращения: 09.04.2025).
2. Семь из десяти опрошенных российских семей ведут общий бюджет // ТАСС – URL: <https://tass.ru/ekonomika/18914825?ysclid=m9cps67gv9350170170> (дата обращения: 09.04.2025).
3. Кто в доме хозяин? // ВЦИОМ – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kto-v-dome-khozain?ysclid=m8mt70ur3e252824852> (дата обращения: 15.03.2025).

Качество жизни населения: междисциплинарный подход

Тазова Бэлла Азаматовна
Адыгейский государственный университет
Майкоп, Россия, nt.bella@yandex.ru

В условиях глобальной нестабильности важным аспектом существования социального государства выступает качество жизни населения. Повышение качества жизни населения в Российской Федерации является стратегическим национальным приоритетом. В связи с чем изучение качества жизни на научной основе характеризуется особой актуальностью.

Подходы ученых к изучению рассматриваемого явления различаются в зависимости от области исследования. Психологи (Л. Леви, Л. Андерсон) [1] понимают под качеством жизни уровень удовлетворенности человека совокупностью условий его физического, психологического, эмоционального благополучия. Философы (Н.М. Римашевская [2], А. Мишелл, С. Маккол) [3] уделяют внимание духовным и культурным потребностям человека. Экономисты (О.А. Платонов [4], С.А. Айвазян [5]) определяют качество жизни как совокупность материального, физического и социального благополучия человека.

Большое внимание изучению понятия «качество жизни» уделяется в социологии. Французский социолог Р. Арон [6] отмечает, что качество жизни зависит от индивидуального дохода человека и возможностью расходования этого дохода на предметы потребления и роскоши, а также на бытовые услуги,

культуру, проведение свободного времени. Д. Белл [7] определяет качество жизни как совокупность услуг, представляющихся человеку здравоохранением, образованием, отдыхом и культурой. По мнению П. Сорокина [8] качество жизни – уровень счастья людей, определяющийся достигнутыми успехами, удовлетворенностью социальным положением и условиями семейной, профессиональной, трудовой жизни. Кондратов В.П. [9] определяет качество жизни как систему объективных показателей, основанных на измерении и субъективных факторов, учитывающих индивидуальное восприятие человеком своего собственного благополучия и удовлетворенность жизнью.

Мы согласимся с доктором социологических наук, ведущим научным сотрудником Института философии РАН Беляева Л.А. [10], которая внесла весомый вклад в изучение качества жизни. По Беляевой, качество жизни – это комплексная характеристика условий жизнедеятельности населения, выражающаяся как в объективных показателях, так и в субъективных оценках удовлетворенности материальными, социальными и культурными потребностями, и связанная с личным восприятием человеком своего положения в зависимости от социокультурных особенностей и системы ценностей, принятых в обществе.

Среди всего разнообразия научных подходов к определению качества жизни мы остановимся на объективном и субъективном.

1. Объективный подход. Основан на факторах, которые можно оценить независимо от субъективного восприятия человека. Данный подход включает такие компоненты, как уровень дохода, ожидаемая продолжительность жизни, качество воздуха и воды, уровень преступности и т.д.

Сторонниками такого подхода являются С.А. Айвазян, В. Бобков, П. Мстиславский.

2. Субъективный подход. Основан на индивидуальном ощущении человеком удовлетворенности своей жизнью. Данный подход включает следующие компоненты: удовлетворенность жизнью, ощущение счастья, состояние здоровья, чувство безопасности и т.д.

Представителями данного подхода являются такие ученые, как Н.М. Бредберн, С. Маккол, И.Т. Левыкин, О.Л. Барская.

3. Комплексный подход. Объединяет два предыдущих подхода. Сторонниками такого подхода являются А.Г. Колбасина, Е.В. Давыдова, А.А. Давыдов, Л.А. Беляева.

Рассмотрев разнообразие подходов к определению качества жизни, можно сделать вывод о том, что сложно говорить о данной категории только с объективной или только с субъективной стороны. Они не являются взаимоисключающими, а наоборот, могут дополнять друг друга для более полного понимания качества жизни.

Список литературы:

1. Леви Л., Андерсон Н. Народонаселение, окружающая среда и качество жизни. – М.: Экономика. 1979. – С.12 – 13.
2. Римащевская Н.М., Региональные особенности уровня и качества жизни [Текст] : [монография]; Учреждение Российской акад. наук, Ин-т социально-экономических проблем народонаселения РАН. – Москва : ИСЭПН РАН, 2012. – 391 с.
3. Филюков И.А. Социологические аспекты определения и оценки категории «Качество жизни». М. Социология и культурология. 2008. – С. 99-103.
4. Платонов О.А. Повышение качества трудовой жизни: опыт США. – М., 1992. С. 187.
5. Айвазян С.А. Эмпирический анализ синтетических категорий качества жизни населения / С.А. Айвазян // Экономика и математические методы. – 2003. – №3. – С. 19-53.
6. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1992. – 608с.
7. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования: пер. с англ. М.: Academia, 1999., 640 с.
8. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М., 1997.
9. Кондратов В.П. Качество жизни горожан (влияние социальной инфраструктуры). – Казань: Издательство Полигран-Т, 2004. С. 156.
10. Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2009-01/Belyaeva.pdf> (Дата обращения:04.06.2025)

Деформация православных семейных ценностей в современном российском обществе

Тельнова Виктория Дмитриевна
Российский Университет Дружбы Народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия, viktoriatelnova@gmail.com

В истории России ценности семьи и православия создавали некое единство, формируя основу для ее государственности и социокультурного развития, поэтому православные установки исторически глубоко заложены в институте российской семьи. Сегодня под влиянием глобализации они смещаются и деформируются, что проявляется в демографическом кризисе, росте разводов, абортот и семейного алкоголизма [1].

Ценность – традиционная семья

Традиционная семья предполагает моногамный брак, крепкие межпоколенческие связи, взаимное уважение и ответственность супругов [2].

В православии брак рассматривается как сакраментальный моногамный союз, внутри которого устанавливаются четкие социальные роли мужа и отца, жены и матери. Отношение церкви к нетрадиционным формам отношений остается негативным: гомосексуализм не признаётся ни брачным союзом, ни допустимой формой межличностных связей. По данным ВЦИОМ, доля россиян, встречавших популяризацию нетрадиционных сексуальных отношений в Интернете и СМИ, выросла вдвое с 2012 г., причём негативное отношение к представителям нетрадиционной сексуальной ориентации в основном демонстрируют люди старше 60 лет [3], а инициативу официального признания однополых браков поддерживает преимущественно молодёжь [4].

Ценность – ответственное родительство и семейное воспитание детей.

Православие трактует деторождение как главную цель брачного союза. Сегодня деторождение как ценности уходит на второй план – в приоритете молодёжи стоят профессиональная самореализация и карьера. По данным исследования, 78% молодёжи не согласны, что «дети – смысл брака», хотя около 20% опрошенных убеждены, что брак без детей невозможен [5].

Искусственное прерывание беременности также выступает сегодня предметом множества дискуссий. Православная религия ужесточила оценку абортов, приравняв их к греху убийства и объявив законным поводом для расторжения брака. Несмотря на различные основания для такого решения, православная церковь выступает категорически против абортов вне зависимости от сторонних обстоятельств. Сегодня общественное мнение об абортах становится более либеральным: мотивы прерывания беременности смещаются от социальных к личному выбору женщины [6]. 50% опрошенных ВЦИОМ отмечают, что среди их знакомых есть женщины, делавшие аборт.

Ценность – святость брачного союза

Православие рассматривает развод как негативное явление, нарушающее божественный закон и выступает за пожизненную верность супругов. Нерасторжимый брак как один из постулатов православной семьи сегодня также вытесняется из социальных установок населения. Разводы в России становятся всё более распространённым явлением. По результатам исследования Брянского университета, большинство опрошенных одобряют развод при семейном кризисе, и лишь 14% респондентов «осуждают» разводы, полагая, что брак необходимо сохранять [5].

Ценность – целомудренность половых отношений

Православные каноны рекомендуют сохранять обет целомудрия до брака, объясняя его медицинскими и нравственными причинами. Целомудренность, согласно православию, должна сохраняться и в супружеских отношениях. Эта ценность сегодня также не находит полноценного отражения в общественном мнении. Согласно опросу ВЦИОМ о нравственных аспектах личной жизни, 60% россиян считают вступление в сексуальные отношения до брака допустимым, и только 13% считают это абсолютно неприемлемым; негативно к супружеским изменам относятся подавляющее большинство (около 90%), а терпимо – каждый десятый опрошенный [7].

Ценность – внутрисемейная иерархия и разделение обязанностей

В традиционной семье существует четкое разграничение обязанностей и ролей: муж – глава семьи, жена – хранительница домашнего очага и мать, занимающее место «за мужем». Сегодня внутрисемейные отношения несколько отличаются от традиционных: в современном обществе превалирует установка о равноправии партнёров и равной доли ответственности за материальное и духовное благополучие семьи, что расходится с традиционной моделью православной семьи [5].

Таким образом, традиционные семейные ценности в России сегодня находятся под угрозой: приоритет материального над духовным, высокая трудовая занятость родителей и изменение гендерных ролей размывают исторические установки. Сегодня целомудренность половых отношений и святость брака как ценности утрачивают свою значимость, а рождение детей теряет статус главной цели брачного союза. Брачные отношения в наши дни имеют скорее правовую основу регулирования, а не религиозную, что формализовало отношения супругов и привело к подрыву священного статуса брака. Тем не менее, супружеская верность и взаимопонимание внутри семьи по-прежнему разделяются большинством россиян.

Список литературы:

1. Палибина А.С. Семейные ценности в контексте православия // Дискуссия. 2011. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-tsennosti-v-kontekste-pravoslaviya/viewer> (дата обращения: 02.03.2025)
2. Ищенко О. А. Роль православия в реализации государственной семейной политики // Труды Академии управления МВД России. 2024. №4 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-pravoslaviya-v-realizatsii-gosudarstvennoy-semeynoy-politiki/viewer> (дата обращения: 19.04.2025)
3. «Нетрадиционные» отношения, их пропаганда и влияние на сексуальное поведение // ВЦИОМ. Новости URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/netradicionnye-otnoshenija-ikh-propaganda-i-vlijanie-na-seksualnoe-povedenie>
4. Однополые браки: табу или новая норма? // ВЦИОМ. Новости URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odnopolye-braki-tabu-ili-novaja-norma>
5. Евлаш С. Ю. Отношение студенческой молодежи к православным семейным ценностям // РИС Ученого совета Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы. – С. 380. URL: <https://unisop.rudn.ru/Doc/%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D0%A2%D0%B5%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F.pdf#page=380>
6. Прерывание беременности: за, против и какова роль государства // ВЦИОМ. Новости URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/preryvanie-beremennosti-za-protiv-i-kakova-rol-gosudarstva>

7. О сексе и любви 30 лет спустя // ВЦИОМ. Новости URL:
<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sekse-i-ljubvi-30-let-spustja>

Использование искусственного интеллекта в рабочих процессах: возможности и ограничения

Тересина Анастасия Игоревна
Российский Университет Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Россия, teresenan@mail.ru

Перевалова Ульяна Сергеевна
Российский Университет Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Россия, perevalova.ulya@mail.ru

Развитие информационных технологий стало неотъемлемой чертой современности, процессы, связанные с цифровизацией, рутинизируются. Искусственный интеллект (далее ИИ) – одна из наиболее обсуждаемых разработок. Однако непонимание принципов работы этой технологии и слабая прогнозируемость последствий использования обуславливают высокую степень недоверия к ней. Более того, инновационный характер разработки делает необходимым обращение к экспертной оценке возможностей и рисков ее использования.

Для оценки социальной значимости внедрения ИИ в рабочие практики летом-осенью 2024 года была проведена серия экспертных интервью, участниками которых стали 10 социологов, интересующихся развитием ИИ и использующих его в своей работе. Отсутствие привязки к географической переменной позволило рассмотреть как столичные практики, так и ограничения использования ИИ в отдаленных регионах страны.

Экспертами описываются преимущества обращения к сервисам ИИ для выполнения рутинных обязанностей и экономии времени на более сложные операции. Рассматривая перспективы автоматизации HR-процессов, отмечается, что ИИ может использоваться менеджером по подбору персонала. Технология способна отбирать тех, кто подходит под требования вакансии, отвечать на заявки и взаимодействовать с кандидатом на первичных этапах отбора, что значительно упрощает работу специалиста. По данным исследования «Сбер», с помощью системы «СберПодбор» в некоторых компаниях «операционная нагрузка на сотрудников HR-команды сократилась на 40%, а количество вышедших на контакт кандидатов выросло на 42%» [1].

Однако несмотря на возможности первичной оценки кандидата, необходимо учитывать угрозу дискриминации, которая обусловлена «науцаемостью» алгоритмов ИИ (данные, которые будут восприниматься им

как руководство к действию, могут представлять конкретные культурные особенности или быть устаревшими) и отсутствием у него гибкости во многих вопросах (например, ИИ не обладает эмоциональным интеллектом). Другим дискуссионным моментом становится вопрос конфиденциальности данных.

В то же время ИИ уже сейчас способен помогать рекрутеру при проведении онлайн-интервью: алгоритмы ИИ способны анализировать мимику, жесты, интонацию людей, что позволяет оценить ряд важных характеристик. Искусственный интеллект может использоваться для автоматизации процесса размещения вакансий, операций подбора, адаптации и обучения персонала, оформления документации и прогнозирования процессов, связанных с УЧР [2].

Важно отметить, что все вышеперечисленное предполагает наличие у HR-специалистов навыков работы с различными моделями ИИ. Новая реальность требует больших интеллектуальных вложений. Стремительно увеличивается количество вакансий, где необходимы навыки в программировании, формировании запросов для ИИ и т.д.

Вместе с тем очень остро стоит вопрос о последствиях использования ИИ студентами в процессе обучения. Одни эксперты считают, что при приеме на работу будет диагностировано снижение компетенции представителей нового поколения. Другие, наоборот, – что это приведет к более вдумчивому подходу к оценке знаний и навыков. Более того, участники интервью признаются, что стоит критически оценивать результаты работы ИИ. Они рассказывают о случаях, когда бездумное обращение к рассматриваемой технологии со стороны их коллег становилось препятствием при решении командных задач.

Интеграция ИИ приводит к росту рефлексивности сотрудника на своем рабочем месте. Социологи убеждены, что возможность использования ИИ для автоматизации даже ряда интеллектуальных задач позволит осознать ценность человеческого капитала в том виде работы, с которым не справляются передовые технологии, в то же время это приведет к исчезновению практик, не предполагающих реальных усилий со стороны работника, выступающих формальными атрибутами деятельности.

Работа с ИИ предполагает достаточно серьезные ресурсные вложения для получения релевантных результатов. В ходе интервью участники часто сравнивали ИИ с реальными ассистентами – сначала ими затрачивается большое количество времени, чтобы обучить и контролировать ход их работы, но потом усилия окупаются, а информационные сервисы становятся ценным «помощником» в условиях ускоряющихся рабочих процессов.

Более того, формируется убеждение, что развитие ИИ не приведет к обесцениванию человеческого капитала на рынке труда. Отмирание ряда профессий будет сопряжено с появлением новых рабочих мест, например, для выполнения ряда контролирующих практик. Не стоит упускать из виду и значительные ограничения использования ИИ для решения разнообразных рабочих задач.

Таким образом, внедрение искусственного интеллекта в повседневные рабочие процессы формирует новые запросы внутри персонала

организаций. Рост ценности человеческого капитала обуславливает необходимость разработки современных способов по укреплению групповой сплоченности и трудовой мотивации в условиях распространения технологий, позволяющих «симулировать» собственную деятельность. ИИ предлагает большой потенциал возможностей, обращение к которым в то же время невозможно без глубокой критической оценки.

Список литературы:

1. От подбора персонала до кадрового прогнозирования. Как HR-отделы могут использовать AI в 2025 году // СберПро Медиа URL: <https://sber.pro/publication/ot-podbora-personala-do-kadrovogo-prognozirovaniya-kak-hr-otdeli-mogut-ispolzovat-ai-v-2025-godu/> (дата обращения: 03.06.2025)
2. Блинникова А. В., Йинг Д. К. Использование искусственного интеллекта в процессах управления человеческими ресурсами // Вестник ГУУ. 2020. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-protsessah-upravleniya-chelovecheskimi-resursami> (дата обращения: 02.06.2025)

Экономическая политика и реформы, направленные на снижение бедности и повышение ИЧР

Трухин Максим Михайлович
Казанский (Приволжский Федеральный Университет)
Казань, Россия, truhinmaksim15@gmail.com

Проблема бедности и повышение Индекса человеческого развития (ИЧР) остаются одними из ключевых вызовов для большинства стран мира, включая Россию. Несмотря на экономический рост последних десятилетий, значительная часть населения по-прежнему сталкивается с ограничениями в доступе к образованию, здравоохранению и достойному уровню жизни. Углубляющееся региональное неравенство, демографические изменения и быстрое развитие технологий требуют новых подходов к формированию экономической политики. Актуальность темы обусловлена необходимостью поиска эффективных инструментов и реформ, способных не только снизить уровень бедности, но и обеспечить устойчивое повышение качества жизни и человеческого потенциала в долгосрочной перспективе.

Индекс человеческого развития (ИЧР) интегрирует три ключевых аспекта:

- Долголетие и здоровье (ожидаемая продолжительность жизни);
- Образование (средняя продолжительность обучения и ожидаемая длительность образования);

- Достойный уровень жизни (ВНД на душу населения).

Бедность, в свою очередь, определяется не только доходом ниже прожиточного минимума, но и ограниченным доступом к базовым услугам: образованию, здравоохранению, инфраструктуре.

Если говорить о ключевых направлениях экономической политики, то они предполагают:

1. Стимулирование экономического роста и занятости

Повышение МРОТ до 42% от медианной зарплаты (в России с 2021 года – 12 792 рубля).

Создание высокопроизводительных рабочих мест через поддержку малого и среднего бизнеса, развитие цифровых технологий и туризма. В качестве примера можно привести китайские реформы 1970–80-х годов, которые увеличили ВВП на 9,5% ежегодно, выведя 800 млн человек из бедности. [2]

2. Адресная социальная поддержка

Ежемесячные выплаты семьям с детьми (в России охвачено 3,5 млн семей).

Реформа прожиточного минимума – установление на уровне 44,2% от медианного дохода.

Программы профессиональной переподготовки для снижения структурной безработицы.

3. Инвестиции в человеческий капитал

Образование: В Китае уровень грамотности вырос с 65,5% (1982) до 96,8% (2018), что стало основой экономического рывка. [4]

Здравоохранение: Внедрение программ превентивной медицины и цифровых медсервисов увеличивает продолжительность жизни.

Социальная инфраструктура: Строительство школ, больниц и общественных пространств напрямую влияет на ИЧР регионов

4. Региональные стратегии

В России 18 субъектов достигли прироста ИЧР выше 0,9 пунктов за счёт[3]:

- 1)развития городской среды;

- 2)повышения доступности образования;

- 3)поддержки местных предпринимателей.

Пример: Республика Саха (Якутия) и Астраханская область вошли в топ по динамике ИЧР благодаря инвестициям в инфраструктуру.

В современной России снижение уровня бедности является одной из приоритетных задач государственной экономической политики. Для достижения этой цели реализуется комплекс мер, направленных как на поддержку наиболее уязвимых категорий населения, так и на стимулирование экономической активности и создание условий для устойчивого роста доходов граждан.

Во-первых, важнейшей мерой выступает повышение минимального размера оплаты труда (МРОТ). В последние годы МРОТ устанавливается на уровне не ниже прожиточного минимума трудоспособного населения, что позволяет обеспечить базовую защиту от крайней бедности для наименее

обеспеченных работников. Такая политика способствует сокращению доли работающих бедных и формированию более справедливой системы оплаты труда.

Во-вторых, значимую роль играет индексация пенсий и социальных выплат. Ежегодное увеличение страховых пенсий по старости для неработающих пенсионеров, а также других социальных пособий темпами, опережающими инфляцию, позволяет поддерживать уровень жизни пожилых граждан и других социально уязвимых групп, снижая риск их попадания в бедность.

Третьим направлением является развитие адресной социальной поддержки. В последние годы в России внедряются механизмы назначения ежемесячных денежных выплат малоимущим семьям, особенно с детьми. Расширяется практика предоставления адресных мер поддержки на основе оценки нуждаемости, что позволяет более эффективно распределять ресурсы и помогать тем, кто действительно в этом нуждается.

Особое внимание уделяется поддержке семей с детьми. Существенно увеличены размеры и расширены условия получения материнского капитала, введены выплаты на первого ребенка, а также реализуются программы бесплатного горячего питания для учащихся начальной школы. Эти меры направлены на снижение детской бедности и повышение качества жизни молодых семей.

В ходе исследования выявлено, что успешные стратегии снижения бедности и повышения ИЧР базируются на комплексном подходе, включающем стимулирование экономического роста, адресную социальную поддержку, инвестиции в человеческий капитал и развитие региональных программ. Проанализированы примеры международного и российского опыта, показавшие эффективность сочетания макроэкономической стабильности и социальных реформ. Особое значение имеют меры по развитию образования и здравоохранения, а также внедрение цифровых инструментов для повышения адресности государственной поддержки. Итогом работы стало обоснование необходимости системного и интегрированного подхода к экономической политике, ориентированной на долгосрочное улучшение качества жизни и сокращение бедности.

Список литературы:

1. Экономические основы государственной политики преодоления бедности в Российской Федерации // ДиссерКэт. URL: (дата обращения: 04.06.2025)
2. Москалева К.С., Кузнецова К.С. Исследование индекса человеческого развития в России // Росстат. URL: <https://64.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%9C%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0%20%D0%9A.%D0%A1.%20D0%9A.%D1%83%D0%B7%D0%BD%D0%B5%D1%86%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D0%9A.%D0%A1..pdf> (дата обращения: 04.06.2025)

3. Социальная защита в России до и после пандемии: развилки будущего // Доклад НИУ ВШЭ, 2024. URL: https://www.hse.ru/data/2024/03/01/2082502598/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B7%D0%B0%D1%89%D0%B8%D1%82%D0%B0-%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4_24.05.pdf
4. Гукасян П.Т. Бедность как социально-экономическая проблема России // Проблемы прогнозирования. 2023. URL: https://www.pp-mag.ru/jour/article/view/1704?locale=ru_RU
5. Оценка человеческого развития в Российской Федерации // Вестник Цифровой экономики и управления. 2023. URL: <https://vcug-journal.ru/index.php?view=article&id=183%3Aotsenka-chelovecheskogo-razvitiya-v-rossijskoj-federatsii&catid=2>

Анализ готовности аспирантов к работе в науке (по данным опроса в Вологодской области)

Фетюков Александр Васильевич
Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Россия, s.fet94@rambler.ru

В связи с рядом проблем, сложившихся в сфере подготовки научных кадров, особенно на уровне регионов (таких как высокая степень концентрации аспирантов и исследователей в крупных городах, низкая привлекательность занятости в секторе науки, снижение числа защищенных кандидатских диссертаций), все больше внимания исследователей стало уделяться качественным аспектам обучения в аспирантуре. В научной литературе уже изучены некоторые факторы готовности к профессиональной деятельности молодых ученых, например, доказано, что эффективность реализации молодых ученых в научном мире зависит от межпоколенческой преемственности, уровня оплаты труда и уровня инвестиций в человеческий капитал [1-6].

Целью исследования является анализ готовности аспирантов к работе в науке. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: изучение профессиональных планов аспирантов и уровня полученных во время обучения знаний, необходимых для работы в науке на примере региона.

Для достижения поставленной цели исследования в 2024 г. было проведено сплошное анкетирование учащихся 1-3 курсов аспирантуры в научных и научно-образовательных организациях Вологодской области по вопросам профессиональной готовности к научно-исследовательской деятельности. Размер выборочной совокупности составил 42 человека.

Согласно данным опроса, 78,1% аспирантов считают, что полученных за время обучения знаний им достаточно для проведения научного исследования и участия в научных проектах. 39,0% респондентов намерены после завершения обучения в аспирантуре заниматься исследовательской или преподавательской деятельностью в вузе, 19,5% планируют проводить исследования и разработки, работая непосредственно в научной сфере, 17,1% будут заниматься исследованиями в других подходящих местах: на производстве, в технической и инновационной сферах. В целом, 75,6% аспирантов в той или иной форме планируют связать свою профессиональную деятельность с научно-исследовательской и научно-образовательной работой. Оставшиеся 24,4% аспирантов планируют работать на государственной службе, в финансовой сфере и торговле, других секторах экономики. Количество готовых работать в науке аспирантов на первый взгляд достаточно высоко, однако если мы взглянем на статистику, то увидим, что в 2016 г. и 2021 г. доля работающих по специальности среди выпускников программ аспирантуры в Вологодской области достигала 100,0%, а в масштабе России эта доля выросла с 84,4% до 89,6% [7]. Поэтому результаты нашего опроса 2024 г. являются тревожным сигналом возможного снижения привлекательности работы в науке для аспирантов.

Однако не все аспиранты выбирают профессию ученого осознанно. Кто-то намерен оттянуть выход на рынок труда, кто-то рассчитывает, что аспирантура позволит избежать службы в армию по призыву, кто-то рассчитывает повысить свои конкурентные навыки на рынке труда в другой сфере. Поэтому вполне вероятно, что в процессе обучения даже у тех аспирантов, у кого сформировались необходимые компетенции, не сформировалось намерение остаться в профессии, которое может выступать одним из ключевых факторов для принятия решения о карьере ученого. В то же время научно-технологическое развитие региона и страны может пострадать, если исследованиями и разработками будут заниматься ученые, у которых не сформировалось необходимых компетенций. В связи с этим нами был проведен кластерный анализ с использованием вопросов анкеты: 1) «Что Вы планируете делать сразу после окончания аспирантуры?»; 2) «Как вы считаете, достаточно ли Вам для проведения научного исследования (участия в научном проекте) знаний, полученных в ходе обучения?». Было выделено 4 кластера аспирантов: Готовые к работе в науке (АА – 63,4%), недостаточно готовые к работе в науке (АВ – 12,2%), не планирующие работать в науке (ВА – 14,6%) и не готовые к работе в науке (ВВ – 9,8%). В кластер АА попали полностью готовые к работе в науке аспиранты: они связывают свои профессиональные планы с этой сферой и считают, что у них есть для этого необходимые знания. С высокой долей вероятности можно утверждать, что они успешно защитят свои диссертации.

Особый интерес представляет кластер аспирантов АВ (12,2%), которые планируют работать в науке, но считают, что полученных знаний у них недостаточно. Основными мотивами поступления в аспирантуру для 26,8% из них являлось стремление в ходе проведения исследования открыть или создать что-то новое, для 17,1% принести пользу обществу, для 34,1% получить признание своих способностей, для 24,4% возможность

продвижения по службе. Эти аспиранты уже имеют некоторое представление о работе в научной сфере и желают связать с ней свои профессиональные планы. Однако нехватка компетенций может помешать им защитить кандидатскую диссертацию, без которой молодым ученым в дальнейшем будет трудно реализовать свой потенциал. Участие научной организации-работодателя в развитии профессиональных компетенций может помочь им эффективно интегрироваться в научное сообщество и принести пользу обществу.

В случае с аспирантами кластеров ВА (не планируют работать в науке, но считают, что знаний достаточно) и ВВ (не планируют работать в науке и считают, что знаний недостаточно) следует поднимать вопрос об усилении подготовки аспирантов – профориентационной, информационной, методической, теоретической и практической.

Привлечение в профессиональную деятельность всех групп аспирантов с учетом корректировки уровня готовности приобретает особую важность для научно-технологического развития страны, поскольку сложившиеся непростые демографические и геополитические условия диктуют необходимость более бережного отношения к кадрам. «России важен каждый», о чем заявлял в Послании Федеральному собранию Президент Российской Федерации В.В. Путин в феврале 2024 г.

Наше исследование расширяет представления об эффективности подготовки аспирантов и позволяет классифицировать группы аспирантов в зависимости от профессиональных планов и самооценки полученных знаний.

Список литературы:

1. Головчин М. А. Измерение профессиональной готовности к педагогической деятельности будущих учителей на основе критериально-уровневой оценки // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17, № 4. С. 882-903. DOI 10.21202/2782-2923.2023.4.882-903.
2. Иванченко О.С. Молодые ученые в России и проблемы их профессионализации в научно-исследовательском дискурсе // Гуманитарий Юга России. Т. 9, №. 6, 2020. С. 99-110.
3. Леонидова Г. В. Оплата труда ученых как фактор готовности молодежи к научной деятельности // Human Progress. 2024. Т. 10, № 3. С. 3. DOI 10.34709/IM.1103.3
4. Мельников Р. М. Эффективность инвестиций в подготовку аспирантов в современных условиях и пути ее повышения // Россия: тенденции и перспективы развития. 2019. №14-1.
5. Молодые ученые назвали основные для себя проблемы. URL: <https://fedpress.ru/article/2936420> (дата обращения 18.05.2025).
6. Фетюков А. В., Леонидова Г. В. Готовность к трудоустройству по профессии (на данных опроса выпускников педагогических направлений подготовки) // Социальное пространство. 2024. Т. 10, № 1. DOI 10.15838/sa.2024.1.41.4.

7. Федеральное статистическое выборочное наблюдение трудоустройства выпускников, получивших среднее профессиональное и высшее образование. URL:
https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr_2021/index.html (дата обращения 18.05.2025).

Влияние миграционных процессов на социально-экономическое развитие Свердловской области: эффективность государственной политики и трансформация рынка труда

Хусенов Сайфулло Халимбоевич
Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
Екатеринбург, Россия, sayfullohusenov2104@gmail.com

Ваторопин Александр Сергеевич
Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
Екатеринбург, Россия, vatoropin-as@ranepa.ru

Оценка эффективности мер государственной политики в сфере миграции и демографии является важнейшим элементом управления: она позволяет понять, достигаются ли поставленные цели, и скорректировать подходы при необходимости. В данном подразделе проанализируем текущие результаты и проблемы в реализации политики, опираясь на данные последних лет и исследования экспертов.

Демографические итоги последних лет. На фоне усилий государства по стимулированию рождаемости и поддержке семей демографические показатели в начале 2020-х годов продолжают оставаться сложными. Коэффициент рождаемости после краткого подъема в 2012–2016 гг. вновь снижается: в 2022 г. он составил около 1,45, в 2023 г. – порядка *1,42 ребенка на женщину. Это существенно ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства (2,1). Естественная убыль населения сохраняется: в 2022 г. она превысила 600 тыс. человек, в 2023 г. – около 500 тыс. человек. Целевой ориентир – стабилизация численности – пока не достигнут. При этом миграционный прирост частично смягчает убыль. В 2023 году численность населения РФ снизилась меньше, чем годом ранее, так как *миграционный прирост компенсировал почти половину естественной убыли. Однако полного замещения пока нет: лишь в 10 регионах миграционный приток полностью перекрыл потери населения за счет смертности. [1]

Положительным моментом является некоторая стабилизация смертности после пика пандемии COVID-19. Продолжительность жизни начала восстанавливаться: с 70,1 года (2020) до ~72,8 года (2023). Но до целевых 78 лет к 2030 еще далеко. Материнская смертность и младенческая смертность снизились до исторически минимальных уровней, что свидетельствует об

эффективности мер в здравоохранении (перинатальные центры, родовые сертификаты).

Эффективность мер поддержки семей оценивается по тому, насколько они влияют на решение завести ребенка. Социологические опросы (например, выборочное наблюдение Росстата) показывают, что желательное число детей в семьях немного выше фактического, но основная масса респондентов ориентирована на двух детей. Меры стимулирования пока не привели к заметному росту доли семей с тремя и более детьми – она остается порядка 6–7% от общего числа семей с детьми. Тем не менее, темп сокращения рождаемости в 2022–2023 замедлился по сравнению с предыдущими годами, возможно, благодаря госпрограмме выплат на первого и второго ребенка (введенной с 2018 и расширенной в 2020).[2] Аналитики отмечают, что дискурс о многодетности постепенно меняется, но «не оказывает существенного влияния на общий итог рождений», так как упирается в ценностные установки и реальные ограничения (жилищные условия, доходы).

Исполнение национальных проектов и программ. По официальным отчетам, нацпроект «Демография» к 2024 году выполнил ряд важных индикаторов: например, ежегодно порядка 1 млн семей получают выплаты при рождении первого или второго ребенка; введено более 90 тыс. новых мест в яслях (хотя полностью очередь не ликвидирована); доля граждан, ведущих ЗОЖ, выросла до 45%. Однако ключевой целевой показатель – естественный прирост населения – не был достигнут. Правительство признает, что требуются дополнительные усилия, поэтому и была разработана новая стратегия до 2036 г.

Региональные программы также дали неоднозначные результаты. В Свердловской области за 2023 год число рождений снизилось, несмотря на принятые меры, однако снижение было менее резким, чем могло бы быть без мер поддержки. Возможно, эффект программы скажется с некоторым лагом во времени, поскольку многие инициативы (например, доплаты студентам-родителям, поддержка ЭКО) стартовали лишь во второй половине 2023 года. [3]

Эффективность миграционной политики. В сфере миграции прослеживаются определенные успехи: после спада 2020–2021 (ковид и отток мигрантов) в 2023 году миграционный прирост заметно увеличился. По данным МВД, за 2023 год миграционный прирост составил около 290 тыс. человек (против 70 тыс. в 2021 г.) – близко к уровню доковидного 2019 года. Это означает, что Россия остается привлекательной для мигрантов, прежде всего из стран СНГ. Структура миграционного притока: основные источники – Узбекистан, Таджикистан, Киргизия (на них приходится до 70% прибывших иностранцев. Увеличился приток из Белоруссии и Армении (вследствие интеграционных процессов ЕАЭС). [4] Вместе с тем, миграционная политика столкнулась с новыми вызовами – притоком беженцев и вынужденных переселенцев из зон конфликтов (Донбасс, Украина). Это потребовало экстренной мобилизации ресурсов для их размещения и интеграции. В целом российская миграционная система справилась с этой задачей: более 2,5 млн граждан Украины получили временное убежище или иной легальный статус в РФ за 2022–2023 гг., им оказана помощь.

Негативные явления. Отмечается рост напряженности, связанный с мигрантами, в некоторых регионах. Осенью 2023 г. произошел всплеск обсуждений проблемы адаптации мигрантов после ряда резонансных случаев (драки, правонарушения). Это указывает, что меры по социокультурной адаптации пока недостаточно эффективны. В планах правительства усилить эту работу – что и отражено в новом плане мероприятий (развитие курсов русского языка, создание центров адаптации). [5]

Кроме того, миграция пока не решила проблему кадрового голода. Как уже упоминалось, эксперты заключают: «несмотря на растущее миграционное сальдо, кадровый голод во многих регионах сохранился», и миграционный поток не будет достаточен для покрытия нехватки квалифицированных специалистов. То есть, эффективность миграционной политики в части восполнения высококвалифицированных кадров оценивается как недостаточная. В ответ государство планирует скорректировать приоритеты – например, рассматривается введение балльной системы иммиграции для привлечения образованных мигрантов (аналог канадской модели).

Региональный аспект эффективности. Свердловская область как крупный индустриальный регион демонстрирует показатели лучше среднероссийских по некоторым параметрам (например, миграционный прирост там положительный, тогда как в ряде регионов – отрицательный). В 2024 г. безработица в области опустилась ниже 2%, что свидетельствует о практически полном использовании трудового потенциала, но одновременно – о дефиците рабочих кадров. [6] Этот дефицит пытаются закрывать мигрантами: так, в 2024 г. потоки иностранной рабочей силы в Свердловскую область выросли, особенно по строительным специальностям. Однако внутренний отток молодежи в столичные регионы продолжает иметь место, снижая эффективность региональных мер по удержанию населения.

Мониторинг и оценка политики. В России пока отсутствует единая методика оценки эффективности миграционной политики, однако предпринимаются попытки ее разработать. Предлагаются такие критерии, как уровень удовлетворенности потребностей рынка труда, уровень интегрированности мигрантов (например, доля владеющих русским языком), влияние миграции на криминогенную ситуацию и межнациональные отношения. По многим из этих критериев ситуация в целом контролируемая, но есть пространство для улучшения. Например, криминальная ситуация: доля иностранных граждан среди правонарушителей невысока (около 3%), однако ряд преступлений получил широкий общественный резонанс, требуя дополнительных мер профилактики.[7]

В области демографии критериями эффективности выступают динамика показателей рождаемости, смертности, продолжительности жизни, миграционного прироста, а также индексы – например, индекс демографического благополучия. Согласно исследованиям, демографическое благополучие России в 2020-е ухудшилось (из-за сочетания низкой рождаемости и высокого старения. Меры политики замедляют это ухудшение, но пока не переломили тренд.

Государственная политика в сфере миграции и социально-демографических отношений дала неоднозначные результаты. Удалось

смягчить негативные тенденции, но не устранить их полностью. С одной стороны, без этих мер ситуация была бы значительно хуже (как отмечают эксперты, демографический кризис мог быть глубже без господдержки семей). С другой стороны, многие целевые ориентиры еще не достигнуты. Это указывает на необходимость продолжения и наращивания усилий, поиска новых подходов. К 2025 году планируется провести комплексную оценку выполнения Концепции миграционной политики и нацпроекта «Демография», чтобы скорректировать стратегии на следующий период. Такой пересмотр уже фактически начался – через принятие новых стратегических документов, о чем говорилось выше.

Список источников:

1. Доклад о социально-экономическом развитии Свердловской области за 2023–2024 годы [Электронный ресурс] // Министерство экономики и территориального развития Свердловской области, 2024. – URL: (необходимо указать URL) (дата обращения: 14.03.2025).
2. Колотовкина П. Социологическое исследование: мигранты на рынке труда Свердловской области [Электронный ресурс] // Институт экономики УрО РАН. – 2024. – URL: <https://uiiec.ru/news-06082024/> (дата обращения: 14.03.2025).
3. Лаврикова Ю.Г. Как решить проблему кадров при демографическом спаде [Электронный ресурс] // Российская газета. – 14.03.2024. – URL: <https://rg.ru/2024/03/14/reg-urfo/ne-utonut-v-demograficheskoy-volne.html> (дата обращения: 14.03.2025).
4. Население Свердловской области сократилось на 25 тысяч человек [Электронный ресурс] // Политсовет, 29.06.2022. – URL: <https://politsovet.ru/74297-naselenie-sverdlovskoy-oblasti-sokratilos-na-25-tysyach-chelovek.html> (дата обращения: 14.03.2025).
5. Область ждет рекордная за десятилетие миграционная убыль населения [Электронный ресурс] // РБК Екатеринбург, 2022. – URL: <https://ekb.rbc.ru/ekb/freenews/6369fb539a79472bfd10037a> (дата обращения: 14.03.2025).
6. Отчёт Управления по вопросам миграции ГУ МВД России по Свердловской области за 2024 год. – Екатеринбург, 2024. – (необходимо указать количество страниц).
7. Свердловская область: демографический ежегодник. Статистический сборник за 2023 год. – Екатеринбург: Свердловскстат, 2024. – (необходимо указать количество страниц).

Интеллектуальная революция в управлении персоналом: как искусственный интеллект меняет правила игры

Чуреков Илья Игоревич

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия, ilyachurekov@gmail.com

Темы искусственного интеллекта и его использования в последнее время остро стоит перед учеными. Одним из наиболее перспективных направлений использования – сфера управления человеческим ресурсом. Переход к цифровой экономике ставит перед компаниями новые задачи по совершенствованию HR-процессов, созданию эффективной системы подбора и удержания талантов, оптимизации кадровой политики и максимальному раскрытию потенциала сотрудников.

Однако наряду с возможностями появляются и значительные вызовы. Один из главных заключается в недостаточной готовности большинства предприятий к полноценному освоению преимуществ искусственного интеллекта. Недостаточная квалификация менеджеров, отсутствие стандартов использования AI-технологий, высокая стоимость разработок создают препятствия для массового внедрения этих инструментов.

Другая существенная проблема – неопределённость правовых и этических рамок применения искусственного интеллекта в управлении персоналом. Отсутствие ясных нормативных актов и принципов ответственности создаёт почву для потенциальных конфликтов и ущемления прав сотрудников.

Сегодня традиционные модели управления человеческими ресурсами сталкиваются с рядом серьезных вызовов. Прежде всего, это ускорение темпов экономической динамики, глобализационные процессы и цифровизация всех сфер деятельности. Компании вынуждены оперативно реагировать на внешние изменения, адаптировать свою стратегию управления персоналом к новым условиям ведения бизнеса.

Классические методы отбора и оценки сотрудников часто оказываются недостаточно эффективными.[1] Традиционные процедуры рекрутинга требуют значительных временных затрат и нередко приводят к ошибкам в выборе кандидата. В результате возникают трудности с подбором квалифицированных специалистов, что негативно сказывается на общей эффективности организации.

Одним из важнейших направлений стало стремление создать динамичные команды профессионалов, способные быстро перестраиваться под меняющиеся требования рынка. Таким образом, классические линейные иерархические структуры уступают место горизонтальным сетевым организациям, где каждая единица способна вносить вклад в общее дело.

Переход к новому типу управления человеческими ресурсами невозможен без учета особенностей технологического прогресса.

Искусственный интеллект позволяет качественно изменить многие элементы кадровой политики предприятия.[2]

Например, AI помогает эффективно планировать потребность в сотрудниках, учитывая как внутренние потребности организации, так и внешние макроэкономические показатели. Появляется возможность строить прогнозы относительно необходимого количества работников в зависимости от сезонности спроса или колебаний рынков.

Также важная задача – оптимизировать оценку профессионализма и личностных качеств сотрудников. Благодаря использованию интеллектуальных алгоритмов появляется возможность точно определять сильные стороны работника, направлять его развитие в наиболее подходящие для него профессиональные ниши и обеспечивать индивидуальную программу карьерного роста.

Важной частью новой кадровой политики становится внедрение гибких форм занятости. Например, платформы фриланса и аутсорсинга предлагают компаниям доступ к профессионалам из любой точки мира, снижая расходы на содержание постоянного штата сотрудников.

Несмотря на очевидные плюсы, применение искусственного интеллекта в управлении персоналом вызывает ряд этических вопросов. Наиболее серьезные связаны с возможной предвзятостью алгоритмов, используемой для принятия решений о приеме на работу или продвижении сотрудника. Так, некоторые алгоритмы могут оказаться чувствительны к полу, возрасту или этнической принадлежности кандидата, усиливая существующие стереотипы и несправедливость.

Еще одна серьезная проблема связана с защитой личных данных. Информация о сотрудниках должна храниться строго конфиденциально, однако иногда существует риск утечки данных или злоупотреблений со стороны недобросовестных пользователей.

Кроме того, важным вопросом является ответственность за принятие решений. Кто несет ответственность за решение, принятое искусственным интеллектом, если оно оказалось неверным? На данный момент не существует достаточно разработанного вопроса использования искусственного интеллекта в правовом поле, что приводит к большому количеству споров.

Подводя итог, стоит отметить, что перспективы использования искусственного интеллекта в сфере управления человеческими ресурсами крайне велики, у него есть на это потенциал. Но важно не забывать, что человеческий потенциал оценивается не только цифрами, но и чем-то более. Такие компоненты как нераскрытый талант или перспектива на будущее – не представляются возможным для оценки машиной. Итоговое решение и этическая ответственность лежит на человеке, поэтому важно принимать технологии искусственного интеллекта не как самостоятельную единицу, а как надежный инструмент в руках специалиста.

Список литературы:

1. Чуреков, И. И. Обзор показателей оценки качества медицинских организаций и услуг / И. И. Чуреков // Социологические чтения:

социальные тренды современности : Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 01 апреля 2024 года. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления "НИНХ", 2024. – С. 307-311. – EDN QJJJORU.

2. Промина, М. А. Использование HR-аналитики в оптимизации кадровых процессов / М. А. Промина // Вестник науки. – 2025. – Т. 1, № 1(82). – С. 35-40. – EDN KKPZGT.

Эволюция политики Китая в сфере старения и стратегические коррективы

Юй Анна Николаевна

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия, kostenkoanna04@gmail.com

Юй Ян

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, yuyangprozidise911@gmail.com

Лю Тяньси

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, liutianxi19@gmail.com

На фоне ускоряющейся тенденции демографического старения разработка научно обоснованных и эффективных стратегий поддержки пожилого населения становится важнейшим инструментом адаптации общества к глубокой социальной трансформации. Китай и Россия, как два государства, стремительно переходящих в фазу глубокой демографической старости, сталкиваются с аналогичными структурными вызовами. Однако в процессе выработки ответных мер, построении институтов и реализации стратегических программ обе страны демонстрируют значительные различия, отражающие их институциональные логики, культурные традиции, характер государственного управления, способы распределения бюджетных ресурсов и формы общественного участия [1].

С начала XXI века Китай постепенно интегрировал вопросы старения в общенациональную стратегию развития. Публикация в 2000 году "Плана развития дел по делам пожилых на 10-ю пятилетку" (опубликованного Государственным комитетом по делам пожилых людей) ознаменовала переход от эпизодического реагирования к формированию комплексной государственной политики в данной сфере. В последующие годы, особенно в период 13-й пятилетки (2016–2020 гг.), правительство Китая усилило внимание к демографическим вопросам, утвердив ряд программных

документов, включая «План развития национального дела пожилых людей и строительства системы ухода за пожилыми на 13-ю пятилетку» и «Среднесрочный и долгосрочный план активного реагирования на старение населения (2022–2035 гг.)».

Стратегическая эволюция китайской политики связана с переходом от концепции «базовой защиты» к парадигме «активного старения». Это означает смену фокуса с минимального обеспечения базовых жизненных потребностей на создание условий для полноценной социальной и экономической активности пожилых граждан [5].

В рамках этой новой стратегии выделяются пять основных приоритетов:

1. Совершенствование системы социальной защиты, охватывающей как городское, так и сельское население, с акцентом на повышение уровня пенсионного обеспечения и равенство доступа.
2. Развитие системы интеграции медицинских и социальных услуг, направленной на достижение целей здорового старения. Особое внимание уделяется созданию учреждений интегрированного ухода и расширению профилактических программ.
3. Продвижение участия пожилых в общественной и экономической жизни, включая создание платформ для занятости, добровольчества, обучения и самореализации.
4. Оптимизация окружающей среды для пожилых, в том числе адаптация жилищной инфраструктуры, транспорта и городской среды в целом под нужды старшего поколения.
5. Поддержка развития "серебряной экономики", ориентированной на инновации в области товаров и услуг для пожилых людей – от технологий "умного дома" до специализированного туризма.

С точки зрения институциональной архитектуры, Китай выстроил четырёхуровневую систему реализации старческой политики – центральный, провинциальный, муниципальный и уездный уровни взаимодействуют в рамках единой системы. Центральное правительство осуществляет стратегическое планирование и финансирование, тогда как регионы адаптируют политику под местные условия, что особенно важно для сокращения разрыва между городом и деревней.

Особое внимание уделяется строительству систем ухода в сельских районах на уровне уездов. Эта стратегия направлена на интеграцию ограниченных местных ресурсов для создания единой сети доступных социальных и медицинских услуг.

Параллельно с институциональными реформами Китай активно развивает участие негосударственного сектора в оказании услуг пожилым: предоставляются налоговые льготы, субсидируются проекты частных компаний и НКО, внедряются схемы государственно-частного партнёрства.

Особого упоминания заслуживает тот факт, что «План на 14-ю пятилетку» рассматривает старение как одну из ключевых долгосрочных переменных, влияющих на экономическую и социальную политику. Приняты три стратегические установки: позитивное восприятие старости, здоровое

старение и умные технологии для пожилых. Для их реализации разворачиваются такие инициативы, как:

- пилотные проекты системы долгосрочного ухода и страхования;
- расширение сети университетов для пожилых;
- продвижение волонтерства среди пожилых ("старшее волонтерство");
- стимулирование предпринимательства в старшем возрасте.

Китай целенаправленно строит модель, в которой пожилые рассматриваются не как пассивная группа иждивенцев, а как активные субъекты экономического, культурного и социального развития.

Список литературы:

1. Ван Юаньсин Анализ тенденций и текущего состояния старения населения России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-tendentsiy-i-tekushego-sostoyaniya-stareniya-naseleniya-rossii>.
2. Линь Цзяци Стратегическое видение и структура действий для активного преодоления старения в эпоху дивидендов долголетия // Пекинский университет URL: <https://ir.pku.edu.cn/handle/20.500.11897/634969>
3. Му Гуанцзун: Успешное старение: стратегическая концепция управления старением в Китае // Журнал Национальной академии управления URL: <http://theory.people.com.cn/n/2015/0706/c392381-27261306.html>
4. Мэн Вэйлинь, Су Цзыхань, Мищук Светлана Николаевна СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КИТАЕ // ДЕМИС. Демографические исследования / DEMIS. Demographic Research. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-demograficheskaya-situatsiya-v-kitae>.
5. Чжэн Вэй: «Раз, два, три» развития серебряной экономики | Стипендиат Школы экономики Пекинского университета // Пекинский университет, факультет экономики URL: <https://econ.pku.edu.cn/xwdt/377719.htm>

Круглый стол «Лучшие практики взаимодействия корпораций с семьями на территориях присутствия»

Приветственные слова организаторов круглого стола и приглашенных гостей

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ОРГАНИЗАТОРОВ КРУГЛОГО СТОЛА

Ручьева Ольга Евгеньевна,
Экспертный клуб «Семья и корпоративная среда»,
Образовательно-консалтинговый центр «Умная страна»,
Хаб семейных программ и проектов «Семья 3.0»,

Ковалева Алина Вячеславовна,
Национальная лаборатория социального воздействия,
ESG клуб Сколково, экспертный клуб «Семья и корпоративная среда»,
Попечительский совет БФ «Жизнь как чудо»,
Совет ТПП РФ по устойчивому развитию бизнеса, корпоративной социальной
ответственности и волонтерству,

Резниченко Анна Александровна,
ESG-клуб Сколково, экспертный клуб «Семья и корпоративная среда», ANS-
Lingua, агентство международных интеграций «АМИ»,

Антонова Елена Александровна,
Экспертный клуб «Семья и корпоративная среда»,
Финансовый университет при правительстве РФ,
образовательно-консалтинговый центр «Умная страна»,

Чегодаев Алексей Михайлович,
Экспертный клуб «Семья и корпоративная среда»,
Всероссийская общественная организация «Союз отцов»,

Журавлева Елена Константиновна,
Хаб семейных проектов и программ «Семья 3.0»,
Национальная родительская ассоциация

Уважаемые коллеги!

От имени сооснователей экспертного клуба «Семья и корпоративная среда» (семьякорпорация.рф) мы приветствуем вас. Наш клуб, созданный в 2024 году по инициативе хаба семейных проектов и программ «Семья 3.0», ESG-клуба «Сколково» и образовательно-консалтингового центра «Умная страна» представляет собой профессиональную платформу семейноцентричных практик российского бизнеса. Он объединяет более 70 экспертов и лидеров рынка в сферах HR, ESG, PR, KCO, маркетинга и бизнес-стратегии из более чем 50 ведущих компаний страны.

Сегодня мы собрались на круглом столе «Лучшие практики взаимодействия компаний с семьями на территориях присутствия». Это знаковое событие VII Международной научно-практической конференции «Социальная динамика населения и человеческий потенциал» посвящено углубленному анализу и систематизации передового научного и корпоративного опыта в сфере поддержки семей на территориях присутствия. Мы убеждены, что эффективное взаимодействие с семьями является стратегическим фактором устойчивого развития, повышения социального капитала и конкурентоспособности бизнеса в долгосрочной перспективе.

Сегодняшняя встреча знаменует собой запуск первой в своем роде платформы для прямого и продуктивного диалога между научным сообществом и бизнес-сектором. Это не просто обмен мнениями, а инициация мощного двустороннего движения: мы стремимся, чтобы передовые научные разработки и исследования получили реальное практическое применение в бизнесе, трансформируясь в конкретные, измеримые решения. Одновременно, успешные корпоративные практики, уже доказавшие свою результативность на местах, будут систематизированы, научно осмыслены и интегрированы в новое знание, обогащая академическую базу и создавая методологическую основу.

Именно такой синергетический подход позволит нам заложить фундамент для формирования в стране уникальной, практико-ориентированной школы семейноцентричной экономики и бизнеса. Экспертный клуб «Семья и корпоративная среда» ставит эту задачу в ряд своих стратегических приоритетов, выступая инициатором, архитектором и фасилитатором данного трансформационного процесса. Наша миссия – объединить усилия для создания стандартов и лучших практик, которые помогут компаниям более эффективно интегрировать семейные аспекты в свою корпоративную стратегию.

Приглашаем вас к активному участию, ценному обмену опытом и совместной разработке эффективных решений, которые определяют будущее корпоративной социальной ответственности и устойчивого развития и сделают семейноцентричность лидирующим принципом российского бизнеса.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО И.В. ВОЛЫНЕЦ

Волынец Ирина Владимировна,
Аппарат Уполномоченного по правам ребенка в Республике Татарстан,
Комиссия Государственного Совета РФ по направлению «Семья»,
Национальный родительский комитет,

Уважаемые коллеги!

В современных условиях трансформации института семьи особую актуальность приобретает проблема роли отца в воспитании детей и его вклада в социальное благополучие общества. Несмотря на значительные усилия государства в поддержке материнства, отцовство как социальный институт остается недостаточно институционализированным, что подтверждается статистикой: в России более 30 млн детей, 40% из которых растут без отцов при их живом наличии. Данная ситуация формирует феномен «безотцовщины», оказывающий негативное влияние на социализацию детей, их психологическое здоровье и дальнейшие семейные установки.

Анализ обращений к уполномоченным по правам ребенка демонстрирует, что ключевой проблемой в сфере семейных отношений остаются конфликты по вопросам определения места жительства ребенка и порядка общения с ним после развода. Подавляющее большинство заявителей – отцы, что свидетельствует о систематическом исключении мужчин из процесса воспитания детей в постразводной ситуации. Подобная практика нередко приводит к использованию ребенка как инструмента манипуляции, что усугубляет его психологическую травму и формирует искаженные представления о семье.

В Республике Татарстан предпринимаются меры по укреплению престижа отцовства, включая инициативы досрочного выхода на пенсию многодетных отцов и учреждения звания «Отец-герой» по аналогии с «Матерью-героиней».

Однако законодательного закрепления требует вопрос медиации при семейных спорах, направленной на сохранение участия обоих родителей в жизни ребенка. Психологические исследования подтверждают, что отсутствие отцовского примера негативно сказывается на формировании семейных ценностей у детей, независимо от их пола.

Важным аспектом поддержки семьи является корпоративная политика работодателей, ориентированная на создание семейноцентричных программ. Опыт Татарстана, где предприятия предоставляют дополнительные социальные гарантии (лагеря, санаторное лечение, гибкий график), демонстрирует положительное влияние таких мер на демографическую стабильность. Кроме того, успешная реализация проекта «Точка трезвости», позволившего сохранить кровные семьи более тысячи детей, подчеркивает необходимость комплексного подхода к профилактике социального сиротства.

Таким образом, решение демографического кризиса требует пересмотра роли отца как равноправного участника воспитательного

процесса, законодательного регулирования постразводного взаимодействия родителей и расширения социального партнерства между государством, бизнесом и НКО. Только при условии восстановления авторитета отцовства и преодоления кризиса семьи возможно формирование устойчивых моделей родительства и улучшение качества детства в России.

Я благодарна организаторам этого круглого стола, объединившего экспертное сообщество для обсуждения и решения столь важных вопросов. Потому что из таких «кирпичиков» и складывается достижение нашего общего результата. Успеха всем участникам и плодотворной работы!

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО Е.С. СЖЕНОВА

Сженов Евгений Станиславович,
Экспертно-аналитический центр «Научно-образовательная политика»,

Уважаемые участники круглого стола!

В современных условиях возрастает значимость интеграции научного подхода в процессы принятия политических и социальных решений, что способствует повышению их обоснованности и уровня общественного доверия. Примером такого подхода служит деятельность Комитета по молодежной политике государственной Думы РФ, где решения, касающиеся долгосрочного развития молодежной сферы, формируются на основе аналитических данных и экспертных оценок академического сообщества. Подобная практика не только усиливает доказательную базу, но и укрепляет доверие к институтам власти, что особенно важно в условиях вовлеченности граждан в масштабные социальные и политические процессы.

Особое внимание в данном контексте уделяется роли семьи как ключевого института, способствующего преемственности в науке, образовании и профессиональной деятельности. Семья выступает не только как социальная ячейка, но и как эффективная модель коллективного принятия решений, что созвучно традиционным ценностям российской культуры.

Поддержка академических династий и семейных традиций в научной среде создает устойчивую мотивацию для молодежи, демонстрируя преемственность знаний и ценностей. Эта тенденция находит отражение и в других сферах, включая предпринимательство и профессиональное образование, где все чаще отмечается вовлеченность целых семей в реализацию проектов, будь то участие в конкурсах платформы «Страна возможностей», развитие бизнеса или обучение в системе СПО.

В центре нашей сегодняшней дискуссии также лежит союз, точка пересечения бизнеса, региональных и федеральных органов власти, науки и общества. Подобное взаимодействие, основанное на принципах семейноцентричности, способствует формированию устойчивых социальных связей и повышает доверие к реализуемым проектам. Когда бизнес и большие общественные проекты строятся не только вокруг одного

«двигателя», одного лидера, а вокруг семейной ячейки — это очень правильный подход, очень близкий и нашей стране, и нашей истории.

В этой связи важным направлением является укрепление сотрудничества таких сообществ, как экспертный клуб «Семья и корпоративная среда» с Российской академией наук, что позволяет усилить фундаментальную основу подобных инициатив и обеспечить их долгосрочную реализацию.

Таким образом, сочетание доказательного подхода, семейных ценностей и межсекторного взаимодействия создает основу для развития доверия и устойчивости социальных институтов, что особенно актуально в контексте современных вызовов. Реализация таких социально значимых проектов, таких как «Папа, расскажи!» и аналогичных им инициатив, требует дальнейшего развития диалога между наукой, образованием и властью, что в конечном итоге способствует консолидации общества и повышению эффективности государственной политики.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО Е.А. МЯКОТНИКОВОЙ

Мякотникова Елена Александровна,
Совет по устойчивому развитию бизнеса, КСО и волонтерству
Торгово-промышленной палаты РФ,

Уважаемые участники круглого стола!

В контексте обсуждения роли корпоративного сектора в поддержке семьи следует отметить, что в России исторически сложились уникальные практики социальной ответственности бизнеса, включая создание корпоративных детских садов, санаториев и материальную помощь при рождении детей. Эти инициативы демонстрируют глубокую интеграцию семейных ценностей в корпоративную культуру, что требует дальнейшего изучения и масштабирования.

Важным шагом в этом направлении стал проект Нижегородской области — цифровой навигатор мер поддержки семей, который персонализирует доступ к социальным услугам, что соответствует принципам семейноцентричного подхода в государственной политике.

Несмотря на то, что 2024 год был Годом семьи, системных изменений в общественном восприятии семейных ценностей пока так и не произошло. Однако отдельные публичные события, такие как выступления на ПМЭФ представителей власти с членами семей, а также резонансные высказывания медийных личностей свидетельствуют о формировании нового тренда — «моды на семью». Этот феномен требует осмысления как социально-культурный механизм трансформации общественных норм.

Ключевая проблема заключается в необходимости перехода от разовых акций к устойчивой институционализации семейных ценностей, в том числе через корпоративные и общественные площадки. Важно создавать среду, где участие в мероприятиях с семьёй становится естественной практикой, а не исключением. Роль нашего круглого стола и

подобных ему дискуссионных платформ – в формировании новой «смыслотеки», которая легитимирует семью как социально одобряемый и престижный образ жизни.

Уважаемые коллеги! В качестве резолюции сегодняшней встречи предлагаю закрепить на уровне профессионального и экспертного сообществ тезис о том, что популяризация семейных ценностей должна стать частью национальной культурной политики. Это соответствует историческому «ДНК России» и способствует устойчивому развитию общества. Для реализации этой задачи необходимо объединение усилий бизнеса, государства и науки, а также дальнейшие исследования эффективности конкретных мер поддержки семьи в корпоративном и государственном секторах.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО А.С. ЗОЛОТОРЕВСКОЙ

Золоторевская Анна Станиславовна
Гильдия устойчивого развития, КСО и социального предпринимательства,
Центр ответственного ведения бизнеса при Московской Торгово-
промышленной палате,
Москва, Россия

Приветствую всех участников и спикеров круглого стола!

В рамках деятельности Гильдии устойчивого развития при Московской торгово-промышленной палаты (МТПП) ключевое внимание уделяется созданию условий для вовлечения малого и среднего предпринимательства (МСП) в повестку устойчивого развития бизнеса. Основная задача – адаптация стандартов и практик крупных компаний по корпоративной социальной ответственности (КСО) для МСП, что включает разработку доступных инструментов и упрощённой терминологии, формирование понимания значимости социальной ответственности и внедрение КСО-программ в бизнес-процессы малого и среднего бизнеса. Особое значение приобретает реализация программ по поддержке семей, которые решают социальные задачи и служат эффективным инструментом кадровой политики – поддержка семьи укрепляет мотивацию сотрудников и повышает стабильность кадров.

Важным аспектом работы Гильдии является обеспечение соответствия бизнеса требованиям цепочек ответственных поставок заказчика, что подразумевает учёт критериев и ценностей его КСО-программ. Это стимулирует компании, особенно МСП, активнее включаться в такие цепочки, расширяя рынок сбыта. Заключение контрактов и продвижение экологичной продукции, отвечающей ожиданиям покупателей, укрепляет лояльность клиентов, партнёров и государственной власти, что является важным конкурентным преимуществом.

Мотивация достигается через интеграцию КСО-программ в систему оценки деловой репутации, включая экологические показатели, кадровую политику и взаимодействие с государственными органами. Особое внимание

в кадровой политике уделяется поддержке семьи, что помогает формировать отраслевые КСО-программы, органично встроенные в бизнес-процессы и повышающие устойчивость компаний.

Ежегодная специальная номинация национальной премии «Золотой Меркурий» – «Лучшие практики ответственного бизнеса: цепочки ответственных поставок (ОЦП)» – служит эффективным инструментом сбора практик и разработки методологий оценки компаний по отбору и управлению поставщиками в ответственных цепочках. Премия способствует обмену опытом между компаниями разного масштаба и формированию единых критериев оценки с учётом требований ответственных заказчиков.

Эта номинация даёт возможность выявлять и распространять лучшие практики устойчивых цепочек поставок, а также создавать практические методики, помогающие МСП внедрять КСО-ценности и соответствовать отраслевым стандартам. В следующих этапах премии планируется включить критерии оценки согласно Национальному стандарту ГОСТ Р 72119–2025 «Меры поддержки "Корпоративный демографический стандарт"», что усилит акцент на семейной политике в бизнесе.

Основное препятствие для внедрения и публичного представления социальных программ бизнеса, включая семейноориентированные инициативы, а также их использования в формировании имиджа ответственного предприятия, – низкая информированность компаний о возможностях повышения деловой репутации через социально ориентированные программы, соответствующие государственным и международным трендам устойчивого развития.

Для преодоления этой преграды необходимо активизировать деятельность сети торгово-промышленных палат и расширить сотрудничество с профессиональными объединениями и экспертными сообществами.

Опыт Гильдии устойчивого развития, успешно взаимодействующей с крупным бизнесом, доказывает эффективность оценки ответственных цепочек поставок по международным и национальным стандартам. Это создает прочный фундамент для расширения тематики мероприятий, включая поддержку семейной политики, что способствует повышению социальной ответственности и конкурентоспособности бизнеса.

Для успешного развития корпоративных социальных программ, ориентированных на семейную политику, критически важна гармоничная интеграция соответствующих критериев национального стандарта в систему оценки деловой репутации. Не менее важны образовательные и методические инициативы, а также активное межсекторное взаимодействие через платформы Московской ТПП и профильные советы.

Такой комплексный подход формирует устойчивую и эффективную экосистему корпоративной семейной политики, значимо повышая социальную ответственность бизнеса и укрепляя доверие со стороны партнеров и заказчиков. Практический опыт разработки и внедрения подобных программ подтверждает, что именно системный подход позволяет бизнесу уверенно соответствовать современным стандартам социально ответственного развития.

БЛОК 1. «СЕМЕЙНОЦЕНТРИЧНАЯ КОРПОРАТИВНАЯ ПОЛИТИКА: НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ВЗГЛЯД, АКТУАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ»

От корпоративной стратегии к семейноцентричной экономике. Анализ исторических моделей и современные вызовы

Ручьева Ольга Евгеньевна,
Экспертный клуб «Семья и корпоративная среда»,
Образовательно-консалтинговый центр «Умная страна»,
Хаб семейных программ и проектов «Семья 3.0»
Москва, Россия, family_3.0@umstrana.ru

Исторический опыт России последних трёх десятилетий демонстрирует смену экономических моделей, каждая из которых пыталась решить задачи экономического роста и социальной стабильности. В 1990-е годы доминировала либеральная модель, ориентированная на рыночные реформы, приватизацию и развитие частного предпринимательства, что привело к значительным социальным потрясениям, росту неравенства и экономической нестабильности. Начиная с 2000-х годов произошёл переход к модели государственного капитализма, где ключевую роль стали играть государственные корпорации и институты развития, обеспечившие стабильность в ряде секторов, но не решившие социально-демографические проблемы. Ни одна из этих моделей не смогла преодолеть устойчивый демографический спад, который, по данным Росстата [1], продолжает негативно влиять на экономический потенциал страны, снижая объём валового внутреннего продукта и ограничивая внутренний спрос.

Экономика потребления, основанная на индивидуальных предпочтениях, также не оправдала себя в российских условиях, где демографический дефицит, социальное неравенство и культурные традиции, акцентирующие роль семьи, требуют более комплексного подхода. В этой связи представляется необходимым переход к семейноцентричной экономике – модели, рассматривающей семью как базовый социально-экономический институт и главный субъект устойчивого развития. Исследования McKinsey [2] подтверждают эффективность семейноориентированных программ, демонстрируя снижение текучести кадров и рост производительности, в то время как анализ Всемирного банка [3] указывает на более высокие темпы роста ВВП на душу населения в странах с активной семейной политикой. В России регионы, внедрившие меры поддержки семьи, фиксируют снижение уровня бедности, что подчёркивает потенциал данной модели.

Семейноцентричная экономика предполагает не только демографическую стабилизацию, но и комплексные социально-экономические выгоды, включая снижение бюджетных расходов, повышение

социальной сплочённости и укрепление локальных сообществ. Для бизнеса её реализация означает рост лояльности сотрудников, улучшение корпоративного имиджа и инновационного потенциала, а для общества – повышение качества жизни, доступ к образованию и социальным услугам. Однако успешное внедрение этой модели требует разработки национальной стратегии, объединяющей межведомственное взаимодействие, корпоративные программы и поддержку малого и среднего предпринимательства, а также формирования инфраструктуры, способствующей балансу между профессиональной и семейной жизнью.

Таким образом, семейноцентричная экономика представляет собой стратегически важную альтернативу прежним моделям, не сумевшим обеспечить долгосрочное развитие России в условиях демографического кризиса. Её реализация, основанная на синтезе государственной политики, бизнес-практик и общественных ценностей, способна стать ключевым фактором устойчивого роста, социальной стабильности и гармонизации экономических процессов.

Список литературы:

1. Росстат. Демографические показатели Российской Федерации, 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Demogr_ejegod_2023.pdf
2. McKinsey & Company. Married to the job no more: Craving flexibility, parents are quitting [электронный ресурс]: сайт. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/people-and-organizational-performance/our-insights/married-to-the-job-no-more-craving-flexibility-parents-are-quitting-to-get-it> (дата обращения: 24.05.2025).
3. World Bank. 2024. Global Economic Prospects, June 2024. Washington, DC: World Bank. doi:10.1596/978-1-4648-2058-8.

Развёртывание семейных мультиинфраструктур как метод роста капитализации бизнеса и перехода к демографически-неоиндустриальной модели экономики

Крупнов Юрий Васильевич

Наблюдательный совет Института демографии, миграции и регионального развития, Рабочая группа Совета ТПП РФ по промышленному развитию и повышению конкурентоспособности экономики России «Приоритетные проекты развития промышленности и агропромышленного комплекса», Президиум Совета по градостроительству Союза Архитекторов России, Москва, Россия, kroupnov@gmail.com

Современные дискуссии о демографической политике и семейной поддержке требуют четкого разграничения трех принципиально различных аспектов: кадровой политики, формального стимулирования семейных структур и собственно демографического развития. Кадровая политика,

направленная на заботу о сотрудниках, хотя и способствует их лояльности, не решает демографических проблем, поскольку не затрагивает ключевых факторов рождаемости. Второй аспект – формальные меры поддержки семей (налоговые вычеты, пособия) – также не оказывает значимого влияния на демографические показатели, что подтверждается статистикой: несмотря на декларируемые цели (например, рост суммарного коэффициента рождаемости до 1,7 к 2018 году), реальные значения остаются ниже плановых (1,4), а целевые показатели на 2030 год уже снижены с 1,6 до вероятных [1].

Ключевая проблема демографии заключается не в стимулировании рождения первого ребенка, а в создании условий для перехода семьи ко второму и третьему ребенку. Опыт Китая показывает, что даже жесткие меры контроля рождаемости (политика «одна семья – один ребенок») эффективны для ее снижения, но обратный процесс – рост рождаемости – остается нерешенной глобальной задачей. Современные стимулы (пособия, льготы) не обеспечивают устойчивого демографического роста, поскольку не учитывают системных барьеров [2–3].

Демографическая политика должна быть ориентирована на создание мультиинфраструктуры для многодетных семей, превращающей воспитание детей из «роскоши» в доступную практику. При этом следует учитывать ряд приоритетных направлений. Во-первых, жилищная инфраструктура – проектирование «городков демографического будущего» с участием бизнеса и регионов, где семьи получают доступ к комфортному жилью. Не менее важный аспект – здоровая пища, возрождение практик подсобных хозяйств и контроль качества питания, исключающий зависимость от массовых торговых сетей. Культурная среда – организация доступных культурных мероприятий (концерты, лекции) для формирования ценностных ориентаций. И, наконец, точечная материальная поддержка – создание фондов помощи многодетным семьям для покрытия конкретных нужд для развития детей (например, покупка музыкальных инструментов).

Таким образом, демографический рост возможен только через переход от разрозненных мер к комплексной системе, где семья с несколькими детьми становится общим благом, требующим совместных усилий государства, бизнеса и общества. Это предполагает не только экономические стимулы, но и глубокую трансформацию социальной инфраструктуры, что является вызовом для всех развитых стран. Решение данной задачи требует экспериментальных моделей и долгосрочных проектов, поскольку традиционные подходы доказали свою неэффективность.

Список литературы:

1. Демограф Крупнов: пора осознать, что мы вымирающая страна. URL: <https://www.me-forum.ru/media/news/17079/> (дата обращения: 22.06.2025)
2. Демограф Юрий Крупнов: «Страна не работает и сползает в архайку и гордую деградацию». URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/662599> (дата обращения: 20.06.2025)

3. ООН объяснила беспрецедентное снижение рождаемости в мире. URL: <https://www.gazetametro.ru/articles/oon-objasnila-bespretsedentnoe-snizhenie-rozhdaemosti-v-mire-16-06-2025> (дата обращения: 22.06.2025)

Семейноцентричность 360 как приоритетная стратегическая модель развития бизнеса

Антонова Елена Александровна,
Финансовый университет при правительстве РФ,
Образовательно-консалтинговый центр «Умная страна»,
Экспертный клуб «Семья и корпоративная среда»,
Москва, Россия, e.antonova@umstrana.ru

Анализ преемственности управленческих практик советского периода демонстрирует устойчивость ряда решений, интегрированных в современные бизнес-модели, что подчеркивает значимость синтеза традиционного опыта и инновационных подходов. В этой связи особый интерес представляет разработанная образовательно-консалтинговым центром «Умная страна» модель семейноцентричности 360°, выступающая в качестве научной основы устойчивого развития организаций [1].

Данная концепция интегрирует четыре ключевых направления: клиентов, сотрудников, партнёров и государство (общество), формируя системный подход к управлению, подкреплённый KPI и бизнес-показателями, направленными на повышение эффективности взаимодействия.

Семейноцентричность 360° представляет собой стратегическую модель, расширяющую возможности бизнеса за счёт акцента на семейные ценности как фундаментальный ресурс, влияющий на долгосрочную устойчивость компании.

Для оценки эффективности модели предложены специфические KPI по направлениям: HR, маркетинг, GR, стратегия и другие. Эмпирические данные подтверждают, что семейноцентричность обеспечивает конкретные эффекты для компаний, включая рост удержания ключевых сотрудников, формирование позитивного имиджа работодателя, повышение производительности труда за счёт улучшения эмоционального климата, развитие управленческих компетенций с учётом семейных ролей, а также снижение затрат на рекрутинг и адаптацию персонала.

В условиях растущей конкуренции на рынке труда удержание талантливых сотрудников становится критическим фактором успеха, а баланс между работой и семьёй — ключевым инструментом снижения выгорания и повышения продуктивности. При этом корпоративная социальная ответственность и репутация работодателя напрямую коррелируют с лояльностью клиентов и партнёров, а внедрение семейноцентричных практик способствует снижению издержек, связанных с текучестью кадров и падением эффективности.

Перспективы внедрения разработанной модели связаны с детализацией метрик, сравнительным анализом кейсов внедрения и созданием методик интеграции модели в корпоративные стратегии. Ключевым условием успеха является консолидация усилий учёных и практиков для выработки единой парадигмы семейноцентричной экономики, сочетающей социальную ответственность и бизнес-эффективность.

Несмотря на высокую практическую значимость, термин «семейноцентричность» требует дальнейшей концептуализации в экономическом и управленческом дискурсе. Таким образом, представленная модель семейноцентричности 360° является основой для формирования новой научной школы в России, объединяющей теоретические исследования и прикладные решения.

Список литературы:

1. Семейноцентричность 360° [электронный ресурс]: сайт. URL: <https://scecc.ru/familyprograms> (дата обращения: 24.05.2025)

Семейная и кадровая политика: совмещение усилий государства и бизнеса

Осадчая Ирина Александровна,
АНО «Национальные приоритеты»,
Москва, Россия, i.osadchaya@nationalpriority.ru

При реализации национального проекта «Семья» ключевым приоритетом становится формирование ценностного восприятия семьи в обществе [1-2]. Установленный стратегический показатель предполагает, что к 2030 году 80% населения должны рассматривать семью как основную жизненную ценность. Согласно экспертным оценкам, на формирование семейных ценностей влияют несколько факторов: традиции и паттерны внутри конкретных семей (40%), образование (15–20%), корпоративная культура (15–30%), медиавоздействие (10–20%) и культурные традиции (до 10%).

Особое внимание уделяется коммуникационным кампаниям, направленным на популяризацию семейных ценностей, включая поддержку многодетности, преемственности поколений и семейной солидарности. Важным аспектом остается тема отцовства, в частности, признание роли мужчины в семье и его социальной значимости. При этом коммуникационные стратегии должны исключать морализаторство, сохраняя поддерживающую интонацию, особенно с учетом статистики, свидетельствующей о распаде 70% браков в первые пять лет.

Медиаиндустрия играет существенную роль в долгосрочном изменении социальных паттернов. Совместные инициативы АНО «Национальные приоритеты» с ведущими медиаккомпаниями (такими как

«Газпром-Медиа» и Национальная Медиа Группа) демонстрируют эффективность интеграции семейных ценностей в контент, соответствующий ожиданиям аудитории. Примером успешной практики является разработка межпрограммных заставок, транслирующих идеи семейной преемственности в стилистике конкретных телеканалов [3].

Перспективным направлением представляется вовлечение бизнеса в реализацию социально значимых проектов. В этом направлении, например, работают АНО «Национальные приоритеты» [4] и АНО «Институт развития интернета», которые выступают площадками для совместных инициатив бизнеса, способствующих популяризации семейных ценностей.

Таким образом, формирование устойчивых семейных ценностей требует комплексного подхода, сочетающего государственную поддержку, медиакommunikации и корпоративные инициативы. Долгосрочное воздействие медиаконтента и социально ориентированных проектов способствует трансформации общественного сознания и укреплению института семьи в России.

Список литературы:

1. Национальный проект «Семья» [электронный ресурс]: сайт. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/semya/> (дата обращения: 21.06.2025)
2. НМГ и «Национальные приоритеты» завершают Год семьи социальной кампанией «Счастье там, где семья». URL: <https://xn--80aapamcavoccigmpc9ab4d0fkj.xn--p1ai/news/nmg-i-natsionalnye-priority-zavershayut-god-semi-sotsialnoy-kampaniey-schaste-tam-gde-semya/>
3. Опубликован экспертный доклад о мерах, способствующих совмещению семьи и карьеры. URL: <https://xn--80aapamcavoccigmpc9ab4d0fkj.xn--p1ai/news/opublikovan-ekspertnyy-doklad-o-merakh-sposobstvuyushchikh-sovmeshcheniyu-semi-i-karery/> / (дата обращения: 21.06.2025)

Работодатели, реализующие корпоративные демографические меры: демографические эффекты и новые возможности на региональных рынках труда

Багирова Анна Петровна,
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия, a.p.bagirova@urfu.ru

Вавилова Ася Сергеевна,
Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Уральский федеральный университет,
Новосибирск, Россия, a.s.vavilova@edu.nsuem.ru

В последнее время активно обсуждается включение бизнеса в поддержку государственной демографической политики. В экспертном аналитическом докладе «Совмещение карьеры и семьи – успех демографической и кадровой политики России» (Национальные проекты России) определена необходимость «перепрошить» семейными ценностями трудовые отношения и корпоративные ценности» [1]; рекомендации Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений сторон социального партнерства включают предложения по разработке и реализации мероприятий корпоративной социальной политики по поддержке работодателями работников с семейными обязанностями [2]; введен ЭКГ-рейтинг, замеряющий усилия работодателей в реализации мер, направленных на семьи работников [3]. Российскими учеными предлагается рассматривать корпоративные демографические политики как инструмент, одновременно имеющий потенциал воздействия и на негативные демографические тренды, и на ситуацию на региональных рынках труда, характеризующуюся оттоком высокоценного человеческого капитала [4, 5]. В данном контексте актуализируется изучение представлений работников российских регионов репродуктивного возраста о портрете идеального работодателя, структуре мер поддержки им работников, возможностях влияния реализуемых бизнесом мер на семейные события работников и отношение к работодателям, поддерживающим семьи своих сотрудников.

В октябре 2024 года в Сибирском и Уральском федеральных округах посредством онлайн анкетирования было опрошено 1680 (по 840 от каждого федерального округа) работников репродуктивного возраста (18-49 лет). Организатор полевого этапа исследования – компания «ОнИН». Использовался квотный тип выборки с распределением работающего населения по численности населения субъектов РФ в федеральных округах и по полу. В опросе приняли участие 48,9% мужчин и 51,1 % женщин. Имеют детей 74,6 % опрошенных, из них одного ребенка – 38,6 %, двоих – 23,2 %, троих и более – 5,3 %.

По мнению респондентов, меры поддержки работников и их семей находятся на втором из шести мест в иерархии черт идеального работодателя (выше этих мер расположена только высокая зарплата, ниже – удобный график работы, комфортные условия труда, интересная работа, карьерный рост). Большинство (82,7%) опрошенных сказали о необходимости участия работодателей в поддержке семейной политики; 57,8 % высказались за преобладание в социальном пакете мер, направленных на семьи работников. Большинство респондентов видят возможности работодателя способствовать принятию репродуктивных решений: 77,5 % – о рождении первого ребенка, 75,6 % – второго.

Отношение к работодателям, реализующим меры поддержки семей работников, таково: 20,6 % считают, что такой работодатель создает комфортные условия труда для своих сотрудников; 18,8 % – что привлекает и удерживает хороших работников; 12,2 % – поддерживает курс государства на повышение рождаемости; только 1,4 % указали, что такой работодатель следует модным тенденциям.

Таким образом, по мнению работающего населения, идеальный работодатель, кроме высокой заработной платы, должен предоставлять меры поддержки семьям сотрудников. В большей степени они рассчитывают на поддержку от работодателей именно в реализации семейных, а не личных потребностей. По мнению опрошенных, меры корпоративной демографической политики имеют потенциал влияния на принятие ряда решений семейного цикла. Работники считают, что участие бизнеса в поддержке государственной демографической политики оправдано и значимо и может способствовать привлечению и удержанию сотрудников на предприятиях, что важно для региональных работодателей в условиях кадрового дефицита.

Полученные результаты могут быть использованы для определения возможных эффектов от включения бизнеса в поддержку государственной пронаталистской политики для государства, работодателей и работающего населения, а также создают доказательную базу для разработки механизмов стимулирования со стороны государства предприятий, активно следующих рекомендациям Российской трехсторонней комиссии по разработке и реализации мероприятий корпоративной социальной политики по поддержке работодателями работников с семейными обязанностями.

Благодарность: статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00854, <https://rscf.ru/project/24-18-00854>

Список литературы:

1. Совмещение карьеры и семьи – успех демографической и кадровой политики России. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/upload/semya/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D1%8F%202024.pdf> (дата обращения: 24.05.2025)
2. Рекомендации Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений сторонам социального партнерства по

разработке и реализации мероприятий корпоративной социальной политики по поддержке работодателями работников с семейными обязанностями (утв. решением Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений от 29 ноября 2024 г., протокол N 9пр). URL: <https://base.garant.ru/411110916/> (дата обращения: 20.05.2025).

3. ЭКГ-рейтинг [электронный ресурс]: сайт. URL: <https://xn---etbbhpfд3ахw8i.xn--p1ai/> (дата обращения: 25.06.2025)
4. Багирова А.П., Вавилова А.С., Бледнова Н.Д. Корпоративная демографическая политика как инструмент реализации стратегических интересов государства, бизнеса и персонала // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 3. С. 137–153. doi: 10.15838/esc.2024.3.93.8.
5. Багирова А. П., Нешатаев А. В. Российский работодатель как потенциальный субъект влияния на демографическую ситуацию в регионе // AlterEconomics. 2024. № 21(2). С. 268–285. doi: <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.6>

Корпоративные программы мужского здоровья и активного социального долголетия

Аполихин Олег Иванович,

Общественная палата РФ, Научно-исследовательский институт урологии и интервенционной радиологии имени Н.А. Лопаткина – филиал федерального государственного бюджетного учреждения «Национальный медицинский исследовательский центр радиологии» Министерства здравоохранения

Российской Федерации,

Москва, Россия, apolikhin.oleg@gmail.com

Для любого человека, а в особенности для мужчины, работа является важным, а иногда и определяющим мотивирующим фактором в жизни. Поэтому роль работодателя о продвижении семейной политики и охране репродуктивного здоровья нельзя недооценивать. На первый взгляд, в краткосрочной перспективе, для работодателя может показаться невыгодным увеличение числа детей в семьях их работников из-за длительных декретных отпусков, частых отгулов из-за болезни детей и т.п. Однако, данные научных исследований показывают, что существует множество позитивных эффектов для бизнеса от внедрения программ, ориентированных на поддержку репродуктивного здоровья сотрудников и стимулирование рождаемости.

Чем выше степень дружественной к семье политики, тем выше удовлетворенность семейной жизнью. Связь между удовлетворенностью семейной жизнью и намерением родить ребенка является статистически значимой (OR = 2,954, $p < 0.01$) [1], что указывает на то, что чем выше удовлетворенность семейной жизнью, тем выше намерение родить ребенка.

В частности, существует множество позитивных эффектов для бизнеса от внедрения программ, ориентированных на поддержку репродуктивного здоровья сотрудников, стимулирование рождаемости в их семьях. Например, повышение привлекательности организации, увеличение возможностей найма высококвалифицированных сотрудников, снижение текучести кадров, рост удовлетворенности работников условиями труда, повышение производительности труда.

В настоящее время в России многие крупные работодатели, такие, как «Транснефть», «Русгидро», «Внешэкономбанк», «РЖД» внедряют практики по повышению рождаемости. Они направлены на улучшение внутрисемейных отношений, повышение престижа института семьи, обеспечивают дополнительные выплаты, направленные на улучшение материального положения семей с детьми, корректируют режим работы для женщин с детьми дошкольного и младшего возраста, а также проводят адаптацию женщин, приступающих к работе после декретного отпуска.

Вместе с государственными органами компании могут быть участниками политики профилактики нарушений репродуктивного здоровья. Планы корпоративной социальной ответственности могут быть дополнительно мобилизованы для продвижения политики поддержки родительства, например, посредством финансирования мест по уходу за детьми для их сотрудников или установления гибкого графика и удаленной работы. Менеджеры могли бы быть более осведомлены о проблемах бесплодия и возможностях ВРТ, чтобы облегчить профессиональную жизнь соответствующих мужчин и женщин. Врачи-профессионалы также должны быть лучше обучены по проблеме бесплодия, чтобы играть более активную роль в его профилактике.

Для облегчения соответствующих действий, в сентябре 2024 года ФГБУ «НМИЦ терапии и профилактической медицины» Минздрава России, совместно с НИИ урологии и интервенционной радиологии им. Н.А. Лопаткина были разработаны методические рекомендации «Сохранение и укрепление репродуктивного здоровья работающих граждан».

Поэтому перед государственными органами стоит вопрос о том, чтобы побудить компании лучше учитывать родительские планы своих сотрудников и сделать компанию полноправным игроком в профилактике бесплодия. Компания также несет ещё большую ответственность, когда её сотрудники работают в среде, вредной для фертильности (воздействие химических веществ, график работы, неблагоприятный для фертильности, стресс и т. д.).

Таким образом, абсолютно необходимым компонентом борьбы с репродуктивными нарушениями является взаимодействие с работодателями. Они играют важную роль не только в профилактике негативного воздействия профессиональных вредностей на репродуктивное здоровье, но и должны стимулировать работников к формированию семьи. Делать это предполагается путем предоставления льгот, преференций и бонусов работникам, состоящим в зарегистрированном браке и имеющим детей.

Список литературы:

1. International Journal of IT-based Social Welfare Promotion and Management Vol. 6, No. 1 (2019), pp.1-6

Сильные отцы — сильные компании: интегральный подход к развитию мужского кадрового потенциала и его влияние на устойчивость компаний

Анисимов Владимир Петрович,
Российская Академия Естествознания,
Общество с ограниченной ответственностью «Институт арт-педагогики»,
Москва, Россия, anisimov_vladimi@mail.ru

Чегодаев Алексей Михайлович,
Экспертный клуб «Семья и корпоративная среда»,
Всероссийская общественная организация «Союз отцов»,
Москва, Россия, che9060380207@gmail.com

В контексте антропологического кризиса маскулинности и его воздействия на социально-экономические системы, проблема отцовства выходит за рамки частной сферы, приобретая стратегическое значение для корпоративного сектора. Практические исследования, проводимые с 2016 года в сотрудничестве с советами отцов и корпорациями, выявляют глубокий системный кризис идентичности. Его ядро заключается не в физическом отсутствии отца, а в утрате им фундаментальной роли, что проявляется в размытии социальных и духовных ориентиров. Это ведет к недооценке феномена «экзистенциальной безотцовщины» — ситуации, когда отец присутствует физически, но отсутствует как смысловая и моральная опора, что деструктивно влияет на все уровни социальной организации, включая корпоративную культуру и экономическую эффективность.

Первой ключевой проблемой является кризис идентичности современного мужчины, который представляет собой системную угрозу для корпоративной стабильности. Как показывают исследования, мужская самоидентификация все чаще сводится к профессиональным достижениям в ущерб осознанию роли отца и преемственности рода. Эта «диффузия идентичности» (Эриксон) напрямую влияет на лояльность сотрудника: он воспринимает компанию как временный источник валидации, а не как часть своей социальной экосистемы. Опыт предприятий, подобных заводу в Клине, демонстрирует обратную зависимость: системная работа с ценностями отцовства и семьи напрямую способствует росту вовлеченности и снижению текучести кадров, обеспечивая долгосрочную устойчивость трудового коллектива.

Вторая проблема кроется в ценностном конфликте между гиперконкуренцией и качеством отношений. Доминирование ценностей

соперничества и превосходства, поощряемое в бизнес-среде, деструктивно переносится мужчиной в семейную жизнь, что в итоге разрушает его моральный авторитет и как отца, и как руководителя. Тренинги в рамках проекта «Сильные отцы – сильная компания» [1] выявили парадокс: управленческие требования, которые мужчины предъявляют к детям, часто не подкреплены личным примером и эмоциональным интеллектом, что ведет к потере доверия и в семье, и в рабочей команде.

Третья и четвертая проблемы – подмена целей и дефицит доверия – формируют порочный круг изоляции. Страх перед неопределенностью в семейных отношениях подталкивает мужчин к бегству в работу, где культ «успешного успеха» создает иллюзию контроля. Однако это лишь усугубляет кризис: дефицит искреннего, доверительного общения с другими мужчинами на темы отцовства и семьи лишает их важной поддержки и обмена опытом. Проекты, создающие безопасную среду для такого диалога (например, межкорпоративные тренинги), доказывают, что раскрытие лидерского потенциала и решение сложных управленческих задач начинаются с преодоления личной изоляции и обретения подлинной, а не суррогатной идентичности.

В рамках проекта «Сильные отцы – сильная компания» были разработаны лидерские программы, акцентирующие внимание на семейных ролях и ответственности отцов. Это позволяет не только повысить уровень вовлеченности сотрудников в корпоративные процессы, но и снизить текучесть кадров в пилотных компаниях. Участие в таких инициативах формирует новые модели мужской социализации, возрождая традиционные практики, такие как совместные кулинарные мастер-классы и дворовые инициативы, которые становятся основой для построения доверительных отношений.

Практические результаты проекта «Сильные отцы – сильная компания» демонстрируют, что инвестиции в развитие отцовского потенциала сотрудников являются не элементом социальной ответственности, а стратегическим ресурсом для повышения устойчивости бизнеса. Внедрение корпоративных программ, акцентирующих роль отцовства, позволяет целенаправленно формировать новый тип лидера – зрелого, ответственного и лояльного, чьи компетенции, отточенные в семье (управление, наставничество, эмоциональный интеллект), напрямую транслируются на повышение эффективности рабочих процессов и снижение операционных рисков.

Конкурентные преимущества получают компании, которые переосмысливают отцовство как критически важный актив и интегральную часть корпоративной культуры. Создание гибкой, семейноцентричной среды, сочетающей традиционные ценности с современными HR-технологиями, – это прямой путь к укреплению кадрового резерва, усилению бренда работодателя и формированию устойчивых сообществ вокруг компании.

Перспективным направлением для дальнейших исследований является разработка системы метрик для оценки отцовского потенциала и его конкретного влияния на ключевые бизнес-показатели: производительность, инновационность, лояльность и стоимость найма. Таким образом, целенаправленная работа с темой отцовства позволяет бизнесу не

только решить острые социально-демографические вызовы, но и получить измеримое экономическое преимущество в долгосрочной перспективе, обеспечивая устойчивое развитие, как компании, так и общества в целом [2–3].

В современном мире конкурентоспособность компании определяется не только технологиями, но и качеством ее человеческого капитала. Инвестируя в «сильных отцов», мы целенаправленно выращиваем «сильных лидеров» — ответственных, инициативных и зрелых сотрудников, способных обеспечить устойчивое развитие вашего бизнеса на долгие годы вперед. Это не социальная нагрузка, это стратегическая инвестиция в будущее.

Список литературы:

1. Программа «Сильные отцы — сильные компании» представлена на конкурс идей форума «Сильные идеи для нового времени» [электронный ресурс]: сайт. URL: <https://umstrana.ru/family-3-0/programma-silnye-ottsy-silnye-kompanii-predstavlena-na-konkurs-idey-foruma-silnye-idei-dlya-novogo-v> (дата обращения: 24.05.2025)
2. Анисимов В.П. Институт семьи – основа безопасности ребенка и государства. – М.: ООО Традиция, 2024. – 132 с.
3. Шевченко И. О. Отцы и отцовство в современной России: социологический анализ: [научная монография] / Российский государственный гуманитарный университет. – Москва: Тривант, 2019. – 298 с.

Роль развития родительского интеллекта в повышении эффективности работы с семьями на территориях присутствия компаний

Сулейманова Людсия Масходовна,
Образовательно-консалтинговый центр «Умная страна»,
хаб семейных проектов и программ «Семья 3.0»
Москва, Россия, loudsiya@gmail.com

В современных условиях особую актуальность приобретает исследование родительского интеллекта как ключевого фактора гармоничного развития семьи и профессиональной среды. Эмпирические данные свидетельствуют о высокой эффективности мягкого подхода в работе с родителями, особенно в контексте корпоративных программ, направленных на удержание персонала и повышение вовлеченности. Такой подход, основанный на корректной интонации и эмоциональной поддержке, демонстрирует значительные результаты в снижении внутрисемейного напряжения и формировании устойчивых детско-родительских отношений.

На территориях с традиционно высокой значимостью семьи, таких как регионы Кавказа, наблюдается парадоксальная ситуация: несмотря на

большое количество детей в семьях, там сохраняется проблема разобщенности семейных структур. Это актуализирует необходимость разработки методик, направленных на восстановление позитивных взаимоотношений между родителями, что, в свою очередь, оказывает прямое влияние на эмоциональное благополучие и развитие детей.

Современные исследования подтверждают, что качество отношений между родителями непосредственно коррелирует с жизненными траекториями их детей, включая показатели здоровья, образовательные и карьерные достижения. При этом важно подчеркнуть, что родительские компетенции формируются в процессе личностного роста, а не являются врожденными, что требует пересмотра традиционных подходов к родительскому образованию. Социально-экономический контекст также играет значимую роль: в условиях нестабильности, как показал кейс работы в Белгороде, сплочение семьи становится критически важным ресурсом. Программы, основанные на принципах взаимопомощи и эмоциональной консолидации, демонстрируют высокую эффективность в сложных обстоятельствах, опровергая тренды индивидуализации, доминировавшие в последние десятилетия.

Ключевыми направлениями работы с родителями являются развитие у них эмоционального интеллекта, включая навыки распознавания и регуляции эмоций у детей, а также применение когнитивных методов для адаптации воспитательных стратегий к индивидуальным потребностям ребенка. Особое внимание следует уделять формированию у детей навыков преодоления страхов и стрессов, что невозможно без соответствующей подготовки самих родителей.

В бизнес-среде внедрение подобных программ способствует не только повышению вовлеченности сотрудников, но и укреплению корпоративной культуры через обсуждение значимых социальных тем. Наиболее эффективными форматами реализации таких инициатив представляются создание амбассадорских программ, партнерство с НКО, а также развитие онлайн-платформ для консультационной поддержки. Таким образом, интеграция родительского интеллекта в корпоративные и социальные практики представляет собой перспективное направление, способствующее как личностному благополучию, так и устойчивому развитию общества в целом.

Список литературы:

1. Люция Сулейманова: В обществе есть запрос на сохранение бережных отношений между партнерами [электронный ресурс]: медиаплатформа «Умная страна». URL: <https://umstrana.ru/interview/lyutsiya-suleymanova-v-obshchestve-est-zapros-na-sokhranenie-berezhnykh-otnosheniy-mezhdu-partnerami/>
2. Люция Сулейманова. Официальный сайт [электронный ресурс]: сайт. URL: <https://luciasuleymanova.ru/> (дата обращения 02.06.2025).

Многодетные семьи как стратегический ресурс: ключевой фактор кадрового и социально-демографического развития территорий

Журавлева Елена Константиновна,
Хаб семейных проектов и программ «Семья 3.0»,
Национальная родительская ассоциация
Москва, Россия, 777.74@mail.ru

Многодетную семью нужно рассматривать не как нагрузку, а как инвестицию в устойчивое развитие. Она может быть значимым ресурсом в развитии компаний, в структуре экономики России. Многодетная семья – не нагрузка, а стратегическая инвестиция бизнеса в экономику и общество. Именно она формирует стабильный кадровый потенциал, стимулирует потребительский спрос и способствует социально-демографической устойчивости регионов. Выполняя социальные функции по рождению и воспитанию детей, а также по поддержке старшего поколения, семья способна снизить нагрузку на государство. В России семьи с тремя и более детьми составляют около 11% от общего числа семей – и именно они обеспечивают естественный прирост населения. Этот факт подчёркивает необходимость формирования эффективных мер поддержки и интеграции многодетных семей в корпоративные социальные программы. Предлагаю рассмотреть данный вопрос на примере факторов многодетности, исследуемых нами на протяжении 15 лет [1]. Приведём примеры наиболее значимых из них и предположим, как они могут быть интегрированы в корпоративные социальные программы.

Первый фактор – многопоколенность [2]. Организация корпоративных мероприятий с участием трёх поколений способствует укреплению межпоколенческих связей, повышению социальной сплочённости и лояльности персонала, что подтверждается исследованиями корпоративной культуры ведущих компаний.

Второй фактор – опыт многодетности в родительской семье [1]. Современные родители, выросшие в нуклеарных, неполных или малодетных семьях, зачастую не обладают необходимыми знаниями и опытом для создания многодетной семьи. Корпоративные программы, направленные на объединение родителей и передачу им соответствующего опыта, помогут сотрудникам увереннее строить семейные отношения и развиваться в этом направлении.

Третий фактор – система ценностей, формируемая в детстве [1]. Взрослые, как правило, воспроизводят те ценности, которые усвоили в семье, школе и обществе. Ключевое влияние на систему ценностей оказывают семейные традиции, духовно-нравственное воспитание и религия. Внедрение корпоративных детских образовательных учреждений, ориентированных на поддержку семейных ценностей, способствует формированию устойчивого кадрового резерва и снижению текучести кадров. Концепция корпоративной генеалогии усиливает корпоративную идентичность, создавая платформу для передачи семейных традиций и

ценностей, что положительно сказывается на мотивации и производительности сотрудников.

Четвёртый фактор – патриархальная структура семьи как предпосылка многодетности [3]. Акцент на развитии мужского кадрового потенциала рассматривается как стратегический ресурс для повышения устойчивости семей и общества в целом, что требует адаптации корпоративных программ с учётом гендерных особенностей.

Пятый фактор – экономическая функция семьи [1]. Многие современные многодетные семьи живут в лучшем случае на заработную плату родителей, в худшем – на государственные пособия. Создание корпоративных семейных фондов, реализуемых совместно с региональными и социальными инвестиционными фондами, позволит повысить эффективность социальной поддержки многодетных семей и стимулировать рост производительности труда.

Шестой фактор – процесс дезурбанизации. Тенденция развития малых городов и поселений, усиленная переносом офисов из мегаполисов, открывает новые возможности для многодетных семей и способствует развитию малоэтажного строительства, что требует интеграции демографических факторов в корпоративные стратегии развития территорий.

Интеграция факторов многодетности в корпоративную культуру может быть достигнута через создание ценностного ядра, поддерживающего семейные традиции, обучение о важности семейных ценностей и проведение мероприятий, усиливающих взаимопомощь и командное сотрудничество.

Россия многообразна, и каждый регион обладает своими традициями и уникальными особенностями, которые необходимо учитывать при разработке корпоративных социальных программ. Она предложила бизнесу и государству совместно развивать корпоративные демографические программы, учитывающие перечисленные факторы, что позволит обеспечить долгосрочное устойчивое развитие и конкурентоспособность экономики.

Список литературы:

1. Журавлева Е. К., Копцева О. А. Опорные точки многодетности в условиях трансформации современной России // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № S1. – С. 28–37.
2. Русанова Н. Е., Журавлева Е. К. Специфика многодетной семьи в столице: особенности государственного регулирования // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. №77.
3. Русанова Н. Е., Журавлева Е. К. Многодетность в Москве // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2020. № 3-1. С.813–815.

Корпоративная социальная ответственность и семья

Благов Юрий Евгеньевич,
Центр корпоративной социальной ответственности,
Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского государственного
университета,
Санкт-Петербург, Россия, blagov@gsom.spbu.ru

Корпоративная социальная ответственность (КСО) традиционно воспринимается через призму стереотипов, ограничивающих ее понимание как дополнительной, необязательной деятельности бизнеса, направленной на решение социальных проблем. Однако такой подход упускает системный характер КСО, которая представляет собой ответственность компании перед обществом во всех аспектах взаимодействия, включая отношения с потребителями, сотрудниками, местными сообществами и инвесторами [1].

В этом контексте семья выступает ключевым элементом системы заинтересованных сторон. Здоровая семья формирует стабильного потребителя, мотивированного работника и активного участника местного сообщества, что напрямую влияет на устойчивость и эффективность компании.

Демографические проблемы, такие как снижение рождаемости или старение населения, не должны рассматриваться бизнесом исключительно как область благотворительности или государственного регулирования. Напротив, они требуют от бизнеса активного участия, поскольку непосредственно влияют на его конкурентоспособность.

Например, корпоративное волонтерство, часто сводимое лишь к моральному долгу сотрудников, на практике является инструментом развития профессиональных и личностных компетенций, укрепляя человеческий капитал компании. Аналогично, поддержка семьи через корпоративные программы (гибкий график, льготы, образовательные инициативы) не только соответствует этическим нормам, но и способствует долгосрочной экономической выгоде, повышая лояльность и продуктивность персонала.

Опасность искусственного разделения экономических и моральных аспектов в бизнесе приводит к неэффективным решениям. Капиталистическая система, в которой функционируют компании, требует осознания взаимосвязи между социальной ценностью и прибыльностью в рамках рутинного конкурентного поведения. Государственные меры, такие как налоговые льготы за демографические инициативы, безусловно, важны, но не должны быть единственным стимулом.

Компании необходимо интегрировать демографическую повестку в стратегию развития, понимая, что устойчивость бизнеса зависит от благополучия общества, частью которого он является [2]. Таким образом, КСО в контексте демографии – это вопрос не разовых акций, а комплексного решения межфункциональных задач, требующих координации между HR, маркетингом, PR и топ-менеджментом. Только такой подход позволит преодолеть стереотипы и создать устойчивые модели взаимодействия бизнеса и общества.

Список литературы:

1. Благов, Ю. Е. Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции: монография / Ю. Е. Благов. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2011. – 272 с. – ISBN 978-5-9924-0066-3.
2. Blagov, Y.E., Petrova-Savchenko A.A. The transformation of corporate sustainability model in the context of achieving the UN SDGs: evidence from the leading Russian companies // Corporate Governance: The International Journal of Business in Society, 2021, Vol. 21 No. 2. – P. 307–321.

Мониторинг социально-демографических процессов в регионах на базе цифровых технологий

Безвербный Вадим Александрович

Московский государственный институт международных отношений МИД РФ,
Москва, Россия, vadim_ispr@mail.ru

Современное развитие демографической науки в России находится на этапе кардинального преобразования, обусловленного внедрением передовых цифровых технологий и интеграцией междисциплинарных подходов [1]. Традиционные методы статистического анализа населения, базирующиеся на агрегированных таблицах, даже при их высокой детализации (например, охват более 155 тыс. населённых пунктов), сегодня недостаточны для комплексного анализа и эффективной визуализации пространственно-временной динамики демографических процессов. Проблема усугубляется фрагментарностью источников данных и запаздыванием информации, что существенно ограничивает возможности своевременного принятия управленческих решений и оценки результативности демографической политики.

В этих условиях создание комплексной, доступной и автоматизированной системы мониторинга демографических процессов становится не просто задачей научного интереса, но необходимым условием формирования эффективной государственной и региональной демографической политики [2]. Россия сталкивается с вызовами депопуляции, старения населения, неравномерности расселения и миграционного оттока из ряда регионов. Их анализ невозможен без синтеза инструментов цифровой демографии, пространственной аналитики и искусственного интеллекта, что отражает мировой тренд в развитии демографической науки [3].

Под эгидой МГИМО МИД России и Института демографических исследований ФНИСЦ РАН с 2022 года реализуется ряд крупномасштабных проектов, направленных на формирование новой парадигмы мониторинга и анализа социально-демографических процессов в России. В 2024 году коллективом был создан демографический дашборд, агрегирующий

показатели рождаемости, смертности, миграции и возрастной структуры для 155 тыс. населённых пунктов и более 20 тыс. муниципалитетов РФ.

Продукт демонстрировался на выступлении в «Доме учёных» РАН; в частности, был представлен модуль классификации опорных населённых пунктов, интегрированный в учебный курс «Геоданные и ГИС» Цифровой кафедры МГИМО [4]. Полученные решения легли в основу заявки на грант Российского научного фонда. В марте 2025 г. проект № 25–78–30004 «Цифровая демографическая обсерватория: ГИС-мониторинг демографических процессов в регионах России с использованием больших данных» получил поддержку Фонда в рамках конкурса Президентской программы мегагрантов и рассчитан на четыре года (2025–2028 гг.).

Ключевая идея проекта заключается в интеграции разнородных источников данных (официальная статистика, пространственно-временные данные, цифровые следы социальных сетей, банковские и телекоммуникационные транзакции) на единой ГИС-платформе с последующим анализом и визуализацией в режиме реального времени. Это принципиально новый уровень аналитики, позволяющий учитывать не только текущие тенденции, но и формировать обоснованные демографические прогнозы, а также моделировать различные сценарии демографического развития территорий.

В системе предусмотрены модули анализа опорных населённых пунктов, половозрастного состава населения, агломераций и миграционных потоков. Особое внимание уделяется изучению и тиражированию положительных региональных практик, например, Сахалинской области и автономных округов Тюменской области, где благодаря комплексному подходу отмечаются демографические результаты выше среднероссийских значений.

Разработанная методология полностью соответствует мировым научным стандартам и трендам, связанным с развитием цифровой и пространственной демографии. Среди основных международных конкурентов и ориентиров можно выделить Институт демографических исследований Макса Планка (Германия), Оксфордский институт интернет-исследований, проекты по пространственно-временной визуализации в Университете Саутгемптона, а также испанский проект Observatory of Demography и британский Suffolk Observatory. Однако российская специфика (пространственная протяженность, уникальные миграционные и этнокультурные паттерны, неоднородность расселения) требует адаптации зарубежных подходов и внедрения оригинальных решений, что и реализуется в рамках текущего проекта.

Методологический базис «Цифровой демографической обсерватории» – это интеграция ГИС-технологий, инструментов машинного обучения и методов пространственно-временного анализа, что обеспечивает выявление скрытых закономерностей и построение моделей на основе больших данных. Для обеспечения комплексности предусмотрено использование API для сбора данных из социальных сетей, мобильных операторов, государственных и корпоративных источников. Особое значение придается методам кластерного, корреляционного и регрессионного анализа, а также агентному моделированию для имитации

поведения отдельных домохозяйств и оценки эффективности различных управленческих стратегий.

К образовательным эффектам проекта относится запуск уникального курса по геоинформационным системам и цифровой аналитике на базе Цифровой кафедры МГИМО, где формируется новое поколение специалистов, обладающих междисциплинарными компетенциями в демографии, экономике, географии и ИТ.

В проект вовлечена команда из ведущих российских ученых в области демографии, региональной экономики, картографии и искусственного интеллекта. Научный коллектив обладает уникальным опытом совместной реализации крупных грантов РНФ и РФФИ.

Проект предусматривает устойчивое развитие через сотрудничество с государственными (МГИМО МИД России) и частными партнерами (Everpoint и 2ГИС), а также привлечение дополнительного финансирования по линии ГЧП и венчурных инвестиций.

Создание «Цифровой демографической обсерватории» позволит не только вывести отечественную демографическую аналитику на уровень лучших мировых практик, но и обеспечит качественно новый уровень научно обоснованной поддержки управленческих решений в условиях пространственно-неоднородного развития России. Полученный опыт будет востребован и в образовательной, и в консалтинговой сфере, а результаты проекта найдут применение как в научных, так и в прикладных задачах государственного управления, региональной и муниципальной политики, развития бизнеса и гражданского общества.

Команда проекта приглашает научные учреждения, ИТ-компании и региональные администрации к партнёрству, чтобы совместно сформировать современную инфраструктуру демографической безопасности страны.

Список литературы:

1. Смирнов А. В. «Цифровой двойник» населения Арктики в демографических исследованиях и управлении развитием территорий // Арктика и Север. 2023. № 53. С. 260–272.
2. Алгулиев Р. М., Алыгулиев Р. М., Юсифов Ф. Ф., Алекперова И. Я. Формирование электронной демографии как эффективного инструмента социальных исследований и мониторинга данных о населении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 4. С. 61–86.
3. Макаров В. Л., Бахтизин А. Р., Сушко Е. Д., Сушко Г. Б. Агент-ориентированная суперкомпьютерная демографическая модель России: анализ апробации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 6. С. 74–90.
4. На Цифровой кафедре МГИМО создана уникальная база данных о 143 тыс. населенных пунктах России. URL: <https://mgimo.ru/about/news/departments/database-gis/> (дата обращения 21.06.2025).

БЛОК 2. «ПРАКТИКИ КОМПАНИЙ»

Лучшие практики поддержки семей в рамках корпоративных программ лидеров ЭКГ-рейтинга

Кузьмина Екатерина Витальевна,
ПАО «Банк ПСБ», Экспертный Совет ЭКГ-рейтинга,
Москва, Россия, kuzminaev@psbank.ru

В современных экономических условиях вопросы социальной ответственности бизнеса приобретают особую значимость, особенно в контексте демографических вызовов, стоящих перед государством. Одним из ключевых инструментов стимулирования социально ориентированных практик является ГОСТ Р 71198–2023 «Индекс деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности (ЭКГ-рейтинг)», разработанный при поддержке полномочного представителя Президента Российской Федерации в ЦФО и реализуемый совместно с Федеральной налоговой службой, ФАС, Счётной палатой и другими институтами [1]. Данный стандарт представляет собой рейтинговую систему, охватывающую более 7 млн компаний (за исключением НКО и финансовых организаций) и направленную на оценку их вклада в социально-экономическое развитие, включая поддержку сотрудников и регионов присутствия.

Методология ЭКГ-рейтинга [2] состоит из двух компонентов: автоматизированного скоринга, основанного на данных государственных реестров (ФНС, Казначейство, ПФР, МВД и др.), и анкетирования, подтверждающего качественные показатели, такие как уровень оплаты труда, социальный пакет, благотворительные и инфраструктурные проекты. Особое внимание уделяется прозрачности трудовых отношений: компании, выплачивающие зарплату «в конвертах» или минимизирующие официальное трудоустройство, получают низкие баллы, что отражает их несоответствие критериям ответственного бизнеса.

Ключевым разделом оценки является кадровая политика, включающая не только достойную оплату труда и социальные гарантии, но и программы, способствующие росту рождаемости – такие как поддержка многодетных семей, выплаты при рождении детей и т. д., – прямо влияющие на демографическую стабильность.

Важным аспектом стандарта является его регуляторная и экономическая мотивация: 14 регионов ЦФО, Забайкальский край и Нижегородская область уже внедрили законы о поддержке ответственного бизнеса, предлагая налоговые льготы, ускоренное подключение к инфраструктуре, льготные займы и прямую коммуникацию с региональными властями. Таким образом, ГОСТ Р 71198–2023 не только формирует прозрачную систему оценки, но и создаёт конкурентные преимущества для социально ориентированных компаний, стимулируя переход бизнеса к устойчивым моделям развития.

ЭКГ-рейтинг демонстрирует высокую эффективность за счёт сочетания автоматизированного анализа данных и экспертной верификации. Его дальнейшее развитие требует расширения межведомственного взаимодействия и тиражирования лучших практик, что в перспективе может стать основой для национальной системы корпоративной социальной ответственности.

Список литературы:

1. ГОСТ Р 71198-2023. Индекс деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности (ЭКГ-рейтинг). Методика оценки и порядок формирования ЭКГ-рейтинга ответственного бизнеса [электронный ресурс]: сайт. URL: <https://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=256999> (дата обращения: 22.06.2025)
2. ЭКГ-рейтинг ответственного бизнеса [электронный ресурс]: сайт. URL: <https://экг-рейтинг.рф> (дата обращения: 20.06.2025)

КПД-рейтинг как метрика образа будущего семейноцентричной компании на примере «СДС и партнеры»

Горелкина Анастасия Викторовна,
АО ХК «СДС», Ассоциация коммуникационных агентств России (АКАР),
ЭКГ-рейтинг
Москва, Россия, Avgorelkina@yandex.ru

В условиях обострения демографического кризиса в России особую актуальность приобретает разработка инструментов, позволяющих бизнесу объективно оценивать эффективность своих социальных программ в сфере поддержки семьи и рождаемости. Если ЭКГ-рейтинг [1] как индекс деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности уже занял свою нишу в системе корпоративных метрик, то предложенный Институтом демографической политики имени Д. И. Менделеева КПД-рейтинг (КПД – коэффициент поддержки демографии) [2] представляет собой новый шаг в этом направлении. Данный показатель, сочетающий в себе элементы социального аудита и демографического анализа, позволяет измерять не только показатели социальной ответственности компании, но и их реальное влияние на демографическую ситуацию.

Методология КПД базируется на трех ключевых метриках: доля сотрудников, состоящих в зарегистрированном браке, среднее количество детей до 6 лет на одного работника и общее число детей на сотрудника. Эти показатели рассчитываются на основе официальных данных (налоговых отчетов, внутренней статистики и т.п.), что обеспечивает достоверность оценки. В отличие от абстрактных критериев социальной ответственности, КПД-рейтинг фокусируется на конкретных демографических эффектах,

связывая корпоративные программы с реальными изменениями в семейной структуре сотрудников.

Опыт АО ХК «СДС» и партнёров (24 тыс. сотрудников, 11 отраслей) демонстрирует практическую значимость данного подхода. Анализ 77 компаний в рамках КПД-рейтинга показал, что в «СДС и партнёры» 57% сотрудников состоят в браке (при среднем значении 55% по выборке), а среднее число детей на сотрудника превышает общероссийские показатели. Как заместитель председателя совета директоров АО ХК «СДС», член совета директоров КАО «Азот» и эксперт ЭКГ-рейтинга могу с уверенностью утверждать, что эти результаты стали возможны благодаря долгосрочной (более 7 лет) политике семейноцентричного подхода в «СДС». Социальные инвестиции всех предприятий холдинговой компании составляют 4,5 млрд в год, при этом семейноцентричные программы поддержки включают не только финансовые (например, выплату 1 млн рублей за рождение ребенка), но и нефинансовые механизмы: корпоративные мероприятия для семей, оплату свадеб для молодоженов-сотрудников, помощь с жильем и т.д. Стоит отметить, что 80% компаний «СДС» также находятся в высшем эшелоне ЭКГ-рейтинга.

Важным инструментом для бизнеса стал корпоративный демографический стандарт, (ГОСТ Р 72119-2025), систематизирующий лучшие корпоративные практики поддержки традиционной российской семьи, отцовства, материнства и детства [3]. Как показывают эти практики, эффективные решения не всегда требуют значительных инвестиций, однако они всегда сопряжены с изменениями в корпоративной культуре.

При этом применение КПД-рейтинга сопряжено с рядом вызовов. Во-первых, демографические изменения носят отложенный характер, и результаты программ могут проявиться лишь через несколько лет. Во-вторых, необходима региональная адаптация методик – так, в российских регионах с устоявшимися семейными традициями (например, в регионах Северо-Кавказского федерального округа) показатели брачности и рождаемости изначально выше, что требует корректировки оценочных критериев. В-третьих, существует проблема сопоставимости данных между компаниями разных отраслей, что может затруднять формирование единой системы оценки.

Важным инструментом распространения успешных корпоративных практик может стать созданная на основе ЭКГ-рейтинга карта ответственного бизнеса [4], цифровая платформа обмена опытом, где можно посмотреть конкретные проекты с оценкой бюджета, эффекта реализации и т.д. Такой подход позволяет создать «цепную реакцию» внедрения эффективных решений, особенно среди малого и среднего бизнеса, который часто испытывает дефицит ресурсов для разработки собственных программ.

В заключение следует отметить, что КПД-рейтинг, как измерительный инструмент, находится в стадии становления, и его дальнейшее развитие требует междисциплинарного подхода, сочетающего методы демографии, экономики труда и корпоративного управления. Особую ценность представляет переход от оценки исключительно экономических показателей эффективности бизнеса к учету его социально-демографической результативности, что соответствует современным тенденциям устойчивого

развития. Последовательная реализация этого подхода может способствовать формированию новой семейноцентричной парадигмы корпоративной социальной ответственности, где поддержка семьи и рождаемости займет центральное место в стратегиях российского бизнеса.

Список литературы:

1. ЭКГ-рейтинг ответственного бизнеса [электронный ресурс]: сайт. URL: <https://экг-рейтинг.рф> (дата обращения: 20.06.2025)
2. КПД-рейтинг. Корпоративная поддержка демографии [электронный ресурс]: сайт. URL: <https://кпд-рейтинг.рф> (дата обращения: 20.06.2025)
3. ГОСТ Р 72119-2025. Меры поддержки «корпоративный демографический стандарт». Правила формирования корпоративных программ. Методика оценки работодателей (формирование КПД-рейтинга) [электронный ресурс]: сайт. URL: <https://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=266762> (дата обращения: 25.06.2025)
4. ЭКГ-карта ответственного бизнеса [электронный ресурс]: сайт. URL: <https://карта-ответственного-бизнеса.рф> (дата обращения: 20.06.2025)

«HAPPY JOB»: когда микроклимат компании сильнее макроконтекста

Никулина Ирина Валерьевна,
ООО «Буарон»,
Москва, Россия, irina.mochon@gmail.com

Вопросы корпоративной социальной ответственности и заботы о сотрудниках традиционно рассматриваются через призму государственного стимулирования или внешнего давления на бизнес. Однако практический опыт ООО «Буарон» [1] демонстрирует, что инвестиции в благополучие персонала и их семей являются не только этическим императивом, но и стратегическим фактором устойчивого развития бизнеса.

Эмпирические данные подтверждают, что системные программы поддержки сотрудников снижают уровень текучести кадров на рекордные показатели, уменьшают риск профессионального выгорания на 70% и повышают вовлеченность: 69% работников, чувствующих заботу компании, не рассматривают смену работодателя.

Ключевым элементом успешности внедрения подобных программ в компании «Буарон» стало смещение фокуса с индивидуальных программ для сотрудников на вовлечение их семей. Так, инициативы, направленные на совместную деятельность (например, семейные спортивные челленджи или кулинарные мастер-классы), привели к значительному росту мотивации и лояльности. Этот подход также стимулировал генерацию социально значимых проектов. Так, идея сотрудников о поддержке семей с людьми с

ограниченными возможностями трансформировалась в бесплатный онлайн-курс инклюзивной йоги, получивший профессиональное признание [2].

Результаты пятилетнего внедрения программ благополучия включают не только качественные изменения корпоративной культуры, но и измеримые экономические эффекты. Компания достигла минимальной текучести кадров за всю историю, сократила количество дней нетрудоспособности и возглавила отраслевые рейтинги по оценке Харру Index («Индекса Счастья») [3], что подтверждает прямую корреляцию между заботой о семьях сотрудников и продуктивностью бизнеса.

Таким образом, отказ от патерналистской модели («государство должно стимулировать») в пользу добровольных инициатив, ориентированных на системную поддержку сотрудников и их близких, формирует устойчивую конкурентную преимущество и способствует созданию социального капитала компании.

Список литературы:

1. Официальный сайт ООО «Буарон» [электронный ресурс]: сайт. URL: <https://boiron.ru/> (дата обращения: 24.05.2025)
2. Победители SM Awards 2025 – Silver Mercury [электронный ресурс]: сайт. <https://silvermercury.ru/winners/dostupnaya-yoga-2025-5656>(дата обращения: 20.06.2025)
3. Фармкомпания «Буарон» удостоена престижного сертификата «Отличное место для работы» [электронный ресурс]: сайт. <https://boiron.ru/news/farmkompaniya-buaron-udostoena-prestizhnogo-sertifikata-otlichnoe-mesto-dlya-raboty> (дата обращения: 25.06.2025)

Инвестиции в будущее: корпоративные программы поддержки семей и их вклад в демографическую стабильность

Имаметдинова Надия Анверовна,
ПАО «Совкомбанк»,

Москва, Россия, hr@sovcombank.ru

Вопрос демографического развития России требует комплексного подхода, включающего не только государственные меры, но и активное участие бизнеса, особенно крупных работодателей. Как показывает практика ПАО «Совкомбанк» [1], корпоративные программы поддержки семьи и родительства способны существенно влиять на репродуктивное поведение сотрудников, формируя стабильность и уверенность в завтрашнем дне. Важным элементом такой политики является материальная помощь при рождении детей: выплаты варьируются от 50 тыс. рублей за первого ребенка до 200 тыс. рублей за третьего и последующих, что создает финансовый стимул. Однако одних денежных мер недостаточно – необходимы системные решения, охватывающие все этапы жизни сотрудника.

В этой связи ключевым направлением работы становится создание условий для социализации и формирования дружественных связей и пар внутри коллектива. Организация совместных мероприятий (коворкинги, корпоративные поездки, занятия в спортивных секциях) способствует этому. Поддержка таких инициатив включает программы переезда, материальную помощь при вступлении в брак, а также популяризацию семейных ценностей через внутренние коммуникации. Например, конкурс стартапов «Лига Достижений» ежегодно объединяет около 6 тысяч сотрудников, а публичные истории пар-коллег (включая предложение руки и сердца на корпоративном мероприятии) усиливают вовлеченность и лояльность.

Особое внимание уделяется психологическому сопровождению: привлечение психологов и экспертов по семейным отношениям помогает сотрудникам преодолевать личные кризисы. Тематические выпуски корпоративных программ (например, ко Дню семьи, любви и верности) вызывают высокий отклик, что свидетельствует о востребованности открытого обсуждения деликатных тем. Дополнительным инструментом поддержки репродуктивного выбора стал льготный кредит на ЭКО под 1%, устраняющий барьеры для пар с бесплодием и позволяющий приблизить радость материнства.

Комплекс мер включает и постнатальные инициативы: детское ДМС, выплата родителям будущих первоклассников для подготовки к школе, программы детского отдыха и образовательной поддержки (подготовка к школе, ОГЭ и ЕГЭ). Для укрепления семейных связей организованы совместные поездки, субсидируемые отпуска и мероприятия на выходных. За полтора года объем инвестиций в подобные программы составил 400 млн рублей, что компания рассматривает не как затраты, а как вклад в долгосрочную лояльность персонала.

Эффективность такой политики подтверждается метриками HR: каждый четвертый новый сотрудник компании приходит по рекомендации друга, что критически важно в условиях высокой конкуренции на рынке труда. Таким образом, интеграция демографических и корпоративных стратегий создает синергетический эффект, где поддержка семьи становится конкурентным преимуществом работодателя. Опыт Совкомбанка демонстрирует, что устойчивость бизнеса и социальное благополучие сотрудников взаимосвязаны, а детализированная забота о «жизненном цикле» работника способна менять демографические тренды на микроуровне.

Список литературы:

1. Работа в Совкомбанке. Совком People [электронный ресурс]: сайт. URL: <https://people.sovcombank.ru/> (дата обращения: 24.05.2025)

«Технология чуда»: как фонд помогает соединить бизнес и региональные вызовы

Маленьких Марина Олеговна,
Благотворительный фонд «Технология чуда»,
Новотроицк, Россия, info@chudotechnology.ru

В условиях депопуляции малых городов России, обусловленной демографическим кризисом и оттоком населения, особую актуальность приобретают инициативы, направленные на создание устойчивой социальной среды и развитие локальной экономики. Благотворительный фонд «Технология чуда» при поддержке компании «Уральская сталь» реализует комплексную программу, ориентированную на решение ключевых проблем моногорода Новотроицка в Оренбургской области [1].

Исследование, проведённое фондом совместно с ЦИОМ, выявило две основные группы факторов миграции: глобальные (дефицит инфраструктуры, медицины, образования) и социально-психологические, связанные с ограниченными возможностями самореализации, особенно среди женщин, являющихся супругами работников предприятия. В ответ на эти вызовы фонд разработал стратегию, включающую поддержку женского предпринимательства как инструмента снижения оттока населения.

Примером успешной практики стало создание сыроварной мастерской, организованной женщиной, освоившей ремесло сыроварения во время пандемии COVID19.

Проект не только обеспечил занятость, но и сформировал в Новотроицке «третье место», пространство для социального взаимодействия, что особенно значимо в условиях малых городов с ограниченной досуговой инфраструктурой.

Параллельно фонд реализует программу сопровождаемого трудоустройства людей с инвалидностью, направленную на преодоление стереотипов и создание инклюзивной среды [2]. С ноября 2023 года десятки участников были трудоустроены в подразделениях «Уральской стали», включая непроизводственные направления (пищеблок, охрана, швейная фабрика). Ключевым элементом программы стало обучение HR-специалистов, что позволило адаптировать процессы найма и интеграции. Примером реализации подобных инициатив могут служить кейс трудоустройства слабослышащих сотрудников, демонстрирующих высокую ответственность, а также история женщины, в 51 год впервые получившей официальную работу.

Для масштабирования этого опыта фонд инициировал создание экспертного совета с участием администрации, бизнеса и социальных учреждений. Регулярные встречи позволяют анализировать эффективность практик, обсуждать кейсы (включая влияние трудоустройства на уровень жизни и социальную вовлечённость) и разрабатывать новые решения. Таким образом, деятельность фонда способствует не только улучшению качества жизни отдельных групп населения, но и формированию устойчивой

экономической модели малого города, основанной на принципах инклюзии и предпринимательской инициативы.

Список литературы:

1. Фонд «Технология чуда»: благотворительность в интересах города. URL: <https://технологиячуда.рф/news/tpost/Or9h7cu8v1-fond-tehnologiya-chuda-blagotvoritelnost> (дата обращения 22.06.2025).
2. Эксперты с безграничными возможностями. URL: <https://технологиячуда.рф/news/tpost/k86tfcxl61-eksperti-s-bezgranichnimi-vozmozhnostyam> (дата обращения 22.06.2025).

Поддержка многодетных семей, семей с детьми до 5 лет и беременных женщин

Туркова Санубар Сафа-кызы,
Дирекция по коммуникациям и корпоративной социальной ответственности
АШАН Ритейл Россия,
Москва, Россия, s.turkova@auchan.ru

В рамках обсуждения важности государственной политики, направленной на улучшение демографической ситуации в России, следует отметить значимость взаимодействия бизнеса и государства в этой области. Крупные торговые сети, такие как АШАН, принимают на себя роль социально ответственных работодателей и партнеров. В этой связи компания демонстрирует активную позицию, реализуя социальные программы, направленные на поддержку различных категорий граждан [1].

Сеть АШАН в России охватывает 100 городов, насчитывает 230 магазинов и 25 тысяч сотрудников, что подчеркивает её масштаб и влияние. Программа лояльности компании, насчитывающая 13,5 миллионов зарегистрированных пользователей, является ярким примером успешной интеграции социальных инициатив в бизнес-практику. Бюджет благотворительного фонда «Поколение АШАН» [2] на 2024 год составил более 88 миллионов рублей, что свидетельствует о серьезных намерениях компании в области социальной ответственности.

Компания предлагает широкий спектр социальных льгот для своих сотрудников и их семей, включая добровольное медицинское страхование, программы поддержки в области спорта и образования. Особое внимание уделяется семьям с детьми, многодетным семьям и беременным женщинам, для которых предусмотрены специальные кешбэки и скидки на товары первой необходимости. Важно отметить, что АШАН стал первой торговой сетью, внедрившей возможность использования электронных удостоверений многодетных семей, что упрощает процесс получения льгот.

Благотворительная деятельность компании охватывает более 15 тысяч детей и включает в себя реализацию 238 проектов, среди которых помощь первоклассникам, новогодние акции и программы по обучению

кулинарии для детей с ограниченными возможностями [3]. Эти инициативы не только поддерживают социально уязвимые группы, но и способствуют формированию позитивного имиджа компании в обществе.

Таким образом, АШАН демонстрирует, что торговля может быть не только коммерческой, но и социальной деятельностью, направленной на улучшение качества жизни граждан. Взаимодействие бизнеса и государства в сфере социальной ответственности открывает новые горизонты для поддержки семей и детей, что в свою очередь может стать основой для дальнейшей коллаборации и интеграции социальных инициатив в бизнес-модели.

Список литературы:

1. АШАН. Устойчивое развитие [электронный ресурс]: сайт. URL: <https://www.auchan.ru/help/company/charitable-foundation> (дата обращения 21.06.2025)
2. Благотворительный фонд «Поколение АШАН» [электронный ресурс]: сайт. URL: <https://pokolenie-auchan.ru> (дата обращения 21.06.2025)
3. Год добрых дел: как благотворительный фонд компании АШАН Ритейл Россия помог тысячам людей по всей стране URL: <https://www.retail.ru/rbc/pressreleases/god-dobrykh-del-kak-blagotvoritelnyy-fond-kompanii-ashan-riteyl-rossiya-pomog-tysyacham-lyudey-po-vs> (дата обращения 21.06.2025)

Семейные блоги и контент как элемент укрепления семейных ценностей

Куликова Анна Сергеевна,
Продюсерский центр «Инсайт Люди»,
Москва, Россия, info@insightpeople.ru

Вопрос влияния социальных сетей на формирование ценностей и установок современного человека обсуждается в общественной дискуссии недостаточно активно, несмотря на их возрастающую роль в повседневной жизни. В отличие от традиционных институтов социализации — семьи, образования, профессиональной среды — воздействие цифровых платформ часто остаётся вне фокуса внимания, хотя по данным 2024 года пользователи в среднем проводят в социальных сетях более двух часов в день [1]. Ключевая особенность этого влияния заключается в пассивном характере потребления контента: в отличие от осознанной работы над собой в процессе обучения или психологической коррекции, пользователь не прилагает усилий для усвоения транслируемых норм, что усиливает эффект их бессознательного принятия.

Особую значимость приобретает контент, создаваемый блогерами, чья аудитория исчисляется сотнями тысяч подписчиков. Примером системной работы в этом направлении служит деятельность продюсерского центра

«Инсайт Люди», входящего в «Газпром-Медиа Холдинг» [2]. Продюсерский центр объединяет региональных блогеров в 89 субъектах РФ и обеспечивает инфраструктуру для производства профессионального контента на базе локальных студий контента в 71 регионе.

При этом даже нейтральный или позитивный контент может оказывать неоднозначное влияние, особенно на детскую аудиторию, провоцируя изменения в поведенческих паттернах. Это актуализирует задачу этического регулирования контента, включая ориентацию создателей на минимизацию потенциального вреда.

Перспективным направлением представляется развитие «семейного блогерства» как инструмента трансляции традиционных ценностей, поддерживаемого государственными инициативами, такими как грантовая политика Института развития интернета. Учитывая динамику роста влияния социальных сетей, их роль в формировании культурных и поведенческих норм, в том числе в сфере семейных отношений, будет усиливаться, что требует дальнейшего изучения, профессионального вовлечения и регулирования на институциональном уровне.

Современные исследования демонстрируют, что социальные сети не просто дополняют, но в значительной степени трансформируют традиционные механизмы социализации. В условиях цифровой эпохи контент, создаваемый блогерами, становится одним из ключевых факторов формирования мировоззрения, особенно среди молодёжи.

Важно отметить, что данный процесс носит нелинейный и зачастую противоречивый характер: с одной стороны, социальные сети предоставляют возможности для самореализации, распространения позитивных идей и укрепления социальных связей, с другой – могут способствовать фрагментации сознания, росту поведенческой гиперактивности и некритичному усвоению транслируемых моделей.

Особого внимания заслуживает региональный аспект цифровой социализации. Развитие блогерства за пределами крупных городов, как показывает опыт центра «Инсайт Люди», способствует не только снижению информационного неравенства, но и формированию новых центров культурного и социального влияния. Создание центром локальных студий контента позволяет вовлекать в цифровую среду представителей различных социальных групп, обеспечивая при этом адаптацию контента к местным культурным особенностям.

В контексте семейных блогов наблюдается парадоксальная ситуация: несмотря на относительно небольшой удельный вес (около 3,5% от общего числа блогеров в рамках упомянутого продюсерского центра), их влияние на аудиторию оказывается существенным. Это связано с тем, что семейный контент, даже если он не является основным направлением блога, формирует у подписчиков устойчивые представления о нормах межличностных отношений, родительских ролях и повседневных практиках. В связи с этим возрастает необходимость разработки профессиональных стандартов для создателей подобного контента, включая психолого-педагогическую экспертизу и этические регламенты.

Как показывает практика грантов, выделяемых Институтом развития интернета [3], государственное регулирование данной сферы в виде

поддержки наиболее социально значимых проектов, является необходимым условием для устойчивого развития цифровой среды. Подобное взаимодействие позволяет не только минимизировать риски, связанные с цифровой социализацией, но и раскрыть потенциал социальных сетей как инструмента формирования гражданской идентичности и культурной преемственности.

Таким образом, социальные сети становятся важнейшим агентом социализации в XXI веке, а их влияние на ценностные ориентации и поведенческие стратегии требует дальнейшего комплексного изучения. Развитие профессионального сообщества создателей контента, внедрение научно обоснованных подходов к производству и распространению цифровых материалов, а также выстраивание диалога между всеми заинтересованными сторонами — ключевые условия для обеспечения конструктивной роли социальных сетей в современном обществе.

Список литературы:

1. Digital 2024: Global Overview Report [электронный ресурс]: сайт. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (дата обращения: 21.06.2025).
2. Продюсерский центр «Инсайт Люди» [электронный ресурс]: сайт. URL: <https://insightpeople.ru/> (дата обращения: 21.06.2025)
3. ИПИ. Институт развития интернета [электронный ресурс]: сайт. URL: <https://ири.рф> (дата обращения: 20.06.2025).

Корпоративная социальная ответственность компании в сфере, связанной с домашними питомцами

Саенко Александр Павлович,
Общество с ограниченной ответственность «Четыре Лапы»,
Москва, Россия, alsavisa.sap@mail.ru

В современном обществе домашние питомцы все чаще рассматриваются как полноценные члены семьи, что отражает трансформацию социальных ценностей и моделей поведения. Опыт группы компаний «Четыре Лапы», работающей в сфере товаров и услуг для домашних животных, подтверждает устойчивый тренд на ответственное владение питомцами, что подтверждается масштабами деятельности организации. Приобретение домашнего животного не только формирует у детей навыки заботы и ответственности, но и способствует развитию семейных отношений, поскольку питомец выступает в роли объекта, требующего внимания и особых условий содержания [2].

Особый интерес представляет феномен «пет-родительства», когда супруги или отдельные индивиды заводят питомца для проверки своей готовности к родительской ответственности [3]. Данный концепт, активно используемый в корпоративной практике компании, подчеркивает, что

владелец животного перестает быть просто «хозяином», а становится воспитателем, что отражает глубину эмоциональной и социальной связи между человеком и питомцем. Эта взаимосвязь не является новой: исторические и научные источники демонстрируют устойчивую синергию между хозяином и животным, что подтверждается многочисленными исследованиями и культурными артефактами.

Согласно актуальным данным, около 70% россиян имеют домашних питомцев, что свидетельствует о высокой социальной значимости ответственного владения животными. Подобная статистика указывает на осознанное стремление жителей России к заботе о живых существах, что, в свою очередь, способствует развитию эмпатии, ответственности и укреплению семейных ценностей.

Таким образом, содержание домашних животных можно рассматривать как важный социальный механизм, способствующий формированию ответственного поведения и гармонизации межличностных отношений в семье и обществе.

Питомцы становятся не только объектами заботы, но и зеркалом своих хозяев, отражая их качества и отношение к жизни. Учитывая это, можно с уверенностью рекомендовать заведение домашних питомцев как способ положительного влияния на воспитание навыков ответственного поведения и формирования здоровых семейных отношений.

Список литературы:

1. Официальный сайт «Четыре Лапы» [электронный ресурс]. URL: <https://4lapy.ru/> (дата обращения 22.06.2025)
2. Сеть Четыре Лапы проведут мероприятия для детей вместе с «Движением Первых» URL: <https://moscow.media/moscow/367022482/> (дата обращения 22.06.2025)
3. Итоги Четыре Лапы Феста – главного пет-события 2024 года URL: <https://dzen.ru/a/ZtrY4086e1Qpblyl> (дата обращения 22.06.2025)

ISBN 978-5-4465-4573-5

Научное издание

Социальная динамика населения и человеческий потенциал

Материалы

VII Международной научно-практической конференции

Москва, 26–27 июня 2025 г.

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 30.09.2025

Издатель:

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
имени Н.М. Римашевской – структурное подразделение ФГБУН
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Адрес: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32

Тел. /Факс (499)129-08-01

E-mail: info@isesp-ras.ru